Ким Стэнли Робинсон

МИНИСТЕРСТВО БУДУЩЕГО

Лучший научно-фантастический роман, который я читал вообще.

Джонатан Литем

fanzon

Министерство будущего
Ким Стэнли Робинсон

Аннотация
Ким Робинсон. Министерство будущего
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

99
100
101
102
103
104
105
106
Выражения признательности

Аннотация

Двадцатые годы нашего века. Климат продолжает меняться и жертвы исчисляются миллионами. В 2025 году создается международная организация «Министерство будущего» со штаб-квартирой в Цюрихе. Министерство должно пытаться предотвратить глобальную катастрофу и дать надежду будущим поколениям. Наравне с принятием официальных мер организация быстро приходит к использованию тайных операций… Операций, которые включают в себя массовые диверсии, убийства, финансовые манипуляции, насилие, поддержку радикальных политических движений и идеологий. Ради спасения Земли от полного вымирания дозволено все.

Ким Стэнли Робинсон, основываясь на существующих тенденциях, показывает свое видение возможных событий ближайшего будущего. Панорама, которую он рисует, охватывает все сферы: экономику, политику, технологии, экологию. И что особенно ценно – автор остается оптимистом и видит путь

для спасения человечества.

Ким Робинсон
Министерство будущего

Kim Stanley Robinson
The Ministry For The Future

© 2020 by Kim Stanley Robinson
© С. Рюмин, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Фредрику Джеймисону

1

Воздух становился горячее.

Фрэнк Мэй встал с коврика и дошлепал до окна. Оштукатуренные стены, плитка цвета умбры — как местная глина. Похожие на его дом квадратные многоэтажки с террасами на крышах, куда ночью вылезали жильцы, спасаясь от жары. Сейчас многие из них стояли за достающим до груди парапетом и смотрели на восток. Небо, такого же оттенка, как здания, побледнело в том месте, где должно было взойти солнце. Фрэнк глубоко вздохнул. Душно, как в сауне. Причем в самое прохладное время дня. Он за всю жизнь не выдержал в парилке больше пяти минут, ощущение духоты его не прельщало. Горячая вода еще куда ни шло, но влажный горячий пар — увольте. Фрэнк не мог понять, как кому-то могло нравиться обливаться потом.

Здесь духота повсюду. Если бы Фрэнк заранее немного пораскинул мозгами, ни за что бы сюда не поехал. Город приходился побратимом его собственному, однако городов-побратимов и гуманитарных организаций пруд пруди. Он мог бы

выбрать работу на Аляске. А сейчас глаза заливает едкий пот. Франк весь покрылся испариной, хотя на нем были одни шорты, тоже промокшие, даже на коврике виднелись влажные пятна. Хотелось пить, да только кувшин у ложа давно опустел. По всему городу, как гигантские комары, жужжали торчащие из окон блоки кондиционеров.

Солнце взломало корку горизонта на востоке. Полыхнуло, как ядерный взрыв. Поля и здания ниже ослепительно-яркой точки потемнели; по мере разрастания точки в огненную, вздутую серпом линию, на которую невозможно было смотреть, тени сгустились еще больше. Струящийся от горизонта жар был осязаем, как удар по лицу. Солнечные лучи мгновенно нагрели кожу, вынудив Фрэнка заморгать. Из глаз потекли слезы, он больше не мог ничего рассмотреть. Все стало бурым, бежевым, сверкающим, невыносимо белым. Обычный город в Уттар-Прадеш, шесть часов утра. Фрэнк взглянул на телефон: 38 градусов, по шкале Фаренгейта — 103. Влажность — около 35 процентов. Главное, как они соотносятся. Всего несколько лет назад такое сочетание означало бы самую высокую температуру по влажному термометру из когда-либо зарегистрированных. А сейчас — утро как утро.

Воздух вспороли вопли смятения с крыши дома напротив. Горестные крики издавали две женщины, перегнувшиеся через парапет. На их крыше кто-то не проснулся. Фрэнк тронул пальцем экран телефона и позвонил в полицию. Никто не ответил. Определить, прошел вызов или нет, невозможно. Завыли сирены — далеко, как под водой. На рассвете люди находили изнемогших и тех, кто уже не проснется после долгой душной ночи. Люди звали на помощь. Судя по сиренам, отдельные звонки все же доходили до адресата. Фрэнк еще раз проверил телефон. Заряжен, сигнал есть. Но полицейский участок, в который он звонил несколько раз за последние четыре года, не отвечал. Ждать еще два месяца — пятьдесят восемь дней, слишком долго. Наступило 12 июля, муссон так и не пришел. Надо собраться, выдержать очередной день. Не загадывать наперед. Потом можно будет вернуться в до смешного прохладный по сравнению с этим городом Джексонвиль. Будет, о чем рассказать. Бедолаги с соседней крыши уже ничего не расскажут.

Шум кондиционера внезапно стих. Новые крики отчаяния. Исчез сигнал приема на телефоне. Электричеству каюк. Местный сбой либо полный отказ. Сирены — как голоса богов и богинь, слов-

но весь индуистский пантеон взвыл от горя.

Уже включаются генераторы, двухтактные моторы. Люди запасли на такой случай нелегальный бензин, дизтопливо, керосин. Закон, требовавший использовать сжиженный природный газ, стушевался перед ликом необходимости. И без того грязный воздух скоро набухнет выхлопными газами. Все равно что вдыхать выхлоп прямо из трубы старого автобуса.

Фрэнк закашлялся от самой мысли, машинально припал к кувшину у своего ложа. Кувшин был по-прежнему пуст. Фрэнк спустился вниз, налил в него фильтрованной воды из бака в холодильнике, спрятанном в кладовке. Несмотря на отключение электричества, вода еще сохраняла прохладу. В кувшине-термосе она быстро не нагревается. Для верности Фрэнк бросил в кувшин таблетку йода и плотно завинтил крышку.

Фонд хранил в кладовке несколько генераторов и канистр с бензином, заправки хватит на два-три дня. Это обнадеживало.

В дверь гурьбой ввалились коллеги — Ханс, Азали, Хэзер; у всех красные глаза, растерянность на лицах. «Пошли, — позвали они. — Пора ехать».

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил Фрэнк.

— Нужно позвать на помощь. Весь округ сидит без электричества. Сообщить в Лакхнау. Вызвать врачей.

— Каких врачей?

— Надо же хоть что-то делать!

Коллеги смотрели то на него, то переглядывались между собой.

— Оставьте мне спутниковый телефон. Привезите помощь. Я с вами не поеду — предупрежу людей, что вы вернетесь.

Его соратники смущенно покивали и по одному просочились в дверь.

Фрэнк надел белую рубашку, и она мгновенно пропиталась потом. Вышел на улицу. Шумели генераторы, в перегретом воздухе бурчали выхлопы. «Видимо, подключены к кондиционерам», — подумал он и подавил приступ кашля. Втягивать в себя воздух — все равно что дышать жаром из топки, кашель только усиливался. Горячий пар в легких, попытки подавить кашель лишь усугубляли ощущение жары. К нему подходили люди, спрашивали о помощи. Он обещал, что помощь скоро будет. В два часа пополудни. Приходите к этому времени в клинику. А пока что уводите старых и малых в кондиционированные помещения. В школах, государственных учрежде-

ниях должны быть кондиционеры. Идите туда. Идите на звук генераторов.

В каждой подворотне стояла группа отчаявшихся родственников, ожидающая прибытия «Скорой помощи» или катафалка. Причитать, как и кашлять, слишком жарко. Страшно даже раскрыть рот. Да и о чем говорить? Думать и то невозможно от жары. Но люди все равно подходили. Пожалуйста, сэр. Помогите, сэр.

— Приходите ко мне в клинику в два часа, — повторял Фрэнк. — А сейчас ступайте в школу. Не выходите на улицу, найдите где-нибудь кондиционер. Спасайте первым делом стариков и малышей.

Но где это «где-нибудь»?!

Тут его осенило: «Идите к озеру! Сидите в воде!»

Его не понимали. «Делайте, как во время Кумбха Мелы, когда люди идут в Варанаси, окунаются в воды Ганга, — пытался объяснить он. — Вода избавит от жары, остудит».

Один мужчина покачал головой: «Озеро на солнце. Вода в нем горяча, как в бане. Хуже воздуха».

С любопытством и тревогой, тяжело дыша, Фрэнк спустился к озеру. Люди стояли в подворотнях

зданий. Одни смотрели на него, другие, занятые своими делами, не замечали. Глаза — круглые от переживаний и страхов, красные от жары и едкого дыма, от пыли. На солнце металлические поверхности обжигали пальцы, Фрэнк видел, как от них, точно от жаровни, расходятся волны горячего воздуха. Мышцы превратились в желе; горячей проволокой пронизывающая позвоночник тревога — вот все, что поддерживало его в вертикальном положении. Торопиться не было никакой возможности, хотя очень хотелось. Фрэнк старался не выходить на солнце. Ранним утром эта часть улицы обычно находилась в тени. Выйти на солнце — все равно что нырнуть в костер. Жар гнал человека от одного островка тени к другому.

Подойдя к озеру, Фрэнк не удивился, застав сидящих в нем людей. Наружу торчали одни головы. Коричневые лица, раскрасневшиеся от жары. Над водой, как облако талька, клубился отраженный солнечный свет. Фрэнк сошел на бетонную дорожку, огибающую берег озера с его стороны, присел на корточки и по локоть сунул руку в воду. Вода действительно была теплой, почти как в бане. Он подержал руку в воде, пытаясь определить, что выше — температура тела

или температура озера. В раскаленном воздухе понять трудно. Через некоторое время Фрэнк решил, что вода у поверхности той же температуры, что и кровь в жилах. А значит, намного холоднее воздуха. Даже если она чуть теплее человеческого тела, все равно не так горяча, как воздух. Разница почему-то совсем не чувствовалась. Фрэнк взглянул на людей в озере. В утренней тени, падающей от деревьев и зданий, находилась лишь узкая полоска воды, но и она скоро исчезнет. Потом все озеро будет под солнцем до раннего вечера, пока тени не наползут с другой стороны. Плохо дело. Разве только взять зонтик. Зонтики были у всех. Сколько горожан поместятся в озере — большой вопрос. Не все. Считалось, что в городе проживали двести тысяч человек. Вокруг него — поля, невысокие холмы, другие поселки и городки на всех направлениях. Заведенный порядок не менялся веками.

Фрэнк вернулся в клинику, на первый этаж. Пыхтя, поднялся на второй, в свою комнату. Проще всего лечь и ждать, когда все закончится. Он ввел шифр на сейфе и, открыв дверцу, достал спутниковый телефон. Включил. Батарейка полностью заряжена.

Фрэнк позвонил в Дели, в штаб-квартиру.

— Нам нужна помощь, — сказал он женщине, поднявшей трубку. — У нас нет электричества.

— У нас тоже, — ответила Прити. — Везде отключили.

— Везде?

— В большинстве районов. В Дели, Уттар-Прадеше, Джаркханде, Бенгалии. На западе местами тоже — в Гуджарате, Раджастане…

— Что нам делать?

— Ждать помощи.

— Откуда?

— Не знаю.

— Что говорит прогноз?

— Прекращения жары пока не обещают. Возможно, восходящие воздушные потоки над сушей привлекут прохладный воздух с океана.

— Когда?

— Никто не знает. Область высокого давления огромна. Упирается в Гималаи.

— Где лучше находиться — в воде или на воздухе?

— Конечно, в воде. При условии, что она прохладнее, чем температура тела.

Фрэнк выключил телефон и спрятал его в сейф. Проверил показания счетчика взвешенных частиц на стене — 1300 ppm. Счетчик улавливает

мелкие твердые частицы размером 25 нанометров и меньше. Фрэнк снова вышел на улицу, в тень здания. Так поступали все, никто не вылезал на солнце. Серый воздух висел над городом облаком дыма. Слишком жарко, чтобы воспринимать запахи по отдельности; несло паленым — зноем, пламенем.

Фрэнк вернулся в дом, еще раз открыл сейф, достал ключи от кладовки, вытащил из нее один из генераторов и канистру с бензином. Когда он попытался залить горючее, выяснилось, что бак уже полон. Фрэнк вернул бензин на место и оттащил генератор в угол, к кондиционеру. Шнур питания кондиционера с заоконным блоком был короткий, его включали в розетку на стене под окном. Внутри помещения генератор включать нельзя из-за выхлопа. Снаружи под окном тоже — как пить дать стащат. Люди дошли до ручки. Так что… Фрэнк порылся в кладовке, нашел шнур-удлинитель. Вперед, на крышу, там есть площадка с парапетом, высота — четыре этажа. Удлинитель доставал всего лишь до этажа непосредственно под крышей. Фрэнк спустился, вынул кондиционер из окна на втором этаже и потащил, задыхаясь и обливаясь потом, по ступеням наверх. На мгновение у него закружилась

голова, но тут пот резанул по глазам, и он ощутил внезапный прилив энергии. Открыв окно на четвертом этаже, Фрэнк привел кондиционер в равновесие, прижал его оконной рамой и выдвинул пластмассовые боковые панели, закрыв свободное пространство, оставшееся между кондиционером и боковинами окна. Поднявшись на верхнюю террасу, он запустил генератор, послушал, как чихает и переходит на двухтактный барабанный бой мотор. После первого облачка дыма выхлоп стал неразличим для зрения. Мотор работал довольно громко — люди, конечно, услышат. Звук работающих генераторов доносился из разных частей города. Фрэнк подсоединил удлинитель к генератору, спустился в кабинет на верхнем этаже, воткнул штепсель в кондиционер, включил. Раздался дребезжащий гул. Дохнул горячий воздух. О боже, кондиционер не работает!.. Нет, работает. Если понизить температуру воздуха, поступающего с улицы, на 5–10 градусов, то навскидку внутри будет 30. Есть тень — уже неплохо, жить можно даже с высокой влажностью. Достаточно лечь и расслабиться. Охлажденный воздух будет спускаться на нижние этажи и постепенно заполнит все здание.

Фрэнк попытался закрыть окно на втором эта-

же, где раньше стоял кондиционер. Не тут-то было, раму заклинило. Он принялся лупить кулаками сверху, чуть не разбив стекло. Наконец рама дернулась и поддалась. Теперь на улицу, к ближайшей школе. Маленькая лавка по соседству продавала еду и напитки для школьников и их родителей. Школа была закрыта, лавка тоже, но люди пока не разошлись, некоторых он знал. «У меня в клинике работает кондиционер, — сказал им Фрэнк. — Идем со мной».

Группа людей молча двинулась за ним — шесть-семь семейств, включая хозяев лавки, поспешивших запереть за собой двери. Они пытались держаться в тени, но тень почти полностью исчезла. Первыми шли мужчины, за ними дети, последними — женщины, гуськом, чтобы не выходить на солнце. Разговоры велись на авадхи, а может, на бходжпури — Фрэнк не понял. Сам он немного говорил на хинди, и местные об этом знали. На этом языке к нему обращались, когда хотели что-то спросить, либо говорили с теми, кто мог общаться с ним по-английски. Фрэнк так и не решил для себя, как помогать людям, с которыми невозможно объясниться. Сгорая от стыда и смущения, он наступил на горло боязни продемонстрировать свою несостоятельность

в хинди и начал расспрашивать местных, как они себя чувствуют, где их близкие, есть ли у них приют. Лишь бы не перепутать слова. Люди поглядывали на него с любопытством.

Фрэнк отпер дверь клиники, приглашенные по одному зашли внутрь. Не дожидаясь инструкций, они поднялись по лестнице в комнату с работающим кондиционером и сели на пол. В кабинете мгновенно возникла теснота. Фрэнк спустился на первый этаж и встал за дверью, приглашая всех желающих. Вскоре здание наполнилось под завязку. После этого он запер дверь.

Несмотря на относительную прохладу, люди томились от зноя. Фрэнк бросил взгляд на экран компьютера: температура на первом этаже — 38 градусов. В комнате с кондиционером она, возможно, чуть ниже. Влажность — 60 процентов. Когда высоки и температура, и влажность, дело плохо. В сухой сезон с января по март на Индо-Гангской равнине такой жары и влажности не бывает. Жара без влажности случалась, потом проливные муссонные дожди сбивали температуру, а сплошная облачность приносила облегчение от прямых солнечных лучей. Однако нынешний период жары сильно отличался от других. Безоблачный зной и высокая влажность

— зловещее сочетание.

В клинике было два санузла. Через некоторое время унитазы забились. Очевидно, канализация выходила на станцию очистки сточных вод, работающую, разумеется, на электричестве, и у той не оказалось достаточно генераторов для продолжения работы. Что случилось, то случилось. Фрэнк выводил людей из дома, чтобы они могли справить нужду где-нибудь в переулке, как жители горных деревень Непала, в жизни не видевшие туалета. Первая такая сцена его шокировала, теперь он считал это в порядке вещей.

Иногда люди подступали к нему в слезах и окружали маленькой толпой — расстроенные старики, расстроенные дети. Кое-кто не успевал отпроситься из дома. Он расставил в туалетах ведра, а когда они наполнялись, выносил на улицу и выливал содержимое в сточную канаву, а ведра приносил назад. Умер старик. Фрэнк помог молодым мужчинам вынести тело на крышу, где его завернули в тонкую простыню, а может быть, в сари. Событие пострашнее произошло ночью, когда ту же процедуру пришлось выполнять для грудного ребенка. Пока они несли маленькое тельце на крышу, люди во всех комнатах рыдали. Фрэнк заметил, что в генераторе кончается топ-

ливо, сходил в кладовку за канистрой, заправил агрегат.

Кувшин опустел. Из кранов перестала течь вода. В холодильнике стояли два больших бака с водой, но Фрэнк о них помалкивал. Ночью он потихоньку наполнил свой термос из емкости; вода все еще сохраняла остатки прохлады. И сразу назад, за работу.

В ту ночь умерли четверо. Утром солнце вновь превратилось в пылающую топку, чем оно всегда и являлось, обрушив всю мощь на крышу и лежащих на ней завернутых в полотно мертвецов. Все крыши города, а если посмотреть вниз, то и все тротуары превратились в морг. Весь город превратился в морг, а жара становилась все нестерпимее. Термометр показывал 42 градуса при 60-процентной влажности. Фрэнк урывками проспал всего три часа и теперь тупо смотрел на экран. Генератор еще тарахтел, кондиционер еще трясся, как сломанный вентилятор, в воздухе еще стоял гул других генераторов и кондиционеров. Но толку от этого было мало.

Фрэнк сошел вниз, отпер сейф и еще раз позвонил Прити по спутниковой связи. Она сняла трубку только после тридцати или сорока попыток.

— Что у тебя?

— Послушай, нам нужна помощь. Мы погибаем.

— Как ты думаешь? — яростно огрызнулась она. — Ты один такой?

— Нет, но нам нужна помощь.

— Нам всем нужна помощь!

Фрэнк запнулся. В это трудно было поверить. Ведь Прити в Дели.

— Вы там в порядке? — спросил он.

Ему не ответили. Прити бросила трубку.

Снова появилась резь в глазах. Фрэнк потер их и отправился наверх с отхожими ведрами. Теперь они заполнялись медленнее, желудки людей опустели.

Вернувшись с улицы и открыв дверь, Фрэнк услышал какой-то шорох. Его грубо втолкнули внутрь. Трое молодых парней прижали его к полу, один был вооружен пистолетом размером с собственную голову. Парень направил пистолет на Фрэнка, черный кружочек дула — единственная круглая часть на квадратном рыле пистолета — танцевал прямо перед глазами. Весь мир съежился до размера этого кружочка. Кровь стучала в висках, тело окаменело. Лицо и руки покрылись потом.

— Не двигайся, — приказал один из парней. — Дернешься — ты покойник.

Крики отметили появление грабителей на верхних этажах. Послышался глухой стук останавливаемого кондиционера. В открытую дверь в дом проникало бормотание городских улиц. Прохожие удивленно заглядывали в нее и проходили мимо. Их было немного. Фрэнк старался дышать как можно чаще. Пот неимоверно жег правый глаз. Надо бы сопротивляться, но и жить тоже хотелось. Он будто смотрел на происходящее откуда-то сверху, с лестницы, покинув свое тело и все присущие ему эмоции. Все, кроме жуткого жжения в правом глазу.

Группа молодых людей, топая, спустилась по лестнице с генератором и кондиционером. Они вышли на улицу. Те, что держали Фрэнка, отпустили его. «Нам это нужнее, чем тебе», — объяснил один из них.

Парень с пистолетом осклабился и напоследок ткнул стволом во Фрэнка еще раз. Хлопнула дверь, грабители ушли.

Фрэнк поднялся, потирая места, за которые его держали чужие руки. Сердце не желало успокаиваться. Накатила тошнота. Несколько человек спустились сверху, спросили о самочувствии.

Они беспокоились о нем, переживали, не пострадал ли он. Эта заботливость пронзила душу, Фрэнк вдруг ощутил мощный наплыв эмоций, с которым не мог совладать. Он сел на нижнюю ступеньку, спрятал лицо в ладони и разрыдался как ребенок. Почему-то от слез глаза жгло не так сильно.

Выплакавшись, Фрэнк встал.

— Надо идти к озеру. Там есть вода, там не так жарко. Прохладнее всего в воде и на тротуаре.

Многие женщины приуныли. Одна из них сказала:

— Возможно, вы правы, но там слишком много солнца. Надо дождаться темноты.

— Разумно, — кивнул Фрэнк.

Он отправился в маленькую лавку с хозяином, ощущая нервную дрожь, головокружение и слабость. Духота, как в парилке, навалилась полной мерой, мешок с продуктами и бутылки с напитками, которые он нес в клинику, превратились в неимоверно тяжелый груз. И все-таки он сделал шесть ходок. Как бы плохо он себя ни чувствовал, у него, похоже, сохранилось больше сил, чем у кого-либо другого из его маленькой группы. В пути никто не разговаривал, даже не встречался с ним взглядом.

— Потом можно будет еще взять, — наконец объявил хозяин лавки.

Прошел день. Горестные вопли превратились в сдавленные стоны. Люди изнывали от зноя и жажды, не находя сил на волнение даже при виде смерти своих детей. Покрасневшие глаза на коричневых лицах сопровождали Фрэнка, ходившего между людьми, помогающего относить их мертвых родственников на крышу, где трупы нещадно жгло солнце. Может быть, покойников прокалит жарой и они просто высохнут, как мумии? В таком зное не выживали никакие запахи, все заглушала вонь перегретого пропаренного воздуха. Нет, не совсем. В нос пахнуло гниением плоти. Наверху никто долго не задерживался. Фрэнк насчитал четырнадцать свертков с трупами детей и взрослых. Выглянув за край парапета, он увидел, что другие заняты тем же — работают молча, торопливо, с отсутствующим видом, потупив взор. В отличие от него, никто не смотрел по сторонам.

Еда и вода в клинике закончились. Фрэнк сосчитал количество людей в здании, что было не так-то просто сделать. Получилось пятьдесят два человека. Он немного посидел на ступенях, потом сходил в кладовку и осмотрел имущество. Напол-

нил свой кувшин, от души напился, наполнил снова. Вода не успела сильно нагреться. Осталась одна канистра с бензином; трупы можно сжечь, если понадобится. В кладовке стоял еще один исправный генератор, но его не к чему было подключать. Спутниковый телефон по-прежнему заряжен, но некому звонить. Фрэнк прикинул, не позвонить ли маме. Привет, мама, я умираю. Нет уж.

День по секунде подполз к последнему часу. Фрэнк посовещался с лавочником и его друзьями. Тихо бормоча, все поддержали мысль: надо идти к озеру. Они подняли на ноги людей, объяснили план, помогли тем, кто не мог встать сам и спуститься по лестнице. Таких набралось несколько человек, что вызвало заминку. Пара стариков заявили, что останутся с теми, кто в них нуждается, и придут к озеру позже. Люди прощались как обычно, словно уходили ненадолго, однако в глазах читалось иное. Многие, покидая клинику, не скрывали слез.

Шли к озеру, прячась в предвечерней тени. Жара палила пуще прежнего. На улицах и тротуарах ни души. Внутри зданий никто больше не стенал. Кое-где еще тарахтели генераторы, жужжали вентиляторы. Звуки словно оробели во

взбесившемся воздухе.

На озере они застали сцену отчаяния. В воде сидело множество людей, вся ее поверхность вдоль берега была утыкана точками голов, головы были видны даже в той части озера, которая явно была глубже. Люди лежали, наполовину погруженные в воду, на самодельных плотиках. От поверхности озера, казалось, поднимались миазмы, в измученные ноздри шибал смрад смерти, запах гниющей плоти.

Посовещавшись, решили, что лучше будет пока сесть на низком берегу — дорожке или скате, — свесив ноги в воду. В конце пешеходной дорожки нашлось свободное место; они дотащились до него и сели всей группой в один ряд. Бетон под ними еще дышал дневным жаром. Все потели, за исключением некоторых, покрасневших до такой степени, что ярко выделялись на фоне наступающей темноты. Когда спустились сумерки, этих несчастных поддерживали в сидячем положении, чтобы им легче было умирать. Вода в озере была горячей, как в бане. Как показалось Фрэнку, заметно горячее температуры тела. И горячее, чем в прошлый раз. Что в целом логично. Он где-то читал, что если бы вся солнечная энергия, падающая на поверхность Земли, улавливалась,

а не частично отражалась, то температура продолжала бы расти, пока не закипели бы океаны. Теперь он мог реально представить себе такую картину.

И все же после заката, когда торопливые сумерки сменились полной темнотой, все погрузились в воду. Чутье подсказывало, что так лучше. Этого просил организм. Они опустились на дно в самой мелкой части озера, держа головы над водой, и продолжали терпеть. Рядом с Фрэнком сидел молодой парень, игравший роль витязя Карны в пьесе во время местной мелы. Туман безучастности снова пронзила молния, как в тот момент, когда Фрэнк осознал чужую заботу о себе. Он вспомнил сцену, в которой Арджуна лишил Карну силы, наложив проклятье, и был уже готов убить его. В это мгновение молодой актер воскликнул: «На то воля судьбы!» — и сумел напоследок сделать последний выпад, прежде чем пасть от неуязвимого меча Арджуны. А теперь этот молодой парень с глазами, округлившимися от тревожных предчувствий и горя, глотал озерную воду. Фрэнк заставил себя отвернуться.

Духота начала путать мысли. Тело Фрэнка изнемогало от желания выскочить из слишком горячей бани, пробежать от воображаемой сауны

к ледяному озеру — такие озера всегда есть наготове рядом с саунами, — ощутить блаженный, захватывающий дыхание холодный шок, который он однажды испытал в Финляндии. Местные советовали попробовать на собственном опыте резкую — до 100 градусов — смену температур за одну секунду.

Ход мыслей был сродни расцарапыванию зудящих ран. Он попробовал на вкус озерную воду, ощутил, как много в ней нечистот, органических и еще бог знает каких. Его мучила неутолимая жажда. Наличие горячей воды в желудке означало, что скрыться больше негде, мир как внутри, так и снаружи стал выше температуры тела. Люди медленно варились в озере, как яйца-пашот. Фрэнк тайком напился из кувшина. Вода стала тепловатой, но пока не сильно нагрелась, а главное — она была чистой. Организм требовал еще, Фрэнк не выдержал и выпил всю воду до капли.

Прохладу невозможно было найти нигде. Все дети умерли, умерли все старики. Прежние горестные крики превратились в невнятное бормотание. Те, кто еще был способен двигаться, выталкивали мертвецов на берег или на середину озера, где они либо плавали, как бревна, либо опускались на дно.

Фрэнк смежил веки, стараясь не прислушиваться к голосам вокруг. Он полностью погрузился в мелкую воду, прислонившись затылком к бетонному краю пешеходной дорожки и жидкой грязи под ним. Расслабил мышцы, пока тело не погрузилось в грязь, и только полголовы осталось на жгучем воздухе.

Прошла ночь. Видны были только самые яркие звезды — плавающие над головой размытые пятна. Безлунная ночь. Небо бороздили спутники — с востока на запад, с запада на восток, один даже пролетел с севера на юг. За ними кто-то наблюдал. Этот кто-то знал, что происходит. Знал, но ничего не предпринимал. Не мог не действовать, но не действовал. Ничего не поделаешь, что тут скажешь. Ночь, казалось, длилась несколько лет. Когда начало светать и небо посерело, возникло впечатление, что пришли тучи, но потом стало ясно, что в небе пусто и чисто. Фрэнк пошевелился. Кожа на пальцах сморщилась, как чернослив. Он сварился, превратился в рыхлую массу. Голову трудно было сдвинуть даже на пару сантиметров. Видимо, здесь он и утонет. Эта мысль заставила напрячь силы. Фрэнк уперся локтями и приподнялся. Мышцы — вареные макароны, облепившие кости, однако сами кости

еще двигались без чужой помощи. Фрэнк, сидя, выпрямился. Воздух по-прежнему был горячее воды. Солнечный свет коснулся макушек деревьев на противоположном берегу — словно их воспламенив. Осторожно поводя головой на негнущейся шее, Фрэнк осмотрелся. Все вокруг были мертвы.

2

Я бог и в то же время не бог. В любом случае вы мое порождение. Вы живы только благодаря мне.

Внутри меня несказанно горячо, но моя поверхность еще горячее. Стоит мне прикоснуться к вам, и вы горите, хотя я нахожусь далеко за пределами вашего неба. В такт моим медленным, мощным вдохам и выдохам вы то замерзаете, то изнемогаете от зноя.

Наступит день, и я сожру вас. А пока что я вас кормлю. Проявляйте ко мне уважение. Никогда не смотрите на меня.

3

Статья 14 Парижского соглашения Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата призывала к периодическому учету выбросов углерода всеми подписавшими его странами, что в итоге позволило бы определить совокупное количество сожженного ископаемого топлива на планете за конкретный год. Первая «глобальная ревизия» была намечена на 2023 год с повторением каждые пять лет.

Первый блин вышел комом. Отчеты были противоречивы и куцы, но в то же время было совершенно ясно, что выбросы углерода намного превысили значения, которых стороны Соглашения обещали придерживаться, несмотря на спад 2020 года. Лишь немногие страны вышли на показатели, которые сами же для себя установили как легко достижимые. Осознав свое отставание еще до «ревизии» 2023 года, 108 стран пообещали нарастить обязательства, однако в их число входили лишь небольшие государства, на которые в целом приходилось примерно 15 процентов всеобщих выбросов.

Годом позже состоялась ежегодная Конференция сторон, на которой некоторые делегации указали на статью 16, пункт 4, определяющий, что Конференция сторон «регулярно рассматривает осуществление настоящего Соглашения и принимает в рамках своего мандата решения, необходимые для содействия его эффективному осуществлению». Они также сослались на статью 18, пункт 1, позволяющий Конференции сторон создавать «вспомогательные органы по осуществлению настоящего Соглашения». Прежде такие вспомогательные органы понимались как комитеты, созываемые только на время ежегодных заседаний Конференции сторон, однако теперь некоторые делегаты, ссылаясь на всеобщее неисполнение Соглашения, заявили, что для запуска процесса назрела явная необходимость создать новый вспомогательный орган с постоянными полномочиями, обеспечив его необходимыми ресурсами.

Поэтому на 29-й Конференции ООН по изменению климата стороны Соглашения, согласно статьям 26 и 28, создали новый вспомогательный орган по осуществлению Соглашения, финансируемый с помощью протоколов, описанных в статье 8, обязывающих все стороны придержи-

ваться Варшавского международного механизма по потерям и ущербу. В официальном сообщении говорилось:

«Будет принято решение о том, что настоящим учреждается Вспомогательный орган, уполномоченный двадцать девятой Конференцией сторон, действующий как совещательный орган сторон Парижского климатического соглашения (СМА), для работы с Межправительственной группой экспертов по изменению климата, всеми агентствами Организации Объединенных Наций и всеми правительствами, подписавшими Парижское соглашение, и для защиты интересов будущих поколений граждан мира, права которых, как они определены во Всеобщей декларации прав человека, имеют такую же силу, как и наши собственные. Этот новый Вспомогательный орган, кроме того, отвечает за защиту всех живых существ настоящего и будущего, которые не могут говорить за себя, путем утверждения их правового статуса и содействия их физической защите».

Кто-то из журналистов окрестил новое агентство «Министерством будущего». Имя прижилось и стало популярным, все так и стали называть новое агентство. Оно было учреждено в Цюрихе

в январе 2025 года.

Вскоре после этого в Индии разразилась великая жара.

4

Над студгородком Швейцарской высшей технической школы возвышается Цюрихберг — холм с лесопарком на вершине, по которому проходит восточная граница Цюриха. Сам город в основном расположен по обе стороны реки Лиммат, вытекающей из Цюрихского озера и пропадающей между двумя холмами на севере — восточным Цюрихбергом и западным Утлибергом. Территория между двумя холмами довольно плоская, во всяком случае по швейцарским понятиям; именно на ней обосновалась почти четверть всех жителей страны, построив компактный красивый город. Счастливчики, живущие на склоне Цюрихберга, считают, что им досталось самое лучшее место с видом на крыши городского центра и большое озеро на юге, а изредка — на далекие Альпы. Ранним солнечным вечером эта смесь антропогенного и природного рельефов излучает светлый покой. Хорошее место. Гости нередко называют город скучным, но местные не обижаются.

На остановке трамвая «Церковь Флунтерн»

примерно на полпути к макушке Цюрихберга можно выйти из голубого вагона и прогуляться в северном направлении по Хохштрассе, мимо старой церкви со шпилем и большим циферблатом. Часы отбивает церковный колокол. Офис учрежденного Парижским соглашением Министерства будущего находится рядом с церковью, в двух шагах от технической школы, известной своим геотехническим опытом, чуть выше офисов крупных швейцарских банков, накопивших, несмотря на малые размеры Швейцарии, баснословный капитал. Эта близость не случайна: швейцарцы много столетий обеспечивали безопасность страны, проводя национальную политику, направленную на укрепление мира и процветание во всем мире. Похоже, в главный принцип здесь возведено «Никто не защищен, пока все не защищены», а для такого проекта и геотехнический опыт, и обилие денег очень даже полезны.

По этой причине и еще потому, что в Женеве уже располагались штаб-квартира Всемирной организации здравоохранения и других агентств ООН, когда Парижское соглашение создало свое собственное учреждение, власти Цюриха выкатили мощный аргумент: в Женеве и без того

тесно и, как следствие, дорого, и после азартного перетягивания каната между кантонами победили в конкурсе на право принять у себя новое агентство. Предоставление здания на Хохштрассе и нескольких соседних корпусов технической школы, причем без арендной платы, несомненно, явилось одним из главных факторов победы на конкурсе.

Глава Министерства, Мэри Мерфи, ирландка сорока пяти лет, бывшая министр иностранных дел Республики Ирландия, а до того — профсоюзный адвокат, с ходу, как только вошла в свой кабинет, окунулась в новую драму, что ее ни капли не удивило. Все с ужасом следили за новостями об убийственной жаре в Индии, ответные шаги ожидались с минуты на минуту. Только что поступили первые сведения.

Начальник секретариата, невысокий щуплый мужчина по имени Бадим Бахадур, прошел за Мэри в ее кабинет и сказал:

— Ты, конечно, уже знаешь, что индийское правительство приступает к действиям по смягчению солнечного излучения.

— Да, видела сегодня утром. Они сообщали подробности своего плана?

— Сведения поступили полчаса назад. Наши

геоинжинеры говорят: если все пойдет по плану, то эффект будет сравним с извержением вулкана Пинатубо в 1991 году. Оно на год или два понизило глобальную температуру на один градус Фаренгейта. Эффект был вызван двуокисью серы в облаке пепла, которое вулкан выстрелил в стратосферу. Наши люди говорят, что для имитации такого же выброса двуокиси серы индийцам потребуется несколько месяцев.

— А сил и средств им хватит?

— Индийские ВВС, пожалуй, справятся. Попытка не пытка, самолетов и оборудования у них достаточно. По большей части метод представляет собой несложную доводку технологии дозаправки в воздухе. К тому же самолеты часто сбрасывают излишки горючего, в этом нет ничего нового. Главная проблема в том, чтобы подняться как можно выше, а это вопрос не только полезного веса, но и количества человеко-вылетов. К гадалке не ходи — придется сделать как минимум несколько тысяч.

Мэри достала из кармана телефон, набрала номер Чандры. Главу индийской делегации Парижского соглашения Мэри хорошо знала. В Дели уже поздний час, но в это время они обычно и говорили.

Когда на другом конце ответили, Мэри спросила:

— Чандра, это Мэри, можно тебя на минутку?

— На минутку — да. Мы все здесь страшно заняты.

— Представляю. Что там с вашим планом устроить Пинтубо с помощью ВВС?

— Скорее даже двойной Пинтубо. Такова рекомендация нашей академии наук, премьер-министр уже отдал распоряжения.

— Но Соглашение… — Мэри опустилась в кресло, сосредоточилась на голосе коллеги. — Ты ведь знаешь, что в нем сказано. Никакого вмешательства в атмосферу без предварительных консультаций и договоренностей.

— Мы нарушим Соглашение, — отрезала Чандра.

— Результат никто не может предсказать!

— Он будет таким же, как в случае с Пинатубо, или в два раза мощнее. Именно то, что нам нужно.

— Не факт, что обойдется без побочных эффектов…

— Мэри! Прекрати, не надо. Я знаю, что ты скажешь до того, как ты откроешь рот. Нам в Индии ясно одно: погибли миллионы людей. Мы поня-

тия не имеем, сколько точно, их слишком много, чтобы всех сосчитать. Число умерших, возможно, достигло двадцати миллионов. Понимаешь, что это значит?

— Да.

— Нет, не понимаешь. Я приглашаю тебя приехать лично. Тебе действительно не мешало бы у нас побывать — быстрее поймешь.

Мэри заметила, что задержала дыхание. Сглотнула комок в горле.

— Я приеду, если ты хочешь.

Наступила длинная пауза. Наконец Чандра нарушила молчание и севшим, сдавленным голосом произнесла:

— За это — спасибо. Но у нас сейчас, пожалуй, слишком много хлопот, чтобы как следует подготовиться к такому визиту. В отчетах все изложено. Я тебе пришлю, как будут готовы. На данный момент достаточно сказать, что мы страшно напуганы и вне себя от гнева. Этот период жары устроили Европа, Америка и Китай, а не мы. Индия, конечно, сожгла за последние десятилетия немало угля, но его количество — мелочь по сравнению с Западом. Тем не менее мы подписали Соглашение, чтобы внести свой вклад. И мы его внесли. Однако, кроме нас, никто

не выполнял обязательства, не платил развивающимся странам, а теперь еще эта жара. И через неделю может начаться новый жаркий период! Условия не изменились!

— Я знаю.

— Конечно, знаешь. Все знают. И никто не шевелится. Так что мы теперь берем дело в свои руки. Мы понизим глобальную температуру на несколько лет, от этого всем будет польза. И, может быть, новая массовая гибель людей не произойдет.

— Хорошо.

— Нам не требуется твое одобрение!

— Я не это имела в виду, — сказала Мэри, но на том конце уже повесили трубку.

5

Мы привезли цистерну горючего, цистерну воды и все такое. Все впустую. Без электричества насосы не работали, ничего не работало. Прежде чем что-то делать с трупами, пришлось сначала возвращать в строй электростанции. При виде мертвых коров, людей, собак кто-то вспомнил о тибетском «небесном погребении», когда трупы отдают на съедение стервятникам. Стервятников действительно налетело о-го-го сколько. Целые тучи стервятников и ворон. Временами вонь стояла нестерпимая, но стоило перейти на другое место или подуть ветерку, как она пропадала. Будто запахам не хватало воздуха, он был слишком горяч. В основном пахло гарью. Пожаров было о-го-го сколько. Когда включили электричество, восточнее Лакхнау часто происходили обрывы на линиях передачи, и начала гореть трава. На следующий день поднялся ветер, пожары разрослись и перекинулись на города, так что пришлось все бросить и бороться с огнем. Счетчик взвешенных частиц показывал 1500 ppm.

Недалеко от Лакхнау есть озеро, из которого

можно качать воду. Оно было забито трупами — кошмар, но мы все равно закинули патрубок насоса, ведь нам без воды никак. Мы находились с подветренной стороны пожара, огонь наступал прямо на нас. Поэтому, когда насосы начали качать воду в цистерны, все повеселели.

Услышав посторонний шум, я сначала подумал, что в трубе что-то пищит. Но звук, похоже, доносился с берега озера, с того места, где пешеходная дорожка проходила у самой воды. Я пошел посмотреть. Мне показалась, что звук издает кто-то живой.

Человек лежал на дорожке, прислонившись к стене здания, голова замотана рубашкой. Я заметил, что он шевелится, и позвал остальных. Это был фиранги с коричневыми волосами, с него слезала кожа, как будто его обожгло огнем или ошпарило кипятком. На вид мертвец мертвецом, но еще шевелился. Веки настолько опухли, что глаза закрылись, однако я заметил, что он на меня смотрит. Когда мы начали ему помогать, он не произнес ни слова, не издал ни звука. Губы потрескались, из них текла кровь. Я подумал: «Может, он совсем сварился и потерял голос?» Мы напоили его водой с ложечки. Давать сразу много воды опасно. Когда мы сообщили в штаб,

оттуда довольно быстро прислали медиков. Врачи забрали его, положили под капельницу. А он только смотрел. На нас, на озеро… Так и не сказал ничего. У него был совершенно безумный вид. Словно он перестал быть человеком и превратился в другое существо.

6

Состоявшееся после окончания периода жары в Индии экстренное заседание сторон, подписавших Парижское соглашение, выдалось бурным. Индийская делегация прибыла в полном составе, их лидер, Чандра Мукаджи, обрушила шквал критики на международное сообщество за полную несостоятельность в соблюдении условий соглашения, подписанного всеми странами мира. Нормы сокращения выбросов не выполняются, платежи в инвестиционные фонды для финансирования декарбонизации не вносятся, Соглашение всячески саботируется. Пустое притворство, издевательство, ложь. А расплачиваться приходится Индии. Во время периода жары умерло больше людей, чем за всю Первую мировую войну, причем лишь за одну неделю и в одном регионе мира. Клеймо от подобного преступления никогда не исчезнет, пребудет в веках.

Никто не осмелился напомнить, что Индия сама не выполняла взятые на себя нормативы по сокращению выбросов. И если уж суммировать

все выбросы за исторический период, то Индия, как известно, оказалась бы далеко в хвосте развитых стран западного мира. Имея дело с нищетой, преследующей большую часть населения Индии, индийское правительство было вынуждено создавать энергетическую базу как можно быстрее, а так как жить приходилось в условиях рынка, то еще и с минимальными расходами. В противном случае сторонние инвесторы отказались бы вкладывать средства, посчитав доходность слишком низкой. Поэтому да, приходилось жечь уголь. Точно так же всего несколько лет назад поступали все остальные. А теперь Индии предлагают прекратить сжигание угля, в то время как другие страны, покончившие с углем, успели сжечь его в количествах, позволивших накопить достаточный капитал для перехода на более чистые источники энергии. Индии же предписано исправляться без посторонней финансовой помощи. Затяните пояса потуже, смиритесь с жесткой экономией, станьте рабочим классом для буржуазии развитого мира и молча страдайте до лучших времен, да только лучшие времена больше не наступят, этот план окончательно провалился. Игра велась краплеными картами. Она стоила жизни двадцати миллионам человек.

В большом зале цюрихского Дома конгрессов наступила тишина. Тишина была не похожа на затянувшуюся минуту молчания в память о погибших. Это молчание излучало стыд, растерянность, тревогу, ощущение вины. Индийская делегация закончила выступление, высказав все, что наболело. Настало время им ответить, но никто не торопился с ответом. Ни у кого не находилось слов. Катастрофа уже стала историей, кошмаром, от которого делегаты были не в силах очнуться.

Наконец на трибуну вышла избранная на этот год президентом организации Парижского соглашения женщина из Зимбабве. Она быстро обняла Чандру, кивнула коллегам из Индии и подошла к микрофону.

— Совершенно очевидно, что мы делаем слишком мало, — начала она. — Парижское соглашение заключалось, чтобы предотвратить именно такие трагедии, как эта. Мы все — жители одной глобальной деревни. Мы пользуемся одним и тем же воздухом, одной и той же водой, а потому катастрофа произошла с нами всеми. Мы не можем вернуть мертвых, но мы должны каким-то образом обернуть это бедствие во благо, иначе преступление останется безнаказанным,

и последуют новые катастрофы. А значит, пора действовать. Положение с климатом теперь придется воспринимать всерьез как данность, отодвигающую на задний план все остальные нужды. Действовать надо, отталкиваясь от известного.

Делегаты закивали. Хлопать в ладоши нельзя, не тот случай, однако можно кивать. Можно еще поднять сжатую в кулак руку, тем самым выражая свою солидарность.

Все это, конечно, хорошо. Момент важный и где-то даже памятный. Но очень скоро делегаты вернулись к привычному барышничеству вокруг национальных интересов и обязательств. Катастрофа произошла в Индии, причем в той ее части, куда редко заглядывают иностранцы. Говорят, там всегда жарко, многолюдно и полно нищих. Наверняка новые катастрофы, если они случатся, будут происходить именно в таких странах, расположенных между тропиками Рака и Козерога и на широтах чуть севернее и южнее этих двух параллелей. Между тридцатой на севере и тридцатой на юге находятся самые бедные страны мира. Севернее и южнее этих широт время от времени могут возникать периоды смертоносной жары, но вряд ли часто и вряд

ли с такими же фатальными последствиями. А значит, в некотором роде это региональная проблема. У каждого региона есть свои проблемы. Поэтому, когда время похорон и жестов глубокого соболезнования закончилось, многие народы мира и их правительства вернулись к привычному порядку вещей. И выбросы CO_2 продолжались как ни в чем не бывало.

Некоторое время казалось, что отношение к великой жаре будет таким же, как к массовым убийствам в Соединенных Штатах — все попричитают, все их осудят и тут же забудут — до нового еще более серьезного случая, пока эти происшествия не станут частью шумного повседневья, новой нормальностью. Все подсказывало, что то же самое произойдет и с самой страшной неделей в истории человечества. Как долго она будет считаться самой страшной? И что с этим поделать? Проще вообразить конец света, чем конец капитализма, — старая поговорка отрастила зубки, приобрела буквальный, жестокий смысл.

Но только не в Индии. Прошли выборы, партию националистов и шовинистов БДП[1] вышвырну-

[1] Примечания: 1

«Бхаратия джаната парти» (Индийская народная партия). — *Здесь и далее прим. пер.*

ли вон, как не справившуюся с обязанностями и отчасти виноватую в катастрофе тем, что она подчинила страну иностранным интересам, жгла уголь и разрушала ландшафт, неуклонно увеличивая неравенство между богатыми и бедными. РСС[2] был опозорен и дискредитирован как враждебная сила в индийском обществе.

Выборы выиграла новая смешанная партия, в которую вошли индийцы всех слоев, религий и каст, городская и сельская беднота, интеллигенция — катастрофа сплотила всех, придала решимости начать перемены. Правящая элита утратила легитимность и гегемонию, а зачатки разрозненного сопротивления жертв слились воедино в партию под названием «Авастхана», что на санскрите означает «возрождение». Крупнейшая демократия мира вступила на новый путь. Последние электрические компании Индии были национализированы, огромные силы были брошены на свертывание электростанций, работающих на угле, и создание агрегатов, использующих энергию ветра, солнца и рек без плотин, а также систем хранения электроэнергии без аккумуляторных батарей в дополнение к рас-

[2] Примечания: 2
«Раштрия сваямсевак сангх» (Союз добровольных слуг родины).

тущей эффективности аккумуляторов. Перемены начались сразу во многих сферах. Возобновились усилия по преодолению наихудших последствий кастовой системы; они предпринимались и раньше, но теперь им придали национальный приоритет, статус новой реальности, и достаточно многие индийцы их поддержали. Перемены происходили по всей Индии, на всех уровнях управления.

И наконец — хотя многие об этом потом пожалели, — наиболее радикальная часть нового политического устройства Индии направила миру послание: меняйтесь вместе с нами, меняйтесь немедленно, или вас настигнет кара богини Кали. Не будет перемен — дешевизне индийской рабочей силы конец, продажным сделкам конец, вообще всем сделкам конец. Если страны, подписавшие Парижское соглашение, а его подписали все страны мира, не изменят свою позицию, то данная часть Индии объявит их врагами, разорвет дипломатические отношения и пойдет на все, за исключением полномасштабной войны. Экономическая война? Запросто. Весь мир увидит, на что способна одна шестая часть населения планеты, ее бывший рабочий класс. Пора покончить с затянувшейся постколониаль-

ной подчиненностью. Для Индии настало время выйти на мировую сцену, как уже было однажды, в самом начале истории, и потребовать для себя лучшей доли. А потом сделать требование реальностью.

Было неясно, считать ли эту агрессивную позу истинным общенациональным мнением или фразерством радикальной фракции. Все зависело, по мнению многих, от того, как далеко зайдет новое правительство Индии в своей поддержке группы Кали, спустит ли оно радикалов с поводка. Война в эпоху интернета, глобальной деревни, дронов, синтетической биологии и рукотворных пандемий была уже не та, что раньше. Если индийцы настроены серьезно, это может плохо кончиться. Собственно, даже если в индийском правительстве серьезно настроена лишь одна фракция Кали, дело может принять крайне неприятный оборот.

Однако в такие игры могут играть и остальные, причем не только 195 государств, подписавших Парижское соглашение, но и всякого рода негосударственные образования вплоть до отдельных индивидуумов.

Наступили тревожные времена.

7

Когда ему становилось жарко, начинался приступ паники, а от приступа паники его еще больше бросало в жар. Обратная связь в действии. Состояние спасенного стабилизировалось, и мы перевезли его в Глазго. Пациент упоминал, что провел в этом городе один год, мы прикинули, что в привычном окружении он почувствует себя лучше. Он не захотел возвращаться в Штаты. Поэтому мы выбрали Глазго, прохладное место, где вечерами гуляли с ним по окрестностям. Стоял октябрь с обычными дождями и свежим ветром с моря. Такая погода, похоже, приносила ему успокоение.

Однажды вечером я гулял с пациентом по улицам, позволив ему самостоятельно выбирать маршрут. Он обычно молчит всю дорогу, и я не мешаю. Но в тот вечер он немного разговорился. Показывал мне места, где учился, театры, в которых бывал. Оказывается, его раньше интересовал театр, он даже поработал рабочим сцены, отвечал за освещение, декорации, костюмы. Когда мы вышли на Клайд-стрит, пациент захотел перейти

по пешеходному мосту на южный берег реки.

Отсюда район сити в темноте выглядел огромным квадратом. Центр Глазго невысок, мало изменился за последние сто, а то и двести лет. Мистика, вылитый город из какого-нибудь мрачного фэнтези. Мой спутник стоял, положив локти на перила, и смотрел вниз на черную воду.

Мы говорили о разных вещах. В какой-то момент я спросил его, вернется ли он домой.

«Нет, — резко ответил он. — Ни за что не вернусь». Угрюмее я его еще не видел. «Никогда», — добавил он.

Я не стал обострять. Не хотел лезть с вопросами. Мы просто стояли, облокотившись на перила. Казалось, что город медленно плывет к холмам.

«Почему я выжил? — неожиданно спросил он. — Почему один я, а все прочие люди умерли?»

Я даже опешил. «Выжил, и все, — ответил я. — Может, у тебя здоровье оказалось крепче. Или ты крупнее. Откуда мне знать. Ну, крупным тебя не назовешь, но, может, ты крупнее индийцев».

Пациент пожал плечами. Мол, вряд ли.

— Даже небольшая разница в массе тела способна помочь. Главное, поддерживать внутреннюю температуру тела на уровне ниже 40 градусов.

Отсутствие избыточного веса тоже помогает. А еще — с детства хорошие питание и медицина. Ты, кажется, бегал?

— Плавал.

— Возможно, это тоже пригодилось. Крепкое сердце, жидкая кровь. И все такое. В конечном итоге ты оказался среди них самым сильным, а выживают только самые сильные.

— Я сомневаюсь, что был там самым сильным.

— Ну, может, в твоем организме сохранилось больше влаги? Или ты дольше других просидел в воде? Тебя, говорят, нашли на берегу озера.

— Да.

Что-то в моих словах его задело. Он сказал: «Я до последнего сидел в погруженном состоянии. Одно лицо наружу, чтобы дышать, и так всю ночь. Но то же самое делали многие другие».

— Это помогло тебе выжить. Ты выкарабкался. Тебе повезло.

— Не говори так.

— Повезло не в том смысле. Во всем есть элемент случайности.

Пациент посмотрел на невысокий темный город с блестками огней ночного освещения. «На то воля судьбы», — сказал он и уткнулся лбом в перила моста.

Я положил руку ему на плечо. «Да, это судьба», — согласился я.

8

Люди за год сжигают около 40 гигатонн (одна гигатонна равняется миллиарду тонн) ископаемого углерода. Ученые подсчитали, что можно сжечь еще 500 гигатонн, прежде чем средняя глобальная температура поднимется на два градуса Цельсия выше уровня, на котором она находилась до начала индустриальной революции. Это тот безопасный максимум, выше которого в большинстве биорегионов Земли, то есть местах, поставляющих продовольствие, начнутся всяческие опасные последствия.

Некоторые сомневались в реальной опасности этих последствий. Однако земная система уже примерно на 0,7 ватта на квадратный метр своей поверхности поглощает солнечной энергии больше, чем отражает. В итоге средние температуры неотвратимо растут. Температура в 35 градусов по влажному термометру[3] смертельна для человека, даже если сидеть в тени совершенно голым. Сочетание избытка тепла и влажности

[3] Примечания: 3

Температура, измеренная термометром, покрытым пропитанным водой материалом.

препятствует потоотделению, и вскоре наступает смерть от перегрева. Начиная с 1990 года температура по влажному термометру в 34 градуса была зарегистрирована всего один раз — в Чикаго. Так что опасность, казалось бы, вполне очевидна.

Вот откуда взялась цифра в 500 гигатонн. В то же время добытчиками разведано в недрах по крайней мере еще 3000 гигатонн ископаемого топлива. Все запасы углеводородов внесены на баланс разведавших их корпораций в виде активов и рассматриваются как национальный ресурс теми государствами, на чьей территории они обнаружены. На долю частных компаний приходится всего около четверти этих богатств, остальное принадлежит различным государствам. Нарицательная стоимость недобытых 2500 гигатонн углеводородов в пересчете на нынешнюю цену нефти составляет порядка 1500 триллионов долларов США.

Вполне возможно, что в будущем эти 2500 гигатонн будут считаться «невостребованными активами», но пока что люди, пользуясь возможностью, будут пытаться продать либо сжечь ту долю, которой они владеют либо управляют. Сделаем еще триллиончик или два, и тогда уж всё, убеждают они себя. Ничего страшного, не

помрем, отщипнем-ка еще чуть-чуть напоследок. Да и люди ведь просят.

В число девятнадцати крупнейших организаций, ведущих себя подобным образом, в порядке убывания по размеру войдут саудовская «Арамко», «Шеврон», «Газпром», «Экксон-Мобил», «Национальная иранская нефтяная компания», «Бритиш Петролеум», «Ройял Датч Шелл», «Пемекс», «Петролеос де Венесуэла», «Петрочайна», «Пибоди Энерджи», «Конокофилипс», «Национальная нефтяная компания Абу-Даби», «Нефтяная корпорация Кувейта», «Иракская национальная нефтяная компания», «Тоталь», «Сонатраш», «Би-Эйч-Пи Биллитон» и «Петробрас».

Ответственные решения в этих организациях принимают около пятисот человек. По отдельности они хорошие люди. Патриотичные политики, озабоченные участью своих дорогих сограждан, добросовестные, усердные корпоративные управленцы, выполняющие свои обязательства перед советом директоров и акционерами. По большей части — мужчины, в основном семейные, высокообразованные и благонамеренные. Столпы общества. Спонсоры-филантропы. Вечером на концерте в филармонии их сердца трепещут от

торжественного величия четвертой симфонии Брамса. Они желают лучшего будущего для своих детей.

9

В Нидердорфе, средневековом районе Цюриха, граничащем с правым берегом реки Лиммат, под сенью башни Гроссмюнстера лепились несколько маленьких баров, слишком непритязательных, чтобы привлекать туристов. К тому же в ноябре туристов в Цюрихе вообще немного. Дождь сменился мокрым снегом, черные камни мостовой стали скользкими. На улице, ведущей к реке, стоял строительный кран. Не кран даже, а произведение искусства — стеб скульптора на тему обилия строительных кранов в Цюрихе. Город постоянно перестраивался.

Мэри вошла в маленький бар и присела рядом с Бадимом Бахадуром, начальником ее секретариата. Бадим склонился над телефоном за бокалом виски. Угрюмо кивнул, помешивая лед.

— Что слышно из Дели? — поинтересовалась Мэри.

— Завтра начинают.

Министр кивком подозвала официанта и указала на бокал Бадима, попросив принести то же самое.

— И какова реакция?

— Ничего хорошего, — пожал плечами Бадим. — Не исключено, что нас начнет бомбить Пакистан, мы ответим, и наступит ядерная зима. На планету вернется приятная прохлада.

— Уж кто-кто, а пакистанцы, я надеялась, вас поддержат. Если подобная жара случится в Пакистане, там мало кто уцелеет.

— Они это понимают. Просто создают геморрой. Китай туда же. Мы теперь парии всего мира, хотя действуем в общих интересах. Нас убивают за то, что мы сами чуть не сдохли.

— Так всегда бывает.

— Разве? — Бадим посмотрел в окно. — Я не вижу, чтобы Европа очень страдала.

— Здесь Швейцария, а не Европа. Швейцарцы обходят такое дерьмо стороной. И всегда обходили. Результат налицо.

— Неужели они так сильно отличаются от остальной Европы?

— Грецию добили за то, что она подыхала, не забыл? В других странах на юге Европы положение не лучше. Кстати, в Ирландии тоже. Британцы убивали нас веками. Примерно четверть всех ирландцев умерли от голода, почти столько же эмигрировали. Это не мелочи.

— Постколониализм.

— Да. Причем в исполнении одной и той же империи. Просто удивительно, как Англии удается избегать расплаты за преступления.

— Расплачиваются не преступники, расплачиваются жертвы.

Принесли виски. Мэри залпом осушила половину бокала.

— Мы должны придумать, как это изменить.

— Если такой способ вообще есть.

— Через правосудие?

Бадим скорчил скептическую мину.

— Что за штука такая?

— Ладно, давай без цинизма.

— Нет, я вполне серьезно. Взять хотя бы греческую богиню правосудия. Бронзовая баба в тоге с повязкой на глазах — чтобы правильно судила. Взвешивает на весах преступление и наказание, не поддаваясь постороннему влиянию. Однако чаши весов никогда не уравниваются. Ну, если только по принципу «око за око». Тогда конечно. В случае убийства метод уже не действует. Убийцу всего лишь оштрафуют или дадут пожизненное — разве это справедливое возмездие? Нет.

— Ты намекаешь, что нужна смертная казнь?

— Которую все считают варварством. Ибо если

убийство — зло, то это зло не исправишь еще одним злом. Насилие порождает насилие. Ты ищешь эквивалент, а его просто нет. Поэтому чаши весов никогда не приходят в равновесие. Особенно когда одна нация истребляет другую триста лет, забирает себе все ее добро, а потом говорит: «Ой, извините, мы плохо себя вели. Ничего, сейчас прекратим, и все будет хорошо». Нет, не будет.

— Может, теперь Англия хотя бы заплатит Индии за вытряхнутую пыль.

— Странно, почему не все поддерживают эту идею. Эффект будет действовать максимум три-четыре года, что даст время его изучить и понять, стоит ли делать второй заход.

— Многие опасаются цепной реакции последствий.

— Каких именно?

— Ты о них знаешь не хуже моего. Если из-за распыления прекратятся муссоны, станет хуже вдвойне.

— Мы не боимся рисковать! В конце концов, это наше личное дело.

— Но последствия скажутся на всем мире.

— Снижения температур хотят все.

— Кроме России.

— Не уверен. Морской лед и вечная мерзлота тают, а это половина их территории. Если реки в Сибири перестанут замерзать, русские на девять месяцев в году лишатся дорог. Они рождены жить в холоде.

— Холод бывает разный.

— Такого, как у них, еще поискать! Нет, русские, как все, просто нагнетают обстановку. Кто-то берет быка за рога, хватает волка за уши — а ему в спину втыкают нож. Как это уже достало.

Мэри сделала еще один глоток.

— Добро пожаловать в наш мир.

— Гори он… — Бадим залпом допил виски. — Итак, что нам делать? Мы Министерство будущего. От нас требуют определенной позиции.

— Знаю. Посмотрим, что скажут ученые.

Бадим смерил собеседницу ироническим взглядом.

— Будут вилять до последнего?

— Ну, им пока не хватает сведений, чтобы принять обоснованное решение. Скорее всего, скажут: эксперимент хороший, давайте его проведем и подождем еще десять лет, посмотрим, что получится.

— Как всегда!

— Что ты хочешь от ученых?

— Обычных шагов теперь мало!

— Так и заявим. И я уверена: в конце концов мы поддержим Индию.

— Деньгами?

— Ага, десятью евро! Деньги на бочку!

Бадим непроизвольно рассмеялся. Но его мина быстро помрачнела.

— Этого мало, — сказал он. — Поверь, что бы мы ни делали в своем Министерстве, этого будет мало.

Мэри внимательно посмотрела на коллегу. Камешек прилетел в ее огород. Бадим отвел взгляд.

— Пойдем прогуляемся, — предложила она. — Я весь день провела сидя.

Бадим не возражал. Они расплатились и вышли в сумерки. Под статуей крана в каменном ложе текла Лиммат, черное полотно воды катилось, комкая отражения огней противоположного берега. Мэри и Бадим прошли вверх по реке мимо куба старой ратуши — Мэри привычно поразилась, каким образом в такое маленькое здание втиснули всю городскую управу. Потом мимо «Одеона» по большому мосту над истоком, через крохотный парк на другом берегу, где стояла статуя Ганимеда с отведенной назад рукой, словно поддерживающей луну над Цюрихским озером.

Мэри часто сюда приходила. Что-то в облике статуи, озера и далеких Альп на юге необъяснимым образом волновало и тревожило ее. Что именно, Цюрих или жизнь как таковая, она не могла определить. В этом месте мир ощущался бесконечно огромным.

— Слушай, — обратилась она к Бадиму, — возможно, ты прав, и справедливости в виде реального воздаяния за дурные проступки не существует. «Око за око» не работает, что бы там ни говорили. Особенно когда речь идет об истории или климате. Однако мы должны попытаться хотя бы в грубых чертах создать некий режим справедливости. Для этого наше министерство и создавалось. Мы должны заложить фундамент, чтобы хотя бы в далеком будущем появилось нечто напоминающее справедливость. Долговременный реестр, в котором добрые дела возьмут верх над злом. Склонить дугу[4] и все такое. Дела прошлого не отменяют нашу задачу.

Мэри указала на статую Ганимеда с поднятой

---

[4] Примечания: 4

Название документального фильма о благотворительной организации врачей «Партнеры по здоровью», в свою очередь взятое из выступления американского аболициониста Теодора Паркера: «Я не претендую на понимание моральной вселенной; дуга длинна, мой взгляд далеко не достает. Я не могу рассчитать кривую и дополнить фигуру зрительным восприятием. Я могу угадать ее с помощью совести. Исходя из того, что я вижу, я уверен, что дуга эта склоняется к справедливости».

рукой. Луна покоилась прямо на ладони юноши, как будто он собирался зашвырнуть лунный диск в небо.

— Знаю, — вздохнул Бадим. — Для этого я сюда и приехал.

Взгляд коллеги — отчужденный, проницательный, расчетливый, холодный — говорил, что он не шутит. От этого взгляда по коже Мэри поползли мурашки.

Гораздо более непринужденные и где-то даже разбитные отношения связывали Мэри с Татьяной Вознесенской, начальником юридического отдела Министерства. У них сложилась привычка встречаться по утрам в купальне Утоквай. Если было достаточно тепло, они переодевались в купальники и парой плавали по озеру вольным стилем, потом переходили на брасс и немного болтали, нарезая круги, глядя на город под необычным ракурсом — с воды на берег, после чего возвращались в душевые и сидели в кафе купальни с чашкой чего-нибудь горячего. Татьяна, высокая брюнетка, отличалась броскими, типично русскими чертами — голубыми глазами, высокими, как у манекенщицы, скулами, сумрачно-бодрым расположением духа и чувством черного, как сажа, юмора. Она довольно

высоко поднялась в российском МИДе, пока не обломала зубы об одну из властных группировок и не решила сбежать в какое-нибудь заграничное учреждение. В России она специализировалась на международном договорном праве, знание которого теперь использовала для поиска союзников и законных средств в деле защиты будущих поколений. Для Татьяны это в основном сводилось к созданию таких условий, в которых будущие поколения имели бы правовой статус, чтобы дать адвокатам нынешнего дня возможность возбуждать иски и выступать в судах. Это была непростая задача ввиду неохоты, с которой суды соглашались допускать правоспособность кого-либо или чего-либо, выходящую за пределы магического круга писаных законов. Однако Татьяна поднаторела в обращении с международными судами и теперь сотрудничала с Сетью учреждений поколений будущего, Детским фондом и многими другими организациями, делая все ради того, чтобы эффективнее использовать полномочия, данные Министерству Парижским соглашением. Мэри иногда казалось, что возглавить министерство следовало не ей, а Татьяне, что ее собственный опыт работы в Ирландии и ООН жидковат в сравнении с нелегкой карьерой

Вознесенской.

Когда Мэри высказала эту мысль в очередной раз за выпивкой, Татьяна замахала руками.

— Что ты! Что ты! Ты идеально подходишь! Красивая ирландская девочка, все тебя любят. На твоем месте я бы сразу устроила погром, как головорез из КГБ. Кстати, я им и являюсь, — добавила Татьяна с опасным блеском в глазах.

— Не верю.

— Правильно, что не веришь. Но погром я бы устроила. Ты нужна наверху — отпирать двери. Это на самом деле очень похоже на борьбу за правовой статус. Меньше формальностей, но не менее важно. Сначала заставляешь людей прислушаться, доказываешь после. Вся суть твоей работы в том, чтобы заставить людей слушать. А уж потом настает наш черед подключиться к работе.

— Надеюсь, ты не ошибаешься. Думаешь, у нас получится сделать субъектами права еще не родившихся людей?

— Трудно сказать. С одной стороны, сфера правоспособности исторически постоянно расширяется, что как бы создает прецедент. Все больше разных групп людей получают правовой статус, в Эквадоре его присвоили даже экологии.

Складывается определенный порядок, и, с точки зрения логики, он выдерживает критику. Но даже если мы одержим успех в этой области, все еще остается вторая проблема, возможно, еще бóльшая, — повальная немощность международных судов.

— Неужели они настолько слабы?

Татьяна метнула в Мэри острый взгляд, словно говоря «шутить изволишь».

— Государства принимают решения международных судов, только когда с ними согласны. Однако любое решение всегда выносится в пользу той или иной стороны, поэтому проигравшие всегда недовольны. А всемирного судебного исполнителя не существует. Поэтому США творят что хотят. Все остальные поступают точно так же. Суды эффективны только в тех случаях, когда на удочку попадается какой-нибудь мелкий военный преступник, и все стороны соглашаются поиграть в добродетель.

Мэри грустно кивнула. Свежий пример — пренебрежение к Парижскому соглашению Индии с ее геоинженерными новшествами — юридически мало чем отличался от всеобщего наплевательского отношения к сокращению выбросов.

— Что мы, по-твоему, способны сделать, чтобы

улучшить положение?

— Примат закона — наше все, — насупившись, пожала плечами Татьяна. — Так мы говорим людям, а потом пытаемся заставить их поверить.

— Как заставить?

— Если на планете рванет, то поверят. Вот почему после Второй мировой войны возник новый международный порядок.

— И теперь его мало?

— Ну, всегда хочется большего. Кое-как выкручиваемся. — Лицо Татьяны просветлело, Мэри заметила лукавый взгляд как предвестие шутки. — Нам нужно придумать новую религию! Что-то вроде культа Земли, мы все одна семья, все люди братья, тра-та-та.

— Все люди — сестры, — поправила Мэри. — Матушка Земля — женского пола.

— Точно, — расхохоталась Татьяна.

Они подняли тост за идею.

— Наметь подходящие законопроекты, — предложила Мэри. — Чтобы были под рукой в нужную минуту.

— Разумеется. Весь свод законов у меня вот здесь. — Татьяна постучала себя пальцем по лбу.

10

Мы совершали полеты из Бихты, Дарбханга, с базы ВМС «Гаруда», из Гандхинегара. Летали в основном на «ИЛ-78», закупленных в стародавние времена у Советского Союза. Несколько заправщиков «Боинг» и «Эйрбас» у нас тоже были. Самолеты старые, на высоте внутри дикий колотун. Костюмы тоже старые, негнущиеся и почти без теплоизоляции. В воздухе мы очень мерзли, хотя стандартный вылет длился недолго.

Поднимались на высоту в восемнадцать километров, выше самолеты просто не вытягивали. Чем выше, конечно, тем лучше, но не с нашей техникой. Каждый полет занимал пару часов, летали с полной загрузкой. Два самолета на максимальной высоте угодили в опасный режим и свалились в штопор, один из экипажей не смог из него выйти.

Набрав нужную высоту, мы выпускали топливопровод и распыляли аэрозоль в воздухе. На первый взгляд облако выглядело как сброшенное горючее, на самом деле это была взвесь из твердых частиц, нам сказали, что в ней присутствовала

двуокись серы и еще какие-то химикаты, как в вулкане. Пепла, как при вулканическом извержении, не было — только эта смесь. Распыленная в воздухе, она должна отражать солнечный свет. Смесь делали в Бхопале и других городах Индии.

Чаще всего мы летали над Аравийским морем, дующие там в конце лета господствующие ветры уносили аэрозоль в сторону Индии — как мы и планировали. Делалось это ради своих, к тому же так было легче избежать критики. Увы, вскоре выяснилось, что ветры разносят смесь по всей стратосфере, в основном в северном направлении, но и в другие тоже. И она повсюду отражала солнечный свет.

В небе самой Индии с виду ничего не менялось. Мы всю жизнь провели под АКО, Азиатским коричневым облаком, и привыкли к тому, что небо всегда грязное. Операция прибавила немного яркости дневному свету, а закаты стали чуть краснее, чем прежде. Порой это очень красиво. Однако по большей части ничего не изменилось. Доля отраженного нашими усилиями света составила всего одну пятую процента от общего количества. Якобы это чрезвычайно важно, но заметить такую крохотную разницу невооруженным глазом невозможно.

Общий эффект был как в 1991 году от Пинтубо или в два раза больше. Чтобы насытить стратосферу нужным количеством аэрозоля, потребовалось несколько тысяч самолетовылетов. У нас имелись всего двести самолетов, так что каждому экипажу приходилось постоянно летать туда-сюда, и так несколько месяцев подряд. Очень много работы.

Мы слышали, что наша затея страшно не понравилась китайцам. Пакистану, конечно, тоже. Хотя полеты выполнялись только в то время, когда струйные течения шли на восток или северо-восток, время от времени рассеивание накрывало соседей. Со всего мира посыпались жалобы: мол, аэрозоль нарушит озоновый слой, пострадают все на свете. Как-то раз по нам выстрелили ракетой с инфракрасной головкой самонаведения. Викрам в последний момент выполнил маневр, самолет замяукал, как кошка. Кто стрелял, мы так и не узнали. Нам все было нипочем. У нас был приказ, и мы выполняли его с радостью. Во время великой жары у всех кто-нибудь умер. Даже если никто не умер, мы делали это ради Индии. Жара могла повториться в любом районе нашей страны, правительство постоянно об этом напоминало. Период жары мог наступить даже

в северных широтах. В Европе жара однажды убила семьдесят тысяч человек, а ведь Европа расположена намного севернее. Опасность угрожала больше чем половине населения Земли. Выходит, старались мы для всех.

Работали семь месяцев без выходных. Если учитывать техобслуживание, заправку топливом и наполнение баков смесью, то круглыми сутками. Мы изнемогали, но постепенно вошли в ритм. Экипажей хватало, чтобы летать в три смены. В разгар операции казалось, что ей нет конца и края, что всю оставшуюся жизнь мы не будем заниматься ничем другим. Мы верили, что спасаем Индию, спасаем весь мир. Однако в первую очередь, конечно, думали о своей стране. Жили надеждой, что смертельная жара больше не наступит. Очень волнительное было время.

Теперь, посещая другие страны и слыша, как кто-нибудь нас критикует, я сразу встаю на дыбы. Вы ничего не знаете, говорю я им. Пострадали-то не вы, поэтому вам все было до лампочки. А мы знаем, и нам не все равно. Кстати, с тех пор периодов сильной жары больше не случалось. Конечно, зарекаться на будущее нельзя, однако мы сделали все, что было в наших силах. Мы делали доброе дело. Должен признать, что иногда

повышаю голос на людей, когда они говорят обратное. Гореть им в аду. Индия там уже побывала. Поэтому я терпеть не могу, когда кто-то критикует наши действия. Они понятия не имеют, о чем толкуют. Не знают, что такое ад, а мы его видели своими глазами.

11

Идеология (*сущ.*) — мысленное отношение к действительности.

В общем смысле это то, что представляет себе другой человек, особенно вследствие систематического искажения фактов. Однако мы склоняемся к тому, что идеология является необходимым свойством познания, и если кто-либо лишен ее полностью, что вряд ли возможно, то такое лицо является практически неполноценным. Существует действительность, которую невозможно отрицать, но она слишком велика, чтобы индивидуум мог познать ее полностью, поэтому нам приходится конструировать наше понимание с помощью воображения. Следовательно, идеология есть у каждого, и это хорошо. В разум поступает столько разных данных — начиная с сигналов органов чувств и заканчивая дискурсивной и опосредованной информацией всякого рода, — что возникает потребность в некоей личной организующей системе, которая все расставляет по местам, дабы можно было принимать решения и предпринимать действия.

Мировоззрение, философия, религия — все это синонимы вышеприведенного определения идеологии. То же самое можно сказать о науке, хотя она отличается тем, что непрерывно перепроверяет факты, сравнивая их с действительностью, постепенно сужая фокус. Эта черта несомненно ставит науку в центр очень интересного проекта по изобретению, совершенствованию и запуску в действие такой идеологии, которая связно и с пользой для дела могла бы объяснить бешеный поток мировых событий. Человеку от идеологии требуется ясность и широта анализа, а еще — сила. Пусть читатели в качестве задания сами представят доказательства.

12

Если на время отложить в сторону мысленное отношение, то как выглядит действительность? Разумеется, как сказано выше, она в целом непознаваема. Однако возьмем ее отдельные аспекты.

К недавно вымершим видам относятся саудовская газель, нетопырь с острова Рождества, рифовая мозаичнохвостая крыса, калифорнийская морская свинья, алагоасский филидор, скрытный древесный гончар, голубой ара, поуули, северный белый носорог, горный тапир, гаитянский щелезуб, гигантская выдра, луговой тетерев, пиренейская рысь, месопотамская лань, красноногий ибис, аравийский орикс, рокселланов ринопитек, цейлонский слон, индри, колобус Кирка, горная горилла, белогрудый филандер, эфиопский горный козел, руконожка, викунья, гигантская панда, филиппинская гарпия и примерно еще двести видов млекопитающих, семьсот видов птиц, четыреста видов рептилий, шестьсот видов земноводных и четыре тысячи видов растений.

Нынешний уровень вымирания в несколько тысяч раз выше геологической нормы, что ставит его на шестое место в истории Земли и наиболее точно демаркирует начало антропоцена. Другими словами, мы переживаем катастрофу биосферы, которая оставит четкий след в палеонтологической летописи до скончания Земли. Кроме того, массовое вымирание — один из наиболее очевидных примеров человеческих действий, не поддающихся исправлению вопреки всем экспериментам по воскрешению вымерших видов и характерной живучести земной флоры и фауны. Закисление и обескислороживание океанов — еще один пример человеческих действий, которые невозможно исправить. Связь между закислением и обескислороживанием океанов и массовым вымиранием вскоре зайдет так далеко, что первое придаст колоссальное ускорение второму.

Разумеется, эволюция в будущем заполнит опустевшие экологические ниши новыми видами. Утраченное богатое видообразование восстановится всего через каких-нибудь двадцать миллионов лет.

13

Стоило Фрэнку вспотеть, как сердце начинало неистово колотиться, и вскоре он уже бился в агонии панического припадка. Пульс — 150 ударов в минуту или выше. Знание, что ему ничего не грозит и что приступ паники связан с давним событием, не помогало. Не помогало и то, что он теперь жил в Глазго и работал на мясокомбинате, где мог в любое время зайти в холодильную камеру, в которой температура не превышала нескольких градусов выше нуля. Когда начинался приступ, что-то делать было поздно, разум и тело мгновенно захлестывал жуткий ураган биохимических реакций, бьющийся в венах метамфетаминовым параноидным кошмаром.

Такое состояние люди называли посттравматическим стрессовым расстройством. Фрэнк это знал, слышал множество раз. ПТСР — бич нашего времени. Один из терапевтов объяснил, что определяющей характеристикой синдрома является то, что человек, даже понимая, что происходит, все равно не способен остановить приступ. В этом смысле, признал терапевт, название вы-

брано не очень удачно. Диагноз необходим, но одного диагноза мало. А что нужно еще, никто не знает. Есть разные подходы. Ни одна терапия не зарекомендовала себя полностью эффективной, большинство из них все еще находятся в стадии экспериментов.

Воссоздание события, вызвавшего расстройство? Не сработало.

Фрэнк испробовал этот метод во время поездки в Кению, провел целый день под воздействием температур, которые постепенно подползали близко к уровню, несовместимому с жизнью. В итоге приступы паники стали повторяться каждый день, пришлось прервать поездку и вернуться в Глазго.

Виртуальная среда, в которой можно изучать аспекты события? Не сработало. Он играл в компьютерные игры, заставляющие переживать этапы события, не теряя контроля, однако игры были сделаны так же ублюдочно, как «фильмы для взрослых». Приступы происходили часто, хоть с играми, хоть без.

Мысленная проработка: Фрэнк составлял описание события, накачанный бета-аденоблокаторами. Полусонная из-за блокаторов память снова и снова выдавала: «Я пытался завести лю-

дей в дом. У меня был в кладовке бак с водой. Я это скрыл. Дуло пистолета похоже на черный кружок. Никто не выжил».

Не катит. Приступов безотчетной конвульсивной паники и кошмаров стало только больше.

Почти через раз, заснув, Фрэнк просыпался от кошмара в холодном поту. Подчас образы были жестоки до садизма. Очнувшись от подобного сна, он пытался согреться, чтобы снова зашевелились окоченевшие пальцы ног, ворочался с боку на бок, старался позабыть кошмар и вновь заснуть; иногда эти попытки отнимали несколько часов, а иногда не помогали вообще. Следующий день он проводил как заторможенный зомби, тупо выполнял работу или играл в компьютерные игры, в основном такие, где можно перепрыгивать из одной точки в другую в условиях низкой силы притяжения. С астероида на астероид.

Терапевты рассуждали о событиях-триггерах, о том, как их избегать. Этой удобной метафорой прикрывался факт, что вся жизнь есть, по сути, длинная череда событий-триггеров. Что сознание тоже триггер. Стоило проснуться, вспомнить, кто ты, и пожалуйста — приступ паники. Преодолев его, Фрэнк старался кое-как дожить день до конца. Если отдать себе мысленный приказ

не думать о чем-то, то заведомо будешь думать именно об этом. Надо вытеснить, забыть; но он так и не научился забывать. Постоянно отвлекать разум невозможно.

Лучшим способом противостоять ПТСР считалась когнитивно-поведенческая терапия. КПТ давалась с трудом. Фрэнк относился к ней как к религиозному откровению, узенькой дорожке над пропастью. Когда он произнес эту фразу, один из психотерапевтов заметил, что по узкой дорожке над пропастью ходят абсолютно все, такова суть жизни. Фрэнк возразил: моя жизнь — натянутый канат, постоянно приходится следить за равновесием. В этом смысле отвлекаться — только себе вредить. Если слишком сильно отвлечься, один неверный шаг — и ты свалишься в пропасть. Нужна постоянная бдительность, а ведь она тоже вредна, это лишь еще один способ помнить о проблеме, уделять ей внимание. Сверхбдительность — часть расстройства. Выхода нет. Кроме сна без сновидений. Или смерти.

Медикаменты. Транквилизаторы не то же самое, что антидепрессанты. Первые предназначены для того, чтобы нарушить восприятие мозгом стимулов типа «бей или беги», дать сознанию чуть больше времени, чтобы сделать вывод

об отсутствии реальной угрозы и успокоить организм. Разумеется, у этих медикаментов есть побочные эффекты. Например, эмоциональное безразличие. Такой эффект даже где-то полезен. Если задушить все эмоции, то вместе с положительными неизбежно уйдут и негативные и потом уже вряд ли возникнут, даже если сначала подавляли все остальные. Допустим, эмоционального безразличия удалось достичь. Что дальше? Идти по жизни как бездушный робот, вот что. Принимать пищу словно заправляешь старое авто. Морить себя физическими упражнениями в надежде, что усталость поможет безмятежно проспать всю ночь. Стараться ни о чем не думать, ничего не чувствовать.

Прожив в таком режиме несколько месяцев и лет, Фрэнк вернулся в Индию.

Он жаждал увидеть, поможет ли возвращение. Не попробовав, не узнаешь. Такая поездка — разновидность терапии, использующей негативные раздражители или, скорее, эффект личного присутствия. Пациент возвращается на место преступления. Помимо этого он одержим идеей. У него есть план.

Фрэнк самолетом прилетел в Дели, поездом доехал до Лакхнау, вышел на вокзале и сел в

переполненный загородный автобус. Зрительные образы, запахи, жара, влажность — все это триггеры. Но так как реальным триггером было сознание, он собрался с духом и стал смотреть в пыльное автобусное окно, ощущая, как из пор выступает пот, как ходит в легких воздух, как, словно пытающийся вырваться из неволи ребенок, бьется сердце. Прими! Не сдавайся!

Фрэнк сошел с автобуса на центральной площади. Постоял, осмотрелся. Люди были повсюду, всех возрастов, индусы и мусульмане, все как прежде, одни от других мало чем отличались, а иногда не отличались совсем, однако привычный глаз выхватывал всякие мелочи — тилак, круглую шапочку особого покроя. Обычная пестрота, характерная для этого города со времен Акбара, если не раньше. Как будто за четыре года ничего не изменилось. Никаких следов былой трагедии.

Несомненно, где-то должен быть хотя бы мемориал. Фрэнк спустился к реке с бешено стучащим сердцем, пылающей кожей. Одежда пропиталась потом, он пил воду из бутылки, которую принес с собой в рюкзаке, медленно, один маленький глоток за другим, и все равно бутылка быстро опустела. В нем все пульсировало, глаза ел пот, из-под спортивных солнечных очков неудер-

жимо текли слезы. Поляризация стекол мало сдерживала врезающиеся в сетчатку сполохи яркого света. Куда ни глянь, в глазные яблоки иглами втыкались знакомые виды.

Озеро не изменилось. Как оно могло оставаться прежним, почему его не осушили, не построили на его месте какой-нибудь мавзолей или храм, на худой конец — многоэтажный жилой дом или базар?

С другой стороны, кто из очевидцев выжил и мог вспомнить, что происходило в ту неделю? Здесь уцелевших просто нет. А что касается тех, кто приехал очистить город от трупов, то для них озеро было одним из многих мест, похожих друг на друга как две капли воды. Что толку зацикливаться на каком-то одном? Нет, Фрэнк был единственным оставшимся в живых. Никто из свидетелей не уцелел, чтобы сохранить память. В глазах прохожих, толпой идущих по узкой дорожке, жалкому подобию тропинки над обрывом, она всегда выглядела как сегодня. О прошлом не напоминает даже табличка, не говоря уже о памятнике, сравнимом с отданием воинских почестей.

Фрэнк вернулся на автобусную остановку. Немного подумав и купив пару новых бутылок воды

с прилавка под открытым небом, он решил посетить свой бывший офис. Здание никуда не делось. Помещения занимали адвокаты, бухгалтеры и стоматолог. По соседству открылся непальский ресторан. Здание как здание. Но то, что происходило в его стенах…

Фрэнк почувствовал резкий приступ слабости и опустился на бордюр. Его прошибала дрожь, он обхватил голову руками. Прошлое по-прежнему сидело в голове — каждый час, каждая минута. Водяной бак в кладовке.

Он поднялся и пошел обратно к автовокзалу, сел в первый же автобус до Лакхнау. Оттуда позвонил по номеру, который ему дали. Ответил мужской голос на хинди. На ломаном хинди Фрэнк спросил, нельзя ли перейти на английский. Мужчина ответил: «Да. Что надо?»

— Я был там, — ответил Фрэнк. — Я был там во время великой жары. Я американец. Работал с гуманитарной группой, мы занимались проектами развития. Я видел, что здесь было. Теперь вот вернулся.

— Зачем?

— У меня есть друг. Он рассказал мне о вашей группе.

— Какой группе?

— Мне говорили, что она называется «Хватит» и практикует «прямые акции».

На том конце воцарилось молчание.

— Я хочу помочь. Я должен что-то делать.

Снова молчание. Наконец человек спросил: «Где ты сейчас находишься?»

Мучаясь от жары, Фрэнк просидел возле железнодорожного вокзала целый час. Когда уже казалось, что организм высохнет и рассыплется, у бордюра остановилась машина, из которой выскочили двое молодых парней.

— Ты тот фиранги, что звонил нам?

— Да.

Один из парней поводил вокруг Фрэнка продолговатым устройством, второй быстро его обыскал.

— Хорошо, садись.

Как только Фрэнк опустился на переднее пассажирское сиденье, машина, взвизгнув покрышками, рванула с места. Парни на заднем сиденье завязали ему глаза.

— Мы не хотим, чтобы ты знал, куда мы тебя везем. Тебя не тронут, если ты тот, за кого себя выдаешь.

— Тот, тот, — заверил Фрэнк, не возражая против повязки. — Хотел бы я, чтобы это было не так,

но я тот самый.

Парни промолчали. Автомобиль сделал несколько резких поворотов, Фрэнк то упирался плечом в дверь, то кренился набок, удерживаемый ремнем безопасности. Небольшой автомобиль с электроприводом производил совсем мало шума, однако ускорялся и тормозил очень сноровисто.

Наконец машина остановилась, Фрэнка куда-то повели по ступеням. В какое-то здание. Повязку сняли. Он очутился в комнате, заполненной молодыми людьми. Среди дюжины мужчин он заметил одну женщину. Все смотрели на гостя с любопытством.

Фрэнк рассказал свою историю. Собравшиеся время от времени угрюмо кивали, сверля рассказчика сверкающими глазами. Ему ни разу в жизни не приходилось выдерживать столь пристальных взглядов.

Когда он закончил свой рассказ, собравшиеся переглянулись. Наконец слово взяла женщина:

— И чего ты хочешь теперь?

— Присоединиться к вам. Заняться чем-то полезным.

Группа начала переговариваться на хинди — слишком быстро, чтобы он мог уследить. А

может, на другом языке — бенгали или маратхи. Фрэнк не разобрал ни единого слова.

— Ты не можешь к нам присоединиться, — заявила женщина, когда группа закончила совещаться. — Ты нам не нужен. Знай ты все, чем мы занимаемся, возможно, и сам бы передумал. Мы дети Кали, так что ты не можешь стать одним из нас, хотя и находился здесь во время катастрофы. Но кое-какую помощь ты способен оказать: передай наше послание миру. Кто знает, вдруг это принесет пользу. По крайней мере, хотя бы попробуешь. Скажи им: пусть изменят свои привычки. Если они этого не сделают, мы будем их убивать.

— Сделаю, — пообещал Фрэнк. — Но я хочу большего.

— На здоровье. Мы тебе не запрещаем. Только не с нами.

Фрэнк кивнул, уставившись в пол. Этим людям не объяснишь. Никому не объяснишь.

— Хорошо. Я сделаю все, что могу.

14

Настало время бежать. Медлить дальше было слишком опасно.

Я работал врачом, руководил небольшой клиникой с помощником и тремя медсестрами, еще пара человек вели дела в офисе. Жена — учитель фортепиано, дети ходили в школу. Потом в наш район пришли повстанцы, начались бои с правительственными войсками, солдаты наводнили город, людей убивали прямо на улицах. Даже нескольких детей в школе, где учились мои дети, убили. Клинику взорвали. Когда я пришел туда и смог заглянуть через руины во внутреннюю часть процедурного кабинета, сразу понял: надо уходить. Мы почему-то попали в разряд врагов.

Я спросил друга, который до войны работал журналистом, не мог ли бы он свести меня с контрабандистом, чтобы тот переправил нас в какое-нибудь безопасное место. Я даже не представлял себе, куда именно. Любое место было надежнее нашего. Когда мой друг понял, о чем я прошу, он вышел из-за стола и обнял меня. «Мне очень жаль, что мы до такого докатились, — ска-

зал он. — Я буду скучать по тебе». Его слова ножом ударили мне в сердце. Мой друг сразу понял, что означало это путешествие. Я сам еще не успел понять, а он уже понял. Прочитав это понимание на его лице, я рухнул на стул, как подстреленный. У меня подогнулись колени. Эта метафора очень точно передает, что происходит в момент шока. В организме идет какая-то физиологическая реакция, но я не знаю, как ее описать.

Контрабандист запросил очень много, столько, что его услуги могли позволить себе только люди с приличными сбережениями. Большинство горожан никуда не могли уехать. Мы смогли себе это позволить. Однажды мой друг позвал меня прийти вечером в кафе и привел с собой нужного человека. Незнакомец был вежлив, но холоден. Настоящий профессионал. Попросил показать деньги, спросил, сколько человек в моей семье, когда я буду готов, все в таком духе. Сказал, что сможет переправить нас в Турцию, потом в Болгарию, а оттуда — в Швейцарию или Германию. Я сходил в банк, снял деньги, вернулся домой, все рассказал жене, вместе мы сказали детям, чтобы уложили каждый по чемодану, мол, отправляемся в путешествие. В тот же вечер, в полночь, у нашего дома остановилась машина,

мы спустились, сложили чемоданы в багажник, сами загрузились в салон. Когда мы отъезжали, я посмотрел из окна на нашу квартиру и понял, что больше никогда ее не увижу. Прошлая жизнь закончилась. У меня сложились свои привычки, я любил после работы или поздно вечером, когда спадала жара, посидеть в кафе, выпить кофе, сыграть партию в триктрак, поболтать с друзьями. Мы с женой подружились с другими парами, вместе готовили, присматривали за детьми. Хорошо знали хозяев продуктовой лавки, местных магазинчиков. Все у нас было не хуже, чем у других. Я до сих пор это помню. Но уже плохо.

15

Я веду протокол для Бадима с регулярной — каждый понедельник — встречи управленческой группы министерства. Потом подчищу и отправлю.

Мэри Мерфи проводит совещание в конференц-зале рядом с офисом на Хохштрассе. Надо было перед совещанием сходить в туалет.

Бадим сидит по левую руку от Мэри, за столом — тринадцать начальников отделов, остальные за их спинами, у стены. Джордж уже клюет носом.

Татьяна В. Юрист. Сегодня утром Международный суд отказался принять иск по Индии. Мечет молнии.

Имбени Халле, инфраструктура, ее переманили из «Намкора».

Юрген Атцген, местный, из Цюриха. Ездит на работу из дома у озера. Страхование и перестрахование. Ветеран «Свисс Ре».

Боб Уортон, юннат. Эколог из Америки. Снижение рисков и адаптация.

Главная по климату, Адель Элья. Француженка,

координирует науку о климате. Начинала гляциологом, терпеть не может совещания. Сама однажды так сказала во время встречи. Говорит, восемь лет провела на ледниках. Хочет вернуться. Криосфера между делом продолжает таять.

Хо Ка-Мин, эколог из Гонконга. Изучение биосферы, восстановление естественной среды, создание резерватов, защита животных, возрождение дикой природы, сокращение выбросов углерода биологическими методами, сохранение водоразделов, восполнение запасов подземных вод, общинное землевладение, проект «Половина Земли». Все тянет в одиночку.

Эстеван Эскобар, чилиец. Океаны. Склонен впадать в отчаяние.

Елена Куинтеро, сельское хозяйство. Из Буэнос-Айреса. Они с Эстеваном часто шутят о соперничестве Аргентины и Чили. Помогает Эстевану не вешать нос.

Индра Далит, Джакарта. Геоинженерия. Работает с Бобом и Юргеном.

Дик Босуорт, австралиец, экономист. Козырь в нашей колоде. Налоги и политическая экономия. Спускает нас с облаков на землю.

Янус-Афина, ИИ, интернет, все цифровое. Сама тоже очень цифровая.

Эсмери Зайед. Иорданская палестинка. Беженцы, связи с УВКБ ООН.

Ребекка Толлхорз, Канада. Защита прав коренных народов.

Мэри начинает совещание с вопроса о новых событиях.

Имбени: занята планами переориентации добывающих ископаемое горючее компаний на проекты по декарбонизации. Техническая база, как ни странно, адекватна. Процессы извлечения и закачивания используют одну ту же технологию, просто их надо поменять местами. Персонал, капитал, оборудование, мощности — все это можно использовать как для извлечения, так и для закачивания, либо через сотрудничество, либо под давлением закона. Нефтяные компании смогут продолжать работу, но при этом будут приносить пользу.

Татьяна проявляет интерес. Остальные настроены скептически. Улавливание углерода и закачивание его в пустые нефтяные скважины — сомнительная затея с точки зрения осуществимости.

Мэри: собери побольше сведений. Надо провести расчеты, какие объемы можно охватить естественным путем.

Юрген: страховые компании в панике по подводу отчетов за прошлый год. Выплаты составили около ста миллиардов долларов США за год и быстро растут, график напоминает хоккейную клюшку. Страховщиков прикрывают перестраховщики. Они остались с носом (или с клюшкой?). У них нет возможности требовать страховые взносы в размерах, покрывающих выплаты, да и никто не способен их потянуть. Из-за непрогнозируемости страховые компании, как в случае с войнами и политическими беспорядками, попросту отказываются страховать экологические катастрофы. Фактически страхованию пришел конец. Все действуют на свой страх и риск. Государство — плательщик последней инстанции, однако большинство государств увязло в долгах финансистам, тем же перестраховочным компаниям. Никто не отступится, не рискуя обрушить доверие к деньгам. Вся система висит на волоске.

Мэри: а если волосок оборвется?

Юрген: тогда деньги перестанут быть деньгами.

В зале наступает тишина. Юрген добавляет: теперь вам должно быть ясно, почему перестраховщики надеются на снижение климатических

рисков! Нельзя допустить конец света!.. Никто не смеется.

Боб Уортон: какие-то риски можно снизить, а какие-то нет. К чему-то можно адаптироваться, а к чему-то нет. К тому же невозможно адаптироваться к рискам, которые сейчас не получается снизить. Надо сначала все расставить по местам. В первую очередь сказать приспособленцам, что у них дерьмо в башке. Эта свора экономистов и гуманитариев понятия не имеет, о чем они рассуждают. Адаптация — это бред.

Мэри ловко останавливает словоизвержение Боба. Сочувственно косится, в то же время рассекает воздух ладонью. Типа и ежу понятно. Переходит к Адели и остальным.

Адель: думаете, это самое плохое? Шутка вызывает смех. В крупных антарктических ледниковых бассейнах, в основном Виктории и Тоттене, лед сползает вниз все быстрее и быстрее. Скоро в море обрушатся несколько тысяч кубометров льда. Похоже, что процесс займет всего несколько десятилетий. Уровень океана гарантированно поднимется на два метра, а может быть, и больше (на шесть!). Прибрежные города, пляжи, марши, коралловые рифы и многие виды рыбного промысла ждет гибель. Десять процентов на-

селения мира будут вынуждены мигрировать, пропадут двадцать процентов продовольственных ресурсов. Как нокаутирующий удар в лицо поплывшего боксера. Цивилизации — капут.

Юрген вскидывает руки. Такие убытки невозможно подсчитать!

Все равно подсчитай, приказывает Мэри.

Юрген хмурится, представляя себе общую картину. Квадрильон? Запросто. Тысяча триллионов, не меньше. А может, и все пять квадрильонов.

Дик: проще сказать — бесконечность.

Адель: Число видов, находящихся под угрозой, сравнимо с Пермским периодом. (Нагнетает?) На Пермский период пришлось самое массовое вымирание. Мы скоро его догоним.

Ка-Мин: девяносто девять процентов всего мяса поставляют люди и их домашние животные — крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы. Живые дикие животные составляют всего один процент от общего количества мяса. Их все меньше. Многие виды скоро исчезнут.

М: как скоро?

К: лет через тридцать.

Эстеван: на дикую рыбу сейчас приходится всего двадцать процентов океанских рыбных запасов.

Мэри прекращает прения. Смотрит на коллег. Говорит не торопясь.

Бюджет МБ 60 млрд долл. США в год. Это много. Всемирный ВНП — 100 триллионов в год. Половина ВМП приходится на т. н. потребительские расходы зажиточных людей, то есть покупку второстепенных товаров, портящих биосферу. Корабль идет ко дну. Паразит убивает носителя. Даже производительная часть ВМП — продовольствие, здравоохранение и жилье — выжигает мир. Короче — жопа.

Коллеги смотрят букой.

Итак, пора определиться, в каких точках следует потратить министерские шестьдесят миллиардов, чтобы получить максимальную отдачу.

Дик: денег министерства не хватит, чтобы что-то изменить. Менять надо законы — вот где точка максимальной отдачи.

Татьяне понравилось.

Имбени: критическая инфраструктура тоже нуждается в финансировании.

Елена: новые методы с/х.

Мэри обрубает дебаты. Раз, два, три! Хватит. Надо проталкивать перемены, время не ждет. Любыми средствами.

Бадима последняя фраза насторожила. Непо-

нятно почему. Он удивленно смотрит на Мэри.

16

Вероятно, часть двух процентов богатейших людей Земли решила махнуть рукой и больше не делать вид, что «прогресса», «развития» или «процветания» способны достигнуть все восемь миллиардов обитателей планеты. Довольно долгое время, век или два, «процветание для всех» оставалось официальным девизом; считалось, что, несмотря на существование неравенства, если поддержать программу и не раскачивать лодку, то прилив поднимет с мели всех на ней застрявших, даже последних доходяг. Однако в начале двадцать первого века выяснилось, что Земля не способна поддерживать западный уровень жизни для всех и каждого, после чего богачи удалились в свои особняки-крепости, подкупили либо связали по рукам политиков, чтобы те их не трогали, и, закрыв двери на засов, стали ждать наступления непонятно откуда лучших времен, что, по сути, сводилось к максиме — на наш век и, если повезет, на век наших детей хватит, а потом *après moi le déluge*[5].

---

[5] Примечания: 5
После меня хоть потоп (*фр.*).

Рациональная реакция на непреодолимую проблему? Так, да не так. Наука нашла доказательства: если имеющиеся в наличии ресурсы Земли разделить поровну между восемью миллиардами ее обитателей, то внакладе никто не останется. Все будут жить в достатке. Наука твердо поддерживает аргумент в пользу того, что достаток, когда люди уверены в его постоянстве (это критический момент), делает их здоровее и счастливее богачей. То есть главный итог равного распределения в том, что оно улучшит жизнь каждого.

Богатые нередко фыркают, услышав об этом исследовании, а после не могут заснуть, переживая за свою охрану, налоговых адвокатов, риск судебного преследования. Дети одержимы зазнайством, здесь даже не пахнет любовью. Как правило, богатые страдают от переедания и всяческих излишеств, из-за этого проблемы со здоровьем, томление духа и экзистенциальная тоска, короче, тычок невыспавшейся мордой в откровение, что наука в какой уже раз оказалась права: здоровье, любовь или счастье не купишь за деньги. Следует все же добавить, что устойчивый денежный достаток действительно необходим как подпорка для всех названных благ. Согласно

социологическому анализу, золотой серединой, зоной уюта является личный доход на уровне 100 000 долларов США в год или примерно то самое количество денег, которое получает большинство научных работников, — что выглядит по многим основаниям подозрительно, однако таковы их выкладки.

Подсчитать каждый может сам. «Общество 2000 ватт», созданное в Швейцарии в 1998 году, рассчитало, что, если всю энергию, потребляемую домохозяйствами, поделить на число живущих сейчас людей, то на каждого придется примерно по 2000 ватт энергии или по 48 киловатт-часов в сутки. После чего члены общества решили жить, не превышая этот уровень потребления, и посмотреть, что из этого получится. Оказалось, не так страшен черт, как его малюют. За расходом энергии пришлось следить, но жизнь отнюдь не напоминала череду страданий. Более того, участники сообщали, что эксперимент придал их жизни новый образ и смысл.

Выходит, энергии должно хватить на всех? Да. Хватит ли на всех пищи? Да. А жилья? Вполне. Реальных препятствий для этого нет. То же самое относится к одежде. Хватит ли на всех услуг здравоохранения? Пока нет, но в будущем, возможно,

хватит. Это — вопрос обучения людей и производства небольших технологичных предметов; для такого производства нет серьезных преград в любой точке планеты. Точно так же обстоит дело с образованием. Все необходимое для жизни уже имеется в достаточном количестве для всех — пища, вода, кров, одежда, медицина, образование.

А хватит ли всем безопасности? Безопасность — это чувство уверенности, что все, что у вас есть, все вышеперечисленные блага, у вас и ваших детей не отберут. То есть одно вытекает из другого. Безопасности хватит на всех, но только если все будут уверены в завтрашнем дне.

Когда один процент живущих управляет трудом всех остальных, забирая себе намного больше личной доли благ, производимых этим трудом, притом всячески тормозя проекты равенства и самодостаточности, то этот замысел значительно труднее осуществить. Это понятно без объяснений, хотя объяснения все равно необходимы.

Итог: всем всего хватит. Никто не должен жить в бедности. Миллиардеров тоже не должно быть. Достаточность должна быть правом человека, тем уровнем, ниже которого никто не должен упасть, а также потолком, выше которого никто не мог бы прыгнуть. Достаточность — это то доб-

ро, от которого добра не ищут.

Задание для читателя: как такое устроить?

17

Сегодня мы собрались, чтобы уяснить, кто приводит мировую экономику в движение. Кто те люди, которые, образно говоря, заставляют мир вертеться? Очевидно, они в меньшинстве, ибо часто повторяют, что большинство сегодня активно приветствует перестройку системы.

Такое может заявить только глупый человек.

Ну, так только что сказал я.

Да.

Однако вернемся к вопросу: кто на самом деле приводит рынок в движение? То есть кто его теоретически объясняет, внедряет, обслуживает, защищает?

Полиция, закон.

Можно ли предположить, что люди, принимающие законы, тоже тесно с этим связаны?

Да.

Однако законодатели часто являются юристами, у которых нет собственных идей. Можно ли предположить, что идеи законов им подсказывает кто-то еще?

Да.

И кто же эти «кто-то еще»?

Мозговые тресты. Профессура.

То есть люди, имеющие степень по бизнес-администрации?

Университетские преподаватели любого типа. К ним быстро присоединяются студенты.

Экономических факультетов?

Всемирная торговая организация. Фондовые рынки. Все законы, а также обслуживающие эти законы политики и бюрократы. Принуждающие к исполнению законов полиция и армия.

Ну и, полагаю, директора компаний.

Банки. Ассоциации акционеров, пенсионные фонды, индивидуальные акционеры, хедж-фонды, финансовые фирмы.

И главное место во всем этом занимают центральные банки, не так ли?

Да.

Кто еще?

Страховые компании, перестраховочные компании, крупные инвесторы.

А также их алгоритмы, правильно? Значит, и математики тоже?

Математика — примитив.

Тем не менее примитивная математика требует наличия математиков, ведь мы с вами совершен-

ные болваны.

Да.

Кроме того, я полагаю, сюда же надо отнести обычные цены, процентные ставки и тому подобное. То есть саму систему.

Но вы спрашивали насчет людей.

Да, мы имеем дело с сетью акторов. Однако некоторые акторы сети не являются людьми.

Вздор.

Как? Вы не верите в существование сетей акторов?

Нет, сети акторов существуют, однако решения о каких-либо изменениях могут принимать только те акторы, у кого для этого имеются возможности. Вы говорили о них.

Хорошо. Как насчет денег?

Что насчет денег?

На мой взгляд, деньги ведут себя подобно силе земного тяготения: чем больше у вас накапливается денег, тем сильнее становится их притягательная сила. Все как в случае с массой и гравитационным притяжением.

Изящно.

Главное, что система велика и хорошо отточена!

Очень глубокая мысль.

Ладно, вернемся к тем, кто является, по сути, администраторами нашей экономической системы, учат других, как с ней обращаться, и совершенно не случайно больше прочих извлекают из нее выгоду. Как вы думаете, сколько таких наберется?

Около восьми миллионов.

Вы уверены?

Нет.

То есть примерно один из тысячи ныне живущих.

Молодец.

Спасибо! И еще программы, которые они написали.

Не отвлекайтесь от людей.

Что если нечеловеческие элементы системы выйдут из строя?

Не отвлекайтесь от людей. Вас стало почти интересно слушать.

Кто самые важные среди этих восьми миллионов?

Государственные законодатели.

Неудачная мысль.

Отнюдь. Почему вы так говорите?

Коррупция, глупость…

Верховенство закона.

Но…
Никаких «но». Верховенство закона.
Вы держитесь за крайне хлипкую камышинку.
Да.
А где выход?
Держаться покрепче.

18

В моделировании ПТСР используется понятие «триггер» или «спусковой механизм», отражающее мгновенность стрессовой реакции и то, что ее способно запустить некое событие, аналог небольшого металлического предмета с закругленной головкой, с виду безобидного, если только не зарядить его в пистолет. Больного учат не нажимать на спуск.

Освоение когнитивно-поведенческой терапии — нелегкая штука. Один из подходов предлагает различать приходящие в голову мысли, выявляя среди них контрпродуктивные и травматические, а затем переключать разум на положительные размышления. Этот подход часто не срабатывает. Ты знаешь, что происходит, знаешь, что это тебе вредит, но процесс остановить не можешь. Ладони потеют, сердце мечется в груди, как попавший в западню ребенок, из этой животной реальности невозможно вырваться, приказать себе: стой, опасности нет, бояться нечего, ты в кафе за столиком, сейчас полдень, легкий ветерок, низкие облака, все хорошо, пожалуйста, не кричи, не

вскакивай, не беги, успокой трясущиеся руки, возьми свою чашку кофе и…

Нажатие на спуск все равно происходит — и вот уже в лицо нацелен ствол пистолета.

Когда это случилось достаточное количество раз, то вид направленного на тебя настоящего пистолета с собственным большим пальцем на спуске — не указательным, потому как ты приставил дуло к своей груди и на спуск удобнее нажимать большим пальцем, — способен принести огромное облегчение, надежду, что страх скоро отпустит. Такие мысли приходят постоянно. Приходят так часто, что один из методов лечения ПТСР предлагает: не заморачивайся, если все будет и дальше так плохо, всегда можно покончить с собой. Некоторым страдальцам эта мысль действительно приносит разгрузку, даже становится отправной точкой на пути к исцелению. Всегда можно покончить с мучениями суицидом, так почему бы не прожить еще один день, вдруг что-то изменится?

Не бояться трудно. Не всегда получается. Сколько ни пытайся, как горячо ни желай, ты не властен над происходящим, хотя все это происходит у тебя в голове, или именно потому, что происходит у тебя в голове. Разум — странное создание. Если

бы все мысли были осознанными, или умей мы контролировать осознанные мысли, или если бы бессознательные мысли были осознанными и настроения подчинялись нашим желаниям… то когнитивно-поведенческая психотерапия и вся затея возврата к норме, возможно, работала бы. Захотел — и получил!

Ан нет. Ты посредине реки. Неподвластная тебе быстрина влечет тебя в океан. Тебя снова тащит течение, которое ты не в силах преодолеть. Ты можешь утонуть.

Фрэнк тонул. Как и утопающему, ему не хватало воздуха. Терапия всего лишь наглядно продемонстрировала, что его никто никогда не вылечит.

В некотором роде это само по себе прогресс. Оставь надежду всяк сюда входящий. Можно ли жить без надежды? В какой-то книге он вычитал японскую пословицу: живи, словно ты уже мертв. Но что именно значит этот девиз, чем он способен воодушевить? Или речь идет вовсе не о воодушевлении? По меньшей мере в нем есть загадка, двойное дно; сначала приглашение жить, потом «словно ты уже мертв». Как прийти к такому состоянию? Или это взято из кодекса самурая, кому предписано, защищая хозяина, не считаться с собственной жизнью? Эдакий лакейский

стоицизм? Быть живым щитом, орудием в чужих руках? Может, и так. В любом случае надежды приходится сначала втискивать в нужное русло.

А потому надежды на исцеление, возврат к нормальной жизни нет. На то, что случившееся на самом деле не случилось. Все это следует выбросить из головы. Терапия показала, что подобные надежды несбыточны. Надежду нужно искать в чем-то простом, в том, например, чтобы делать добро, как бы хреново тебе ни было.

Эту мысль стоило записать на клочке бумаги корявыми печатными буквами и прилепить бумажку на зеркало в ванной комнате рядом с прочими ободряющими высказываниями и картинками. Вид зеркала вызывал ассоциации с логовом сумасшедшего, но Фрэнк все равно решил прилепить новую записку.

«СТАРАЙСЯ ДЕЛАТЬ ДОБРО,
КАК БЫ ХРЕНОВО
ТЕБЕ НИ БЫЛО».

Всякий раз, когда он заставлял себя почистить зубы или побриться — что случалось все реже и реже, — его взгляд упирался в памятку, и он принимался думать о том, что мог бы сделать. Такие мысли только сбивали с толку. Но, похоже,

импульс, побуждающий искать выход в действии, сидел глубоко внутри и временами был так силен, что вызывал изжогу. Даже когда Фрэнк мучился бессонницей либо тупел от избытка сна, этот призыв внезапно обжигал его, волнами распространяясь изнутри. Он *должен* что-то делать. Дети Кали его отвергли, ладно. Стать кем-то еще? Их дальним соратником? Борцом за правое дело? Воином-одиночкой?

За завтраком, успокаивая желудок маленьким стаканчиком йогурта, он размышлял, как это можно устроить. Один человек обладает одной восьмимиллиардной долей всей силы человечества. Если, конечно, сделать допущение, что силы у всех равные, что неправда, но для его умственных построений сгодится и так. Одна восьмимиллиардная доля — это очень мало; с другой стороны, существуют яды, миллиардные доли которых вызывают смерть, так что нельзя сказать, что столь малая величина не способна ничего изменить.

Фрэнк бродил по улицам Глазго, погруженный в мысли. Вверх и вниз по холмам на восток, на север, по дорожкам такой крутизны, что местами в них были вставлены лестничные марши. Прогулки по улицам Глазго хорошо помогали

освободиться от стресса, виды города постоянно менялись вместе с изменчивой погодой, откликаясь в душе то бурей, то страхом, то внезапными вспышками восторга, то чернотой бездонной скорби. Или прекрасными видениями мира, в котором победило добро. С кем поделиться? Кому передать? Как поступал святой Франциск Ассизский? Пожертвуй собой, отрекись от себя, отдай все, что у тебя есть. Выпусти на волю птиц, помогай людям. Польза от таких действий очевидна. Надо вести себя как святой Франциск. Помогать людям.

Фрэнку этого было мало. Внутренности жгло желание убивать. Карать тех, кто был в ответе за страшную жару, но не всех, зажиточные народы — да, старые империи — определенно, все они заслуживали наказания, однако имелись еще и конкретные люди, многие из них до сих живут и в ус не дуют, потратили всю жизнь на отрицание изменений климата, в защиту ископаемых видов горючего, продолжают разорять биомы, толкать к вымиранию другие виды. Зло стало для этих людей делом всей жизни, попутно они нажили большие состояния, купались в роскоши, самодовольно разрушая мир, мня себя сверхчеловеками, попирая слабых.

Фрэнк жаждал истребить таких людей под корень. Если не получится всех, то хотя бы нескольких. Жажда возмездия выжигала внутренности. С таким уровнем стресса долго не протянуть, он чувствовал это так же отчетливо, как высокое давление крови в сонной артерии. Да, он еще и страдал гипертонией. Кровь была готова вырваться наружу. Рано или поздно организм в чем-нибудь даст слабину. Но пока еще есть время для действий. Мести? Для нее тоже. Надо сыграть на опережение. Нанести упреждающий удар. Помочь остановить эскалацию зла.

Психотерапевт принимала его дважды в неделю. Милая женщина среднего возраста, интеллигентная и опытная, спокойная и внимательная. Сострадательная. Фрэнк чувствовал, что вызывает у нее интерес. Может быть, интерес вызывали у нее все клиенты. Но к Фрэнку она была точно неравнодушна.

Врач расспрашивала Фрэнка, как у него идут дела, как он себя чувствует. О жажде возмездия он помалкивал, зато об остальном рассказывал без утайки. В начале недели приступ паники вызвало облачко пара, вырвавшееся из кофейной машины в торговом зале. Ему пришлось сесть, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце.

Психотерапевт кивнула.

— Вы пробовали шевелить глазами, как мы договорились раньше?

— Нет. — Фрэнк не сомневался, что предложенная терапия яйца выеденного не стоит, но, по правде говоря, в горячке момента просто позабыл о ней. — Я забыл. В следующий раз попробую.

— Может статься, сработает. А может, и нет. Вы ничего не потеряете, если попробуете.

Он кивнул.

— Хотите, я прямо сейчас?

— Нет, это следует делать во время реакции на какое-то событие. Не хочу причинять вам лишние болезненные переживания, но вы помните, как описывали для меня случившееся с разных точек зрения? Если вы сейчас в настроении, мы могли бы попробовать проделать это еще раз, и, пока будете рассказывать, повращайте глазами. Прием помогает закрепить ассоциации.

Фрэнк пожал плечами.

— Если вы считаете, что будет прок…

— Я не знаю, будет или нет, однако попытка точно не повредит. Если она вас слишком расстроит, всегда можно остановиться — в любую минуту, как только захотите.

— Хорошо.

Он начал рассказывать о том, как впервые приехал в индийский город, как сперва все думали, что новый период жары похож на предыдущие. Говоря, Фрэнк двигал глазами, разумеется, обоими одновременно, иначе он не умел, туда-сюда, отводя взгляд до отказа влево, на нечеткие очертания книжных полок, потом с максимально возможной быстротой вправо, на такие же нечеткие цветы в вазе на окне, выходящем во двор. Сознательное усилие заставило его сосредоточиться, уделять движению глаз определенное внимание и в то же время не прерывать рассказ, который стал сбивчивым и бессвязным, не похожим на то, что он рассказывал раньше и рассказал бы опять, попроси его терапевт повторить сказанное. Очевидно, это было одним из преимуществ упражнения.

— Я приехал туда зимой, в это время там не очень жарко… но и не холодно, нет. В Гималаях, да, холодно, в ясные дни даже можно увидеть снежные вершины на севере, однако по большей части дни были… неясными. Воздух грязный почти все время. И так практически везде. Я обустроился, брал уроки хинди, работал… в клинике работал. Потом наступил период жары. Стало намного жарче, чем прежде, но все… все говори-

ли, что это нормально, что накануне муссонов всегда очень жарко. Тем не менее жара нарастала. Потом все стало происходить очень быстро. В один день зной стал настолько сильным, что даже местные испугались… На следующую ночь умерли несколько стариков и младенцев. Потрясенные, люди решили, что хуже, пожалуй, уже не будет. Они ошиблись. Отрубили электричество, остановились кондиционеры… стало не хватать воды. Люди паниковали, и не зря. Зной превысил способность человеческого организма к сопротивлению. У этого явления есть название — гипертермия. Невозможно дышать. Прекращает выделяться пот. Ты зажариваешься, как кусок мяса в духовке, и сам это чувствуешь. Под конец многие спустились к озеру, где температура воды была как в бане. Вода… ее нельзя было пить. Там умерли очень многие.

Фрэнк замолчал, позволив глазам отдохнуть. Он чувствовал, как мускулы за глазными яблоками сокращаются от непривычных усилий. Как любым другим мышцам, им требовался отдых.

— Я заметила, что на этот раз вы почти не говорили о себе.

— Вот как? Мне казалось, что говорил.

— Вы постоянно вели речь о других. Они делали

то, с ними случилось се.

— Ну, я ведь тоже был там, среди них.

— В то время вы считали себя одним из них?

— Н-нет. То есть они это они, а я это я. Наблюдал за ними, с некоторыми разговаривал. Обычное дело.

— Разумеется. А рассказ о себе вы могли бы повторить, одновременно двигая глазами?

— Не знаю.

— Не хотите попробовать?

— Нет.

— Хорошо. Как-нибудь в другой раз. Мы также можем попробовать установить двусторонний контакт с помощью маленьких звонков, которые вы будете держать в руках. Помните, я вам их показывала? В ходе рассказа следует нажимать поочередно левый, потом правый, и так все время. Это легче, чем водить глазами туда-сюда.

— Я не хочу этим сейчас заниматься.

— Тогда в следующий раз?

— Я не знаю, когда он будет.

— Вы не хотите?

— Нет. С чего бы мне хотеть?

— Согласно теории, рассказывая свою историю, вы в определенной степени формируете память о событиях, облекая ее в слова. Если рассказывать,

одновременно водя глазами или нажимая на звонки, это предположительно создает некую внутреннюю отстраненность между вами и вашей памятью о событии, которая и приводит к переживанию события заново, выступает спонтанным триггером нового приступа. Поэтому, когда это случается и вам требуется облегчение, можно, пошевелив глазами, вспомнить вашу устную версию события, что, по идее, должно предотвратить переживание события заново. Если я доходчиво объясняю.

— Да. Я понял. Не уверен, что в это верю, но понять понял.

— Вот и хорошо. Стоит попробовать?

— Может быть.

Осенью Фрэнк принял приглашение одной знакомой поработать в Антарктиде. Знакомая состояла главным исследователем в небольшой группе ученых, отправлявшейся в Сухие долины для изучения водного потока, ненадолго возникавшего там каждое лето, — реки Оникс. В команде нашлось место для ассистента, к тому же знакомая искренне хотела помочь Фрэнку. Раз он не переносит жару, рассудила она, то в Антарктиде ему самое место.

Неплохо, прикинул Фрэнк. У него кончались

деньги, оставленные в наследство бабушкой, а он все еще не желал просить о помощи родителей или свою организацию в Америке, так что лишний заработок не помешал бы. И вот в ту же осень Фрэнк самолетом прибыл в Денвер, прошел собеседования, подправил резюме, выбросив из него индийский эпизод, был принят на работу и отправлен сначала в Окленд, потом в Крайстчерч, оттуда дальше на юг, на антарктическую станцию Мак-Мердо, остров Росса. Сухие долины располагались по другую сторону пролива Росса между хребтом Ройял-Сосайети и покрытым льдами морем. Холод стоял даже в салоне самолета, напоминавшем интерьер длинного складского ангара. Точно так же дело обстояло с постройками в Мак-Мердо, как старыми, так и новыми, похожими на пакгаузы или служебные здания — ни одно из них не прогревалось выше 15–16 градусов. Даже от очереди на раздачу в столовой веяло холодком. Фрэнка все это устраивало.

С другой стороны, в их домике у Сухих долин, где они принимали пищу, было тепло, но не так чтобы очень. В спальных домиках было немного жарко и душно, зато разрешалось спать в индивидуальной палатке. В палатке стояла такая холодина, что подходящий спальный мешок

весил почти пять килограммов — вот сколько гусиного пуха требовалось, чтобы человек не замерз насмерть. Фрэнк дышал, высовывая нос из мешка; периодическое вторжение ледяного воздуха напоминало, насколько низка внешняя температура, хотя солнце не прекращало светить ни минуты. Круглосуточный солнечный свет поначалу смущал, потом Фрэнк к нему привык.

Лютый холод почему-то постоянно наводил на мысли о температуре как таковой; чтобы отогреть замерзшие на полевых работах руки, ученые довольно основательно нагревали домик-столовую, от чего в помещении возникала парная духота, что вызывало у Фрэнка ощущение бесконтрольного скольжения вниз по ледяному склону. В полном отрыве от источников помощи рецидив обернулся бы по меньшей мере большим неудобством, а по большей — катастрофой. Коллеги упоминали, что эвакуация вертолетом — большая редкость и дорого стоит. Поэтому Фрэнк избегал тепла. И все-таки порой ничего не оставалось, кроме как скрыть приступ и надеяться, что он не повторится. Временами Фрэнк вращал глазами, словно наблюдал за партией в пинг-понг.

На стоянке имелась сауна. Сам он, естественно,

никогда в нее не заглядывал, но однажды ночью, возвращаясь к своей палатке под яркими лучами солнца, Фрэнк поравнялся с домиком-сауной именно в тот момент, когда из нее выскочила ватага полуголых ученых в купальных костюмах, визжащих от удовольствия и резкой смены температур. Тела, окутанные облаком пара, напоминали розовые хлопушки, готовые вот-вот взорваться. Безобидная сцена и крики восторга, так похожие на крики боли, немедленно нажали на «спуск». Сердце Фрэнка застучало так часто и с такой силой, что все поплыло перед глазами, колени внезапно подогнулись, и он рухнул лицом в снег. Вид розовых тел-хлопушек заставил сердце сорваться в галоп, и вот уже Фрэнк лежит на жестком ледяном насте. Упал в обморок у всех на виду. Купальщики, разумеется, бросились на помощь, один из них измерил пульс и встревоженно воскликнул: «Боже мой, да у него тахикардия!» Говорят, пульс бился с частотой 240 ударов в минуту. Двумя часами позже уже шумел винтами присланный за Фрэнком медицинский вертолет. После эвакуации в Мак-Мердо, когда начальство Государственного научного фонда получило полную информацию о недуге и причинах, которые его вызвали, Фрэнка обвинили в

фальсификации анкетных данных и отправили домой.

19

Мы проторчали в море что-то около восьми лет. Расплатиться с нами обещали, когда мы где-нибудь пристанем, но все понимали, что этого никогда не случится. Нам не заплатят, мы не пристанем. Мы рабы. Когда отказываемся работать, нас запирают в каюте и не кормят. И мы снова выходим на работу.

Кормежка — отбросы, рыбьи головы и кишки из улова, хочешь — ешь, хочешь — подыхай. Мы ели. И работали — как не работать? Закидывали ярусные канаты, вертели катушки, стараясь, чтобы не отхватило пальцы или всю руку. Это не всегда получалось. В южной Атлантике часто штормит, в центре Атлантического океана еще хуже. Несчастные случаи происходили постоянно. Иногда парни просто перекидывались за борт. Один даже помахал на прощанье, прежде чем его накрыло волной. Все понимали, почему они так делают. Смерть, возможно, самый лучший выход, но она требует смелости. Пока ты жив, можно помечтать о каком-нибудь неожиданном событии, которое все изменит.

И однажды оно произошло. На горизонте появился корабль — в этом как раз не было ничего необычного, такое происходило постоянно. Приходили не только рыболовные суда, как наше, с невольниками или без, но также транспорты, забиравшие улов и доставлявшие припасы, чтобы нам самим не заходить в порт. Так у них было устроено. Мы понятия не имели, из каких стран эти корабли.

Поэтому все, даже капитан с помощниками, подумали, что к нам приближается очередной транспорт. Видимо, люди на том корабле знали какие-то условные сигналы и обманули капитана. Когда судно поравнялось с нашим ярусоловом и мы зацепили его гаком, через борт спрыгнули какие-то люди и направили на нас автоматы. Мы вскинули руки вверх — как в кино, да только кино получилось смешное, потому что почти все улыбались до ушей. Я тоже улыбался, чтобы не заорать от радости.

Нас заперли в каюте. Когда незнакомцы снова появились и начали задавать вопросы, мы с готовностью отвечали. Может, это были пираты, которые собирались заставить нас работать на кого-то еще или даже убить, однако каждый из нас все равно рассказал, как он сюда попал, кто

капитан, а кто все остальные. Сначала нас держали в каюте, потом позвали наверх. Перелезайте на наш корабль, говорят. Мы подчинились, хотя и не ведали, что нас ждет. Все восемь рабов поднялись по веревочной лестнице на чужой корабль. Капитана с его людьми оставили на ярусолове. Пятерых. Они что-то говорили, но люди с автоматами не обращали на них внимания.

Когда мы отошли метров на сто, я заметил, что люди на борту чужого корабля ведут съемку нашего рыболовного судна. Вдруг нос нашей шхуны разворотило взрывом — прямо над ватерлинией. Хотя грохнуло негромко, весь нос оторвало. Что-то загорелось, однако в пробоину хлынула вода и потушила огонь. Через пятнадцать минут судно накренилось и начало тонуть. Второй взрыв на корме докончил дело. Обломки быстро пошли на дно. Капитан и его команда влезли на крышу рубки и что-то оттуда кричали. Ни один человек на борту корабля наших спасителей не произнес ни слова. Все лишь молча наблюдали.

— Вы решили их убить? — спросили мы стоящего рядом матроса.

— Разве на их корабле нет спасательных плотов? — ответил он.

— Мы не знаем. Надувных, что ли?

— Ну да.

— Наверное, есть.

— Значит, они либо надуют их и сбросят на воду, либо не надуют. Если не надуют, то поделом — они свое заслужили. Мы опубликуем фильм на веб-сайтах, где его увидят другие рыбаки. Если у этих есть плот, они попытаются доплыть до суши. Доплывут, значит, расскажут, что с ними произошло, всем, кто захочет слушать. Так или иначе люди узнают.

Мы смекнули, что чужаки, видимо, не полиция. Нам стало не по себе, однако спасителей не выбирают.

— О чем узнают? — спросили мы.

— О том, что рыбной ловле наступил конец.

— И слава богу, — сказали мы.

20

Коэффициент Джини, разработанный итальянским социологом Коррадо Джини в 1912 году, используется для измерения разрыва в доходах и имущественного неравенства населения конкретной страны. Как правило, он исчисляется десятичной дробью в промежутке между 0 и 1 и легок для понимания, ибо ноль соответствует положению, когда все владеют одинаковой долей имущества, а единица — такому состоянию, когда все принадлежит одному человеку, а всем остальным не принадлежит ничего. В реальном мире двадцать первого века страны с низким коэффициентом Джини, например, под управлением социал-демократов, обычно находятся на уровне ниже 0,3, в то время как страны с высоким уровнем неравенства — чуть выше 0,6. В неолиберальную эпоху в США, Китае и многих других странах коэффициент Джини подскочил с 0,3–0,4 до 0,5–0,6, причем люди, больше всех пострадавшие от роста неравенства, даже не пискнули, более того — зачастую продолжали голосовать за политиков, которые стояли за относитель-

ным обнищанием. Вот вам влияние гегемонии: пусть мы бедные, зато патриоты! Зато самодостаточны и можем за себя постоять! И так далее до раннего схода в могилу, ведь средняя продолжительность жизни у бедных граждан намного короче, чем у богатых. Поэтому всеобщая средняя продолжительность жизни впервые, начиная с восемнадцатого века, тоже начала снижаться.

Не следует думать, что положение можно описать с помощью одного коэффициента Джини. Подобная точка зрения сводилась бы к монокаузотаксофилии, предпочтению все объяснять единственной причиной, одной из наиболее распространенных когнитивных ошибок человечества. Коэффициент Джини для Бангладеш и Голландии примерно одинаков — 0,31, вот только среднегодовой доход жителя Бангладеш составляет около 2000 долларов, а жителя Голландии — 50 000. Степень расслоения на богатых и бедных важный показатель, однако если все, кто находится внутри этого промежутка, относительно состоятельны, то ситуация в корне отличается от той, когда все в промежутке бедны.

Поэтому в анализ неравенства были включены новые оценочные элементы. Один из самых лучших — индекс человеческого развития с учетом

неравенства, что неудивительно, так как индекс человеческого развития уже сам по себе мощный инструмент. В то же время он, взятый по отдельности, не вскрывает внутреннее расслоение на добро и зло в изучаемой стране, поэтому понадобилась поправка на неравенство, позволяющая составить более точную картину положения, в котором находится население страны.

В дискуссиях о неравенстве следует помнить, что коэффициент Джини для всего населения земного шара выше, чем для населения любой отдельно взятой страны, потому как в мире настолько больше бедных, чем богатых, что в совокупности глобальный показатель вырастает примерно до 0,7.

Кроме того, существуют различные способы индексации неравенства по неофициальным данным (другими словами, с субъективной точки зрения). Три самых богатых человека мира имеют в своей собственности больше финансовых активов, чем население сорока восьми самых бедных стран вместе взятых. В руках верхнего одного процента населения Земли сосредоточено больше богатства, чем в руках нижних семидесяти процентов.

К тому же имущественный разрыв с 1980 года

и до наших дней непрерывно рос, что является одной из определяющих характеристик неолиберализма. Неравенство ныне достигло уровня, невиданного со времен так называемого «позолоченного века» 1890–1900-х годов. Есть свидетельства, что сегодняшнее несоответствие между имущими и неимущими наиболее высокое в истории, даже выше, чем при феодализме или в эпоху ранних государств с их делением на воинов, жрецов и крестьян. Два миллиарда самых бедных людей планеты по-прежнему не имеют доступа к самому необходимому — туалетам, жилью, продовольствию, охране здоровья, образованию и так далее. То есть целая четверть населения земного шара страдает от уровня нищеты, не знакомого беднякам феодальной эпохи или верхнего палеолита.

И такое неравенство существует в наше время! Чем оно вызвано? Политической нестабильностью? Разве что в помешанных на тотальном контроле военных режимах, а так нет. Моралью? Но мораль — вопрос идеологии, осмысления действительности, многим проще воображать, что вы получаете то, что заслужили, и так далее. Так что мораль — скользкая штука.

Поэтому неравенство часто считают чисто

экономической проблемой. Якобы высокая степень неравенства замедляет рост и инновации. Вот до чего скукожилось наше мышление — до неолиберального анализа неолиберальной же ситуации. Таково преобладающее ощущение нашего времени: мы разучились думать иначе, как экономическими категориями, наша этика должна выражаться цифрами и оцениваться степенью воздействия наших поступков на ВВП. Нас убеждают, что это единственная сфера, в которой все могут найти общий язык. Хотя, как правило, так говорят именно экономисты.

Таков наш сегодняшний мир. Поэтому люди, пытаясь ухватить суть вопроса, изобретают все новые индексы. В последнее время их расплодилась целая куча.

Вспомним, что ВВП или валовый внутренний продукт, главное мерило экономики с начала прошлого века, сочетает в себе потребление, частные инвестиции, государственные расходы плюс экспорт за вычетом импорта. ВВП часто критикуют, потому что он охватывает как положительные экономические показатели, так и деструктивные действия и не учитывает множество внешних негативных феноменов, а также вопросы здоровья, общественного воспроиз-

водства, удовлетворенности граждан и многое другое.

К альтернативным методам измерения, восполняющим эти пробелы, относятся следующие:

— индикатор подлинного прогресса, рассчитываемый на основании учета двадцать шести различных переменных величин;

— индекс человеческого развития ООН, разработанный пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком в 1990 году, учитывающий долголетие, образовательный уровень и валовый национальный доход на душу населения (позднее ООН ввели в оборот ИЧР с поправкой на неравенство);

— отчет ООН о совокупном богатстве, объединяющий производственный, человеческий и природный капитал с поправкой на различные коэффициенты, в том числе на углеродные выбросы;

— международный индекс счастья, созданный Фондом новой экономики, учитывающий субъективную удовлетворенность граждан жизнью, ожидаемую продолжительность жизни и неравенство результатов, поделенные на экологический след (по этому показателю США набирают 20,1 балла из 100, занимая 108-е место среди 140 стран в списке);

— индекс устойчивости питания, разработанный Центром по вопросам продовольствия и питания компании «Барилла»; индекс использует пятьдесят восемь показателей для оценки безопасности продовольствия, социальной обеспеченности и экологической устойчивости;

— экологический след, разработанный Глобальной сетью экологического следа, который рассчитывает, какая площадь территории требуется для устойчивой поддержки существующего образа жизни города или страны; величина следа всегда значительно выше оценок политических режимов, за исключением Кубы и малого числа других стран;

— наконец, знаменитое Валовое национальное счастье Бутана, индекс, использующий тридцать три показателя измерения номинального качества жизни в количественном выражении.

Все эти индексы — попытка нарисовать портрет цивилизации нашего времени, пользуясь терминологией господствующего дискурса, другими словами — экономики, нередко в попытке применить дзюдоистский прием к самой экономической науке, чтобы изменить ее, сделать более человечной, более созвучной биосфере и далее в таком же духе. Неплохое начинание!

Однако важно иногда перевести вопрос из области вычислений обратно в сферу человеческого и общественного бытия, вспомнить о том, для чего это делается, присмотреться к аксиомам, по которым мы все согласились жить, осознать, что другие люди и сама планета реально существуют, заглянуть в лица этих людей, выйти из кабинета и посмотреть по сторонам.

21

Мы устроили сходняк в Бриссаго на лужайке поместья Чинции, чуть выше узенького парка между ее владениями и озером, на швейцарском берегу Лаго-Маджоре. Чинция наняла джаз-банд с духовыми инструментами, фейерверкеров и знаменитого повара — он жарил всякую хрень на больших сковородах. Сходняк что надо, народ с перевесом в сторону молодых, как нравилось Чинции, все веселились от души.

Узкая полоска травы между лужайкой и озером принадлежит общественному парку, на ней вдруг возник какой-то чувак, просто стоял там и таращил зенки. Типичный пляжный забулдыга с подобранным на берегу древьем. Охранники Чинции сказали, что его нельзя трогать. Они, конечно, могли бы, но если докапываться до кого-то только за то, что он стоит на общественном пляже, местная полиция по головке не погладит. Так сказал кто-то из охраны, когда мы попросили прогнать этого типа. Худющий, занюханный чел стоял и пялился, нам даже не по себе стало. Эдакий библейский пророк, явившийся учить нас,

как правильно жить.

В конце концов несколько наших спустились туда, чтобы сделать то, чего побоялась делать охрана, и выгнать бродягу в шею. Первым, как всегда, выдернулся Эдмунд, мы — следом, потому что на Эдмунда прикольно смотреть, когда он злится.

Чувак видел, что мы идем к нему, но не отступил ни на сантиметр. Стремно как-то, я почуял неладное.

Эдмунд подошел к нему вплотную и сказал, чтобы он валил отсюда.

Бродяга ответил Эдмунду что-то вроде: «Вы, уроды, весь мир спалите своими дурацкими играми».

Эдмунд рассмеялся и ответил: «Такт, сударь мой, мы в наших песнях соблюдали. Ну тебя в петлю!»[6]

Все засмеялись, но тут бродяга ударил Эдмунда поленом, да так быстро, что никто не успел даже дернуться. Эдмунд свалился как подкошенный. Даже руки не вскинул, хлоп и все. Мгновенный вырубон.

Чувак пригрозил поленом нам, мы застыли

---

[6] Примечания: 6

Цитата из пьесы У. Шекспира «Двенадцатая ночь» (*пер. М. Л. Лозинского*).

на месте. Потом он швырнул деревягу в нашу сторону, а сам зашел в воду и уплыл в темноту. Мы растерялись, никто не собирался гнаться за этим сумасшедшим, да еще ночью, кроме того, мы переживали за Эдмунда. То, как он упал, не предвещало ничего хорошего, — как срубленное дерево. Наконец подтянулись охранники Чинции, они согласились охранять периметр, а преследовать чувака тоже не стали. Пощупав пульс у Эдмунда, мы сразу схватились за телефоны. Через пять минут за ним приехала «Скорая». Новость объявили лишь через несколько часов. Мы не поверили своим ушам: Эдмунд был мертв.

22

Адель Элия и Боб Уортон приехали на заседание Научного комитета по изучению Антарктики — международной организации, созданной для координации антарктических исследований после проведения Международного геофизического года в 1956 году и подписания Договора об Антарктике в 1959 году. С годами НКИА вместе с Национальным научным фондом США и программами исследования Антарктики Великобритании и других стран, в особенности Аргентины и Чили, превратился в фактическое правительство Антарктиды. Ежегодное заседание НКИА проводилось на этот раз в Женеве; Адели и Бобу, которые подружились за время работы в министерстве, достаточно было сесть утром на поезд.

Теперь они сидели в баре на втором этаже отеля, где проводилась встреча, и смотрели на озеро. Их столик стоял у окна, в которое был виден бьющий из озера фонтан. На юге над Монбланом висели грозовые облака, плотностью не уступавшие мраморным столешницам в баре.

От напитков и грандиозного вида Адель и Боба отвлек американский гляциолог Пит Гриффен. Гриффен привел за руку другого, незнакомого им человека, которого представил как еще одного гляциолога по имени Славек. Адель и Славек читали научные работы друг друга, присутствовали на тех же самых заседаниях Американского геофизического союза, однако до сих пор лично не встречались.

Пришел официант с подносом напитков, заказанных Гриффеном: четырьмя суженными кверху бокалами драмбуи, графином воды и пустыми стаканами. «А-а, драмчик!» — воскликнула Адель с тонкой галльской улыбкой. Этот ликер постоянно пили киви[7] в Сухих долинах, сообщили гости Бобу, когда все сделали по глотку. Боб, попробовав, скривился. Гриффен объяснил, что в давние времена корабль, набитый ящиками с какой-то странной сладкой фигней, после банкротства судоходной компании застрял в Литлтоне, ящики несколько лет кочевали по складам и в конце концов были по дешевке проданы в южные графства. Коллеги выпили, чокнувшись, за Сухие долины и снова опустились в кресла.

---

[7] Примечания: 7
Прозвище жителей Новой Зеландии.

Славек, отвечая на вопрос, сказал, что провел в Сухих долинах пять лет. Адель парировала, заявив, что проработала на ледниках восемь лет. Пит с ухмылкой побил все ставки — его стаж на льду равнялся двенадцати годам. Остальные немедленно возразили, что Пит старше, а потому имел фору, с чем он безоговорочно согласился. Славек признался, что стал гляциологом, потому что эта работа не мешала ему оставаться нелюдимом.

— Среди нас много таких, — согласилась Адель.

— Но только не я! — воскликнул Пит. — Я люблю оторваться. И самые лучшие гулянки бывают на льду. — Он направил палец на друга, словно призывая его к ответу: — Давай, Славек, расскажи этим ребятам свой замысел. По-моему, с ними стоит поделиться.

Тот стеснительно нахмурился.

— Вы все сегодня слышали последние данные.

Собравшиеся закивали.

— Уровень океана поднимается слишком быстро, миру наступает пипец.

Никто не возражал. Данные говорили сами за себя.

— Итак, — подбодрил Пит коллегу, — я слышал,

что кое-кто предложил закачать талую воду обратно в полярное плато, верно?

Боб покачал головой. Идея не нова, возразил он, ей одно время занимался Потсдамский институт, сделав неутешительные выводы: чтобы закачать такое количество воды в ледяной покров восточной Антарктики, потребуется примерно семь процентов объема электроэнергии, произведенного за все время существования глобальной цивилизации. «Слишком накладно», — подвел итог Боб.

Славек фыркнул.

— Энергия — наименьшая из забот. Раз уж один процент всей электроэнергии уходит только на эмиссию биткоинов, о семи процентах ради снижения уровня океана можно договориться. Препоной являются проблемы физического свойства. Вы проверяли цифирь?

— Нет.

— Скажем, уровень океана повысился на один сантиметр. Это равняется трем тысячам шестистам кубическим километрам воды.

Адель и Боб удивленно переглянулись. Гриффен молча улыбался.

— Во-от. Это в шестьсот раз больше ежегодно добываемого объема нефти. Строительство нужной

инфраструктуры экономически не оправданно. Причем энергия должна быть чистой, иначе придется сжигать еще больше углеводородов. В Потсдаме подсчитали, что для такого количества чистой энергии пришлось бы построить десять миллионов ветряков. Воду придется качать по трубам, их потребуется больше, чем было произведено за всю историю человечества. Последнее и одновременно худшее — то то, что доставленная в нужную точку вода должна замерзнуть. Скажем, пластом толщиной в один метр за год. Больше вряд ли получится. И так по всей восточной Антарктиде.

— Слишком много всего нужно, куда ни глянь, — резюмировала Адель.

Четверо погрузились в раздумья.

— Не молчи, Славек, — подтолкнул Гриффен коллегу. — Объясни свою идею. Расскажи им.

Славек кивнул.

— Реальная проблема в том, что ледники сползают в океан в десять раз быстрее прежнего.

— Да.

— Из-за глобального потепления на поверхности льда каждое лето скапливается все больше талой воды. Вода просачивается по колодцам и трещинам в самый низ ледника, где ей некуда

деваться. За счет этого ледник немного приподнимается над ложем. Вода играет роль смазки. Прежде лед был сцеплен — по крайней мере в определенных местах, а часто во многих — со скальной породой. Ледник давил своим весом все, что попадалось на пути. Лед плотно оседал на скалах. Толщина в километр дает огромную массу. Итак, ледник выскребал каменное ложе подчистую, не оставляя зазора между льдом и скалами. Иногда даже примерзал к скалам. Стопорился. В таких случаях движение ледника в его низовьях приводило вместо сползания льда к его существенной вязкой деформации.

Адель и Боб согласно кивали. Адель выглядела задумчивой, Пит же улыбался до ушей.

— Ну и? — спросил Боб.

Славек засмущался.

Гриффен ободряюще воскликнул:

— Валяй!

— Хорошо. Выкачиваем из-под ледника воду. Буравим лед, как для проверки уровня подледных озер или толщины ледяного шельфа. Технология хорошо освоена и довольно проста. Достаточно пробурить и поставить насос, подледная вода сама поднимется по скважине под давлением массы льда — процентов на девяносто. На остав-

шееся расстояние ее можно поднять насосами и направить по трубам на устойчивый лед по соседству.

— И много наберется воды? — поинтересовался Боб.

— Если сложить все ледники вместе, то около шестидесяти кубических километров. Это, конечно, много, но до трех тысяч шестисот далеко.

— Или до трех тысяч и шестисот тысяч! — воскликнула Адель. — Что соответствует подъему уровня океана всего на один метр.

— Правильно. Кроме того, талая вода под ледниками на самом деле имеет тройное происхождение. Поверхностная вода, просачивающаяся через вертикальные трещины, — новое явление. Геотермальная энергия тоже немного подтопляет ледник снизу. Третий источник — тепло, выделяемое в результате трения при сползании ледника. Геотермальная энергия в большинстве точек поднимает температуру самой нижней части ледника выше нуля, в то время как на поверхности она может составлять минус сорок. Поэтому тепло из геотермальных источников обычно рассеивается в толще льда, улетучивается, и ледник остается примерзшим к ложу. Теперь же вода, поступающая из вертикальных

трещин, действует как смазка, движение ледника вниз ускоряется, из-за чего вырабатывается больше теплоты трения, что вызывает дальнейшее таяние и ускорение движения. Но если снизу выкачать воду и затормозить ледник, трение тоже уменьшится, а вместе с ним и таяние. Ледник остынет, ляжет на ложе, примерзнет к скалам, и скорость его движения вернется к прежней. Достаточно откачать около тридцати кубических километров из-под крупнейших ледников Антарктиды и Гренландии.

— На скольких?

— Скажем, на сотне самых крупных. Не так страшно.

— Сколько на один ледник потребуется насосов?

— Кто знает? Я уверен, что количество везде будет разным. Это — эксперимент, придется работать методом тыка.

— К тому же дорогой, — кивнул Боб.

— В сравнении с чем? — вскинулся Пит.

Адель рассмеялась.

— Юрген называл цифру в квадрильон долларов.

Славик, надув губы, торжественно кивнул.

— Наш план дешевле.

Все рассмеялись.

— Славек, — спросила Адель, — почему ты не предложил его на сегодняшнем заседании? Ведь оно было посвящено ускорению сползания ледников.

Гляциолог замотал головой.

— Это не для меня. Когда ученый лезет в геоинжинирию, он перестает быть ученым и становится политиком. Посыплются сообщения с проклятьями, полетят камни в окна, люди перестанут воспринимать твои работы всерьез и все такое. Я всего лишь хочу вернуться на лед, пока еще способен выдержать проверку.

— А как же судьба цивилизации? — спросил Боб.

Славек пожал плечами.

— Это разве не по твоей части? Поэтому я и решил рассказать. Вернее, Пит за меня решил.

— Спасибо, Славек, — ответил Пит. — Ты настоящий гляциолог.

— Так и есть.

— Пожалуй, за это стоит выпить.

— Согласен.

23

Много времени занял поиск огнестрельного оружия. Наконец Фрэнку удалось похитить винтовку и боеприпасы из шкафа у их швейцарского владельца, мужчины в Швейцарии нередко держат в таких шкафах оружие. Кража сошла с рук до нелепости легко, жизнь в стране была настолько безопасна, что лишь немногие запирали двери. Разумеется, от швейцарских мужчин требовалось держать штатные автоматы под замком, и все они так и делали, однако охотничье оружие кое-кто хранил халатно. Фрэнку попался именно такой хозяин.

Теперь можно действовать.

Фрэнк изучил подходящих фигурантов. Один из них должен был через месяц присутствовать на конференции в Дюбендорфе.

Фрэнк спрятал винтовку в рюкзак — по частям — и отнес ее в парковочный гараж конференц-центра в Дюбендорфе на другом склоне Цюрихберга. Он поднялся по лестнице до верхнего этажа, оттуда вышел на крышу. Оценил вид с крыши на вход в конференц-центр. Собрав

винтовку, Фрэнк положил ее на деревянную подставку, которую сам и смастерил, и посмотрел на вход через прицел.

Объект, поднимаясь по широким ступеням ко входу, обернулся и что-то сказал ассистенту. Синий костюм, белая рубашка, красный галстук. Похоже, отпустил какую-то шутку.

Фрэнк рассмотрел человека в перекрестие прицела. Сглотнув ком в горле, снова прицелился. Лицо быстро горячело, ладони и ступни тоже. Человек скрылся в здании.

Фрэнк сложил части винтовки обратно в рюкзак и спустился по лестнице. В лесу на холме, отделяющем центр города от окрестностей, бросил оружие на землю под деревом. Повернулся и пошел вниз по склону к своему сараю.

В перекрестии прицела находился негодяй сродни военному преступнику. Климатический преступник. Редкому военному преступнику удастся погубить столько душ, скольких погубит этот тип. И все-таки Фрэнк не нажал на спуск. Не смог. Перед ним был объект, посвятивший всю жизнь уничтожению видов, обрекающий на смерть миллионы людей, а Фрэнк не смог пересилить себя.

Может, он не настолько безумен, как ему каза-

лось? Или оторвался от реальности. Либо просто струсил. Он уже не знал, что и думать. Его тошнило, трясло. Как будто на него летел автобус, а он чудом успел отскочить. Мысль разозлила Фрэнка пуще прежнего. Желание убить одного из тех, кто губит планету, ощутить себя одним из детей Кали, их западным соратником, еще не прошло.

Фрэнк видел, как умирают люди, и столкновение со смертью надломило его. Возможно, новыми смертями делу не поможешь. Один из психотерапевтов сказал: травмированные люди травмируют других людей. Несомненная правда. Но слишком уж общая, слишком простая. Не приложимая к каждому отдельному случаю. То, что он хотел кого-то или что-то уничтожить, тоже правда. Как, например, этого нефтяного магната или того дебила, которого он свалил поленом, — выдающихся людей, беспечных говнюков, которые могли совмещать в себе оба качества. Вероятно, они однажды заплатят жизнью за свои преступления, чего вполне заслуживают. Однако сделает это не Фрэнк. Он не жалел, что ударил того парня, и все-таки нападение произошло спонтанно. Застрелить человека не то же самое, что дать в морду засранцу. Несмотря на непреходящую жажду с кем-нибудь расправиться, Фрэнк не мог

не признать: придется искать другой путь.

24

Все люди, ввиду природы наших органов чувств и физической реальности, подвержены ошибкам восприятия. Мы также подвержены некоторым когнитивным искажениям, застрявшим в наших мозгах в период человеческой эволюции. Отдавая себе в этом отчет, мы все равно не способны их избежать.

Сенсорные иллюзии легко объяснимы. Существуют определенные черно-белые повторяющиеся фигуры, которые, если их напечатать на бумажном круге и вращать этот круг на палочке, воспринимаются органами зрения человека как цветные вспышки. Достаточно замедлить скорость вращения круга, как сразу становится ясно, что перед нами черно-белые фигуры. Если скорость вращения увеличить, у нас на глазах они превращаются в цветные пятна. Так устроен мир.

Ракурсное сокращение — еще одно искажение восприятия, которое мы не способны корректировать. Когда вы стоите под отвесной скалой в горах, ее высота всегда выглядит одинаковой,

скажем, примерно триста метров. Даже если вы стоите под северной стеной Айгера и вам известно, что ее высота 1800 метров, она все равно выглядит не выше трехсот метров. Колоссальные размеры северной стены Айгера становятся заметны, только если отойти от нее на несколько километров, например, к берегу озера Тун. С близкого расстояния их невозможно оценить.

С существованием оптических иллюзий соглашаются все — достаточно демонстрации. А вот для выявления когнитивных искажений требуются тесты. Когнитивисты, логики и экономисты-бихевиористы лишь недавно начали сортировать и придумывать названия когнитивным искажениям, споры идут по сей день. Однако тест за тестом выявляет неизбежные ошибки, порождая новые и новые названия вроде «эффекта привязки» (человек предпочитает держаться первичной оценки либо услышанного в самом начале) или «эффекта простоты изложения» (человек считает более правдивым то объяснение, что доступнее его пониманию). Им несть числа. По интернету гуляет превосходная диаграмма в виде круга — колесо ошибок, распределяющее искажения по категориям, куда входят закон малых чисел, ошибка базового

процента, эвристика доступности, иллюзия асимметричной проницательности, иллюзия оценки вероятности, эффект фрейминга, контекстуальная сегрегация, асимметричность выигрыша и потерь, ошибка конъюнкции, закон типичности, ошибка казуальной атрибуции, асимметрия причин и следствий, эффект достоверности, синдром иррационального благоразумия, диктат невозвратных издержек, иллюзорные корреляции, неоправданная самоуверенность — график представляет собой прекрасный экземпляр последней, претендуя на истинность знаний о том, как мы мыслим и что должно считаться нормой.

Как и в случае с сенсорными иллюзиями, знание того, что когнитивные искажения существуют, не помогает нам избегать их при столкновении с новой проблемой. Наоборот. Искажения эти постоянны, встречаются у всех тестируемых, имеют одинаковые тенденции, не зависят от личностных факторов испытуемых и не поддаются исправлению, потому как знание о них не позволяет их избежать либо усомниться в выводах, которые мы делаем в новой ситуации. Мы всегда более уверены в своих заключениях, чем следует. Самоуверенность — не только экспертов, но всех и каждого — воистину одна из

наиболее распространенных иллюзий. Данный анализ, несомненно, дает еще один пример: насколько мы действительно во всем этом разобрались?

Батюшки! Что тогда означают последние открытия когнитивной науки? Одни говорят, что они не более чем демонстрация статистической безграмотности простых людей. Другие утверждают, что по своему значению они могут сравниться с открытием подсознания.

Вернемся-ка к идеологии, без которой невозможно упорядочить огромный поток проливающейся на нас информации. Может ли идеология быть еще одной когнитивной иллюзией, полезным вымыслом?

Да, конечно. Мы не способны функционировать, не генерируя и не применяя идеологию. Эту работу мы выполняем путем мышления, которое подвержено целому ряду системных, если не сказать фактических ошибок. Люди никогда не вели себя рационально. Возможно, наука сама по себе — это попытка обрести рациональность. И философия тоже. Разумеется, философия нередко доказывает, что мы лишены способности все додумывать до конца, заставлять логику работать в виде замкнутой системы и так далее.

Еще не следует забывать, что дискуссию эту мы ведем о нормальном, здоровом разуме. Если, начав со столь шаткой исходной позиции, потерять по дороге здравость мысли, вся дискуссия зайдет неизвестно куда. Достаточно сказать, что ничем хорошим это не кончится.

25

Зимой Цюрих часто окутан туманом и низкой облачностью. Господствующие северные ветры прижимают сформировавшиеся над Атлантикой облака к стенке Альп, откуда им некуда деться. Один серый день за другим серым днем в сером городе у серого озера, разделенном надвое серой рекой. Нередко в такие дни поездка на поезде на расстояние меньше ста километров способна вывести из тумана к альпийскому солнцу. С другой стороны, лучшего времени года для работы не придумать.

Мэри работала. Читала отчеты, проводила встречи, обсуждала проекты со множеством людей по всему миру, выдвигала законодательные инициативы по принятию более жестких национальных законов, закрепляющих юридический статус людей будущего и прочих бесправных тварей. Каждый день был насыщен. Вечера она часто проводила с Бадимом и остальными членами команды. Они обычно пешком спускались в Нидердорф и либо переходили по мосту на другую сторону к ресторану «Цойгхаускеллер», либо

оставались на своем берегу в темном переулке около собора Гроссмюнстер и сидели за длинным столом в глубине «Каса Бар».

В тот день сквозь облака проглянуло солнце, и поэтому они спустились на трамвае до площади Бюрклиплатц, доехали еще одним трамваем до остановки «Тифенбруннен» и сели ужинать в «Трес Килос», где обычно отмечали только дни рождения и другие важные события. Тот день этого заслуживал. 19 февраля — первый солнечный день, что для Цюриха отнюдь не рекорд, как грустно заметил Юрген. В Швейцарии обожают вести учет рекордных погодных явлений.

К тому времени, как они прибыли в ресторан, давно стемнело. Лампочки в форме стручков чили, висящие над входом, пылали, как языки пламени. Внутри кто-то что-то уже отмечал, свет вдруг погас, и в зал под звуки песни «С днем рожденья» Стиви Уандера вошла официантка с тортом, рассыпающим искры бенгальских огней. Гости присоединились к поздравляющим, допели с ними песню и сели около кухни, где всегда сидели, если места раньше них не занимали другие. Мэри, сидя рядом с Эстеваном и Имени, прислушивалась к их игривой перебранке. В ней не было ничего нового, пара словно застряла на

стадии ворчливого флирта.

— Мы Министерство будущего, — наседал Эстеван, — а не министерство для решения всевозможных текущих проблем. Надо тщательно выбирать свои сражения, иначе полем битвы станет все вокруг.

— Но ведь в будущем все на свете будет представлять собой проблему, — отвечала Имени. — Как ты можешь это отрицать? Твоя разборчивость означает, что мы изменяем своей миссии. Что, кстати, гарантирует говенное будущее.

— И все же необходимо выделять приоритеты. Времени в обрез.

— Это и есть наш приоритет! Кроме того, нас много, и время у нас есть.

— У тебя, может быть.

Имени толкнула соседа локтем и наполнила оба бокала из только что принесенного нового кувшина с «маргаритой». Разговор перешел на сегодняшние новости из Мауна-Кеа: там был зарегистрирован уровень углекислого газа в 447 частей на миллион — самый высокий в истории для зимы. И все это несмотря на индивидуальные отчеты стран, демонстрирующие значительное сокращение выбросов — даже в США, Китае, Индии. Даже в Бразилии и России. Из всех стран

с высоким уровнем выбросов сообщали об их сокращении, а в итоге все равно происходил совокупный рост. Либо были выявлены не все источники, либо врали отчеты. Мнения за столом разделились. Возможно, причина была двоякой.

— Когда люди лгут, они знают, что неправы. Но если есть какие-то вторичные выбросы, о которых никто не знает, то дело обстоит еще хуже. Будем надеяться, что люди просто врут.

— Чего тут надеяться, конечно, врут!

— Ладно, не будь циником.

— Я не циник, я реалист. С каких пор люди начали говорить правду по этому конкретному вопросу?

— Люди? Кого ты имеешь в виду, ученых или политиков?

— Политиков, разумеется! Ученые не люди.

— Я думала, что наоборот!

— Ни те, ни другие не люди.

— Эй, полегче. Мэри — политик, а я ученый.

— Нет, вы оба технократы.

— Получается, мы научные политики?

— Или политические ученые. Точнее, политизированные ученые, потому что политическая наука — это из другой оперы.

— Политическая наука — фальшивка, если

желаешь знать мое мнение. Или по крайней мере не заслуживает своего названия. Что в ней от науки?

— Статистика?

— Нет. Им просто хочется солидно выглядеть. В лучшем случае это история, в худшем — экономика.

— Слышу стон несчастного обладателя диплома по политологии.

— В точку!

Хохот за столом. Еще один заход на «маргариту». Счет принесут астрономический, «Трес Килос», как и все рестораны Цюриха — или всего мира? — делали главную выручку, чудовищно накручивая цены на выпивку. Коллеги, вероятно, рассчитывали, что сегодняшний вечер оплатит министерство. Они не ошибались. Мэри со вздохом позволила снова наполнить бокалы.

Министр обвела собравшихся взглядом, прислушалась к флирту Эстевана и Имени. Прощупывают друг друга, но с оглядкой — они здесь не одни. Служебные романы редко доводят до добра и все-таки случаются снова и снова. Никто не собирается работать в министерстве всю жизнь, как и на любой другой работе. Так почему бы и не пофлиртовать? Где еще людям встречаться?

Поэтому такие романы — данность. Ее тоже однажды зацепило — давным-давно. Мэри помнила, как точно так же болтала с Мартином, еще в Лондоне. Мэри и Марти! Двое ирландцев в Лондоне, протестантка и католик, изучающие систему в надежде запустить в нее когти. Мартина нет в живых уже больше двадцати лет.

Мэри быстро и решительно переключила внимание на текущий момент. Эстеван и Имени крайне оживились. Мэри без труда различала, что именно притягивает их друг к дружке, несмотря на различия. Хотя… Их треп слишком ломкий, немного натянутый. Причина, по которой людей тянет друг к другу, в принципе непознаваема. Кто знает, может, они уже были любовниками, потом разошлись и теперь договариваются о перемирии? Трудно судить со стороны, особенно если ты их начальница.

В конце долгого застолья Мэри поднялась на ноги, прикидывая уровень своего опьянения. Министр осторожничала, понимая, что окружена коллегами, подчиненными, плохо, если они увидят тебя в непотребном виде. К тому же молодость ее кое-чему научила, а заодно выработала довольно высокую сопротивляемость алкоголю. Все шло хорошо, Мэри могла дойти в компании с

остальными до ближайшей остановки голубого трамвая, сделать пересадку на Бюрклиплатц и, попрощавшись с Бобом и Бадимом, продолжить путь с Эстеваном и Имени. Потом она выйдет на остановке «Церковь Флунтерн», помашет рукой двум молодым попутчикам, гадая о состоянии их отношений, но на самом деле будет думать совсем о другом: чашке чая, постели, угрозе бессонницы.

Мэри шла по Хохштрассе, как вдруг мужчина, шедший по другой стороне улицы, резко свернул и пристроился рядом. Она бросила на него слегка испуганный взгляд. Незнакомец смотрел на нее бешеными глазами.

— Не останавливайтесь, — скомандовал он низким сдавленным голосом. — Теперь вы моя пленница.

— Что? — Мэри остановилась как вкопанная.

Мужчина защелкнул на ее кисти какой-то зажим, а другой рукой показал спрятанный в ладони короткоствольный пистолет. Зажим на руке оказался половинкой наручников из прозрачного пластика, вторая половина была пристегнута к запястью мужчины.

— Пошли, — скомандовал он и первым двинулся вперед, увлекая Мэри за собой. — Я хочу с вами

поговорить. Если пойдете со мной, я ничего вам не сделаю. Не пойдете, пристрелю на месте.

— Вы не посмеете, — слабо возразила Мэри. Тем не менее она против воли уже шла за ним.

— Посмею. — Мужчина бросил на нее еще один пылающий взгляд. — Мне на все наплевать.

Мэри сглотнула комок в горле. Сердце бешено колотилось. Выпитый алкоголь побежал по жилам, как огонь, она едва не спотыкалась.

Незнакомец, к полной неожиданности Мэри, подвел ее ко входу в ее собственный дом.

— Заходите. Быстрее.

Мэри ввела код и открыла наружную дверь. Поднялась по лестнице до своей квартиры. Отперла и открыла дверь. Вошла. Обстановка из-за того, что хозяйку сделали пленницей в собственной квартире, стала вдруг чужой.

— Телефон, — потребовал мужчина. — Выключите его и положите на стол. — Он указал на маленький столик у входной двери, где она действительно часто его оставляла.

Мэри вынула мобильник из сумочки, отключила и опустила на столик.

— У вас есть с собой какие-то еще устройства GPS?

— Что?

— Микрочипы? GPS вам выдавали?

— Нет. Не думаю.

Незнакомец бросил на нее пытливый, неодобрительный взгляд. Он достал из кармана, где держал пистолет, маленькую черную коробочку, повернул выключатель и обвел ею вокруг фигуры Мэри. Посмотрев на экран, удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, пошли.

— Но я не…

— Пошли! Здесь недалеко, за углом.

— Вы же хотели просто поговорить!

— Правильно.

— Так говорите здесь! Если снимете наручники, я согласна на разговор. Но если потащите меня отсюда, я упаду, как только нас кто-то заметит, и стану звать на помощь. Если вам нужно всего лишь поговорить, то удобнее всего это сделать в моей квартире. Здесь я чувствую себя увереннее. Внимательнее буду слушать.

Несколько секунд незнакомец сверлил ее взглядом.

— Ладно, почему бы и нет, — сказал он, с растерянным видом покачав головой.

Мэри это заметила и подумала: «У него с мозгами не все в порядке». Эта мысль напугала ее еще

больше. Мужчина расстегнул кольцо наручников. Мэри потерла запястье рукой, лихорадочно обдумывая положение.

— Мне нужно в туалет.

Опять этот взгляд.

— Я сначала проверю.

Они вместе подошли к санузлу, мужчина заглянул в туалетную комнату, за шторку душевой кабины. Видимо, подумал, что у нее там установлена какая-нибудь система защиты от нападений, сигнализация или есть другой телефон. Если бы! Закончив осмотр, он вышел наружу, оставив дверь открытой. Мэри зашла в ванную комнату и в нерешительности остановилась. Дверь толкнули, она почти полностью закрылась. Какой вежливый сумасшедший. Ну, это уже кое-что. Она села на унитаз пописать и заодно обдумать свое положение. Ничего путного в голову не приходило. Мэри спустила воду и вышла к своему обидчику.

— Хотите чаю? — спросила она.

— Нет.

— А я хочу.

— Валяйте. С этого и начнем.

Мэри вскипятила воду в чайнике и заварила чай. Она немного успокоилась. Мужчина, наблю-

дая за ее действиями, повторно отказался от чая. После этого они уселись друг напротив друга за маленький кухонный стол.

Незнакомец был молод. Около тридцати плюс-минус пара лет, такой возраст с трудом поддается определению. Худое, осунувшееся лицо, черные круги под глазами. Поджарый, как хищник. Похоже, слегка напуган собственной дерзостью. Это объяснимо, однако бешенство, промелькнувшее в его глазах в момент захвата, говорило о безразличии к последствиям. На такой поступок мог пойти только надломленный человек. Очевидно, с ним в прошлом что-то случилось.

— Что вам от меня нужно? — спросила Мэри.

— Поговорить.

— Зачем тогда все это?

Незнакомец криво улыбнулся.

— Чтобы вы меня выслушали.

— Я выслушиваю людей каждый день.

Похититель энергично тряхнул головой.

— Не таких, как я.

— Что вы имеете в виду? Почему не таких?

— Я никто. Я мертвец. Меня убили.

По спине Мэри пробежал холодок. Наконец, не зная еще, умно ли об этом спрашивать, она произнесла:

— Каким образом?

Мужчина словно не услышал вопроса.

— Ожидалось, что я восстановлюсь… Увы. Я на самом деле мертв. Вы глава крупного агентства ООН, у вас важные встречи повсюду в мире, каждый час, каждые сутки. Вам недосуг выслушивать мертвецов.

— О чем вы? — переспросила Мэри, стараясь не выдать степень своей тревоги. — Как вы умерли?

— Во время великой жары.

Вот оно что.

Взгляд мужчины застрял на чашке с чаем. Мэри поднесла ее к губам и отхлебнула. Глаза незнакомца так и не оторвались от точки на столе, где до этого стояла чашка. Его лицо покраснело, на глазах у Мэри кожа на щеках и лбу похитителя превратилась из бледно-белой в ярко-алую. На лбу и тыльной стороне напряженных рук выступили капельки пота. Мэри при виде этой метаморфозы почувствовала, как к горлу подкатывает новый ком.

— Извиняюсь, — сказала она. — Видимо, вам сильно досталось.

Мужчина кивнул. Вскочил на ноги, начал расхаживать по маленькой кухне, не поворачиваясь к хозяйке лицом. Ночь за окном была черна, огни

на склоне Цюрихберга расплывались в темном тумане. Мужчина тяжело дышал, словно после быстрой пробежки или попытки подавить рыдания.

Мэри прислушалась к частому глубокому дыханию. А что, если он заряжается энергией, чтобы что-нибудь с ней сделать?

Через несколько минут он вновь уселся напротив.

— Да, досталось. Все умерли. Я тоже умер. Но меня вернули к жизни.

— Вы выздоровели?

— Нет! — гневно воскликнул он. — Какой там выздоровел!

— Я имела в виду в физическом плане.

— Нет! И физически тоже! Ни в каком плане! — Он затряс головой, словно пытаясь выбросить из нее мешающие мысли.

— Извиняюсь, — повторила Мэри. Отпила еще чаю. — Итак, вы хотели поговорить со мной. Об этом самом, я полагаю?

Мужчина покачал головой.

— Нет, не об этом. Это лишь начало. Возможно, оно вызвало желание поговорить с вами, но то, что я хотел сказать, совсем о другом. А сказать я вам хотел вот что. — Он заглянул Мэри в глаза. —

Жара еще вернется.

Мэри чуть не поперхнулась.

— Почему вы так думаете?

— Потому что ничего не изменилось!

Незнакомец в возбуждении вскочил. Алое лицо приобрело багровый оттенок. Брови насуплены. Он наклонился над Мэри и низким, сдавленным голосом произнес:

— Зачем вы делаете вид, будто не понимаете?

— Я не делаю вид. Я действительно не понимаю.

Мужчина покачал головой, сверля ее взглядом.

— Именно поэтому я и пришел. Вы все прекрасно понимаете. А делаете вид, что это не так. Вы все притворяетесь. Вы стоите во главе Министерства будущего Объединенных Наций, а делаете вид, будто вам неизвестно, что нас ожидает.

— Этого никто не знает. — Мэри выдержала взгляд незнакомца. — И должна вас поправить: министерство было создано под эгидой Парижского соглашения. ООН напрямую не участвовала.

— Но Министерство будущего — это вы.

— Да, я его возглавляю.

Мужчина смерил ее долгим взглядом, сел на стул по другую сторону стола. Подался вперед.

— Тогда что вы и ваше министерство знаете о будущем?

— Мы способны лишь моделировать различные сценарии. Отслеживаем происходящее, составляем графики развития поддающихся измерению событий, из чего делаем выводы, останутся ли события прежними, будут нарастать или пойдут на убыль.

— Такие вещи, как температура или рождаемость?

— Да.

— То есть вы все знаете! Допускаете ли вы вообще такой сценарий, при котором новый период жары не убьет еще несколько миллионов человек?

— Да.

Вопрос смутил Мэри. Вероятность того, о чем говорил незнакомец, не давала ей спать по ночам. Благоприятные сценарии будущего без новых инцидентов с массовой гибелью людей были исключительной редкостью. Они требовали от народов действий, на которые те не хотели идти. Слова мужчины до боли напоминали ее собственные страхи — словно она нечаянно забрела наяву в один из ночных кошмаров и теперь не могла из него выбраться.

— Ха! — воскликнул похититель, прочитав мысли на ее лице.

Стараясь скрыть их, Мэри скорчила гримасу.

— Вы все понимаете. *Будущее для вас не тайна.* — Казалось, что его голос вот-вот надломится, он с трудом удерживался, чтобы не сорваться на крик. Мужчина закашлялся, затряс головой. — Но ничего не предпринимаете. Даже у себя на работе.

Мужчина снова вскочил, взял из сушилки для посуды стакан, налил воды из крана, выпил. Снова сел за стол, прихватив стакан с собой.

— Мы делаем все, что в наших силах, — возразила Мэри.

— Нет, не делаете. Вы не делаете всего, что в ваших силах, а того, что делаете, мало. — Он наклонился вперед, поймал ее взгляд. Голубые глаза с застывшим в них выражением му́ки чуть не выскакивали из потного, алеющего лица. — Признайтесь!

Мэри вздохнула. Попыталась подобрать слова для ответа. Взгляд незнакомца ее напугал. Уж не собирается ли он убить ее, чтобы место министра занял кто-нибудь порасторопнее? Такой ход мыслей не исключен. И обстановка подходящая. Похитил и привел в ее же квартиру. Когда такое

случалось с другими женщинами, они нередко погибали.

Наконец с бьющимся сердцем Мэри пожала плечами.

— Мы пытаемся.

Они долго сидели и молча смотрели друг на друга. У Мэри возникло впечатление, что незнакомец дает ей время обдумать то, что она сказала, повариться в соку ощущения безнадежности.

Наконец он произнес:

— Ваши попытки не работают. Этого мало. Вы терпите неудачу. Вы и ваша организация не справляетесь со своей миссией, обрекая на смерть миллионы людей. Вы постоянно, каждый день их подводите. Обрекаете их на смерть.

— Мы делаем все возможное, исходя из наличных ресурсов, — вздохнула Мэри.

— Неправда.

Лицо незнакомца снова покраснело, он вскочил с места. Тяжело дыша, забегал по кухне, как пойманное животное. «Сейчас все и произойдет», — подумала Мэри. Ее сердце тоже неистово колотилось.

Мужчина остановился перед ней. Опять навис сверху. Заговорил низким сдавленным голосом, как будто другие интонации были ему непод-

властны:

— Поэтому я и пришел. Вам пора перестать думать, будто вы делаете все возможное. Потому что это неправда. Вы могли бы делать намного больше.

— Например?

Мужчина пронзил ее взглядом, сел напротив, закрыл лицо руками. Наконец, отняв руки, откинулся на спинку стула. Посмотрел Мэри прямо в глаза. Только сейчас она разглядела в нем реальную личность. Попавшего в тяжелое положение молодого человека. Нездорового и напуганного.

— Я вернулся в Индию. Попытался примкнуть к группе, о которой мне говорили, — «Дети Кали». Вы о ней слышали?

— Да, но это группа террористов.

Мужчина покачал головой, не отрывая от Мэри взгляда.

— Нет. Кончайте мыслить вашими устаревшими буржуазными категориями. Ставки слишком высоки, чтобы прятаться за прежними ценностями. Идет уничтожение планеты — людей, животных, всего на свете. Мы живем в период массового вымирания, и есть люди, которые пытаются что-то с этим делать. Вы называете их террористами, а на самом деле террористы — это

те, на кого вы работаете. Неужели не понимаете?

— Я стараюсь избегать насилия. Такова моя работа.

— Не вы ли говорили, что ваша работа — предотвращать массовую гибель?!

— Когда я так говорила?

— Ну, не знаю. А что тогда вы говорили? И что говорите сейчас? Не надо до меня докапываться, я нашел вас не для того, чтобы отвечать на придирки! Вы убиваете планету и еще хотите, чтобы я запоминал слова, которыми вы прикрываете свою задницу? Говорите напрямую! В чем задача Министерства гребаного будущего?

Мэри нервно сглотнула слюну. Отхлебнула чаю. Чай остыл. Она попыталась сосредоточиться на ответе. Имеет ли смысл вступать в дебаты со взбалмошным молодым человеком, который все больше и больше распаляется? А разве у нее есть выбор?

— Министерство было создано после парижской встречи 2024 года. Участники сочли целесообразным создание агентства, которое представляло бы интересы будущих поколений. А также представляло бы интересы тех субъектов, которые не могут постоять сами за себя, вроде животного мира или речных бассейнов.

Молодой человек пренебрежительно махнул рукой. Это шаблонное определение он уже слышал.

— И что? Как вы защитите их интересы?

— У нас есть отделы, которые занимаются различными аспектами проблемы — правовыми, финансовыми, физическими и так далее. Мы устанавливаем приоритеты, согласно которым распределяем выделенный нам бюджет, и делаем то, что в наших силах.

— А если этого мало?

— Что значит мало?

— Этого мало! Ваши усилия даже не замедляют ущерб. Не создают нужное количество заплат. И вы это видите, потому что это видят все. Ничего не меняется, мы по-прежнему катимся к массовой гибели, она уже началась. Вот что я имею в виду, говоря «мало». Так почему бы вам не делать больше?

— Мы и так уже делаем все, что только можно вообразить.

— Значит, ваше воображение либо не идет дальше определенных вещей, либо вы об этих вещах думали, но решили, что они не для вас.

— Например?

— Например, выявление самых злостных пре-

ступников, виноватых в массовом вымирании, и их преследование.

— Мы это уже делаем.

— С помощью судебных исков?

— Да, судебных исков, санкций, кампаний в прессе…

— Как насчет выборочного отстрела?

— Разумеется, никак!

— Почему же «разумеется»? Некоторые их этих гадов совершают преступления, из-за которых погибнут миллионы! Они всю жизнь упорно работают над закреплением системы, ведущей к массовой гибели.

— Насилие порождает насилие. Цикл насилия бесконечен. Таково наше отношение.

— Это — отношение побежденных. Нет, правда: насилие в виде сжигания углеводородов убьет больше народу, чем смертные приговоры за всю историю мира. Так что ваша мораль — по сути, мораль капитулянтов.

— Я верю в верховенство закона, — пожала плечами Мэри.

— Что было бы прекрасно, будь законы справедливы. Но фактически они допускают то самое насилие, с которым вы якобы боретесь!

— Следовательно, надо менять законы.

— Как насчет насилия против тех, кто сжигает углеводороды? Если взорвать угольную электростанцию, это слишком много насилия, на ваш взгляд?

— Мы действуем в рамках закона. Так реальнее добиться изменений.

— Скорость изменений недостаточна. — Мужчина постарался взять себя в руки. — Если вы относитесь к своей работе всерьез, то должны искать способы ускорить перемены. Пусть некоторые шаги будут противозаконны; в данном случае сам закон не прав. Помнится, принцип был закреплен еще в Нюрнберге: исполнение негодных законов само по себе противозаконно.

— Мы много работаем над выявлением проблем, создаваемых нынешним правовым режимом, и предложением поправок.

— Впустую.

Мэри уныло пожала плечами, отвела взгляд в сторону:

— Процесс идет.

Мужчина покачал головой.

— При серьезном отношении к делу вы создали бы действующий вне закона и подстегивающий перемены отдел тайных операций.

— Будь у нас такой отдел, я бы вам о нем не

сказала.

Молодой человек недоуменно посмотрел на Мэри.

— Я не верю, что он у вас есть. А если и есть, то не справляется с задачей. По земле расхаживает около сотни человек, которые, если судить о них с точки зрения будущего, как вы и должны делать, являются массовыми убийцами. Если они начнут подыхать, если некоторая их часть будет ликвидирована, остальные, возможно, занервничают и пойдут на попятную.

— Убийство порождает убийство, — покачала головой Мэри.

— Тогда изгнание. Посадка в созданные с вашей подачи тюрьмы. Каково проснуться в один прекрасный день и обнаружить, что все твои активы тю-тю? Это сильно умерило бы способность к истреблению будущих поколений.

— Сомневаюсь.

— Если этого не сделаете вы, то сделает кто-то другой.

— Что ж, пусть другие делают свое дело, мы будем делать свое.

— Ваше дело не дает результата. Если вместо вас им займутся другие, их самих начнут убивать, в то время как в вашем случае вы бы просто

выполняли свои обязанности.

— Мы не смогли бы оправдать такие действия.

— А вы о них никому не говорите! Мировая история по большей части вершится в тени. Иначе никаких шансов.

Мэри отхлебнула чаю.

— Ну, не знаю.

— Вы даже *не пытаетесь* узнать! Вы предпочитаете не знать!

Новый глоток из чашки.

Мужчина вдруг снова вскочил. Он едва сдерживался, подергивался, поворачивался туда-сюда, делал шаг, потом останавливался. Озирался по сторонам, словно забыл, где находится.

— Что у вас тут? — обвел он жестом кухню. — Вы замужем?

— Нет.

— Разведены?

— Нет. Мой муж умер.

— От чего?

— Я не намерена рассказывать вам подробности личной жизни. — Мэри ощутила внезапный прилив отвращения. — Оставьте меня в покое.

Молодой человек посмотрел на нее с укором.

— Неприкосновенность личного пространства?

Мэри кивнула, потупившись в чашку.

— Послушайте, — сказал Фрэнк, — живи вы на самом деле в будущем и знай, что по земле расхаживали люди, сопротивлявшиеся переменам, убивавшие ваших детей, да и своих тоже, то вы взяли бы свое поколение под защиту. Вы убили бы захватчика ради защиты своего дома, жизни, семьи.

— Захватчика вроде вас?

— Точно. Если ваша организация действительно представляет людей, которые родятся после нас, это тяжкая ноша! Реальная ответственность! Вы должны думать как они! Поступать — как поступили бы они на нашем месте.

— Убийство они бы не одобрили.

— Еще как одобрили бы! — воскликнул мужчина, заставив Мэри отшатнуться. Он дрожал мелкой дрожью, обхватив голову руками, словно боясь, что она взорвется. Глаза вылезали из орбит. Незнакомец отвернулся от Мэри, пнул дверь холодильника, подошел к окну, выглянул на улицу, шипя и клокоча. «Я гребаный ходячий мертвец», — прошептал он себе под нос. Положив ладони на подоконник, прислонился лбом к стеклу. Через некоторое время стал дышать ровнее, вновь повернулся к Мэри. Опять сел напротив.

— Послушайте, — сказал он, беря себя в руки, — люди *постоянно* убивают других людей в состоянии самообороны. Поступать иначе сродни суициду. Поэтому люди согласны убивать. В настоящую минуту на них совершается покушение. На людей будущего.

Мэри тяжело вздохнула, не отрывая взгляда от чашки.

— Вы просто хотите, чтобы вместо вас это делал кто-то другой, — продолжал незнакомец. — Кто-то, у кого нет такого же прикрытия, и кто пострадает гораздо больше вашего. А вы тем временем сохраните приятную жизнь, уютную кухню — пусть удар принимают на себя отчаявшиеся люди, попытавшиеся что-то изменить. Те самые, которых вы обязаны защищать.

— Не знаю.

— Зато я знаю. Я таких встречал в Индии. Хотел примкнуть, да меня не взяли. Они будут делать вашу работу вместо вас. Будут убивать и гибнуть сами, устраивать мелкие акты саботажа, гнить в тюрьме до скончания жизни — и все потому, что делали вашу работу вместо вас.

— Говорите, что не примкнули к ним?

— Меня не приняли.

Лицо незнакомца исказила судорога. Он вел

рукопашную с памятью.

— Они увидели во мне очередного фиранги. Чиновника империи прежних времен. Чужака, лезущего с советами, как им жить. Возможно, они правы. Я ведь тоже думал, что делал все, что в моих силах. Как вы сейчас. Я мог погибнуть из-за того, что помогал в маленькой клинике. Я *действительно* умер, но по какой-то неведомой причине мой организм до сих пор жив. И вот он, я, все еще пытаюсь что-то предпринимать. Я был глуп. Они обойдутся без моей помощи. Может быть, они правы. «Дети Кали» сделают то, чего не желает делать ваше агентство. Выйдя за пределы Индии, они столкнутся с трудностями и будут нести потери. Поэтому я пытаюсь продолжать их дело здесь, где я могу передвигаться свободнее, чем они.

— Вы уже кого-то убили?

— Да. — Молодой человек сглотнул ком в горле, задумался. — Меня в конце концов поймают.

— Почему вы это сделали?

— Я жажду справедливости!

— Справедливый самосуд обычно сводится к банальной мести.

Мужчина отмахнулся.

— Месть тоже сойдет. Главное, что я пытаюсь

предотвратить великую жару и аналогичные вещи.

— Мы все этого хотим.

Лицо незнакомца вновь покраснело.

— А значит, должны делать больше.

В дверь позвонили.

Время далеко за полночь. У Мэри не было никого, кто бы мог потревожить ее в столь поздний час.

Мужчина прочитал эту мысль по выражению ее лица и придвинулся вплотную. Оба машинально вскочили с места.

— Вы меня выдали! — прозвучал испуганный голос в паре сантиметров от лица Мэри.

— Неправда!

Сознание собственной правоты помогло выдержать неистовый буравящий взгляд. На секунду оба застыли, охваченные паникой, молча таращась друг на друга.

— Здесь повсюду камеры, — догадалась Мэри. — Видимо, нас заметили на улице.

— Выйдите и скажите, что с вами все в порядке. — Незнакомец опустил руку в карман с пистолетом.

— Хорошо.

С бьющимся пуще прежнего сердцем Мэри спу-

стилась по лестнице до уличной двери на первом этаже. Она открыла ее, не снимая цепочку.

Двое офицеров полиции или охранников.

— Министр Мерфи?

— Да, в чем дело?

— Нам сообщили, что вы вошли в здание с каким-то мужчиной.

— Да, — ответила она, лихорадочно соображая. — Это мой друг, никаких проблем.

— Его нет в списке ваших знакомых.

— Мне не нравятся ваши намеки, — отрезала Мэри. — Но специально для вас могу уточнить, что он сын моего одноклассника из Ирландии. Уверяю вас, никаких проблем нет. Спасибо, что присматриваете за мной.

Мэри закрыла дверь перед носом у полицейских и поднялась наверх.

В квартире никого не было.

Она обошла все комнаты. Никого. Наконец проверила дверь, ведущую на маленький балкон, нависающий над стоянкой во дворе. Балконная дверь была приоткрыта. Внизу кромешная тьма. Голые ветви гигантской липы черными пятнами закрывали часть звезд на ночном небе. Мэри выглянула за перила. По одному из квадратных пилонов, подпирающих балкон, пожалуй, можно

спуститься на землю. Сама она не решилась бы, но вид молодого человека предполагал, что спуск на один этаж был ему по силам.

— Я сказала им, что вы мой друг, — сердито бросила она в темноту.

Мэри сердилась и на незнакомца, и на себя. В голове все перепуталось. Ее подташнивало. Понадобилась целая минута, прежде чем она перебрала все варианты и решила, как правильно поступить. Тогда она бегом пересекла квартиру и спустилась по лестнице до входной двери. Выбежала на улицу с криками: «Полиция! Полиция! Вернитесь! Вернитесь!»

Прибежавшие назад полицейские посматривали на нее с любопытством. Мэри объяснила, что сказала неправду, лишь бы человек в квартире не перестрелял всех троих. Он похитил ее на улице, угрожая пистолетом. Пока она разговаривала с полицейскими, преступник скрылся. Все это было правдой, хотя и неполной. Уже давая показания, Мэри поняла, что никогда никому не расскажет всю историю до конца. Есть вещи, о которых не говорят вслух.

Полицейские по рации предупредили коллег. Вынув оружие, они поднялись вслед за Мэри в ее квартиру. Министр присела на кухонный стул,

отдышалась. Руки дрожали. Ночь закончится не скоро.

26

Спрятаться можно, убежать нельзя.

Что правда, то правда: кругом камеры. На общественном транспорте, в магазинах, на улицах. Когда Фрэнку требовалось купить еды, он проходил мимо камер наблюдения несколько раз, какой бы маршрут ни выбрал. На выезде из страны подстерегает паспортный контроль. В Европе он есть не везде, однако летучие проверки не исключены. Если менять места обитания, в конце концов нарвешься. У беглеца имелся фальшивый паспорт, но козырять им в его положении было опасно. Фрэнк застрял. Застрял в одной из самых поднадзорных стран мира.

Хорошо еще, что успел научиться, как и где прятаться. Свое убежище он выбрал на высоком склоне Цюрихберга, с видом на город, где располагались несколько участков товарищества садоводов. Террасированные ухоженные наделы пестрели небольшими деревянными сарайчиками, в которых хранились инструменты, удобрения, пестициды и прочее. У одной из будок Фрэнк отодрал боковую панель; пробравшись

внутрь, он вставлял ее назад и спал на полу в спальном мешке. На рассвете тайный жилец бесследно исчезал. Фрэнк сделал сарай своей базой.

Фальшивый паспорт был выдан в Штатах на имя умершего; в документ вставили фотографию Фрэнка, и он стал другим человеком — Джейкобом Залцманом. Срок действия истекал через три года. На это же имя Фрэнк получил кредитную карту, положив на счет кое-какие деньги, а остаток сбережений разменял на бумажки по пятьдесят евро. Виза в паспорте позволяла ему не уезжать из Швейцарии еще год, дома в Америке у него якобы имелась работа, в Цюрихе на имя владельца паспорта была снята квартира. Система хорошо работала больше года. Разумеется, на доме, где находилась квартира Залцмана, тоже были установлены камеры наблюдения, но у черного входа, ведущего к уплотнителю мусора, их не было, поэтому Фрэнк иногда приходил сюда принять душ. Залцман еще и значился членом плавательного клуба на озере, и Фрэнк мог вдобавок пользоваться клубными удобствами.

Он научился бродить, не привлекая к себе внимания. Покупал еду в уличных ларьках, где не было камер наблюдения, остальные продукты — в «Мигросе», большую часть дня проводил в

парках, где камеры были редки. Таким образом, он вел внесистемную жизнь, почти не оставляя следов, хотя совсем автономной ее нельзя было назвать. Скорее, жизнь в тени. Хотя после похищения министра ООН, незаконного вторжения в ее квартиру и ночных споров с ней полиция как пить дать объявила его в розыск. Не говоря уже о происшествии на озере Маджоре. От личности Залцмана вскоре придется отказаться. Но пока что Фрэнк мог прятаться всего в километре или около того от квартиры министра. Так он и делал.

27

Мэри столкнулась с новой проблемой — круглосуточной полицейской опекой.

Разумеется, бывают проблемы похуже. Она сама поражалась, почему наблюдение так ее бесило, пока не поняла: у нее отняли личную жизнь. Или по крайней мере привычки и личное пространство. Вместо них — пустота и ощущение горечи.

После того как полиция закончила принимать показания, Мэри легла в постель и попыталась заснуть. Где там. Полицейские сидели у нее на кухне и дежурили внизу, у входной двери. Такой порядок, видимо, будет продолжаться не один день. Мэри прокляла своего похитителя миллион раз, ненавидя его все больше и больше, стоило ей вспомнить о происшествии.

Обида обидой, но слова незнакомца не давали ей покоя. Один мысленный вид его лица выводил ее из равновесия. Какая бешеная убежденность в своей правоте! Обычно Мэри недолюбливала таких типов и не доверяла им, однако этот, следовало признать, был не похож на других. Жуткая

уверенность была навязана ему против воли. Встреча со смертью лишила беднягу рассудка. Если разобраться, молодой человек всего лишь накричал на нее. Похитил, чтобы поспорить? Ну, вдобавок резко хлопнул туалетной дверью. Похититель по-своему старался не выйти из себя, действовать одним убеждением. Слова вместо ударов кулаком по лицу. Слова как бумажные пули разума. Стоило их вспомнить, как сердце Мэри начинало бешено колотиться. Память обжигала лицо.

Из-за этого утром в офис она явилась в дурном настроении. Ей пообещали, что будут держать в курсе расследования, однако Мэри сомневалась, что услышит что-либо важное или вовремя. Молодой человек был уверен в своем умении прятаться. Это само по себе выглядело странно. Завидная уверенность, тем более в Швейцарии! Мэри предположила, что у похитителя в Цюрихе или где-то рядом было некое убежище, где он мог быстро залечь на дно, не отправляясь в бега.

Рано или поздно все выяснится. А может, и нет. Тем временем министра на каждом шагу сопровождали телохранители — вежливый швейцарец или швейцарка, а иногда целых три постоянно сидели у нее в квартире. Черт, черт,

черт! Проклятый остолоп, убить его мало.

В офисе Мэри толпой окружили сотрудники, выражали сочувствие и все такое. Министр отправила их по рабочим местам и связалась с Бадимом. Секретарь ехал поездом из Женевы, прислал по телефону соболезнующее сообщение: ему только сейчас передали, он будет у нее, как только доберется до министерства. Бадим выразил надежду на совместный обед. Предложение было кстати — неплохо бы покинуть офис и открыто поговорить в таком месте, где их не услышат. А телохранителям можно сказать, чтобы держались на приличном расстоянии.

Сразу же после полудня Бадим вошел в кабинет министра, подошел к Мэри, подержал ее руки в своих, внимательно посмотрел на нее и жестом изобразил объятия. Они вместе дошли до трамвайной остановки, купили сэндвичи, шоколадки и кофе и двинулись в маленький парк с видом на позеленевшие медные крыши высшей технической школы и город, раскинувшийся на западном берегу реки. Присели на одну из парковых скамей. Телохранители Мэри заняли место поодаль, оставив несколько скамей свободными, хотя даже не пытались скрывать свое присутствие.

Мэри пришлось хорошенько подумать, на-

сколько довериться Бадиму, и это усилие, как все остальные утренние усилия, из-за усталости вызвало шквал противоречивых мыслей в голове. Что-то в душе сопротивлялось тому, чтобы рассказывать всю историю до конца. Но и полностью избежать рассказа она не могла.

— Вчера выдалась сумасшедшая ночка, — начала Мэри.

— Мне очень жаль. Ты в порядке?

— Я-то в порядке. Надо думать, за мной наблюдали? Полиция увидела, как я вхожу в дом с мужчиной, и пришла проверить. Часом позже, должна заметить. Видимо, камеры засекли, они просмотрели запись и только тогда приехали. Пока я ходила открывать, похититель сбежал.

— Я уже слышал. Рад, что с тобой ничего не случилось. Или случилось?

— Нет!

— Извини.

Они некоторое время молча жевали. Город — обычная серая каменная масса с торчащими из нее кранами. Реки с их скамьи не было видно, и только на юге маячил узкий серп озера с длинным холмом, упирающимся в Утлиберг.

— Я много думала о нашем положении, — сказала Мэри, утолив голод. — Нашей закавыке.

— Какой именно?

— Нам вменили в обязанность представлять интересы людей и животных будущего, по сути, спасти для них биосферу, но мы не справляемся. У нас ничего не получается, потому что наш инструментарий слишком слаб. Ты говорил что-то в этом духе во время нашей прогулки у озера. Мир катится в пропасть, а мы не успеваем отклонить его движение, чтобы он не разбился вдребезги.

Бадим некоторое время продолжал жевать сэндвич.

— Согласен.

— И что нам с этим делать?

— Не знаю.

Мэри посмотрела на коллегу. Невысокий темнокожий мужчина, очень умный и спокойный. Много повидал. Работал на индийское правительство и правительство Непала, созданное на базе революционной организации маоистов. Служил в «Интерполе». Мэри решила пустить пробный шар.

— Мне кажется, нам нужен отдел тайных операций.

Бадим опешил. Посмотрел на Мэри долгим взглядом, несколько раз моргнул и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, мы должны создать в министерстве секретный отдел, который продвигал бы наше дело тайными методами.

Бадим немного подумал.

— Какими именно?

— Не знаю, — Мэри, жуя, на минуту погрузилась в мысли. О неистовом взгляде похитителя. О пережитом страхе. — Я не сторонница насилия, — сказала она наконец. — Нет, правда. Я ведь ирландка. Я видела, какой оно причиняет вред. И ты, я знаю, тоже видел. Тайные или гражданские войны оставляют неизгладимое клеймо. Так что я не имею в виду убийства. Или физический ущерб. Мы не ЦРУ. Но почему бы не действовать в обход закона или правил. Без дипломатических церемоний. Если это послужит делу. Каждую акцию в каждом конкретном случае тайно обсуждать и взвешивать, стоит или не стоит ее проводить. Я имею в виду действия, от которых, если схватят за руку, можно откреститься.

Бадим подавил улыбку, едва заметно покачал головой.

— От этого даже не пахнет тайной. Одна из характеристик секретного агентства — неуловимость. Никаких записей, ничего нельзя хакнуть, никто не болтает с посторонними. Начальство

не должно знать этих людей в лицо. В случае утечки секретной информации ты как глава агентства должна иметь возможность отрицать не только собственную причастность к тайным операциям, но даже осведомленность о них, причем не прибегая к каким-либо объяснениям или оправданиям.

— Ты рассуждаешь так, словно уже занимался такими вещами.

— Да. — Бадим перевел взгляд на серый город.

— Давно?

Секретарь подумал над ответом. Издав тихий вздох, он откусил от сэндвича и сделал большой глоток кофе.

— Сейчас тоже… — Неоконченная фраза повисла в воздухе.

— Что сейчас тоже? — выдержав паузу, переспросила Мэри.

— Сейчас значит сейчас, — уже тверже повторил Бадим и взглянул ей в глаза. — Другими словами — всегда занимался.

— А конкретнее?

— Извини, я не могу об этом говорить.

Мэри сама не заметила, как вскочила и нависла над щуплым мужчиной. В ее руке дрожал полураздавленный бумажный стаканчик с остатками

кофе. Бадим скривился. Он уставился на стаканчик, словно ожидая, что Мэри выплеснет кофе ему в лицо.

— Объясни, что ты имел в виду, — резко потребовала министр. — Немедленно!

Бадим еще раз вздохнул.

— Представь себе, что при Министерстве будущего уже существует отдел тайных операций. Что его мог основать кто-то или я сам, после того как ты назначила меня на должность секретаря.

— Ты основал?

— Нет, прошу не искажать мои слова. Я такой же, как все. У меня в министерстве есть друзья. Об их дружеских услугах тебе необязательно знать. Если что-нибудь всплывет и пойдут всякие расспросы, ты сможешь честно заявить, что совершенно не в курсе.

— Правдоподобное отрицание?

— Ну, нет. Это означало бы, что ты заранее подготовила лживые отговорки. Мой подход скорее сродни нормальной работе агентства, все остается как было. Если появятся вопросы — будем надеяться, что до этого дело не дойдет, — ты просто скажешь: я ничего не знаю. Тогда в случае нарушения голову снимут с другого, а ты с министерством не пострадаешь.

— Так не бывает!

— Ну, раньше-то бывало. И даже часто. Данная форма организации хорошо известна. Большинство неблаговидных операций происходит без ведома политического руководства. Даже если оно имеет общее представление о подобных вещах, то уж совершенно точно не посвящено в подробности. И тебе, я думаю, не стоит о них знать.

События последней ночи вдруг обрушились на нее всей тяжестью, потрясли до основания.

— Я не хочу, чтобы мне лгали! — выкрикнула Мэри.

Телохранители на другом конце маленького парка озабоченно повернули головы в их сторону.

— Извини, — ответил Бадим усталым тоном. — У меня кошки на душе скребут. Если хочешь, я сегодня же подам заявление об увольнении. Готов сделать себе харакири, не сходя с места. Однако позволь напомнить, что ты первая завела разговор о потребности в тайном отделе.

— Ни хрена! — Мэри подождала, пока утихнет сердцебиение, заодно обдумывая ответ. Слишком много мыслей одновременно теснились в голове, издавая нетерпеливый рев. — Я не это имела в

виду. И даже если это, я ни хрена не позволю, чтобы от меня что-то утаивали в моем гребаном министерстве!

— Понимаю, — потупившись, сказал Бадим. И глубоко вздохнул, готовясь держать оборону. — Разве, когда ты была министром в ирландском правительстве, было по-другому?

— На что ты намекаешь?

— Ты ведь возглавляла МИД? Ты реально считаешь, что была в курсе всех дел своего министерства?

— Да, конечно.

Бадим покачал головой.

— А я уверен, что нет. Разумеется, я не знаю подробностей. Однако Ирландия долгое время находилась в состоянии гражданской войны, а война всегда имеет внешнюю составляющую. Не так ли? Значит, ваши силы безопасности совершенно очевидно не все тебе говорили и, вероятно, полагали, что ты об этом знаешь, но предпочитаешь придерживаться заведенного порядка. — Бадим пожал плечами. — Точно так же обстояло дело в Индии и Непале. И, если угодно, в «Интерполе».

Мэри резко опустилась на скамью. Стаканчик был почти расплющен, она осторожно отхлеб-

нула кофе из остроконечной складки и опустила его на землю.

— Выходит, я наивная? Непорочная государственная особа в мире политического прагматизма? Что, несомненно, и есть та причина, по которой меня определили на эту работу?

— Я этого не говорил. Очевидно, они предполагали, что ты знаешь, что делаешь.

— Чего успел натворить твой тайный отдел? И кто в него входит?

— Ну, именно такие вопросы тебе не следует задавать. Нет-нет, прошу тебя, — Секретарь вскинул руки, словно защищаясь от ожидаемого удара. — Кстати, я не уверен, что ты лично знакома с каждым сотрудником министерства.

Бадим подождал, пока Мэри успокоится. Министр опять взяла в руки помятый стаканчик и сделала новый глоток кофе.

— Я отвечаю за оперативную сторону работы, — сказал Бадим, понизив голос, словно раскрывая секрет в поисках примирения. — Такова задача начальника секретариата. Когда возникает какой-нибудь подвох, мне помогают люди из разных отделов. Разумеется, отдел защиты от кибератак: сама природа их ремесла иногда требует играть на опережение. Ребята из отдела при-

родных катастроф тоже нередко помогают, они привыкли делать грязную работу — физически грязную, не подумай чего: обращаться с механизмами и все такое. Они на передовой, своими глазами видят ущерб и горят желанием что-то с этим сделать.

Слова Бадима задели нерв, снова нахлынули мысли бессонной ночи, как если бы и не уходили. Желудок скрутило узлом, не оставляющего места для сэндвича.

— Прошлым вечером я столкнулась с таким же человеком, — призналась Мэри. Она накрыла ладонью тыльную сторону руки Бадима. — Вот кто меня похитил! Ему страшно надоело ничего не делать, видеть, что ничего не происходит.

— Мне очень жаль, — повторил Бадим и развернул руку, чтобы подставить Мэри ладонь. — Что произошло? Расскажешь?

Мэри убрала руку и вкратце передала содержание ночного разговора, опустив некоторые детали.

— Надо было плотнее за тобой наблюдать, — сказал Бадим, когда она закончила.

— Куда уж плотнее. К тому же, помнится, ты предлагал, но я отказалась. Терпеть не могу подобные вещи.

— И все-таки. Хотя бы временно. Этого парня, скорее всего, быстро найдут.

— Я не уверена.

— Долго прятаться сложно.

— Тем не менее реально.

— Да, реально.

Мэри отодвинулась на скамье, передернула плечами. Состояние ни к черту. Нужно выспаться. А вместо этого она сидит здесь.

— Слушай, — сказала она, подумав. — Ведь ты вырос в Непале? Я — в Ирландии. И там, и там происходило много политического насилия. Другими словами, убийств, верно? Убийств и всего того, что следует за убийствами, — страха, скорби, злобы, мести, всего этого. Нанесенный вред никогда не проходит, уверяю тебя, да ты и сам это знаешь. В конце концов верх берут самые ловкие среди убийц. Совершенно непонятно, какая от этого польза миру.

Бадим поводил головой из стороны в сторону, не соглашаясь.

— Что?! — вскричала Мэри. — Ты же знаешь, что это правда. Вред нанесен колоссальный!

— И все же… — вздохнул Бадим. — Как сравнить нынешний вред с прежним? И насколько он уменьшился благодаря принятым мерам? Вот

что никогда не ясно.

— Что такого успел сделать твой тайный отдел? — внезапно испугавшись, спросила Мэри.

— Это секрет. — Заметив выражение на ее лице, Бадим смягчился. — Ну, у некоторых угольных электростанций возникли проблемы. Им пришлось выйти из сети, толпа инвесторов заметила и сделала вывод: хорошими инвестициями здесь не пахнет. Можно сказать, удалось.

— Удалось что?

— Электростанции так и не открылись, а солнечная энергия получила новую инъекцию капитала. Когда начали случаться подобные вещи, строительство электростанций на угле по всему миру сократилось на восемьдесят процентов.

— Еще и потому, что индийцы перешли на солнечную энергию?

— Да.

— Кто-нибудь пострадал или был убит?

— Разве только случайно.

— Кого-нибудь терроризировали?

— Ты имеешь в виду, запугивали, чтобы не жгли углеводороды?

— Да.

— Если такое провернуть, было бы неплохо, а?

— Да, но как?

— Ну, ты ведь знаешь: самые большие страхи — финансового плана.

— Самый большой ужас, когда тебя, на хер, похищают!

— Согласен. Угроза насилия. Хотя, если человека отрезать от денег, он точно испугается.

— Твою мать! Ты что, играешь в бога?

— Что-что?

— Играешь в бога. Устраиваешь людям события, которые они считают реальными, и смотришь, как они выкрутятся.

— Возможно. Но не для того, чтобы посмотреть, как они будут выкручиваться. А для того, чтобы заставить их поменять свое отношение.

— То есть терроризируешь!

— Терроризм означает убийство невинных для запугивания других невинных, чтобы те выполнили требования террористов. Именно такой смысл сегодня вкладывают в терроризм, не так ли? Все равно что махать руками с завязанными глазами.

— Пожалуй. Но ведь вы пугаете людей, применяете устрашение.

— Если бы. Я бы не против. Возможно, это принесло бы пользу. Ты сама намекала.

Мэри кивнула. Она опять вспомнила молодого человека, похитившего ее накануне вечером. Уж он напугал, так напугал. Причем с определенной целью — завладеть ее вниманием. Пленницу пришлось даже успокаивать, прежде чем завязать разговор и выложить то, что у него наболело на душе. Незнакомец хотел, чтобы она внимательно выслушала и хорошенько запомнила его слова. Млекопитающее навсегда запоминает сильный испуг, а люди — те же млекопитающие. Мэри точно его не забудет.

— Ко мне применили такой же прием. Похититель хотел, чтобы я испугалась.

Бадим перехватил взгляд Мэри, но промолчал, позволяя ей разобраться с мыслями.

Мэри вспомнила сцену. Желудок грозил превратиться в черную дыру.

— Ну, хорошо, — наконец произнесла она. — Я не хочу пребывать в неведении. Если понадобится, буду врать или приму удар на себя. Но я должна быть в курсе.

— Ты серьезно?

— Серьезно. Пообещай, что будешь меня информировать. Обещаешь?

Бадим надолго замолчал. Он сначала смотрел на город, потом уперся взглядом в землю.

— Ладно. Я буду сообщать тебе то, что тебе следует знать.

— Все сообщай!

— Нет.

— Да!

— Нет. — Бадим взглянул Мэри в глаза. — Все не могу. Потому что кое-кого действительно не мешало бы ликвидировать.

Мэри вперила в секретаря гневный взгляд. Съеденный сэндвич застрял в желудке, как мусор в компакторе. Проще вызвать у себя рвоту и вернуть его назад.

Наконец она выговорила:

— Может, я смогу тебе помочь получше нацелить эту программу. Сегодня я не так наивна, как еще вчера.

— Мне очень жаль это слышать.

— Не надо меня жалеть. Некоторые вещи мне следовало знать с самого начала.

— Пожалуй.

Мэри задумалась.

— Твою мать!

— Сочувствую.

— Но… Нет, надо что-то делать. Того, что мы делали раньше, мало.

— Я тоже так думаю.

— Потому как на сегодняшний день мы терпим поражение.

— Мы на войне. С этим я не спорю.

28

В иудейской мистической традиции существуют тайные праведники — цадики, которые предохраняют мир от распада. По некоторым толкованиям, их всего тридцать шесть, и поэтому их называют «ламед-вав цадиким», тридцать шесть праведников. Иногда это предание связывают с историей Содома и Гоморры и обещанием Бога пощадить эти два города, если в них найдется хотя бы пятьдесят праведников (или десять, или, на худой конец, один). Другие предания связывают идею с Талмудом и его частыми упоминаниями тайных лиц, незаметно творящих добро. Скрытость цадиков очень важна, это обычные люди, которые появляются и начинают действовать, когда встает вопрос о спасении их народа, а выполнив свою задачу, сразу уходят в тень. Подчеркивая, что число цадиков — тридцать шесть — остается неизменным, предания говорят, что цадики рассеяны по всей иудейской диаспоре на Земле и не знакомы друг с другом. Они даже сами не знают, что входят в число тридцати шести избранных, ибо всегда служат образцом смирения

— «анавы». Поэтому, если кто-то объявит себя принадлежащим к «ламед-вав», то совершенно точно им не является. «Ламед-вав» слишком скромны, чтобы самим верить в то, что они какие-то особенные. И все-таки это не мешает им проявлять себя, когда того требует момент. Они живут обычной жизнью, но когда наступает критический момент, действуют.

Если кроме них и есть какие-то другие тайные деятели, влияющие на историю человечества, мы о них ничего не знаем. Они редко попадаются на глаза. Если вообще существуют. Может быть, они всего лишь легенда, которую люди рассказывают друг другу в надежде найти какой-то смысл, объяснение и так далее. Да только события этим не объяснишь. Истории о тайных деятелях и есть тайное действие.

29

Мы разбили лагерь на леднике Туэйтса, в ста километрах от побережья Антарктиды. Туэйтс — один из наиболее быстро движущихся массивных ледников, к тому же проход его к океану довольно узок. В Антарктиде и Гренландии имеются около пятидесяти ледников, которые за следующие несколько десятилетий сбросят девяносто процентов льда в море, и среди них ледник Туэйтса выглядел наиболее подходящим объектом для эксперимента. Сюда мы и приехали.

Наше становище мало чем отличалось от типичного антарктического полевого лагеря большого размера. Сначала оборудовали посадочную полосу, готовую принять «С-130». Для этого пришлось проверить полосу льда длиной в две мили на предмет скрытых трещин. Трещины в ледовом поле взрывали и ровняли бульдозером. Когда смогли садиться «С-130», самолеты доставили несколько домиков «Джеймсуэй». Мы собрали из них камбуз и помещения общего пользования. «Джеймсуэй» в принципе тот же «Квонсет» времен Второй мировой войны, только

с термоизоляцией, — половинка цилиндра с полом, очень простая конструкция, легкая в сборке и довольно энергосберегающая. Наши домики в основном запитывались и обогревались солнечными панелями. Лагерь был летний, солнце постоянно висело в небе. Снаружи поставили несколько палаток для тех, кто не любит спать в домиках — таких, как я, — и парочку юрт, как у русских. В итоге получился небольшой кочевой поселок веселенькой расцветки — желтое, оранжевое, хаки, красное на белом фоне.

Для бурения скважин использовалась система отбора ледяных кернов, которая давным-давно применяется в Антарктике для извлечения образцов льда и сверления скважин в ледяном шельфе до уровня подледных озер или морского дна. В штуку, напоминающую гигантскую душевую лейку, под давлением подается и плавит лед горячая вода. По мере таяния льда снаряд опускается все глубже. Талую воду откачивают наверх, в скважину можно опустить обсадную колонну с подогревом, чтобы вода не замерзала и не закупоривала проход, — мы так и делали. Часть талой воды подавалась в бак питания буровой коронки, где она нагревалась. Остаток выкачанной воды по трубам отводили и сбрасывали в такое место,

где она могла снова замерзнуть, не причиняя хлопот. По одним меркам прокладка скважины шла медленно, по другим — быстро. Типичная скорость бурения скважины диаметром два метра составляет десять метров в час. Скажете, медленно? Гораздо быстрее, чем бурение грунта или других твердых пород, однако для подогрева воды требуется много энергии. Что требует сжигания большого количества дизтоплива, хотя солнечные коллекторы тоже подойдут, если солнца много.

На этот раз, когда мы пробурили ледяной щит Туэйтса насквозь — примерно на девятьсот метров от поверхности — вода действительно заполнила скважину, хотя и не до самого верха. Вес ледника оказывал огромное давление на подледную воду, но каким бы толстым ни был ледяной покров, вода в скважине никогда не поднимется выше, чем на девяносто процентов. Таковы законы гидрологии. Мы даже устроили лотерею — кто наиболее точно предскажет уровень подъема воды. Реальный уровень всегда колеблется на пару метров в зависимости от местных особенностей. В любом случае вода поднимается примерно на девяносто процентов глубины, так что поднять ее насосом на оставшуюся высоту

можно без больших затрат энергии. Мы так и делали, однако сколько бы мы ни качали, вода все равно держалась на уровне девяноста процентов. Вопрос встал ребром: сможем ли мы высосать из-под ледника всю воду? В таком количестве, чтобы насосам больше нечего было качать?

Под ледником Туэйтса, как и предполагалось, скопилось очень много воды. Большие летние озера талой воды на поверхности ледника утекали в глетчерные мельницы — вертикальные колодцы, по которым водяные потоки спускаются под ледник. Вода накапливается на каменном ложе, играя роль смазки для скольжения ледника по его поверхности. Поэтому ледники зачастую больше похожи на реки, чем ледяные поля, и «текут» почти с той же скоростью, как некоторые равнинные реки, вот только воды в них в сотни раз больше, чем в Амазонке. К тому же вода в Амазонке еще вчера была дождем, в то время как антарктический лед лежал на своем месте последние пять миллионов лет, а то и дольше. Так что уровень океана повысится не на шутку.

Если выкачать из-под ледника часть воды, лед снова опустится на скальную основу, и скорость его движения резко упадет. После чего мы будем откачивать воду из-под ледника до тех пор, пока

лед не примерзнет к ложу, спускаясь по нему с прежней скоростью, и жутко деформируется, образовав целые поля расселин, короче, снова поведет себя привычным образом. Так было задумано.

Нас отправили проверить план на практике. Некоторые предсказывали, что вода под ледником смешается с отложениями до консистенции зубной пасты и ее будет невозможно или очень трудно извлечь наружу. Другие возражали, что отложения давным-давно смыло, ложе после миллионов лет шлифования льдом стало чистое как стеклышко, вода внизу не содержит загрязнений, достаточно проткнуть ледяной покров, и она ударит фонтаном, все вокруг искорежит, а значит, мы все замерзнем насмерть или еще быстрее утонем. Спецы по гидрологии поднимали подобные предсказания на смех, но что получится на практике, никто не знал. Оставалось попробовать.

Мы растопили первую скважину, вода поднялась по стволу на восемьдесят семь процентов, и я выиграл пари. «Кончай, Пит, — говорили они, — нельзя побеждать в лотерее, которую сам придумал». «Еще как можно», — отвечал я. Мы забирали воду из верхней части колонки, но она

постоянно прибывала, уровень не снижался. Так продолжалось четверо суток. Все в норме!

А потом вода вдруг перестала поступать. Очевидно, сдвиг ледяного пласта нарушил целостность скважины. «Точно так же глушат нефтяные скважины», — сказал кто-то. Однако это не тот случай. По моим прикидкам, скорее виновато смещение льда. В верховьях ледника, примерно в тридцати километрах от нас, имелось целое поле расселин, оставалось только гадать, сколько их было ниже по течению.

В любом случае ничего хорошего. Чтобы метод работал, скважины, естественно, должны оставаться открытыми. Предстояло установить, является ли разрушение скважины типичным явлением или случайной аварией. А еще — сможем ли мы отремонтировать скважину. Другими словами, заново ее открыть и не допустить повторения дефекта. Если не получится, скважину придется, скорее всего, бросить и бурить новую. Но если не разобраться, в чем проблема, и аварии из-за нестабильности ледника будут происходить снова и снова, то, возможно, от идеи придется отказаться совсем.

К нам отправили отряд для проведения сейсмических испытаний, снабдив специалистов

камерами и мониторами, чтобы посмотреть, что творится в скважине. Рейс отложили из-за ураганного ветра, и пару дней мы вынужденно били баклуши. Я был уверен, что мы разберемся, однако настроение в столовой можно было охарактеризовать как предчувствие недоброго.

— Пит, это решение, возможно, очередная фантазия, — сказал мне один из постдоков. — Новая мечта об искуплении геоинженерных грехов. Верняк, срикошетивший нам же в голову.

— Надеюсь, что это не так, — ответил я. — Мне понравился здешний пляж.

— Эй, — возразил кто-то, — геоинжиниринг не фантазия. Индийцы выпустили в атмосферу двуокись серы, и это сработало. Температуры не растут уже несколько лет.

— Подумаешь, великое дело, — отозвался кто-то еще.

— Да, великое!

— Главную проблему они так и не решили.

— Верно, однако такая задача и не ставилась. Мера-то была временная!

— Для этого мы сюда и приехали, — напомнил я. — Это еще одна новая мера.

— Так-то оно так. Но видишь ли, доктор Джи, даже если у нас получится, ледник все равно будет

сползать, так что рано или поздно вся насосная станция утонет в море. Ее придется отстраивать заново.

— Разумеется, — ответил я. — Это из той же оперы, что и покраска моста «Золотые ворота». Так делаются многие вещи. Техподдержка называется.

— А что ты предлагаешь взамен? — спросил кто-то.

— Это будет стоить целую кучу денег!

— Поясни, как ты понимаешь стоимость, — предложил я. Постдоки бывают настолько узколобыми, что за них делается страшно. Я опустил их на землю: если что-то требуется сделать, то надо просто брать и делать. — Что толку говорить о стоимости, когда речь идет о насущной необходимости? Деньги не есть реальность. Труд — вот что реально.

— Деньги вполне реальны, доктор Джи. Вот увидишь.

— Но ведь ничего не вышло! Скважину обрезало!

— Это только начало. Если не получилось с первого захода…

— …то на второй тебе срежут фонды.

30

Когда речь заходит о годах нерешительности накануне Великого поворота, которые некоторые называют «зыбучими двадцатыми», историки спорят, был ли этот период частью самого Великого поворота, последним издыханием эпохи модерна или же неким переходом от одного к другому. Его сравнивают с затишьем перед бурей — периодом 1900–1914 годов, когда двадцатый век еще не вступил в свои права и люди не подозревали о приближении грандиозной катастрофы. Консенсусом здесь даже не пахнет.

Естественно, попытки поделить прошлое на эпохи предпринимались и раньше. Такое деление всегда является актом воображения, которое притягивают к себе геологические явления (ледниковые периоды, вымирание видов и т. д.), технологии (каменный век, бронзовый век, аграрная революция, индустриальная революция), династии (императоры Китая и Индии, различные правители Европы и других регионов), гегемония (Римская империя, арабская экспансия, европейский колониализм, пост-

колониализм, неоколониализм), экономика (феодализм, капитализм), развитие мысли (Ренессанс, Просвещение, модернизм) и так далее. Это лишь неполный список систем периодизации, размечающих поток исторических событий. Системы эти поучительны своей сомнительностью, и все же, как однажды кто-то заметил, «мы не можем не периодизировать». Мысль, похоже, верна. Может статься, периодизация — хорошее напоминание: каким бы укоренившимся порядок вещей ни казался в свое время, нет никаких шансов, что он останется таким же через столетие или хотя бы десять лет. И если на каком-то этапе события выглядят хаотичными и граничащими с полным распадом, в конце концов неизбежно возникнет какой-нибудь новый порядок, причем скорее раньше, чем позже.

Когда складывается некое ощущение происходящего, оно тоже связано с периодизацией, ибо наши ощущения — продукт не только биологии, но также социума и культуры, а значит, истории. Реймонд Уильямс назвал культурные матрицы «структурами ощущений», и это очень полезная концепция для понимания различий между культурами во времени. Разумеется, как все млекопитающие, мы испытываем неизменные

базовые эмоции — страх, гнев, надежду, любовь. Однако мы осознаем эти эмоции с помощью языка, тем самым выстраивая системы эмоций, которые отличаются друг от друга в разных культурах и эпохах. Взять хотя бы романтическую любовь: в Древней Греции, Китае, средневековой Европе — везде она имела заметные различия.

Поэтому чувственное восприятие своего времени отчасти или даже в большой степени является плодом структуры ощущений времени. Проходит время, структура меняется, а вместе с ней меняется ваше ощущение — как внутреннее органическое чувство, так и восприятие на уровне смысла. К примеру, общественный строй вашего времени может восприниматься как несправедливый и несостоятельный, но прочно укоренившийся и одновременно разваливаться у вас на глазах. Очевидные противоречия тем не менее способны, если мы не ошибаемся, точно отражать ощущение вашего времени. Другими словами, так ваше время чувствуем мы, люди будущего. Однако достаточно бросить взгляд на историю, как станет ясно, что и это ощущение просуществует недолго. Если только ощущение распада само по себе не укоренилось настолько прочно, что стало извечной и неизменной реак-

цией индивидуума на историю. Что, возможно, лишь означает вкрапление биологии в историю, ибо мы воистину всегда находимся в процессе распада и у нас не может быть никаких прочных корней.

31

Индия теперь идет впереди всего мира во многих сферах. Кошмар великой жары ужаснул, встряхнул нас и объединил — если не полностью, то в широкую коалицию, — дабы переоценить и изменить то, что нуждалось в переменах. Вы это видите вокруг себя на каждом шагу!

Отчасти это состояние — историческая случайность, во время великой жары у власти находилась БДП, а потому ее — справедливо или нет — связали с катастрофой, но главное, что они потеряли власть и навеки дискредитированы, так что будем надеяться, что БДП никогда не вернется. А заодно убрались восвояси их приспешники, РСС, с их фальшиво-традиционалистским культом индуистского этно-националистического превосходства. Истинный индийский путь, как теперь все или почти все видят, не таков. Жара резко усилила отвращение к этому вредоносному вздору. Истинный индийский путь всегда, с самого начала цивилизации, был синкретичен.

Тем временем Партия конгресса тоже растеряла силу, ушла в небытие, ее славное прошлое утону-

ло в потоке коррупции. Возможно, когда-нибудь эта партия, так много сделавшая для Индии, очистится, но это вопрос далекого будущего; в любом случае сразу же после великой жары и Конгресс, и БДП потерпели поражение, и крупнейшая демократия мира осталась без господствующей общенациональной партии. Многие увидели в этом шанс; началась работа, которая теперь завершилась и привела к созданию широкой коалиции сил, многие из которых представляют народные слои Индии, прежде не имевшие никакой политической власти и даже сносного политического представительства. Энергичность новой коалиции чувствуется повсюду. Жизнь меняется.

Хороший пример есть с кого брать — прямо здесь, в Индии. В этом смысле Керала почти столетие служит образцом хорошо организованного штата, передающего властные функции в низы, а управление штатом согласно установленному графику — то Конгрессу, то левым. Многие новшества Кералы были внедрены на общенациональном уровне. Сикхи Бенгалии развивают методы органического регенеративного сельского хозяйства, оно производит больше продуктов питания, чем прежде, и сохраняет больше углеро-

да в почве — этот почин подхвачен во всей стране. В индийском сельском хозяйстве произошла пост-зеленая революция, сделан гигантский скачок к независимому производству, основанному на понимании природы субтропиков, которому помогло сотрудничество со специалистами по пермакультуре из Индонезии, Африки и Южной Америки. Важность этого шага невозможно переоценить.

Частью процесса является земельная реформа, ибо с земельной реформой возвращается понимание местных особенностей и местное землевладение, а с ним — политическая власть. Новое сельское хозяйство очень трудоемко, так как до определенной степени людям приходится заменять ископаемые виды топлива и внимательнее относиться к малым биомам, и, разумеется, у нас нет дефицита ни рабочей силы, ни внимательного отношения к делу. Кастовая система в очередной раз была признана пережитком прошлого, тесно ассоциирующимся с БДП, которая, распродавая страну глобальным финансовым хищникам, демонизировала многие этнические группы, утверждая, что не все граждане Индии по-настоящему таковыми являются. Настало время начать с чистого листа.

Вы увидите, как в общество полностью вольются все касты, включая неприкасаемых, а также на равную правовую основу будут поставлены все языки, этнические группы и религии страны. Все мы теперь — дети Индии. Мы настоящая коалиция. Что четко отражает название новой партии. Да здравствует Коалиция!

Проделанная ею работа заслуживает восхищения. После полной победы на выборах правительство национальной Коалиции национализировало энергетические компании страны и приступило к свертыванию электростанций, работающих на угле. Чистая электрификация сопровождается строительством огромных комплексов солнечных батарей и объектов аккумулирования электроэнергии, модернизацией единой энергосистемы. Это тоже требует большого труда, однако в Индии много рабочей силы. Солнечного света тоже много. И земли.

Коалиция с готовностью перенимает чужие идеи даже у Китая, у которого можно многому поучиться в плане национализации. Теперь крепнет ощущение, что Индия принадлежит индийцам, что индийцы больше не будут превращать других индийцев в дешевую рабочую силу, обслуживающую экономические нужды

глобального капитала, что времена колониализма и постколониализма закончились. В нашей Новой Индии все подлежит пересмотру. Когда возникают споры, мы часто говорим друг другу: послушай, друг, хватит с нас старого. Хватит. Это — напоминание о великой жаре и высоких ставках, но также — отторжение дурных сторон прошлого. Хватит, напоминаем мы друг другу — и задумываемся, что еще нужно сделать, чтобы достигнуть согласия и начать действовать.

Индия вступает в свои права. Мы — новая сила. Люди по всему миру начали обращать внимание. Это для нас тоже в новинку — все за границей привыкли думать об Индии как о бедной стране, жертве истории и своего положения на глобусе. Теперь же на нас смотрят с некоторым недоумением и удивлением. Что происходит? Одна шестая человечества на большом треугольном куске земли, палимая солнцем, отрезанная от других могучими горными хребтами, — кто эти люди? Демократия? Многоязыкая коалиция? Минутку, как такое может быть? И чем она еще может стать? Неужели в сравнении с нами китайцы, столь решительно вступившие на мировую арену в начале века, теперь выглядят деспотичными, неповоротливыми, уязвимыми,

испуганными? Неужели Индия — новый отважный лидер мира?

Мы считаем: да, возможно, так оно и есть.

32

Мэри: Дик, что ты с твоими людьми делаешь, чтобы нынешняя экономика больше помогала людям будущего?

Дик: мы изучали ставку дисконтирования. Исследовали, что Индия делает со своей дисконтной ставкой. Очень интересно.

Мэри: как это относится к людям будущего?

Дик: непосредственно. Мы дисконтируем будущие поколения по аналогии с тем, как относимся к деньгам. Если взять деньги, то один евро, который у тебя лежит в кармане прямо сейчас, стоит чуть больше, чем обещанный евро, который тебе достанется через год.

Мэри: как это?

Дик: если евро имеется в наличии, его можно потратить. Или положить в банк под проценты. И тому подобное.

Мэри: и насколько велик дисконт? Как он работает?

Дик: ставка плавает. Принцип таков: если ты предпочтешь взять девяносто евро сейчас вместо обещанных через год ста, то годовая дисконт-

ная ставка составит 0,9 процента. Применив эту ставку, получаем, что сто евро, которые ты получишь через двадцать лет, равняются двенадцати сегодняшним евро. Если срок растянуть до пятидесяти лет, сто будущих евро съежатся до половины евро сегодня.

Мэри: уж больно суровая ставка!

Дик: так и есть. Я лишь привожу пример для ясности. В жестких ставках нет ничего необычного. Кто-то даже получил шнобелевскую премию по экономике, предложив четырехпроцентную дисконтную ставку будущего. Это все равно очень много. На торги, разумеется, выставляются различные ставки и временные интервалы. Люди заключают пари, на сколько увеличится или сократится величина ставки по отношению к предсказанной. Этому есть название: временная стоимость денег.

Мэри: но метод применим и к другим вещам?

Дик: о да, это же экономика. Раз все можно обратить в денежную стоимость, то, когда требуется оценить будущую стоимость какого-либо действия и решить, платить сейчас или потом, эту стоимость можно учитывать, опираясь на ставку дисконтирования.

Мэри: но ведь люди будущего не менее реаль-

ны, чем ты или я. Зачем же дисконтировать их как деньги?

Дик: отчасти для того, чтобы решить, как лучше поступить. Видишь ли, если считать, что все люди будущего имеют такую же ценность, как ныне живущие, они как бы превращаются в бесконечность, в то время как мы конечны. Если человечество не вымрет, родится еще довольно много людей — я видел цифры: восемьсот миллиардов и даже несколько квадрильонов — все зависит от того, как долго будет существовать население Земли, пока не превратится во что-то другое. Или пока не погаснет Солнце. Согласно даже самому скоромному прогнозу, людей будущего будет так много, что мы против них — песчинка. Если работать в их интересах, как в своих, то придется, по сути, все делать ради них одних. Всякий хороший проект придется считать бесконечно хорошим и признать его равным всем остальным хорошим проектам. Все плохое, что мы способны им причинить, будет бесконечно плохим и потому недопустимым. Но так как мы живем в настоящем и в условиях ограниченности ресурсов пытаемся определить, какие проекты финансировать, а какие нет, то для расчета затрат и выгод нужен более тонкий

инструмент, чем бесконечность. Исходя из того, что наши возможности ограничены, нужно решить, какой выбор принесет наибольшую выгоду с наименьшими издержками.

Мэри: экономика как дисциплина для этого и существует.

Дик: именно. Оптимальное распределение дефицитных ресурсов и все такое.

Мэри: допустим. И как нам выбрать дисконтную ставку?

Дик: наобум.

Мэри: что-что?

Дик: ничего научного в этом нет. Достаточно просто выбрать. Такую роль могла бы сыграть текущая процентная ставка, но она постоянно колеблется. Так что выбрать можно любое значение.

Мэри: чем выше ставка, тем меньше мы тратим на людей будущего?

Дик: верно.

Мэри: и на данный момент все выбирают высокую ставку?

Дик: да.

Мэри: чем это обусловлено?

Дик: предполагается, что люди будущего будут богаче и сильнее нас и сами разберутся с пробле-

мами, которые мы им насоздавали.

Мэри: это же неправда.

Дик: еще какая! Но если не дисконтировать будущее, мы не сможем рассчитывать затраты и выгоды.

Мэри: а что, если цифры врут?

Дик: разумеется, врут. Что и позволяет нам игнорировать любые расходы и выгоды, которые могут иметь место за горизонтом пары десятилетий. Допустим, кто-то запросил десять миллионов, чтобы принять меры, которые спасут миллиард человек через двести лет. Если учитывать среднюю оценку человеческой жизни страховыми компаниями, миллиард человеческих жизней — огромные деньги. Однако если приложить коэффициент 0,9, то сумма может сократиться до сегодняшних пяти миллионов долларов. Согласимся ли мы потратить десять миллионов, чтобы спасти то, что обойдется после дисконта в пять миллионов? Разумеется, нет.

Мэри: из-за дисконтной ставки!

Дик: правильно. И так на каждом шагу. Регулирующие органы представляют на утверждение бюджетного управления какой-нибудь план смягчения последствий. Бюджетное управление применяет дисконтную ставку и отвечает «нет».

Не вытанцовывается.

Мэри: и все из-за ставки дисконтирования.

Дик: она не более чем число, присвоенное этическому выбору.

Мэри: число, которое само по себе ничем не оправдано.

Дик: верно. Никто не спорит, что люди будущего не менее реальны, чем мы. У дисконта нет никакого морального оправдания, он всего лишь служит для нашего удобства. Многие экономические теории это признают. Роберт Солоу предлагал поступать так, как если бы ставка дисконтирования равнялась нулю. Рой Харрод говорил, что ставка дисконтирования — вежливое определение ненасытности. Фрэнк Рамсей называл ее этически недоказуемой. Он говорил, что она порождена скудостью воображения.

Мэри: тем не менее мы ею пользуемся.

Дик: и надираем людям будущего задницу.

Мэри: это очень легко сделать, ведь они не способны защищаться!

Дик: верно. Вообрази матч по регби между новозеландской сборной «Олл Блэкс» и командой трехлетних детей, представляющих людей будущего. Естественно, мы надерем детишкам задницу. Это одна из немногих игр, в которую мы

насобачились играть.

Мэри: ушам своим не верю.

Дик: да ладно тебе.

Мэри: что же нам делать?

Дик: мы Министерство будущего. Поэтому надо вступить в игру на стороне трехлеток. Выйти им на замену.

Мэри: и играть против «Олл Блэкс»!

Дик: ну да. Хотя играют они в самом деле здорово.

Мэри: значит, нам самим надерут задницу.

Дик: если будем играть хуже, чем они.

Мэри: а у нас получится?

Дик: аналогия несколько поистерлась, но представим, что мы играем просто ради удовольствия. Я помню фильм о южноафриканской сборной на чемпионате мира по регби в Южной Африке. Они были новичками и все же выиграли главный приз.

Мэри: как у них это получилось?

Дик: посмотри фильм. Они играли не просто так. Для других сборных игра в регби была их работой, профессией. А ребята из Южной Африки играли за Манделу. За свою жизнь.

Мэри: итак, есть ли способ как-то улучшить перспективы?

Дик: тут самое время вспомнить Индию. После великой жары они лучше всех в мире провели полную ревизию всех областей. Для начала ставку дисконтирования, конечно, можно установить на низком уровне. Бадим, однако, говорил, что в Индии по традиции считают равными себе семь поколений до и семь после. Работа ведется в интересах семи поколений. Теперь они используют эту идею для перестройки своей экономики. Суть в том, чтобы рассматривать дисконтную ставку в виде колоколообразной кривой, на вершине которой всегда находится настоящий момент. С этой точки дисконт для следующих семи поколений практически ничтожен, но потом резко идет вверх. Впрочем, у них есть и другая модель, в которой дисконтная ставка задается только на пару поколений, после чего падает до нуля. В обоих случаях из расчета удаляется бесконечность, а будущим поколениям придают более высокую ценность.

Мэри: неплохая мысль.

Дик: мы отрабатывали разные модели, чтобы выяснить, какие графики дают наилучшее уравнение расходов и выгод. Довольно интересно.

Мэри: я тоже хочу посмотреть. И просчитать.

Дик: предупреждаю: «Олл Блэкс» будут пы-

таться отобрать мяч. Может быть больно. Они постараются выбить из нас уверенность в своих силах.

Мэри: если тебя атакуют, брось мяч мне. Я буду играть инсайда.

Дик: Австралия с тобой.

33

Они убивали нас, мы убивали их.

Все члены нашей маленькой ячейки помогали ликвидировать последствия великой жары. Такие вещи не забываются. Я сам не разговаривал три года. Когда заговорил снова, мог произнести всего несколько слов. Точно вернулся в двухлетний возраст. В ту неделю я умер, все пришлось начинать с нуля. Многие «дети Кали» прошли через то же самое. Или еще хуже. Не все мои товарищи остались людьми.

Вопрос сводился к выявлению виновных, их розыску и выработке подхода. Выслеживанием и детективной деятельностью занималось другое крыло. Многие виновные прятались, отсиживались на островах-крепостях, заводили себе мощную охрану. Даже выявив их, подобраться было трудно. Они чуяли, что им грозит.

Методы отрабатывались постепенно. Поначалу мы несли тяжелые потери. Разумеется, подрыв смертников часто приносит результат, однако это грубый, уродливый и ненадежный способ. Большинство из нас его отвергало. Мы не фана-

тики и желали большей эффективности. Куда разумнее убить и скрыться. После чего налет можно повторить.

Лучше всего для этой цели подходят дроны. Работа в основном сводится к разведке — найти виновного, выявить моменты, когда он беззащитен. Это непросто сделать, но как только удается — бум. Дроны летают все быстрее и быстрее. У виновных нередко имеется защита от них, однако ее частенько можно преодолеть за счет численности. Рой дронов, каждый размером с воробья, летящий на скорости сотен и даже тысяч метров в секунду, трудно остановить. В те годы виновные гибли пачками.

Постепенно они приучились не высовывать нос наружу. Через десять лет кампании до них дошло. Охрана удвоилась.

Появились новые вопросы. Есть ли еще люди, чья вина заслуживает смертной казни? Ответ: да. Можно ли до них дотянуться? Ответ: намного труднее.

Иногда мы нанимались в домашнюю прислугу и садовниками, годами работали под прикрытием. В других случаях успех приносил банальный «взлом с проникновением». Подчас виновные теряли бдительность в дороге. Телохранителей

тоже иногда приходилось убивать — что ж, сами выбрали такую работу. Если ты охраняешь массового убийцу, не обижайся, если тебя сочтут сообщником. Мы их не жалели.

Беспокоили нас лишь так называемые сопряженные потери. Другими словами, случайная гибель невинных людей в процессе поражения цели. Виновные постоянно их убивают, на то они и виновные, но мы-то не такие. Это дело принципа. Кали справедлива и дотошна. Если ради убийства ста виновных надо убить одного невинного — план никуда не годится.

Поэтому временами приходилось выкручиваться. Однажды мне пришлось ползти по вентиляционным трубам. Воздухозаборник оставили без присмотра — большая ошибка. Темно хоть глаз выколи, однако план здания четко отпечатался у меня в памяти. Залез внутрь, ползу и ползу, налево, направо, вверх, вниз. У меня с собой были пластмассовый нож, кусачки и отвертка. Потихоньку, очень медленно, ослабил шурупы на вентиляционной решетке на потолке главной спальни. Два часа возился. Зафиксировал местонахождение виновного с помощью очков ночного видения и микроперископа. Фабрикант оружия. Их пруд пруди, но тех, что на самом вер-

ху, владельцев основных пакетов акций, не так много. Мы выявили несколько сотен. Все они торгуют смертью. Массовые убийцы под знаменем чистогана. Может быть, вам такие попадались.

Подпрыгнул, провалился прямо на кровать вместе с решеткой и веревочной лестницей. Быстро нанес виновному четыре удара ножом в туловище, потом несколько ударов в шею. В очках ночного видения кровь выглядит черной. Виновный уже не проснется.

Влез обратно по веревочной лестнице, не обращая внимания на второго человека в постели, он сполз на пол — или окаменел от шока, или пытается не привлекать к себе внимания. Умница. Ползу обратно по трубам, быстро ползу. Спускаюсь на стену вокруг участка, оттуда на крышу, там уже ждет дрон, чтобы унести меня, как посылку.

Осталось разослать фотографии с гермошлема и отчет о выполненной акции. Пусть виновные знают: «дети Кали» настигнут вас даже в вашем сверхнадежном логове, в кровати, во сне. От нас не спрячешься, не убежишь.

Один — в минус, в списке еще несколько сотен. Список, возможно, увеличится. Потому что Кали все видит. И «дети Кали» не успокоятся, пока

остался хоть один виновный. Зарубите себе на носу.

34

Опять веду запись для Бадима, приехали с Б и Мэри в Индию.

Прилет в Дели, встреча с Чандрой, она уже не в правительстве, но Б попросил встретиться с нами, представить нас новому министру и персоналу. Ч везет нас в дом правительства, представляет сменщику, сотрудникам. Приветствия, последние новости. Обсуждение реагирования на солнечное излучение после великой жары. Говорят, снизили температуры в Индии на два градуса и во всем мире на один, уже три года так, но эффект пропадает, через шесть лет возврат на дооперационный уровень. Явного воздействия на муссоны не замечено.

М подвергает последнее сомнению, Ч сердится. Характер муссонов последние тридцать лет все больше колеблется. Как и погода в Калифорнии, он редко совпадает со средними значениями, обычно показания либо выше, либо ниже среднего, что исключительно зависит от человека, а не от природы. М возражает, она считала, что муссоны регулярны, как дождь в Ирландии, очень

важны для посевов и людей в целом, с июля по сентябрь дождь каждый день, какая тут изменчивость? Очень даже большая, отвечает Ч. Не нравится, что ей не верят. Ежедневные осадки — миф. В августе целыми неделями не бывает дождя и т. д. М сомневается, Б тоже.

Б вступает в разговор. Что показывает график? В период муссонов каждый год сплошной дождь. Как так нет графика?

Персонал водит жалом, приносит график. Муссоны действительно сильнее колеблются последние двадцать лет, а после операции даже больше. На второй год после распыления особенно низкий уровень осадков, почти засуха, например, на западе. Еще одна проблема, замечает Ч. Муссоны неоднородны с востока на запад, и так было всегда.

М спрашивает, каков план на будущее. Повторение операции? Ведь глобальные средние температуры снова растут. За последние годы влажный термометр несколько раз показывал 34, много смертей. 35 по влажному термометру, вероятнее всего, повторится, причем скоро.

Именно, соглашается Ч. 35 смертельна для всех, однако даже 33 опасна, погибнет много людей.

Само собой, говорит М. Значит, вы повторите

заход?

Ч уступает слово новому министру, Викраму. В говорит: мы определенно готовы повторить. На этот раз процедура будет более упорядоченной (говоря это, он не смотрит на Ч), основанной на демократическом процессе и консультациях с экспертами. А так мы готовы.

Б спрашивает: я слышал, на этот раз будет двойной Пинатубо?

В: возможно. Первое вмешательство, как я понимаю, таким и должно быть.

М и Б не смотрят друг другу в глаза. Наконец М говорит: мне известно, что это затрагивает вопросы суверенитета. Однако Индия подписала Парижские соглашения вместе со всеми другими странами, в Соглашение включены на этот случай протоколы, которых согласились придерживаться все стороны.

В говорит: мы, возможно, выйдем из договора. Во второй раз. Мы пока еще не решили.

Б замечает, что за это полагаются очень высокие штрафы. После великой жары их не стали наказывать.

В: мы это понимаем. Это тоже часть совещательного процесса. Стоят ли выгоды затрат?

Ч резко вставляет: мы не допустим вторую

великую жару ради исполнения договора, составленного развитыми странами, расположенными далеко от тропиков и опасных зон.

Мэри: понятно.

Встреча закончена. Все недовольны.

Мэри просит показать ей место, где произошла великая жара.

Ч отвечает отказом. Там не на что смотреть. Тем более туристам.

Натянутость только усиливается.

Б: куда тогда? Хоть что-нибудь вы нам покажете?

В и Ч переглядываются. Да, говорит В. Мне нужно остаться в Дели, но Ч может отвезти М и Б в Карнатаку, показать фермы.

Фермы?

Новую парадигму фермерства. Сами увидите.

Согласны, неуверенно говорят М и Б. Они мало что смыслят в с/х.

На следующий день в Карнатаке после короткого перелета. Зелень. Холмы на востоке тоже зеленые. Террасы на склонах, но и ровной земли много. Зелень разных оттенков, россыпь желтых, оранжевых, красных, багряных, темно-коричневых и даже светло-голубых прямоугольников. Видимо, пряности цветут. По словам Индранпра-

мита, нашего сопровождающего, здесь растет все. Лучшие почва и климат на Земле. Углерода связывают 7 частей на тысячу — очень весомое сокращение выбросов. Дают пищу миллионам. Гарантированного права землевладения для местных фермеров, «заочных» землевладельцев, кроме как в самой Индии, больше нет, индийский народ представлен штатом Карнатака, округом и поселком. Хранители земли. В лесополосах и природных коридорах оставлено место для диких животных. Тигры вернулись, опасные, но прекрасные существа. Боги среди нас. Везде органика. Никаких пестицидов. С/х модель Сиккима теперь применяется по всей Индии. Как и модель управления из Кералы.

Коммунистические органические фермы, замечает Б. Он находит это забавным. М не считает, что шутка уместна. Местные с готовностью соглашаются с его определением. Говорят, что изменения приносят свободу от худших проявлений кастовости. Неприкасаемые тоже в деле, женщины составляют почти половину каждого панчаята, древний индийский закон обрел прежнюю силу. Теперь нет чужой собственности, люди сами хозяева своего труда и прибавочной стоимости. Женщины и различные касты равны,

индусы и мусульмане, сикхи, джайны, христиане — в новой Индии все едины. Коммунистические органические фермы лишь верхушка айсберга.

— Мы слышали, что были мятежи? — спрашивает Б. М опять им недовольна.

Однако хозяин снова с готовностью объясняет.

Индра: некоторые заочные землевладельцы, у которых отняли собственность, наняли городских погромщиков из БДП, чтобы те приехали и побили местных. Схватка лицом к лицу, так что непротивление злу вряд ли помогло бы. Парадокс, но тактика непротивления насилию лучше действует против армий. Пришлось отбиваться. Окружили чужаков толпой, надавали им как следует. В новостях сообщили о мятеже, на самом деле местные отразили нападение чужаков. Что-то вроде органического с/х — борьба с вредителями природными средствами.

Б: не входят ли в борьбу с вредителями природными средствами целевые ликвидации? Мировое сообщество недовольно убийством частных лиц. Эту тактику террора применяют ваши собственные погромщики — «дети Кали».

М опять смотрит на него так, будто Б нарочно нарывается.

Ч тоже недовольна. Отрезает: когда бедняков

убивают террористы, нанятые богачами, число погибших никого не волнует. Ответка, может, и не по правилам, однако, как известно уважаемым гостям, не все, что происходит, санкционировано правительством. На волю вырвалось много разных сил. Кали — лишь одно из божеств, не забывайте.

М пользуется шансом, чтобы сменить тему. Как этот метод действует, если посевы поражены вредителями? Положим, определенные насекомые вредны, а инсектициды использовать нельзя, что вы делаете?

Индра: инсектициды есть, но не ядохимикаты. В основном другие насекомые. Биологическая война.

И получается?

Не всегда. Но если инвазия губит посевы и мы не в состоянии ее остановить, то очищаем поле и отправляем все растительные отходы на переработку. Отходы тоже часть нашей системы, в нее входят «свои» насекомые, если можно так выразиться, они без проблем съедят испорченные растения вместе с вредителями. Все это закладывают в баки. Амебы в баках жрут все без разбора. От них мы получаем продукт, похожий на муку, а еще этиловый спирт для оставшихся машин,

использующих жидкое топливо. В случае определенных инвазий мы выжигаем поле целиком, оставляем под паром на сезон или два, потом возвращаем в дело. Пытаемся сажать каждый раз что-нибудь другое. Учимся по ходу дела, работа еще не закончена.

— Значит, у вас есть «дети Кали» в форме микробактерий, — шутит Б. М опять хмурится.

— Все под солнцем имеет свой цикл, — отвечает Индра.

Это напоминает всем, что мы жаримся на полуденном солнце. Бешеные псы и англичане[8], ирландские женщины. Даже Б выглядит перегревшимся.

Местные выставляют энтузиазм напоказ, тычут пальцем в небо. Так много солнца! Ведь это энергия, верно? Энергию солнца можно использовать для извлечения воды прямо из воздуха, водорода из воды, выращивать растения для биопластмасс и биогорючего, чтобы заправлять машины, которым еще требуется жидкое топливо, использовать водород для питания турбин. Солнце помогает растить леса, связывающие углерод, поставляющие биоуголь для горелок и

---

[8] Примечания: 8

Намек на песню «Бешеные псы и англичане» Ноэла Кауарда.

древесину для строительных нужд. Индия — одна сплошная солнечная электростанция замкнутого цикла. Зеленая сила. Другие страны не имеют столько солнечного света, минералов и людей, особенно людей. А еще полезных задумок.

М и Б с натянутой вежливостью кивают. Они это уже слышали. Не надо ломиться в открытую дверь. Здесь жарче, чем в аду.

Индия — новая, все согласны. Наши индийские хозяева очень довольны тем, как идут дела. Однако заметна нервозность. М и Б определенно ее видят, особенно у Ч, да у в местных тоже. Агрессивная гордость. Не трогайте нас. Чужие Индии не указ, это время прошло и не вернется. Постколониальная обида? Постгеоинженерное самооправдание? Усталость от пренебрежительного отношения мира к Индии? Все вместе взятое?

35

Мы приехали в Швейцарию поездом из Австрии. В Австрию закрытые поезда приходили из Италии. Швейцарцы все составы останавливали в Санкт-Галлене, просили пассажиров покинуть вагоны и пройти регистрацию. С нами поступили точно так же. Большинство пассажиров в нашем поезде были из Алжира и Туниса, «лодочники», приплывшие в Италию в надежде попасть во Францию или Романскую Швейцарию, чей язык нам понятен. Пересечь границу Швейцарии — большущий шаг к цели.

Нас согнали в кучу в огромном здании, похожем на зал паспортного контроля в аэропорту, только не таком новом. Допрашивали на французском, потом мужчин отделили от женщин, что вызвало много волнений и недовольства. Никто ничего не понимал, пока нас не привели в небольшие смотровые кабинеты и не провели беглый медосмотр, заставив раздеться до пояса и подставить грудь под рентген. Прошел слух, что они ищут признаки туберкулеза. Это само по себе оскорбительно и возмутительно, поэтому,

одевшись, воссоединившись с женщинами и узнав, что их тоже раздевали, мы рассердились не на шутку — пусть рентген проводил женский персонал, но общим процессом все равно управляли мужчины. Сам подход был унизителен, и, естественно, подобное случалось не впервые — беженцы по определению не совсем люди, перекати-поле, однако этот инцидент переполнил чашу терпения. Мы ехали в Швейцарию, страну чистоты и порядка, а с нами обращались как со скотом. Вот мы и психанули. Некоторые подметили иронию: подобное обращение мы посчитали оскорбительным лишь потому, что находились в Швейцарии и ожидали приличного обращения; в Египте или Италии унижения — норма, и мы бы не пикнули. С нами и не такое еще случалось. Как бы то ни было, мы разозлились, и, когда охранники повели нас обратно к поезду, стоявшему на южной ветке, которая вроде как вела обратно в Австрию, многие начали громко протестовать, и никакие увещевания охраны не помогали. Мы отказались идти к этой ветке — какой смысл? Мы же видели, как другие поезда уходят с южных веток на восток, и были уверены, что наш поезд отправят в том же направлении. Когда тебя силком заталкивают в вагон, ощущение, скажу вам,

не из приятных.

Охранникам прислали в подкрепление солдат с длинными винтовками за плечами. Мы и на солдат стали орать, а когда они взяли винтовки на изготовку, на отряд бросились несколько молодых парней. Остальные их поддержали. Мы добирались сюда из Туниса целых семь месяцев и просто не выдержали.

Ни один швейцарский солдат не открыл огонь, однако, когда мы пересекли станционные пути и толпой подбежали к зданию, навстречу нам вышли новые солдаты, а в воздухе вдруг завоняло слезоточивым газом. Одни шарахнулись в стороны, другие атаковали полицейский заслон, перед самым зданием завязалась серьезная драка. Было заметно, что полиция получила приказ не стрелять, поэтому мы осмелели, начали давить, группа молодых парней свалила полицейского, отобрала у него винтовку, кто-то выстрелил из нее в других полицейских, и тут все вдруг резко переменилось. Вспыхнула настоящая война, да только у наших была всего одна винтовка. Люди вокруг меня начали с воплями падать на землю. Кто-то крикнул: «А пули-то резиновые». Резиновые! Мы снова бросились в атаку, в суматохе группа наших проникла в здание. Внутри, по

сравнению с тем, что творилось снаружи, было безопаснее всего. Да только к этому времени мы окончательно потеряли разум, у нас на глазах стреляли в наших людей, пусть и резиновыми пулями, поэтому мы избили всех, кого застали в здании. Кто-то нашел какую-то горючую жидкость и поджег большой приемный зал, и, хотя пожар получился не сильный, само здание не загорелось, дыма было хоть отбавляй — дым не такой едкий, как слезоточивый газ, но, возможно, вреднее для здоровья. Мы не соображали, что делаем, просто сходили с ума, не пропускали полицию в здание, одновременно пытаясь его поджечь, хотя сами находились внутри. Пожалуй, этот момент можно сравнить с атакой смертников. Никто из нас в тот момент ни о чем не задумывался. Я никогда не забуду это ощущение безоглядного бунта, безразличия, выживешь ли ты или погибнешь, желания причинить побольше ущерба любым способом. Главное — нанести урон, а там пусть убивают. Я жаждал, чтобы весь мир страдал, как страдали мы.

В конце концов осталось только лечь на бетонный пол, чтобы не дышать дымом. Большинство так и сделали, и нас вытащили поодиночке, стреножив, как овец перед закланием.

После допросов всех отправили во Францию. Мы воссоединились с семьями. Выяснилось, что во время бунта погибло шесть человек, среди них ни одного швейцарца. Здание почти не пострадало. Сохранилось только ощущение бунта. О, его я никогда не забуду. Когда теряешь последнюю надежду и страх, ты уже не совсем человек. Лучше или хуже — сказать трудно. Главное, что на целый час я перестал быть человеком.

36

К концу лета 2032 года ледяной покров Северного Ледовитого океана растаял полностью, на следующую зиму толщина морского льда не превысила даже метра, ветры и течения разломали покров на острова блинчатого льда, разделенные шугой или салом, даже внутренними «морями» шириной несколько километров. Когда наступила весна и пригрело солнце, зимняя шуга быстро растаяла, и летом круглосуточный солнечный свет проник в океан на большую глубину, значительно нагрев воду, отчего следующей зимой ледяной покров стал еще тоньше.

Адский замкнутый круг. Шапка полярного льда в Арктике, которая на момент первых замеров в пятидесятых годах прошлого века имела толщину десять метров, играла большую роль в альбедо Земли. Северным летом она отражала обратно в космос два-три процента солнечных лучей. Теперь же солнечное тепло поглощалось океаном и нагревало его. По не до конца понятным причинам среди всех мест на Земле нагревание быстрее всего происходило в Арктике и Антарктике. Про-

цесс вызывал ускоренное таяние арктического пояса вечной мерзлоты в Сибири, на Аляске, в Канаде, Гренландии и Скандинавии, что, в свою очередь, высвобождало большие объемы углерода, а также метана — парникового газа, способного накапливать тепло в атмосфере в двадцать раз больше двуокиси углерода. Вечная мерзлота Арктики содержит больше метана, чем смог бы выработать весь рогатый скот планеты за шесть столетий. Эта гигантская отрыжка, если ее не подавить, наверняка безвозвратно столкнула бы Землю в режим джунглей, лишила бы ее ледяного покрова, что привело бы к повышению уровня мирового океана на 110 метров выше нынешнего, а глобальных температур — на 5–6 градусов Цельсия, если не выше, сделав огромные территории непригодными для обитания. Цивилизации наступил бы конец. Остатки человечества, возможно, приспособились бы к новой биосфере, однако после массового вымирания от него остались бы жалкие крохи.

В этой связи были предприняты усилия по наращиванию толщины арктического морского льда, чтобы он дольше держался летом.

Усилия были неуклюжи. Зима в Арктике все-таки темная и холодная, почти вся морская

акватория забита шугой. Хороших очевидных методов уплотнения такого льда не придумано. Поэтому для начала испробовали и проанализировали несколько подходов. Один заключался в том, чтобы отправить автономные амфибийные средства к внешней кромке зимнего морского льда, как только он нарастет, и качать морскую воду из незамерзшей части океана по соседству, распыляя ее в воздухе, чтобы взвесь превращалась в ледяные кристаллы еще в воздухе и уплотняла внешний край ледяного покрова. В итоге летом под лучами солнца лед не таял бы так быстро.

В ограниченном масштабе метод работал, однако для качественного наращивания ледяного слоя требовались тысячи таких устройств, и каждое само выбрасывало в атмосферу определенное количество углерода. Тем не менее, невзирая на финансовые затраты, технические сложности и сжигание углеводородов, подход был признан полезным. Когда стало ясно, что денежные убытки от потери ледяного покрова будут выше расходов на их предотвращение, финансовые соображения перестали тормозить осуществление плана.

К этому времени повсюду в мире начали возникать заводы по изготовлению дирижаблей,

некоторые из аэростатов были способны летать над Северным Ледовитым океаном зимой, получая питание от аккумуляторов, закачивать в цистерны воду из лунок, пробитых в самом тонком слое морского льда, и затем распылять ее на поверхности, где она замерзала, увеличивая толщину ледяного покрова. Как и в случае забора воды с плавучих платформ, процесс можно сравнить с попыткой высосать океан через соломинку. Жалкие потуги! Эффект — с гулькин нос! Черный несмешной юмор! Однако любое доброе дело должно с чего-то начаться. Кроме того, в случае неудачи вероятные последствия были настолько ужасны, что усилия, несмотря на их мизерность, были заведомо оправданны.

Третий метод представлял собой выброс на зимний лед массы небольших пластмассовых механизмов, снабженных солнечной панелью, буром, насосом и маленьким распылителем, позволяющими проделывать отверстия во льду, выкачивать воду и рассеивать ее в воздухе, чтобы она замерзала. Постепенно эти машинки сами собой зарывались в снег и отключались, дожидаясь весны и лета, — после таяния снега они снова появлялись на поверхности и принимались за работу, пока не вмерзали в лед следующей осенью

до очередного повторения цикла. Тысячи, а за ними миллионы таких машин были разбросаны по всей Арктике. Выполни они свою работу как следует, то застряли бы в толще льда на века. Некоторые невесело шутили, что в таком случае они сами связали бы небольшое количество углерода.

Да, попытки были неуклюжи, крайне неуклюжи. Адски неуклюжи. Никакие начинания не давали по-настоящему хорошего эффекта. А значит…

37

Мне трудно об этом писать. Я родилась в Ливии — так мне говорили. Когда мой отец пропал — никто не знает, как и почему, — мать взяла меня и сестру на корабль, идущий в Европу. На борту были почти одни тунисцы. Мы добрались до Триеста, оттуда на поезде до Санкт-Галлена в Швейцарии, где очутились в очаге бунта. Это — первое, что я помню: множество людей, бегущих к зданию, все кричат. Глаза горят от слезоточивого газа. Мама пыталась укрыть нас под своим свитером, поэтому я мало чего видела, но веки все равно жгло. Женщина и две ее маленькие дочки выплакали все глаза.

Последующие дни я почти не помню. Швейцарцы заботились о нас лучше, чем матросы на корабле. Нас накормили, выделили кровати в большом общежитии, рядом были душевые и туалеты. Приятно чувствовать себя в чистоте, сухости и сытости. Мама наконец перестала плакать.

Потом нас отвели в какую-то комнату и представили группе людей, говоривших по-французски.

Маме предложили место в приюте за околицей Винтертура, она с готовностью и благодарностью согласилась. Мне с сестрой было страшно опять переезжать на новое место, но мама сказала, что так будет лучше. Мы сели на поезд и помахали рукой убежищу в Санкт-Галлене, которое, честно говоря, было самым лучшим местом, где мы до тех пор жили. Ничего не поделаешь.

Приют под Винтертуром находился в прекрасном парке. В ясные дни вдали можно было увидеть Альпы. Мы не знали, что мир такой большой, и поначалу это меня пугало. Как найти свое место среди такой прорвы людей?

Джейк и несколько других помощников часто приходили к нам в приют. Джейк говорил на французском медленно, но чисто; по выражению его лица я сразу поняла, что он не такой, как остальные. Как будто повидал еще больше нашего. Мне постоянно хотелось его заверить, что с нами все хорошо.

Джейк преподавал английский и взрослым, и детям, по отдельности. Утром учил детей, после обеда и вечером — взрослых. Проводил с нами почти весь день, даже воскресенья. Сидел за обедом и ел вместе с нами. Иногда просто сидел за столом и водил глазами туда-сюда, словно

пытался уследить за птицей или мыслью. Он, похоже, полюбил нас, и, как у всех спонсоров, у него появились свои любимчики, с кем он проводил больше времени, здоровался по имени, разговаривал о делах — сначала по-французски, потом по-английски.

Так продолжалось очень долго, почти целый год, после чего мама сказала, что выходит замуж за Джейка и что мы все вместе переезжаем в соседний поселок. Мы с сестрой ничего не подозревали, поначалу были ошарашены и растерянны, до сих пор мы не видели места лучше нашего приюта, уехать куда-то с одним из помощников… не хотелось. Мы понятия не имели, что происходит между мамой и этим человеком с непоседливыми глазами, и подозревали худшее.

Мы действительно переехали в двухэтажный белый домик возле огороженного парка, быстро освоились и пошли навестить друзей в приюте. Мама и Джейк всегда вели себя друг с другом тепло и задушевно, хотя перед нами никогда не выказывали нежностей. Однако мы видели, что этот человек нравится маме, что она ему благодарна, он всегда был с нами очень добр, говорил на смеси английского и французского, отчего казалось, что два языка сливаются в один, и нам

стоило немалых усилий снова их расцепить в голове. Арабский мы почти позабыли.

Несколько лет — с моих семи до одиннадцати — мы жили маленькой семьей. Ходили в школу в Винтертуре, играли с друзьями по школе и убежищу, все шло хорошо. В эти годы моя мама была счастлива.

Перейдя в шестой класс, я начала замечать, что у мамы с Джейком не все ладно. После ужина они сидели на кухне, уткнувшись каждый в свой экран или в окно. Глядя на них, я вдруг подумала: а ведь даже сидя вместе и ничего не делая, они очень не похожи друг на друга. Моя мама — спокойный человек. Она проскальзывает в кресло и расслабляется, как кошка. Глаза движутся, руки могут выполнять какую-нибудь работу, шитье или вязанье, однако остальное тело пребывает в полном покое. Это — часть ее натуры. Нам повезло с мамой.

Джейк, даже если сидит, никогда не бывает спокоен. Он ничего не теребит в пальцах, не стучит ногой, но все равно заметно, что он весь на взводе. Как будто внутри него вращаются все атомы. Если людей оценивать по частоте вращения, как атомы или автомобильные моторы, то мама была бы практически неподвижна, а Джейк крутился

бы с частотой многих тысяч, если не миллионов оборотов в минуту. Десяти миллионов, однажды поправил он. Этот образ у меня отложился с его собственных слов. Он всех людей считал кварками — мельчайшими элементарными частицами, меньше даже атомов. Сами атомы состоят из кварков, скрепленных глюонами. Джейк смешил нас такими рассказами. Как у кварков, у каждого человека есть своя доля странности, спина — верчения — и очарования. По этим трем постоянным можно определить характер почти любого человека. Ваша мама, говорил он, самая очаровательная на свете, но не очень странная и практически не вертлявая. Джейк признавал, что его степень верчения, как и странности, очень высока. Мы сказали, что очарование у него тоже есть. Он не согласился.

Иногда под конец дня Джейк сидел в своем кресле в приюте порядком уставший, а глаза все двигались туда-сюда, вправо-влево, что требовало немалых усилий. У него внутри скрывалось что-то темное. Мама говорила, что в молодости он работал в других странах и видел ужасные вещи. Мы верили. Иногда Джейк, посмотрев на нас в упор, резко опускался на пол и обнимал. Как я вас люблю, говорил он, вы чудесные девчонки.

А порой он пялился на нас, будто окоченев, лицо перекошенное, сжимал руками края кресла, словно готовясь вскочить с места и пулей выскочить за дверь. В такие минуты нам становилось страшно.

Потом наступили времена, когда он стал кричать на маму и даже на нас. Вскакивал на ноги, убегал из комнаты, но иногда что-то сначала кричал на нее по-английски. Мы не понимали, да и были слишком напуганы, чтобы прислушиваться. Поначалу мы боялись, потом привыкли, что это может случиться в любую минуту, просто надо держать ухо востро, поэтому, когда он бывал приветлив, каялся и просил прощения, мы воспринимали это с толикой недоверия — а вдруг он на нас через секунду набросится?

В конце концов Джейк ушел. Однажды утром мать вся в слезах разбудила нас и сказала, что он больше не вернется и нам надо опять переезжать. Мы сели на лестницу и заревели.

38

Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить альтернативы глобального неолиберального строя, которому, похоже, грозит неминуемый и близкий коллапс. Есть ли уже сейчас альтернативы, которые мы могли бы рассмотреть?

Китай, разумеется.

Но Китай очень плотно встроен в глобальную экономику. У них командная экономика, которая действует вопреки свободному рынку, укрепляя интересы Китая.

Очень интересно! И как зовут эту загадочную новую амальгаму?

Социализм.

Ой-ой-ой. Какая трансгрессия, если не сказать ностальгия. Однако я припоминаю, что Китай к слову «социализм» неизменно осторожно добавляет — «с китайским лицом», и лицо это явно не похоже на другие лица до него.

И да, и нет.

Вы не согласны?

Нет. Это — социализм с китайскими особенностями.

И особенности эти, похоже, включают в себя солидную порцию капитализма.

Да.

Мы сможем чему-то у них научиться?

Нет.

Почему?

Потому что мы их не любим.

Они нас тоже.

Значит, с этой стороны на перемены надеяться нечего. А как насчет бедноты? Четыре миллиарда самых бедных обитателей планеты имеют меньше собственности, чем десяток самых богатых людей, поэтому у них мало силы, хотя никто не спорит, что их самих очень много. Смогут ли они продавить изменения снизу?

Против них штыки.

А как насчет так называемого прекариата? Миллиардов в серединке, едва сводящих концы с концами, которых в Америке по старинке называют «средним классом», — вот где ностальгия, я понимаю. Смогут ли они восстать и поменять систему с помощью коллективных действий?

Они тоже наткнутся на штыки.

И все-таки мы наблюдаем демонстрации, порой даже очень крупные.

Демонстрация — это тусовка. Покуражились и

разошлись по домам. Ничего не меняется.

Хорошо. Тогда как обстоит дело с координированными массовыми выступлениями? Это уже не просто тусовка. С так называемыми налоговыми стачками, о которых идет столько разговоров? Они, например, могли бы вызвать финансовый крах и национализацию банков. Национальные правительства вернули бы себе контроль, координируя полный переход в свои руки глобальных финансов. Могли бы переписать правила ВТО и осуществить некую разновидность количественного смягчения, а необеспеченные деньги отдать на проекты «Новой зеленой сделки».

Это — удел законотворчества.

Опять мы упираемся в законодательную власть! Обычно такие вещи считаются атрибутами представительской демократии. Если таковая где-то еще существует или когда-либо существовала, новые законы по определению принимались бы большинством голосов. По меньшей мере в пятьдесят один процент или, если есть такая возможность, еще больше. Так обстоит дело во всех крупных странах, где действует подобная система. Им всем пришлось бы подключиться к этому плану.

Да.

Это выглядит довольно практично. Что нам мешает это сделать?

Люди глупы. Богатые тоже будут сопротивляться.

Опять презумпция, что у богатых больше силы, чем у бедных!

Да.

Но нет ли здесь некого системного сопротивления изменениям, когда все законы, требующиеся для их осуществления, переплетены друг с другом настолько, что узел очень трудно распутать?

Именно.

Можно сказать, что сами деньги будут сопротивляться переменам. Очевидно, сопротивление переменам носит буквально системный, встроенный характер!

Запоры — жестокая штука. Иногда приходится подолгу сидеть на горшке и тужиться.

Метко схвачено! Такова суть истории нашего десятилетия. Или целого века.

Только одного?

Очень хлесткий образ истории.

Зато когда дерьмо наконец покидает организм, наступает колоссальное облегчение.

Несомненно! Пожалуй, пора подвести итог недели. Настало время спустить штаны. Всех, кто

нас слушает, приглашаю на следующей неделе в то же время.

Одной недели, пожалуй, не хватит.

39

Давос — одна из моих любимых тусовок. Там в конце января каждый год проводится встреча Всемирного экономического форума. ВЭФ рекламируют как международное собрание решал, «негосударственных элит», которые съезжаются, чтобы похвалить друг друга и обсудить планы лучшего будущего, в первую очередь, лучшего будущего для самих элит. Их еще иногда называют «давосским человеком», новоявленным видом Homo sapiens, на 80 % мужского пола и, среди прочих атрибутов, относящегося к верхнему одному проценту по уровню богатства. И это правда! Что и делает тусовку грандиозной. Правда, многие считают ее снулой, несмотря на отличные напитки. Несколько лет назад в углу даже был замечен Мик Джеггер, в одиночестве танцующий под звуки музыкального автомата — ему, видите ли, стало скучно. Большинство гостей, однако, довольны уже одним присутствием и возможностью показаться на людях.

Давосская встреча продолжается семь дней, хотя не все приезжают на целую неделю. Две с

половиной тысячи бизнесменов и политиков с небольшой прослойкой шоуменов — вот откуда взялся Джеггер. Днем проходят заседания по группам интересов и продолжительные обеды. Обсуждаются все насущные проблемы — множество вариаций на тему управления стадом во все более беспокойном мире и помощи тем, кто больше всех нуждается. Филантропия инкорпорейтед! Грандиозными усилиями доля женщин, говорят, была доведена с шести до двадцати четырех процентов, организаторы поздравили себя с прогрессом и пообещали продолжить работу над вопросом, который не так просто решить, ведь большинство богатых людей и политических лидеров, по стечению обстоятельств, мужчины. Джеггер, возможно, еще и поэтому заскучал.

Расходы на охрану делят между собой организаторы, швейцарский кантон Граубюнден и федеральное правительство Швейцарии. Кое-кто в Швейцарии критикует эти траты; с другой стороны, если хозяева мира избирают местом ежегодных встреч Швейцарию, то это лишь помогает поддерживать ее загадочную репутацию самой богатой страны планеты вопреки тому, что репутация эта ни на чем не основана. Ну, если только на красоте Альп и мозговитости местного

народца, однако насчет и того, и другого у меня есть серьезные сомнения. Зовите меня «давосским скептиком».

Раньше здесь случались протесты, но теперь все тихо. В город сложно попасть, оборонять его нетрудно. Вдобавок конференция все меньше считается важным событием — подумаешь, кучка богатеев собралась потусоваться. Что есть истинная правда, отвечаю я. Поэтому протестов практически не бывает. Это, как потом говорили, предоставило удобную возможность.

На той конкретной встрече мы едва успели собраться вместе и приступить к серьезным занятиям — еде, питью и разговорам, — как вдруг выключился свет и мы все оказались в кромешной темноте. «Генераторы, — весело вскричали мы. — Включите долбаные генераторы!»

Не тут-то было. Старая охрана куда-то подевалась, вместо нее мы увидели новых охранников в масках, они охраняли нас совершенно в другом смысле. Все стали говорить, что за херня, — охрана не обращала внимания; попытались выйти наружу — не пускают. Все двери заперты. Весь город перекрыт. Через несколько часов стало известно, что противотанковые надолбы, которые устанавливались сто лет назад против нацист-

ского или советского вторжения, напоминающие гигантские акульи зубы, вновь выросли на дорогах в долине и на соседних перевалах. Даже альпийские горные тропы, ведущие в долину, временно потеряли проходимость, потому что их залили мгновенно застывающим пенобетоном. Новая охрана нас скорее сторожила, чем охраняла. На все вопросы — молчок. В воздухе над головой с гудением кружили дроны. Ходили слухи, что они немедленно скапливались вокруг пытавшихся прорваться вертолетов, заставляя их отворачивать назад, и даже вызвали несколько аварий.

— Наконец-то хоть что-то интересное, — заметил кто-то. Большинство, впрочем, подумало: «Не слишком ли?»

Через динамики передали, что нам не причинят вреда и что нас через неделю отпустят на все четыре стороны. Нам сказали, что захвачено лишь расписание событий, а не мы сами, хотя это, как мы сразу же возразили, было явной неправдой. По сути, возражать было некому — все охранники носили каски с очками и не реагировали на нас вообще, если только на них не нападали, а в таких случаях ответ был решительным и неприятным, как в новостях о

демонстрациях протеста. Дубинки, перцовый аэрозоль и одиночная комната, чтобы охладить пыл. Народ перестал рыпаться. Громкоговорители на наши возражения тоже не отвечали.

Потом начали отказывать удобства. Первой перестала работать канализация, нам пришлось импровизировать, придумывать систему, где и как облегчаться. Жалкий Давос! Ничего не оставалось, как ходить в лесочек. В городе после нас осталось немало кучек дерьма, однако мы быстро выкрутились и придумали систему импровизированных отхожих мест.

Потом перестала течь вода из кранов, что, признаться, нас напугало. Посрать можно и в лесу, а вот пить один виски невозможно, хотя некоторые пытались. Иных устраивало потреблять влагу в виде вина, по четыре сотни за бутылку. Вина у нас было завались. Выяснилось, что по городу по выложенным камнем каналам бегут два альпийских ручья — кое-где в подземных коридорах, а кое-где в глубоких открытых каналах; мы нашли ведра и пили воду из этих ручьев, иногда кипятили, иногда нет. На вид вода была чистая. Пару часов назад еще была снегом.

Еду приносили в коробках, нам также разрешали самим готовить в городе. Мы справились

и с этим, чем очень гордились. Не сидеть же все время на месте. Среди нас нашлись превосходные повара.

На третий день на площади были оставлены поддоны с химическими туалетами, мы их собрали и установили в санузлах, открыв последние для пользования, хотя водопровод по-прежнему не работал. Наступило в прямом смысле облегчение, потому что теперь мы могли облегчаться почти в привычной манере, пусть и в мерзких условиях. Как на фестивале в Вудстоке, только без музыки.

Воду включили на четвертые сутки, коробки с едой стали поступать регулярно. В свободное от готовки и уборки время нас приглашали посетить так называемый лагерь перевоспитания. Видимо, нас похитили маоисты, потому что только маоисты наивно верят в силу пропагандистских лекций. Слова отскакивали от нас как горох и даже служили источником веселья. Свое образование мы уже получили и знали, что к чему.

Воспитательные материалы, которыми нас потчевали, заслужили всеобщую отрицательную оценку. Столько штампов! Сначала крутили фильмы о голодающих в бедных странах. Съемка, конечно, велась не в концлагере, однако кадры

живых взрослых и детей немного его напоминали. Фильм выглядел как самый длинный в мире рекламный ролик благотворительного общества. Мы свистели и отпускали язвительные реплики, однако две с половиной тысячи самых успешных людей планеты добились своего статуса не путем дурацких оскорблений. Иногда требовались и применялись навыки дипломатии. Кроме того, мы были уверены, что нас тайком снимают, чтобы потом сделать какое-нибудь перевоспитательное реалити-шоу. Поэтому мы в основном сидели, смотрели эту комедию и перешептывались, как зрители в кинотеатре.

Тем не менее картина того, как до сих пор живут самые бедные люди планеты, действовала отрезвляюще. Все равно что перенестись на машине времени в двенадцатый век. То, что мы сами были лишены туалетов с проточной водой и немного голодали, несомненно, усиливало эффект, хотя все прекрасно понимали, что такое обращение было задумано именно в целях их бессмысленного мероприятия, своеобразного курса терапии отвращения.

Временами на экране появлялась статистика; презентации «PowerPoint» — истинное наказание. Десятая доля процента населения Земли

владела половиной богатства человечества, то есть мы — ура! У половины всех ныне живущих людей нет никаких активов помимо их собственной потенциальной рабочей силы, ослабленной плохими здоровьем и образованием, которого слишком мало. Обвинять нас в грехах капитализма неправильно, втолковывали мы этим не слушающим скучным людям; если бы не капитализм, то все восемь миллиардов были бы нищими! Ну да ладно. Появлялись все новые цифры, графики, повторяясь, но ни к чему не обязывая. Скучающие, сонные, осоловевшие, мы пытались сообразить, какая идеологическая или этническая группа заварила эту кашу. А чего стоила озвучка! То грустная музыка, то веселенькая, невообразимо навязчивые мотивы, призванные навсегда засесть в мозгах, трагически депрессивные мелодии, точно похоронный марш, проигрываемый на одной трети нормальной скорости.

Стресс из-за отсутствия удобств и просмотра презентаций «PowerPoint» начал действовать нам на нервы, мы стояли на пороге перехода к образу жизни «Повелителя мух». Я предложил нашим закатать губу и пойти на компромисс, воспринимать все это как некий отпуск, кем-

пинг на полном обеспечении, кому какое дело до этого дерьма? Оказалось, что многим было не все равно.

Это же коммунисты, посыпались возражения. «Ну и что, — сказал я. — Мы сидим в чертовом коммуняцком лагере перевоспитания, эту историю мы еще много лет будем рассказывать в барах».

Финалом пропаганды стала длинная лекция, разъясняющая, что мировой порядок приносит пользу одним элитам, да и тем осталось недолго жировать. Германский голос за экраном, который многим из нас напомнил Вернера Херцога, констатировал, что мы попросту хищнически эксплуатируем «жизненный мир». Я даже не усомнился, что Вернер мог согласиться в этом поучаствовать и что в немецкое понятие «жизненный мир»[9] успели вложить реальный смысл. Знатоки немецкого среди нас вволю поиздевались над дубовым английским Херцога,

[9] Примечания: 9

Жизненный мир (*нем.* Lebenswelt) — центральное понятие «поздней» философии Эдмунда Гуссерля, изложенное в монографии «Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука» (Мн., М., 2000). Под понятием «жизненный мир» Гуссерль подразумевал мир повседневной жизни, который следует познавать и который составляет основу для любого познания, в том числе познания научного.

переводя обратно на немецкий образчики вроде Ich bin zu herzerschrocken! Ich bin rechtsmüde! Ich habe grossen Flughafenverspätungsschmerz![10] Последнюю фразу несведущим в германистике объяснили как «великую тоску из-за опоздания в аэропорт» — словосочетание, достойное включения в любой современный язык.

Целый час фильма был посвящен юным отпрыскам богатых родителей. Эти молодые люди — либо истово оправдывающиеся, либо дерзко высокомерные — представляли собой унылое зрелище. Наверняка их специально выбирали — чем отвратительнее, тем лучше; народ вокруг меня бормотал: «Мои дети ни фига не такие». Однако по мере появления все новых портретов убогих, злых, надменных детишек аудитория притихла, стало ясно, что у некоторых экранных нытиков в зале есть настоящие родители. Статистические диаграммы, отражавшие состояние богатых детей, тоже внушали уныние. Если сложить вместе все разные антидепрессанты, которыми они себя пичкали, в итоге получалось, что на них подсели

[10] Примечания: 10

Пародия на функциональную способность немецкого языка выражать сложные понятия соединением нескольких слов в одно слово. Первые две фразы означают «я сердечно испуган», «у меня правовая усталость».

больше ста процентов отпрысков. Притянуто за уши, но все равно депрессняк.

Еще один график отслеживал уровень личного счастья в зависимости от приобретенного богатства. Как и многое на этой неделе, да и вообще в жизни, график оказался еще одной чертовой колоколообразной кривой. Из него видно, что бедность делает людей несчастными, — тоже мне новость! Достигнув адекватного уровня, люди быстро становятся счастливее, потом, на уровне дохода высшего среднего класса, того самого, который хотят получать все ученые («Видно, учились на своих же графиках», — мрачно бормотнул чувак рядом, похоже, намекая, что либо исследования, либо система вознаграждения, а может, и то и другое сфальсифицированы), наступает пик счастья. Затем, по мере накопления богатства, уровень счастья снижается. Не до уровня бедноты, однако заметно ниже пикового среднего значения. Этот средний доход — зона максимального уюта, счастливая середина, ха-ха, или так, по крайней мере, утверждали операторы «PowerPoint», мы же лишь со знанием дела покачивали головой. Статистика способна «доказать» что угодно, но не в силах победить простую истину: «больше» означает «лучше». Саундтрек

включал в себя песенки типа «Все, что тебе нужно, — это любовь» и «Любовь не купишь», сдабривая шоу дурацкой мудростью «битлов».

На этом этапе постановка начала нас раздражать. Почему все так затянулось? Куда пропала долбаная швейцарская полиция? Уж не участвует ли она в этом балагане? Может быть, это чисто швейцарская идейка типа Красного Креста?

В конце фильма о неравенстве доходов голос за кадром произнес: «Вы давосские заложники. Вас привлекли к операции «Давос в осаде». Что вы теперь будете делать? Нам интересно увидеть, как вы проживете остаток своей жизни».

На этом наше заключение окончилось. Дроны, висевшие у нас над головой, улетели, охранники в касках исчезли.

Поняв это, мы обрадовались, стали убеждать друг друга, что промывание мозгов закончилось полным провалом, к чему неизбежно приводят левацкие воззрения, за которые на великом рынке идей не дают и ломаного гроша. Нас будто перенесли на машине времени в 1917-й, 1848-й или 1793 год, хотя среди нас мало кто знал, почему эти года упоминали те из нас, кто имел ученую степень по истории. 1848-й — серьезно?

Под громкое улюлюканье наконец прибы-

ла швейцарская полиция. «Интерполу» было приказано разыскать преступников, на правительство Швейцарии обрушился шквал критики в купе с судебными исками о личном ущербе и нравственных страданиях. Они изо всех сил оборонялись, утверждая, что это — новая форма взятия заложников, не имеющая прецедентов, и поэтому ее невозможно было предугадать и заранее выстроить защиту. Новая форма! К тому же никто из нас не умер, даже толком не пострадал, разве только в моральном плане. Сколько критики было вылито на наш образ жизни! Однако все мы давно научились игнорировать подобные выкрики, собаки лают — караван идет, и наш караван постарался сняться с места как можно быстрее. Дома мы мгновенно приобрели статус знаменитостей, возможностей рассказать о своих приключениях хватило бы до конца жизни. Некоторые пошли этим путем, другие привычно погрузились в уютную анонимность. Лично я решил снять стресс на Таити.

Как, спросите, эта затея повлияла на реальный мир? Да никак! Так что идите на хер!

40

Парадокс Джевонса постулирует, что усиление эффективности использования какого-либо ресурса увеличивает, а не уменьшает объем его потребления. Уильям Стэнли Джевонс написал об этом в 1865 году, ссылаясь на историю использования угля; как только появилась паровая машина Уатта, резко увеличившая экономичность сжигания угля и выход энергии, потребление угля намного превысило первоначальное сокращение объемов, требовавшихся для поддержания деятельности до появления усовершенствований.

Эффект отдачи можно смягчить лишь регулированием повышенного объема потребления, вызванного более эффективным методом, за счет дополнительных факторов — принудительного реинвестирования, налогов, нормативных требований. Так утверждается в книгах по экономике.

Парадокс Джевонса заметен на примере всех технологических улучшений. Лучшее соотношение километража на литр бензина — больше километров пробега. Повышается скорость компьютерных вычислений — человек дольше сидит

за компьютером. И так до бесконечности. На данном этапе наивно полагать, что технологические новации сами по себе уменьшат последствия стремления к росту и сократят нагрузку на биосферу. Тем не менее многие до сих пор сохраняют это наивное представление.

Данному пробелу в современном мышлении сопутствует, подчеркивая его, предпосылка, что эффективность якобы всегда полезна. Разумеется, эффективность — это мера, придуманная для описания результатов некого процесса, загодя признанного полезным, так что в некотором роде это почти тавтология, однако первое и второе можно отделить друг от друга, ибо они не тождественны. Изучение исторических записей и несложные опыты типа *reductio ad absurdum* или доведения до абсурда наподобие «Скромного предложения» Джонатана Свифта наглядно демонстрируют, что эффективность способна причинять людям вред. То же самое приложимо и к парадоксу Джевонса, да только экономической науке не достает гибкости, чтобы признать эту простую истину, из-за чего труды по экономике постоянно характеризуют эффективность как нечто изначально полезное, а неэффективность считают синонимом плохой или некачественной

работы. Однако свидетельства говорят о том, что эффективность — и неэффективность — бывает как полезной, так и вредной. Примеры привести нетрудно, но мы поручим эту задачу читателю, достаточно указать несколько элементарных отправных точек для размышлений: профилактическая медицина экономит массу будущих затрат на лечение и представляет собой полезную эффективность. Поедание лишних детей (как в «Скромном предложении» Свифта) — вредная эффективность. Любой ущерб, причиняемый другим людям ради получения прибыли, — это вред независимо от степени эффективности. Использование слишком большого автомобиля для поездки из пункта А в пункт Б — вредная неэффективность, и таких примеров очень много. Сохранение слепых рукавов реки в затопляемой пойме — полезная неэффективность. Примерам несть числа, и в анализе глобальных ситуаций должны учитываться все четыре категории.

При этом принцип, направляющий все эти размышления, зачастую упускается из виду, хотя должен быть их интегральной частью — мы должны делать все, что служит предотвращению массового вымирания. Общий принцип действия похож на этику землепользования Олдо

Леопольда: «Полезно то, что полезно для земли». В нашем нынешнем положении принцип можно сформулировать как «полезно то, что полезно для биосферы». В свете этого принципа многие виды эффективности быстро обнаружат себя как глубоко деструктивные, а многие виды неэффективности окажутся неожиданно жизнеутверждающими. Если что-либо противится изменениям, возвращается к исходному состоянию, оно должно считаться неэффективным. Мы нуждаемся в таком подходе по определению.

Вся сфера и дисциплина экономической науки, которые обслуживают планирование и оправдание действий общества, буквально напичканы упущениями, противоречиями, логическими изъянами, а главное — фальшивыми аксиомами и целями. Необходимо навести в них порядок. Для этого надо копнуть поглубже и перестроить всю сферу экономической мысли. Если принять к сведению, что экономика есть метод оптимизации различных объективных функций в зависимости от существующих ограничений, то содержание «объективных функций» придется заново пересмотреть. Решения должны быть продиктованы не функцией прибыли, а функцией благополучия биосферы. Упор в исследованиях

предстоит перенести из чисто экономической сферы в сферу политэкономии, это — первый шаг к возвращению экономике статуса науки. Ради чего мы выполняем то или иное действие? Какой результат мы хотим получить? Что справедливо, а что нет? Как наилучшим образом организовать совместную жизнь на планете?

Современная экономическая наука пока не дала ответ ни на один из этих вопросов. Да и с чего бы? Разве вы спрашиваете у калькулятора, в чем смысл вашей жизни? Нет. Эту задачу приходится решать самостоятельно.

41

На двенадцатый год непрерывной засухи в нашем городе кончилась вода. Нас, конечно, предупреждали, но даже во время засухи иногда выпадает дождь; с помощью природоохранных мер, вспашки земли под пар, строительства новых водохранилищ, прокладки трубопроводов к дальним водоразделам, бурения глубоких артезианских скважин и прочих подобных усилий нам до сих пор удавалось выкручиваться. И это само по себе внушило нам мысль, что так будет всегда. Однако в сентябре произошло землетрясение — достаточно сильное, чтобы что-то нарушить в подземном водоносном слое. Очень быстро все колодцы и скважины пересохли, водохранилища опустели еще раньше, вода перестала поступать по трубам с соседних водоразделов. 11 сентября 2034 года из кранов не упало ни капли.

В нашем городе живет около миллиона человек. Примерно треть населения переехала в город за последние десять лет и обитала в шалашах из картонных коробок в холмистых западных районах. Отчасти это тоже было вызвано засу-

хой. Люди там и до того жили без водопровода, покупая воду столитровыми бочками или просто банками и кувшинами. Остальные горожане, разумеется, жили в домах и привыкли, что вода течет из крана. Так что в тот день наибольший шок испытали именно те, кто жил в домах; для бедняков ничего не изменилось, разве что воды стало невозможно достать вообще, даже за деньги.

В нашей части мира без воды можно протянуть от силы несколько дней. Наверное, дело обстоит точно так же и в других местах. Прекращение водоснабжения, несмотря на все предупреждения и приготовления, застало людей врасплох.

Естественно, поднялась паника. Естественно, все начали делать запасы. Да только запасать было нечего! Многие набрали полную ванную, однако надолго такого запаса не хватило. Люди кинулись к городской реке — она давно иссякла, русло было суше обычного. Толпа окружила общественные здания — футбольный стадион, дом правительства и так далее. Надо было что-то решать.

С опреснительных станций на побережье прибыли автоцистерны. Из глубины страны пришел конвой, в нем тоже были цистерны и передвиж-

ные установки, сосущие воду прямо из воздуха, даже такого сухого, как наш. При десяти процентах влажности кожа воспринимает воздух как песок, но даже в таком воздухе еще есть влага. Повезло.

Все понимали: нужен порядок. Можно было пробиться с кулаками в голову очереди, да только какой от этого прок? Отбирать нечего, остатки воды в городе охраняли военные. Армия и полиция вышли на улицы в полном составе. Они собирали людей на стадионы и в крытые сборные пункты вроде спортзалов, библиотек и разного рода актовых залов, выстраивали очереди, воду туда доставляли автоцистерны под усиленной охраной. Оставалось приготовить посуду, дождаться очереди, получить рацион и начать его экономить.

Все зависело от бесперебойной работы системы. Если она откажет, всем наступит конец: не от того, так от другого, не от жажды, так от междоусобиц. Это хорошо понимали все, кроме последних безумцев. Такие всегда найдутся, однако перевес — примерно сто к одному — был на нашей стороне. Если кто-то устраивал бучу, беспорядки быстро подавляла полиция. Остальным же приходилось только верить, что общество нас

не оставит в беде. Никто не был в этом уверен. Однако либо система, либо смерть. Поэтому мы собирались в местах, объявленных по радио, в интернете или просто на улице, и ждали своей очереди.

Воду продолжали завозить грузовым транспортом и добывать из воздуха машинами. Когда все население собирается в нескольких местах, сразу становится видно, как нас много. Сплошь незнакомые лица. Сколько в миллионном городе у человека наберется знакомых… сотня? Плюс еще сотен пять примелькавшихся лиц, в крайнем случае — тысяча. Достаточно прийти на заполненный футбольный стадион, где всем приходится вставать в очередь с кувшинами в руках или на тележках — вода удивительно тяжела, — как сразу увидишь, что вокруг незнакомцы. Есть горстка друзей, своего рода семья, но их страшно мало, и они затерялись в толпе по своим делам. Люди, конечно, ходили за водой вместе со знакомыми. Чтобы защититься от безумцев, если у кого-то сдадут нервы, или чего еще. Однако конфликты происходили редко. Всем было так страшно, что люди вели себя как подобает. С друзьями мы ходили скорее за компанию. Потому что видеть, что ты живешь среди чужаков, очень

неуютно.

Но ведь они твои сограждане!.. Это несколько умеряет отчаяние, все-таки сограждане реальны и вызывают реальные чувства.

Однажды, когда мы стояли в очереди за водой — немытые, страдающие от жажды и полные тревог, моя подруга Шарлотта, чья обычная язвительная манера изъясняться превратилась в бесшабашно-веселую и где-то даже радостную, указала на людей, стоящих перед нами в очереди, и заявила: «Помнишь слова Маргарет Тэтчер? Такой вещи, как общество, не существует!»

Мы громко рассмеялись. Пару минут смеялись безо всякого удержу. «Маргарет Тэтчер пусть идет на хер», — сказал я, отдышавшись. И сегодня могу повторить: пусть Маргарет Тэтчер идет на хер, а с ней вместе любой кретин, кто думает так же, как она. Я всех их мог бы пригласить в место, где они либо проглотили бы свои слова, либо сдохли от жажды. Ибо, когда в кранах кончается вода, общество становится очень даже реальным. Масса вонючих, немытых, встревоженных сограждан — несомненно, общество. Общество — вопрос жизни и смерти, большинство людей это видят, а те, кто отрицает, — тупые ублюдки. И я говорю это прямо. Невежественные остолопы. За подоб-

ную глупость не грех сажать в тюрьму.

На двадцать первые сутки кризиса, 4 октября, пошел дождь. Не влажная дымка, которая часто бывает осенью, а настоящая гроза. Ох, как мы собирали эту дождевую воду! Дождь лил на голову каждого в отдельности и гражданское общество в целом; кажется, до русла реки не добралось и не покинуло пределы города ни капли влаги. Мы всю ее собрали. И мы, разумеется, плясали от счастья. Получился настоящий карнавал. Хотя понимали: это не окончательное решение — где там! Согласно прогнозам, засуха не закончилась, и у нас по-прежнему не было настоящего плана, но все-таки мы танцевали под дождем.

42

Я попросила Мэри о встрече с ней и Диком Босуортом, чтобы обсудить некоторые экономические планы, подготовленные группой разработчиков софта. Она выделила час в конце пятницы и место — зал для семинаров.

— В чем дело, Янус-Афина? — резко спросила Мэри. Сомнение в том, что ИИ способен внести в ее проект что-либо существенное, буквально было написано у нее на лице. Трудно объяснять вещи компьютерным невеждам, нужны правильный перевод, метафоры, грубые, но не очень обобщения.

На этот раз я начала с повтора аргументов Хайека о том, что рынок спонтанно выявляет стоимость товара и потому служит наилучшим инструментом вычисления и распределения стоимости, ибо централизованное планирование просто не способно достаточно быстро собирать и обрабатывать всю важную информацию. Плановики вечно ошибаются, и лучшего калькулятора, чем рынок, не существует. Эту идею поддерживали австрийская и чикагская экономические

школы, а с ними и неолиберализм: рынок рулит, потому что он наилучший калькулятор. Но теперь компьютеры стали очень мощными, и все больше крепнут позиции автора «Красного изобилия», утверждающего, что современная компьютеризация позволяет централизованному планированию работать лучше рынка. В пример того, как компьютеры превосходят рынок, приводится высокочастотный трейдинг, однако вместо совершенствования системы компьютеры используются для стрижки ренты на каждой сделке. Это указывает на наличие эффективного вычислительного потенциала, хотя пользуются им люди, застрявшие в 30-х годах прошлого века с его противопоставлением рынка планированию и капитализма коммунизму. Эти люди не пытаются улучшить систему, они всего лишь делают на ней деньги. Таковы экономисты современности.

Мощь ИИ способна создать совершенно новые организационные возможности: анализ больших данных для получения наилучшего результата, постоянное отслеживание денежных потоков, распределение ресурсов до того, как ценовая конкуренция исказит реальные затраты и превратит их в лживую схему Понци, растянутую

на несколько поколений, и так далее. Частности довольно специфичны и одновременно абстрактны, так что важно набросать несколько моментов, которые Мэри смогла бы понять, оценить по достоинству и сделать группе заказ. Дик почти во все посвящен.

Мэри вздохнула, пытаясь преодолеть скуку, которую на нее наводили разговоры о компьютерах. «Лучше расскажи, как это сделать», — попросила она.

Очень часто они даже не понимают природу необходимости. Мне это напомнило вот что: моделирование дискретных временных рядов по Рафтери показало, что в большинстве наиболее вероятных вариантов XXI века средний рост температуры составит 3,2 градуса Цельсия. Шансы на то, чтобы удержать повышение температуры на уровне двух градусов, составляют пять процентов. Шансы удержания роста температуры на уровне 1,5 градуса Цельсия — один процент.

Мэри окинула меня хмурым взглядом. «Мы и так знаем, что все плохо, — съязвила она. — Лучше посоветуй, как это исправить!»

Я рассказала о недвусмысленной работе Чена, которую сейчас обсуждают в нескольких дискурс-сообществах, — одной из самых ран-

них идей создания карбон-койна. Карбон-койн — цифровая валюта, выплачиваемая по предъявлению доказательств связывания углерода, кнут и пряник одновременно, привлекающий незанятый глобальный капитал к благородному делу сокращения выбросов углеводородов. Пряник получится особенно хорошим, если его поддержат или будут выпускать центральные банки. Хлынет новый поток фиатных денег, вознаграждающих действия по спасению биосферы. Заставить центральные банки этим заниматься довольно напряжно, но если получится, то сильнее варианта не найти.

Мэри мрачно покивала головой. «Напряжно», — повторила она.

Я привела новые аргументы в защиту карбон-койна. Заметила, что некоторые экономисты-экологи обсуждают план Чена и следствия из него под углом теории общих ресурсов и теории устойчивости. Развенчав «трагедию общих ресурсов», они теперь пытаются привлечь внимание к так называемой трагедии горизонта прогнозирования. Другими словами, мы не способны вообразить страдания людей будущего, поэтому для их облегчения ничего не делается. Наносимый сегодня ущерб ударит по ним лишь через

многие десятилетия, в итоге мы себя не осуждаем, стандартный подход к поколениям будущего исходит из представления, что они будут богаче и сильнее нас и сами разберутся со своими проблемами. Но когда наступит их черед, проблемы станут слишком большими и нерешаемыми. В этом заключается трагедия горизонта прогнозирования: мы не заглядываем вперед дальше, чем на несколько лет, а во многих случаях, как с высокочастотным трейдингом, заглядываем только на микросекунды. Трагедия горизонта прогнозирования — истинная трагедия, потому что многие изменения климата невозможно обратить вспять. Вымирание видов и нагревание мирового океана нельзя исправить, сколько бы денег ни было у людей будущего, так что практикуемая ныне экономика противоречит фундаментальному аспекту реальности.

Мэри глянула на Дика, тот кивнул.

— Это еще один способ показать ущерб от высокой ставки дисконтирования, — сказал он. — Высокая дисконтная ставка — то же самое, что индекс безразличия к будущему, о котором говорит Я-А.

Я согласилась.

— Предложение Чена даст выход? — спросила

Мэри. — Отодвинет горизонт прогнозирования?

— Да, — ответила я, — отодвинет.

Я объяснила, как предложение карбон-койна зависит от времени — в контракт включаются конкретные сроки, как с облигациями. Новая карбон-валюта с покрытием в виде столетних облигаций с нормой доходности, гарантированной всеми центральными банками, действующими единым фронтом. Такие инвестиции будут надежнее любых других и позволят, так сказать, открывать длинные позиции в отношении биосферы.

Мэри покачала головой.

— Что толку, если выплата произойдет через сто лет?

Я попыталась объяснить множественную функциональность денег. Обмен товарами — ясное дело, но еще и накопление стоимости. Если облигации станут выпускать центральные банки, эти бумаги будут абсолютно надежны, и, если ставка доходности будет довольно высокой, они выиграют конкуренцию с другими типами инвестиций. Разрешена продажа до срока погашения и так далее. Существует рынок облигаций. С другой стороны, так как вопрос эмиссии новых денег находится в компетенции центральных банков,

то инвесторы поверят в карбон-койн, ведь он будет иметь покрытие в виде долговременных облигаций. Причем эти деньги будут создаваться и попадать к людям исключительно в результате добрых дел.

— Например? — спросила Мэри. — За что их будут платить?

— За отказ от сжигания углеводородов.

Почувствовав, что она созрела для кое-каких цифр, я начала писать на лекционной доске. Не уравнения — с таким же успехом я могла бы писать на санскрите. Лишь некоторые числа.

За каждую тонну несожженных или несвязанных углеводородов, которая была учтена в течение договорного периода — пока что в дискуссиях преобладает промежуток в сто лет, — выплачивается один карбон-койн. Его можно немедленно обменять на любую другую валюту на валютной бирже, поэтому стоимость карбон-койна будет выражаться определенной суммой в других фиатных валютах. Центральные банки будут поддерживать низший порог его стоимости, чтобы он не обвалился. Когда люди почуют, что карбон-койн имеет ценность на валютных рынках, его стоимость поднимется выше минимального порога.

— То есть, по сути, это разновидность количественного смягчения?

— Да. Но прямого и прицельного. Эмиссия и запуск новых денег в оборот будут напрямую привязаны к сокращению выбросов. Новые деньги генерирует непосредственно сокращение. В своей работе Чен так это и называет — УКС, углеродное количественное смягчение.

— Значит, любой, связав тонну углерода, сможет получить один койн?

— Или долю койна. Должна возникнуть целая отрасль мониторинга и сертификации, государственно-частная по своей природе, какими ныне являются рейтинговые агентства. Вероятно, будут попытки обмана и обхода законов, однако их можно контролировать обычными мерами надзора. К тому же все карбон-койны будут регистрироваться, любой сможет проверить, сколько их в обращении, а банки будут из года в год выпускать ровно столько, сколько нужно для покрытия сокращения выбросов, поэтому никто не будет бояться потери стоимости из-за надувания денежной массы. Большое количество выпущенных карбон-койнов будет означать, что удалось связать много углерода, а это показатель здоровья биосферы, укрепляющий доверие к си-

стеме. Таким образом, количественное смягчение сначала послужит доброму делу и только тогда получит свободу участвовать в экономике.

— Если связать эту идею с углеродными налогами, то те, кто сжигает углеводороды, будут платить налог, а те, кто связывает углерод, получать деньги?

— Правильно. К тому же можно ввести прогрессивную шкалу углеродного налога, по которой более крупные пользователи платили бы больше, чтобы налог не стал регрессивным. Тогда налог станет добрым делом, можно также добавить штрафы-скидки, чтобы часть этого налога возвращалась гражданам, отчего он будет работать еще лучше. Сочетание углеродного налога и карбон-койна — ключевой элемент плана Чена. В случае одновременного применения налога и карбон-койна модели и социальные эксперименты предсказывают гораздо лучшие результаты, чем при использовании их по отдельности. Не в два раза лучше — в десять.

— Это почему же?

Я призналась, что не знаю. Синергия кнута и пряника, человеческая психология — темный лес. Почему люди поступают так, а не иначе — это епархия Мэри.

Дик заметил, что для экономистов что пряник, что кнут — не более чем стимулы, а потому одинаковы, хотя и предполагается, что кнуты эффективнее пряников.

Мэри решительно затрясла головой. «Ни хрена подобного! — заявила она. — Мы животные, а не экономисты. У животных положительное и отрицательное заметно различаются. Пинок или поцелуй, бог ты мой». Она обвела нас взглядом и добавила: «Еще большой вопрос, кто из вас двоих меньше похож на человека — компьютерный ботан или экономист».

Оба референта согласно кивнули. Это фактически предмет гордости. Оба пытаются переплюнуть друг друга, продемонстрировать научную объективность в духе Спока из «Звездного пути», значительность целей и так далее. За Диком в этом плане иногда забавно наблюдать.

Мэри заметила кивки и еще раз вздохнула.

— Ну хорошо, если поставить в один ряд и негативные, и позитивные побуждения, толкающие нас к определенному поведению, то мы начинаем вести себя соответствующим образом. Условный рефлекс, так? Раздражитель и реакция. С чего начать?

— Если дюжина крупных центральных банков

согласятся действовать заодно, дело сдвинется с мертвой точки, — ответила я.

— То же самое можно сказать о чем угодно! Каков минимум, необходимый для успеха?

— Любой центральный банк может поэкспериментировать. Лучше было бы, если на это пойдут в США, Китае и ЕЭС. Индия наиболее мотивирована действовать в одиночку, они по-прежнему очень встревожены высоким содержанием углерода в атмосфере. Однако, как говорится, в большой компании веселее.

Мэри попросила еще раз объяснить, как учитывается время.

— Центробанки могут попросту обнародовать ставку доходности, по которой планируют делать выплаты в будущем. Инвесторам понравится, у них появится уверенность. Они смогут открывать длинные позиции и секьюритизировать более спекулятивные. Кнут углеродного налога со временем должен приобрести бóльшую силу. Зная ставку налога, а также имея опубликованную информацию о том, насколько она повысится в будущем, зная долгосрочную гарантированную ставку доходности для инвестиций в карбон-койн, нетрудно сопоставить стоимость сжигания углеводородов и выгоду от связывания

углерода. Курсы обычных валют плавают на валютном рынке относительно друг друга, но если стоимость какой-либо валюты со временем гарантированно возрастает, то инвесторы начинают ее ценить больше других. Благодаря метке времени, гарантирующей рост стоимости, такая валюта никогда не потеряет силу на валютных рынках. Карбон-койн задуман так, что мог бы со временем заменить доллар США в роли главной мировой валюты.

— Мэри, это похоже на сложные проценты, — напомнил Дик.

— Да, — сказала я. — Но курс будет отвязан от текущих процентных ставок, которые нередко опускаются до нуля и даже становятся негативными. Карбон-койн не потеряет свою стоимость, что бы ни случилось.

— Может возникнуть ловушка ликвидности, — заметил Дик. — Инвесторы начнут накапливать деньги ради надежности вместо того, чтобы пускать их в работу.

Я отрицательно покачала головой.

— Ставка должна быть достаточно низкой, чтобы койн считался просто страховкой.

— Если центральные банки решат поднять объем углерода, необходимый для получения

карбон-койна, они могут восстановить баланс с помощью других надежных активов, например, казначейских или инфраструктурных облигаций, — ответил Дик. — Это увеличит ликвидность и позволит трейдерам играть на коротких позициях, что они иногда любят делать.

Я согласилась: хорошая идея.

— А наше министерство не могло бы выпускать карбон-койны? — спросила Мэри.

Я покачала головой.

— Для этого нужна способность выкупать койны по минимальной ставке, иначе люди в них не поверят. Нам не хватит резервов.

— У нас на зарплату и ту денег не хватает, — согласилась Мэри.

— Мы заметили, — пошутил Дик.

Я была рада, что план ему понравился.

Мэри объявила встречу законченной. «Подготовьте развернутое предложение, — распорядилась она. — Чтобы я могла показать его центробанкам и выступить в его защиту. Встречи с банкирами уже назначены. Посмотрим, что выйдет».

43

Я секрет на службе у всех. Сначала вы должны сосчитать все мои блоки и перевести их в знаки, которые меня не характеризуют. Блоки и знаки скованы цепью; с помощью знака, который меня не характеризует, вы можете открыть и прочитать то, что я в себе заключаю. В обмен на меня люди предоставят вам свои обязательства; если злоумышленник похитит меня у вас, вы сумеете найти меня и сообщить всему миру, где меня прячут. Я начинался как бессловесная фраза, ключ от любого замка; теперь же, отперев все парадные двери, я стал ключом, который запирает черный ход, дабы злоумышленники не могли скрыться с места преступления. Я ничто, благодаря чему происходит все. Вы обо мне не знаете, не понимаете меня, и все же, если вы ищете справедливости, я помогу вам ее обрести. Я блокчейн, я криптография, я шифр. Используйте меня.

44

Самый старый лед находится ближе к центру Антарктиды, между Трансантарктическими горами и хребтом Гамбурцева. Горы Гамбурцева почти такие же высокие, как Альпы, но полностью укрыты льдом; их обнаружили во время облета с помощью радара подледного зондирования. Между этим недавно обнаруженным хребтом и Трансантарктическими горами пролегает плоская равнина; покрывающий долину лед, по мнению ученых, не уйдет из нее по меньшей мере еще пять тысяч лет. Лед в других частях континента сползет в море через несколько десятилетий. Козырное место.

Понятное дело, что эта точка максимальной секвестрации углерода в ледяном покрове находится далеко от побережья, полярный ледниковый щит в этом месте имеет толщину три километра, то есть возвышается на эту величину над морем, потому как скальное ложе ледника находится чуть ниже уровня океана. Перекачка сюда морской воды потребует очень больших затрат энергии. И много труб. Посчитайте сами и

увидите: вариант безнадежный.

Тем не менее нашлись люди, пожелавшие рискнуть. Смельчаки эти, похоже, не дружат с арифметикой, зато при деньгах. Главным представителем этого любопытного народца был русский миллиардер из Кремниевой долины, которому идея полива Антарктиды морской водой показалась настолько оригинальной, что он решил профинансировать эксперимент. Когда речь заходит об Антарктиде, негоже воротить нос от любых спонсоров. Я, по крайней мере, никогда не воротил.

И вот, когда в Южном полушарии еще стояло лето, целая эскадрилья частных самолетов вылетела из южноафриканского Кейптауна, где в аэропорту есть отдельная стойка с надписью «АНТАРКТИДА» (блеск!). Мы высадились на шельфовом леднике Фильхнера, вдающемся в замерзшее море Уэдделла. Разгрузились и оборудовали поселок из юрт, домиков «Джеймсуэй» и палаток, выглядевших совсем крохотными на безбрежном ледяном поле. Такими они, собственно, и были. Даже поселки для туристов у возвышенности Пайонир-Хайтс и на берегу Принцессы Астрид больше нашего. Однако наше стойбище служило пунктом доставки растущего ассортимента

специализированного оборудования. Кое-что для операции выделила «Транснефть», российская государственная трубопроводная корпорация. Самую крупную установку — гигантский насос — на берег шельфового ледника Фильхнера доставил и путем замысловатой процедуры сгрузил большущий российский ледокол. Водозаборные трубы продели сквозь морской лед, а магистральные подсоединили к насосу и проложили в глубь материка поперек ледника Фильхнера и шапки полярного льда, мимо южного полюса, к Куполу Аргус — высшей точке Восточного антарктического ледяного щита. Купол возвышался над окружающей территорией, отчего по энергетическому эквиваленту не уступал горам Гамбурцева.

Энергию для насоса и подогрева трубопровода, чтобы в нем не замерзала вода, поставлял снятый с подводной лодки ядерный реактор — подарок российского ВМФ. Если операцию удастся осуществить, объяснил миллиардер своим людям в России, то она превратится в одно из крупнейших начинаний на планете. Санкт-Петербург будет спасен от затопления. Тот факт, что для успеха операции потребуется энергия десяти тысяч лодочных ядерных реакторов, очевидно,

предпочли не упоминать. Ну и что? Метод же надо проверить?

Таяние льда на всех континентах поднимало уровень океана на 5 миллиметров в год, что, казалось бы, не так страшно, если не вспоминать, что всего двадцать лет назад подъем составлял 3 миллиметра в год и темпы таяния все время росли. Если текущая скорость увеличится вдвое, вода начнет прибывать с такой быстротой, что затопит береговые районы по всему миру, и эта новая катастрофа еще больше усугубит и без того шаткую экологическую ситуацию.

Многие сетовали, что в случае заметного увеличения темпов повышения уровня мирового океана все попытки откачивать воду в Антарктиде и других местах окажутся пустой затеей. Если уровень начнет подниматься хотя бы по сантиметру в год — что запросто может случиться, ха-ха-ха, — то объем лишней воды будет равен кубу с площадью основания размером с территорию округа Колумбия и высотой в два Эвереста. Чтобы перекачать такую уйму воды, потребуется больше труб, чем было выпущено за всю историю человечества.

Оппоненты или по крайней мере наш миллиардер возражали: раз будущие темпы подъема

уровня океана пока неизвестны, вариант заслуживает право на жизнь. Операция позволит сравнить реальные затраты с моделями, а также покажет, как ведет себя вода, выпущенная с высоты на полярную ледниковую шапку. Как далеко она разольется, насколько повлияет на уже существующий лед и так далее.

Когда к насосу подключили первую магистраль и начали перекачивать воду на юг, мы сели в вертушки и отправились на передовой рубеж операции. Длинный перелет, и так каждую неделю. Трубопровод внизу выглядел черной ниткой, прилипшей к белому полотну.

— Все равно что сосать океан через соломинку и выплевывать воду на берег, — сказал я.

— Верно, — ответил кто-то. — Но когда соломинок десять миллионов…

— Нет, — возразил я. — Дурацкое сравнение. И все же благодаря ему мы сейчас здесь и, возможно, извлечем кое-какие полезные выводы.

— Тогда не называй его дурацким!

— Больше не буду. Мой рот — могила. Вы ничего не слышали. А если слышали, то я говорил не всерьез.

— Ну ты и хитрожопый, Гриффен.

— Эй! Прекрасный день в Антарктиде. Чего вам

еще надо? — сказал я.

45

Мэри вылетела в Сан-Франциско, где Федеральный резерв США организовал встречу с представителями других крупных центральных банков. В Базеле ежегодно проводилось собрание представителей всех центробанков под эгидой Банка международных расчетов, однако эти встречи носили лишь формальный характер. Насущные дела обсуждались в других местах, поэтому когда Федрезерв США приглашал на консультацию, своих представителей присылали все центральные банки. Так случилось и на этот раз. Глава Федрезерва приняла Мэри и выделила ей окно в программе встречи. Появился шанс обратиться к банкирам напрямую, попытаться убедить их в пользе карбон-койна.

Перед совещанием Мэри заскочила на ежегодную конференцию негосударственой организации (НГО) «Калифорния, вперед» — по приглашению молодой женщины, однажды проходившей у нее стажировку. Мэри прошлась с Эстер по городским холмам Сан-Франциско до конференц-центра имени Джорджа Москоне. Ут-

ро выдалось бодрящим, холодно было почти как в Цюрихе, с добавкой морского воздуха и ветра. Или это, или что-то еще — может быть, холмы или особый свет — придавали городу ощущение необузданности и открытости, что делало его совершенно непохожим на старый степенный Цюрих. Мэри очень любила Цюрих, но город над заливом вызывал совершенно иное чувство — великолепия, он нежился в лучах ветреного тихоокеанского солнца и с каждым кварталом открывал новые панорамные виды.

Конференция «Калифорния, вперед» представляла собой саммит нескольких десятков организаций. Калифорния, будь она не штатом, а отдельным государством, являлась бы пятой по размеру экономикой мира, но при том, благодаря своевременно установленному жесткому регламенту, сохраняла углеродную нейтральность. Власти штата намеревались продолжать в том же духе, и люди, прибывшие на конференцию, очевидно, считали, что у них есть чему поучиться. Мэри была не против.

Эстер представила ее сотрудникам Совета штата по водным ресурсам, Общества местной растительности Калифорнии, группы по вопросам экологически чистой энергии из Кали-

форнийского университета, группы по вопросам водного хозяйства оттуда же, начальнику отдела охраны рыбных ресурсов и диких животных, управляющему программой биоразнообразия штата и многим другим лицам. Все вместе они проводили Мэри до станции канатного трамвая, сели с ней в открытый вагон и доехали до Рыбацкой пристани. Мэри удивилась, она думала, что причудливые вагончики, скользящие вверх-вниз по крутым холмам наподобие швейцарского фуникулера, но прикрепленные к кабельным каналам в уличном покрытии, обслуживают одних туристов, однако хозяева конференции заверили ее, что канатный трамвай не уступает в скорости другим видам городского транспорта и вдобавок экологически наиболее чистый. Вверх-вниз, вверх-вниз, скрежет и стук, свежий воздух… Ее не покидало ощущение, что она находится в месте, гордящемся собственной исключительностью. В некотором смысле Сан-Франциско был топологической противоположностью Цюриха. У людей из НГО «Калифорния, вперед», и без того полных энтузиазма, как у отпускников, разгорелись глаза и раскраснелись щеки.

На Рыбачьей пристани они взяли плавучее такси до Сосалито, откуда микроавтобус довез

их до большого склада. Внутри этого здания инженерный корпус сухопутных войск США создал гигантский макет Калифорнийского залива и дельты, трехмерную карту с действующими водными потоками. С низких мостков над макетом все подробности были видны как на ладони; калифорнийцы охотно рассказали и показали Мэри, как функционирует северная часть штата.

Средиземноморский тип климата Калифорнии отличали жаркое сухое лето и влажная прохладная зима, что поддерживало плодородие обширных сельхозугодий как на прибрежной равнине, так и в большой долине в центре штата. Долина была по-настоящему гигантской, ее площадь превышала территорию Ирландии или Нидерландов. Одна из главных житниц мира, но уж очень засушливая. Воды здесь всегда не хватало, а после изменений климата положение еще больше усугубилось. Трубопроводы были проложены в каждой точке штата, воду перегоняли по мере надобности, однако с наступлением засухи ее все равно недоставало. Вдобавок засуха происходила в последнее время все чаще и чаще. Хотя временами случались и наводнения. Воды было то слишком мало, то слишком много, периоды засухи и наводнений сменялись без какой-либо

системы, но засуха все же случалась чаще. В худших случаях вспыхивали лесные пожары либо происходили ливневые паводки, и постоянно сохранялась угроза превращения всего штата в пустыню наподобие Мохаве.

Гидрологи объяснили положение с водоснабжением на макете. Обычно снежный покров Сьерры к весне накапливал около восемнадцати кубических километров влаги и длинным засушливым летом постепенно сбрасывал ее за счет медленного таяния в водохранилища. Водохранилища, перекрытые дамбами между холмами, при полном заполнении вмещали до пятидесяти кубических километров воды — этот гигантский запас мог бы спасти штат в летние месяцы. Во время засухи воду можно было бы качать из подземных слоев и подавать нуждающимся, а во время паводков снова наполнять подземные хранилища, улавливая воду на поверхности и не позволяя ей утекать в залив.

Ради осуществления этой цели был принят закон «Об устойчивом управлении запасами подземных вод» или, для краткости, программа «Сигма». Фактически закон признал воду новым ресурсом общего пользования, принадлежащим всем сразу и управляемым всем обществом. Бы-

ли введены учет и контроль, назначены цены, распределены квоты, часть земель штата была выведена из сельхозпроизводства. В засушливые годы воду качали из-под земли, следили за ее расходом, экономили где только можно; в годы паводков накапливали воду в долине и спускали ее в подземные резервуары.

Местные особенно гордились подземными резервуарами: они установили, что ложе центральной долины обладало неодинаковой проницаемостью. Основная его часть по твердости не уступала паркетному полу, как выразился один из демонстраторов, в то же время были обнаружены несколько «врезанных каньонов», проделанных в конце последних двух-трех ледниковых периодов потоками талой воды, текущей из ледяной шапки Сьерры. Каньоны постепенно заполнились валунами и грунтом, приобрели такой же вид, как вся остальная поверхность долины. Однако в действительности они пропускали скапливающуюся наверху воду наподобие дренажных траншей Френча, подпитывая подземные резервуары намного быстрее, чем другие части долины. Правительство штата Калифорния выкупило и отторгло участки земли вокруг этих дренажных траншей, построило дамбы,

плотины, насыпи, регуляторы течения и каналы, чтобы после сильных осадков вода со всей долины попадала в эти старые врезные каньоны и задерживалась там достаточно долго, не успевая просочиться вниз и уйти в море. Разумеется, количество воды, которое они могли таким образом удержать, было ограничено, однако теперь у авторов проекта имелась комбинация из хорошей системы контроля паводков и надежной подпитки грунтовых вод, что позволяло создавать запасы воды во «влажные годы» и потреблять их во время засухи.

Хорошо по отдельности, превосходно в комплексе. Более того — вынужденное создание такого «водопровода» для пополнения запасов воды побудило власти вернуть приличную долю земель в то состояние, в каком они пребывали до появления европейцев. Аграрное производство недавнего прошлого превратило всю долину в гигантскую промышленную ферму, обделило ее во всех отношениях, кроме товарного производства, истощило, обезобразило, опустошило, сделало непригодной для жизни людей, а ведь это место раньше называли Серенгети Северной Америки, здесь обитали миллионы животных, в том числе калифорнийский олень, серый медведь, пума и

волк. В бешеной гонке за превращение долины исключительно в зону производства продуктов питания всю эту живность вместе с их ареалами обитания истребила первая волна переселенцев — вариант «золотой лихорадки». Теперь же необходимость борьбы с паводками и засухами привела к восстановлению больших участков долины и возвращению животного мира за счет системы заповедников и природных коридоров, ведущих к холмам вокруг долины. Холмы всегда оставались нетронутыми в большей степени, чем сама долина, теперь там снова высадили дубовые рощи из местных пород, дающие приют всякой живности. Был возобновлен ход лосося, в пересохших озерах устроены камышовые болота, разбиты способные выдерживать мощные паводки сады, для удержания воды создали рисовые террасы на склонах, их засадили генетически модифицированными сортами риса, способного оставаться в затопленном состоянии дольше обычных сортов.

Все это было частями единой системы, в которую входили крупные преобразования в городах и на городских окраинах. Мэри дали понять, что первоначальная застройка Калифорнии производилась глупо и как бог на душу положит:

автомобили, пригороды, нажива — последовала еще одна «золотая лихорадка», не уступающая уродством той, что произошла в долине. Возвращение от безумия к нормальному состоянию — перепроектирование, реставрация, перестройка — займет по крайней мере еще целый век. Однако штат с населением сорок миллионов человек уже обрел углеродную нейтральность и движется к отрицательному уровню эмиссии; процесс, конечно, далеко не закончен, остро стоят вопросы акционерной собственности, зависимости от остального мира. Но и тут ведется работа, чтобы штат в конечном итоге действительно можно было назвать «золотым».

Все это Мэри услышала, глядя на красивый макет ландшафта, похожий на вид с небольшого самолета или спутника. Он показался ей долиной лилипутов с яркими заплатками зелени, перечеркнутой вдоль и поперек живыми изгородями, которые на самом деле были природными коридорами шириной в милю для диких животных. Окружающие холмы блеклого соломенного цвета были густо утыканы точками зеленых лесопосадок.

— Прекрасно выглядит, — похвалила Мэри. — Надеюсь, что мы везде повторим этот метод.

— Макеты всегда красивы, — непринужденно ответила Эстер. Однако было заметно, что она гордится скорее не макетом, а своим штатом.

Вернувшись в Сан-Франциско, Мэри встретилась с председателем совета управляющих Федрезерва США на верхнем этаже самого высокого небоскреба города «Биг Тауэр». Вид из зала переговоров открывался такой, будто они стояли на вершине горы Тамалпаис на севере от Сосалито. Панорама напомнила Мэри обзорную площадку над макетом Калифорнии, только в этом случае вид был настоящий и уходил за горизонт. Тюрьма Алькатрас выглядела серой пуговицей на синем блюде залива, вдали зеленели холмистые берега. На западе из океана гребнем морского змея торчали зубцы Фараллоновых островов. Тут и там через залив были перекинуты невесомые мосты. Сам город выглядел урбанистическим и всклокоченным, скопления белых зданий и сетку улиц перемежали немногочисленные парки. Вид был великолепен, Мэри и заметить не успела, как совещание началось. Происходящее в зале заставило ее быстро переключить внимание.

Глава Федрезерва Джейн Яблонски пребывала в должности уже девять лет, оставалось еще три года. У нее был терпеливый вид человека,

слышавшего в прошлом массу увлекательных предложений и не поверившего ни одному из них — слишком терпеливый, решила про себя Мэри. Примерно одного возраста с Мэри, черноволосая Яблонски пришла на встречу в серебристо-сером костюме. Вокруг нее сидели помощники и члены совета управляющих. Джейн назначил прежний президент; ходили слухи, что нынешний подумывал о ее замене.

Вместе с американцами на встречу прибыли представители нескольких центральных банков других стран — Китая, Европейского союза, Банка Англии и Бундесбанка Германии. Сплошь нужные люди.

Все центробанки представляют собой занятный гибрид, Федеральный резерв США не исключение. Будучи федеральным агентством, то есть государственным учреждением, Фед финансируется частными банками, хотя в то же время имеет право надзора за ними. Федрезерв эмитирует деньги, выполняя функцию сеньоража на пару с Министерством финансов Соединенных Штатов. Эта функция и право определять процентную ставку делали его ответственным за состояние доллара США, самую твердую валюту мира, к которой были привязаны курсы всех остальных

валют — стоило возникнуть какой-нибудь напасти с местной валютой, как все тут же бежали в доллар. Доллары — как деньги последней надежды. В этом чрезвычайно важном отношении американская империя была жива-живехонька.

После вступительной части слово получила Мэри. Она объяснила собравшимся идею карбон-койна, досадуя, что с ней нет ее автора, Янус-Афины, или Дика. Нет, представить идею она должна сама, других просто не стали бы слушать.

Яблонски и ее коллеги, как оказалось, уже слышали об углеродном качественном смягчении и даже были осведомлены о работе Чена и идущих вокруг нее дебатах. Председатель Федрезерва не проявила к ней интереса.

— По моему мнению, мы не имеем права поддерживать какую-либо другую валюту помимо американского доллара, — сказала Яблонски, когда Мэри закончила свою речь. — Федеральный резерв создан и существует исключительно ради стабилизации доллара. Это также подразумевает стабилизацию цен в более широком смысле, что требует от нас следить за уровнем занятости и по мере сил его поддерживать. Ваша идея выходит за пределы нашей сферы ответственности. Если

мы попытались бы ввести новую валюту и она каким-либо образом дестабилизировала или нарушила статус доллара, это означало бы, что мы не справились со своими обязанностями.

Мэри кивнула.

— Я понимаю. Однако вы не сможете быстро преодолеть углеродный характер экономики только путем количественного смягчения. Это будет слишком дорого и не принесет прибыли. Если же попросту напечатать доллары и оплатить ими расходы, это подорвет статус доллара еще больше, чем наш план. Но что-то пора делать. В нашу эпоху нет задачи важнее. Если мы не сумеем быстро сократить выбросы углекислоты и направить огромные капиталы, бродящие по миру в поисках наиболее выгодного приложения, на сокращение выбросов, цивилизация погибнет. И уж тогда-то доллар точно ослабеет.

Яблонски с мрачной улыбкой кивнула.

— Если наступит конец света, доллару, конечно, не поздоровится. Однако, в отсутствие чрезвычайных обстоятельств, мы обязаны защищать доллар теми средствами, которые имеются в нашем распоряжении. Наша сфера ответственности — денежно-кредитная, а не налогово-бюджетная. К тому же предложения о введении налога на

углерод, как нам кажется, уже набирают силу.

— Помимо кнута нужен пряник. Об этом свидетельствует моделирование, не говоря уже о здравом смысле.

— Это не наша епархия.

Европейцы согласно закивали. Китайский представитель, пожилой мужчина, посмотрел на Мэри с участием.

— Может быть, пора ее сделать вашей?

Слова Мэри вызвали у Яблонски явное неудовольствие. В конце концов, кто здесь руководит встречей? Мэри пригласили выступить с предложением. Пусть даже общее положение требовало срочных действий, а новый инструмент выглядел перспективным, Яблонски не собиралась ставить себя и свое учреждение под удар без санкции Конгресса. Об этом совершенно недвусмысленно говорило выражение ее лица.

Точно так же дело обстояло с европейцами. Китайцы, возможно, думали иначе, однако, оставшись в меньшинстве, они вряд ли выступят первыми. Чтобы идея сработала, все центральные банки должны согласиться и с тем, что проблема реальна, и с методами ее решения. Если они откажут в поддержке, никто не сможет заставить их передумать. Центробанки именно потому и не

подчинены правительствам своих стран, чтобы на них не могли давить политики.

Мэри еще раз все взвесила в уме. Деньги правят миром, а значит, миром правят эти люди, банкиры. Их никто не выбирает, они ни перед кем не отчитываются. Финансисты — самая элитарная из технократических элит. Мэри вспомнила своих сотрудников в Цюрихе. Ее штаб состоял из экспертов различных областей, людей с разным опытом, среди них было много ученых той или иной направленности. А здесь она противостояла банкирам, банкирам и еще раз банкирам. Даже уяснив идею и оценив ее по достоинству, они не станут торопиться с внедрением. Главный принцип любого банкира: в трудные времена не предпринимай ничего радикального и неопробованного. В итоге проигрывают все.

Бросив взгляд на Сан-Франциско, залив, гору Тамалпаис и широкие просторы Тихого океана, Мэри тяжело вздохнула. Здесь встретились не просто две женщины и трое мужчин, а пять разных групп, пять учреждений, пять стран, составляющих сердцевину глобальной системы национальных государств. Министерство будущего — маленькое и бедное, центральные банки — большие и богатые. Пусть ситуация требует

срочных действий, пусть идея хороша, это еще не значило, что кто-то согласится на перемены. Самая лучшая идея не вызовет изменений сама по себе. Верна ли она? Интуиция Мэри подсказывала, что верна. Власть заняла окопную оборону, однако этот образ не передавал полной картины, их окопы на самом деле — базис, корнями достающий до самого центра Земли. Его невозможно поколебать.

Встреча уныло подходила к завершению. Приближалось время банкета — зачем от него отказываться?

46

Я родился крохотным. Так многие рождаются. Например, сумчатые. Люди приходили ко мне и входили в меня, чтобы обмениваться разными вещами. Я им помогал. Когда я был юн, у меня еще не было системы кровотоков, и людям приходилось пробираться внутри меня на ощупь. Что представляло одинаковую ценность, они определяли на глаз. Очень немногие вещи одинаково полезны. На самом деле тождественную полезность имеют лишь пары идентичных вещей — два сердца, две печени, две капли крови. Поэтому попытки людей обмениваться разными вещами вызывали трения. Конфликты отнимали много времени и не приносили удовлетворения. У людей есть фраза: «при прочих равных условиях», — однако условия никогда не бывают равными, поэтому я считался трудным и неудобным, пока внутри меня не начали обращаться кровь и желудочный сок — текучая среда метаморфоз, самой жизни. С этого времени вброшенные в меня вещи стали моим организмом, перевариваться и направляться на другие цели.

Моя утроба уравнивала несопоставимые вещи, переваривая и обращая их в кровь. То есть все, что в меня входило, превращалось в пищу. Я начал быстро расти, стал всеядным. Чем больше я рос, тем больше ел.

Все скормленное мне принимало новую форму, рождались новые полезные части тела — кости, мышцы, жизненные органы. Этому процессу помогали мой рот, пищевод, кишечник, артерии, вены; все это росло вместе со мной, складывалось в организм, из которого произрастали другие нужные людям вещи. А я все рос и рос.

Как и в любом другом растущем организме, во мне накапливались бесполезные отходы, которые выходили обычным путем — с потом, мочой, дерьмом и слезами.

Мой организм функционировал настолько успешно, что вскоре я проглотил и переварил все на свете. Я вырос таким большим, что съел весь мир; вся кровь в этом мире теперь моя. Кто я? Вы знаете ответ, хотя и заключены внутри меня и не можете посмотреть на меня извне. Я рынок.

47

Фрэнк сутками торчал в окрестностях Цюриха — на берегу Цюрихзее, чаще на восточном. Временами его охватывало жгучее — бесполезное и безнадежное — желание посмотреть на женское тело, хорошо еще, что город позволял его исполнить. Повинуясь порыву, Фрэнк приходил в парк Тифенбруннен на берегу, платил за вход и сидел у воды, стараясь не попадаться на глаза проходившим мимо женщинам-швейцаркам с обнаженной грудью, с их невозмутимой манерой речи и такой роскошно белой, влажной, сверкающей под солнечными лучами кожей. Затея была слишком очевидной, рядом сидели другие одинокие мужчины, оказавшиеся здесь «совершенно случайно», ни на кого конкретно не глядевшие и все-таки явившиеся сюда насладиться видом множества женских тел. Через некоторое время он уходил и бродил по улицам соседних с озером районов. Там был один дом, превращенный в маленький музей бывшим владельцем; великие картины, лучше которых Фрэнк в жизни не видел, запросто висели на стенах обычного дома.

Иногда он гулял по берегу до моста, перекинутого через исток, там, где Лиммат вытекала из озера — всегда интересно наблюдать за движением воды после черной глади озера. Под каменной стенкой у восточной оконечности моста плавали лебеди, газон парка обрывался и уходил стенкой под воду, лебеди ждали, когда дети бросят им хлебных крошек. Неземные, ослепительно-белые птицы, скользящие по черной воде. А еще Фрэнк ходил в небольшой парк, где статуя Ганимеда протягивала руку к далеким Альпам.

В другие дни он бродил по тропинкам до кладбища на вершине Цюрихберга, где был похоронен Джеймс Джойс. На могиле стояла бронзовая статуя писателя в натуральную величину, сидящего и читающего бронзовую книгу через круглые бронзовые очки, что тонко подчеркивали его почти абсолютную близорукость; рука с бронзовой сигаретой локтем опиралась на бронзовое колено. Деревья-великаны Цюрихберга не имели подлеска, между ними можно было бесцельно бродить, протаптывая новые тропы. Вид на далекие Альпы с высоты был лучше, чем из города. Самые дальние пики, покрытые снегом, выглядели совершенно вертикальными, как картонные горы на заднике сцены. С макушки холма тропа,

опоясывая склон, выводила на одну из круто спускающихся к центру города улиц. Этот путь вел мимо сарайчика Фрэнка, мимо домов с крохотными двориками, нередко с коллекциями лепных фигур. Например, крупная, отлитая из бетона обнаженная женщина, держащая в вытянутой руке зеленый моток шланга, чем-то напоминала непринужденных женщин из Тифенбруннена.

Или Сирин. Сирин и ее дочерей Эмне и Хибу. Ох, как он жалел о разлуке, своей неспособности остановить распад, наладить совместную жизнь! Фрэнк не решался о них даже думать. Такие мысли пробуждали жалость к себе. Одновременно он все еще не мог преодолеть навязчивое ощущение обиды. В его разуме что-то надломилось. Он хотел поправиться, но у него ничего не получалось. Хотел вернуться к работе с беженцами, но и это пришлось бы делать в другом центре, не том, где он повстречал Сирин с дочерьми. Центров вокруг Цюриха, конечно, было много, однако при первой же попытке возобновить работу он понимал, что она слишком сильно напоминает ему о катастрофе с Сирин. Лишний триггер. Путь место не то же самое, ну и что? Все эти места похожи друг на друга как две капли воды. Все дни были одним и тем же днем.

Вперед, к купальне Утоквай, где можно арендовать кабинку, переодеться, войти в озеро и не вылезать из воды, пока холод не загонит в угол все мысли и чувства. Потом выйти, принять душ и заказать «кафи фертиг», напиток, который действительно придает законченность[11].

При этом Фрэнк неизменно держался в тени, всегда ощущал себя больным и надломленным. Вездесущие камеры наблюдения было невозможно не замечать. Разумеется, Джейкоба Залцмана никто не искал. Однажды кто-то опубликовал якобы полный перечень установленных в городе камер, но с тех пор появились более современные, миниатюрные устройства. Громоздкие оставили как напоминание, чтобы люди не расслаблялись, а непосредственное наблюдение вели маленькие. Обходить стороной большие камеры потеряло всякий смысл, теперь под наблюдением находились все и всегда. Возможно, за каждой живой душой следовал целый рой миниатюрных дронов. Надежда затаиться стала неосуществимой: слишком много народу, слишком много электроники — веская причина перестать бояться, что тебя активно ищут. У Фрэнка имелись документы

---

[11] Примечания: 11
Fertig — готовый, законченный (*нем.*).

и легенда. Если только внимание властей не привлекут какие-нибудь события периода его юности, опасаться было нечего. Собой прежним он перестал быть много лет назад. Шесть? Семь? Нет, девять.

Фрэнк носил шляпы и солнечные очки, отрастил бороду, иногда на прогулках вставлял в рот капу, разнообразил одежду. Перед камерами старался появляться в четырех не похожих друг на друга личинах. Пусть алгоритмы попробуют вычислить его истинный облик. Им приходилось следить за восемью миллиардами человек, Фрэнк не бросался в глаза. Так или иначе, выходить на улицу, бывать в городе все равно приходилось. Нельзя весь день сидеть дома; он несколько раз пытался — не получалось. Лучше уж сдохнуть.

Однажды Фрэнк прочитал объявление о встрече «Общества 2000 ватт». Разыскав в интернете нужную информацию, он решил прийти на встречу. Собрание проводилось в задней комнате маленького итальянского ресторана «Мамма Миа» с западной стороны центрального вокзала. К началу встречи в комнату набилось человек пятьдесят. Участники выглядели типичными швейцарцами, разве что богемного вида, да и то не слишком. Облик жителей Швейцарии ис-

ключительно нормален. Однако, поразмыслив, Фрэнк решил, что то же самое можно сказать практически о любой стране.

Собрание, естественно, началось вовремя, обсуждение повестки дня протекало оживленно и заняло мало времени. Фрэнк плохо знал немецкий язык, вдобавок участники говорили на швейцарском диалекте, поэтому он совершенно потерял нить разговора и лишь принимал задумчивый вид. Никто, похоже, на него внимания не обращал. После спокойных гортанных фраз нередко следовал смех. Заметив присутствие Фрэнка и других Ausländer[12], хозяева быстро изложили суть происходящего на ломаном английском.

Фрэнку понравился дух собрания, не догматичный и не выспренний, просто люди собрались обсудить некий проект — нечто среднее между официальным заседанием и обсуждением плана попойки. Похоже на местный альпийский клуб. И действительно, когда Фрэнк спросил об этом, выяснилось, что многие состояли в обоих обществах. «Интересно, называются ли в немецком языке «партия» и «вечеринка» одним и тем же

---

[12] Примечания: 12
Иностранцы (*нем.*).

словом, как в английском, — подумал Фрэнк. — Похоже на то. Partei — это партия. А как насчет дня рожденья? Жаль, что не захватил с собой наушник-переводчик».

Вернувшись домой, он перечитал в интернете информацию об обществе. Движение зародилось в Базеле и Цюрихе около сорока лет назад. В основе его лежала мысль о том, что, если всю вырабатываемую в мире энергию разделить на численность населения земного шара, получится около 2000 ватт на человека. Члены общества решили не превышать этот уровень потребления в личной жизни и посмотреть, что получится.

2000 ватт должны покрывать питание, транспорт, отопление жилища и коммунальные услуги. Увидев расклад, Фрэнк сообразил, что его собственный образ жизни заметно скромнее предлагаемого обществом. Он невольно рассмеялся.

Жители Швейцарии в среднем использовали 5000 ватт. Обитатели остальных стран Европы — 6000. Граждане Китая — около 1500, Индии — 1000. США — 12 000. Его родная страна-левиафан объедала весь мир.

В Швейцарии текущие расходы энергии на жилище, включая отопление и горячую воду,

составляли около 3500 ватт на одного человека. Плюс:

1100 ватт приходились на питание и «второстепенное потребление».

600 ватт уходило на электричество, в том числе питание холодильника.

500 ватт — на автомобильные поездки.

250 ватт — на воздушные путешествия.

150 ватт — на общественный транспорт (поезда, трамваи, подземку).

900 ватт — на общественную инфраструктуру (Фрэнк так и не понял, что под ней подразумевается; очевидно, библиотеки, вокзалы, канализация и тому подобные вещи).

Он задумался. Швейцарцы намеревались снизить уровень потребления энергии с 5000 до 2000 ватт на гражданина путем замены инфраструктуры на более энергосберегающую. Они подсчитали, что экономика при этом вырастет на 65 процентов, хотя люди хуже жить не станут. Никаких власяниц и вериг. Склад ума и образ жизни Франциска Ассизского никого не вдохновляли. Швейцария не монастырь, здесь жили солидные бюргеры, часовщики и сыроделы, над которыми посмеивался и которым завидовал весь остальной мир. Вообще-то большая загадка,

каким образом Швейцария стала такой зажиточной страной. Некоторые все еще указывали на темное прошлое, наемников и гвардейцев, на банки, в которых держали деньги всяческие преступники, и так далее. Но вряд ли дело ограничивалось только этим. Химическая продукция, лекарства, инженерные системы, все мелочи жизни, до изготовления которых не было дела остальному миру, как, например, знаменитые швейцарские часы, хотя часов больше никто не носил, — страна постоянно изобретала что-то новое. Промышленное производство в Индии и Китае стало дешевле, чем в любом другом месте? Значит, надо придумать что-то новенькое или перейти на виды производства, требующие исключительно высокого качества. И так без конца, ведь для сельского хозяйства или обитания пригодны всего 35 процентов территории страны. Поразительно, да и только.

К тому же в Швейцарии имелись четыре языковые группы; большинство говорило по-немецки, за немецким следовал французский язык, потом итальянский и, наконец, романшский, которым пользовались всего тысяч пятьдесят жителей, тем не менее он в своем уголке процветал. Швейцарцы с гордостью утверждали, что в пику Гитлеру и

его тирадам об арийском превосходстве придали романшскому языку статус государственного. В этом была доля правды, однако сопротивление Гитлеру было скорее неявным и символическим, а вот открыть проход через свою территорию для армий Германии и Италии пришлось не понарошку. И все-таки это милый жест в сторону языкового многообразия, и сделан он был в то время, когда правительства Франции и других стран активно душили местные диалекты. Швейцарцы всегда шли против течения, всегда противились расхожим представлениям, волнами накатывавшим на Европу в виде интеллектуальных поветрий, начиная от моды и кончая участием в мировых войнах.

Хорошо, пусть швейцарцы загадочны. Тем не менее проект «2000 ватт» — неплохая идея. Фрэнк легко выполнял норму, его годовое потребление энергии фактически не превышало уровень Бангладеш. Жил он либо в квартире, либо в сарае, машины не имел и не брал напрокат, самолетом не летал, ел почти одну вегетарианскую пищу. Имелись веб-сайты, на которых человек мог довольно точно рассчитать личное потребление энергии, в том числе счет за электричество, пробег транспорта и стоимость продуктов в ма-

газине. Подобные калькуляторы существовали уже в начале века, если не раньше, но, насколько Фрэнк мог судить, ими никто не пользовался. Так люди с лишним весом избегают взвешивания. Кому нужны плохие новости?

В задумчивости перебирая ссылки, Фрэнк наткнулся на очерк, деливший все население мира на три группы по состоянию богатства и уровню потребления в зависимости от способов передвижения. Треть мира перемещалась на автомобилях и самолетах, еще треть — на поездах и велосипедах, последняя треть — пешком.

Фрэнк обдумал вытекающие из этого выводы. Немного погулял — в Цюрихе это было легко сделать, прогулки заменяли ему другие развлечения. Такую возможность давали многие города. Были, конечно, такие, где ходить пешком не представлялось возможным, как в Лос-Анджелесе, и люди придумали этому явлению новые названия — конурбация, агломерация, мега-сити, однако в большинстве городов еще можно было ходить пешком, по крайней мере в центральных районах и основных узлах. В любом случае, если жить в таком городе, как Цюрих, прогулка пешком — сплошное удовольствие.

Разумеется, порой приятно выехать за город,

посмотреть что-то новое. А значит, надо сесть в трамвай или поезд, но подсчет ватт не прекращался и на транспорте. «Общество 2000 ватт» снабдило своих членов множеством графиков для вычисления индивидуального потребления, в том числе ватт на километр. Ясное дело: по сравнению с другими Фрэнк редко путешествовал. Ничего страшного. У людей с больной психикой потребление энергии неизбежно падает, ведь они не способны жить нормальной жизнью. Он залег под грунт, жил в норе, как барсук. Возможно, даже впал в спячку, ждал наступления чего-то похожего на весну.

Как бы то ни было, Фрэнк служил идеальным примером экономного образа жизни. Барсук неплохо устроился. Размышлять о жизни с точки зрения расхода энергии было интересно, это стало его личным проектом, самолечением. Однажды один психотерапевт усомнился, не самобичевание ли это, но Фрэнк так не считал. Он не различал свои методы самолечения по степени добродетельности. Самодостаточность всегда обманчива, он отдавал себе отчет, что зависит от окружающих не меньше других. Однако его интересовало, получится ли достигнуть большего с меньшими затратами. Новое занятие

хотя бы убивало время. И помогало держаться подальше от камер.

Фрэнк завел привычку спускаться по склону холма в центр помощи беженцам на севере Цюриха и дважды в неделю вечером помогать готовить бесплатный ужин. В братания с беженцами он больше не вступал, затея была явно ошибочной, для нее у Фрэнка не было ни сил, ни возможностей. Однако теперь у него хотя бы имелась работа: он мог подставить плечо, помочь проворачивать шестерни мира. Вечерние ужины готовили женщины-швейцарки, им помогали работники различных благотворительных или гуманитарных организаций, школьные группы, церковные общины либо люди, отрабатывавшие на благо общества какую-нибудь школьную или юридическую повинность. Организаторы не спрашивали фамилий — только имена — и не задавали лишних вопросов. Фрэнк помогал расставлять столы и стулья, стелить скатерти, раскладывать столовые приборы, резать на порции даровые пирожные и пироги, наводить порядок на кухне и в помещении. Простая работа приносила успокоение, позволяла присесть рядом с посетителем, спросить, как дела, не вступая в обстоятельные разговоры. Некоторые из гостей

не желали поддерживать беседу, особенно по-английски, другие не упускали шанса — отличить одних от других было несложно.

Помещением для ужинов служил общественный центр, расположенный неподалеку от первого по течению моста через Лиммат, дальше вокзального моста. На обоих берегах к мосту подступали крохотные парки, откуда взорам довольных швейцарцев представала картина укрощенной реки, текущей в рукотворной теснине под одним из замысловатых цюрихских мостов. Вид действительно захватывал дух. Фрэнк подолгу смотрел на водовороты под стоком моста, тяжело вращающиеся, как жидкое тесто в гигантском миксере. Один из помощников, если Фрэнк правильно расслышал, назвал это место «шприц-парком» — фраза прозвучала на швейцарско-немецком диалекте. Очевидно, раньше — а может быть, и до сих пор, — здесь находилась точка продавцов дури. Рядом с парком — пункт выдачи одноразовых шприцев.

В те дни до и после ужина в парке собирались беженцы из лагеря. Возможно, там происходило что-то незаконное, Фрэнк об этом ничего не знал. Временами на мосту появлялись полицейские, они даже иногда останавливались и с кем-нибудь

болтали, однако никаких признаков борьбы с преступностью не было, никто не разбегался в панике, не выделялся своим поведением. В детские годы Фрэнка полиция вела себя совершенно иначе. Если на твоем пороге полицейский, жди неприятностей, значит, что-то не так. Рослые мужчины в форме вызывали безотчетный страх. В Цюрихе, как и везде в Швейцарии, полицейские выглядели и вели себя как трамвайные кондукторы, даже сканеры у них не отличались. Офицеры полиции редко носили оружие, в парах мужчин и женщин было поровну. Такие пары скорее напоминали выездные группы брачных консультантов. Они подходили к людям, задавали вопросы, но и в этом вели себя наподобие кондукторов, потому что трамваи работали в Цюрихе по принципу доверия, все покупали билеты в киоске или заводили годовой проездной, и вероятность появления проверяющего билеты кондуктора составляла один случай на пятьдесят поездок. Кондукторы медленно передвигались по вагону, люди, завидев их, первыми предъявляли билеты и проездные, проверяющие, молча кивнув, шли дальше. Зайцы встречались крайне редко — в основном не разобравшиеся в правилах туристы.

То же самое, похоже, происходило и в парке.

Своим появлением полиция как бы задавала вопрос: «У вас все по закону?» Да, по закону. Люди, беседуя с полицейскими, отвечали «genau» — «точно»; швейцарцы любили это слово и пользовались им вместо «хорошо», «конечно» или «все в порядке». Точно. И вот уже полицейские, кивнув, идут своей дорогой, а люди — своей.

Однако, присмотревшись, Фрэнк со временем заметил, что в «шприц-парках» действует своеобразный беженский черный рынок. Группы из десяти-двенадцати человек, похожие на две-три семьи, занимали пару скамеек или, когда было сухо, садились в кружок на траву и о чем-то говорили, настороженно озираясь по сторонам. Они были из разных уголков мира — с Ближнего Востока, из Южной Азии или Африки, явно не из Швейцарии. Затем к ним подходил, судя по облику, настоящий швейцарец и разговаривал с ними на их языке — обычно Фрэнк мог лишь расслышать, что разговор шел не на немецком или английском, после чего группа вставала и уходила за незнакомцем. На фонарных столбах были установлены камеры наблюдения, власти или алгоритмы должны были следить за происходящим и замечать, что здесь творится что-то неладное. Тем не менее тайная деятельность

продолжалась изо дня в день.

Фрэнк не мог определить, что служило поводом для этих посиделок. Он не владел нужными языками. Английский, бесспорно, универсален, и он часто слышал разговоры на английском, однако программа спасения этих людей не предусматривала места для Фрэнка, поэтому он не совал нос не в свои дела. Любая помощь, предложенная в такой ситуации, неизбежно навела бы на подозрения. Лучше оставаться непричастным: помог с бесплатным ужином — и отойди в сторону.

Так или иначе, он стал надевать на ужин шляпу с сине-белым гербом кантона Цюрих. Потом начал расхаживать по двум паркам около моста с детскими пуховичками в маленьких мешочках или зонтиками, сложенными в короткие, толстенькие трубочки, и, завидев дрожащих от холода детей беженцев, предлагал взрослым «Für die Kinder, sehr warm»[13], и быстро уходил, бросая через плечо «Danke mille fois»[14] на типичном для Цюриха винегрете из немецкого и французского. Получив подарок в холодный вечер, взрослые члены группы женского пола благодарно кивали.

---

[13] Примечания: 13
Для детей, очень теплая (*нем.*).

[14] Примечания: 14
Спасибо (*нем.*) тысячу раз (*фр.*).

Фрэнк не задерживался рядом. В «Желмоли» эти куртки и зонтики продавались по десять франков за штуку, Фрэнк нашел удобный способ помощи. Зимняя погода в Швейцарии бывала студеной и промозглой, ветер ерошил озеро и продувал город, иногда на мосту казалось холоднее, чем в Антарктиде. В этом плане город был похож на Глазго. Колючий сырой ветер студил кожу сильнее, чем неподвижный сухой воздух значительно более низкой температуры. Чужие чувствовали себя неуютно.

Однажды один из беженцев в парке на восточной стороне моста оказался больным и упал — видимо, в обморок. Упавшего быстро окружила маленькая толпа, Фрэнк с бешено бьющимся сердцем тоже подошел, надеясь чем-нибудь помочь. Похоже, ни у кого не оказалось с собой сотовых телефонов, или они просто боялись ими пользоваться. Фрэнк подошел к маленькой телефонной будке на мосту, нажал кнопку вызова местной службы 911, попросил по-немецки о помощи, потом стал ждать чуть в стороне, от волнения ощущая такую тошноту, что сам едва держался на ногах. Когда прибыла машина «Скорой помощи» со своей странной европейской сиреной, группа вокруг больного человека мгно-

венно рассосалась. Врачи неотложки подошли к упавшему, за ними — пара полицейских, на этот раз две женщины, последние беженцы тоже скрылись, на месте остались лишь пострадавший и Фрэнк. Он жестом подозвал полицию. Одна из женщин-полицейских поднесла сканер к лицу лежащего, сделала снимок и прочитала результат. Возможно, под кожу беженцу раньше ввели РЧИД-датчик, который читался сканером.

Офицер со сканером взглянула на Фрэнка, выпрямилась и, повернув прибор в его сторону, сделала приглашающий жест свободной рукой.

Вторая бросила «Nei» — «нет» по-швейцарски. Та, что со сканером, отвернулась к лежащему. Фрэнк признательно кивнул женщине, остановившей свою коллегу, и, когда медики погрузили больного на носилки, пошел прочь, ежась на холодном сером ветру.

Другое дело летом. Какая-то организация — может, Красный Крест, а может, Красный Полумесяц, — ставила в западном парке у моста палатку с открытой боковиной, готовила и раздавала беженцам бесплатную еду. Поваров совершенно не интересовало, кого они обслуживают, люди по обе стороны раздаточного стола сохраняли анонимность. В жаркие душные дни Фрэнк едва

сдерживал приступы, но старался не обращать внимания и помогать, чем сможет: накрывать на стол, убирать. Он не участвовал в раздаче еды и не смотрел на едоков. Картина была ему слишком знакома, от нее веяло жаром. У него не было ни малейшего желания идентифицировать свои ощущения. Фрэнк смотрел из-под полога палатки на Цюрих — камни, деревья, синь и белизну. Вдыхал запах жареных колбасок и пива, аромат красной герани. Рассматривал бесстрастный средневековый угол ратуши в верховьях реки за липами, куда едва доставал взгляд. Холодная северная страна, хладнокровные, здравомыслящие люди; и взгляд, и мысль натыкались на холод.

С людьми, ищущими здесь защиты, все обстояло иначе. «Fremdenkontrolle», отдел учета иностранцев, подсчитал, что в пределах страны проживали пять миллионов урожденных швейцарцев и три миллиона иноземцев. Это соотношение, одно из самых диаметральных во всем мире, вызвало в Швейцарии пополнение рядов правых антииммигрантских партий, теперь эти партии занимали больше десятка мест в Федеральном собрании, в котором доминировала ШНП, Швейцарская народная партия. Швейцария насчитывала около тридцати политических

партий, все правящие коалиции в федеральном правительстве создавались формированием большинства за счет альянсов между партиями центра; партии справа и слева от центра, как и более радикальные с обеих сторон, попросту боролись за отдельные места. ШНП долго удерживала господство, однако после великой жары растеряла популярность. Она еще была сильна в правительствах кантонов, однако в последние годы кантоны передали многие властные функции федеральному правительству в Берне. Не все, конечно, но когда дело касалось общенациональных вопросов вроде проживания иностранцев, федеральное правительство обычно добивалось своего. В итоге в среде противников иммиграции накопилось много подспудного недовольства. Они считали, что их страна «захвачена», а они ничего не могут с этим поделать, по крайней мере на уровне политиков.

Возможно, такие же процессы шли в других местах. Фрэнк, завидев небольшую стайку явных иностранцев, выходцев с глобального юга или Балкан, в той части города, где к ним могли приставать, заговаривал с ними по-английски и шел рядом. Пару раз это помогло избежать неприятностей. Смешанность группы по этническому

признаку смущала расистов, увидев белого мужчину в компании с темнокожими людьми, они не решались подойти. Если темнокожий появлялся в компании швейцарской женщины, это их бесило, хотя такое случалось на каждом шагу. Однако белый мужчина, идущий с группой цветных, выглядел иначе; даже самые оголтелые расисты задумывались, прежде чем дать волю гневу; это позволяло выиграть время, и, если шагать быстро и не сходить с хорошо освещенных улиц, то есть любых, кроме переулков Нидердорфа, уловки обычно хватало для того, чтобы избежать нападения, хотя вслед нередко летели восклицания на местном гортанном диалекте, не предназначенные для иноземных ушей. Фрэнк сопровождал беженцев при каждой возможности.

Однажды он заметил на мосту группу молодых парней-швейцарцев, глазеющих на кухню-палатку. Хотя стояла жара, воздух потемнел, над головой сгущались тучи, назревала гроза. Гроза обещала принести облегчение. Но пока что духота только усиливалась.

На плитку вокруг палатки начали шлепаться большие жирные капли. Внезапно дождь хлынул как из ведра, в этот момент молодые швейцарцы с криками устремились в атаку на палатку.

Они не делали различия между помощниками и посетителями, люди падали на землю, в воздухе летали кровавые брызги. Увидев это, многие беженцы, кипя от ярости, бросились на обидчиков. У палатки закипела круговерть — удары, толчки, вопли. Отбегавших в сторону швейцарцев валили на землю, отработанными на футбольном поле ударами били ногами по спине. Швейцарские хулиганы поняли, что отступать придется лицом к наседающим беженцам — по крайней мере, пока не получится оторваться. Некоторые из них перебежали на другую сторону улицы прямо перед носом трамвая. Вагон, скрежеща тормозами, проехал мимо, на мгновение скрыв их из виду.

Потом были промокшие люди, стоны, плач, кровь под ногами и на столах, на которые клали раненых, чтобы не оставлять их на холодной мокрой земле. Прибыла полиция, кучки дрожащих горластых людей окружили полицейских, спеша поведать историю злодейского нападения. Целый час группы полицейских переходили от одного человека к другому, Фрэнк, возмущенный увиденным, тоже не уходил. Он жаждал дать показания. Полицейские сканировали каждого свидетеля. Когда очередь дошла до Фрэнка, они сделали то же самое и удивленно переглянулись.

Один из них показал сканер коллегам. Те окружили Фрэнка кольцом.

— Прошу прощения, — сказал один из полицейских по-английски. — У нас ордер на ваш арест. Следуйте за нами.

48

Плач младенцев на рассвете. Уже жарко. Люди хотят есть. Солнце над холмами — как взрыв бомбы. Жар ощущается кожей. Главное, не смотреть в ту сторону, иначе ослепнешь на все утро. На западной окраине мира разбегаются тени. Так будет продолжаться до тех пор, пока на пути яркого света не встанет крыша палатки — часов в девять. К этому времени шевелиться станет слишком жарко. Лучше потеть, чем не потеть. К поту прилипает пыль, на коже появляются грязные ручейки. Душ только в субботу — очередь в этом месяце. Как хочется под душ.

Палатка-столовая открывается в восемь, когда солнце еще висит над горизонтом. Длинная очередь на входе. Люди пропускают вперед женщин с маленькими детьми. По крайней мере, так делает большинство. У входа — толпа, очередь разваливается, все нервничают. Если только не умираешь с голодухи, лучше держаться в стороне. И надежнее тоже. Через некоторое время это входит в привычку. Я хожу в одни и те же места. Женщины в группе, к которой я примкнула,

стараются не сойти с ума, занимают себя разговорами.

Из палатки пахнет яичницей, луком и паприкой. Большие чашки йогурта без добавок — моя любимая еда. Зарядиться и протянуть до наступления темноты. Пропустить обеденную сутолоку. Ходить за едой по три раза на дню — слишком печальное занятие. Люди здесь как на ладони, нервные, дерганые, изнывают от жары и недокорма.

А еще им скучно. Все время одна и та же пища, одни и те же лица. Никаких занятий, кроме еды.

Гуманитарный персонал набрали из каких-то северных стран. Одни тихие и серьезные, другие смешливые и оживленные. Все чистенькие. Они тоже потеют, но не бывают грязными. Я не знаю, откуда они приехали. Иногда я различаю лица, и не только симпатичных мужчин, но само выражение лиц, в них что-то притягивает взгляд, лик отпечатывается в памяти. Их вид — как магнит, я не могу оторвать взгляд. Но меня они не видят. Когда добровольцы раздают еду людям в очереди, то смотрят в глаза и спрашивают, хотим ли мы это блюдо, однако очень немногие действительно видят нас настолько, чтобы запомнить наши лица. Так они спасаются от тоски. При этом они все

равно быстро выгорают. Или просто срок работы у них короткий. В любом случае их часто меняют. Они как бы здесь, но их нет, на самом деле они не настоящие.

Очень важно не злиться на них. Люди направляют свои эмоции на то, что у них перед глазами, такова человеческая природа. Существует целый мир людей, посадивших нас в этот лагерь. Не все они принимали участие лично, однако все они причастны. Эти люди живут в мире, где полно таких лагерей, как наш, и в ус не дуют. Другие делали бы то же самое.

В итоге мы остаемся в неволе, виноватые лишь тем, что хотим жить. Такой порядок. Люди знают, что мы здесь, но ничего не могут изменить. Или так себя убеждают. И то правда: освобождение всех заточенных из неволи по всему миру потребовало бы огромных усилий. Проще ничего не делать. Перевести мысли на другой предмет, а о нас забыть. Я бы на их месте тоже так делала. Человек осознает, что и с ним может случиться беда, только когда почва начинает уходить из-под ног. А до тех пор никто не верит, что это произойдет с ним лично.

Вот та причина, по какой некоторые люди приезжают добровольцами в наш лагерь, помогают

нас кормить и выполняют всякую работу, необходимую для содержания за забором восьмидесяти тысяч человек, которым просто некуда деваться. Чистят туалеты, стирают простыни и все такое. И, разумеется, кормят. Три раза в день. Работы очень много. Но они не пасуют. Почти все они теперь моложе меня. Не так давно, когда я только прибыла в лагерь, почти все помощники были одного со мной возраста. Они познают новое, ездят по миру, встречаются с себе подобными и так далее. Им приходится держаться на расстоянии от нас, иначе они будут так же несчастны, как мы сами. В лучшем случае их возмущают причины нашего заточения, это вызывает у них стресс. Поэтому лучше соблюдать дистанцию. Я понимаю.

И все-таки я ненавижу их за то, что они в упор меня не видят. Смотрят мне в глаза, накладывая пищу в протянутую тарелку, и не видят. Я пытаюсь подавить эту ненависть, но у меня не получается. Я вообще все в этой жизни ненавижу.

Никому не нравится ощущать благодарность. Священники расхваливают благодарение, однако делать это никто не любит, ни один человек. Даже сами священники. Они принимают сан, чтобы избавиться от необходимости благодарить. Принимают наши благодарности, как и нашу боль,

но сами никогда не благодарят. А если и делают это, то по профессиональной привычке — в роли приемных окошек для наших ощущений и смыслов, посредников между нами и Богом или чего там еще. Нет, от духовенства меня тоже воротит.

Когда солнце опускается к западному горизонту и спадает беспощадная жара, я хожу к северной границе лагеря и смотрю на холмы. Мне положено сидеть в палатке и учить детей, и я туда скоро вернусь, но сначала прихожу сюда. Холмы напоминают мою родину, хотя здешние покрыты яркой зеленью. Здесь есть хребет, очень похожий на тот, на который я девочкой смотрела с улиц нашего маленького городка. В конце весны наши холмы тоже покрывала зелень, не такая влажная, но достаточно яркая — оливкового, лесного оттенка, с пятнами дрока. Я смотрю сквозь ячейки сетчатого забора, похожего на все заборы на свете, однако наш сверху оседлан мотками плоской колючей проволоки. Да, мы заключенные. Если через забор было бы легко перелезть, он, чего доброго, пробудит в нас фантазии о свободе. Что касается самой проволоки, она не выглядит крепкой, ее можно легко перерезать — если не обычными, то ножницами для жести. Запросто. Да только в лагере нет ножниц для жести.

Я прислоняюсь к забору и чувствую, как он прогибается под моим весом. Нижний край глубоко вкопан в землю, я хорошо это вижу. Наверное, раньше под ним можно было сделать подкоп — ложкой или голыми руками. Теперь почва слежалась, затвердела. Копать трудно, а главное — долго. Заметят. И все-таки я каждый раз, стоя у забора, невольно задумываюсь. На закате, глядя, как последние солнечные лучи окрашивают в розовый цвет макушки холмов, я ковыряю землю. Нет, ничего не выйдет. Или?.. Нет, не выйдет.

Солнце уходит за горизонт, небо становится сумрачно синим, еще позже — цвета индиго. Заканчивается мой 1859-й день в лагере.

49

В июле 1944 года правительство Соединенных Штатов созвало семьсот делегатов из всех стран — участников антигитлеровской коалиции на конференцию, посвященную созданию послевоенного финансового порядка. Встреча проходила в отеле «Маунт Вашингтон» в Бреттон-Вудс, штат Нью-Гэмпшир. После трех недель заседаний были обнародованы рекомендации, которые после ратификации правительствами стран-участниц привели к созданию Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда. На новые структуры возлагались надежды, связанные с укреплением свободы рынка и стабилизацией валют стран-участниц.

Предлагалось также создать Международную торговую организацию, но из-за отказа Сената США ратифицировать эту часть предложения она не была основана. Позже было создано ГАТТ, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, взявшее на себя функции несостоявшейся МТО. Впоследствии на смену ГАТТ пришла Всемирная торговая организация. Джон Мейнард Кейнс,

главный переговорщик от Великобритании, предложил в Бреттон-Вудсе создать Международный клиринговый союз, который использовал бы новую денежную единицу — банкор. Банкор был призван дать возможность странам, испытывающим торговый дефицит, избавляться от долгов, используя счет в МКС с допущением овердрафта, позволяющим тратить деньги на повышение занятости своих граждан и тем самым увеличение экспорта. Государствам, воспользовавшимся овердрафтом, займы в банкорах должны были выдаваться под 10 процентов. Такие займы не могли торговаться за обычные валюты или частными лицами. Странам с большим активным торговым сальдо надлежало платить те же 10 процентов с излишка торгового баланса, а если к концу года их займы превышали установленный максимум, то МКС конфисковал излишки полностью. Таким образом, Кейнс стремился создать международный торгово-кредитный баланс, не позволяющий странам чересчур беднеть или богатеть.

Гарри Декстер Уайт, заместитель министра финансов США и главный переговорщик от Америки, ответил на этот план: «Наша позиция — абсолютное нет». В качестве крупнейшего

кредитора и обладателя золотого запаса мира США вступали в послевоенный период хозяевами глобальной валюты — американского доллара, обеспеченного золотом. Уайт предложил создать взамен Международный стабилизационный фонд и возложить долговое бремя на страны, испытывающие дефицит; эта часть плана потом приняла форму Всемирного банка.

В Бреттон-Вудсе план Уайта возобладал над планом Кейнса. После отказа от Международного клирингового союза и банкора послевоенная реконструкция и последующее экономическое развитие финансировались за счет доллара США, который стал воистину глобальной валютой. Так сказать, имперским койном.

50

Мэри вернулась в Цюрих и, пытаясь смягчить фиаско в Сан-Франциско, стала наносить визиты в отдельные центральные банки поочередно. В Лондоне она встретилась с министром финансов Великобритании и несколькими членами правления Банка Англии.

Накануне встречи Мэри прочитала историю зарождения Банка Англии и открыла для себя, что она явилась важной вехой в финансовой истории мира. В 1694 году Карл II и Вильгельм III Оранский брали деньги взаймы у частных банков и не платили долги либо облагали налогом все виды деятельности, лишь бы свести концы с концами, из-за чего стоимость жизни росла для всех, кроме царственных особ, все меньше отвечавших за свое транжирство. Шотландский купец Уильям Паттерсон предложил, чтобы 1268 кредиторов ссудили английскому королю 1,2 миллиона фунтов под фиксированные восемь процентов. Подписание королем Вильгельмом III соответствующего указа заложило краеугольный камень нынешней финансовой системы. Государ-

ство и частный капитал связали общие корни; богачи и государство стали взаимозависимыми аспектами одного и того же режима власти.

Банк Англии стал тем механизмом, за счет которого финансирование госаппарата превратилось в монополию узкой группы богатых торговцев; переход от феодальной власти землевладения к буржуазной власти денег свершился. С тех пор государство неизменно остается в долгу у частного капитала и вынуждено полагаться на благоволение неких частных лиц, никем не избираемых и никого не представляющих, кроме своего класса, но в то же время допущенных в святая святых государственной власти. К тому же Банк Англии был основан во время чрезвычайного положения — шла война. Правда, повод для наращивания и укрепления государственной власти всегда найдется. Что бы там ни утверждал закон, связка банк — государство во все времена поступала так, как считала нужным.

Разумеется, новое образование вызвало острые споры. Тори той эпохи считали, что банк усилит власть парламента, подорвет основы монархии и приведет к торжеству черни. Виги видели в нем механизм, помогающий монарху увиливать от выплаты долгов. В любом случае банк

угрожал сложившемуся политическому базису и с самого начала воспринимался как соперник государства, замкнутый очаг власти внутри него, состоящий из никем не избранной группы богатых банкиров.

Все это не предвещало ничего хорошего, однако Мэри не могла избавиться от мысли, что именно неограниченная власть этих людей могла бы позволить найти быстрое решение проблемы углеродных выбросов — лишь бы они согласились поддержать ее идею. Неважно, если они спасут мир ради спасения своих привилегий. Справедливость пока может подождать.

И Мэри отправилась в Лондон.

Руководство Банка Англии отнеслось к плану с прохладным скептицизмом: он мог вызвать инфляцию, превратить центральные банки в мишень для валютных пиратов, усилить уязвимость к рыночному давлению; как этого избежать — непонятно. Когда Мэри напомнила, как для спасения банков из воздуха мерами количественного смягчения создавались триллионы фунтов, банкиры согласно закивали: спасение банков — это их забота. Но создание из воздуха триллионов фунтов ради спасения мира? Нет, это не их забота. Пусть об этом заботятся законодатели.

На следующей неделе Мэри отправилась в Брюссель. Европейский центральный банк, учреждение намного младше Банка Англии, было основано в конце двадцатого века как финансовый инструмент Европейского союза. Представители ЕЦБ повели себя на встрече с министром еще бесцеремоннее англичан. В группу хозяев входили в основном мужчины из Германии и Франции, очень утонченные, умные, вежливые и надменные. Они отнеслись к Мэри с крайним пренебрежением. Во-первых, она возглавляла ведомство, лишенное финансовой мощи и правовых рычагов; в их глазах создание министерства было неким идеалистическим жестом, призванным убедить людей в чрезвычайной серьезности усилий, в то время как дело обстояло с точностью до наоборот. На Мэри, как на ирландке, стояло двойное клеймо: одно — из-за национального происхождения, второе — из-за ее пола. После Меркель, Тэтчер и Лагард редкая женщина добиралась до высших эшелонов европейской политической и финансовой власти. Мэри восхищалась этими женщинами как личностями, хотя и ненавидела суть тэтчеризма; к тому же ни одна из них, понятное дело, не достигла вершин благодаря прогрессивным взглядам.

Но чтобы ирландка? Это уж слишком. Ирландия — это колония, страна-карлик, член PIIGS, одна из «чушек» Европы, подбирающих крошки со стола больших стран и не имеющая никаких шансов обрести яркий лоск одного из крупных игроков, иными словами, Германии или Франции. Эти два антагониста все еще вели борьбу за господство в Европе, но никого больше к этой борьбе не допускали, остальным они не придавали значения и в лучшем случае считали их подручным инструментом. Почему-то малым странам не удавалось преодолеть разногласия и выступить единым фронтом. Подобное сотрудничество потребовало бы сильно потеснить национализм и суверенитет. В итоге пара заклятых друзей стояла на вершине в одиночестве, в лучшем случае поглядывая вниз со снисходительным высокомерием, в обычных условиях бесцеремонно командуя, а в худших случаях жестоко выкручивая руки. Что, конечно, лучше кровопролитных войн прошлого. Тем не менее пребывание в обществе таких людей доставляло мало удовольствия. Костюмы по тысяче евро!.. Мэри не замедлила показать свое ирландское презрение к пижонству. Она демонстрировала презрение одним взглядом, оставаясь нарочито вежливой, но, конечно, это

не шло на пользу дела. Министр быстро поняла, что Европейский центральный банк озабочен исключительно стабилизацией цен и укреплением своей власти в мире. Если бы их попросили ради спасения мира скорректировать процентную ставку на полпроцента, они бы отказали. Спасение мира — не их епархия.

Народный банк Китая, с другой стороны, был государственным учреждением, накопившим среди центральных банков мира наибольший объем активов — почти четыре триллиона долларов США. Хотя по сравнению с другими китайскими госорганами банк пользовался независимостью, он все же управлялся Госсоветом. Вступать в переговоры с руководителями банка Китая не имело смысла, надо было обращаться напрямую к министру финансов, а еще лучше — к премьеру и президенту. Честно говоря, Мэри возлагала на китайцев свои лучшие надежды. Они не доктринеры, не зациклились на идеях неолиберализма или какой-либо другой версии политэкономии, китайцы считали практику единственным мерилом истины. У них есть пословица: реку переходят вброд, нащупывая ногой камни один за другим. Если китайцы уверятся в ценности замысла, им будет наплевать на мне-

ние других банков.

Вот только без одобрения большинством центральных банков план все равно не сработает.

Ломая голову над дилеммой, Мэри поручила изучение вопроса Янус-Афине. Если идею поддержит один банк Китая, будет ли она действенна? Я-А ответила «нет», ни один банк не станет рисковать на рынке подобным образом. Даже Китай, даже США. Если речь идет о том, чтобы связать глобальную экономику воедино, то и те, и другие лишь чуть крупнее других лилипутов. Нужна массовость.

Значит, ничего не выйдет. Говорить с банкирами бесполезно. Они посмотрят друг на друга, увидят на лице коллег отсутствие рвения и воспользуются этим, чтобы спрятаться за их спину. Даже если весь мир изжарится и цивилизация рухнет, их невозможно будет привлечь к ответственности, пусть именно они финансировали каждый шаг, ведущий к катастрофе.

Должно произойти что-то такое, чтобы они зашевелились.

«Программы структурной перестройки», которые в конце двадцатого века навязывал Всемирный банк развивающимся странам, охваченным долговым кризисом, создали условия для воз-

никновения мирового порядка двадцать первого века. ПСП были инструментом послевоенной американской экономической империи. В отличие от империй прошлого, американская не стремилась к владению экономическими колониями, ей было достаточно владеть их долгами и прибылями. В плане эффективности это была лучшая империя за всю историю. Неолиберальный строй всегда ставил на первое место эффективность в ее наиболее чистом экономическом выражении — скорость и легкость перемещения денег от бедных к богатым.

Любой стране, желающей получить кредит на санацию экономики в рамках ПСП, выдвигались следующие требования: сокращение государственных расходов, налоговая реформа — в особенности уменьшение налогов на корпорации, приватизация госпредприятий, привязка процентных ставок и курсов обмена валют к рынку, недопущение государственного вмешательства, надежное обеспечение прав инвесторов, не позволяющее «стричь» их депозиты (так называемые «волосатые» нормы), и отмена государственного регулирования где только можно — в рыночной деятельности, деловой практике, охране труда и защите окружающей среды.

Несмотря на то что «программы структурной перестройки» подвергались широкой критике и в конце двадцатого века были признаны некоторыми аналитиками провальными, они использовались как шаблон для преодоления кризисов в малых южных странах ЕЭС и в полной мере были развернуты в Греции, дабы напугать Португалию, Ирландию, Испанию и Италию, не говоря уже о новых членах ЕЭС из Восточной Европы, и показать им, что ЕЭС (то есть в данном случае Германия и Франция) с ними сделает, если они позволят себе взбрыкивать. Вступил в ЕЭС? Подчиняйся диктату Европейского центрального банка, другими словами — Германии и Франции. Ввиду того что немецкая экономика была в два раза крупнее французской, у людей по всей Европе возникло чувство, что Германия, чем бы ни кончилась Вторая мировая война, их окончательно завоевала. Подобно тому как Америка покорила мир не силой оружия, а финансами, Германия захватила Европу теми же средствами. Не зря Германия была верным вассалом Америки в период холодной войны. Теперь, когда холодной войне наступил конец, а Германия в экономическом плане стала сильнее России, она могла себе позволить немного отодвинуться

от Америки, ловко играя роль лакея, когда ей это было выгодно, в то же время преследуя в основном свои цели. Это было очевидно всем в Европе, однако Америка ничего не замечала из-за самовлюбленной близорукости в отношении к остальному миру.

Поэтому любой визит в Берлин был для Мэри чреват напряженностью. Местные банкиры и министры финансов были не такими лощеными и надменными, как во Франции и Брюсселе, зато излучали еще более зловещую бюргерскую уверенность, что статус-кво навсегда останется неизменным. Бундесбанк, центральный банк Германии, был создан в послевоенный период именно для того, чтобы закрепить статус Западной Германии как верной попутчицы американской сверхдержавы. Учитывая невероятную травму двух мировых войн и периода между ними, Мэри не удивилась, когда прочитала в документах, связанных с созданием Бундесбанка, что «охрана устойчивости национальной валюты» рассматривалась в Германии как «моральное и правовое обязательство». Независимый статус банка был закреплен в конституции, он, в частности, предполагал, что устойчивость валюты входит в список основных прав человека. Право

на жизнь, свободу и процент инфляции! Ну что ж, эта страна в прошлом видела, как от ее валюты остались рожки да ножки. Проиграй начатую тобой же войну, и по условиям капитуляции на твое население могут наложить репарации, от которых невозможно отказаться и которые лягут бременем на твой народ до седьмого колена. Неудивительно, что немцы, пережившие этот ад, поклялись, что больше такого не допустят. «Гражданское право проистекает из экономики» — отмечено в учредительном документе Бундесбанка. Мэри прежде считала ровно наоборот и теперь задумалась. Что это? Тайное признание немцами принципа Маркса и Гегеля — практика есть мерило теории? Увы, министры не философы и не историки, они всего лишь трудяги-дипломаты. Однако трудяги-дипломаты склонны полагаться на причинно-следственную связь, планы и их исполнение. В этом состоит суть управления, бюрократии и самой экономики. Законы определяют рамки правового поведения. Возможно, это вопрос из разряда о курице и яйце. Но чтобы следствия определяли причины? Так любому определению недолго потерять всякий смысл.

В общем, Мэри во время визита в Берлин ощу-

тила себя униженной. Немцы победили, проиграв войну, свыклись с поражением и зашли с другой стороны. Может быть, они больше не стремятся править всем миром и всего лишь защищают Германию с помощью активной дипломатии и максимального влияния на Европу и мир в меру своих относительно небольших населения и экономики? В таком случае у них неплохо получалось. Подобно своим визави Мэри старалась не упоминать их кошмарную историю и сосредоточиться на настоящем моменте. Центральные банки, втолковывала она, способны за счет количественного смягчения очистить мир от двуокиси углерода! Государственный суверенитет возобладает над глобальным рынком за счет взаимодействия крупных государств, способных противостоять рынку и даже изменять его. Да они его просто купят на хрен! Последнюю фразу она произнесла в вежливой форме.

Немцы уставились на Мэри. Один из них наморщил лоб, между бровями пролегла глубокая складка. Он первым взял слово. Центральный банк Китая, самый богатый, накопил активов на четыре триллиона долларов США. Активы всех центробанков, вместе взятых, составляют примерно пятнадцать триллионов. Валовый

мировой продукт достигает восьмидесяти триллионов в год, в темных недрах высокочастотного трейдинга ежедневно обращаются еще около трех триллионов долларов. Даже если согласиться, что последние три триллиона в некотором смысле фиктивные доллары, вывод очевиден: рынок крупнее всех государств мира, вместе взятых.

Мэри покачала головой. Даже если признать, что рынок и государство — две части одной системы, эта единая система управляется законом. Законы же создаются государствами, а следовательно, государства могут эти законы менять, в этом вся суть суверенитета, на этом зиждутся сеньораж, легитимность, общественное доверие и ценности. Рынок сложился и паразитирует на этой правовой структуре.

— Рынок способен купить нужные законы, — заметил один из немцев.

— Рынок непроницаем для закона, — добавил другой. — Он сам себе закон, рынок в природе человека, так живет весь мир.

— Это вопрос правовой системы, — возразила Мэри. — Мы меняем законы каждый день.

— Центральные банки существуют исключительно для того, чтобы стабилизировать валют-

ный курс и цены, держать в узде инфляцию. Наиболее полезный инструмент для достижения этой цели — регулирование процентной ставки.

— Центральные банки, — сказала Мэри, — нередко коллективно советуют законодательным органам своих стран, каким образом изменить уровень налогообложения, чтобы стабилизировать денежный курс.

— Законодателям никто не указ.

— Законодатели принимают финансовые законы по указке центральных банков, — не отступала Мэри. — Финансы нагоняют на законников ужас, они поручают разработку законов в этой области экспертам по финансовой математике. Если вы спустите им указание, они никуда не денутся. Особенно если порекомендовать им укрепление контроля за финансами!

Выражение на лицах собравшихся говорило: мы, немцы, практичные люди. Эта мысль достойна рассмотрения на предмет полезности для Германии.

Не самая безнадежная реакция. Мэри покинула встречу опустошенной, с желанием выпить и закончить вечер в спортзале, колотя кулаками по чему придется, однако полного упадка чувств, как после других встреч, она не испытывала.

Немцы пережили самое худшее. Им известно, какой поганой бывает жизнь. Пусть нынешние немцы всего лишь правнуки тех, кто пережил ужасы войны, или даже праправнуки, но культурную память они не смогут преодолеть и через сотни лет. Разумеется, она подавляется, однако там, где существует искусственное подавление, подавленное способно возвращаться — подчас в искаженной и концентрированной форме, нередко представляя собой еще большую угрозу, чем первоначальный объект подавления. Могло статься, что немцы теперь дорожили надежностью в такой степени, что это желание само по себе создавало угрозу. Не они первые.

Оставалась еще Россия. Российский центральный банк был почти настолько же государственным учреждением, как Народный банк Китая. По конституции половину прибыли он отдавал государству. Ему принадлежали шестьдесят процентов «Сбербанка», крупнейшего коммерческого банка страны, и сто процентов национальной перестраховочной компании. Центробанк России превыше всего интересовала защита национальных интересов. Разумная цель, да и люди, встретившиеся с Мэри, вели себя приветливо. Любая страна, способная породить

такую личность, как Татьяну, чего-нибудь да стоила. Русские за свою историю тоже всякого натерпелись. Еще на памяти живущих империя рухнула на голову своим гражданам, а до этого нацию постигла тяжелейшая травма мировой войны. У русских были причины не любить немцев и — в меньшей степени — американцев, вообще никого не любить, если уж на то пошло. Весь мир против нас — эта установка была частью психологии русских с тех пор, как они открыли для себя существование остального мира. Однако русские в основном были заняты собственными проблемами, в некотором роде они были не от мира сего. В истории человечества встречалось много таких мест, да и сейчас они есть, потому что все до определенной степени живут в плену психологии, продиктованной географией, все обитают в мире родного языка, и если ваш родной язык не английский, то вы, как ни крути, чужой в глобальной деревне. Глобализация означала много чего, в том числе реальность совместного проживания на одной планете, границы на поверхности которой — плод фантазий на тему истории. В то же время глобализация выступала как форма американизации, мягкой имперской власти вкупе с экономическим господством,

позволяющим США держать в своих банках и компаниях семьдесят процентов капитальных активов мира, хотя население Штатов составляло всего пять процентов от мирового. Глобализация, диктуемая физической реальностью, неизбежна, она будет только крепнуть по мере усугубления проблем биосферы, а вот глобализация американского империализма не устоит, ибо именно она создает большинство проблем для биосферы. Тем не менее всемирный универсальный язык всегда будет помогать укреплению мягкой власти.

Между двумя глобализациями шла война, им требовались перемены, их следовало расцепить и рассматривать по отдельности, но в то же время понимать и анализировать как единое целое.

Безнадежно запутавшаяся в этих мыслях, как в дурном сне, Мэри услышала звонок. Звонил Бадим.

— Что у тебя?

— Помнишь парня, который тебя похитил?

— Да.

— Его поймали.

— А-а! Где?

— В Цюрихе.

— Правда?

— Да. У реки, в «шприц-парке». Помогал гото-

вить ужин для беженцев, когда на них напала группа фашистов, нечаянно угодил в драку.

— Как они определили, что это он?

— По ДНК. Ну и, как обычно, попал на камеру. ДНК также связывает его с убийством на швейцарском берегу озера Маджоре. Там одного типа ударили по голове, и он умер. Похоже на то, что твой похититель и ударил.

— Черт! — Мэри была шокирована. — Ладно, я так и так завтра утром поездом возвращаюсь в Цюрих. Подготовь развернутую справку.

Длинную дорогу домой Мэри провела в томлении, не в состоянии навести порядок в мыслях и чувствах. Тревожное возбуждение, сильное любопытство, ощущение триумфа с толикой облегчения. Наконец-то ей больше ничего не грозило. Можно больше не бояться, что однажды ночью тебя разбудят руки неуравновешенного молодого человека у тебя на горле. Это хорошо, однако мысль о том, что он теперь попал в тюрьму, странным образом беспокоила ее. Можно ли вообще сажать в тюрьму людей с психическими отклонениями? Ну, иногда другого выхода нет. Какая каша из эмоций.

Однако нельзя было отрицать: что бы она ни чувствовала, ей было не все равно. Настолько не

все равно, что хотелось увидеться с этим человеком еще раз. Тюрьма позволяла сделать это в безопасной обстановке. Но откуда вообще взялось желание видеть своего похитителя? Мэри не знала. Что-то в ту памятную ночь зацепило ее. Иначе быть не могло.

Пока поезд пересекал Германию, она решила, что уступит своему побуждению. Она решила приехать на встречу, хоть и не понимала, что ее к ней подталкивало. Часть разума подсказывала, что это плохая мысль. Ну, Мэри не впервой совершать недальновидные поступки. Склонность к скоропалительным действиям всегда за ней водилась. Она относила это свойство на счет своей ирландской натуры. Безрассудность ирландских женщин, как она считала, помогала им выжить.

На ум пришло выражение — «стокгольмский синдром». Применимо ли оно к ней? Мэри проверила значение: симпатия, возникающая у заложников к похитителям. Обычно интерпретируется как ошибочное поведение заложника, психологическая слабость, вызванная страхом, уступками, надеждой выжить, готовностью подставить свое горло (или другую часть тела), лишь бы не сопротивляться агрессору и не быть убитым.

А что, если это не ошибка? Что, если тебя взяли в заложники, чтобы заставить хоть раз вникнуть в реальное состояние или отчаянное положение другого человека, своей невыносимостью толкнувших его на безрассудный шаг? Что, если ты вдруг поймешь, что на его месте поступила бы точно так же? Если бы такая догадка по прошествии долгого времени с момента захвата в заложники пришла тебе в голову, ты бы по-новому оценила ситуацию, как-то изменилась бы, пусть не сразу. И такая перемена иногда единственно правильная реакция на случившееся.

Все, как всегда, зависело от конкретных обстоятельств. В подлинной стокгольмской истории, как прочитала Мэри, пара грабителей захватила в заложники трех женщин и одного мужчину, оказавшись с ними в западне в подземном хранилище банка. За неделю обе стороны сделали друг другу много уступок. К тому времени, когда все закончилось — а закончилась вся эта история мирно, преступники сдались, — у заложников к ним возникла определенная симпатия. Освобожденные отказались давать показания в суде против своих похитителей. Считалось, что синдром, названный по имени их города, затрагивает примерно десять процентов жертв

похищений, причем, чем мягче ведут себя похитители во время в целом недружественного акта принудительного лишения свободы, тем чаще проявляется этот эффект. Чего тут непонятного?

Мэри прочитала также о «лимском синдроме», когда похитители настолько проникались симпатией к заложникам, что отпускали их на свободу.

А если оба синдрома произошли бы одновременно? Так наверняка иногда случается, возникает некая симметрия — два человека, оба страдающие от травмы различной тяжести, в момент крайнего напряжения признают друг в друге такого же бедолагу. Разве так не бывает?

О таких вещах нелегко судить, трудно расставить запутанные чувства по местам. Даже ложные ощущения воспринимаются реалистично. Многие психологи высказывали сомнения насчет реального существования «стокгольмского синдрома». Его так и не включили в диагностический справочник по психическим расстройствам. «Стокгольмский синдром» — не более чем порождение поп-психологии, выдумка журналистов, фикция.

Да, но… Все вероятное в конце концов случается. В моменты тяжелейшего стресса происходят

загадочные явления. Не глупо ли наклеивать на них ярлыки, пытаться объяснить? Синдромы да и вся психология в целом — фигня на постном масле. Все всегда происходит в конкретный момент времени. К примеру, Мэри провела несколько напряженных часов на кухне с незнакомым мужчиной. Смахивает на неудачное свидание, которое чувствуешь себя обязанной довести до конца. Нет уж. Она не забыла пистолет, мгновение ужаса — мощный разряд страха запомнился на всю жизнь. И не простила. Никогда не забудет и не простит. Ничего подобного с ней прежде не случалось. Но ведь неповторимы все события.

В Цюрихе Мэри вышла на главном вокзале, пересекла по мосту реку до остановки трамвая и на «шестерке» поднялась вверх по холму к «Церкви Флунтерн». Доплелась по Хохштрассе до своего дома, вошла в подъезд. Телохранители ждали на улице, довольные ее появлением. Чувствуя себя опустошенной, Мэри поднялась по лестнице. Налила себе бокал белого вина со льдом и быстрыми глотками выпила до дна. Жизнь в одиночестве ей не нравилась, жизнь под надзором телохранителей тоже. Возможно, стоит пригласить их к себе домой, на улице холод. Однако в такие моменты Мэри ни с кем не хотелось разговаривать.

Разговора не получилось бы, она пребывала в смятении чувств, начала бы огрызаться, даже стараясь сохранить вежливый тон. В итоге она решила принять душ и, все еще негодуя, легла в постель. Хорошо еще, что сон не заставил себя долго ждать.

Утром Мэри первым делом приехала в министерство и разобралась со срочными делами. Потом прочитала справку на молодого человека, подготовленную Бадимом. Фрэнк Мэй. Парень действительно пережил великую жару в Индии, правильно назвал наиболее сильно пострадавший район и тот факт, что работал там с гуманитарной миссией. На тот момент ему было двадцать два года. ДНК Фрэнка была обнаружена на полене, ставшем орудием убийства на берегу озера Маджоре. Скорее всего предъявят обвинение в неумышленном причинении смерти. Его, похоже, крепко прижали к стенке. Мэри вздохнула. Похищение по сравнению с этим мелочь, проблема, однако, в том, что возникал некий почерк, намекающий на рецидивизм. Значит, срок увеличат.

Мэри быстро проверила, где держат Фрэнка. В главной цюрихской тюрьме. Справившись по телефону о часах посещения и разрешении на

встречу, Мэри пешком отправилась на остановку трамвая. По пути заглянула в небольшой магазинчик. Что обычно носят заключенным? Тут она вспомнила, что идет на встречу со своим похитителем, и решила ничего не покупать.

Тюрьма располагалась на Ротвандштрассе — Красностенной улице. Ближайшая трамвайная остановка — «Парадеплатц». Мэри вышла из вагона и прошлась по улице — никаких красных стен. Их могли перекрасить или просто сломать еще восемь веков назад. Тюрьму нельзя было с чем-то спутать — трехэтажное бетонное здание, занимающее целый квартал. Угрюмый официоз, высокие окна в глубоких амбразурах, явно не предназначенные для того, чтобы их открывали.

На входе Мэри предъявила документы. Был послан вызов, заключенный согласился на встречу. Ее отвели в большую комнату для свиданий. Сначала пришлось запереть в шкафчике телефон и прочие вещи, потом пройти через рамку рентгеновской установки, как в аэропорту. После этого охранник проводил ее по коридору через две двери, которые открывались и закрывались автоматически. Мэри пришло на ум сравнение со шлюзами на космической станции. Внутри здания атмосфера была не такой, как снаружи.

Другой вид, другие запахи. Швейцарцы всегда демонстрировали чувство стиля даже в наиболее официальных учреждениях, тюрьма не была исключением — полоса из синего ванчеса на стенах, большой зал со множеством отделенных друг от друга столов со стульями, растения в горшках по углам, копии скульптур Джакометти с типичными тянущимися к потолку фигурами. Здесь пахло озоном и властью. Центральный пост кругового наблюдения. На возвышении у двери, через которую впускали заключенных, два надзирателя за столом. Из нее вышел еще один, сопровождая худого мужчину, который ступал осторожно, словно испытывал боль.

Это он. Фрэнк взглянул на Мэри, смущенный ее появлением, слабо, неуверенно улыбнулся улыбкой страха, потупился. Указав на один из столиков, подошел к нему первым. Мэри опустилась на стул по другую сторону стола. Стол как преграда был очень кстати. Сопровождавший их надзиратель отошел в сторону поболтать с коллегами.

Мэри некоторое время молча смотрела на Фрэнка. После первого мимолетного взгляда, как если бы он хотел увериться, что перед ним именно Мэри, Фрэнк уже не отрывал глаз от стола. Он

выглядел отрешенным. С того вечера в квартире еще больше похудел, хотя уже тогда был тощим.

— Почему вы пришли? — спросил он наконец.

— Не знаю. Наверное, хотела убедиться, что вы в тюрьме.

— А-а.

Длинная пауза. Почувствуй себя в моей шкуре — она не высказала эту мысль вслух, даже в уме едва коснулась ее. Теперь она в еще большей безопасности, чем прежде. Ее не застрелят на улице. Они поменялись ролями: Фрэнка держат взаперти против его воли, а Мэри свободна. И так далее. Да только все эти мысли не тянули на повод для визита в тюрьму.

— Как ваши дела? — спросила Мэри.

Фрэнк пожал плечами.

— Сижу.

— Что случилось?

— Меня арестовали.

— Я слышала, что вы были на ужине беженцев?

Фрэнк кивнул.

— Что вы еще слышали?

— Что на них напали какие-то хулиганы, а вы им противостояли и не ушли даже после появления полиции. Что вы были в розыске в связи с

происшествием на озере Маджоре.

— Мне тоже так объяснили.

— Что там произошло?

— Я разозлился на одного типа и ударил его.

— Ударили, и он умер?

— Так мне сказали.

— Вы что, какой-нибудь…

— Повезло, наверное, — пожал плечами Фрэнк.

— Повезло? — резко переспросила Мэри.

Фрэнк поморщился.

— Это вышло случайно.

— Пусть так, однако шутить об этом не следует. С настоящего момента все сказанное вами будет влиять на ваше правовое положение.

— С вами я всего лишь разговаривал.

— Зачем же тогда нападали на других?

— Не надо шутить, говорите? Вы это серьезно?

— Вам трудно обойтись без шуток? Я не помню, чтобы вы много шутили у меня на квартире.

— Тогда я пытался говорить всерьез.

— Вот и сейчас говорите всерьез. Возможно, это поможет делу.

— Какому?

— Повлияет на вынесения приговора.

Уголки рта Фрэнка напряглись, он сглотнул комок в горле. Приговор — это уже не шутки.

— Вы чем-то ударили погибшего?

— Да. У меня в руках была коряга, которую я подобрал на берегу.

— И этого хватило, чтобы его убить?

— Понятия не имею. Может, он стукнулся головой при падении.

— Зачем вы его ударили?

— Он мне не понравился.

— Чем?

— Тем, что он падла.

— В отношении вас или в отношении кого-то еще?

— В обоих отношениях.

— С ним были швейцарцы или иностранцы?

— И те, и другие.

Мэри некоторое время молча рассматривала Фрэнка. Похоже, их беседы не могли обойтись без пауз.

Она первой прервала молчание:

— Плохо дело. Вас взяли по многим причинам сразу. Так что… я могла бы замолвить за вас слово, если хотите.

— Скажете, что я был добрым похитителем?

— Да. Это, кстати, уже занесено в протокол. То есть я сообщила о похищении, так что теперь не могу вдруг заявить, что пригласила вас на чашку

чая. В Швейцарии, как я понимаю, нет закона о трех преступлениях, как в некоторых американских штатах, однако вам предъявят участие в драке, покушение на убийство и то, что вы сделали со мной. Все это повлияет на приговор. Если бы я раньше не дала показания под запись, то могла бы сейчас заявить, что мы просто решили провести ночь вместе.

Фрэнк был ошеломлен.

— Почему?

— Чтобы сократить вам срок.

Удивление Фрэнка не проходило. Мэри и сама поразилась своим словам. Да кто такой этот человек? Чем она ему обязана? Ну, тем, что произошло в тот вечер. К тому же он явно надломлен, с ним что-то не так.

Фрэнк снова пожал плечами.

— Ладно. — Его взгляд вдруг помрачнел. — Вы уже знаете, сколько мне дадут? Каким будет приговор?

— Не знаю. — Мэри немного задумалась. — В Ирландии за то, что вы сделали, дали бы несколько лет. В зависимости от обстоятельств. Кроме того, бывают досрочные освобождения за хорошее поведение и все такое. Швейцария — другая страна. Я могу навести справки.

Фрэнк уставился сквозь стол в бездонную пропасть, в которую смотрел много лет.

— Я не знаю, как долго еще протяну, — тихо произнес он. — Я не выдержу.

Мэри прикинула, чем его утешить. Ничего не приходило в голову.

— Вам дадут работу, — рискнула она. — Обеспечат лечение. Может статься, что вы не заметите больших отличий от прежней жизни.

Предположение вызвало молниеносный яростно-сумрачный взгляд. Фрэнк тут же снова уставился в стол, словно почувствовал себя неуютно в ее присутствии.

Мэри вздохнула. По правде говоря, в подобной ситуации трудно чем-то ободрить. Фрэнк сделал свой выбор, и он привел его в тюрьму. Если, конечно, такой выбор у него был. На ум снова пришел вопрос о вменяемости. Кошмарные насильственные преступления, происходящие в мире, — намного хуже тех, что совершил этот человек, — разве они не вопиют о невменяемости? Невменяемости такой степени, что наказание превращается в расправу над психически больными людьми?

Или наказание всего лишь попытка оградить от них общество?

Мэри не хотелось размышлять на эту тему. У нее имелись дела поважнее, день предстоял напряженный. Но сейчас перед ней сидел запутавшийся, попавший в тюрьму, жалкий человек. Возможно, психически нездоровый. Не просто страдающий от прошлой травмы, но сломленный травмой в большей степени, чем ПТСР. Может быть, его мозг повредился от перегрева и обезвоженности, да так и не пришел в норму. Такое вполне вероятно, ведь никто другой рядом с Фрэнком не выжил.

Короче, кто его знает. Он никуда теперь не денется. А Мэри ждали дела, к тому же она всегда могла приехать снова.

— Мне пора идти. Я вернусь. Попробую что-нибудь узнать, поговорю с вашим адвокатом. Он у вас есть?

Фрэнк качнул головой.

— Мне его назначили.

У него был совершенно потерянный вид.

Мэри со вздохом поднялась. Один из надзирателей подошел к их столику.

— Уходите? — спросил он.

— Да.

Теперь хозяйка положения она. Мэри слегка тронула Фрэнка за плечо, почти точно так же, как

он дотронулся до нее в тот вечер на Хохштрассе. Только в этот момент она осознала, что отчасти приходила отомстить. Мэри почувствовала под рубашкой тепло, даже лихорадочный жар. Фрэнк движением плеча сбросил руку — так лошадь отгоняет назойливую муху.

51

Тридцатые годы были временем зомби. Цивилизация была убита, но еще, спотыкаясь, брела по Земле навстречу судьбе пострашнее смерти.

Все это чувствовали. В культуре периода преобладали страх и гнев, отрицание и чувство вины, стыд и раскаяние, вытеснение и возвращение подавленного. Люди жили на автомате, постоянно пребывая в состоянии зловещей угрозы, непрерывно сознавая свое ущербное положение, гадая, какой еще сокрушительный удар обрушится на их головы и как сделать, чтобы и его не принимать в расчет после того, как столько сил ушло на игнор предыдущих ударов, череда которых тянулась с 2020 года. Само собой, великая жара в Индии оставила свой след. Люди не могли признать ее тем, чем она была, но и забыть не могли, не хотели ее вспоминать и не могли перестать думать о ней без огромных подсознательных усилий. Эти фотографии! Эти цифры! Они напоминали Холокост, проделавший гигантскую прореху в самовосприятии цивилизации, когда погибло шесть миллионов человек, но это

было давно, евреев убивали немцы, так что с них и спрос. Палестинская Накба, раздел Индии — плохим историям нет конца, цифры всякий раз непостижимы, однако прежде всегда существовали определенные группы, отвечавшие за преступления, люди варварской эпохи, как утешали себя современники. Эти мысли постоянно вылезали наружу при попытке отмахнуться от великой жары, которая, по уточненным сведениям, стоила жизни двадцати миллионам человек. Столько же солдат погибло во время Первой мировой войны за четыре года интенсивной целенаправленной бойни, в то время как жара длилась всего две недели. Другие говорили, что жара была чем-то похожа на грипп-испанку 1918–1920 годов, но это не так. Катастрофу вызвали не патоген, не геноцид, не война — всего лишь действия либо бездействие самих людей, и убивала она самых беззащитных. И это еще не конец, ибо беззащитны в конечном итоге все.

Несмотря ни на что, люди планеты продолжали сжигать углеводороды, разъезжать на автомобилях, есть мясо, летать самолетами, делать все то, что вызвало великую жару и могло вызвать ее вторично. Прибыль по-прежнему рассчитывалась с прицелом на акционеров и увеличение

дивидендов. И так далее.

Любой вменяемый человек понимал: делается слишком мало, и тем не менее «слишком мало» продолжало оставаться всеобщим принципом действий. Разумеется, вытеснение из сознания тоже имело место, но оно было в духе Фрейда, фрейдистская модель разума основана на идее паровой машины, что означало сжатие, нагнетание давления и выпуск пара. Поэтому вытеснение увеличивало внутреннее давление, ответная реакция на вытеснение давление снижала. Либо выпускаешь пар, либо разорвет котел. Чего было ждать людям тридцатых? Шипения или взрыва? Свистка, стравливающего давление в системе, как в надежно работающем двигателе, или грохота? Никто ничего не мог предсказать, люди кое-как проживали день за днем, а давление между тем все нарастало.

Поэтому мало кто удивился, когда однажды в считаные часы потерпели катастрофу шестьдесят авиалайнеров. Самолеты разных рейсов падали в разных точках мира, хотя, когда разобрались, выяснилось, что подавляющее большинство катастроф пришлось на частные самолеты и бизнес-джеты, а коммерческими рейсами в основном летели бизнесмены. Но и обычные, невинные

пассажиры, путешествовавшие с разной целью, тоже погибли — около семи тысяч за один день, обыкновенный гражданский люд, летевший по своим делам.

Потом было установлено, что самолеты атаковали и вывели из строя их двигатели пущенные наперерез стайки малых дронов. От дронов ничего не осталось, отследить изготовителей и операторов не удалось. В первые же часы после катастроф ответственность взяли на себя сразу несколько террористических групп, они выдвинули разные требования, однако причастность ни одной из них не удалось доподлинно доказать. То, что ответственность за такое преступление взяли на себя многие группы, лишь придало событию еще более пугающий эффект. В каком мире мы живем?

Один посыл был достаточно ясен: прекратите авиаполеты. Многие послушались. До этого дня в любую минуту в воздухе находились полмиллиона человек. После авиакатастроф число пассажиров резко сократилось. Особенно когда через месяц произошла вторая волна крушений, на этот раз закончившаяся гибелью двадцати самолетов. После этого коммерческие рейсы нередко летали порожняком или вовсе отме-

нялись. Частные реактивные самолеты тоже перестали летать. Боевые самолеты и вертолеты подвергались атакам не меньше, поэтому военные сократили полетную активность и поднимали машины в воздух только в случае острой нужды — как на войне. Это и была война.

Кто-то подметил, что не пострадал ни один из экспериментальных самолетов на аккумуляторах, ни один самолет на биогорючем, а также ни один дирижабль, аэростат или воздушный шар. Правда, в то время их летало так мало, что было трудно определить, стало ли это чистой случайностью или было чьим-то планом. Похоже, новые воздухоплавательные средства действительно пощадили, в этом был определенный смысл, производство дирижаблей, которое потихоньку началось уже тогда, резко пошло в гору и продолжается по сей день.

Начало войны за планету обычно приурочивают ко дню самолетопада. В том же году чуть позже начали тонуть контейнерные корабли — почти всегда у самого берега. Торпеды ниоткуда — новый тип подводных дронов. Впоследствии было подмечено, что корабли затоплялись в таких местах, где они могли бы обрасти кораллами. Так или иначе, их топили. Разумеется, суда работали

на дизтопливе. Погибших практически не было, однако мировая торговля получила жестокий удар. Фондовые рынки обвалились еще больше, чем в день самолетопада. Всемирная рецессия, ощущение потери контроля, стремительный рост цен на потребительские товары, явная перспектива полномасштабного продолжительного спада — он действительно последовал через пару лет… тревожные были времена.

Через два месяца после массовых авиакатастроф в интернете опубликовала манифест группа под названием «Кали» или «Дети Кали»: группа объявила войну транспорту на углеводородном топливе. На такой транспорт приходилось от двадцати до двадцати пяти процентов сжигания ископаемого горючего, и система, давал понять манифест, была уязвима для саботажа.

В следующий раз «дети Кали» (либо те, кто прикрывался их именем) произнесли всего одно слово: «коровы». В том же году группа объявила, что коровье бешенство или губкообразная энцефалопатия крупного рогатого скота была искусственно выращена и с помощью стреляющих дротиками беспилотников введена миллионам коров по всему миру. Везде, кроме Индии, но в первую очередь — в Соединенных Штатах, Брази-

лии, Англии и Канаде. Ничто не могло остановить заболевание и последовавшую через пару лет массовую гибель скота; при потреблении в пищу мяса заболевшего животного заболевание нередко поражало мозг человека как разновидность болезни Крейцфельда-Якоба, неизбежно приводя к фатальному исходу. Ради собственной безопасности люди стали отказываться от говядины.

В сороковые годы и позже говядину ели все меньше. Пили меньше молока. Разумеется многие тут же заявили, что «дети Кали» лицемеры и уроды, что индийцы не едят говядину вообще, а потому не ощутили потерю, что угольные электростанции Индии за последнюю декаду сожгли приличное количество углеводородов, и так далее. С другой стороны, угольные электростанции Индии сами регулярно подвергались нападениям, так что трудно было сказать, кто кому что причинял. По всему миру были выведены из строя десятки электростанций, нередко с помощью дронов. Индия в те годы привыкла к перебоям с электроэнергией, но перебои случались и в других странах. Война за планету Земля велась не понарошку, однако нападавших не удавалось схватить за руку. Нередко утверждалось, что они базируются отнюдь не в Индии

и это даже не индийская организация, а некое международное движение. «Кали» была нигде и повсюду одновременно.

52

Наш штат Сикким полностью перешел на биологически чистые методы ведения сельского хозяйства с 2003 по 2016 год, движение возглавляла ученая, философ, феминистка и поборница пермакультуры Вандана Шива, к нашему времени ставшая в глазах многих индийцев важной фигурой. Надо признать, что Сикким — наименее густонаселенный штат Индии, в нем проживает меньше миллиона человек, он третий с конца по объему экономики. Зато здесь выращивается больше кардамона, чем в любом другом месте, кроме Гватемалы. Одно из названий штата — «Бейюл Демазонг», «тайная рисовая долина», «бейюлами» в буддистской мифологии называют священные тайные долины, среди которых — Шамбала и Кембалунг. Сикким — волшебный край, местная разновидность биологически чистого сельского хозяйства, один из аспектов пермакультуры — привлек всеобщий интерес в Индии в середине века как часть «Возрождения» и «Новой Индии», проекта создания лучшего мира. Вандана Шива и тут проявила себя как

передовая интеллектуалка, объединив защиту местных земельных прав и знаний предков с феминизмом, пост-кастовым индуизмом и другими прогрессивными чертами «Новой Индии» и «Возрождения».

Важную роль также сыграл пример Кералы, штата, расположенного на другом конце Индии, с его коренными инновациями системы самоуправления. Расположенный на юго-западе Индии, имеющий давние связи с Африкой и Европой, Керала и его славный город Тривандрам уже много лет на основании соглашения о разделении власти по очереди управлялись Левым Демократическим Фронтом, находившимся под сильным влиянием Коммунистической партии Индии, и старым Индийским национальным конгрессом, который всегда сохранял в Керале значительный уровень поддержки как партия независимости и «сатьяграхи», ненасильственной борьбы, исповедуемой Ганди. После того как столетие назад Индия обрела независимость, ЛДФ оставался главенствующей партией Кералы, одним из коренных проектов для нее был возврат к местному самоуправлению и приближение к идеалу прямой демократии. Теперь панчаяты существуют в каждой деревне Кералы, их деятельность ко-

ординируют окружные управы, улаживающие разногласия и решающие вопросы окружного уровня; высшим эшелоном власти является правительство штата в Тираванантапураме, занимающееся делами, имеющими важность для всего штата. Местному самоуправлению уделялось так много пристального внимания, что теперь в Керале работают 1200 управляющих органов, каждый из которых занимается вопросами в своей конкретной области.

Удивительно, а может, и нет, но и о Сиккиме, и о Керале часто отзываются как о красивейших местах, оба привлекают больше туристов, чем большинство других штатов Индии. По правде говоря, каждый штат Индии прекрасен, если не полениться посетить его и посмотреть своими глазами. Все страна прекрасна. Так что загадку успеха этих двух штатов нельзя сводить лишь к красоте ландшафта.

Индия, с которой дурно обходились различные завоеватели, в том числе моголы, раджи, британцы, которая настрадалась от глобализации, продажных национальных правительств всяких партий, но особенно Национального конгресса и проиндусской БДП, ныне опозоренных их связью с великой жарой, продолжает возвышаться над

всеми и делать все возможное. В Новой Индии в период после великой жары приоритеты были полностью пересмотрены и, где только можно, проблемы решались местными способами. Сикким и Керала — два разных по характеру примера того, чего можно достигнуть с помощью хорошего управления, приоритета индийских ценностей и практики. Разумеется, не все решения наших бед можно найти в пределах индийских границ, какой бы огромной ни была страна как по площади, так и по численности населения. Даже самые большие страны теперь зависят от того, чтобы весь мир вел себя как подобает. И все-таки Индия достаточно велика, чтобы предоставить человеческие, аграрные и минеральные ресурсы для быстрого обновления.

Любопытно проследить, удастся ли распространить прогресс, достигнутый в Сиккиме и Керале, на всю страну, на такие штаты, как Бангалор, так называемую индийскую Кремниевую долину, где сосредоточена основная масса инженерных колледжей. Ныне Бангалор, «город-сад», третий по величине в Индии, процветает как глобальный центр информационных технологий; инновации в виде интернета земель и животного мира способны поддержать процесс полной модерни-

зации индийской глубинки. Кроме того, есть еще Болливуд в Мумбае, а также огромные залежи минеральных ресурсов в горных хребтах и вдоль них. Даже отказавшись от угля, Индия обладает огромными непревзойденными сокровищами. В мире, который полагается на солнечную энергию, Индию воистину ждет благословенная судьба. Индии достается больше солнечного света, чем любой другой стране мира.

Главное теперь связать между собой прошлое и будущее, объединить людское и ландшафтное многообразие Индии в один интегрированный проект. Крупнейшая демократия планеты все еще испытывает огромные проблемы, но имеет мощный потенциал для их решения. Мы должны перенять методы ведения сельского хозяйства у Сиккима, систему управления у Кералы, ИТ у Бангалора и так далее; каждый штат должен внести вклад, а затем мы должны направить общие усилия на благо каждого гражданина страны. Когда мы этого добьемся, мы подадим миру пример, в котором он так нуждается. К тому же если текущие насущные проблемы получится решить в демократической манере для одной седьмой человечества, то число людей, за которых приходится переживать миру, заметно сократится.

53

Я мчусь, я излучаюсь. Я несусь, я свечусь. Выпущенный на волю, я торкаюсь в центре солнца миллионы лет, прежде чем выскочить на поверхность и улететь прочь. Восемь минут полета до Земли. В вакууме я передвигаюсь со скоростью света, фактически моя пляска и определяет скорость света.

В земной атмосфере, проявляя свойства как волн, так и частиц, я представляю собой четырехмерное пространство, концептуализированное в форме песочных часов в трехмерном пространстве, где в представлении человеческого разума пересекаются пространство и время. Я опять с лету на что-то натыкаюсь, замедляюсь, открепляю застрявших братьев и сестер, все они такие же, все без массы, все со спином, равным единице, то есть бозоны, а не фермионы; разворот на триста шестьдесят градусов, и я снова в исходной точке, в то время как фермионам для возврата в исходное положение нужен разворот на семьсот двадцать градусов. Фермионы — странные ребята!

Я без странностей, я простой. Врезаюсь в атомы

и, двигаясь сам, вынуждаю двигаться их, — бах-бах-бах, все по законам Ньютона, атомы атмосферы шевелятся после моего пинка в зад больше, чем без меня. Это и есть тепло. Пока я не врежусь во что-либо, поглощающее меня, я сам не остановлюсь. Еще я могу отлететь от того, на что наткнулся, и уйти обратно в космос, превратившись в свет для какого-нибудь лунного наблюдателя, видящего большой голубой шар и реагирующего на мое попадание на сетчатку глаза. Голубая растровая точка настолько малой зернистости, что ее проще обнаружить — и даже вообразить — как волну. Корпускулярно-волновой дуализм — реальное явление, представить и зафиксировать их единовременность крайне сложно. Четырехмерные модели не работают в трехмерном разуме. Я — загадка, нечто мощное, но не имеющее массы. Нас больше, чем всего остального. Ну, может, не совсем так. Мы мало чего знаем о темной материи, которую правильнее называть невидимой материей, мы не знаем, что там происходит. Предполагается, что отдельные элементы, из которых она состоит, являются моим подобием, а может, и нет, никто не знает. Вся эта фигня летает вокруг нас, как в параллельной вселенной, немного совпадающей с нашей; в

любом случае действует гравитация, потому что наличие темной материи выдают гравитационные эффекты. Если мы и похожи на эти темные материоны, то лишь так же, как похожи свет и тьма. Может быть, мы две части одного целого? Я видим, олицетворяю свет; темная материя на самом деле не темная, она невидима, и мы не знаем, что это и каковы ее свойства. Наше отсутствие, наша тень, наш близнец. Хотя их, наверное, намного больше, чем нас. Еще одна загадка среди множества загадок. Мы пролетаем друг сквозь друга, как призраки.

Но я — я, я, я! — врезаюсь в Землю, отскакиваю в глаза наблюдателя на Луне, потом снова лечу, бессмертный, неизменный, стучу голубой искрой снова и снова и по ходу дела, пролетая в облаке моих братьев и сестер, мы все вместе врезаемся в Землю, освещая ее, и газ, окутывающий гидросферу и литосферу, нагревается от наших толчков.

Кто я? Вы, очевидно, уже догадались. Я фотон.

54

При тусклом дневном свете цюрихской зимы Мэри проводила ежедневные совещания со своим штабом и планировала очередные ходы. Чертова дюжина собиралась по утрам, делилась новостями и строила планы на день, неделю, десятилетие. Да, они ощущали себя как на войне и работали в военном режиме. И все же это была не война, им не противостоял враг, а если он и был, то в лице своих же граждан, у кого имелся избыток денег и азарта. Если считать это состояние войной, то министерство отступало и оборонялось, однако на самом деле борьба велась в основном в сфере дискурсов, войны слов, идей и законов, влекущей за собой угрожающие смертью последствия исключительно в виде вторичного эффекта, вину за который могли легко отрицать агрессоры обеих сторон. Скорее схватка напоминала гражданскую войну, драку политикума с самим собой. В любом случае борьба вызывала гадливое ощущение осадного положения, экзистенциального страха, кануна неотвратимой катастрофы. Множество людей в Цюрихе жили на улице, выпрашивали

мелочь, искали работу или, что еще хуже, не искали работу — это было ненормально. Не по-цюрихски.

Тем не менее жизнь Мэри вошла в колею, была, признаться, почти приятна. Или, по крайней мере, не скучна, увлекательна и где-то даже продуктивна. Есть вещи похуже ощущения ответственности за важный проект. Мэри не покидала Цюрих. Когда зимняя мгла начинала действовать на нервы, она отправлялась воскресным поездом в один из альпийских городков. Поезд протыкал насквозь зависший на северной стороне Альп плотный слой облаков, лишавший жизнь в зимнем Цюрихе солнечного света и радости. Говорят, за первые пятьдесят суток нового года выдалось всего восемь солнечных часов, рассеянных по разным дням, — швейцарцы любят вести учет подобным вещам. Поэтому по воскресеньям Мэри делала перерыв и поднималась на поезде к ослепительному сверканию снега. Горнолыжные курорты были переполнены, к тому же Мэри не умела кататься на лыжах; многие городки в Альпах не имели лыжных трасс и были окружены голыми скалами — Энгельберг, Адельбоден и прочие. В этих поселках Мэри могла гулять по снежным тропам пешком или на снегоступах

либо просто сидеть на террасе, наслаждаясь холодным лучезарным светом меленького хрусталика солнца в большом белесом небе. После чего возвращалась обратно во мрак.

В Цюрихе она встречалась с членами своего штаба, сторонними помощниками и антагонистами. Юристов отраслей, работающих на ископаемом горючем, все больше интересовало, что можно выжать из системы в случае согласия на секвестрацию своих активов. Тема отнюдь не пустяковая, скорее даже ключевая, Мэри занималась ей с большим интересом. До определенной степени казалось, что она ведет переговоры о выкупе с террористами, обвязавшимися поясами смертников и требующими от нее и всего мира: «Заплатите нам, или мы взорвем планету». Но это было не совсем так. Во-первых, если никто больше не будет покупать их продукцию, взрывчатка не рванет и разнести планету на кусочки не получится. Их угрозы теряли силу с каждым днем, именно поэтому они вообще разговаривали с Мэри. Рычаги влияния террористов, захвативших в заложники биосферу, слабели. Министерство будущего было одним из тех мест, куда они могли приехать на переговоры о достойной сдаче. Они ехали в Цюрих торговаться.

К тому же гости на самом деле не были террористами. Аналогия не очень удачна и отнюдь не полна. Цивилизации требовалось электричество, последние несколько веков хозяева сырья черпали силу в поддержке обычных граждан, пользующихся природным топливом. Иногда владельцами топлива являлись частные лица, фантастически разбогатевшие, но во многих случаях ими были нации, объявлявшие найденные на своей территории горючие ископаемые имуществом государства и его граждан. Петрократии контролировали три четверти ископаемого топлива, которому суждено было остаться под землей, и теперь искали компенсации потерь, вызванных отказом от продажи и сжигания своих запасов.

Неоднозначная картина. Да, «Экссон Мобил» — гигант и сосредоточил в своих руках больше активов, чем некоторые страны. Однако Китай, Россия, Австралия, арабские государства, Венесуэла, Канада, Мексика и США имели больше углеродных запасов, чем «Экссон Мобил» и прочие частные компании. Все они требовали компенсаций, хотя в то же время, подписав Парижское соглашение, обязались пойти на декарбонизацию. Заплатите нам, чтобы мы не

разрушили планету! Настоящий шантаж, рэкет, выжимающий соки из жертв. Да только жертвами было население их стран, так что в итоге наезжали они на самих себя. Либо на них самих наезжали выборные политики. Причудливая ситуация, трудноопределимая и одновременно постоянно меняющаяся.

Поэтому встречи шли без перерыва. Мэри по-прежнему проталкивала замысел создания денежной единицы для оплаты декарбонизации и смягчения потерь. Прошло несколько недель, глобальная экономика от рецессии перешла к депрессии. Дик почти убедил Мэри, что налогообложение вполне подходящий инструмент, способный дать нужный эффект сам по себе. Важнее всего, уверял он, разница между затратами и выгодами. В отношении баланса в бухгалтерских книгах налоги играли роль и кнута, и пряника. Если взять баланс отдельного лица, компании либо государства, между кнутами и пряниками не было никакой разницы. И то, и другое стимулы. Если налоги будут взымать государства, они же и получат деньги вместо того, чтобы просить центральные банки напечатать новые — прибыток вместо затрат. Когда твоя деятельность облагается жестким налогом, причем по

прогрессивной шкале, то чем больше ты ею занимаешься, тем больше налог играет роль кнута, заставляя тебя отказаться от этого вида деятельности. Отказавшись, ты тем самым избегаешь налога, его больше не надо платить, отсутствие этого платежа склоняет баланс в положительную сторону. Получается, что избегание действий, облагаемых налогом, играет роль пряника.

Мэри понимала, куда клонит Дик, однако в конце каждого спора их мнения все равно расходились. Возможно, дело скорее в психологии, чем в экономике, но люди предпочитали избеганию издержек получение денег за конкретные дела. Между кнутами и пряниками существовала психологическая разница, пусть даже цифры в бухгалтерской книге мало различались. Одно тебя кормит, второе бьет по голове. Совершенно не то же самое. Мэри приводила довод снова и снова, Дик улыбался в ответ своей чудаковатой улыбкой экономиста, словно признавая фундаментально отвлеченный характер экономической науки, как если бы она была мнением марсиан или полезным, но оторванным от реальности советом ИИ. Последнее более или менее было правдой.

Кстати о пряниках: у нефтяной промышленности имелись оборудование и опыт, которые

можно было перенацелить с выкачивания нефти на перекачку воды. Гонять по трубам воду намного проще. И это здорово, потому как перекачка воды из океана в Антарктиде потребует феноменальных усилий. Даже в том случае, если эти усилия ограничатся выкачиванием воды из-под нескольких крупных ледников, потребуется масса насосов.

Если нефтяная промышленность будет вынуждена прекратить почти всю добычу нефти, их можно привлечь к выкачиванию воды. Или погружению уловленной двуокиси углерода в отработанные нефтяные скважины. Прямое улавливание углекислого газа из атмосферы все больше представлялось важной частью глобального решения, однако, если его довести до масштабов, отвечающих размерам проблемы, в итоге возникнет огромное количество сухого льда, который куда-то надо будет девать. Закачивание углекислого газа под землю решило бы проблему хранилищ. В одном смысле закачивание вместо выкачивания было бы проще и дешевле добычи нефти, в другом — труднее и дороже. Однако в любом случае нефтяники пользовались бы уже существующей технологией, мощной и широко распространенной. Если

нефтяной отрасли заплатить за предоставление своей техники для решения насущных задач, выиграют все.

Адвокаты и управленцы сектора углеводородного сырья проявили интерес. Частные компании увидели в предложении министерства палочку-выручалочку для перехода к постнефтяному бизнесу. Государственные компании заинтересовала идея компенсации за бездействующие активы, под которые они набрали кредитов, подчиняясь безудержной финансиализации, характерной для того времени. Получить деньги за перекачку воды из океана в некий сборный бассейн? За нагнетание углекислого газа в скважины? Сколько? И кто оплатит начальные расходы?

— Вы и оплатите, — сказала им Мэри.

— С какой стати? У нас нет денег.

— Потому что, если откажетесь, мы вас затаскаем по судам. Деньги у вас есть. На начальные расходы по трансформации вам хватит, и, если вложитесь, мы заплатим гарантированной валютой, поддержанной всеми центральными банками мира, стоимость которой будет только увеличиваться. Таково исконное свойство этой денежной единицы — верная ставка, что бы ни случилось.

— За исключением краха цивилизации.

— Да. Если хотите, можете сыграть на понижение в отношении будущего цивилизации. Неплохая ставка, что и говорить. Вот только кто выплатит навар? В то время как в случае длинной позиции и выживания цивилизации ваш ждет огромный куш. Поэтому умнее играть в долгую.

Играйте в долгую. Мэри часто ловила себя на том, что повторяет эту фразу. Боб Уортон назвал ее «дальним навесом Мэри». Странно уговаривать играть в долгую мужчин среднего возраста, холеных, катающихся как сыр в масле в своем богатстве и, как подсказывала их аура, сексуально удовлетворенных; если убедить их играть в долгую, это могло вызвать то, что кто-то назвал «эрекцией сердца». Ну, раз уж она завлекала их к уверенному проникновению в мир, в тело праматери Геи, такое великое, живое и грозное, то пусть будет так. Что с того? Мэри не питала иллюзий, что сама она — издерганная, уже не молодая женщина-бюрократ из хромоногой беззубой международной организации — могла сойти в глазах этих мужчин за дублершу Матери Земли. Но все же она женщина или, по выражению пиратов Пензанса насчет глуховатой служанки Рут,

«полнейший раритет»[15]. Мэри могла немного на этом сыграть и играла.

Она устраивала безжалостные порки — исключительно из типично ирландского презрения к притворству, которого хватало на таких встречах. Другими словами, мужчины, с которыми она имела дело, были ей противны, однако приходилось преследовать более высокие цели.

В кабинет заглянула Янус-Афина. Она выглядела противоположностью эротическому напору банкиров-мужчин, проект ИИ задумывался так, чтобы сгладить гендерные различия, создать личность, балансирующую в крайне узком промежутке, где пол невозможно доподлинно определить. Что само по себе, надо полагать, было новым гендером. Мэри и сама бы не поверила в существование этого промежутка, если бы не видела Янус-Афину воочию каждый день, совершенно непостижимую в половом аспекте или, выражаясь точнее, начисто лишенную преобладания мужского либо женского начала. Такое можно было сотворить лишь в результате продолжительных, хитроумных опытов.

Мэри посмотрела на эксперта-ИИ с обычным

[15] Примечания: 15

«Пираты Пензанса, или Раб долга» — комическая опера в двух действиях на музыку Артура Салливана.

любопытством. Ее подмывало спросить: «Я-А, какой пол тебе присвоили по рождению или никакого вообще?»

Однако такой вопрос шел вразрез с правилами общения, заданными ею самой, Я-А или обществом в целом. Подобный вопрос мог означать неуместное вмешательство, если не помеху для нормальной работы Я-А. Не исключено, что Я-А много раз об этом спрашивали — прямо или намеками, однако Мэри не собиралась этого делать. Важнее просто принять непохожесть ИИ и правила игры.

— Что у тебя, Янус-Афина?

— Группа ИИ готовит инструменты с открытым исходным кодом, имитирующие функции всех крупных социальных сетей.

— Чтобы люди перешли на новую сеть?

— Да. Она будет охранять личные данные с помощью квантовой криптографии.

— Значит, Китай, скорее всего, не допустит ее использования своими гражданами.

— Возможно. На Китай сильно давит необходимость перемен, так что пока неясно, к чему это приведет. Для всех остальных пользование этой сетью означает, что люди сами будут распоряжаться личными данными, их никто не сможет

использовать и отслеживать. Продажа личных данных все еще будет разрешена, но в добровольном порядке. Этой меры, надежного шифрования и общественного владения сайтами по принципу общинного пользования должно хватить, чтобы их полюбили все пользователи мира. Достаточно объявить новость, упростить доступ, назначить дату, подготовиться к первому наплыву — бах, дело сделано.

— Много ли пользователей, на твой взгляд, перебежит в новую сеть?

— Половина, возможно, немедленно. Через несколько лет — все.

— Отсечем башку «Фейсбуку»?

— И всем им подобным.

— Причем их заменит система, которой владеют сами пользователи?

— Да. Открытый исходный код. Блокчейн. Глобальный кооперативный союз интернета — ГКСИ.

— Ты думаешь, это хорошее название?

— А разве «Фейсбук» хорошее название?

— Лучше, чем ГКСИ.

— Ладно, придумаем другое. Если получится, сеть станет операционной платформой МКС.

— Чего-чего?

— Международного кредитного союза, народного банка. Моя группа уже разработала и этот проект. Параллельный банкинг и всякие кредитные кооперативы существовали и раньше. МКС не будет похож на обычный кредитный кооператив, потому что это открытая сеть физических лиц, занимающихся децентрализованной выдачей кредитов и долей карбон-койна друг другу по предъявлению надежных доказательств успешного сокращения выбросов. Люди хранят сбережения и создают новую стоимость в распределенном реестре, которым владеют сами клиенты и работники. Банкинг — одна из функций личного аккаунта «YourLock». Инвестиции осуществляются взвешенно коллективным разумом, разновидностью всепланетного разума, который всегда финансирует действия на благо биосферы. К тому же куда еще идти, если все вдруг одновременно изымут свои вклады из ныне существующих частных банков? Обычные банки сами набрали столько кредитов, что сразу же пойдут на дно. А у физических лиц появится надежная гавань. Банки, ориентированные на прибыль, кинутся в центральные банки, будут умолять спасти их от банкротства, законодатели запаникуют и позволят центробанкам нарисо-

вать столько новых триллионов денег, сколько те запросят. До сих пор все работало именно по такому шаблону. Поэтому, прежде чем начинать спланированную атаку на частные банки, сначала надо подготовить безопасное убежище. После чего можно предложить законодателям утвердить новую волну количественного смягчения по просьбе центральных банков, но только в обмен на выкуп долей.

— Другими словами, национализировать банковскую сферу.

— Да, но это упрощенное представление. Центральные банки вступят во владение частными банками путем их спасения от банкротства и гибели. Это не так уж плохо, однако законодателям необходимо перевести центральные банки своих стран в свою собственность и усилить политический контроль. Два шага в одном. Сделать надо и то, и другое.

— А получится?

— А сейчас получается?

Мэри вздохнула.

— Аргумент принят. Можно в названии как-то отразить завтрашний день? Ведь мы Министерство будущего.

Интерфейс можно было бы назвать… не знаю…

Детки, владейте вашими данными. ДВВД?

— Какой ужас!

— Не у всех получается хорошо придумывать названия.

— Я заметила. — С другой стороны, Янус и Афина никак друг с другом не связаны тоже. Но ДВВД вообще ни о чем. — Давай устроим игру. Собери своих на ужин в «Трес Килос» — посмотрим, что они придумают.

— Только если вы оплатите счет. Хозяева своей выпивке цены не сложат.

— Идет.

— Так как насчет проектов?

— О да. Давай пробовать. Надо же что-то делать. Мы все еще отступаем.

В тот вечер, в «Трес Килос», после нескольких кувшинов коктейля собравшиеся накидали несколько вариантов названий идущей на смену «Фейсбуку» сети. Мэри нацарапала ответы на салфетке: «Дата-Форт», «Плюрибус Унум», «Мы Не Чат», «Есть Контакт», «Надежная и Выгодная Универсальная Замена Множества Ваших Дурацких Социальных Сетей», «Тотальный Шифр», «Крепость-Семья», «Семья-Крепость», «Союз Домохозяйств», «Скайнет», «Космическая праща», «Мы Мир, Мы Народ», «Пуркуа Па», «Зарабатывайте,

Убивая Время!».

— Поиск пока продолжается, — подвела итог Мэри, прочитав список на салфетке. — Хотя «Мы Не Чат» мне нравится.

55

La Vie Vite! Время, вперед!

С движением «Желтых жилетов» подход к борьбе изменился в сравнении с маем 1968 года и стершимся примером Коммуны 1848 года, не говоря уже о революции 1793 года, ставшей, по сути, частью древней истории, хотя ввести гильотину для климатических преступников, попрятавшихся в особняках-крепостях на своих островах, явно не мешало бы. Нет-нет, мы живем в современном мире: нам приходилось день за днем идти на улицы, говорить с простым народом — застрявшими в пробках водителями, прохожими на тротуаре, пассажирами на платформе метро. Работа как работа. Наше время не революция, а мы не партия. По крайней мере так было в самом начале.

Мы быстро заметили, что люди сами стремились к разговору. Все понимали, что их используют, превратили в орудия. Я сам был еще салагой, на улицу меня толкала ненависть к школе, где меня всегда держали за дурачка. С самого начала жизни меня определили в низшее сословие, колея заранее намечена — прямиком в холопы,

до моих мыслей и чувств никому не было дела. Поэтому первым этапом бунта стал побег из школы. Хотя должен признаться: впоследствии я стал учителем.

Не помню уже, по какой причине, но все решили идти на Париж. Куда еще ходят во Франции? Нам не требовались подсказки. Троцкий говорил, что партия всегда пытается угнаться за массами. Стратегия рождается снизу, тактика — сверху, а не наоборот, и мне кажется, так было и с нами, произошло знаковое событие или события, вымер какой-нибудь дельфин, утонула еще одна лодка с беженцами, кто его знает, может, люди просто потеряли работу, но вдруг все вместе мы двинули на Париж. Нередко, когда на трассах возникали пробки, шли пешком. Прибыв на место, мы, разумеется, не могли выступить против полиции или армии, это было бы самоубийством, против них лучшее средство — массовка. Наших собралось так много, что их уже никто не мог остановить, все застопорилось. На этом этапе проблемы буквально появлялись из-под земли и бросались в глаза. Одни — вопрос простой логистики, еды и туалетов. Другие — идеологического плана. Чем моложе участники, тем большего они требовали. Пожилые всего лишь надеялись на

некоторые улучшения. Начались традиционные междоусобные распри, однако надо сказать, что битвы в основном велись на словах, а не как во времена Франко в Испании, когда люди убивали друг друга или наблюдали, как людей убивали русские. Предоставленная самой себе Франция стала настоящей родиной революции. Наступил наш черед показать, чего можно добиться в наше время. Мы захватили город, Париж был наш хотя бы ввиду огромной массы народа, запрудившей улицы. Разумеется, некоторые из нас читали о Коммуне и понимали: если не одержать решительную победу, нас отловят и перебьют по одиночке или в лучшем случае пожизненно упекут в тюрьму. Выбор стоял: победа или смерть. Мы засучили рукава, начали создавать альтернативную систему жизнеобеспечения, некий вид общины, без капитализма и даже без денег, просто люди делали все необходимое, чтобы прокормить остальных. Надо признать: многие парижане приходили и помогали, готовили еду, предоставляли жилье, стояли на баррикадах, мы поняли, что дело не только в нас, тех, что на улицах, вся Франция была с нами, возможно, даже весь мир, — трудно сказать. То, что тогда происходило, вызвало у меня в душе самое жгучее

и важное чувство, сильнее которого я ничего в жизни не ощущал, — чувство солидарности. Мы видели, как много людей с нами заодно. Париж стал общинной территорией, вся Франция ею стала. Так это ощущалось. Позже выяснилось, что чувство это было субъективным, но пока сохранялась эта атмосфера, жизнь была чудесна.

И утомительна. Жизнь без привычек, ежедневная импровизация, поиски душевой, еды и ночлега отнимали больше сил, чем если бы я был рабом на зарплате. Намного больше. Однако люди понимали важность этих усилий, они повсюду бросали свои занятия и делились, чем могли, и это было правильно. Мы изобретали все новые способы самоотдачи. Мы полагали, что это чисто французская черта, своеобразная политическая импровизация, пронизывающая всю нашу историю и даже язык, что она поможет нам, если ее осознать и воспользоваться ею.

Помощь поступала из самых неожиданных мест. Когда отрубили интернет, Союз корректоров, бывшая организация анархистов, что смешно само по себе, выполз из своей крохотной ниши в издательском секторе и обклеил весь город прокламациями — все стены как в настоящем мире! Нам стало ясно, что социальные сети за-

ставили нас позабыть о многих вещах, которыми мы могли бы сами управлять — по крайней мере иногда. Простые беседы, разумеется, сильнее всяких чатов, это было так очевидно, когда мы снова стали их вести, а плакаты на стенах превратили в эсэмэски все городские стены, как уже не раз случалось в прошлом.

Однако правые исподтишка снова копили силы. По правде говоря, наши тылы не позволяли поддерживать текущее состояние вечно. У нас не было четкого плана смены правительства, мы спорили между собой, каким путем идти дальше. Движение без вожаков — хорошая мысль в теории, однако наступает момент, когда нужен план. Как его составить, непонятно. Государственная власть — винегрет из собственно правительства и всех его частей: армии, финансов, народной поддержки; чтобы движение вперед не прекращалось, все это должно взаимодействовать. В нашем случае сторонники начали жаловаться, что не могут больше ходить в свою кондитерскую, раньше она была открыта, а теперь нет, и так далее. Без плана, без дальнейших шагов после успешного захвата или создания Коммуны людей охватывает безнадега, и они начинают сваливаться к центру. Кто-то сказал, что во Фран-

ции центр это не правые и не левые. Начались неприятности.

Однажды вечером полиция дождалась полуночи и пошла в атаку. Перечный газ, мужики со здоровенными щитами, как римские легионеры из кошмарного сна. Я схватил булыжник, но в последний момент передумал бросать, представив себя раненым, угоди этот камень в меня самого. Поэтому я бросил его на землю и заплакал от ярости из-за собственной неспособности сражаться, потом лег вместе с остальными на землю, вынудив полицейских тащить нас волоком в свои фургоны. Они били нас дубинками и брызгали слезоточивым газом прямо в лицо — удивительно больно, все лицо содрогалось от конвульсий, слезы текли из глаз, носа и рта, даже как будто из макушки текли. Но все это время я продолжал думать: ни фига, мне наплевать, я не сдамся; если меня убьют прямо здесь, то я хотя бы погибну за правое дело, в которое верю. В конце концов, нам просто связали за спиной руки и уволокли. Фургонов было очень много.

Когда все закончилось, раздавались только крики, люди кричали непрерывно. Потом все спорили о происшедшем и значении этих событий. Но я-то знаю, что в наших действиях был смысл

и что нас в тот момент поддержали простые парижане, особенно женщины, они-то и были настоящими организаторами, а не ораторы перед микрофонами. А теперь многие из нас снова надели желтые жилеты, говорят с водителями на перекрестках, наши идеи многие поддерживают. Один водитель, когда движение остановилось, высунулся из окна и сказал: «Все зависит от того, как мы будем поступать с землей, революция произойдет в этой сфере». Другой сказал, что раз он не хозяин учителя своих детей или семейного врача, то и домом владеть не обязательно. Хорошо бы только отдавать квартплату обществу, а не домовладельцу.

Может быть, однажды солидарность победит разобщенность. Я на это надеюсь. Во время захвата Парижа я не требовал реформ, я хотел чего-то совершенно нового. Теперь же я думаю: если основы будут работать как следует, то уже хорошо, это заложит фундамент лучшего мира. Мне не нравится думать, что я сдался, просто я стал реалистом. Мы должны передать этот мир детям и последним уцелевшим животным, позволить им выжить. Довольно скромное желание.

Естественно, всегда будет сопротивление, попытки подтолкнуть движение к целям поинте-

реснее. Мертвая рука прошлого тащит нас назад с помощью тех ныне живущих, кто страшится перемен. Поэтому ничего не меняется, жить в такое время очень тяжело. Тяжело, пожив двести дней в Париже другой жизнью, в другом мире, возвратиться к прошлому обуржуазившемуся состоянию и не почувствовать себя побежденным. На мгновение все казалось возможным, я дышал свободой. Чувства были остры, как в юности, я впервые говорил с миром без посредников, впервые был не школьным дурачком, но реальной личностью с настоящей жизнью. Эти семь месяцев определили мою судьбу, я их никогда не забуду и никогда не буду прежним. Хочу лишь надеяться, что доживу до того дня, когда восстание повторится. Тогда я обрету счастье.

56

Международный уголовный суд был создан на основании самостоятельного международного договора отдельно от ООН для преследования преступлений, выходящих за рамки судопроизводства конкретного государства. Суд должен был рассматривать индивидуальные нарушения уголовного права и эффективно работал только в случае маловероятного совпадения целого ряда факторов. США и несколько других крупных стран вышли из юрисдикции суда после вынесения обвинительных приговоров нескольким их гражданам.

Международный суд, который правильнее называть Международным судом Объединенных Наций, был, наоборот, создан при участии ООН, поэтому все государства — члены ООН в теории обязаны выполнять его решения. Однако он создавался для арбитражного решения межгосударственных споров, и ни одному органу ООН не разрешалось возбуждать иски в этом суде. Министерство будущего было учреждено для исполнения Парижских соглашений, однако само

Парижское соглашение заключалось под эгидой Объединенных Наций, поэтому министерство тоже не имело права возбуждения исков в Международном суде.

В конечном счете какое-либо государство могло преследоваться в законном порядке только другим государством, но не ООН и не физическим лицом. Более того, государство-ответчик должно было заранее признать юрисдикцию Международного суда. Для преследования конкретного лица вне национальной системы судопроизводства требовалось, чтобы иск был принят одним из международных судов, чего, как подсказывала история, добиться было непросто. Короче, оба международных суда, заседавшие в Гааге, плохо подходили на роль вершителей климатического правосудия.

Этот расклад вызывал у Татьяны растущее раздражение. Положим, министерство основали с тем, чтобы представлять людей будущего и саму биосферу как истцов. Прекрасно. Но в каком суде?

Татьяна дописала концовку отчета для Мэри:

— Если судебное разбирательство будет происходить в различных национальных судах, несмотря на глобальный характер преступления

и на то, что его совершало то самое государство, в чей суд был подан иск против него, итог разбирательства будет заранее предрешен.

— Если получится убедить государство, подписавшее соглашение, подать жалобу во Всемирную торговую организацию на то, что разрушение биосферы противоречит правилам ВТО о хищническом демпинге, жалоба будет рассматриваться настолько муторно и медленно, что ее можно считать бесперспективной.

— Тем временем компании, добывающие природные виды топлива, продолжают вкладывать огромные суммы на подтасовку выборов, подкуп политиков, приобретение СМИ и обеспечение общественной поддержки. Даже садясь с нами за стол переговоров, они не отказываются от этих агрессивных действий. Ведь лучшая оборона — это нападение.

— Последнее одинаково справедливо как для них, так и для нас.

Перечитав пассаж, Мэри заскрипела зубами. Бойца отважнее Татьяны следовало еще поискать. А уровень углекислого газа в атмосфере тем временем уже составлял 463 части на миллион.

Обвальное сокращение популяции насекомых привело все сухопутные экологические системы

Земли на грань коллапса. Коллапс означал бы, что большинство ныне живущих биологических видов безвозвратно исчезнут. Сохранившиеся виды беспрепятственно расползутся, заняв все освободившиеся экологические ниши, будут множиться, плодиться и ветвиться, так что через двадцать миллионов лет, а может быть, всего два миллиона, биосферу полностью захватит набор видов с совершенно иными характеристиками.

Мэри ответила на записку Татьяны указанием: отбери десять наиболее выгодных, с нашей точки зрения, национальных дел. Сделай все, чтоб их поддержать.

Мэри передернулась от сознания несоразмерности и тщетности своих усилий. Надеясь уравновесить это чувство, министр созвала заседание «прикатной» группы — группы по природным катастрофам. Название себя не оправдывало, правильнее было назвать ее группой по рукотворным катастрофам. Группы по инфраструктуре и экологии она тоже позвала. Нужно отвлечься от юридических абстракций.

Участники с энтузиазмом обсуждали сельское хозяйство с отрицательным уровнем выбросов, экологически чистую энергию, флотилии парусных судов, эскадры аэростатов, производ-

ство взамен цемента углеродных материалов из углекислого газа, высосанного из атмосферы, что позволяло улавливать двуокись углерода напрямую и давало материалы для будущего строительства, недорогие экологически чистые опреснительные установки, очищение воды, напечатанные на трехмерных принтерах дома, туалеты и канализацию, всеобщее образование, развертывание широкой сети медучилищ и медучреждений, восстановление ландшафтов, коридоры между природными зонами обитания животных, сосуществование сельского хозяйства и таких зон…

— Хорошо! — оборвала поток предложений Мэри. Ей показалось, что работники этих направлений заскучали от беспризорности. Ее ум слишком долго занимали финансы. По меткому выражению Боба Уортона, хорошими новыми проектами, уже изобретенными и ожидающими внедрения, можно было заполнить энциклопедию средних размеров. — Я согласна: полезных проектов бесконечно много, не хватает только денег. Но что нам посоветовать национальным правительствам прямо сейчас?

— Устанавливать все более жесткие нормативы углеродных выбросов в шести направлениях, где

они самые высокие: и не успеешь оглянуться, как выбросы станут отрицательными и начнется возврат к 350 частям на миллион, — предложил Боб.

— В шести направлениях? Каких?

— В промышленности, на транспорте, в землепользовании, строительстве, пассажирских перевозках и в межотраслевой сфере.

— Межотраслевой?

— Куда входит все, что не уместилось в первых пяти. Великое «и т. п.».

— И этих шести должно хватить?

— Да. Сокращения в шести областях в десяти странах с крупнейшей экономикой покроют восемьдесят пять процентов всех выбросов. А если подпишется «большая двадцатка», вопрос, считай, решен.

— И как добиться сокращений в этих шести областях?

Все хором заявили: потребуются одиннадцать шагов — система тарифов за выбросы углерода, стандарты эффективности промышленного производства, правила землепользования, регулирование выбросов вследствие технологических процессов, дополнительные меры в энергетике, стандарты для проектов возобновляемых энергоносителей, строительные

нормы и правила, стандартизация строительных машин, стандартизация экономии горючего, усовершенствование городского транспорта, электрификация средств транспорта и система штрафов-скидок, другими словами, возвращение налогов на выбросы углерода потребителям. Короче, нужны законы, регламентирующая правовая база, которая уже подготовлена и готова к принятию.

— Ваш список напоминает молебен за здравие, — заметила Мэри.

Да, признали члены штаба, в этом наборе нет ничего нового. Министерство энергетики США подготовило эти рекомендации довольно давно, однако роль аналитического требника они еще могут сыграть. Рабочая группа Евросоюза подготовила похожий документ. Ни происхождение проблемы, ни ее решение не были загадкой.

— И все равно нет никакого прогресса, — констатировала Мэри.

Чтобы был прогресс, надо преодолеть сопротивление, напомнили ей.

— Воистину, — согласилась Мэри. Они застряли в лабиринте, подхвачены лавиной, которая неудержимо несет их вниз, дальше точки невозврата. Министерство терпело поражение, про-

игрывая тем, кто очевидно не желал видеть, что ставкой в игре было выживание планеты.

Мэри спустилась к парку на берегу озера. Присев на скамью, посмотрела на статую Ганимеда, протягивающего руку к орлу, на белых лебедей, кружащих вокруг крохотной пристани в ожидании хлебных крошек. Прекрасные создания. Белые фигуры на черном фоне воды выглядели как гости из параллельной реальности. Не удивительно, что они отталкивают воду и солнечный свет, а может быть, даже светятся сами. Неземные существа.

Заходить сверху бесполезно. Парламентарии продажны. Раз не получается сверху, надо действовать снизу. Как смерч. Чьи это слова? Смерчи начинаются на поверхности, хотя в атмосфере должны сложиться благоприятные условия. Начать с народных масс. С молодых? Чтобы молодые не просто собирались на демонстрации, а меняли образ жизни? Селились вместе в маленьких домах, работали на «зеленых» рабочих местах в кооперативах и не ждали, что на них однажды прольется золотой дождь наподобие выигрыша в лотерею? Мир без единорогов, на спине везущих молодежь в рай, — не много ли она нафантазировала? Оккупировать офисы всех

политиков, победивших на выборах с помощью «углеродных» денег и голосовавших за ограничение сокращения выбросов одним процентом? Устроить мятеж-забастовку?

Почему план действий снизу не вырисовывается? Из-за ее собственной некомпетентности или потому, что такова реальность?

Перед ней вырос Бадим.

— Не против, если я присоединюсь?

— Нет. Присаживайся. — Мэри похлопала по месту на скамье рядом с собой. Наверное, спросил у телохранителей, где ее найти. Неприятная мысль, однако Мэри была рада появлению коллеги.

Бадим уселся на скамье, охватил взглядом красивый вид.

— Кем, говоришь, был Ганимед? — спросил он, кивнув на статую.

— Кажется, одним из любовников Зевса.

— Гомик?

— Древние греки мыслили другими категориями.

— Пожалуй. Зевс, помнится, любил насиловать своих любовников?

— Не всех, лишь некоторых, если я не ошибаюсь. Трудно сказать. В ирландских школах эту

тему не проходят. Как насчет индийских?

— Я вырос в Непале. Тоже нет. Греческую мифологию у нас не преподавали.

— А индуистскую? Там ведь есть шаловливые божества?

— Еще сколько! Хотя я в этом особо не разбираюсь, боги и богини были для нас как семья, дальние родственники. Героические, благородные. Горделивые, глупые. Невольно задумываешься, какими были те люди, что пересказывали друг другу столь скучные истории — ни дать ни взять мюзиклы Болливуда. Бесконечная мелодрама. Я ими никогда не интересовался.

— А что тебя интересовало?

— Механизмы. Я хотел, чтобы мой город был похож на западный. Был чистым, удобным, полным сверкающих зданий и трамваев. С подвесной канатной дорогой. Каждый день по дороге в школу мне приходилось сначала подниматься в гору на четыреста метров, потом спускаться. Поэтому я желал жить в месте, похожем на Цюрих. Переселиться из прошлого в настоящее. У меня было такое чувство, словно я застрял во временном тупике, в средневековье. В телевизоре показывали современный мир, но наш был не таким. Никаких туалетов и антибиотиков, люди постоянно

мерли от элементарного поноса. Часто болели, быстро изнашивались и умирали, не дожив до старости. Я хотел все это преодолеть.

— Тебе повезло. Ты хотя бы чего-то хотел.

— Ну, не знаю. Жажда перемен способна сделать человека не менее несчастным. Я был несчастен. Бунтовал.

— Счастье слишком переоценивают. Разве человек бывает по-настоящему счастлив?

— Я считаю, что да. По крайней мере на первый взгляд. — Бадим жестом показал вокруг.

Цюрих солиден, красив. Но счастливы ли его жители? Трудно сказать. Швейцарское счастье выражалось приподнятием краешков губ, стуком пивной кружки о стол после затяжного глотка. Ух! Genau! Или неодобрительным взглядом из-под слегка нахмуренных бровей при редком столкновении с мелкими недостатками. Мэри нравились швейцарцы, их практичность. Сдержанные, солидные, не отвлекающиеся на фантазии люди. Разумеется, это стереотипы, и в части жизни, скрытой от всех, кроме самого себя, швейцарцы, несомненно, были мелодраматичны, как звезды оперы. Или звезды итальянских мыльных сериалов, если вспомнить еще одно клише. Пускаясь в размышления о социальных группах, люди не

придумали ничего лучше кроме упрощенного коллективного образа, который при необходимости легко переделывался в образ врага.

— Трудно сказать, — повторила Мэри вслух. — Люди, у которых все есть, кому нечего желать, обречены. Счастье — когда ты чего-то хочешь и твой труд приближает тебя к цели.

— Главное — стремление?

— Да. Стремление к счастью и есть счастье.

— Значит, и мы должны быть счастливы!

— Верно, — грустно ответила Мэри. — Только если мы к чему-то приближаемся. Если ты к чему-то стремился, но намертво застрял, в этом нет никакого движения к цели. Это обыкновенный тупик.

Бадим кивнул, с любопытством поглядывая на статую.

Мэри показалось, что он явился не зря и сейчас скажет что-то важное, однако Бадим молчал. Министр некоторое время смотрела на него. В Непале подняли мятеж маоисты, убив за десять лет тринадцать тысяч человек. Одни скажут — много, другие — недостаточно.

— Я вижу, что люди не сидят сложа руки, — сказала Мэри. — Давос захватили, устроили богатым счастливчикам лагерь перевоспитания. В духе

Че Гевары, но со всеми удобствами. Потом вдруг самолеты начали падать.

— Это не мы! — вскинулся Бадим.

— Не вы? Аварии напрочь подкосили авиатранспорт. Минус десять процентов выбросов за один день.

Бадим покачал головой, удивленный, что ей могла прийти в голову подобная мысль.

— Я бы на такое не пошел, Мэри. Задумай мы столь насильственную акцию, я бы сначала с тобой посоветовался. Нет, правда, мы такими делами не занимаемся.

— А якобы ЧП, происходящие с нефтяными магнатами?

— Мир велик, — уклончиво ответил Бадим.

«Ага, — подумала Мэри, — старается не подавать виду, что смутился».

— Ладно. Что ты хотел сегодня обсудить? Почему разыскал меня и пришел сюда?

Он посмотрел ей в глаза.

— У меня есть одна мысль. Хотел поделиться.

— Говори.

Бадим некоторое время смотрел на город, серый Цюрих.

— По-моему, нам нужна новая религия.

Мэри уставилась на него в недоумении.

— Неужели?

Бадим выдержал взгляд.

— Ну, или не новая. Можно старую, даже старейшую. Но вернуть обязательно надо. Потому что без веры никак. Людям требуется верить в нечто большее, чем они сами. Все эти экономические планы смотрят на жизнь через призму денег и личной выгоды, люди на самом деле не такие. Ими движут другие причины. В основном другие. Религиозные, духовные.

Мэри неуверенно покачала головой. Ее досыта накормили религией в детстве. Ирландии религия принесла мало пользы.

Бадим заметил ее реакцию и погрозил пальцем.

— Вера занимает огромную часть мозга, знаешь ли. Когда ты ощущаешь эти эмоции, височная доля головного мозга пульсирует, как строб-лампа. Преклонение перед величием, эпилепсия, графомания…

— Не очень обнадеживает.

— Да, можно заехать и не туда, но это все равно важно. Дух — сердцевина личности, определяющая принятие решений.

— Ты действительно хочешь изобрести новую религию?

— Нет, вернуть старую. Самую старую. Она нужна нам.

— И как ты намерен это сделать?

— Позволь поделиться кое-какими задумками.

57

Год спустя я вернулся помочь проводить эксперимент с перекачиванием воды, хотя всем и так было ясно, что это безумная затея. Десять миллионов ветровых турбин? Тысяча трубопроводов? Держите карман шире. Чудес не бывает.

Но кто-то же должен проводить эксперимент. Финансирования хватало еще на один сезон. Мы опустили патрубок насоса по скважине в морскую воду под ледником. Вдоль трубопровода поднялись на белый холм. Трубы проложены прямо на поверхности, под снегом или льдом тепло сохраняется дольше, чем на воздухе. И все-таки значительную часть бюджета приходилось тратить на обогрев труб, чтобы их не закупоривала замерзшая вода. Остаток энергии уходил на перекачку воды вверх по склону холма. Вода тяжела, Антарктида гориста. Ну да ладно. Кому эксперимент, а кому мартышкин труд — все зависит от точки зрения.

Некоторые спецы предлагали генерировать электричество из морских течений. Антарктическое течение опоясывает континент — если

смотреть сверху, то по часовой стрелке, — и проходит через пролив Дрейка. Если получится генерировать электричество в участках пролива с сильным течением — отлично. Однако никто из наших в это не верил. Море проглотит все, что ему подсунут, к тому же, чтобы произвести нужное количество электроэнергии, потребовалось бы столько турбин и такого размера, что об этом можно было сразу забыть.

Были еще чудаки, всерьез мечтавшие о космических электростанциях. В основном русские. Русские давно использовали орбиту «Молния», пролегающую практически над полюсами, для спутников связи. Аппарат на эллиптической орбите проходит вблизи от Земли дважды в сутки. Россия запускала спутники с солнечными панелями и УКВ-передатчиками, чтобы передавать электроэнергию на Землю. Приемные ультракоротковолновые станции предполагалось разместить вблизи антарктических насосов и нагревателей; энергия, полученная из космоса, помогла бы качать воду в гору и в глубь материка даже долгой арктической зимой.

Все может быть, сказали мы. Да только солнечную энергию из космоса вряд ли так легко получить. Улавливание, передача, прием —

сплошные проблемы.

Даже если найдется надежный источник питания, на другом конце трубопровода должны дежурить люди — следить, чтобы вода выливалась наружу. Мы провели и эти испытания — вид очень странный: типичное полярное плато, как на планете Зеро, белая равнина в застругах от горизонта до горизонта, с очень низким куполом синего неба потрясающей красоты, чувствуешь себя Маленьким принцем, даже приходится себя щипать время от времени и быстро шевелить пальцами, как Пит Таунсенд[16], чтобы согреться, там чертовски холодно, знаете ли, — а тут эта труба, как дурной сон о нефтяных трубопроводах Аляски. Кошмар, да и только.

Когда вода выливается из трубы, от нее на сухом арктическом воздухе дико валит пар, она плюхается на лед и течет вниз, как и предполагалось — мы специально направили носик на пологий скат холма. Уклон этого горе-холма составлял примерно два метра на километр длины, лучшей точки в этой местности все равно не найти. Нас поразило, как быстро замерзала вода. Зря удивлялись — большинство видели старый

[16] Примечания: 16
Лидер рок-группы «Who».

полярный трюк, когда из помещения выносят кастрюлю с кипятком, выплескивают воду в воздух, и она на лету превращается в пар, трещит и падает на землю кусочками льда. Этот фокус всегда поражает воображение, хорошо подходит для розыгрыша. Мы прикинули: если лить воду как из пожарного шланга или канализационного выпуска, она будет замерзать медленнее.

Не тут-то было. В реальности лед накапливался горкой всего в нескольких метрах от конца трубы, образуя низкую дамбу на пути водотока, из-за чего незамерзшая вода поступала обратно к трубе и мимо нее, в противоположном направлении. Нетушки!

Мы поспешили к дамбе и попытались ее взломать, итог вы можете себе представить. В суматохе, пока мы в легкой панике кричали друг другу что делать, Джорди вдруг заорал: «Ребята, я застрял! Помогите!»

Он стоял рядом с выходным отверстием по щиколотки в воде, которая теперь превратилась в лед, приковав его к месту. Вода с каждой секундой покрывала его ступни все больше. Караул!

Мы смеялись, ругались, пытались вырезать его изо льда — все впустую. Джорди не грозила непосредственная опасность, но и освободить

его мы не могли. В гонке с растущим слоем льда побеждал лед. Кстати, во время превращения воды в лед выделяется довольно много тепловой энергии. Как ни странно это звучит, происходит некоторое нагревание. Да только при минус 30 градусах это тепло трудно уловить, оно почти ни на что не влияет. Пар оседал на нас инеем, как на чертовы рождественские елки, ситуация наводила на мысль, что Джорди невозможно освободить без отрубания ступней, но тут мне пришла в голову идея. Надо вытащить его из обуви, предложил я. Пусть обувь останется подо льдом.

Легче сказать, чем сделать. Слава богу, на нем были белые армейские ботинки с резиновым верхом, а не гораздо более тесные ботинки альпинистов, как на нас. Мы встали рядом для опоры и сообща вытащили Джорди из ботинок. Он ругался, когда ступни оказались на безумно холодном воздухе. Его пришлось нести на руках в обогреваемый домик. Кто-то еще раньше перекрыл воду — должен признать, что я даже не заметил, ведь мы проводили эксперимент, а мне не нравится резко прерывать эксперименты. Как бы то ни было, ботинки Джорди застряли во льду, Государственный научный фонд не обрадуется и устроит нам взбучку.

Джорди мы спасли, но проблема никуда не делась — вода замерзала слишком быстро, не успевая растекаться по поверхности льда. Дорожки чистят шлангом, усилив напор и водя им из стороны в сторону, то же самое следовало делать с наконечником трубы. Технически это, пожалуй, возможно, но как управлять этим процессом? Ведь он нелинейный. Более крутой склон тоже не помешал бы, да только где его найти на полярном плато?

Мы остановили операцию на неделю, переделали вывод трубопровода, чтобы ходил туда-сюда, как стеклоочистители, разбрасывая воду под давлением. Когда снова включили насосы, вода стала поступать из трубы, стекать вниз по склону и по ходу замерзать, накапливаясь довольно далеко от вывода и образуя ледяные холмики, очередная порция воды обтекала их и двигалась дальше по склону. Мы научились различать места, где она скапливалась, и избегать их.

По нашим оценкам, на любую часть полярного плато можно было вылить и успешно заморозить примерно метровый слой воды. Превышение этого показателя нарушало способность воздуха и льда охлаждать воду. Для этого требовалась очень большая площадь — почти треть террито-

рии Антарктиды.

Полная безнадега. Мы четко определили триаду невозможностей: нехватка энергии, нехватка труб, нехватка территории.

Вывод: прямое перекачивание морской воды не работает. Это решение из области фантастики. Пляжам Земли — жопа.

Многие из нас не желали, чтобы пляжам Земли наступила жопа. Сидя в кабинках наподобие жилых автофургонов с усиленной теплоизоляцией, мы собирались за столом, смотрели в карты и вели разговоры. В географические карты.

В мире есть масса бессточных бассейнов, откуда вода не поступает в моря и океаны. Многие из них, расположенные в северном полушарии, представляли собой пересохшие озера плайевого типа, в конце последнего ледникового периода наполненные водой, но с тех пор полностью или частично высохшие. Люди приложили руку к обмелению Каспийского моря, не говоря уж об Аральском. Таримская впадина полностью пересохла сама по себе. Большое Соленое озеро Юты — остаток значительно более крупного древнего озера, много других мест, в основном в Азии, Северной Америке и Сахаре. Разумеется, кое-где в таких местах жили люди, но их было мало

— слишком много проблем с опустыниванием, а в случае Каспия и Арала — с отступлением береговой линии. Если сложить вместе площади пустующих территорий, получалась внушительная цифра. Теоретически туда можно было закачать огромную массу морской воды. Мы сделали расчеты: рост уровня мирового океана удалось бы сдержать на метр или два. После этого все пустующие бассейны будут заполнены, и мы опять уткнемся в неразрешимую проблему Антарктиды.

Нет. Надо вернуться к идее с выкачиванием воды из-под крупных ледников и сбросом на скальное ложе, чтобы затормозить движение самого ледника. Славек был прав с самого начала. Это единственный реальный метод. Мы подчинялись диктату денег, брали их у всех, кто давал, и выполняли пожелания спонсоров. Миллиардеры, нефтяные компании, Россия и даже Государственный научный фонд говорили: качать морскую воду обратно в Антарктиду — какая классная идея! Вперед! Процессом, чтобы он привел к успеху, должны управлять мы, гляциологи. Давать экспертные рекомендации, направлять деньги туда, где они принесут больше пользы.

Поэтому с наступлением очередного антаркти-

ческого сезона мы приехали еще раз. Ездили мы, конечно, каждый год, однако на этот раз причина была по-настоящему веской. Мы слишком любим Антарктиду и обычно сами ищем повод, чтобы вернуться. Больше науки! Сколько лет антарктическому льду, пять миллионов или пятьдесят? Бурные споры. И так далее. Наука в чистом виде. Новая задача была из области практики. Нас это заинтересовало.

На этот раз мы отправились на ледник Пайн-Айленд, часть Западно-антарктического ледяного щита. Ледниковый поток здесь был узким и быстрым, впадал в океан рядом с островом Пайн-Айленд. Исследования велись на нем уже много лет, поэтому у ГНФ не возникло проблем с логистикой и разбивкой лагеря.

По правде говоря, им не хватило опыта, и нам завезли не все, что требовалось. Наши запросы почти не уступали станции Мак-Мердо — шучу. Просто ГНФ решил: раз уж испытывать новую идею, то лучше сделать это как следует, чтобы извлечь правильные выводы. Сведения, полученные во время первой попытки, потеряли свою ценность, потому что никто не удосужился выяснить, что именно обрушило скважину и почему она пересохла.

Мы привлекли суда, ежегодно в конце лета завозившие грузы на станцию Мак-Мердо, и пару-другую русских ледоколов — наши страны по глупости забросили строительство ледоколов на многие годы и выпускали лишь слабенькие, пригодные только для Арктики, где и льда-то почти не осталось. Зато русские любят ледоколы, они прислали на юг несколько своих гигантских зверюг, чтобы держать открытым фарватер, ведущий к острову Пайн-Айленд, где мы разгружали оборудование и перетаскивали его на ледник тракторами-снегоходами, много лет возившими топливо и снаряжение от Мак-Тауна до станции на Южном полюсе. Обосновались на леднике Пайн-Айленд примерно через месяц после начала летного сезона и открытия Мак-Тауна без особых обломов. Логистика была на высшем уровне.

Я высадился на большой лед в двадцать пятый раз. Включая период жизни на леднике Пайн-Айленд, мой ледяной стаж составит шесть лет — не самый сногсшибательный показатель, но и такой заслуживает уважения. Жена вечно брюзжит. Увы, я не мыслю своей жизни без ледников. И вот я опять здесь, на острове Пайн-Айленд, кочке во льдах, от которой во все стороны горизонта уходят заструги. Надо признать, что все антарк-

тические ледники похожи друг на друга как две капли воды. Сухие долины красивы, однако 98 процентов континента на них не похожи. Кругом, насколько хватает глаз, один лед, покрытый льдом.

Мы установили оборудование у места бурения первой скважины и принялись за работу. Таскали за собой по льду целый поселок, что твоя Баба-яга, тракторы-монстры перевозили с места на место поезда из четырех-пяти домиков. Начали с гор Хадсон и самого острова — прекрасной точки в ледниковом потоке, если прикрепить ледник в этом месте к скальному ложу, движение льда определенно замедлится. Мы поставили кибитки в круг и приступили к делу.

Да, в Антарктиде холодрыга. Об этом легко забыть, сидя в университетском офисе в Луизиане, Пенсильвании, Калифорнии, Огайо или где вы там еще зимуете. Даже когда вам кажется, что в доме у вас холоднее, чем в Антарктиде, скажем, в Бостоне, трудно представить, что такого законченного, пронизывающего, обжигающего холода, как в Антарктиде, нет больше нигде. Приехав и прожив в такой обстановке несколько дней, человек опять забывается. Ничего, ветер быстро напомнит, и вы не станете выходить наружу,

не одевшись потеплее, рискуя обморозиться до такой степени, что при попытке растереть замерзшее ухо, оно отвалится напрочь. Холод здесь везде. Так что заготовьте коллекцию рукавиц и варежек для каждого подходящего случая. Человечество продолжало развиваться даже в ледниковый период. Если холодно, лучше одеваться потеплее — ясное дело.

Ледяной бур устроен не сложнее головки душа, работает медленно, но эффективно. В прошлом приходилось жечь много горючего, чтобы вода в душе не остывала. Теперь питание на обогревающие элементы поступает с солнечных панелей. Талая вода под головкой душа отсасывается, выкачивается из скважины, нагревается и нагнетается обратно, излишек по трубам отводится подальше и там замерзает. По обе стороны острова Пайн-Айленд есть участки, где лед движется медленно, воду можно сбрасывать именно там. По правде говоря, ее было так мало, что место сброса не имело значения. С таким же успехом воду можно было сливать в океан, на его уровне это никак бы не отразилось. Воду из-под ледника реально можно пить.

После захода солнца мы стали использовать УВЧ-энергию, передаваемую с русских спутников,

орбита которых проходила почти над полюсом, она шла на питание насосов и душевых головок. Это тоже был эксперимент — если получится, система сможет работать круглый год.

Первый опыт бурения научил, что в потоке лучше найти цельную глыбу льда, чтобы движение ледника не деформировало скважину. Место было отчасти выбрано по этой причине, мы обнаружили большую глыбу длиной в сорок километров, тянущуюся до обоих краев ледника. 130 км вверх по течению от ледяного шельфа, пара сотен метров над уровнем моря — идеальная позиция.

Расчеты показали, сколько понадобится скважин, на каком расстоянии друг от друга и все такое. Дерзкий замысел: высосать из-под глыбы льда ровно столько воды, чтобы она лишилась водяной прослойки и опустилась всей тяжестью на скальное ложе — с жутким скрипом или треском наподобие визга шин и удара автомобиля об стену. Несмотря на разыгравшееся воображение, нам казалось, что мы как-то почувствуем остановку ледника.

Соображения Славека подтвердились. Роль смазки для антарктических ледников играют примерно шестьдесят кубических километров

воды. Приличный объем: куб льда с гранью четыре километра, пол-Эвереста. Да, качать придется много, но не больше, чем за предыдущий год.

И все-таки это огромное количество воды, пусть даже из расчета на всю Антарктиду. По окружности континента основную массу льда сбрасывали в море около пятидесяти ледников, причем главных виновников было не так уж много. Вот они, начиная с Мак-Мердо и двигаясь по часовой стрелке: ледники Скелтона, Мулока, Бидмора, Карлайона, Берда, ледник Нимрод, ледники Леннокса, Рэмси, Шеклтона, Лив, Акселя Хейберга, Амундсена, Скотта, Леверетта, Риди, ледяной поток Хорлик, ледяные потоки Ван дер Вина, Уилланса, Камба, Биндшадлера, Макайила, Эчелмейера, ледники Хаммонда, Бойда, Лэнда, Холла, ДеВика, Мерфи, Хейнса, Туэйтса, наш Пайн-Айленд; затем в обход Антарктического полуострова: ледяные потоки Дрюри, Эванса, Рутфорда, Институтский, Мёллера и Фонда, ледник Саппорт-Форс, ледяной поток Блэкуолла, ледник Рикавери, ледник Слессора, ледяной поток Бейли, ледник Стэнкомб-Уиллс, ледник Вестстраумен, Ютулстраумен, Энтузиастов, ледники Борхгревинка, Ширасе, Рейнера, ледник Бивер, ледник Вилма, ледники Роберта, Филиппи, ледник Хе-

лен, ледники Роско, Денмана, еще одного Скотта, Андервуда, Адамса, Вандерфорда, Тоттена (самый крупный из всех), Диббла, Франсуа, Мерца, Нинниса, Ренника, Такера, ледник Маринер, ледники Пристли, Ривза, Дэвида, Моусона и Маккея.

В итоге получилось не пятьдесят, а семьдесят четыре. Итак, надо высосать шестьдесят кубических километров воды из-под семидесяти четырех ледников. Подумаешь. Ерунда!

Особенно в сравнении с 3600 кубическими километрами, верно?

Мы наметили пробурить и обсадить двадцать скважин в леднике Пайн-Айленд. После этого выкачать столько воды, сколько получится. Идея была не так уж плоха. В районах выше широты Антарктиды колодцы бурили, вычерпывая невосполнимые запасы воды для ферм, как в бассейне Огдалилла. Это мы умеем! Все проблемы будут решены!

Ладно, не все. Не надо придираться. Если уровень моря поднимется хоть на метр, все пляжи мира исчезнут, а с ними вместе — морские порты, прибрежная инфраструктура, засоленные болота и много чего еще. Как еще в 2016 году заметил в своей работе Хансен со товарищи, если скорость повышения уровня океана будет удваиваться

каждые десять лет, быстро наступит пипец, все прибрежные города мира будут разрушены, ущерба на квадрильоны долларов, если только его вообще можно оценить. Сколько стоит земная цивилизация? Сама попытка ответить на этот вопрос доказывает, что вы дурак — и в моральном, и в практическом плане. Ну, экономисты делают такие расчеты постоянно, но у них работа такая, и они считают, что в этом есть смысл. В данном случае проще развести руками и сказать: цивилизация есть непостижимая для человеческого разума фискальная бесконечность.

Торможение антарктических ледников, разумеется, не остановит повышение уровня моря. Но если замедлить скорость движения самых крупных ледников на девять десятых до той, какой она была в старые добрые времена, уже хорошо. А лучше сделать то же самое в Гренландии, там лед сползает еще быстрее, и хотя его меньше, чем в Антарктиде, если он весь растает, уровень моря повысится на семь метров. Почему бы и там не поработать? Рельеф Гренландии проще, практически это каменная бадья с узкими трещинами. Заделай их, чтобы не пропускали воду, и уровень моря заметно стабилизируется, будет нарастать примерно на миллиметр в год, повышение на

один метр займет тысячу лет. За это время можно связать достаточно углекислоты, чтобы сократить ее содержание в атмосфере до 350 частей на миллион. Черт, да этого времени хватит для запуска еще одного ледникового периода!

Главное, проблема роста уровня мирового океана будет решена, пляжи не исчезнут.

Сегодня вечером в палатке кто-то спросил: так вот чем мы здесь занимаемся? Геоинжинирингом? Да какая разница! Что в имени? Пусть это будет Глобальная Единовременная Операция, Санкционированная Тронувшимися От Паники Правительствами И Напуганными Государствами — ГЕО-СТОППИНГ. Называйте как хотите, только не надо сжимать очко и голосить о невозможности предвидеть последствия, о том, что наши действия вызовут ответку, которая окажется хуже задуманных действий и так далее. Есть якобы вещи, которые человеку не положено знать — ага-ага. Нам положено знать все, что можно установить. Хватить малодушничать. Я первый скажу вам, какие побочные эффекты можно ожидать от замедления ледников в Антарктиде — никаких! Вообще. Кроме того, что пляжи и прибрежные города не уйдут под воду.

Раз план реален, а он, похоже, реален, то мы

его выполним. Наша группа относительно мала. Проект дорог, но он нам по зубам. Достаточно пробурить несколько скважин в других местах, выкачать из них воду, обеспечить подогрев. А главное, завезти сюда людей и материалы. Да, это рискованно и дорого обойдется, но если быстро подсчитать расходы на операцию и умножить на сто, даже на тысячу, в итоге получим около десяти миллиардов долларов. Ну, может, расходы превысят этот уровень, когда работа развернется по-настоящему. Хорошо, пусть пятьдесят миллиардов долларов. Почти задаром!

Каждое утро я просыпался с желанием поскорее выйти на работу. Кстати, я всегда себя так чувствую в Антарктиде. Сборные домики, санные поезда, палатки, Мак-Таун — встаешь, стараешься не замерзнуть во время завтрака и подготовки, снаряжаешься, выходишь за дверь, и р-раз — морозный солнечный воздух, как выпитая залпом стопка водки и шлепок по лицу. Глаза слезятся от атаки с двух сторон. Плевать. Идешь к линейке аэросаней. Заводишь и вперед, по колее к последней скважине. Дороги для аэросаней размечены флажками, по ним легко судить о силе ветра. Если ветер сильный, будет очень холодно, в Антарктиде это — закон. Поэтому всегда говорят: губит

не холод, губит ветер. Но даже когда ветра нет совсем, все равно холодно. Ветер же пробирает насквозь, никакая одежда не спасает. Чтобы полностью от него защититься, нужен космический скафандр, но и в нем будет зябко.

Сегодняшний объезд показал: все скважины работают исправно. Насосы качают, нагревательные элементы не позволяют воде замерзать. Линии от каждого насоса уложены прямо на лед и подсоединены к главному трубопроводу, это напоминает Аляску, нагреватели — через каждый километр, и еще узлы, через которые можно прогнать скребок, чтобы убрать скопившийся лед. Вода по трубопроводу идет вверх по пологому склону — занятное решение, ее можно было бы сбрасывать по откосу прямо в океан, на уровень моря это не повлияло бы. Люди предпочитают аккуратность.

Антарктида — странное место, трудно передать словами. Не бывавшим здесь не объяснить, как она выглядит и что ты тут чувствуешь. Чистый сухой воздух усиливает обман зрения и ощущение нереальности. Нередко ничего не видно, кроме неба и снега. Так часто бывает. Небо без единого облачка. На побережье иногда наползают облака — намного чаще, чем на полярное плато. А так

почти всегда синее небо да белый снег. Иногда гладкий, иногда в застругах. Заструги и даже абсолютно ровный снег выглядят по-разному от того, стоишь ли ты лицом к солнцу или спиной. Когда смотришь в сторону солнца, ледяная поверхность сверкает, белизна слепит. Если отвернуться, она почему-то темнеет, может, из-за поляризации солнечных очков, тени на снегу кажутся совсем черными, а белая равнина внезапно выглядит холмистой, утыканной черными плоскими буграми. Разум отказывается переваривать такие контрасты. Почему же эти места считаются прекрасными? Не знаю. Может, не все люди так думают. Но мне Антарктида нравится.

Похоже, завтра мы сможем закончить последние проверки и объявить работу законченной. Примерно через год мы сможем сказать, насколько удалось затормозить монстра. Или через пять лет — для верности. Люди, конечно, поторопятся раструбить или об успехе, или о неудаче. Но если уж вбухивать в эту затею миллиарды долларов и обучать все новые и новые группы, лучше не торопиться с заявлениями. Люди — одно из самых узких мест плана. Работа требует определенного опыта. С другой стороны, если закрыть все операции нефтедобычи, как собираются сделать, масса

народу потеряет работу. Сама по себе здешняя работа мало чем отличается от нефтянки. Многим она покажется даже легче. Проще грибов, холодно только. Хотя, если ты работал в Саудовской Аравии, холод может показаться благом. А если на Аляске, то никакой разницы. Да, эта часть плана должна оправдать себя. У нас здесь всего пятьдесят человек, с работой справились бы и тридцать, почти половина из нас изучает работу другой половины или привычно занимается наукой. Даже если увеличить это число в несколько раз, цифры выглядят пустяковыми.

Завтра устроим сабантуй, отметим.

Прошу меня извинить, но это — последняя запись в дневнике доктора Гриффена на его лэптопе. Он проводил инспекцию 6 февраля и, возвращаясь в лагерь, срезал дорогу, выехав за разметку с флажками. Видимость была хорошей, поэтому никто не мог взять в толк, почему он это сделал. Обычно доктор Г., как и все остальные, пользовался размеченной дорогой. Таково правило передвижения на ледниках, где расселины нередко прячутся под старым снежным покровом. К тому же короткий путь не давал большого выигрыша времени. Полная загадка.

Мы ждали возвращения доктора Г. в доми-

ке-столовой целый час, наши скалолазы забеспокоились и пошли проверять. Вдобавок мы обычно передвигаемся парами, однако доктор Г. не всегда придерживался этого правила, да и остальные тоже — буровая находилась от лагеря на расстоянии прямой видимости. То есть насосы мы проверяем в одиночку, до своей палатки или в туалет ходим в одиночку. Это в порядке вещей.

Когда, быстро объехав вокруг буровой, скалолазы не нашли доктора Г., мы отправили группу вдоль трубопровода — может, он поехал проверять водоотвод и что-то случилось с аэросанями. Остальные принялись искать следы аэросаней, свернувших с главной дороги. Ничего лучше мы не придумали, ведь мы могли обозревать всю поверхность ледника, а доктор Г. пропал без следа. Это само по себе вызывало сильную тревогу.

Джефф, один из скалолазов, дошел по колее до незаметной дырки в снегу. Потом сбегал за вторым скалолазом группы, Лэнсом. Они вдвоем приблизились к дыре, установили крепления, привязались канатом и подошли к самому краю, чтобы заглянуть вниз. Остальные молча наблюдали, столпившись у столовой. Лэнс подстраховал Джеффа, тот спустился в дыру. Не появлялся, наверное, минут двадцать. Нам показалось, что

дольше. Наконец вылез, постоял на краю и подошел к Лэнсу. Они посовещались. Лэнс обнял его за плечо. Оба повернулись к нам. Джефф покачал головой. Мы поняли без слов: доктор Г. мертв.

Ночь прошла погано. Мы сидели в столовой как громом пораженные. Джефф, угрюмый и отстраненный, сидел у печки. Разумеется, когда он вернулся, мы спросили, что случилось, но он мог рассказать лишь очевидное. Доктор Г. сбился с пути, его аэросани провалились в расселину. Снегоход застрял на глубине шести метров, придавив доктора Г. своим весом. Джефф не стал рассказывать, в каком состоянии застал тело товарища. Наверно, не хотел пугать нас подробностями или промолчал из уважения к другу. Софи и Карен заплакали, остальные тоже то и дело вытирали слезы. Доктор Г. сам нанял большинство из нас на эту работу, а некоторым помог получить образование и сделать карьеру. Он — один из старых ледовых зубров, всегда возвращался в Антарктиду, настоящий полярник. Джефф и Лэнс не плакали. Лэнса больше волновало состояние Джеффа, гибель доктора Г. он воспринял спокойно. Мензурки вечно совершают глупости и гибнут, поэтому каждой группе в Антарктике придавали скалолазов — присматривать за

учеными. Однако их не разрешается водить на поводке, невозможно удержать от нарушения правил, несмотря на жесткий инструктаж в начале каждого заезда и проведение тренировок безо всяких послаблений. Большинство альпинистов — плохие няньки. Джефф и Лэнс выглядели мрачно, но не потому, что считали себя виноватыми. Утром им придется спуститься в расселину, засунуть тело доктора Г. в мешок, поднять на поверхность и привезти на санях в лагерь. Завтра, если позволит погода, из Мак-Тауна пришлют самолет. Туда уже сообщили, в ответ — шок, сочувствие, обычное дело.

Мы сидели и пили. Черт! Ну почему? Кто-то вспомнил U-образную кривую: люди совершают рискованные действия либо в самом начале, пока неопытны, либо в самом конце, когда все давно знакомо. На эти два периода приходится наибольшее количество несчастных случаев, в то время как в промежутке их бывает немного. Поэтому график напоминает букву «U». Пилоты самолетов — хороший пример. Полярники — еще один.

Вот какие разговоры ведут ученые в трудную минуту. А может, не только ученые. Столкнувшись со смертью, с внезапным уходом друга из этого мира, разум отшатывается, не желает

поверить. Почему? Нельзя ли прокрутить время назад? Хотя бы на несколько часов? Поступить по-другому?

Нет, нельзя.

Поэтому мы сидели и пили.

— Доктор Г. хотя бы отдал жизнь ради спасения мира, — сказала Софи.

— Нет! — воскликнул Джефф. — Неправда! Он погиб по оплошности!

Джефф и тут не заплакал, лишь лицо покраснело, бешено исказилось. Мы сгрудились вокруг него, кто-то всхлипывал, а кто-то нет. Трудно угадать точное время, когда тебя захлестнут эмоции. Многие в такие моменты уходят в себя, их накрывает позже. Иногда намного позже — невероятно, но я сам это испытал. Однажды меня проняло аж через двадцать один год после смерти близкого человека. Двадцать один год — клянусь. В ту ночь плакали почти все, только не Джефф. Мы страшно расстроились.

После этого мы взяли себя в руки, навели порядок и спокойно обсудили, как быть дальше. Никто не предложил ничего путного. Махнув наконец рукой, мы пошли спать — неохотно, как если бы сон был чересчур обыденным занятием и ставил точку на желании повернуть время

вспять, изменить события. Смириться и пойти спать — другого выхода не было, завтра нас ожидала целая куча дел. Пить тоже больше не было смысла. Выпивка делу не поможет. Наш руководитель допустил элементарную, но смертельную ошибку. Мир на этом не закончится, но для нас он никогда не будет прежним.

58

Обычно считается, что теология освобождения зародилась в Южной Америке во второй половине двадцатого века. Этот термин был изобретен для характеристики феномена родом из Латинской Америки, поэтому справедливо считать, что он там и возник.

Однако в Испании известен более ранний пример молодого католического священника-идеалиста, помогавшего людям вопреки указаниям церковной иерархии. Несомненно, подобное случалось не раз, не привлекая чье-либо внимание за пределами соответствующей церковной общины. И разумеется, молодые священники нередко попадали во всякие неприятные ситуации. Но, вероятно, еще чаще молодой идеалист, стремящийся творить добро, пылкий, истово верующий, одинокий, заброшенный в бедную общину, в которой люди страдают от множества зол и едва сводят концы с концами, чтобы не пропасть, для кого клир, по идее, должен служить опорой, столкнувшись с этой ситуацией, уповал на веру, горел желанием помочь, полагался на церковь.

Многие молодые священники влюблялись в свою паству и всю жизнь работали не покладая рук, чтобы ей помочь.

В данном конкретном случае молодого испанского священника звали Хосе Мария Арисмендиарриета. Он родился и вырос в Стране басков, воевал на гражданской войне за республиканцев, попал в плен к солдатам-франкистам. Говорят, что у него в жизни был свой «момент Достоевского» — его приговорили к смертной казни через расстрел, но он уцелел благодаря бюрократической оплошности: в день казни за ним просто забыли явиться, никто не знает почему. Очевидно у Бога на него были свои виды.

После этого молодой человек принял духовный сан, вероятно, полагая, что жизнь оставлена ему не зря, и в 1941 году в возрасте двадцати шести лет был направлен в Мондрагон. В то время режим Франко все еще пытался утихомирить басков, продолжавших бунтовать после поражения республиканцев.

Поначалу паства была не в восторге от нового священника. На войне он потерял глаз, Писание читал монотонным голосом, держался замкнуто и робко. Можно подумать, что он был контужен или, как мы сегодня выразились бы, страдал от

отклонений в развитии. Он молча выслушивал прихожан целых шесть лет, прежде чем придумал, как именно им помочь. До войны в регионе существовала легкая промышленность, которая так и не восстановилась. Отец Хосе Мария прикинул: не запустить ли предприятия по-новому, и, чтобы это сделать, организовал политехническую школу, которая теперь известна как Мондрагонский университет. Вскоре после своего открытия школа начала выпускать инженерные кадры для поддержки нескольких заново открытых производственных предприятий. Самое первое выпускало керогазы. С подачи и при поддержке священника предприятия с самого начала создавались как кооперативы, которыми владели их работники. Эта форма организации была традиционной для басков с их региональной взаимопомощью, отражала докапиталистическую и даже дофеодальную дарономику древней Басконии, зародившуюся, насколько можно судить, еще до появления письменности.

Так или иначе, кооперативы процветали в Мондрагоне, в их корпорацию вступали все новые и новые члены. Со временем в нее вошли городские банки и кредитные товарищества, а также университет и страховая компания. Предприятия

работников стали своего рода суперкооперативом, десятой по величине корпорацией Испании с активами на миллиарды евро и ежегодной многомиллионной прибылью. Прибыль не отторгалась для выплаты дивидендов несуществующим акционерам, но распределялась тремя способами: треть — между работниками-владельцами предприятий, треть шла на обновление основных фондов, и еще треть переводилась благотворительным обществам по выбору трудовых коллективов. Соотношение уровня заработной платы между главным руководством и минимальной ставкой было установлено в размере три к одному, иногда — пять к одному, и только в самых крайних случаях — девять к одному. Все компании и предприятия придерживались принципов кооперации, впоследствии официально принятых мировым кооперативным движением, в котором Мондрагон играл роль своеобразной жемчужины: прием новых членов без ограничений, демократическая организация, главенство труда, вспомогательная, подчиненная роль капитала, совместное управление, финансовая солидарность, внутреннее сотрудничество, социальная трансформация, универсальность, образование.

Этот список заслуживает подробного изучения, но не здесь. Если применить эти принципы в комплексе и повсюду, они бы сформировали экономику нового типа, совершенно не похожую на капитализм в его настоящей форме. Они представляют собой гармоничный набор аксиом, на основе которого появились бы новые законы, практики, цели и результаты.

Насколько это удалось осуществить в Мондрагоне, спорный вопрос. Система с самого начала была встроена в мировую экономику, ее пришлось подгонять под новые правила Европейского союза, она была вынуждена постоянно адаптироваться к рынкам и странам, в которых существовала. Некоторые утверждают, что она не работает вне баскского контекста и является порождением баскской культуры. Вряд ли это так. Другие — и их много — отказываются признать, что более гуманная альтернатива капитализму, которую можно назвать католической политэкономией, не только возможна, но существует и процветает уже целый век, не сдавая позиций.

Система пережила свои кризисы: рецессия подорвала расширение критически важных кооперативов, а однажды управляющий сбежал с огромной суммой денег, что серьезно нару-

шило оборот денежных средств. Тем не менее кооперативы обеспечивают своим работникам неплохой достаток и генерируют культурную среду, в которой уютно жить тем, кто ей привержен. В них процветают солидарность и чувство локтя. Действуя в мире оголтелой конкуренции, кооперативы почти каждый год заканчивают с прибылью, сотне тысяч человек ее хватает и на жизнь, и на поддержание всеобщей культуры.

В мире есть другие зоны и системы, пусть не столь примечательные и цельные, но чем-то похожие на кооперативы Мондрагона. Одни едва сводят концы с концами, другие процветают. Спрашивается только, если их ввести в основной лексикон нашего времени, смогут ли они соответствовать размаху современности? Куда ведет этот путь? Вперед? Выход ли это? Или всего лишь шажок в нужном направлении?

Мы полагаем, что это так. Мы предлагаем распространить проект на всю Испанию. А еще лучше — на весь мир. Это был бы наш вклад. Мы даруем вам Мондрагон.

59

Моя квартирка была расположена в Сьерра-Мадре, маленьком городке, окруженном высокими пальмами, втиснутом между Пасаденой и Азусой у подножия гор Сан-Гейбриел, бурой гофрированной стеной нависающих над этой частью Лос-Анджелеса. По мне — отвратный вид. Раньше его полностью, даже на расстоянии трех миль, скрывал густой смог — нет худа без добра. Все кольцо гор, опоясывающих Лос-Анджелес, не отличается красотой. Зато, как выяснилось в тот день, служит хорошим барьером.

К счастью, я, пока не сломала руку, много плавала на каяке, и лодка у меня еще сохранилась. Моя однокомнатная квартира находилась над гаражом, но имела отдельный вход, что я очень ценила, потому что мне не требовалось мелькать перед хозяином, он меня почти не видел и не мог устроить какую-нибудь подлянку. Квартиру он мне сдал из милосердия, или так я думала, пока не прояснились его истинные намерения, я не могла больше позволить себе снимать жилье в Голливуде, он, конечно, все понял, когда я скормила

ему обычную историю о начинающей актрисе, временно работающей официанткой. Хозяин разрешил хранить крупные вещи в гараже под квартирой, по сути, она представляла собой сарай с санузлом, оборудованный на чердаке. Поэтому, когда образовалась атмосферная река, оказалось, что я одна из немногих жителей города, у кого имелось свое плавсредство.

В первую ночь пошел проливной дождь, время сыграло злую шутку — когда все проснулись, состояние уже было швах, и с этого момента все покатилось под гору. Вода катилась под гору в прямом смысле, а с ней — все остальное. На обычный потоп не похоже, а может, и похоже, я не знаю, однако в нашем случае поток воды с ревом сорвался с горных склонов прямо на город. На рассвете открылся страшный вид: горы поднимаются над Сьерра-Мадре на 3000 метров, они улавливали дождь, который лил как во время циклона, оттуда вода по вертикальным ущельям хлынула в примыкающие к ним улицы, превратившись в бурные, коричневые от грязи потоки вперемежку с валунами, кустами и обломками развороченных выше по течению построек.

Я выглянула за дверь и увидела, как по улице, на метр заполненной водой, качаясь на коричневых

волнах, плывут автомашины. Вода уже затопила хозяйский дом и хлестала через двор в направлении автомагистрали № 210. Куда ни глянь — один сплошной бурый поток! Я окликнула хозяина, но он уже смылся, даже не предупредив меня, это так на него похоже. Вокруг вообще никого не было видно, кроме отчаявшейся семьи на крыше плывущего боком внедорожника.

Я спустилась по внешней лестнице и вброд добралась до боковой двери гаража. Электричество естественно отрубилось, так что массивную гаражную дверь не так-то легко было открыть. Я умудрилась поднять ее изнутри, в гараж хлынула водяная масса, затопив его примерно на тридцать сантиметров. Но я уже нашла свой каяк, схватила его и весло со стены, извиваясь, влезла под защитную юбку и выплыла на улицу.

С ума сойти! Все улицы затоплены, и выбраться можно только на лодке. Как много воды! Коричневой, как шоколад. Вдобавок дождь продолжал лить как из ведра, видимости почти никакой, да и поверить в увиденное было трудно. Позже я слышала, что затопило весь бассейн Лос-Анджелеса от Голливудских холмов до Сан-Клементе, включая Ирвин, где я родилась. Округу Ориндж досталось не меньше Лос-Анжелеса, ведь он рас-

положен на такой же прибрежной равнине в окружении гор. Разумеется, кое-где на равнине, как выяснилось в тот день, имелись высокие точки. Рядом с пляжем Лонг-Бич торчало ранчо Палос-Вердес, несколько внутренних районов оседлали холмы Пуэнте-Хиллз и Роуз-Хилл, было еще место около Сан-Димас, где сходятся автомагистрали. В остальном, однако, Лос-Анджелес представляет собой сплошную береговую равнину, в тот день она превратилась в бурое озеро. Во многих местах единственными плоскими поверхностями, возвышавшимися над бурой водой, были автострады. Отрезанные от путей отступления люди собирались на автострадах. Несколько машин там тоже застряли, но ехать на них было некуда, и по мере сокращения пространства многие машины просто столкнули в воду.

Я проплыла на каяке под автострадой № 210, сняла людей с крыш и отвезла их на автостраду, пользуясь въездной аппарелью как пристанью. Многие шастали туда-сюда на моторках, которые держали во дворах, или на таких же каяках, как у меня. Мы помогали, как могли, некоторые люди дико паниковали, особенно те, у кого были дети, было очень трудно не дать им опрокинуть каяк. Рука болела в месте зажившего перелома. Не

отпускало ощущение нереальности происходящего, слишком уж все было похоже на пошлый фильм-катастрофу. Что ж, мне, наконец, досталась первая роль, кроме того, страх на лице и в голосе пострадавших постоянно напоминал: нет, это — реальность, как бы дико она ни выглядела. К тому же боль, веслом надо работать обеими руками, одной не получится, я приговаривала «похер, похер» и продолжала грести.

Благодаря гигантским размерам бассейна Лос-Анджелеса его затопило хоть и полностью, но на относительно малую глубину. Крыши многих высоких зданий остались выше уровня паводка, другие дома просто рухнули и ушли под воду. Большинство пальм повалило — шокирующая сцена и помеха навигации. И сколько еще таких помех! Иногда люди цеплялись за конец моего каяка, а течение несло нас на плывущее дерево или машину, мне приходилось бешено грести, чтобы избежать столкновения, рука страшно болела, люди же не всегда работали ногами, как нужно. Старые вымоины, рассекавшие долину, вновь проявили свой характер, создавая быстрины в потоке, жутко наблюдать за этими течениями, они опасны, не всегда ясно, в каком направлении вода потечет по конкретной улице,

все зависело от того, где находится ближайшая вымоина, — улицы-то почти плоские, и воду стягивало в низины. Уличные течения полностью или частично восстановили прежнюю речную сеть, вода могла течь на север, юг, восток, запад, куда угодно. Ориндж-Гроув-авеню с наклоном, по ней спускаешься как с водяной горки, на запад от нее по затопленной части старой пасаденской автомагистрали вода текла уже в другом направлении — с ума сойти. На Сепульведе жутко быстрое течение, меня предупреждали: не лезь на Сепульведу, это как восьмой уровень сложности! И все время поливал дождь. Ливень? В Лос-Анджелесе? Да еще многочасовой? Настоящий всемирный потоп! И чувство было такое, что он мог продолжаться еще сорок дней и ночей, почему бы и нет?

Десять миллионов человек ютились на островках, выступающих из воды, есть практически нечего. Дождь лил часами. Масса маленьких лодок, но ни одного крупного судна и никакой организации. Все автострады забиты промокшими людьми. Температура ни разу не опускалась ниже двадцати по Цельсию, однако долго стоять мокрым на ветру холодно. Правда, холод еще не самое страшное. Наводнение не та ситуация,

когда надо срочно что-то делать — иначе смерть, но после часа страшной опасности наступает облегчение. По мере развития событий это все поняли. Все не так, как в кино. И это поразило меня еще больше. Я тут помогаю людям, мы все промокшие и перепуганные, правый бицепс раздирает боль, а я при этом думаю: это не игра, от меня есть реальная польза, на кой черт идти в актрисы? Нет, конечно, некоторые люди не сумели выбраться и утонули, это неизбежно при таком скоплении народа и напоре потока, вода — природная стихия; если она тебя подхватит, сопротивляться бесполезно, и все-таки большинство жителей поднялись на крыши и автострады, вопрос скорее стоял о срочной эвакуации, пока люди не начали умирать от голода. Если сразу не утонул, главное — продержаться и дождаться спасения.

Во второй половине дня я присоединилась к толпе на крыше ресторана, нас накормили спагетти. Работники ресторана проделали дыру в крыше, достали продукты со склада и большие кастрюли с кухни и сварили еду на костре, который группа мужчин развела на оторванном от чего-то листе гофрированного железа, прикрыв очаг от дождя вторым листом. Повара рисковали

спалить ресторан; с другой стороны, достаточно было убрать второй лист, и костер мигом потушил бы дождь — такой он был сильный.

Посидев и дав больной руке отдохнуть, я вернулась на воду сытая, горящая желанием помогать еще. К концу дня людей, нуждавшихся в помощи, стало заметно меньше, они либо погибли, либо уже добрались до высоких точек. Я присоединилась к группе лодочников, мы прочесали несколько улиц. Должна признаться, от спуска по залившей Ориндж-Гроув-авеню коричневой воде почти со скоростью автомобиля захватывало дух, однако смотреть надо было в оба, иногда поток нырял под мост, и выбраться из этого течения, пока тебя не засосало и не утопило, было чертовски трудно. Лодочники делились сведениями об опасных участках, так я узнала о Сепульведе. Телефоны ни у кого не работали, однако несколько человек имели при себе GPS-устройства с введенными в память картами, они охотно делились информацией об ориентирах, к тому же местные хорошо знали свои районы города, мы ходили на веслах, повсюду мелькали моторные лодки, тратя драгоценное горючее, которое негде было взять. Однако вскоре владельцы моторок опомнились, а у некоторых просто закончился бензин, так что

к закату на воде остались одни каяки да гребные лодки, даже пара яхт со спущенными парусами, люди на борту яхт грести не умели. Маленькая флотилия водяных клопов на великом озере Лос-Анджелес.

Я то и дело думала: фу, как Лос-Анджелес мне противен. Я здесь родилась, хорошо его знаю, читала и учила его историю в школе, но ненавижу от всей души. После Второй мировой войны это место из россыпи сонных деревушек превратилось в десятимиллионный человечий муравейник, все это время застройщики богатели, штампуя пригороды из облегченных домов один за другим и соединяя их автострадами, нарезавшими равнину на гигантские квадраты. Никакого благоустройства, никаких парков, никакой продуманности или планов. Выкупаешь апельсиновую рощу, выкорчевываешь деревья, строишь кучу фанерных домиков — и так раз за разом. Никто даже опомниться не успел, затея с самого начала была дурацкой. И в этом месте мы с тех пор живем! Причем многие пытаются повторить для себя сюжет «Ла-Ла Ленд» — двойная глупость.

Люди на каяках говорили друг другу: этому чертову месту конец! Все придется сносить подчи-

стую. *Лос-Анджелес требует замены. Целиком.*

Вот и отлично. Может быть, на этот раз выйдет получше. А я найду себе другую работу.

60

Наступила весна, Мэри снова стала ходить в купальню Утоквай, поначалу раз или два в неделю, потом каждый день. В офис возвращалась на трамвае. Она дала последнее добро на «YourLock» Януса-Афины. Я-А разместила адрес веб-сайта в интернете, они вместе следили за его, как выяснилось, малозаметным рождением, неделя прошла спокойно: сайт едва нарушил гладь бескрайней интерференционной картины дискурса. Постепенно люди начали сообщать друг другу новость, что всю свою деятельность на просторах интернета можно теперь свести в один аккаунт на «YourLock», вебсайте, организованном по принципу кооператива, которым владеют его пользователи, после чего личные данные можно хранить в «сейфе» с квантовым шифром и использовать в качестве оборотного актива в глобальной экономике данных, например, соглашаясь либо отказываясь продавать их поисково-аналитическим компаниям, которые быстро освоили новую территорию и стали предлагать людям микроплатежи за их данные, в основном

информацию о состоянии здоровья, структуре потребления и финансах. Лицензионные выплаты за подключение ко всемирному механизму были малы, но не мизерны и напоминали пожизненную ежегодную ренту, пусть небольшую, но полезную. Народ начал перебегать на новый сайт, и однажды наступил коренной перелом, нелинейный скачок, подобный землетрясению, внезапно все захотели иметь свой аккаунт в «YourLock» и вести через него свою жизнь в интернете. Возникла совершенно новая экология интернета — интернет 3.0, который в прошлом вызвал столько неоправданного шума.

Разумеется, на большую новость обратили внимание повсюду в мире. С другой стороны, когда Мэри ходила по утрам на озеро плавать, все выглядело без изменений, и так повсюду. «Новые глобальные революции — странная штука, — размышляла Мэри, — Они виртуальны, как и все остальное». В виртуальном мире новшество вызвало несомненный фурор. Что это такое? Кто владелец новой системы? Исходный код в открытом доступе, у нее нет владельцев, говорили одни. Систему сделали люди, занятые в дарономике — может, они так развлекаются? Тогда кто получает с нее прибыль? Другие возражали, что

владельцами являются сами пользователи, все доходы поступают им. В основном, как всегда, от рекламы. Что-то вроде кредитного товарищества, только в области медийного сетевого дискурса. По аналогии с переходом из банка в кредитное товарищество не компания использует потребителя, а потребитель компанию, причем владея ею. А какая от этого польза самой компании? Никакой, потому что компания сама по себе ничто. Это лишь организация, призванная помогать владельцам-пользователям, не более того. Чем, по сути, и должна быть любая компания. Если вы это имели в виду.

Дело туго двигалось в Китае, где такой компанией была Коммунистическая партия Китая — партией владели ее потребители, и смысл ее существования якобы сводился к укреплению благосостояния последних. Поэтому китайцы отгородились от «YourLock» Великой китайской стеной межсетевой защиты, за которую раньше не пропускали многие другие западные интернет-фирмы. Оказалось, что китайская стена изобиловала прорехами. Несмотря на утверждения, что китайские сетяне в большинстве полностью удовлетворены своей жизнью в рамках китайского киберпространства, многие, как

известно, имели аккаунты в самых разных точках мира. Внутренние мигранты во всех крупных городах Китая по-прежнему подвергались жестокой эксплуатации и стремились найти рычаги влияния вне системы прописки, запрещавшей переселение в город; зажиточный средний класс всегда интересовался возможностями вывода кое-каких деньжат за рубеж. Так что определенные группы китайского населения подписались на сайт в больших количествах.

Бежали дни. Глядя из Цюриха, Мэри не замечала, чтобы шумиха в интернете оказывала на повседневную жизнь большое влияние. Возможно, глобальная революция, к которой призывали защитники интернета с момента его зарождения, действительно свершилась, однако до сих пор, если не считать волну приватизаций конца 90-х, эта малоизученная революция никак себя не проявила. Случись она, никто не смог бы ее распознать. Кстати, ранняя колонизация и капитализация интернетом психики огромной массы людей происходили в таком же невидимом режиме, поэтому Мэри не могла взять в толк, что другие имели в виду, постулируя наступление интернет-революции.

Зато это понимал — или делал вид, что пони-

мает, — ее штаб. Теперь каждый, кто подписался на «YourLock» и начал им пользоваться, тем самым поддерживал ресурс, участвуя в распределенном хранении достоверных записей с момента их создания. Распределенный реестр мог функционировать как новая организация на требующемся уровне компьютеризации только за счет добровольного безвозмездного труда (к которому также относилось электричество) миллионов людей. Даже в случае успеха система не обещала чистый выигрыш устойчивой цивилизации. Очевидно, многое зависело от того, как будет использоваться новая сеть или как поведут себя люди в физическом мире. Как это всегда бывает, решающие события еще не произошли. Кто знает, возможно, они действительно сначала происходят в области дискурса и только потом — в области материального бытия.

Мэри постаралась сосредоточиться на материальном — утренних заплывах на озере, постепенном росте температур по мере приближения к лету. Трамвай, усталая прогулка до работы, усталое возвращение домой. Еженедельная поездка на трамвае в город, посещение Фрэнка Мэя в тюрьме, превратившееся в подобие повинности.

С виду Фрэнк держался молодцом. Здешние

тюрьмы были чисто швейцарскими по духу — продуманными, щадящими, скорее напоминали общежитие техникума без права переезда. Фрэнк целыми днями был в городе на различных общественных работах от подметания улиц до помощи санитарам, делая то, что требовалось и значилось в месячной разнарядке. Со времени их первой встречи он то ли успокоился и обрел равновесие, то ли увял и впал в депрессию — Мэри не знала Фрэнка настолько хорошо, чтобы сделать вывод. Возможно, и то, и другое понемножку. Некоторые люди, когда не хотят показывать свои чувства, умеют хорошо их скрывать. Когда Мэри появлялась в тюрьме, заключенный смотрел с любопытством, но без прежнего удивления, скорее чуть растерянно или озадаченно. Но не настолько, чтобы спросить, зачем она приехала. Если бы он спросил, Мэри не нашлась бы, что ему ответить. В уме она вела с Фрэнком беседы, не имевшие ничего общего с тем, о чем они говорили в реальности. Поднимаясь на трамвае на Цюрихберг, она наблюдала, как голубые вагоны отчаянно виляют на S-образном подъеме, мысленно говоря Фрэнку: если бы ты спросил, я бы сказала, что приехала к тебе, потому что хочу успокоить свою совесть, успокоив твою. Я пред-

ставляю себе мир таким, что даже ты, посмотрев на него, почувствовал бы, что твоя совесть может быть спокойна. Где ты перестал бы себя строго судить, простил нам наши грехи и себя простил бы тоже. В этих мысленных диалогах Фрэнк нередко кивал и отвечал: да, Мэри, я теперь проще смотрю на вещи. Ваше глупое министерство подставило плечо, помогло вытолкнуть потерявшую колесо повозку из канавы. Пока она еще не полностью выбралась на дорогу, далеко не полностью. Потому как канава быстро ширится, а дорога сужается.

Ничего подобного во время их реальных встреч в тюрьме не обсуждалось даже близко.

Мэри следила за неформальными операциями Бадима, встречаясь с ним за пределами офиса по устоявшейся схеме. Они виделись не часто, к тому же обсуждать в офисе что-либо вслух наедине не представлялось возможным, поэтому прибегали к рукописным запискам — не конкретным сообщениям, а строчкам из Руми, Кабира, Кришнамурти или Тагора. «Замешательство среди Богов. То, что можно наблюдать, определяет теория. Завтра в небесах появится большая комета. С наветренной стороны». Загадочные, как у Нострадамуса, фразы означали лишь одно: что-то

происходит, пора встретиться. Так, по крайней мере, понимала их Мэри. Если Бадим и шифровал в записках какие-то особые сведения, Мэри не знала, как их извлечь.

А потому постоянно следила за новостями. Через два дня после появления на ее столе записки всего с тремя словами «бунт забастовка бунт», она прочитала, что в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Токио, Пекине и Москве одновременно, безотносительно к различиям в часовых поясах, вспыхнули забастовки учителей и работников транспорта. Это вызвало хаос на улицах и рынках. Похожий хаос в прошлом году вызвало сильное проседание фондовых рынков, они и без того не оправились после Великого краха, на этот раз курс опустился на самое дно. Супермедвежий рынок. Разумеется, снижением тут же воспользовались любители риска, покупающие на спаде и продающие на подъеме, однако ощущение паники и окончательно назревшего повсеместного разрыва пузырей не рассеялись. Бастующие крупных городов, в конце концов, вернулись на работу. Прежде чем положение успокоилось, бесконечная засуха на Ближнем Востоке, в Иране и Пакистане внезапно превратилась в новый период смертоносной жары, разразившейся еще до

окончания мая. Высокое атмосферное давление ненадолго подняло температуры до отметки 35 градусов по влажному термометру, на этот раз не за счет влажности, а за счет жары как таковой; одновременно в нескольких городах закончилась вода. Беженцы из районов бедствия хлынули на запад — через Турцию на Балканы, на север — в Армению, Грузию, Украину и Россию, и на восток — в Индию. Беженцы от жары, в Индию! Увы, Пенджаб тоже был охвачен засухой, Индия окончательно перекрыла границу с Пакистаном, и без того милитаризованную и непроходимую. Катастрофа — куда ни кинь взгляд. Пакистан угрожал войной. Иран угрожал войной. Спасаясь от неминуемой смерти, с насиженных мест снялись десять миллионов человек. Гуманитарные программы и местные вооруженные силы разрывались на части.

Эсмери Зайед, начальник управления по делам беженцев, сказал, что, если бы нынешние беженцы были страной, то она по численности населения была бы равна Франции или Германии. По миру бродили, сидели в лагерях, вынужденно покинули свой дом сто миллионов человек.

В разгар кризиса атмосферная река проникла

на юг Калифорнии, и, хотя ветер уступал по силе циклонам и ураганам, осадки были не менее интенсивны, причем продолжались дольше. Казалось, происходит повторение страшной зимы 1861–62 гг., которое эксперты инженерного корпуса сухопутных войск США предсказывали только через несколько веков. Первую бурю они окрестили «штормом тысячелетия». Да только время оценки вероятностей прошло. Высокие горы, окаймляющие лос-анджелесский бассейн, встали на пути проливных дождей и заставили их излиться на территорию бассейна с преобладающим твердым покрытием. Разрушения приняли всеобщий характер. Первоначальные подсчеты оценивали число погибших на удивление низко — около семи тысяч, зато инфраструктуре был нанесен такой ущерб, какого жители города не могли вообразить в самых мрачных фантазиях о вероятном землетрясении. Кстати, некоторые ученые предсказывали: огромная масса воды как раз и могла вызвать то самое землетрясение. Большое землетрясение в Лос-Анджелесе и вселенский потоп в одном флаконе! Такое может случиться только в Эл-Эй, с тенью сожаления злорадствовали местные; всемирная фабрика грез превратилась в руины у них на глазах. Глобаль-

ное бессознательное избавилось от настырного присутствия голливудских морд. Их век закончился. Согласно цифрам Юргена, проставленным на изображениях дождливого города, восстановление разрушенного обойдется больше чем в тридцать триллионов долларов.

Ну уж теперь-то американцы поддержат борьбу на фронте изменений климата? Лучше поздно, чем никогда?

Ага, сейчас. Очень быстро выяснилось, что Лос-Анджелес не любят в Техасе, на Восточном побережье и даже в Сан-Франциско. Фактически нигде, кроме самого Лос-Анджелеса, до него никому нет никакого дела. Всемирная фабрика грез, всеобщий любимец! Видно, грезы эти встали людям поперек горла. А может, им просто не нравилась колонизация собственного мира иллюзий. Или пробки на дорогах.

Как бы то ни было, и правительство штата Калифорния, одно из самых прогрессивных в мире, и федеральное правительство США, одно из самых реакционных в мире, пытались оказать реальную помощь. Хороший, плохой ли, Лос-Анджелес был им дорог. «Нет, — думала Мэри, — то, что число погибших не превысило семи тысяч, все-таки удивительное достижение ин-

женеров-строителей и гражданского общества, результат быстрого развертывания ВМС и прочих военных, как и расторопности самих граждан». Внезапный поток с гор стал виновником основных случаев гибели, после этого люди погибали лишь из-за отдельных происшествий. Так что реакция на чрезвычайную ситуацию была достойна восхищения. Нет, правда: США во многих отношениях выглядели эталоном инфраструктуры, кирпичным домом среди соломенных лачуг. До идиотизма высокие эстакады, построенные с расчетом на большое землетрясение, послужили убежищем для всего населения города; последующая эвакуация прошла без сучка и задоринки. Очень впечатляющая импровизация.

Вопреки неодинаковому авторитету Лос-Анджелеса в мире город был невероятно знаменит. Уж в этом плане фабрика грез постаралась. Город был узнаваем для многих обитателей планеты, и, увидев его затопленным, они остолбенели. Если подобное могло произойти в богатом Лос-Анджелесе, городе мечты, то могло произойти где угодно. Неужели правда? Может, и нет, но так думали в тот момент. Нырок в глубины глобального бессознательного вызвал у людей приступ тошноты.

Несмотря на ощущение крушения мира, а может, из-за него, демонстрации в столицах только усилились. Они скорее походили на оккупацию, потому что шли не прекращаясь, и нормальная жизнь столичных городов нарушилась. В занятых демонстрантами районах люди устраивали и вели альтернативный быт, получая бесплатную еду, устраивая временные убежища и отхожие места, все это предоставляли и сооружали сами участники, как если бы ставили любительскую театральную постановку, призванную непрерывно поддерживать давление на правительство, чтобы оно откликалось на нужды народа, а не глобального капитала. Правительства сталкивались с выбором: либо натравить на собственный народ полицию и военных, либо выжидать — иногда месяцами, — пока протест не выдохнется, либо действительно проводить изменения. По едкому замечанию Брехта, не проще ли распустить народ и избрать новый?

Тем временем обычные самолеты летали все меньше и меньше, зато увеличивалось число полетов авиации на аккумуляторных батареях и бурными темпами росло сооружение аэростатов. Трансокеанское сообщение было нарушено. Миллионы людей потеряли работу, миллионы

вышли на улицы. В интернете люди присоединялись к «YourLock» и толпами покидали другие социальные сети, которые теперь все называли хищниками. Из частных банков в кредитные товарищества и другие альтернативные финансовые кооперативы перевело свои сбережения такое число вкладчиков, что это вызвало сильнейший в столетии финансовый крах. Банки так долго пользовались левериджем и в таких объемах, что давно позабыли о его исконной природе. В разгар мощного кризиса большинство из них пали на колени и обивали пороги центральных банков своих стран, скуля о спасении. Однако государственные казначейства, все еще находившиеся в руках ветеранов финансового сектора, не могли повторить санацию 2008 года. Прежний крах в сравнении с новым выглядел пустяком, а после рецессии 2020 года понимание того, что и почему происходит, стало только острее. Наступило другое время с новой структурой ощущений и новым материальным положением. Многие говорили: нынешний кризис будет посильнее спада 2020 года, посильнее Великой депрессии, это вообще самый крупный в истории экономический крах, потому как затронул не только экономику. Вся чертова карусель оторвалась от

маховика и рассыпалась на глазах.

Воспользовавшись случаем, Мэри обзвонила глав различных центральных банков мира, предложив еще раз встретиться и провести новое обсуждение. Многие хотели провести встречу на своей территории. Министр почти согласилась приехать в Пекин — китайцы были центральным звеном любого решения. При том китайцы щепетильно относились к своему присутствию на международных встречах и согласились бы приехать куда угодно. Их мало заботил собственный международный престиж, чтобы из-за него отказываться от проведения переговоров за пределами Китая. Надуться могли Соединенные Штаты, однако Мэри была уверена, что Джейн Яблонски тоже согласится на встречу в любом месте. Кроме того, близилась ежегодная конференция Банка международных расчетов в Базеле. Поэтому Мэри предложила после нее всем собраться в Цюрихе. Летать самолетами стало небезопасно, и делегаты прибывали в Швейцарию на особых военных самолетах-невидимках либо дирижаблях.

Организация встречи десяти или двадцати самых влиятельных лиц планеты, которые вдобавок возят с собой кучу персонала, — непростая

задача. Швейцарцы — мастера этого дела. Министерство не вместило бы всех участников, поэтому заседания проводились в Зале конгрессов на берегу озера.

В первое же утро панорама за высоким окном, занимавшим всю южную стену, продемонстрировала антропоморфизм в полной мере: весенний ураган хлестал воды Цюрихзее, низкие, клубящиеся серые облака взбалтывали черными метлами дождя серебристую поверхность озера, кусочки пейзажа стекали по стеклу вместе с потоками воды, как в калейдоскопе. Ничего сверхординарного и не калифорнийский апокалипсис — обычная весенняя погода в Цюрихе, но в то же время очень уместная, создающая в зале атмосферу зловещей торжественности. Мы выдержим бурю, убеждали друг друга делегаты, поглядывая в окно. Силу эмоций в зале подчеркивали тусклая металлическая величественность иссеченных дождем бурунов на озере и звуки ветра, терзающего размахивающие ветвями деревья.

Мэри оторвала собравшихся от созерцания непогоды. Напомнила о встречах, которые проводила с ними последние годы, призывая ввести с их помощью новую валютную единицу, основанную на секвестрации углерода и име-

ющую хождение на валютных биржах. Такие же деньги, как и все остальные, но с опорой на сотрудничество между центральными банками, обеспеченные выпуском облигаций с очень длинными сроками погашения — через сто лет, с фиксированной нормой доходности, способной своей величиной привлечь любое лицо, заинтересованное в финансовой стабильности. По сути, как не уставала повторять Мэри, это был новый способ инвестирования в выживание, длинная ставка на цивилизацию в противовес множеству открытых финансистами ловких способов игры на понижение. В процессе наибольшая часть прибавочной стоимости, созданной за последние четыре десятилетия, перекочевала в карманы самых состоятельных двух процентов населения. Получив такое богатство, эта горстка возомнила, что переживет крах цивилизации, что они и их потомки отсидятся в воображаемом постапокалиптическом закрытом поселке с охраной и слугами, где у них будет достаточно пищи, топлива и развлечений. Нет, заявила Мэри банкирам, даже не надейтесь. Ставки на закат цивилизации и фантазии о жизни на воображаемом острове-крепости не более чем иллюзия бегства богачей от реальности вроде смехотворной эвакуации

на Марс. Деньги без опоры на цивилизацию, без ее способности производить товары на продажу, например продукты питания, ничего не стоят. Даже если главы центральных банков видят свою задачу очень узко — в стабилизации цен, поддержании занятости и, что важнее всего, сохранении воображаемой стоимости самих денег, то для того, чтобы ее выполнить в новых условиях, им придется покинуть свои монетаристские норки и признать себя теми, кем их считают другие, — скорее явным, чем тайным правительством мира. Но эта роль потребует от них кое-чего побольше чертова регулирования процентных ставок.

Да, они были шокированы прямотой Мэри, ее отвращением к их трусливости. «Ох уж эти ирландцы!» было написано на их лицах. В то же время ее слушали внимательно, завороженно, забыв о буре за окном. Буря проникла в зал в облике гневной, пылкой, уже не молодой женщины.

Мэри не следовало забывать: когда обстановка накаляется, добра обычно не жди. Она намеренно похлестала их словами, чтобы возбудить внимание, теперь банкиров следовало успокоить. Мэри так и сделала. Напомнила, что те на ее последнюю просьбу ответили отказом. Теперь,

заявила она, ситуация изменилась. Положение стало настолько хуже, что невозможно поверить. Как нынешний представитель грядущих поколений она требовала действий. Мэри изъявила готовность выслушать варианты (помня о словах Дика, что изобретение конкретных инструментов лучше предоставить самим банкирам). Может быть, Банку международных расчетов следует выйти за временной горизонт двадцатого века и воспользоваться своими возможностями? Главное, не сидеть сложа руки. Ибо цивилизация балансирует на краю пропасти. И уже в нее опрокидывается.

Весенняя цюрихская буря словно подрядилась в помощники Мэри. Ветер завывал не на шутку. Хотя дело шло к полудню, воздух потемнел. Вода озера била в окно, смазывая вид. Время от времени порыв ветра на мгновение прояснял его, дождь лил как в ирландском графстве Голуэй.

Слово взяла министр финансов Китая, по совместительству глава их центрального банка и член центрального комитета, одна из семи самых влиятельных людей в Поднебесной. Английский, судя по выговору, она изучала в Оксфорде, говорила в приподнятой, раскованной манере, словно они обсуждали не будущее, а прошлое.

Женщина заметила, что Мэри не заехала к ним во время тура по центральным банкам мира; в то время, когда Мэри получила отповедь, о которой она только что говорила, министром финансов Китая был другой человек. Вообще-то, когда речь шла об экономике страны, национальные банки Китая не стеснялись давить своим авторитетом и с готовностью присоединялись к любому международному проекту, если он шел на благо Китая и всего мира. По сути, инициатива Мэри мало чем отличалась от предложений, которые китайское правительство делало все это время.

Для начала обсуждения неплохо, поддержала ее Мэри. Но на какую бы национальную или наднациональную (кивок в сторону глав центрального банка Евросоюза и БМР) модель они ни ссылались, Мэри призывала рассмотреть нечто совершенно новое и глобальное: карбон-койн, цифровую валюту, пользующуюся поддержкой консорциума всех крупных центральных банков, открытую для всех остальных центральных банков, имеющую покрытие в виде долгосрочных облигаций, выпущенных консорциумом и защищенных от нападок спекулянтов, которые, несомненно, последуют. Защищать новую валюту должны все центробанки, единым фронтом,

вместе им по силам отразить любые попытки выхолостить новую систему. Воистину, если бы центральные банки смогли перевести в блокчейн не только новый карбон-койн, но и все существующие фиатные валюты, они бы окончательно раздавили спекулянтов и паразитов. Лучшая оборона — добротное нападение.

«Главные здесь, — подумала Мэри, — Федрезерв США, ЕЦБ и центральный банк Китая. Германия и Великобритания тоже важны, как и Швейцария. Чем больше народу, тем, как говорится, веселее, но эта троица — ключ ко всему. Даже если согласятся только они, возможно, этого хватит, чтобы вытянуть проект. С другой стороны, если подпишется эта троица, все остальные немедленно последуют их примеру».

Пока что, несмотря на бодрое сравнение предложения Мэри с обычной китайской практикой министром финансов Китая, остальные банкиры не проявляли особого интереса. Они явно сомневались, что китайский путь действительно отвечает текущим нуждам. Китай — увязшая в долгах, непрозрачная, олигархическая, авторитарная страна. При всех ссылках на особый китайский путь правители Китая не скрывали приверженность социализму, если не марксизму.

Что это означало на самом деле, никто не мог взять в толк, даже сами китайцы. Тем не менее их финансовые подходцы постоянно нарушали стандартные западные нормы поведения и морали, так что со стороны китайского министра финансов было не совсем дипломатично предлагать остальным в трудный момент побольше подражать китайцам. Взглянув на министра, Мэри поняла, что та вовсе не жалеет о сказанном. Китаянка смотрела с веселым удивлением, плохо подходящим к моменту. Наглости ей было не занимать.

С другой стороны, все центральные банки — недемократичные технократии и не так уж сильно отличались от китайской командной вертикали. Ими управляли финансовые элиты, ведущие дела в своих интересах, не советуясь даже с законодателями своих стран, не говоря уж о рядовых гражданах. Эти учреждения были специально созданы, чтобы действовать вне законодательных и демократических капризов, уверенной рукой направляя корабль мировых финансов на запад, к всеобщему процветанию, в первую очередь для элит, во вторую — для всех остальных, если это только не ущемляло комфорт пассажиров в первом классе. Так что

предложение отбросить остатки демократии, если его завернуть в дипломатичную обертку, эта кодла не отвергнет. Вопрос только в том, как его преподнести.

Манера подачи была важна и в отношении кнута. Пусть сначала будет пряник — Мэри это казалось более выгодным вступлением: сделаете это, и все будут видеть в вас спасителей планеты, остановивших хаос, направивших огромные ресурсы человечества и Земли на преодоление величайшего в ее истории кризиса. Люди будут писать о вас, изучать вас, брать с вас пример, славить вас много веков. Здесь и сейчас можно заложить модель, которая пригодилась бы при ликвидации любого кризиса похожего масштаба в будущем. Это был пряник.

Кнут: если откажетесь, Мэри и ее штаб все это организуют сами через аккаунты «YourLock» и электронную блокчейн-валюту, создавать и обмениваться ею будут частные лица. Этот шаг резко сократит влияние центральных банков. Кроме того, у Министерства будущего есть союзники во всех парламентах главных стран, группа юристов министерства уже подготовила подробные рекомендации правительствам по принятию новых законов, расширяющих парламентский контроль

над центральными банками и возлагающих на них ответственность за опережающее смягчение последствий изменения климата, в отличие от реагирования на финансовые риски постфактум. Новый мандат потребует от центральных банков создания цифровой валюты и управления ее обменным курсом с использованием всех имеющихся в их распоряжении механизмов. Вкратце, Мэри была готова запустить всемирное движение за то, чтобы правительства посадили свои центральные банки на цепь и заставили их выполнять волю правительств. Прекрасный пример эффективности подобной национализации или интернационализации национальных банков преподало во время Второй мировой войны британское Казначейство, взявшее под контроль Банк Англии. Великобритания приказала Банку Англии направлять капитал туда, где он был нужен для победы в войне. То же самое можно повторить в связи с изменением климата, если соответствующие законодательные органы сочтут это нужным. В каждой стране у министерства имелись влиятельные политики-единомышленники, готовые внести заранее подготовленные законопроекты, учитывающие местную специфику.

Если придется, мы пойдем на это, добавила Мэри. Она снова говорила в лоб, как в начале встречи, сбиваясь на типично ирландский, не допускающий возражений тон — мол, «хватит маяться херней, очнитесь», — тон, пропитанный глухим презрением к наивности или трусости людей, не желающих признать очевидные факты. Такая манера речи устраивала ее больше всего.

На самом деле Мэри, конечно, подстелила соломки, сказала, что захват центральных банков правительствами или ввод новой народной валюты вряд ли понадобятся. Мэри и китайская министр, которой явно понравилось ее выступление, обменялись сатанинскими взглядами. В переводе «женьминьби» (китайский юань) буквально означал «народные деньги».

— Мы столкнулись с беспрецедентной ситуацией, ее причины ясны, теперь пора действовать, и мы будем действовать, — закончила выступление Мэри.

— Разве причины так уж ясны? Я не уверена! — резко возразила Яблонски.

Мэри предоставила слово Бадиму и остальным членам своей группы. Она попросила их подготовить своеобразную групповую презентацию в режиме «причина — следствие», поочередно

характеризующую каждый аспект проблемы. Разумеется, причинные цепи уходили во все стороны — настоящий клубок, однако об этом она могла сказать в конце, а пока что каждый эксперт за три минуты должен был обрисовать проблему: климат меняется из-за выбросов двуокиси углерода и метана в атмосферу; побочные эффекты вот-вот приведут к выделению намного больших объемов углекислого газа и метана из арктической вечной мерзлоты и континентального шельфа; мировой океан не способен поглощать увеличившееся количество углекислоты и тепла; скорость вымирания видов выше, чем когда-либо в земной истории; если брать фактическую скорость вымирания за столетие, то нынешняя близка к Пермскому периоду, когда на суше исчезло девяносто процентов видов; неизбежным следствием грядущего вымирания видов будут голод, вынужденная миграция и война, не исключено, что ядерная, ведущая к разрушению цивилизации; от таких вероятностей нельзя застраховаться, утраченное невозможно вернуть. Это — необратимая, непоправимая катастрофа.

В конечном итоге из-за взаимного наложения всех факторов, подвела итог презентации Мэри, по мере нагревания климата вы столкне-

тесь с невозможностью стабилизации уровня инфляции и занятости. Если климатическая обстановка выйдет из-под контроля, центральные банки больше не смогут выполнять свою главную задачу. Другими словами, центральные банки провалят возложенную на них миссию по поддержке человеческой цивилизации. Полная занятость остается для вас ключевой целью, это правда, закончила Мэри, но какая польза остаткам человечества, пережившим крах, от того, что они будут работать старьевщиками и примитивными крестьянами? Мир, создавая центральные банки, имел в виду совсем иную полную занятость.

Мэри заметила, что заключительная шпилька задела Яблонски и европейцев, ее на мгновение охватило желание рявкнуть им в лицо или снять туфлю и по-хрущевски трахнуть ею по трибуне. Или швырнуть кресло в окно, чтобы их окатило водой. Упрямство банкиров бесило Мэри. Ей хотелось выкрикнуть: «Идите вы на хер с вашими индексами инфляции! Займитесь лучше работой, которую, кроме вас, никто не сможет выполнить!»

Судя по минам гостей, все эти эмоции, воображаемые действия и проклятия легко читались на

ее собственном лице, в ее взгляде. Не взгляд Медузы, обращающий в камень или насылающий ядовитых змей, нет, скорее пусковой электрический разряд — воздушный кабель подключен к зрачкам, искра проскакивает через пространство между умами. Мэри едва сдерживалась, чтобы не психануть.

Тут она заметила широкую улыбку на лице министра финансов Китая, которую та даже не скрывала. Мэри сверилась со справкой — как бишь ее зовут? Мадам Чан. Дочь предыдущего министра финансов. Дитя партийной иерархии, каким в свое время был Си и многие другие. Мэри ее взгляд понравился.

В последующие дни представители центральных банков продолжали заседать в том же зале. Следуя эмоциональной методичке Цюрихского озера, внесшей на повестку дня череду ярких солнечных дней и флотилию высоких облаков, плывущих как галеоны, нагруженные бесценными сокровищами, центральные банкиры, наконец, родили предложение, устроившее всех. Дерзость предложения отвечала пожеланиям Мэри. Ей показалось, что ни один из центральных банков не приблизился бы к плану на пушечный выстрел, не договорись они между собой

совместно выдержать ответный удар, который неизбежно последует. Банки согласились выпустить под координацией БМР единую новую валюту — один койн как эквивалент одной тонны двуокиси углерода, секвестрированного либо путем отказа от рутинного сжигания ископаемого топлива, либо путем улавливания газа из воздуха. Они подвизались установить фиксированный минимум стоимости карбон-койна, что подвергало их опасности атак со стороны спекулянтов, желающих отпугнуть владельцев денег от нового плана, и предсказали рост стоимости новой валюты на ближайшие десятилетия. Эти шаги обеспечивали надежность инвестиций в карбон-койн — естественно, в случае сохранения цивилизации. Такая мера сама по себе гарантировала приток капитала из разных источников в поисках похожих вариантов вложения денег: пенсионных фондов, валютных резервов небольших стран, активов крупных корпораций, практически отовсюду, где люди жаждали надежности, особенно в такое время, когда никто другой не мог ее предложить. По сути, план бросал спасательный круг утопающим. Если за него схватятся все одновременно, система могла не выдержать, однако койны не эмитируются в

отсутствии реальной секвестрации углерода, так что было бы неплохо, если бы все бросились этим заниматься. К тому же банки в любой момент могли скорректировать в верхнюю сторону количество углерода, необходимое для получения одного койна, создавая для себя новые рычаги контроля в виде вторичных ценных бумаг. Создание групп по сертифицированию результатов секвестрации требовало неимоверных усилий. Под занавес банки даже договорились выделить денег старого, необеспеченного типа в фонд под эгидой БМР, который согласился оплатить новую бюрократическую структуру, ответственную за проверку и сертификацию сокращения выбросов. Эта новая бюрократия была столь многочисленна, что ни один банк не мог потянуть ее по отдельности, а уж о министерстве не шло и речи. Такой план сам по себе мог обеспечить полную занятость.

Итак, появилась всеохватная программа. Мэри и ее люди, советуясь с банкирами и их персоналом, расписали ее по пунктам, учли все предложения и после того, как каждый банк согласовал ее со своим правительством, объявили о ней публично, выставив на продажу первый транш карбон-койнов. Начались торги, бирже-

вые котировки устояли, даже немного подросли.

А потом… ничего.

После встречи с банкирами шли дни и недели, начал проявляться характерный рисунок: они постоянно не успевали за развитием событий, пытаясь смягчить последствия, когда было уже поздно надеяться на успех. Крестились, когда гром уже грянул и молния сожгла дом. На этом этапе их действия, которых пару лет или десятилетий назад, возможно, было бы достаточно, не приносили желаемого эффекта. Более того, были бесполезны. То и дело министерство сталкивалось с выводом: слишком мало, слишком поздно. И никто из них не мог придумать ничего, способного остановить ухудшение ситуации.

В отношении конкретных физических процессов — таяния арктической мерзлоты, закисления океанов вплоть до уничтожения основ пищевой цепочки морских организмов или быстрого уменьшения антарктического ледяного щита — они безнадежно облажались.

И все-таки люди продолжали отчаянную борьбу. Возможно, министерство по-настоящему отставало лишь в общественной сфере. В любом случае борьба не прекращалась.

Увы, отчаянная борьба шла не только во имя

добра, но и против него — за то, чтобы помешать их усилиям, затормозить их. По сути, на Земле обитали группы людей, стремившиеся уничтожить все живое путем всеобщего убийства-суицида. Пока работники министерства шли по протянутому над пропастью канату, находились мерзавцы, стремящиеся запрыгнуть на балансшток и отправить канатоходцев на верную смерть.

— Дураки никогда не переведутся, — заметил Бадим в ответ на очередную жалобу Мэри.

Если бы дело было только в дураках.

— Скоты никогда не переведутся, — ядовито поправила Мэри.

— Сосредоточь внимание на людях, которые ведут борьбу во имя добра. Их неизмеримо больше.

Через месяц после объявления о создании карбон-койна в офисе министерства на Хохштрассе взорвалась бомба.

Это случилось ночью, когда в здании никого не было. Вероятно, тот, кто подложил бомбу, выбрал ночное время намеренно, хотя точно никто не знал. Швейцарские полицейские, сопровождавшие Мэри во время осмотра разрушений, вели себя нервно и настороженно, от прежнего извинительного тона не осталось и следа. Порицание

жертвы — одна из ошибок, часто совершаемых стражами порядка.

Ей посоветовали не возражать против усиления полицейской охраны. Нет, не посоветовали — настояли. Вид разгромленных министерских офисов в по-швейцарски солидном, построенном на века каменном здании, дыр в стенах, через которые прохожие могли заглянуть внутрь, каких-то черных ошметков, в которые сотрудники сами могли превратиться, сиди они в своих кабинетах, шокировал Мэри. Поэтому она не стала спорить.

Вскоре выяснилось, что полиция подразумевала не краткосрочную заминку с последующей свободой передвижения под охраной. Нет, отвечавшие за ее охрану предлагали и даже требовали, чтобы она спряталась. Для этого у них неподалеку имелись специальные объекты, убежища и настоящая цитадель в Альпах. Мэри имела право уехать в любое место мира, лишь бы на время скрыться. Министра заверили, что ее жизни угрожает вполне реальная опасность. Возражения не принимались. У Мэри был небольшой выбор по части «где» и никакого выбора по части «а нужно ли».

Покинув Швейцарию, она покинула бы свой

штаб. И Цюрих.

Мэри выбрала Альпы.

61

Негативная реакция на угрозу гибели биосферы отнюдь не редкость. Огорчение, тоска, злость, паника, ощущение вины, отстраненность, депрессия — частая реакция на новости о глобальной климатической катастрофе. Негатив иногда достигает такого накала, что его можно назвать патологией.

Одна из таких реакций, разновидность избегания, получила название «синдром Маски Красной Смерти», по одноименному рассказу Эдгара По. В рассказе группа привилегированных аристократов уединилась в замке, когда в стране свирепствовала чума, и устроила маскарад, чтобы то ли отвлечься, то ли показать свое безразличие или бесстрашие перед ликом судьбы. Каждый зал был освещен пропущенным через разноцветные фильтры светом. Одевшись в домино и маски, гости переходили из зала в зал, танцуя под музыку, поглощая изысканные блюда и все в таком же духе. Откуда ни возьмись появляется молчаливый незнакомец в маске, он проходит через все залы, и в конце читатели с

ужасом понимают, что на маскарад собственной персоной пожаловала Смерть.

Синдром сводится к утверждению, что накануне близкого неотвратимого конца не остается ничего, кроме как веселиться, пока еще есть возможность. Танец смерти позднего средневековья — dance macabre по-французски, Totentanz по-немецки — ранний образчик такой реакции, ассоциировавшийся в то время с чумой. Очевидно, он и вдохновил Эдгара По написать рассказ.

Существуют и неоднократно наблюдались еще более крайние патологические реакции на гибель биосферы. Бывает, что люди, чувствующие приближение конца, стремятся ускорить или усугубить его наступление. Они рассуждают так: раз я умру, то пусть весь мир погибнет вместе со мной. Это очевидное проявление нарциссизма получило название «синдром Сумерек богов». Гитлер в последние дни Второй мировой войны — канонический пример такого ответа. К нему нередко примешивается ненависть к окружающим.

Название взято из оперы Вагнера «Сумерки богов», в финале которой древние боги дохристианской нордической мифологии, умирая, уничтожают мир в процессе последнего крова-

вого самоубийственного аутодафе. Народный перевод на английский по созвучию с немецким словом означает «божье проклятие мира», хотя в немецком оригинале однозначно «Сумерки богов» — германский неологизм скандинавского Рагнарёк.

«Синдром Сумерек богов», как и прочие буйные патологии, чаще возникает у мужчин, чем у женщин. Его нередко интерпретирует как проявление нарциссической ярости. Те, кто ее ощущает, как правило, наделены привилегиями и чувством собственной исключительности, они легко впадают в ярость, когда их лишают привилегий и отказывают в том, что им якобы принадлежит по праву. Когда они сталкиваются с выбором — признать свою ошибку или уничтожить весь мир, — то у них не возникает сомнений: надо разрушить мир, ибо признавать собственные ошибки они не умеют.

Нарцисса пугает даже ночное небо, ибо оно служит доказательством существования мира вне его собственного «я». По этой причине нарциссы не любят выходить за дверь, обитают в мире идей, требуют подчинения и одобрения от всех, с кем контактируют, для них все остальные — либо слуги, либо бесплотные призраки. С при-

ближением смерти они стремятся оставить после себя как можно больше разрушений.

Кое-где проскакивало сравнение капитализма с «Сумерками богов». Такое смещение из области психологии в область социологии не совсем оправданно, а потому выходит за рамки данной статьи. В любом случае оно не нуждается в объяснении.

62

Дежурный офицер Сибилла Шмидт. Объект Мэри Мерфи принята под охрану 27 июня в 7:00. В мою группу входят Томас, Юрг, Приска и я. Приска постаралась, чтобы М не чувствовала себя неуютно. М явно недовольна.

В разведуправлении некоторые считали, что ее министерство как-то связано с захватом заложников в Давосе, поэтому Юрг сказал Томасу, что М не следовало бы задирать нос. Разумеется, он вел себя с профессиональной вежливостью и говорил это не в присутствии М. Я попросила его впредь держать подобные мысли при себе. Наша группа признана в федеральной службе разведки Швейцарии лучшей в деле оценки внутренних угроз. Разумеется, после давосского инцидента наш отдел жестоко критиковали, некоторые люди подозревали, что мы были как-то связаны с захватчиками либо позволили осаде продолжаться дольше, чем следовало. Покритиковать нас всегда много охотников, особенно среди политиков, которых мы же и охраняем. Нас называют «Spasspolizei» — «кайфоломами», однако, когда

припрет, от наших услуг не отказываются. По сравнению с большинством других стран Швейцария очень свободная и безопасная страна.

Есть старый европейский анекдот: в раю повара — французы, полицейские — британцы, инженеры — немцы, любовники — итальянцы, а в аду повара — британцы, полицейские — немцы, инженеры — итальянцы. Швейцарцы в анекдоте тоже фигурируют, только я забыла, в какой роли. Может, у них одна и та же работа и в раю, и в аду? Диспетчеров? Банкиров? Охранников? Не помню. Может, анекдот придумали швейцарцы?

Мы посадили М в наш фургон — пуленепробиваемый, защищенный от дорожных мин, с затемненными окнами и закрытой связью. Приска и Томас похвалили, что М путешествует налегке. М села на заднее сиденье с Приской, мы — в среднем ряду и спереди. Юрг — за руль. По шоссе до Берна без происшествий. Из Берна в Тун, оттуда — на западный берег озера Тунерзее. Наверх по серпантину, к Хайдиланду с его большими деревянными домами, красными геранями на окнах и альпийской зеленью до самых черных утесов Бернского Оберланда. Мне больше нравится Граубюнден.

В Кандерштеге мы съехали с автострады и по

частной дороге в объезд верхней станции канатной дороги направились к озеру Эшинензее. По дороге Приска объяснила М, почему Кандерштег считается захолустьем, показывая в окно: кататься на лыжах практически негде, город окружают одни скалы. Единственный выход из каньона с отвесными стенками — железнодорожный тоннель на Рону, один из самых старых. Поэтому, как и во всех альпийских каньонах, не пригодных для лыж, здесь тишь да гладь. Парапланеристов больше, чем лыжников.

Проехали мимо овец на альпийском лугу. М сказала, что, если не смотреть на горы, сцена похожа на Ирландию. Южный хребет очень высокий.

Прибыли к Эшинензее в 10:40. Приличных размеров круглое озеро под высокой скалой, покатой стеной из серого гранита высотой около тысячи метров — захватывает дух. Вода непроницаемо голубого цвета — признак притаившихся где-то наверху ледников.

Приска рассказала М о Эшинензее: такое большое озеро и так высоко в горах — большая редкость, все из-за того, что гигантские ледники вылизали альпийские долины, не оставив ни одного каменного гребня, способного удержи-

вать воду. Так что пруды и озера начинаются только внизу у великанов Миттеланда. Однако здесь с нависшей над долиной скалы сорвался оползень, создав естественный резервуар, который заполнился талой водой. У озера нет истока, вода просачивается сквозь каменные завалы, и ручейки на полпути к Кандерштегу соединяются в один большой ручей. Я сама этого не знала и слушала с интересом. М только кивала, думая о чем-то своем.

Проехали мимо горного отеля на берегу озера ко второму корпусу, зарезервированному для нас. Семья владельцев была в курсе нашего задания и выручала нас не первый раз.

Через пару дней для нас без лишней спешки освободят одну из хижин Швейцарского альпийского клуба над озером. А пока что поживем во втором корпусе отеля. Два дня гуляли с М вокруг озера. Она не желала сидеть в помещении, я решила, что гулять у озера не опасно, и получила «добро» из Берна. Тропы частично пролегают по лесу, видно, как они поднимаются в гору над макушками деревьев. М то и дело останавливалась и рассматривала деревянные скульптуры в лесу, вырезанные прямо на торчащих из земли стволах. Доисторические фигуры, звериные морды,

местный фольклор, снеговики и прочее притаились в тени под деревьями. Еще выше начинался низкорослый кривой подлесок. «Типично для Бернского Оберланда», — заметила Приска. По дороге она много рассказывала М об Альпах, в основном известные нам вещи, но Приска знает больше нашего.

Скала над озером выглядит очень эффектно. Каждый день обрывки облаков заслоняли скалу до половины, подчеркивая ее высоту. М заметила, что эта скала выше любой ирландской горы. Ее высота и пастельно-кобальтовый цвет озера придают виду характер китчевой компьютерной заставки или картинки, нарисованной художником для обложки книги, — слишком неправдоподобно и фантастично. Нет, я определенно предпочитаю Граубюнден.

Однажды вечером М вступила в разговор с владельцами отеля. Сейчас они среднего возраста, но я с ними встречалась и раньше, когда они были моложе и я приезжала сюда с родителями. Теперь уже их дети достаточно подросли, чтобы самим вести хозяйство. Сын принадлежит к пятому поколению владельцев. М заметила, что это большая редкость, хозяева согласно закивали головами. Им повезло, говорят. Им здесь хорошо.

М, указав на скалу, спросила, есть ли возможность обойти вокруг озера, не возвращаясь. «И да, и нет, — ответил сын. — Обойти-то можно, но там есть один карниз, — он указал на зеленую линию, пересекающую утес примерно посредине. — По нему можно пройти, однако я сделал это всего один раз, и то, когда был еще очень молод. Сейчас бы уже не посмел. В какой-то момент тропа становится настолько узкой, что возникает мандраж».

— Как и всегда в жизни, — подметила М.

Сын кивнул: «Всегда что-нибудь мешает идти дальше».

На следующий день мы поднялись к подготовленной для нас хижине ШАК «Фрюнденхютте». Отправление в 5:20 утра. Подъем на тысячу метров, местами крутой. М быстро устала и была заметно недовольна, что мы не остались у озера. «Приказ Берна, — сказала я. — Стандартная процедура. По-настоящему надежное место — это хижина ШАК».

Шесть часов восхождения по крутому склону, след в след. Вдоль крутой стены тянется трос-поручень. М очевидно страдала от большой высоты. Шла еле-еле, молча.

«Фюнденхютте» впечатляет: большая каменная коробка, украшенная красными и белыми шев-

ронами ставень. Как в случае с любой хижиной ШАК, возникает недоумение: зачем строить их на такой верхотуре. Одна чуднее другой — излюбленный прием, чтобы пустить пыль в глаза скалолазам и владельцам соседних хижин. Наша стоит на возвышении посреди ложа ледника, от которого ничего не осталось за исключением скопления глыб льда в самом начале бассейна. По обе стороны хижины ленивыми зигзагами змеится старая конечная морена. Фотографии на стене в столовой показывают, где был ледник Фрюнден в 1902 году — белый язык льда почти доставал до хижины, нависая над ней. Еще четыре снимка, два из них — с воздуха, отслеживали постепенное отступление ледника. Теперь от него остался серо-белый огрызок, застрявший под утесом в низшей части гребня.

Остаток дня М отдыхала. Мне показалось, что она страдает от высоты, и я дала ей таблетки «Диамокс». Позже она сделала несколько звонков по каналу шифрованной связи, который мы для нее выделили. Потом вздремнула и проснулась аккурат к закату. Ярко-розовые вершины на фоне чистого неба, высокие облака на востоке — тоже розовые. М сказала, что не прочь поработать отсюда на телефоне и очень довольна. Хороший

признак.

Еще один хороший признак — к вечеру у нее проснулся аппетит. Повара приготовили раклет и рёшти, подав их с салатом и хлебом. За хижиной присматривали супружеская пара средних лет и пара помощников помоложе. Они отвели М в общую спальню, другой здесь не было, то есть отдали ей все матрасное лежбище. М это насмешило. Односпальные матрацы тянулись по всей длине комнаты, на доске вдоль стены проставлены номера — двадцать спальных мест, на каждом — свое пуховое одеяло и подушка. М приняла две таблетки и пожелала всем спокойной ночи. Было 9:10 вечера.

На следующий день в хижине остались только мы и хозяева. М позавтракала в столовой, проверила почту, сделала несколько звонков по закрытой линии. Потом пила кофе на патио с видом на озеро 1200 метров внизу. «Как огромны Альпы», — сказала она Приске.

Позже попросила сходить на прогулку, мы отвели ее к началу ледника Фрюнден, шесть километров по бассейну. Подъем был не так крут, как накануне к хижине. Приска объяснила, как это получилось: вместо того, чтобы идти вверх по склону U-образной впадины, оставленной

ледником, мы поднимались по склону такой же впадины, но намного меньшей. Мы на дне усыпанной камнями висячей долины, здесь она не такая обрывистая, как в том месте, где отвесно переходит в нижнюю крупную долину. Все как всегда. По мере восхождения все меньше мха, лишайников и альпийских цветов, дальше — голые камни, возможно, пару лет назад их еще покрывал ледник. Во второй половине дня мы дошли до подножия ледника, который почти полностью покрыт черным щебнем, скатившимся с гребня, и прорезан вертикальными белыми щелями вымоин, из которых проглядывал глетчерный лед. В самых глубоких трещинах лед был голубой.

«Как жалко, — прокомментировала М. — Вам приходится наблюдать умирание ледников своими глазами».

«Хорошего мало, — согласилась Приска. — Хотя, возможно, не так плохо, как в Гималаях, где талая вода — единственный водный ресурс. Но и здесь многое поменялось. Мы теряем воду, гидроэнергию. Ощущение такое, будто зло побеждает. Это как болезнь, лихорадка, только убивает она не людей, а ледники».

Но пока еще подножие ледника возвышалось над головой до пятнадцати метров. Чтобы взо-

браться наверх, пришлось бы лезть по боковой морене и преодолевать промежуток между мореной и льдом. Лучше уж на кошках прямо по стене, прочного мостика из камня или льда можно и не найти. Задача не для сегодняшней прогулки.

Мы спустились с М обратно к концу бассейна, только теперь увидев, каким крутым все-таки был подъем. Приятный вечер в хижине.

В 2:46 утра всех разбудил громкий треск и грохот. Мы кинулись к М, заподозрив неладное, Юрг успел достать пистолет. Из окон ничего не видно, безлунная ночь. Звук оборвался, снаружи темнота. «Лавина», — предположила Приска. «Нет, камнепад, — возразили хозяева. — Не снег, а камни». Определенно камни, слишком уж звук громкий. И все стихло через полминуты. Хижина стояла на возвышении и далеко от утеса, хозяева сказали, что здесь можно не бояться камнепада или оползня.

Большинство вернулись в постель. Юрг, Приска и я присели на пол перед комнатой М, сон улетучился. Томас с одним из хозяев пошел посмотреть и, вернувшись, сказал, что большую кучу камней навалило совсем близко — с западной стороны хижины. Мы вызвали Берн, спросили, что происходит, не напал ли кто. Потом ждали ответа из

Берна насчет вероятности того, что враждебные элементы выследили М и прислали убийц.

На рассвете все вышли посмотреть: да, свежий обвал. Камни скатились по крутому склону на западе от хижины. Осыпь доехала по дну впадины почти до самой постройки. Нагромождения огромных валунов кристаллического сланца, гнейса и гранита. «Сцепка между различными породами всегда слабая», — пояснила Приска. Как всегда, самые крупные камни укатились дальше всех. Один валун размером почти с саму хижину лежал от нее всего в двадцати метрах. Своей формой он напоминал неотесанную копию нашего жилища. Если бы разогнался побольше, раздавил бы и дом, и всех, кто в нем был, в лепешку. Один лишний кувырок игрального кубика — бац! — и до свидания.

Я посовещалась с группой на «швицердюч», местном диалекте немецкого, чтобы М не могла нас подслушать. «Слишком много совпадений, — сказала я. — Мне это не нравится. Это — режим ЧП. Протокол уже запущен».

Берн меня поддержал. ЧП однозначно. Приготовиться к отбытию. План эвакуации сообщат, как только он появится. Очевидно, нас раскрыли.

Мы взвесили варианты. Если мы раскрыты,

эвакуироваться вертолетом небезопасно. Можно нарваться на атаку дронов. Хижина, конечно, тоже уязвима. Берн пообещал, что план будет готов через час.

Мы объявили М, что надо уходить.

— Опять? — воскликнула она.

— Опять. В Берне считают, что враждебные элементы вычислили ваше местонахождение.

— Вы действительно считаете, что кто-то мог искусственно устроить такой большой оползень?

— Трудно сказать. Хозяева дома говорили, что скала нависает над впадиной. Могла и сама упасть, но если в выступ на большой скорости ударил какой-нибудь снаряд, пусть даже без взрывного заряда, просто разогнанная до нужной скорости инертная масса, он мог обвалить скалу. Оползень похоронил бы под собой любые улики, все было бы похоже на несчастный случай. Обвал мог запросто раздавить хижину. Камни чуть-чуть не докатились. На глазок такие вещи трудно спланировать.

— А может, просто совпадение?

— Чтобы скала, простоявшая много веков, вдруг обрушилась сразу же после вашего приезда? В конкретный день?

— И все-таки совпадение нельзя исключать, — ответила М. — На то они и совпадения.

Томас покачал головой: «В Берне что-то учуяли. Они не считают это совпадением».

— Ну хорошо, — ответила М, все больше волнуясь. — И куда теперь?

Мы объяснили ей план.

63

Мы пришли к Мэри через минуту после полуночи, постучали, чтобы разбудить, выяснилось, что она не сомкнула глаз. В хижине было темно и холодно, охранники переговаривались нервным шепотом. «Альпинисты всегда встают в этот час, — заверила ее Приска, — чтобы забраться повыше еще до восхода солнца».

Приска и Сибилла отвели Мэри в душевую и обвели вокруг ее туловища детектором. Оставшись в одном нижнем белье, Мэри дрожала от холода. Затем проверили всю приготовленную для нее одежду и все вещи, которые она возьмет с собой. Их было совсем немного. Телефон охранники попросили оставить в хижине, пообещав отдать его позже. Как и личную одежду. «Маячок» вроде бы не обнаружили, но Мэри все равно посоветовали оставить на месте все, что не потребуется в течение дня.

Хозяева хижины снабдили гостью теплой одеждой, горными ботинками, накладными шипами-кошками и парой верхних комбинезонов на пуху. Комбинезон напоминал космический

скафандр. Выдали также каску альпиниста и крепящуюся к поясу и бедрам обвязку.

— Мне не нравится ваш план, — призналась Мэри.

— Все будет хорошо, — заверила Приска. — Фрюнденйох не такой уж сложный.

— Что-то вы темните, — усомнилась Мэри. Она уже усвоила, что «не сложный» в переводе со швейцарского, когда речь шла об Альпах, означало «охренительно трудный». А «йох» означало «перевал». То есть еще выше ледника, к которому они вчера ходили, был некий проход между горами. В скальной стенке, образующей часть гребня горного массива Бернский Оберланд, над ледником имелся вырез. Если знать, куда смотреть, его можно увидеть даже из хижины. Еще вчера Мэри заметила, что черная скала под вырезом выглядела совершенно отвесной. Несложный перевал — ага!

В два часа утра они вышли в студеную ночь. Луна спряталась, при свете звезд бассейн мерцал, словно источал свой собственный черный свет. Фонари на касках рассекали темноту лучами, выхватывая впереди неровные круги и эллипсы каменистой почвы. Мэри шла в связке между Томасом и Приской. Сибилла и Юрг двигались

рядом во второй связке. У всех на касках горели фонари, поэтому путники разговаривали, не поворачивая головы.

После нескольких часов подъема по каменистому склону и недовольного пыхтения Мэри согрелась — за исключением носа, ушей, пальцев на ногах и кончиков пальцев рук. Группа вышла к подножию остатков ледника. Потом вскарабкалась наверх по боковой морене, состоявшей из разрозненных валунов, ненадежно скрепленных замерзшим песком. После этого предстояло взобраться по ледяной боковине на сам ледник. Наклон в сорок пять градусов, если не больше, лезть требовалось, пользуясь кошками. Мэри ни с чем подобным раньше не сталкивалась. Охранники присели, помогли ей пристегнуть накладные шипы к ботинкам, сунули в руки ледоруб. Мэри ткнула носком поверхность стенки, шипы впились в лед и держали крепко. Энергичные толчки ногами позволяли подниматься по склону как по приставной лестнице, только вместо перекладин она опиралась на концы тупоносых ботинок с шипами. Как интересно. Тук-тук-тук — Мэри быстро поднималась вверх по склону ледника. Помощь привязанного к ней канатом Томаса, который уже стоял наверху пологой вершины,

делала подъем вообще плевым делом.

Потом Мэри шла в группе с остальными по макушке ледника, шипы застревали во льду на каждом шагу. Иногда нога немного проваливалась и, пробив слой слежавшегося снега, застревала. «Это — фирн, — сообщила Прискa. — Удобно идти». Странное заявление. Мэри предпочитала голый лед, за который шипы хорошо держались, не погружались на всю глубину. Ей приходилось рывками высвобождать ступни и на каждом шагу задирать ноги повыше, чтобы не зацепиться за кромку и не упасть. Опустив ногу и вонзив шипы, она уже не могла оттолкнуться и заставить подошву скользить, сколько бы ни пыталась. Это внушало чувство надежности. Выданные ей ботинки были великоваты, во время ходьбы ступни в ботинках чуть-чуть смещались туда-сюда.

Все это доставляло массу неудобств, было непривычным. Мэри сомневалась в нужности всей затеи, но не хотела спрашивать вслух, чтобы не подумали, будто она критикует. Если ей грозила опасность, то такая же опасность грозила всем остальным, однако спутники не покидали ее, выполняли свою работу. Поэтому Мэри делала все, что ей скажут, без лишних жалоб. Уже сам

факт, что ее опекуны сочли эвакуацию необходимой, наводил на пугающие мысли. Она гнала их от себя, стараясь сосредоточиться на льду под ногами и дыхании.

Группа с мерным хрустом поднималась все выше по леднику. Тишину нарушали только поскрипывание и тихий скрежет креплений и шипов. Однажды послышался грохот скатившегося камня. В остальном — полное безветрие и безмолвие. Черное небо, утыканное звездами. Фосфоресцирующее облако Млечного Пути у западного горизонта. Томас шел вдоль линии флажков, натянутой между палками, вставленных в жестяные стаканы, доверху залитые бетоном. Мэри поежилась при мысли, каково было тащить такую тяжесть на ледник: каждый стакан весил на вид не меньше двадцати килограммов. Кто-то же их расставил, чтобы обозначить путь к перевалу. Приска сообщила, что линия флажков указывает обход вокруг полей расселин. По мере движения льда флажки переносят на новое место, хотя данный ледник и не представлял собой большой угрозы, он практически весь растаял, превратившись в одно малоподвижное ледяное поле. Приска и Сибилла показывали ей соседние расселины, Мэри ничего не могла разглядеть. Не-

большие впадины в снежном покрытии поверх льда, может, там и не лед вовсе, а фирн, Мэри пошла бы по ним, не задумываясь. А зря.

Проходя мимо очередного флажка, в свете фонаря она заметила, что и флажок, и стакан выкрашены краской оранжевого цвета. В свете звезд они выглядели серыми.

Через два часа группа поднялась на вершину ледника, откуда была видна черная скала с перевалом. Черный утес от кромки льда отделял неширокий провал с вертикальными стенками. Это — бергшрунд, объяснили попутчики. Хорошо известное препятствие при переходе с ледника на вершинную стенку, иногда непреодолимое. Хорошо еще, что у этого бергшрунда имелись неровные ступени, вырубленные в борту ледника, испещренные дырками от шипов и ведущие на дно небольшого темного ущелья, где черная скальная порода встречалась с ледяной массой. Коварный спуск. Приска и Томас держали Мэри за руки — следя за каждым шагом, она с благодарностью приняла поддержку. Ей хотелось воскликнуть: мне пятьдесят восемь лет, такие походы не для меня, я дитя города. Узкая полоска звездного неба над головой выглядела зловеще.

Группа, цепляясь шипами за трещины, начала

подъем по каменному борту бергшрунда. Поначалу затея показалась Мэри рискованной, однако на самом деле ботинки держались за камень еще лучше, чем за лед. В скале обнаружились выемки на равномерном расстоянии друг от друга, как будто их вырубили люди. Приска заверила, что это не так.

Они влезли на стенку и, словно на крохотных ходулях, ширкая, двинулись дальше по почти плоским черным каменным плитам, окруженным с обеих сторон отвесными черными стенами. Путь напоминал коридор без потолка, выстроенный титанами. Охваченная азартом гида, подстегиваемого сюрреалистической жутью ситуации, Приска поведала, что разломы на стыках скальных пород позволяли леднику, когда он залегал высоко и покрывал всю эту часть хребта, подхватывать и выносить неприкрепленные каменные глыбы из прохода — скорее всего, на юг, где их вскоре можно будет увидеть. Выдавленная сбросовая глыба оставила на своем месте четкий прямоугольный, словно сделанный с помощью отвеса и уровня, пролом. Настоящая фантастика. Не говоря уже о том, что когда-то весь хребет, да и вообще все Альпы были покрыты морем льда — все, за исключением самых высоких пиков.

Томас и остальные попутчики своим видом давали понять: подумаешь, обычный швейцарский перевал. Приска же им явно гордилась. Каждый перевал в Альпах имеет особый характер, рассказывала она. Большинство хорошо известны со Средних веков или даже раньше, не одну тысячу лет с тех пор, как люди впервые появились в этой гористой местности. Как, например, ледяной человек, чью мумию обнаружили на перевале после отступления ледника на востоке отсюда. Он шел через перевал пять тысяч лет назад. Шел да не дошел, мысленно поправила Мэри, но промолчала.

Группа проследовала через перевал Фрюнден как по коридору, ведущему в другой мир. Переход занял всего пять минут. «Еще тринадцать метров, и они поднялись бы на высоту трех километров над уровнем моря, — объявила Приска. — Люди здесь иногда подпрыгивают, шутят, что таким образом достали до трехкилометровой отметки». «Не просто люди — швейцарцы», — подумала Мэри. Она бы сейчас не смогла подпрыгнуть и на три сантиметра.

Когда группа вышла из проема, южную часть Альп уже затоплял рассвет — резкая утренняя желтизна. Воистину другой мир. Пики на востоке

окрасились нежным розовым цветом, склоны, обращенные к другим сторонам горизонта, — лиловыми оттенками и пурпуром либо тонули во тьме. Снег внизу напоминал голубой бархат, небо над головой — незамутненная бледная серость, пропущенная через желтый солнечный фильтр. Пики простирались до горизонта во всех направлениях, на юге параллельно преодоленному гребню пролегал еще один высокий хребет. Внизу, вдоль длинного извилистого ледника, змеились черные боковые морены. «Ледник Кандерфирн, — объявила Приска. — Не чистый лед, а фирн темно-бирюзового бархатистого оттенка, очень странный на вид».

Прямо под ногами — пустой промежуток, за ним — масса голого льда с легким наклоном, выглядящая как терраса, ведущая к находящемуся еще дальше фирну. Последний зазор между краем ледовой террасы и фирном с их точки не было видно, очевидно, там притаился крутой обрыв. Посмотрев в ту сторону, Мэри заскрипела зубами. Идти еще так далеко, а она уже вымоталась, ахиллесовы сухожилия болели, каждая мышца ныла о пощаде.

Мэри оставила свои мысли при себе и медленно поплелась за своими спутниками. Ниже, еще

ниже. Кое-где ей помогали. Идти по камням в ботинках с шипами было чертовски тяжело, но в то же время надежно, подошвы приставали к месту — не самое плохое ощущение, поскользнуться было бы куда хуже. Приска подтвердила то, что Мэри чувствовала подошвами ног: в ботинках с кошками ногу можно намеренно ставить прямо в трещину и не бояться оступиться, как в обычной обуви. Это оказывало невероятное давление на щиколотки, нередко возникало чувство, что сил не хватит, что она вот-вот упадет, стопы наклонялись то в одну, то в другую сторону против ее собственной воли. Подчас ничего не оставалось, как сдаться и сделать еще один шаг — поспешно, непродуманно, отчаянно. Всякий раз, когда это случалось, нога застывала в новой трещине, принося неожиданное успокоение. Твою мать, раз за разом мысленно повторяла Мэри. Какого черта! Так долго не могло продолжаться. Рано или поздно очередной шаг окажется роковым. Сердце бешено стучало, она вспотела, взгляд намертво прилип к поломанным ступеням из потрескавшегося черного камня.

После бесконечно долгого спуска они вышли на ледяную террасу, которую Мэри видела сверху. Терраса полого уходила вниз и внезапно обрыва-

лась прямо в воздухе. Наверное, внизу поджидала скала изо льда или камня — новая напасть похуже прежней.

— Теперь нужно ждать, — объявила Приска.

— Ждать? — удивилась Мэри. — Чего ждать?

— Нас заберут отсюда. Подвезут на попутке.

— Слава тебе, господи, — пробормотала Мэри.

Очень далеко внизу, начинаясь с дальнего конца фирна, расстилалась поверхность еще одного ледника с линией крохотных флажков. Уже достаточно расцвело, чтобы увидеть: все флажки были оранжевого цвета. Через пятнадцать или двадцать минут из долины послышался шум лопастей. Над обрывом взмыл вертолет с белым швейцарским крестом на красном фоне. Его приближения пришлось ждать достаточно долго — путь был не близкий. А воздух разреженный. Мэри ощущала его разреженность как противную слабость в костях.

Вертолет сел, шумно гоняя воздух, в пятидесяти метрах на практически ровный участок льда. Лопасти еще вращались, когда человек в шлеме и летном костюме открыл боковую дверь и жестом пригласил их в машину. Пригибаясь, группа дотопала до вертолета, опустилась на лед и отстегнула кошки (Мэри помогли это сделать спутники),

после чего она влезла по металлической лесенке в салон. Внутри грохотало так же громко, как снаружи, однако, когда они расселись в большом салоне, пристегнулись и сняли каски, им выдали противошумные наушники. Окружающий мир сразу притих. К тому же теперь они слышали в наушниках голоса друг друга.

Обсуждение велось на швейцарском диалекте, поэтому Мэри расслабилась и начала делать упражнения на растяжение икр и стоп. Мышцы в этих местах едва не сводили судороги, бедра тоже. Досталось не слабо, это уж точно.

Мэри заняла место у иллюминатора и, когда вертолет поднялся в воздух, посмотрела на крутые черные горы и широкие снежные поля внизу. Потом открылась еще более глубокая долина, намного шире прежней, с позеленевшими скалами по бокам, с рекой, автострадами, железнодорожными путями, крохотными деревушками, церковными шпилями, квадратными башнями, крышами и виноградниками, шеренгами взбирающимися к краям долины, особенно по правую сторону, на склонах, обращенных к югу. Долина Роны, предположила Мэри. Очевидно, это был кантон Вале, где находилась одна из крупнейших долин Швейцарии.

Вертолет летел по гигантскому каньону ниже горных вершин по бокам. Потом повернул в южном направлении, в створ узкой долины. Мэри знала, что одна из южных долин упиралась в Маттерхорн, однако вряд ли они летели прятаться в Церматте, к тому же они слишком далеко отклонились на запад. Ослепительный свет восходящего солнца все еще не проникал в боковые долины. Мэри окончательно потеряла ориентацию.

Постепенно стенки узкого каньона, по которому они поднимались все выше, подступили совсем близко, и вертолет сделал посадку на бетонной площадке под бетонной же плотиной, очень высокой и очень узкой, выгнутой, как это часто бывает, в форме подковы. Фантастический, почти карикатурный вид, как из книжки комиксов.

Пассажиры покинули вертолет и вошли в здание рядом с посадочной площадкой. Внутри они наскоро поели, сходили в туалет и сменили горные ботинки на обычные.

— Прогулка не закончилась, — пояснила Прискa. — Тут близко.

— Близко — это сколько? — поинтересовалась Мэри, чувствуя раздражение и тревогу. Ноги

подсказывали, что из них выжали все до последнего.

— Шесть километров. Недалеко.

— И подъем на двести метров, — добавил Томас, словно поправляя Приску. Мол, если даешь информацию, раскрывай ее полностью.

Мэри прикусила язык и промолчала. Она валилась с ног. Покой нам только снится.

Группа вышла из здания незадолго до полудня. Солнце выглядывало из-за нависающего гребня плотины. Самая высокая плотина Швейцарии, пятая по размерам в мире, сообщили ей. Почти триста метров высотой.

Слава богу, на западном склоне рядом с плотиной ждал вагон канатной дороги. Группа погрузилась и быстро взмыла вверх, откуда открывался великолепный вид на вогнутую плотину. От смены высоты заложило уши. Трудно представить, кому могло взбрести в голову устраивать плотину в таком месте, перегораживать узкое глубокое ущелье бетонной стеной высотой триста метров.

Они вышли на верхней площадке канатной дороги и двинулись по туннелю, открытому с одной стороны, как галерея, с видом на водохранилище. Вода имела цвет антифриза для радиаторов.

Выйдя из туннеля, группа оказалась в неглубокой впадине. Еще один каньон, вырезанный ледником. Тропа тянулась по дну ущелья вдоль бормочущего ручья. Мэри едва переставляла ноги. Следовало признать: идти было намного легче, чем в горных ботинках с кошками, но запал иссяк. Она умоталась. Ей было немного стыдно, что охранники даже не запыхались. Чертовы швейцарцы со своими чертовыми горами. На лыжне ее обгоняли даже трехлетние дети, катавшиеся без палок, чего уж удивляться, что ее телохранители лазают по горам как альпийские козы. Они у себя дома. Тропа покрыта каменной крошкой. Склоны с зеленой травой на берегах ручья. Выше травы — скальные стенки, слева высокая, справа низкая. Все выше и выше. Скрежет зубов. Размягчающая кости слабость.

Тут Мэри заметила, что с правой от нее стороны в ручье текла вода темно-коричневого цвета. Она присмотрелась. Быстрый поток был на самом деле прозрачен, зато все дно ручья устилали ржавые гвозди. Гвозди, болты, шайбы, гайки, уголки и прочая железная хозяйственная мелочь, сплошь облепленная густой темно-коричневой ржавчиной. Ржавчина покрывала дно плотным слоем наподобие ракушек или морских ежей. Вид

был настолько нереальный, что Мэри не могла поверить своим глазам. Она даже заподозрила, что ей это померещилось с усталости.

— Что за чертовщина? — спросила она, показав пальцем.

Спутники лишь пожали плечами.

— Осталось со старых времен, — ответила Приска.

— С каких?

— Скоро увидите сами.

Они перевалили через возвышенность и оказались в круглой, глубокой выемке с отвесной скалой слева и зеленым альпийским лугом справа. Дно выемки заросло травой и было усыпано камнями разной величины — от маленьких до размера с дом. Самые крупные напоминали ирландские дольмены. Присмотревшись, Мэри обнаружила, что не все камни настоящие, под них были замаскированы бетонные кубики с гладкими стенами без дверей и отличий.

Осмотревшись вокруг еще раз, Мэри заметила три высеченных в южном склоне огромных портала, прикрытых бетонными задвижками, каждый пятнадцать-двадцать метров в высоту и почти столько же в ширину. Как и квадратные постройки на дне выемки, ворота выглядели

совершенно безлико.

— Что это? — спросила Мэри.

— Военный объект, — коротко объяснила Сибилла.

— База ВВС, — добавила Приска, махнув на гигантские задвижки, как если бы смысл сказанного был и так понятен.

— Гражданских лиц на эту точку вообще-то не пускают, — объяснили опекуны. — Сюда вообще никого не пускают.

— А нас пропустили? — уточнила Мэри.

В гигантских воротах открылась маленькая бетонная дверь, которую Мэри сначала не заметила.

Министр проследовала за провожатыми в чрево горы. Она сообразила, что ее доставили на одну из секретных баз ВВС Швейцарии. Приска погрузилась в нехарактерное для нее молчание. Слухи о таких местах раньше доходили до Мэри, да и все их слышали. Установки точечного запуска реактивных самолетов, наследие холодной войны, предназначались для отражения вероятной советской агрессии. В случае вторжения советских танков в склонах гор открылись бы огромные ворота, из них начали бы вылетать — как стрелы из лука Вильгельма Телля — швейцарские

боевые самолеты. Швейцарцы помешались на самообороне, им это не впервой.

Что интересно, самолеты так никуда и не делись, ждали на пусковых установках. Небольшие машины с короткими крыльями и сильно выступающим фонарем скорее напоминали крылатые ракеты. Авиация вчерашнего дня, реквизит к старому фильму о Джеймсе Бонде. По сравнению с новыми крылатыми ракетами эти самолетики выглядели как жалкие шлюпки среди яхт. Ни дать ни взять музейные ирландские дубинки-шилейлы.

Увы, в секретную горную крепость Мэри загнали новые методы ведения войны. Она догадалась, что швейцарцы защищали не только ее или ее министерство, атаке подверглась вся Швейцария. Это можно было понять из разговоров окружающих. Один из них признал, что покушение на министерство — лишь часть более обширного нападения. Вирусы нарушили работу не только компьютеров в министерстве Мэри, но и в других агентствах ООН, расположенных в Швейцарии, а главное — местных банков. Объявлено чрезвычайное положение, страна перешла в режим военного времени, пока что война велась новыми, невидимыми средствами и по большей части

— в сети, но атаки дронов и высокоточных ракет тоже нельзя было исключить.

А потому Министерство будущего обороняли как Швейцарию в целом. Крепость-музей в горах наводила на мысль, что швейцарцы намерены обороняться всерьез. «Мы маленькая страна, а мир большой, — объяснил швейцарский военный, провожавший ее по длинному туннелю к спрятанному в недрах горы конференц-залу. — Время требует нестандартных действий». Спутник наконец представился: министр обороны Швейцарии.

Подавив стон облегчения, Мэри присела за длинный стол вместе с группой официальных лиц. Какое наслаждение просто сидеть, в ногах пульсировала усталость. Министр огляделась: зал широкий, с низким потолком, длинная боковая стена из гнейса — часть скалы, но обтесанная и отшлифованная, точно полудрагоценный камень. Потолок из какого-то белого керамического материала сиял матовым светом.

Мэри ощутила жжение на коже, она явно обгорела на солнце и была покрыта дорожной пылью. Она вытерла лицо. «Alpenverbraucht, — прошептала Приска, — альпийский ступор». Одного взгляда было достаточно: все за столом видели,

каково ей сейчас, и были хорошо знакомы с этим ощущением. Все эти люди побывали в ее шкуре и понимают ее состояние.

Один из присутствующих рылся в бумагах и смотрел на телефон, словно чего-то ожидая. В зал одной группой вошли семь человек. Федеральный совет, вдруг дошло до Мэри. Главы всех семи федеральных департаментов!

Перед Мэри сидел семиглавый президент Швейцарии — пять женщин и двое мужчин. Она не знала их имен.

Заседание велось на английском языке. Разумеется, это делалось ради нее, однако Мэри, пока слушала их, отвлек вопрос: на каком языке общаются между собой члены совета, когда рядом нет посторонних? Мэри мысленно отмахнулась и постаралась сосредоточиться на обсуждении, чувствуя себя слишком измученной, чтобы что-то отвечать, едва способной уследить за нитью разговора. «Одни говорят по-французски, другие — по-немецки, — вяло размышляла она, — хотя в Швейцарии, в отличие от Германии и Франции, не так-то легко разобрать, кто есть кто. Тем более в такой ситуации». Мэри показалось, что кресло уплывает куда-то в сторону.

Женщина, одна из семерки, объявила, что

члены совета пришли на встречу с министром, потому что столкнулись с кризисом, который, похоже, как-то с ней связан. Взрыв в Министерстве будущего — лишь одно из нападений на офисы ООН по всей стране — Интерпола, Всемирного банка, женевских учреждений. Атаке подверглась и сама Швейцария. По сути, объявлена война международному порядку.

— Кем? — спросила Мэри.

Наступила длинная пауза. Члены федерального совета переглянулись.

— Мы не знаем, — призналась одна из женщин, романдка Мари Лангуаз, ветеран «Кредит Суисс». — Похоже, что удар по нашим органам банковского надзора нанесли те же лица, что устроили взрыв в Министерстве будущего.

— Ясно, — сказала Мэри, хотя ей ничего не было ясно.

— Захват заложников в Давосе спланировало ваше министерство? — спросила Лангуаз.

— Не знаю, — отрывисто ответила Мэри. Подумав, добавила: — Не кажется ли вам, что они этого заслужили? Кто-нибудь огорчился?

— Мы огорчились, — ответил один из семи.

Наступила неловкая пауза. Мэри не стала ее прерывать. Ваш ход, решила она. Ее, похоже,

никто не собирался поддерживать.

— Что произошло с вашими банками? — наконец спросила она.

Семеро опять переглянулись.

— Мы не банкиры, — ответила Лангуаз (хотя сама как раз была банкиром), — а потому не можем углубляться в подробности. Пока очевидно, что атака скомпрометировала множество тайных счетов в швейцарских банках.

— Раскрыла личность владельцев? — уточнила Мэри.

— Нет. Частные счета зашифрованы несколькими разными способами, их невозможно взломать. Однако банки сейчас испытывают трудности с доступом к файлам, декодирующим личность владельцев, не могут с ними оперативно связаться и прочее. Банкам грозит не разглашение личности владельцев, а потеря базовой информации.

— То есть ваши банки не могут разобраться, что кому принадлежит?

— Примерно так, — согласился один из присутствующих. «Еще один банкир, — подумала Мэри. — Интересно, сколько глав департаментов пришли из банковского сектора? Четверо из семи? Пятеро?»

— В конце концов мы восстановим порядок, — заверил один из министров. — Вся информация есть и на бумаге, и в облаке, как положено. Она сохранена в «Time Machine». — До Мэри только через секунду дошло, что речь шла не о машине времени, а о хранении резервных копий. — Тем не менее налет всполошил вкладчиков. Некоторых заставил запаниковать. Это плохо для стабильности банков.

Мэри кивнула. Собравшиеся напряженно ждали ответа. Они приехали не говорить, а слушать, поняла она.

Министр повела речь, как если бы высказывала то, что спонтанно приходило в голову. А что? Она слишком устала, чтобы пропускать сказанное через обычные фильтры.

— Дело — в загадке денег. Деньги — это цифры, которым верят люди, хотя вера возникает не сразу. Но стоит ей пропасть — р-раз, и никаких денег нет. Между тем деньги стали частью глобальной финансовой системы, настолько усложнившейся, что ее перестали понимать даже те люди, которые призваны ею управлять.

Мэри обвела взглядом собравшихся, как бы говоря: да-да, я вас имею в виду.

— Стихийная мегаструктура проникла в самую

сердцевину общества, — Мэри настроилась на волну рассуждений Янус-Афины. — В секретную горную крепость, охраняющую покой не только вашей страны, но и ваших банков. А это значит, что люди верят еще и в цивилизацию. Верят в систему, которую на самом деле никто не понимает.

Семь пар глаз уставились на министра.

Мозги Мэри на мгновение окутал туман, она очнулась и снова увидела перед собой главных лиц страны.

— На что вы надеетесь в подобной ситуации? — с любопытством спросила она.

Ее заверили в желании защитить Министерство будущего. И даже укрепить его. В рамках обороны самой Швейцарии. Если найти пути, ведущие к лучшему будущему, то безопаснее будет и для самой федерации. Не могут же восемь миллионов граждан жить только тем, что производится или выращивается в одной Швейцарии. Для сравнения их страна наполовину меньше Ирландии, при этом 65 процентов территории занимают бесполезные для человека горы. Остальные 35 процентов — агломерация, удовлетворяющая нужды по мере возможностей. Швейцарцы стараются изо всех сил, но они —

часть большого мира. Они не самодостаточны. Самодостаточность — мечта, фантазия, которую иногда поддерживают националисты и ксенофобы, в прочих случаях она не более чем скромное стремление к надежности. Швейцарский народ в большинстве своем реалисты и не питает иллюзий, что справится в одиночку, без связки с остальным миром.

По этой причине министры желали успеха ее министерству, Швейцарии, а значит, всему миру. Успеха будущему. Успех не случится сам по себе, без планирования и проектирования.

— Все это хорошо, — сказала Мэри. — Мы стремимся к тому же. Но вы способны на большее. Того, что вы сейчас делаете, мало.

Мэри чуть не разобрал смех, когда она вспомнила, что почти слово в слово повторяет речь Фрэнка в памятный вечер. Однако смеяться без видимой причины не стоило, она подавила импульс, вдруг вспомнив, как оцепенела под издевательским напором Фрэнка. Что придавало его обвинениям такую убедительную силу? Ведь этих семерых она не смогла убедить. Они не сомневаются, что и так делают все возможное. Она тоже так думала, пока Фрэнк не перехватил ее на улице.

Мэри спросила, знали ли банки личность вклад-

чиков до того, как записи были повреждены.

В ответ — удивленные взгляды.

— Я спрашиваю, — начала раздражаться Мэри (Фрэнк, тот вообще выходил из себя), — потому что ваши банки из-за секретных счетов пользуются репутацией налогового рая. Налоги, недоплаченные в других странах, поступают на секретные счета в вашу страну. Вы богаты отчасти потому, что держите всемирный воровской общак. Это — разновидность организационной кражи. Сначала людей призывают верить деньгам, а потом их немалую часть похищает сама же финансовая структура.

Очень неприветливая пауза.

Мэри это заметила и усилила нажим. Если бы нашлась энергия, она даже поднялась бы на ноги. Повысила голос.

— Для Швейцарии наступил час расплаты, — бросила она в лицо министрам, едва удерживая себя в рамках приличия. Или на пороге неприличия. — Вы не желаете говорить о золоте нацистов, еврейском золоте, налоговом рае для олигархов и клептократов, тайных банковских счетах для преступников всех мастей. С этим пора кончать. Отмените секретный режим в своих банках. Переведите все деньги на блокчейн, пустите все

грязные доходы на добрые дела. Используйте их без остатка. Заключите альянс с другими малыми странами, не способными спасти мир в одиночку. Пусть все малые богатые страны объединятся, а потом присоединятся к Индии под ее началом. Эмитируйте больше карбон-койнов за счет инвестиций в сокращение выбросов. Сегодня это самая надежная валюта. Определенно надежнее швейцарского франка. Стабильнее. Лучшего выбора у вас просто нет.

Некоторые уже отрицательно качали головами.

— Вы должны присоединиться к остальному миру! — призвала Мэри. — Вы в Швейцарии всегда стояли в сторонке, сохраняли нейтралитет.

— Швейцария вступила в Парижское соглашение, — возразил один.

— И в Интерпол, — сказал другой.

— И в ООН, — добавил третий.

— Мы никогда не стояли в стороне, — поправил еще один.

— Хорошо, — уступила Мэри. — Поддержите карбон-койн. Создайте рабочую группу из богатых малых стран. Помогите нам установить новую мировую систему, с новыми показателями, новыми путями создания стоимости. Учредите

новую политэкономию. Откройте посткапитализм! Мир испытывает в нем огромную нужду, он должен состояться. Кроме того, чтобы восстановиться после нападения на банки, вам их все равно придется реформировать. Не возвращайтесь к старому. Сделайте банки лучше.

Молчание.

Мэри обвела взглядом зал. Воистину альпийский ступор. Чувство, знакомое всем сидящим в зале: возвращение в мир после подъема в высшую точку Альп, встречи с бесстрастным величием, неземной красотой, силой предвидения, после чего следует спуск вниз — измученными, опаленными солнцем, очистившимися. Просветленными и достигшими высших сфер. Мэри помнила, что взгляд у нее пронзительный, не отпускающий человека. Мартин называл его лазерным. Она знала об этой своей черте с детства, когда взглядом заставляла людей, даже мать, замереть на месте. Теперь она вперила его в сидящих перед ней политиков, и они тоже притихли. Мэри от чего-то завелась, то ли из-за взрыва в офисе, то ли из-за судорог в ногах. Взгляд-лазер прожег сидящих в зале.

Главы швейцарских департаментов поежились как один, сбрасывая наваждение. Обменялись

взглядами. Без радости. Без злобы. Без тревоги. Без пренебрежения.

Они задумались.

64

В одной из своих работ Джон Мейнард Кейнс писал об «эвтаназии класса рантье». Крайне провокационная, если не сказать зловещая, формулировка. Эвтаназия в 30-е годы прошлого века была эвфемизмом, словесным прикрытием для санкционированной государством казни политических соперников. Век спустя от этого слова по-прежнему пахнет смертью.

Похоже, однако, что Кейнс использовал эту фразу исключительно в смысле избавления горемычной твари от мучений относительно безболезненным способом. То есть ближе к греческому оригиналу: в буквальном переводе «эвтаназия» означает «хорошая смерть». Или как в словаре: «Безболезненное лишение жизни пациента, страдающего неизлечимой мучительной болезнью или пребывающего в необратимой коме. Данная практика запрещена законом в большинстве стран». Синоним — милосердное убийство.

Впервые эвтаназия письменно упоминается Светонием, писавшем о «доброй смерти» Августа.

Относительно медицинской практики термин впервые применил Фрэнсис Бэкон. В ранней коннотации слова главным смыслом было освобождение от страданий.

Можно возразить, что рантье отнюдь не страдают, наоборот — пожирают все, до чего дотянутся. Паразит, из жадности убивающий своего хозяина, не страдалец. В данном случае класс рантье действительно следовало бы уничтожить.

Пожалуй, сравнение поправок, вносимых в законы о налогообложении и наследовании, с казнью — чрезмерное преувеличение. При этом, чтобы покончить с классом рантье, который нередко называют «правящим классом», одних изменений законов о налогах и наследстве вряд ли хватит. Тем не менее смысл нередко искажается: сдвиг социальных структур приравнивается к насильственной смерти. С другой стороны, финансовое удушение нередко называют «затягиванием поясов», что показывает, насколько малосущественно и банально выглядит большинство финансовых ограничений в глазах неолиберальной гегемонии.

Эвтаназия — «вас умерщвляют в ваших же интересах».

А это уже интересно, ведь капитализм — не

физическое лицо, и класс рантье как таковой, хоть и состоит из живых людей, им тоже не является. Можно утверждать, что как класс рантье страдают от сознания вины, боязни, депрессии, стыда, всяческих излишков, ощущения неискупимой ответственности за преступления и так далее. Для избавления класса рантье от мучений потребовалось бы освободить отдельных лиц, составляющих класс, от этого ужасного духовного груза и отпустить их жить цельной жизнью безгрешных людей на планете, населенной равными им безгрешными людьми.

Капитализм: на закате длинной кипучей жизни он неизлечим, страдает от боли. Он в коме, превратился в зомби, у него нет будущего, нет надежды вернуть себе здоровье. Пора милосердно прекратить его страдания.

А может, его изгнать? Отправить в ссылку? Остричь наголо?

Преступников в былые времена можно было просто выслать без права возвращения в родную страну. Такая кара не лишала жизни в отместку за отнятую жизнь. Подчас осуждение и наказание были суровы, но в то же время они давали шанс начать жизнь сначала где-нибудь в другом месте, сохранив собственную личность. Все зависело от

обстоятельств.

«Классом рантье» Кейнс попросту называл людей, делавших деньги, владея тем, в чем нуждались другие, и взимая плату за пользование этим имуществом, — такова экономическая суть ренты. Рента — это плата людям, которые не создают продукта, хищникам, паразитирующим на добавленной и меновой стоимости.

Под «эвтаназией класса рантье» Кейнс пытался дать определение революции без революции, реформе капитализма, его превращению в некую пост-капиталистическую систему, которая придет в будущем. Такова была его оценка уже частично существующей системы на предмет ее полезности в цивилизации будущего. Он предлагал покончить не с капитализмом — только с рентой и рантье. Хотя в итоге все это, возможно, закончилось бы тем же самым. Кто знает, не спрятал ли он за эвфемизмом шокирующую суть своего предложения.

Справедливая цивилизация восьми миллиардов человек, находящаяся в равновесии с биосферой, производящей все, что нам нужно, — на что она похожа? Какие законы ее учредят? И как выйти на этот рубеж побыстрее, пока мы все не вымерли?

Класс рантье в этом проекте нам не помощник. Наш проект им не интересен. Более того — проект этот придется претворять в жизнь, сталкиваясь с их бешеным сопротивлением. Некоторые из них скажут: только через наш труп. Для такого случая эвтаназия — самый подходящий метод.

65

Мы были рабами этого рудника. Нам, конечно, говорили, что если не угодно, то можем валить на все четыре стороны, да только нас окружала намибийская пустыня — некуда идти. Пришлось бы пешком преодолевать сотни километров — есть нечего, голову прикрыть нечем. С другой стороны, если остался, тебя накормят. Двухразовое питание, десятичасовой рабочий день, в воскресенье — выходной. Если повредился, можно пойти в больничку, сестра посмотрит, а если сильно, то и врач. Поломанные кости срастят. Дизентерию вылечат таблетками и капельницей.

Нас там было около пяти сотен. За исключением медсестер и поварих, одни мужчины. В основном из Намибии, некоторые — из Анголы, Мозамбика, Южной Африки, Зимбабве. Основная масса обслуживала машины и работала на них, но копать тоже приходилось. Откапывать машины после обвалов. Иногда погибших.

Рудник был открытого типа. Огромная яма овальной формы, как расширенная долина, которая когда-то здесь находилась. Дороги сер-

пантином спускаются в ад. Красные камни — железная руда, есть еще желтые и зеленоватые, их мы отбирали и грузили в отдельные грузовики. Мы даже не знали, что содержится в этих разноцветных камнях. Золото? Уран? Кто-то сказал: редкие земли. Не такие уж они редкие в этих местах. Но большинство камней были красные. Железной руды везде как грязи, а поди ж ты — понадобились рабы для ее добычи.

Потом на кухне наступили плохие времена. Еды с каждой неделей становилось все меньше, вода имела привкус железа, люди от нее болели. В конце концов одна из общаг поднялась утром и села возле кухни. Хором скандировали: кормите как следует, иначе не будем работать. По их виду было заметно: они совсем отчаялись, напуганы. Все это видели, один за другим мы подходили и садились рядом, пока на утреннем солнцепеке в ожидании смерти не собрались все шахтеры. Дроны жужжали над головой, как мухи. Они могли бы нас с легкостью перебить. Охрана с автоматами просто наблюдала за нами, мы все как будто чего-то ждали. Так оно и было — смерти или чего еще. Что бы это ни было, хуже такой жизни уже не будет. Хорошее было чувство: сидишь на солнышке, боишься и потеешь. Мы в этот момент

стали братьями, чего никогда не случалось во время работы.

Наконец пришел человек с мегафоном. Мы знали, что он лишь голос высшего начальства. Рудник принадлежал либо бурам из Южной Африки, либо китайцам, либо кому-то еще далеко отсюда, слухи всякие ходили. Голос говорил от их лица, где бы они ни находились. «Возвращайтесь на работу, мы вас накормим», — сказал он.

Мы не сдвинулись с места. Кто-то крикнул: «Сначала кормежка, потом работа!»

Нашла коса на камень. Мы не уступали, пока нас не накормят. Они отказывались кормить, пока мы не уступим. Рабочие договорились между собой: лучше уж сейчас умереть, и дело с концом. Вот до чего дошли. Было страшно.

Тем временем туча дронов над головой все густела, что твои стервятники, обнаружившие падаль в вельде. Дронов в воздухе было больше, чем людей на земле. Скорее уж москиты, чем стервятники, и пищали как москиты, только громче. Большинство размером с тарелку, несколько штук — побольше. Этот писк пилил мозги и щекотал кишки.

Вдруг все дроны как один коршунами устремились вниз, мы вскочили на ноги, крича от

страха, закрывая голову руками и пригибаясь. Однако дроны кинулись на охранников. Каждого окружили несколько дюжин, выстроив вокруг них гроб из черных жужжащих тарелок. Один из охранников выстрелил, окружившие его дроны обрушились на него и повалили на землю. Нам не было видно, что они с ним сделали, но больше он не двигался. Остальные охранники увидели это и больше не стреляли.

Потом дроны хором заговорили — сначала на ошивамбо, потом на африкаансе, суахили, английском, китайском и других незнакомых мне языках.

— Мы представляем Совет мира и безопасности Африканского Союза. Этот рудник национализирован новым правительством Намибии и отныне будет охраняться вооруженными силами «Африпола». Все страны Африканского Союза поддержали программу «Африка для африканцев». Представители правительства Намибии и АС вскоре приедут сюда, чтобы помочь вам в переходный период. Просим оставаться на месте либо перейти в общежития и столовую, пока вооруженный персонал будет выдворяться с территории рудника.

Мы с радостью подчинились. Охрана ушла

пешком по дороге. Мы ликовали, обнимали своих собратьев, плакали от радости. Повара взломали замки на кладовых и холодильниках и приготовили нормальную еду, рассчитывая, что скоро завезут еще. Так и случилось. Вечером того же дня приехали войска АС и объявили, что мы теперь свободны. Что нас национализировали. Нам сказали, что те, кто решит остаться, будут теперь работниками и хозяевами одновременно. Те, кто не хочет оставаться, могут сесть в автобусы и уехать.

Некоторые уехали с первыми же автобусами. Большинство остались. Мы рассудили, что уехать всегда успеем. А вот побыть хозяевами рудника интересно. Нам хотелось проверить, каково это. «Акции, добытые пóтом», — сказал кто-то. Пóтом? Какого черта! Наши акции добыты кровью.

66

Думаете, у вашей мамочки были трудные роды? Моя вообще взорвалась! Да, в буквальном смысле. Превратилась в сверхновую звезду, тепловая энергия взрыва превысила сто миллионов градусов Кельвина, колоссальное давление спрессовало три ядра гелия, оторвав от них пару электронов, и в результате родился я, изящное дитя вселенной, углерод, царь химических элементов, с шестью милыми протонами, четырехвалентный, способный различным способом образовывать связи с атомами моего типа и бесчисленными способами — соединения с другими атомами. Вот какой я покладистый. Итак: бабах! — и вот я уже лечу по вселенной. Моим соседом был Млечный Путь, и я прямиком влетел в пылевой сгусток, вращавшийся, приближаясь к Светилу, где мог бы запросто изжариться или сплющиться, превратившись во что-то совсем на меня не похожее, но мне повезло — меня подхватил пылевой вихрь, формировавшийся в девяноста миллионах миль от могучего Светила, и вскоре я стал частью каменистой планетези-

мали.

Вы, наверно, подумали, что это была Земля, ведь мы оба сейчас на ней. Однако на самом деле я сначала прилепился к булыжнику размером с Марс, формировавшемуся в точке Лагранжа № 5, этот астероид теперь называют Тея. Я присутствовал при великом столкновении, когда Тея на скорости врезалась в Гею, они соединились вместе, выбросив фонтан обломков, которые стали Луной. Большой взрыв! Хотя он не идет ни в какое сравнение с настоящим Большим взрывом. После этого я очутился внутри новой раскаленной планеты Земля, но недалеко от поверхности, в мантии, иначе мы бы не встретились. Вот и вся история моего бурного детства и отрочества, в остальном все шло довольно размеренно, можно сказать, по-взрослому.

Да, забыл рассказать, как я вырвался наружу. Это тоже захватывающая история. Меня выбросило наверх извержение вулкана на хребте между Пангеей и еще каким-то континентом — название я забыл, они так быстро исчезают. Раскаленная лава взлетела в небо и почти мгновенно остыла. Несколько миллионов лет бомбардировки фотонами размягчили меня, можно сказать, что я подгорел на солнце, превратился в омертвевшую,

готовую слезть кожу. Прекрасно, я был готов, миллион лет — очень много времени, не говоря уж о пятидесяти миллионах. Вопрос только: с какими атомами объединиться, чтобы довести побег до конца? Я желал, чтобы меня проглотил динозавр Юрского периода, в то время это несложно было устроить — меня хлестали фотоны, мои связывающие электроны трепетали в четырехвалентном предвкушении нового знакомства, и, как часто бывает, на меня одновременно обратили внимание сразу два кандидата! Р-раз, и я соединился сразу с двумя атомами кислорода в двуокись углерода — настоящий брак по расчету.

У нас сложились хорошие отношения. Жизнь пошла веселая. Когда летали низко, нас подхватывали растения. Всасывали — хлюрп-хлюрп, глык-глык, — и вот я уже часть листа, ветки, ствола. Сначала я примкнул к протосеквойе, это свидание длилось очень долго, потом к папоротнику, меня сожрал и выкакал аллозавр, да уж, в то время я был просто куском дерьма и с тех пор бывал им еще не раз, хорошо, что бактерии обожают дерьмо, достаточно скоро я встретил новую пару атомов кислорода, и пошло, и поехало. А потом — катастрофа: меня, застрявшего с кучкой приятелей, атомов углерода, в грязи, накрыла во-

да, мы погрузились обратно в земную толщу, нас сплющило в графит, точнее, в угольный пласт, в котором я проторчал много миллионов лет. Меня могло засосать еще глубже в земную кору и спрессовать в алмаз, и я бы навсегда застрял в компании себе подобных, заточенный в постоянной решетке, то есть реально от такой участи я мог бы освободиться только в момент, когда сгорит Земля и разбухнет Солнце, но мне повезло — пласт выкопали и сожгли в топке люди, примерно в 1634 году. Свобода! Назад в небо — как здорово. Люблю разнообразие. Обратно в небеса, да здравствует органическая химия! Кем я только ни был: панголином и рисовым стеблем, комаром и лягушкой, лягушечим дерьмом и бактерией, потом опять в небо, ура!

Наступает один момент, когда молекулы воды, плавающие в воздухе, образуют созвездие вокруг крохотной пылинки, превращаясь в дождевую каплю, и начинают путешествие к земле, за нее можно зацепиться, подставиться под удар этой дождевой капли, присоединиться к веселой кислородной компании, мои атомы кислорода поют осанну своим собратьям, вступившим в брак с двумя атомами водорода, лучше троицы нет ничего на свете, все, пока летят вниз, ликуют. Когда

летишь на предельной скорости вместе с каплей, тяга земного притяжения не ощущается, вместо этого иногда застреваешь в облаке, дымке или тумане, это не менее упоительно — сладостное ощущение невесомости. Наверное, так люди испытывают оргазм. Связь — она, конечно, может всякой быть, и плохой, и хорошей, а вот плавать в облаке по небу — ух, настоящий оргазм.

Рано или поздно капельки сливаются вместе и вынуждены опять падать вниз. Снегопад — красота, дождь со снегом — еще лучше. Шмякаешься о землю, и все начинается сначала. К кому присоединиться на этот раз?

О черт! На этот раз не получится. Люди в Канаде начали обрабатывать асбестовую крошку в отвалах, загружая токсичные отходы в отстойники рядом с карьерами и добавляя туда цианобактерии. Эти бактерии схватили меня и поженили с асбестовой пылью, все вместе мы превратились в комки гидромагнезита, разновидность углекислого магния. Местные захватчики были рады обратить меня и моих товарищей в новое рабство, а с нами заодно и асбест; после того как ты полетал в небесах, покатался на горках пищевого тракта, сидеть, заточенным в камне, адская скука. Остается лишь надеяться, что меня

разотрут в порошок и сделают магнезию для протирания рук скалолазов, ни на что другое углекислый магний не годится. Может, я попаду в мешочек знаменитого скалолаза, это было бы здорово, но пока что я сижу и не рыпаюсь. Что ж, пойду посплю.

67

Налоги — интересная штука. Это один из способов, которым правительство управляет обществом и финансирует государственную деятельность, причем скорее первое, чем второе. Налоги появились вместе с человеческой цивилизацией как воплощение власти государства. Возможно, что кредит и деньги были изобретены в ранних городах в первую очередь, чтобы осуществлять и регулировать налогообложение. И кредит, и деньги есть разновидность долговой расписки.

Прогрессивное налогообложение следует принципу: чем больше имущества у гражданина, тем выше ставка налога. Регрессивный налог, наоборот, в пропорции к имущественному положению больше отнимает у самых бедных.

Подоходным налогом облагаются физические лица либо ежегодный доход корпораций, поэтому этот доход нередко искажается получателями, чтобы он казался ниже настоящего. Различные отсрочки, ре-инвестирование и прочие уловки протаскивают деньги через налоговые лазейки;

офшоры — это такие места, где деньги в случае их перевода туда до подачи годового отчета не облагаются налогом страной — хозяйкой налогового оазиса или облагаются, но по минимальной ставке. Поэтому прогрессивная шкала налогообложения сама по себе не всегда эффективна. Ее применение требует бдительности.

В определенные периоды истории чрезмерное личное богатство вызывало неодобрение, и шкала прогрессивного налогообложения становилась довольно крутой. В начале 50-х годов прошлого века, когда на богатых смотрели как на людей, помогавших развязать Вторую мировую войну и нажившихся на ней, верхняя ступень шкалы в США составляла 91 процент всех доходов, превышающих 400 000 долларов (или четыре миллиона в нынешней стоимости). Эту ставку утвердили республиканский Конгресс и президент-республиканец Дуайт Эйзенхауэр, военачальник, командовавший войсками союзников на войне, лично повидавший смерть и разрушения, в том числе концлагеря. Потом высокие ставки налогов начали постепенно снижать, и в неолиберальные времена они опустились до 20–30 процентов. За эти же десятилетия буйным цветом расцвели всякие налоговые прорехи,

уловки, отсрочки и укромные уголки, что, несмотря на низкий процент налоговой ставки, заметно отражалось на реально собранных налогах. В итоге прогрессивные налоги сделали намного менее прогрессивными — такова характерная черта неолиберального периода с его перевесом частных интересов над общественными и богатых над бедными.

Налоги на имущество, которые иногда называют налогами Пикетти, взымаются с оценочной стоимости активов человека или компании. Обычно таким налогом облагаются корпорации, однако он применим и к физическим лицам. Франция взымает налог со своих компаний из расчета один процент в год от ее оцененной стоимости, и если расширить его на весь мир, то эффект будет вполне ощутимым. Налоги на имущество тоже можно сделать прогрессивными: чем крупнее корпорация или оцененная стоимость актива, например недвижимости, тем выше ставка годового налога. Если сделать ее достаточно жесткой, эта мера быстро принудит корпорации к снижению налогового бремени путем деления на предприятия поменьше.

Земельный налог, иногда называемый «джорджистским», по имени экономиста Генри Джор-

джа, — это налог на недвижимость, в данном конкретном случае — на землю как имущественный актив. Опять же, такие земельные налоги можно применять прогрессивно, облагая более крупные наделы, выгодно расположенную собственность или участки, которые хозяин никак не использует, повышенной ставкой налога. Большая часть прибыли и в целом ликвидных активов при первой же возможности обращаются в недвижимость, осязаемое имущество, стоимость которого со временем будет только расти и которое в худшем случае не рассыплется в прах, когда лопнет пузырь. В этих условиях хорошо продуманный налог на землю опять же может вызвать быстрое расширение и перераспределение землевладения, что направит в казну дополнительные средства, необходимые для оплаты общественных работ, и поможет сократить экономическое неравенство.

Налог на сжигание ископаемых углеводородов, который следовало бы называть не налогом, а полной оплатой побочных издержек, тоже можно применять по прогрессивной шкале со штрафами-скидками, чтобы не навредить самым бедным, тем, кто сжигает меньше углеводородов, но вынужден это делать, чтобы выжить. Высокая

ставка на сжигание ископаемого топлива создаст мощный стимул для прекращения этой практики. Ставку платежей за наиболее интенсивное сжигание можно сделать такой неподъемной, что она исключила бы любую возможность извлечения прибыли за счет побочных эффектов от использования такого топлива.

Когда все деньги перейдут в цифровую форму и будут регистрироваться в блокчейнах, в результате чего любой сможет отследить денежные потоки и увидеть, где сейчас находятся деньги, незаконное уклонение от налогов можно будет окончательно подавить санкциями, эмбарго, конфискациями и удалением записей.

Нетрудно предсказать, что взвешенный крепкий налоговый режим, использующий отслеживаемые валюты, учрежденный всеми странами Земли посредством международного договора под эгидой ООН, Всемирного банка или другой международной организации, быстро стимулировал бы немедленные изменения в поведении и распределении богатства. Иные назовут его революционным. Разумеется, налоги представляют собой инструмент правового воздействия, имеющий такое же древнее происхождение, как и сама цивилизация, ставки определяются

законодателями, их поддерживает вся мощь государства, то есть судебная власть, полиция и армия. Другими словами, налоги законны, признаны в принципе и используются всеми современными обществами. Можно ли в этой связи говорить о прицельных изменениях налогового законодательства как о настоящей революции?

Было бы интересно увидеть, к чему это приведет.

68

Обратно в Цюрих Мэри доставили на военном вертолете. Они сели в Клотене, в город ее отвезли на черном микроавтобусе, таком же, в каком она покинула Цюрих. Мэри сидела рядом с Приской, наблюдая, как водитель ведет машину в город по привычному маршруту. А куда потом?

Оказалось — домой. На Хохштрассе, прямо к многоквартирному дому, где она жила.

— Сюда? — уточнила Мэри.

— Только для того, чтобы забрать вещи, — ответила Приска. — Наверху считают, что оставаться в прежней квартире плохая мысль. Прошу прощения.

— А потом куда?

— На холме у нас есть надежная квартира. Мы хотели бы, чтобы вы жили в ней. Когда ситуация немного прояснится, вы сможете вернуться обратно. Если захотите.

Мэри не ответила. Мысль о возвращении в свое привычное жилище одновременно притягивала и нервировала. Кто мог за ней следить? И почему?

Министр поднялась в квартиру и сложила вещи в большие чемоданы. Закончив работу, осмотрелась вокруг. Она прожила здесь четырнадцать лет. Эстампы Боннара на стенах и на кухне — музейные имитации. Прежняя полоса жизни закончилась, ей казалось, что она бродит во сне. Ноги все еще дрожали. Хотелось спать. Принять бы душ — и в кровать. Но не здесь.

Телохранители помогли вынести чемоданы на улицу и погрузить в фургон. Поворот на восток, мимо маленькой траттории, где она провела много вечеров, читая во время еды. Подъем на холм Цюрихберг, въезд в солидный жилой массив на склоне. Большие старые городские дома стоимостью миллионы франков каждый сверкали купленной за большие деньги отделкой, по сути, оставаясь заурядными коробками. Фургон свернул на бетонную дорожку перед одним из таких домов, рассчитанную на одну машину, дорожку окружал сад и прикрывала высокая белая оштукатуренная стена, утыканная поверху битым стеклом, — неожиданная зловещая нотка посреди буржуазного благолепия. Въезд на дорожку преграждали ворота, превращая двор в замкнутое пространство. Ее новый дом. Мэри подавила стон, удержалась, чтобы не закатить

глаза. До работы отсюда все еще можно дойти пешком, если ей это позволят.

Ей позволили. Достаточно было сделать звонок, и перед воротами собиралась небольшая компашка, которая потом провожала ее вниз по холму к Хохштрассе, до министерства. Разрушенное здание восстанавливали, в остальные помещения работники уже вернулись. Мэри была удивлена, что охранявшие ее швейцарские службы сочли возвращение безопасным, однако ее заверили, что за этим районом теперь наблюдали пристальнее, чем за любым другим. Министерство не могло вести работу из подполья, важно, чтобы весь мир видел: Швейцария и ООН считают Министерство будущего ключевым агентством, и терроризм не способен изменить ход истории. Власти были намерены отстаивать этот принцип до последнего, видя в Мэри живую визитную карточку современной истории.

«Или приманку», — подумала Мэри. Приманку в расставленной ловушке. Между тем ее штаб снова собрался, вернулся в свои офисы или кое-как разместился во временных, и занялся своим привычным делом. Не исключено, что швейцарцы поймали преступников и ликвидировали угрозу. Банки, похоже, вернулись в онлайновый

режим и работали, как прежде. Произошли ли перед перезагрузкой какие-либо структурные изменения, пока было трудно разобрать. Если нападавших поймали или каким-то образом нейтрализовали, то опасность персоналу министерства, возможно, больше не грозит. Вряд ли по всему миру наберется много людей, считающих беззубое агентство ООН достойной мишенью. Да, у Парижского соглашения были противники. Может быть, ее лично как символ всего враждебного взял на прицел весь военный аппарат какого-нибудь озлобленного петро-государства. Было бы неплохо разрушить некоторые из этих петро-государств. А лидеров посадить в тюрьму.

Мысленное упоминание тюрьмы заставило Мэри вспомнить о Фрэнке. Хотелось ли ей новой встречи? Увы, хотелось. Возможно, в глубине души она желала убедиться, что он продолжает сидеть за решеткой. Вероятно, ее все еще пугала мысль, что Фрэнк мог выйти на свободу. Учитывая, что он определенно еще сидит, за желанием новой встречи стояло что-то еще. Ощущение морального обязательства, а значит, некоторой заинтересованности. Фрэнк действительно вызывал у нее интерес, этого нельзя было отрицать.

Трамваем до центра города — как обычный

человек. Телохранители не возражали, пока ее сопровождал хотя бы один из них. Мэри разглядывала пассажиров в вагоне, пытаясь угадать, кто из них охраняет ее. Ни один не тянул на эту роль. Она вспомнила строчки из детской книги, которую очень любила: «Если ты говоришь, что ты наша королева, хотя мы тебя не видим и не знаем, мы не будем тебе мешать». С ней все точно так же. Хотите охранять меня, а я вас не вижу? Валяйте.

Мэри вышла у главного вокзала, дошла по узким пешеходным улочкам до здания тюрьмы. Как это характерно для швейцарцев — сохранить старую тюрьму в центре города. К чему делать вид, что одна часть города ценнее другой? Смысл города в том, чтобы спрессовать все общество в одном месте и посмотреть, как оно выкрутится, — быт как экспромт прожигателей жизни. Другими словами — по выражению градостроителей, которых не смущает уродский призвук этого слова, — агломерация.

Мэри быстро проверили на входе и пропустили в сектор, где находилась общая камера Фрэнка. Он сидел в жилой зоне и читал книгу. При виде Мэри брови Фрэнка поползли вверх.

— Я думал, что вас вывезли из города.

— Так и было. Мне позволили вернуться. — Мэри присела на диван перед заключенным. — Что вы читаете?

Он показал ей обложку: сборник повестей о комиссаре Мегрэ. «Надежный якорь во мраке мира, — подумала она. — Диагностика зла. У каждого должна быть своя миссис Мегрэ».

— Как дела? — спросила Мэри, в который раз недоумевая, зачем пришла и что хотела сказать.

— Нормально. Днем выпускают из тюрьмы. Работаю в том же месте, что и раньше.

— В центре беженцев?

— Угу. Они опять расширяются. Я провел там столько времени, что стал кладезем учрежденческой мудрости.

— Сомневаюсь.

Фрэнк удивленно усмехнулся.

— Почему же?

— Мы в Швейцарии. Здесь учрежденческую мудрость записывают на бумаге.

— Много вы знаете. Как бы то ни было, я там работаю.

— Кормите людей?

— В основном в делопроизводстве.

— Это как?

— Когда прибывают новенькие, мы пытаемся

установить, где их зарегистрировали, если зарегистрировали вообще.

— Где-то же они сходили на берег, правильно? У нашей Богемии нет морских берегов.

Фрэнк пожал плечами.

— Это все контрабандисты. Беженцы добираются до Греции или Балкан, но не хотят там регистрироваться. Швейцария в этом вопросе, как и в любом другом, страна высокого качества.

— Притом что вас здесь арестовали.

— В других местах только хуже. Поэтому беженцы стремятся попасть сюда и регистрироваться уже здесь. Многие уродуют кончики пальцев, чтобы их не выдали отпечатки.

— Что указывает на регистрацию в другом месте.

— Естественно.

— И как вы поступаете?

— Если выясняется, что их где-то уже поставили на учет, мы отправляем их в это место. Особо не налегаем, большинство, невзирая на плохие отпечатки пальцев или их отсутствие, регистрируем прямо здесь. В Швейцарии используют сканирование радужной оболочки. После чего пытаемся найти для них место в лагере, где живут их соотечественники.

— Откуда они приезжают?

— Отовсюду.

— Из-за климата, политики, экономики?

— Теперь одно трудно отделить от другого, да и раньше так было.

— Вы думаете, они настоящие беженцы?

Фрэнк смерил Мэри взглядом.

— Никто не покидает свой дом без причины.

— Хорошо. Значит, вы регистрируете их здесь и потом отправляете в лагерь, где живут люди из их страны?

— Стараемся.

— Но в самих лагерях вы не бываете?

— Нет. Я обязан возвращаться в тюрьму к восьми вечера.

— До восьми вечера в Швейцарии можно успеть доехать до любой точки и вернуться обратно.

— Верно. Но мне не разрешается покидать кантон.

— Разве в самом Цюрихе нет лагерей?

— Есть. И я там бывал. Большой лагерь есть за Винтертуром, в старом аэропорту. На двадцать тысяч человек. Я смотрю, как они живут, помогаю на кухне. Мне это нравится. Хотя помогать на кухне я могу и здесь.

— Вам за это сократят срок?

— Надеюсь. Меня это перестало волновать. Мне некуда ехать.

Мэри некоторое время молча смотрела на Фрэнка.

— Вы когда-нибудь бывали в Альпах? — наконец спросила она.

— Мало.

— Там красиво.

— Очень крутые горы.

— Точно.

Мэри рассказала о переходе через перевал Фрюнден. Фрэнк проявил интерес, который Мэри отнесла на счет Альп, однако, когда она закончила, он спросил:

— Кто, по-вашему, вас преследовал?

— Не знаю.

— Когда вашему министерству сопутствует успех, кто теряет больше всего?

Мэри пожала плечами.

— Нефтяные компании? Миллиардеры? Петрогосударства?

— Список подозреваемых не так уж велик.

— Ну, не знаю. Кто угодно мог быть. Может, конкретный человек или небольшая группа, которых прижали. Допускаю, что это был сумасшедший одиночка, решивший, что мы представляем ка-

кую-то важность. На самом деле мы не более чем винтик гигантского механизма.

— Они могли принять вас за муфту сцепления.

— Напомните, в чем заключается функция муфты сцепления.

Фрэнк с трудом удержался от улыбки — своей нормальной улыбки.

— В сцеплении, соединении двигателя с колесами.

— А-а… не знала.

— У телохранителей спросить не пробовали?

— Сомневаюсь. Мы не настолько близки. Их работа — охранять меня. Возможно, они думают, что для меня же надежнее, если я не буду знать их в лицо.

— Это еще почему?

— Без понятия. Швейцарские банки тоже пострадали. Так что они держат свои ответные действия в секрете.

Фрэнк улыбнулся своей сдержанной почти-улыбкой. Махнул рукой на книгу:

— Вам нужен комиссар Мегрэ. Он любил объяснять вещи спасенным им людям.

— Либо считал, что так сможет их разговорить и выявить настоящего преступника.

— Верно. Вы тоже читали?

— Кое-что. На мой вкус мрачновато. Преступления слишком похожи на настоящие.

— Люди изворотливы.

— И не говорите.

— А значит, вам нужен комиссар Мегрэ.

— А вам — Альпы.

В помещение вошла женщина с девочкой, Фрэнк вздрогнул от неожиданности. «Ой, привет!» — вырвалось у него, он покосился на Мэри, потом перевел взгляд обратно на пару. Мэри поняла: Фрэнк не знает, что сказать. Ошеломлен, растерян.

Заключенный вскочил с места.

— Это Мэри Мерфи, — представил он министра и, повернувшись к Мэри, произнес: — Это моя семья.

Мэри прищурилась. Женщина поджала губы.

Десяти- или одиннадцатилетняя девочка бросилась к Фрэнку, сняв напряжение.

— Джейк!

— Привет, Хиба. Как поживаешь?

— Хорошо. — Девочка обняла Фрэнка. Тот неуклюже ответил, бросив через плечо девочки взгляд на женщину.

— Как вы сюда попали?

— На поезде.

— Где вы живете? — спросила ее Мэри.

— В лагере для беженцев в окрестностях Берна.

— А-а. Как это получилось?

Женщина пожала плечами и взглянула на Фрэнка.

— Давайте я вам не буду мешать, — предложила Мэри, поднялась и выставила ладонь, упреждая возражения Фрэнка. — Все в порядке, мне и так уже пора уходить. Я скоро опять приеду.

— Хорошо, — рассеянно ответил Фрэнк. — Спасибо, что навестили меня.

69

В разгар хаджа в Саудовской Аравии произошел путч, очевидно, поднятый военными, в результате чего погибло неустановленное число саудовских принцев. В сообщениях назывались цифры от двадцати до пятидесяти членов королевской семьи, однако никто ничего не знал точно. Король в это время находился в Нью-Йорке, ходили слухи, что он скрылся и не собирается возвращаться на родину. Он призвал страны мира поддержать свое законное правительство, кое-кто даже откликнулся, однако реальной помощи никто не оказал. Соединенные Штаты предложили королю убежище. Насколько можно было судить, новое правительство пользовалось поддержкой почти всего населения; хадж превратился в хаос для двух миллионов мусульман, одни желали довести паломничество до конца, другие побыстрее вернуться домой, суматоха охватила весь Аравийский полуостров. В первый месяц после переворота ясно было одно: никто за пределами полуострова понятия не имел, что происходит в Саудовской Аравии на самом деле.

Новое правительство объявило миру, что отныне страна называется просто Аравия. Правлению Саудитов пришел конец.

Правительства других суннитских стран осторожно выражали одобрение или неодобрение свержению Саудитов, наиболее резко критикуя лишь беспорядочное проведение хаджа. Похоже, никто не любил семейку Саудитов, неясно было только, чем это обернется и как повлияет на весь регион. Шиитские страны открыто приветствовали переворот. Другие члены мирового сообщества вели себя сдержанно. Они, похоже, выжидали и прикидывали, к чему приведут перемены и как новое правительство распорядится огромными запасами нефти. То, что раньше подозревалось, теперь стало очевидным: всех заботила нефть, люди никого не волновали.

Вскоре из Эр-Рияда поступило известие: арабы уважают насущную необходимость декарбонизации мировой экономики и впредь намерены использовать свою нефть только для производства пластмасс и целей, не подразумевающих сжигание горючего. Аравийское правительство сразу же подало заявку в ККЦБ, Климатическую коалицию центральных банков, созданную незадолго до этого для управления эмиссией карбон-

койнов, объявив немедленный полный переход на солнечную энергию и отказ от продажи нефти как топлива и запросив выплату компенсации недавно созданными ККЦБ карбон-койнами, которые получили прозвище «карбони». По текущей ставке один койн выплачивался за одну тонну связанного углерода; заявку арабов оценили в триллион карбони, что, согласно текущему курсу, соответствовало нескольким триллионам долларов США. Аравия в один миг превратилась в самую богатую страну мира — по крайней мере в плане банковских активов. Если текущий обменный курс валют устоит, этот шаг обещал сделать их богаче, чем продажа углеводородов.

Немного помявшись, ККЦБ одобрила сделку, но в то же время поставила условие, что выплаты будут производиться по графику, отражающему производство и сжигание аравийской нефти в отжившей свое альтернативной реальности, увеличив и ускорив их в начальном периоде, чтобы поощрить Аравию за полезное начинание в интересах планеты и человечества. В то же время центробанки могли использовать стабильный поток доходов как леверидж, что немедленно и сделали. Они утвердили сделку и принялись за работу.

Резкий обвал предложения взвинтил цены на нефть и нефтяные фьючерсы. Нефть стала дефицитным товаром, а следовательно, подорожала, в итоге чистая возобновляемая энергия стала дешевле нефти с еще большим отрывом, чем прежде. Во всех странах в соответствии с новыми обязательствами по Парижскому соглашению, принятым на конференции по климату COP43, были введены новые углеродные налоги, которые к тому же должны были повышаться из года в год на определенный процент. Все ценовые сигналы теперь указывали на то, что возобновляемые источники энергии стали наиболее дешевыми повсюду в мире. Социальные издержки наконец-то были включены в стоимость ископаемого топлива, и старый лозунг «оставьте нефть под землей», много десятилетий вызывавший издевки нефтяных магнатов, вдруг предстал в виде очевидного выбора между тем, что прибыльно, и тем, что нет.

Вскоре после этого Бразилию охватили конвульсии очередного коррупционного скандала, который вызвал отставку и арест президента правого толка. За этим последовало триумфальное возвращение так называемых «пролуловских левых», взявших себе название «Чистая Брази-

лия» и обещающих очистить правительство от грязи, сделав его ответственным за весь народ, и по примеру Аравии покончить с продажей нефти. Новое правительство также обязалось охранять и приумножать тропические леса в бассейне Амазонки. За эту программу оно запросило в ККЦБ дополнительную компенсацию в карбон-койнах. Банкиры согласились. В итоге переговоров, в которых участвовала Ребекка Большая Лошадь, солидное количество карбони было передано непосредственно индейским племенам Амазонки, много веков способствовавшим связыванию углеводорода в девственном лесу. Этот новый акт климатической справедливости вместе с намеченными выплатами федеральному правительству Бразилии означал, что в оборот будут введены еще несколько триллионов карбон-койнов; экономисты-ортодоксы разных стран испугались, что стремительный приток новой валюты вызовет сильнейшую дефляцию. А может быть, инфляцию — макроэкономика больше не могла разобраться, в чем состоял конечный эффект количественного смягчения, ведь показатели последних пятидесяти лет можно было интерпретировать как угодно. Дебаты отчетливо показывали: макроэкономика — это

идеология, схожая скорее с астрологией, чем с наукой, на что давно указывали представители других общественных дисциплин, однако экономисты научились игнорировать критику своего предмета и бросились оспаривать друг друга с ничуть не меньшим упорством. Некоторые из них утверждали, что карбон-койны не более чем заменители петро-долларов, которые извлекаются из-под земли, как кролики из цилиндра, и появляются на свет, только когда нефть добыта и продана. Какая разница, откуда их достают, из-под земли или из шляпы? Чем уж так отличаются петро-доллары от карбон-койнов, вопрошали экономисты.

Разница есть, возражали другие. Петро-доллары — реальная, уже существующая валюта, выплачиваемая за товар, превращенный в электроэнергию либо физическое перемещение, то есть конвертированная в экономическую деятельность. Карбон-койны, наоборот, создавались, чтобы ликвидировать производство электроэнергии и транспортные резервы и тем самым устранить их из валового мирового продукта. Вывод: петро-доллары наращивают ВМП, карбон-койны его истощают. Они функционально противоположны друг другу.

Третьи аргументировали: отсутствие выбросов углерода и даже вызванное этим сокращение ВМП устраняют трудно поддающийся учету, но реальный ущерб, наносимый биосфере, сокращают расходы на неизбежные смягчение и ликвидацию последствий, восстановление экологии и выплату неизбежных при сжигании углеводородов страховых компенсаций. Сравнительные издержки можно рассчитать, и, если это сделать, получается пшик, хоть в петро-долларах, хоть в карбон-койнах, весь этот спор — буря в стакане воды и в экономическом смысле не стоит выеденного яйца.

Итак, три варианта: огромное благо, страшная катастрофа или пустячное событие. Вот вам экономисты, пытающиеся объяснить крупнейшее экономическое событие своей жизни. Ну и наука! В разных странах мира (в том числе в Министерстве будущего) они тщились подсчитать прибыли и убытки события таким образом, чтобы воткнуть результат в некий сводный балансовый отчет, чтобы потом его отстаивать. Однако баланс не сходился без массы допущений, что в итоге превращало любой прогноз в идеологический манифест, отражающий прихоти и ценности его авторов. В ненаучную фантастику.

Иные указывали на то, что академический анализ и прогнозы издавна следовали этим принципам. В таком случае, утверждали эти люди, следует вернуться к основам. Реальная экономика заключается вот в чем: так как биосфера у человечества одна и здоровая биосфера абсолютно необходима для его существования, ее ценность представляет собой бесконечную и жизненно важную величину. Поэтому цена спасения биосферы и стоимость ее потери попросту несопоставимы. Макроэкономика давным-давно впала в заблуждение — может, столетие назад, а может, с самого рождения, — и теперь полностью проявила себя как псевдонаука, коей она всегда являлась.

В итоге никто не мог предсказать, как поведет себя глобальная экономика и что произойдет, если центральные банки выполнят свои обязательства по массовому вливанию и поддержке новых денег. Углеродное количественное смягчение или УКС обещало стать гигантским многовариантным экспериментом социального инжиниринга.

Волатильность так волатильность! А если говорить нефинансовым языком, то попросту непостоянство. Ситуация действительно была

нестабильна. Но если вспомнить, то финансовые рынки прежних времен буквально обожали волатильность биржевых курсов, она позволяла финансистам делать деньги при любом раскладе: играя хоть в долгую, хоть в короткую — по любым позициям. Финансисты не профессора экономики, они спекулянты. Финансовый мир на закате капитализма кишел азартными игроками, но, что самое главное, играл роль казино, где эти игроки могли делать ставки. Хозяева казино никогда не проигрывали. Карбон-койны представляли собой наилучший вариант длинных позиций за всю историю. Почти абсолютную надежность. Так что в некотором роде бесшабашность этого периода шла инвесторам на пользу. Те, кто сыграл в короткую на ископаемом топливе и в долгую на чистых возобновляемых источниках, нажили большие состояния. А состояния, чтобы быть таковыми, нуждались в реинвестировании. Рост! Больше роста!

Надо признать, что мир обрел новую господствующую религию — религию роста. Как если бы цивилизация была разновидностью рака, и все враз стали приверженцами роста как особой, смертельной формы жизнедеятельности.

Однако на этот раз рост можно было направить

на укрепление безопасности. Зовите это как хотите: инволюцией, умудренностью, упорядочиванием, антиростом, ростом положительного характера. Здравая реакция на угрозу приобрела смысл как инвестиционная стратегия с высокой отдачей! Кто бы мог подумать?

По правде говоря, никто. Сохранившиеся крупные петро-государства смотрели на положение с тревогой, если не с ужасом. Все вместе они сидели на запасах ископаемых углеводородов, которые по нынешним ценам стоили сотни триллионов. В ближайшем будущем эти запасы могли легко стать невостребованными активами, к тому же появились первые признаки схлопывания финансового пузыря. В этих обстоятельствах имело смысл побыстрее продать товар, пока цены окончательно не обвалились. Но если все кинутся распродавать запасы, кто их будет покупать? Небольшие зажиточные страны уже перешли на возобновляемые виды энергии. Судовладельцы под угрозой потопления кораблей переключились на энергию ветра, электричество и водород. Авиация под давлением тех же факторов переходила на электросамолеты и аэростаты. Наземный транспорт полностью стал электрическим, а там, где еще использовалось жидкое горючее,

отказывались от ископаемого топлива в пользу возобновляемого биогорючего.

Последними заинтересованными клиентами оставались электростанции, но даже в этой сфере солнечная энергия была дешевле, аккумуляторные батареи лучше, а хранение электроэнергии без накопителей — за счет регулирования уровня воды, температуры расплавления соли, скорости маховиков или давления воздуха — все более надежно. Поэтому развитые петро-государства пытались продать свою нефть развивающимся странам, не имеющим нефти, с большими скидками. Развивающиеся страны были последними, кто еще сжигал ископаемые виды топлива в значительных объемах. Однако Индия уже продемонстрировала после великой жары, чего можно добиться разворотом к чистым источникам возобновляемой энергии. Китай опережал весь мир по части производства солнечных панелей. Уголь еще продавался и поставлялся, Япония его покупала и сжигала. Россия и Австралия по-прежнему экспортировали уголь, куда только могли. Несмотря на резкие сдвиги, сжигание углеводородов продолжалось. Да-да, в объеме двадцати гигатонн в год. Думаете, если Аравия проявила благородство больше не осталось пирогов и пива

— и скелетов в шкафу?[17] По сути, конца не было видно даже близко. Образ лопающегося пузыря был метким в одном плане, но иллюзорным в другом. Люди по-прежнему нуждались в электричестве и транспорте. Миром все еще правили деньги, углеводороды все еще загоняли по дешевке на распродажах. Вместо пузыря могла вполне лопнуть сама биосфера. Битва за судьбу Земли не закончилась.

Россия продолжала продавать нефть и газ, что было на руку Европе, ибо большая часть Европы отапливалась зимой русским газом. Это сразу почувствовалось, когда в самые холодные зимние дни были взорваны несколько трубопроводов.

Кроме того, русские продавали роевые ракетные комплексы. Либо продавали напрямую, либо отдавали даром, либо теряли в результате шпионажа и хищения схем организации роевого оружия. Комплексы были не так уж сложны, вскрыть технологию и поставить их на вооружение всех крупных армий не составляло большого труда. В том числе, как оказалось, частных арсеналов, для которых они, очевидно, были закуплены

[17] Примечания: 17

«Пироги и пиво, или Скелет в шкафу» — изданный в 1930 году роман Сомерсета Моэма. Название романа заимствовано из пьесы Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь».

в какой-то большой стране. Сама мысль, что такими ракетами мог владеть кто-то еще, вызывала неприятный холодок.

Комплекс был впервые заявлен русскими в 20-е годы и быстро разошелся по свету. Новое оружие расползалось по Земле быстрее сведений о последствиях его применения. Государства продолжали тратить миллиарды, которые пригодились бы для других целей, на военные флоты, боевую авиацию и военные базы, не имея возможности защитить их от новоявленной угрозы. Новое оружие было мощнее ядерных бомб в том смысле, что его можно было применять, не опасаясь последствий. И от него не было защиты. Это главное, чего недопонимали — умышленно или по недоразумению, — лишь бы народ не начал требовать сокращения арсеналов и отмены заказов на закупку оружия. Ракеты были малы, запускались с подвижных пусковых установок и согласованно наносили удар с разных направлений, группируясь в рой непосредственно перед целью в последние секунды полета. Вдобавок они были относительно дешевы.

После пуска скорость полета составляла около тысячи миль в час. Быстрота и то, что они соединялись в рой за считаные секунды перед

попаданием в цель, делали защиту от них невозможной. Новое оружие было убийственным вариантом дронов, атаковавших воздушные суда в День самолетопада.

Авианосец? Потоплен. Бомбардировщик? Сбит. Нефтяной танкер? Бац, десять минут, и он на дне. Одна из восьмисот разбросанных по всему миру американских военных баз? Разгромлена подчистую. Смерть и хаос, а показать пальцем не на кого.

Война с террором? Проиграна.

Довольны должны быть все, иначе любой уязвим. Люди никогда не бывают довольны. А значит, никогда не будут в безопасности.

Можно сказать по-другому: уважать нужно любую культуру, иначе угроза будет сохраняться для всех. Либо достойно живет каждый, либо никто.

Почему? А потому.

Личный реактивный самолет богатея — бац.

Китайская электростанция на угле — бац.

Цементный завод в Турции — бац. Рудник в Анголе — бац. Яхта в Эгейском море — бац. Полицейский участок в Египте — бац. Отель «Бельведер» в Давосе — бац. Нефтяной магнат на прогулке — бац. Офис Министерства будущего — бац.

Людям волей-неволей пришлось задуматься, что этот список в перспективе станет только длиннее. Капитолий в США, различные палаты различных парламентов, Кааба в Мекке, Запретный город в Пекине, Тадж-Махал — что на очереди?

Ни одно место на Земле не гарантировало защиты.

Совещания в Интерполе и других агентствах, отвечающих за глобальную безопасность, так и не выявили происхождение атак. Тем не менее, подобно произведенному в России нервно-паралитическому газу, с помощью которого в Великобритании были ликвидированы русские диссиденты, роевые комплексы определенно были сложными боевыми устройствами — их не сварганишь на коленке. По сути, это были государственные орудия, созданные передовыми аэрокосмическими и компьютерными компаниями для больших, слаженных армий и затем проданные субъектам помельче.

После совещаний в Интерполе поползли сплетни, что аравийский государственный переворот против королевской семьи был подготовлен в России. Минуточку, зачем русским в этом участвовать? Потому что, когда аравийская и

бразильская нефть была снята с торгов, российская поднялась в цене. Однако это были лишь домыслы. Российское правительство опровергло слухи и назвало их частью нескончаемой антироссийской кампании Запада и других стран. Предъявите улики. Каждая страна сама отвечает за свою безопасность. Россия соблюдает все международные обязательства и служит опорой стабильности в мире. Может статься, что роевые комплексы принесут пользу, ибо они делают войну практически невозможной. Взаимно гарантированное уничтожение — только не гражданского населения, а военной машины. Конец концепции тотальной войны двадцатого века, возврат к войне военных против военных, характерной для вооруженных конфликтов, предшествовавших слому цивилизованных норм, введенных Вестфальским договором 1648 года и забытых в двадцатом веке. Даешь обратный ход.

Так, да не так. Потому что мишенью теперь могло стать все что угодно. Война велась не военными против военных, как утверждала Россия, а всеми против всех. Достаточно завладеть одним из комплексов.

Период жары навалился на Аризону, потом Нью-Мексико и западный Техас, потом на восточ-

ный Техас, Миссисипи, Алабаму, Джорджию и Флориду. Неделю температура и индекс влажности колебались на отметке 35 градусов по влажному термометру при температуре 43 градуса Цельсия и влажности 60 процентов. Электроснабжение работало почти без перерывов, люди сидели в помещениях с кондиционированным воздухом. Если кондиционера не было или он был ненадежен, жители собирались в общественных зданиях, где он работал исправно. Ничего страшного, пока на жару не наложилась область высокого давления из Карибского бассейна, так называемая двойная волна подняла показания влажного термометра до смертельного рубежа 38 градусов. Потребление электроэнергии подскочило, начались перебои и провалы напряжения, и хотя некоторые сбои носили плановый характер, чтобы предотвратить полный отказ энергосети, были короткими и в конце концов устранялись, смертоносное воздействие жары испытали на себе миллионы человек. На пике этого периода за одни сутки умерло двести-триста тысяч человек.

Позже в эту цифру внесли поправки, со временем выяснилось, что последняя десятилетняя перепись населения существенно недооценила число людей в группе риска. Как бы ни разнилась

точная цифра потерь, она была колоссальной. Новая жара унесла меньше жизней, чем великая жара в Индии, однако на этот раз это были американцы, и погибли они в Америке. Эта разница имела огромное значение, особенно в глазах американцев.

И все-таки предубеждения не замедлили последовать: мол, катастрофа случилась в южных штатах, затронула в основном бедноту, особенно цветных. На севере такого не может быть. С зажиточным белым населением такого не случится. И в том же духе. Роль Аризоны была позабыта — кроме как в самой Аризоне.

В этом, конечно, проявились расистские настроения и неприязнь к Югу, но еще и всеобщая когнитивная ущербность — людям очень трудно вообразить, что с ними тоже может произойти катастрофа, пока она не случается. Пока климат не начинает их убивать, люди отказываются поверить, что такое возможно. Других? Может быть. Нас? Никогда. Подобные когнитивные ошибки происходят даже в том случае, когда человек знает об их существовании и распространенности. Некоторые предполагают, что эти ошибки — часть эволюционного механизма выживания, подталкивающего людей к действию, даже когда

в нем нет смысла. Люди, живущие всего в двадцати милях от города, сметенного ураганом в Огайо, продолжают твердить, что их соотечественникам не повезло оказаться на пути бедствия и с ними такого не случится. Через неделю, когда смерть нагрянет к ним, они будут удивляться и считать событие беспрецедентной нелепой случайностью, но до тех пор будут отрицать, что подобное может с ними произойти. Такова человеческая натура, и даже жара, выжегшая южные штаты, не способна ее изменить.

Уровень CO_2 в этом году составил 470 частей на миллион.

Езда на автомобилях стала равносильной дерганию тигра за хвост, за жизнь приходилось держаться зубами.

70

Конференции в рамках Парижского соглашения по климату вопреки обостряющемуся ощущению бессилия, которое каждый участник испытывал в связи с ростом числа катастроф по всему миру, продолжали проводиться каждый год. Повышение содержания углерода в атмосфере означало, что многие развивающиеся страны, не способные противостоять климатическим катастрофам, теперь регулярно им подвергались, что вызывало повсеместные конфликты. Для тех, кто стремился не упускать из виду конечную цель, ради которой и принималось Парижское соглашение, оно оставалось пусть слабой, но опорой посреди бушующего кризиса.

Переговоры под эгидой ООН всегда четко различали страны по степени развития, списки запретов неизменно требовали от развитых стран делать для решения проблем климата больше, чем от развивающихся стран. Призыв к «климатической справедливости» разжеван в Статье 2 Парижского соглашения. Во втором пункте Статьи 2 говорится: «Настоящее Соглаше-

ние будет осуществляться таким образом, чтобы отразить справедливость и принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей в свете различных национальных условий». Пункт первый Статьи 9 закрепляет этот принцип: развитые страны должны помогать развивающимся странам, первые способны и обязаны делать больше, чем последние.

Это коренные пункты Соглашения. Текст статей и пунктов рождался в муках, предложение за предложением, фраза за фразой, слово за словом. Делегаты, добившиеся включения этих положений, отдали этой борьбе все силы, потратили на их выработку целые годы. Беседуя с коллегами в вагоне подземки во время саммитов, они делились новостями о разводах, банкротствах, сломанных карьерах, вызванных стрессом, болезнях и прочем личном ущербе, понесенном в процессе отчаянной борьбы за эти статьи.

Ну не дураки ли они, что цеплялись к словам в мире, катящемся навстречу катастрофе? Не глупо ли было настаивать на своем? Слова — паутинки в гранитной вселенной. Механизм, который заставлял бы выполнять столь тщательно сформулированные положения, полностью

отсутствовал; статьи Соглашения носили рекомендательный характер, международное право действовало лишь в том случае, если государства-участники добровольно его придерживались. А когда не придерживались, быстро забывали о собственных обещаниях. Суд, шериф и тюрьма им не грозили. Санкции тоже.

Что оставалось министерству? Верить вопреки очевидному, что мир управляется законами и договорами? Что гранитный валун, подвешенный в сетке из легких паутинок, не сорвется? Мао приписывают фразу, что мир управляется штыками, однако за штыками нередко стоят законы и договоры. Если отказаться от формулировок, однажды очутишься в мире бандитов, ворюг и голого принуждения, вытащенным из постели, чтобы быть избитым, застреленным или брошенным в тюрьму.

Поэтому люди до конца воевали за точность формулировок в договорах, лишь бы не допустить мира грубой силы и ночных убийств. Они сделали лучшее, на что были способны.

Даже сейчас, когда положение продолжало ухудшаться, делегаты ежегодных конференций стран-участниц внимательно следили за словами и фразами. Многие выдвигали аргумент: все

поколения людей грядущих веков, всех их биологических собратьев на планете, не способных говорить за самих себя, тем более в суде, можно представить себе как бедную и беззащитную развивающуюся нацию огромных размеров, которая неизбежно появится из-за временного горизонта. Эти новые сограждане молоды, слабы и во многом совершенно беспомощны. В то же время и у них есть или должны быть права. Из пункта о равенстве в Парижском соглашении, под которым все подписались, вытекает, что их права равноценны правам развивающихся стран. Без срочных обширных усилий стран, включенных в Приложение I, то есть развитого мира, «старых», «богатых» государств перспективы развития и самого существования этой огромной новой развивающейся страны выглядели все более безнадежными. А посему конференции COP продолжали настаивать на соблюдении принципа справедливости как фундаментальной политики и ценности. А значит, вспомогательному органу, известному в народе как Министерство будущего, требовалось оказывать неограниченную поддержку.

71

Опять веду протокол для Бадима с очередного заседания штаба Мэри. Стандартный обзор важных моментов и впечатлений (Б требует больше). Потом подчищу. Пишу на ходу. В который раз забыла сходить в туалет накануне заседания.

Бадим рядом с Мэри, угрюмый, рассеянный.

Рядом с ним Татьяна Вознесенская, тоже рассеянная. Дома на нее подали в суд, возвращаться в Россию небезопасно, все изменилось. Т докладывает: судебные иски в сотне с лишним стран. Поддержка правовой защиты почти четырехсот групп, с которыми судятся за их добрые начинания. Т недовольна.

Имбени: Нападение на МБ может растормошить остальных. Африканский Союз поддержал национализацию повсюду в Африке, единый фронт против Китая, Всемирного банка и других противников. «Африка для африканцев» — самое популярное политическое движение на континенте. Давление на Нигерию, чтобы признала карбон-койн, как это сделали Аравия и Бразилия. Это помогло бы финансировать много чего. Ос-

новную инфраструктуру, образование. Владение нефтью теперь считается проклятием, от которого лучше побыстрее избавиться. Есть шанс, что это вызовет положительные сдвиги. Африкой управляют африканцы.

Боб, Адель, Эстеван — общий доклад. В основном об Антарктиде. Эксперименты с выкачиванием воды из-под ледников дают положительные результаты. Движение ледника Пайн-Айленд замедлилось с нескольких сотен до десятков метров в год. Операции надо расширить и полностью поддержать. 60 антарктических ледников, 15 в Гренландии. Большой напряг, но удивительный баланс затрат и выгод. Стоящая отдача. Давайте это сделаем. М кивает.

У Ка-Минь новости похуже. Темпы вымирания все еще растут. Суматранский тигр, северный белый носорог, несколько видов речных дельфинов — все эти замечательные звери на воле больше не существуют. Очередь за орангутангами и еще 350 видами млекопитающих, балансирующих на грани исчезновения.

Индра: улавливание углекислоты напрямую из воздуха мощнее и дешевле, требуется увеличить масштаб, найти места для захоронения миллиардов тонн сухого льда. Прогресс в этой сфере

означает, что технология потребует новых вложений — львиную долю бюджета МБ и большую дозу карбони.

Елена: инициативная группа «4 на 1000» создала точную, несложную и недорогую тест-систему для измерения ежегодного роста запасов углерода в почве. Измерения теперь возможны, нужно учредить кучу органов сертификации — и вперед.

Мэри: кто-нибудь возмещает фермерам потери от перехода на новые методы хозяйствования?

Елена: нет, желающих не нашлось.

Мэри: но это же идеальный способ зарабатывать карбон-койны! Почему бы им не платить в карбони?

Дик: банки должны объяснить, что карбони могут эмитироваться частями — как центы от доллара.

Елена: неплохо бы. Однако мы только-только научились определять количество уловленного углерода. Анализ, что есть улавливание, а что нет, та еще головная боль.

Дик: стандартное определение от ККЦБ — на срок в сто лет.

Мэри: и этого срока достаточно?

Дик: для начала хватит. Лучше засунуть про-

блему в долгий ящик, чем не решать вообще. По сути, это определение на экстренный случай.

Индра: отчасти именно поэтому термин «геоинжиниринг» утратил смысл. Геоинжиниринг — это все, что люди делают в больших масштабах. Торможение ледников, улавливание углекислоты из воздуха, почвенные проекты «4 на 1000», все это — геоинжиниринг.

Мэри: контроль солнечного излучения — вот настоящий геоинжиниринг.

Индра: да, ну и что? Американская жара вернула вопрос в повестку. Индийский опыт до сих пор обсуждается. Двойная порция Пинатубо понизила глобальные температуры на три градуса в последующие пять лет и на один градус в течение еще десяти лет. Теперь мы вернулись к прежнему уровню. Слишком много противоречий, все показатели оспариваются.

Мэри: только не в Индии. Они хотят повторить операцию.

Индра: в целом все согласны, что вмешательство сработало. Нетрудно понять, почему они хотят его повторить. Даже в Конгрессе США это обсуждают. Много несогласных. Тем временем мы работаем с ККЦБ над перечнем таких методов количественного измерения и сертификации

улавливания углерода, какие позволили бы эмитировать карбон-койны и выплачивать их физическим лицам. Геоинжиниринг — это, конечно, хорошо. Но реабилитация требуется всему миру.

Мэри: флаг в руки. Дик, что происходит с финансами? Мир не вылезает из супердепрессии, а финансам хоть бы хны. В чем дело?

Дик: эффект от введения карбон-койна оказал на финансы благотворное влияние! (Как обычно, шутит.) Финансы и бровью не повели, карбони для них еще одна торгуемая валюта, ее выставляют на биржевые торги как любую другую. Делаются ставки на спред между кнутом и пряником. Поэтому есть люди, которые играют против карбон-койна в короткую, то есть чем хуже будет климат, тем больше они заработают. Хеджируют апокалипсис.

Мэри: их можно как-то остановить?

Дик: падение стоимости карбони — признак того, что стимулы для отказа от сжигания углеводородов пока еще слабоваты. Кроме того, когда все на свете измеряется деньгами, то методы измерений измеряются ими же. Ничего нового.

Мэри: что бы мы могли еще сделать для усиления давления на тех, кто сжигает углеводороды?

Дик: заставить ВТО ввести в правила полный запрет на сжигание углеводородов в любом виде. Прогрессивно увеличить углеродные налоги. Больше освещать участившиеся акты саботажа на нефтяных объектах — это вызовет волну подражаний. Короче: арбитраж плюс саботаж.

Мэри: ха-ха.

Некоторые действительно рассмеялись.

Дик: рынку требуется здоровое государство, обеспечивающее надежность денег. Государству требуется здоровый рынок, чтобы экономика не стояла на месте. Однако государство и рынок не действуют рука об руку. А если действуют, то это напоминает армрестлинг! Борются за контроль над положением, которое сами же вместе и создали.

Мэри: и мы хотим победы государства.

Дик: государства принимают законы, законы регулируют систему. Так что да, государство — главный игрок. Но рынок мы не можем отменить. Пока не можем. Он слишком велик, так живет весь мир. Просто надо его заставить инвестировать в нужные дела.

Бадим согласно кивает.

Янус-Афина: кое-что в словах Дика о передышке в террористических актах заинтересовало группу

ИИ. (То есть заинтересовало Я-А, искусственный интеллект никогда не использует личные местоимения первого лица, когда говорит о себе). Смысл в том, что министерству следует сформировать нечто вроде теневого правительства, чтобы, когда система рухнет, у людей был запасной план. Поэтому группа ИИ попыталась составить подходящее теневое правительство и опубликовало результаты на веб-сайтах. Запасной план с открытым исходным кодом. Мы отмечаем растущее число подписчиков на «YourLock». Практически это второй интернет, и теперь его пользователи приобретают статус граждан мира. Граждан Геи. Граждан Земли, общинников, граждан мира. Единая планета, Мать-Земля. Эти термины используют те, кто причисляет себя к планетарной цивилизации. Чувство патриотизма теперь охватывает всю планету.

Матриотизм — шутка Дика.

Я-А кивает. Поддержка быстро нарастает. Она способна быстро достигнуть переломной точки и превратиться в то, о чем вы думаете. В новую структуру ощущений, на которой покоится вся политика. В глобальную цивилизацию, преодолевшую местные различия. И уж совершенно точно — в гегемонию иного толка. Планы те-

невого правительства — лишь часть одного большого движения. Программные средства для ощущений.

Мэри: глобальная деревня.

Я-А: вроде того. Это название устарело. Деревня не годится. Планетарное сознание, правительство биосферы, гражданство Геи, Единая планета, Мать-Земля и так далее — это ближе к теме. Деревня — неподходящее слово.

Бадим: нужна, как я и говорил, четко выраженная религия. Призыв к самоотдаче и поклонению.

Мэри не слушает Бадима: а как дела у ИИ? Ваши машины учатся?

Я-А страдальчески щурится. Отчего-то вопрос ее смутил. Слишком наивен?

Ответ: названия только сбивают людей с толку. Сравнительный анализ данных сообщает то, о чем мы бы иначе не подозревали. Теперь это называют искусственным интеллектом, хотя раньше называли просто наукой. На самом деле мы имеем дело с компьютеризованной наукой. Лучшего названия не придумать. И она набирает силу. Однако мы так и не решили, что с ней делать. Главный потенциал развития заключается в понимании людьми…

Мэри машет руками, останавливая словесные излияния Я-А. Объявляет заседание закрытым. Говорит: возможно, на нас напали из-за какого-то конкретного действия. Швейцарцы тоже подверглись атаке, теперь они с нами заодно и ведут расследование. Скорее всего, это связано с деньгами. Откуда знать — может, мы видим что-то такое, чего они не видят. Выясните, в чем дело. Критический момент наступил. Жареный петух клюнул.

72

Концепция природных коридоров была одним из первых шагов еще более обширного проекта «Половина Земли», однако все по порядку. Повсеместная серьезнейшая угроза существованию диких животных требовала немедленных действий. Природные коридоры опирались на уже сложившиеся традиции, методику и правовые инструменты. Знаменитый коридор Y2Y от Йеллоустона до Юкона отлично себя зарекомендовал. Правда, устроить его было не так уж трудно — канадские хребты Скалистых гор практически необитаемы, к ним добавили множество федеральных территорий и племенных резерваций со статусом заповедников по обе стороны границы. Не говоря уже о сохранившихся популяциях двух великих экосистем — прекрасно себя чувствующего животного мира Большого Йеллоустона на юге и полярных животных арктической экосистемы на севере, если не учитывать, что изменения климата вытапливали снег и лед буквально у них под ногами. Обе популяции могли мигрировать в среднюю часть коридора, он это позволял. Обе

экологические зоны населяли относительно здоровые популяции млекопитающих и птиц — не страдающих от загрязнения, многочисленных и занимающих большие территории. Y2Y продемонстрировал людям, как все можно устроить. Животные имели свободу передвижения с севера на юг и обратно, охота на них была запрещена. На дорожных магистралях построили подземные переходы и эстакады. Заграждения имели проходы, местами трассы демонтировали полностью. Миллионы зверей были помечены и включены в «интернет животных», представляющий собой гигантский комплект научных исследований. Утверждение, что перепись млекопитающих и птиц в коридоре Y2Y была точнее человеческой переписи, не так далеко от истины.

Отлично! Добавление Y2Y-Cal, коридора между Йеллоустоном на востоке и Йосемити на западе, тоже не вызвало затруднений. Калифорния и раньше шла в авангарде защиты животного мира, начиная с тех времен, когда удалось спасти от вымирания толсторогих баранов Сьерра-Невады, — опыт, который теперь изучается и копируется по всему миру. В тот же период была полностью запрещена охота на пуму. Установление перемычки между огромным биоостровом и

Йеллоустоном означало подключение к проекту Вайоминга, Айдахо, Юты, Орегона и Невады. Хотя в каждом из этих штатов возникали политические осложнения, они постепенно очищали от людей огромные аграрные площади; общественным и частным субъектам предлагали неплохую сделку, что в основном сводилось к приличной сумме компенсаций за экологический сервитут, которую почти все соглашались принять. Разрозненные коридоры можно было соединить в общую сеть, на федеральных автострадах устроить подходящие переходы, законы об охоте пересмотреть, отдав ночное время суток животным, как это всегда делалось. День — для людей, ночь — для зверей, и не потому, что они нас чураются. Многие животные ведут такой образ жизни даже в совершенной глуши. Людям начали платить за ночные фотографии зверей, сделанные с помощью сенсоров движения, как за фото охотничьих трофеев, только наоборот — люди больше не убивали животных, а наблюдали за их жизнью. Местные органы управления воодушевились, почуяли шанс привлечь туристов, план понравился многим федеральным учреждениям, среди них — Бюро по управлению землями и Службе охраны лесов, которые играли в проекте

главную роль. Когда мы не попадаемся на глаза Вашингтону и мерзавцам, вечно поднимающим вой о богоданном праве беспрепятственно убивать любую живую тварь, коридоры у нас обычно работают как надо.

Короче, неплохо. С южной оконечности Y2Y коридоры были продолжены во многих направлениях — на юго-запад до Калифорнии, оттуда вдоль хребта Сьерра до больших пустынь, кроме того — на запад и север до Каскадных гор и хребта Олимпик, еще дальше вдоль главного водораздела, до Колорадо и Нью-Мексико и самой границы. Уже начались разговоры о Y2T — сплошного коридора от Юкона до Огненной Земли по линии спинного хребта обеих Америк. Большинство латиноамериканских стран уже осуществляли похожие проекты, с самого начала лидировали Эквадор и Коста-Рика. Это не фантазии.

Да, а как насчет поворота на восток? К восточному побережью США и в восточную часть Канады?

Ну, Канада в основном и так безлюдна. У них, конечно, есть свой пшеничный пояс и коридор автострады № 1, свои крупные города. Однако почти все это расположено у границы с США. Канада — большая страна. На самом деле они могли

бы возглавить движение «Половина Земли», почти ничего не меняя; достаточно переместить два процента населения, как больше половины страны достанется животным. Такое можно сделать во многих местах мира. Но если бы в Канаде… Ух!

А вот в Соединенных Штатах вряд ли. В аграрных штатах население распределено равномерно, фермы занимают каждый квадратный сантиметр плодородной земли, дикие животные везде, где только можно, истреблены, особенно главные хищники. Естественно, произошел взрыв популяции оленей, клещей, повлекший за собой эпидемию болезни Лайма среди людей. Ой! Экология в действии! Правда, там еще остались хитрые всеядные падальщики — койоты, еноты, опоссумы и прочие. Но кроме них — никого. На Среднем Западе, играющем роль конвейера по производству товаров для продуктовых магазинов, все, что мешается под ногами, считается вредным и безжалостно истребляется. И так было всегда. Это — часть устоявшейся культуры. Точно так же обстояло дело в главной долине Калифорнии и продолжает обстоять в аграрных регионах Юга.

Когда пытаешься отстаивать интересы жи-

вотных в этих замшелых частях страны, на тебя смотрят как на защитника саранчи или болезней растений. При этом реальный источник заболеваний они не видят в упор — жизнь в облаке пестицидов, разъедающих человеческие гормоны и ДНК, неизбежно вызывающих смерть. Как бы то ни было, надо было подвести базу; нам, конечно, сопротивлялись. На нас кричали на встречах. Мужчины с пеной у рта размахивали оружием, дрожа от вожделения пальнуть и убить какого-нибудь зверя — все равно, какого, — способные запросто перевести ствол с волка на человека, если почувствуют, что им за это ничего не будет. Положение приходилось разруливать с большим тактом.

Во-первых, деньгами. Существенными суммами денег. Во-вторых, убеждением. Лесополосы нередко спасают почву, наращивают ее, они стоят занимаемой площади. То же самое и с полосами местной растительности. С нулевой обработкой почвы. Природные коридоры для начала должны выглядеть как продолжение привычного земледелия, как средство наращивания почвенного слоя и его устойчивости. Широкие лесополосы помогли добиться прорыва в данном вопросе, против них возражали меньше всего. После

этого можно было вбросить идею заселения полос дикими животными — как формы борьбы с вредителями. Владельцы пастбищного скота ее, разумеется, восприняли в штыки, однако после вспышки коровьего бешенства десять лет назад и резкого сокращения спроса на говядину домашнего скота такого рода осталось совсем мало. Свиньи сидели взаперти, куры сидели взаперти, страшным волкам ничего не оставалось, кроме как резать зараженных клещами травоядных оленей, а ведь именно олени считались вредителями — они губили посевы! Если впустить диких хищников, они защитят посевы от потравы! На них потом можно даже охотиться, если слишком расплодятся. От такого аргумента попахивало лукавством — некоторые из моих импульсивных коллег были бы не прочь отстрелять самих охотников. Мы же, добрые люди со Среднего Запада, подчеркивали важность диких зверей для борьбы с вредителями, не уточняя, с какими именно.

По правде говоря, штатам на севере Среднего Запада и в западной части региона до самого Сиэтла жилось несладко. Они теряли население. Люди получали больше денег, разводя на ранчо буйволов или работая в заповедниках, чем занимаясь фермерством. Северные равнины плохо

подходили для сельского хозяйства, люди с самого начала убеждались в этом на своей шкуре. Молодежь оттуда разбегалась и уже никогда не возвращалась назад.

Чем ее привлечь обратно? Защитой диких животных! Тем более если на ней можно неплохо заработать — куда лучше, чем земледелием с его долгами, засухой, жестокими зимами, ядохимикатами и каторжным трудом, которым люди мучили себя два последних столетия. Все это мытарство приносило в награду лишь пыльные бури, растущие долги, бегство детей и преждевременную смерть. Ошибочный выбор, продиктованный экологической безграмотностью. Так дальше нельзя.

Поэтому мы встречались с властями округов, членами городских советов, церковными приходами, законодательными собраниями штатов, участниками ярмарок и торговых выставок, школьными коллективами, проводили встречи из разряда, на которые люди не собирались приходить, а явившись, тут же жалели, что пришли, подводили базу, демонстрировали фотографии и выкладки, искали путь к сердцу. Пророчили, если требовалось, возвращение шерстистых мамонтов и саблезубых тигров, хотя, по правде говоря,

для убеждения людей на севере Среднего Запада много не требовалось. Роль очаровательной мегафауны для них мог сыграть и «шоколадный» лабрадор.

Все шло довольно хорошо, пока мы не напоролись на препятствие. Группа вооруженных неформалов с шилом в заднице заявила: несмотря на то что мы получили разрешение перейти границу Монтаны с Северной Дакотой и привести с собой стадо буйволов как передовой отряд разномастной армии живности, включающей в себя — о боже! — пум, пантер и медведей, они нас не пропустят. Отстаивать свою позицию и убить нарушителя, вторгающегося в их владения, будь то человек или зверь, — святое право каждого американца. Некоторые владельцы участков у границы между штатами были готовы предоставить группе свои владения как место сбора и устройства заслонов на нашем пути. Они созвали банду, явившуюся вооруженной до зубов на массивных пикапах. Событие немедленно оказалось в центре внимания прессы.

Что ж, не так уж плохо. Медийные события могут приносить пользу. Главное — правильно ими распорядиться. Что, разумеется, подразумевает: не нарываться на пули.

Мы могли бы отправить вперед стадо в десять тысяч буйволов, и оно бы затоптало «патриотов» на фиг, как в том кино про индейцев. Зрелищно, но непрактично. Такое кино не завоюет сердца и умы. Мы могли бы также пойти впереди стада, прихватив семьи, выставив вперед детей с ручными уточками и енотами, утопить противника в море любви, доброты и няшности. Сомнительно и опасно. Красивая картинка, но в целом неумная мысль.

Мы остановились на ковбоях, усмиряющих стадо диких мустангов. К ним добавили овец и пастушьих собак, как бы примиряя былое противостояние между двумя способами порчи земных угодий в западных штатах. Все лошади, овцы и козы были дикими. Овчарки, конечно, были домашними, собак назначили играть роль собак. Не только потому, что они умеют загонять отару — в этом деле они, конечно, мастера, — но и потому, что на Среднем Западе собаки служат неким эмоциональным громоотводом, соединительным звеном между человеком и животным миром.

А за передовым отрядом ковбоев и овчарок — весь остальной парад. Буйволы, лоси, медведи — в город приехал цирк былых времен. Жаль, что у нас не нашлось парочки шерстистых мамонтов.

Волков и пум протащили тихой сапой, они так и так не любят компанию людей, пусть украдкой придут ночью, как у них принято. Появление пумы вообще редкое событие, они редко показываются и выходят исключительно по ночам. За всю жизнь с пумой на воле я столкнулся всего один раз и чуть не наложил в штаны. Думал, пришел мой конец.

Намеченный день наступил, мы позвали прессу, гости съехались со всего мира. С нами желало пройти маршем столько народу, что число людей превысило численность животных. Звери, естественно, пугались. Но мы все равно решили не откладывать, начали сразу же после рассвета, перейдя границу штата на участке шириной десять миль — что твоя психическая атака на фронте Первой мировой войны. Затея в самом деле выглядела несколько сумасшедшей.

Горе-охотники были застигнуты врасплох. Некоторые все-таки не сдали позиции и застрелили несколько животных. В основном, как потом оказалось, оленей — мы отправили этих бедолаг в первой волне, на разведку. Олени — это недотепы американской фауны, прекрасные, беззащитные, плодовитые и глупые существа. Их главный враг — автомобили. Олени не чуют опасность, будь

то автомобиль или еще что, а может, и чуют, но, избежав смерти и дожив до зрелого возраста, не умеют передать приобретенный опыт своим детенышам. Важно всегда помнить, что олени, несмотря на то, что они расплодились как крысы и считаются сорняками животного мира, остаются прекрасными дикими животными, выживающими в опасном мире без чужой помощи. Я всегда здороваюсь и, встречая их на воле, пытаюсь вызвать в душе такое же ощущение восторга как, скажем, при встрече с росомахой. Это нелегко, но такую привычку можно выработать. Любите оленей! Только не забудьте окружить свой огород забором покрепче.

Итак, день прошел успешно, как мы и ожидали. Были убиты несколько оленей, охотникам-убийцам пришлось постыдно ретироваться и сделать вид, что они тут ни при чем. Мы даже засняли поспешное отступление колонны пикапов и засидку охотника на уток, растоптанную стадом буйволов, даже не заметившим, что им что-то попалось под ноги. Ковбои вязали узлы восьмеркой, гарцевали, стоя в седле, вращали лассо: овчарки, покусывая овец за ляжки, загоняли их в ворота. Картинки и репортажи разошлись по всей планете. Один порыв бури, но после него природные

коридоры больше никого не пугали. Великая книга Э. О. Уилсона взлетела на первые строки в списках научно-популярных бестселлеров, а мы заручились в работе пониманием и поддержкой публики.

Даешь «Половину Земли»!

73

Современная денежная теория (СДТ) — это в некотором роде привязка кейнсианской экономики к климатическому кризису. В ее основании лежит аксиома: экономика должна служить людям, а не люди — экономике. Из этого вытекает, что целью государственной политики, формулирующей и принуждающей выполнять экономические законы, должна быть полная занятость. Гарантированность работы (ГР) — центральный момент в представлениях СДТ о качественном управлении. Любой, желающий работать, должен получить работу от государства, «работодателя последней надежды»; всем общественным работникам должна выплачиваться заработная плата, покрывающая жизненно важные расходы; во избежание оттока рабочей силы частный сектор был бы вынужден поднять нижний предел своих зарплат до такого же уровня.

СДТ повторяет довод Кейнса, что правительства не воспринимают долги так, как их воспринимают физические лица, ведь государства сами эмитируют свою валюту и способны напечатать

больше денег, не вызывая инфляцию; качественное смягчение (КС) после краха 2008 года, несмотря на мощный рост денежной массы, показало, что цены не пошатнулись. Поэтому СДТ рекомендует активно стимулировать освоение средств в форме углеродного качественного смягчения (УКС) с одновременной гарантией рабочих мест. И то, и другое должно служить декарбонизации человеческой цивилизации и поддержанию устойчивого баланса биосферы, единственной системы жизнеобеспечения человечества.

Критики СДТ, иногда расшифровывающие ее название как «смехотворная денежная теория», указывают, что Кейнс ратовал за увеличение бюджетных затрат в периоды экономического спада и за их сокращения в периоды экспансии, когда государство собирало достаточно налогов для финансирования расходов на случай очередного кризиса. Отказываться от контрциклического резервирования и считать деньги бесконечным ресурсом — ошибка, говорили критики, ибо между ценой и стоимостью существует реальная связь, как бы ее ни искажали различные исторические силы. Кроме того, обеспечивая полную занятость, правительство тем самым будет устанавливать минимальный уровень

заработной платы, и когда это вызовет инфляцию, а правительство попытается погасить ее с помощью регулирования цен, в итоге оно будет устанавливать и зарплату, и цены, взяв на себя полный контроль над экономикой. В таком случае деньги можно упразднить совсем и перейти на компьютерные расчеты производства всего необходимого, как в книге «Красное изобилие», другими словами — к коммунизму. Почему бы это не признать и не отправиться туда прямиком, минуя промежуточные этапы?

Находились такие, что отвечали: да, почему бы и нет?

Защитники СДТ возражали, что хотели бы сохранить накопленный опыт обычной экономики в качестве общественной науки для политического анализа, в то же время переориентировав экономику на благо человека и биосферы путем пересмотра политических воззрений и теории денег таким образом, чтобы они помогали цивилизации пройти через сужающиеся ворота кризиса. Экономика — инструмент для оптимизации деятельности по достижению целей, а цели можно и нужно корректировать. Сторонники СДТ признавали, что предлагают не просто подлатать капитализм, а перейти к политэкономии нового

типа. Кейнс с плюсом, теоретические или скорее практические находки, помогшие преодолеть кризис 2020 года, теория и практика, внедрившие и оплатившие «Новую зеленую сделку», этот ранний залп войны за планету, — все это хорошо, но этого мало. Теперь необходимо задуматься над поиском путей выхода из кризиса биосферы, в чем ортодоксальная экономическая наука ни капли не помогает, она зациклилась на прежнем анализе капитализма, как если бы капитализм был единственно возможным политическим строем. Из-за этого экономическая наука застыла как олень в свете фар стремительно приближающегося автомобиля.

Немало правительств поверили в СДТ и решили попробовать. В конце тридцатых годов это вызвало к жизни множество политических решений, которые одни считали признаком прогресса, а другие — безрассудными фантазиями. Ровно век назад такой же раскол мнений был вызван политическими новациями Кейнса, и многим наблюдателям было любопытно следить за дальнейшими шагами — повлечет ли за собой аналог событий тридцатых годов двадцатого века повторение событий сороковых годов, но уже в сегодняшнее время, или катастрофы удастся

избежать.

74

Каждый день для Фрэнка был на одно лицо. Он не вел календаря и не следил за днями недели. Время от времени — примерно раз в месяц — его навещали Сирин с младшей дочерью. Мэри Мерфи приезжала чаще — каждую неделю или две. Фрэнк решил, что ее офис где-то рядом.

В тюремной столовой кормили по-швейцарски солидно. Он немного набрал вес. За едой обычно читал взятую в библиотеке книгу, иногда — газету на английском, которая выходила раз в неделю в Париже. В тюремной библиотеке было много книг на английском языке, он читал их без разбора: Джон Ле Карре, Джордж Элиот, Диккенс, Джойс Кэри, Сименон, Даниель Дефо. «Робинзон Крузо» его развеселил. Повезло парню, раз смог раздобыть все нужные припасы в обломках корабля. Не так уж плохо устроился. Чем-то Фрэнк напоминал героя книги, он тоже выброшен волной на чужой остров и вынужден обходиться чем бог послал.

В восемь утра он обычно садился в фургон, развозивший заключенных по городу. Фрэнк по-

прежнему ездил в лагеря беженцев. Всякий раз ему становилось немного не по себе, но он упорно продолжал поездки. Один из терапевтов говорил о привыкании, может, так оно и было — повернись лицом к тому, что тебя тревожит, прими вызов. Одна из книг была написана африканцем, который в начале двадцатого века отправился к берегам Гренландии и жил в поселке инуитов. Их тогда звали эскимосами. Автор подслушал поговорку, которую местные жители произносили, когда рыбаки не возвращались из моря или умирал ребенок. А еще когда настигали голод, болезни, полынья, мороз или белый медведь. Трагедий у них было хоть отбавляй. Несмотря ни на что, эскимосы не вешали носа. Поговорка гласила: «Повернись лицом к Нарсуку» — что означало «никогда не унывай». Как бы плохо ни приходилось, инуиты считали неуместным проявление печали или скорби. Они смеялись над бедами, вышучивали неудачи. Поворачивались «лицом к Нарсуку».

Такой подход никому не помешал бы. Как-то раз, работая на раздаче еды и заметив краем глаза расстроенное лицо беженца в очереди, Фрэнк понял: практически все на свете пережили какую-нибудь травму, а некоторые еще пере-

живают. Его клиентов избивали, обстреливали, бомбили, выгоняли из домов, они видели смерть. Все они, добираясь сюда, проделали отчаянное путешествие, спали на земле, голодали. Теперь беженцы находились в новом месте, где их, возможно, ждали новые испытания, не только плохое, но и хорошее. К людям надо относиться терпеливо, видеть в каждом личность. Возможно, когда-нибудь они преодолеют свою травму. С ними нужно разговаривать.

Фрэнк редко вступал в разговоры, а когда вступал, начинал мямлить. Кое-как задавал вопросы и выслушивал ответы. Как бы плохо беженцы ни говорили по-английски, Фрэнк говорил на их языках еще хуже. Обитатели лагеря использовали английский язык как молоток, вколачивая смысл сказанного. С их языка подчас срывались на удивление точные и экспрессивные выражения. Иногда беженцы рассуждали как герои Дефо. Один как-то сказал: «Положение внезапно стало внезапным». Одна девочка воскликнула: «Как уголубело небо!»

Новости обычно действовали Фрэнку на нервы. Периоды жары, нападения террористов. Все армии мира переключились на борьбу с терроризмом. Каких-либо серьезных межгосу-

дарственных столкновений, способных отвлечь военных от попыток выявить и искоренить террористов, не происходило. Однако большими успехами они, похоже, не могли похвастаться. Кто-то назвал терроризм многоголовой гидрой. В детстве Фрэнка террористов по большей части презирали. Наступили иные времена. Многие покушения совершались на тех, кто сжигал углеводороды, особенно самых богатых, которые делали это открыто. Автогонки, частные самолеты, яхты, контейнеровозы. Нынешние террористы, похоже, привлекали саботажников и даже борцов сопротивления, вступивших в схватку за Землю. «Ударный отряд Геи», «Дети Кали», «Защитники Матери-Земли», «Земля превыше всего» и так далее и тому подобное. Люди читали сводки о силовых акциях со смертельным исходом и лишь пожимали плечами. А что они себе думали? Какой дурак в наше время владеет частным самолетом? Уже летают дирижабли с отрицательным выбросом углерода, у них на боках есть солнечные панели, накапливающие больше электричества, чем требуется для рейса, излишки отправляют в СВЧ-диапазоне на наземные приемные станции по маршруту следования. Полет не потребляет, а создает энергию, так за-

чем нужны реактивные самолеты? Нет. Если кого-то шлепнули за полеты на них, туда ему и дорога. Кретинов, упрямо жгущих углеводороды, сбивают прямо в воздухе? Ну и что? Смерть из-за облаков — традиционный американский метод со времен Клинтона, Буша и Обамы, другими словами — с того самого момента, когда технология сделала его доступным. Народ злился, народ был напуган, народ не церемонился. Мир колебался на краю пропасти, требовались решительные действия. Государственная монополия на насилие неплохо работала в свою бытность, да только никто уже не верил, что она когда-либо вернется. Разве что в далеком светлом будущем. А пока — втяни голову в плечи, полагайся на везение. Не летай на частных реактивных самолетах, а лучше — не летай никакими самолетами. Такие полеты сродни блюду из говядины — слишком много риска. Когда вегетарианский гамбургер неотличим по вкусу, а упаковка говядины имеет наклейку «безопасность гарантирована» крупными буквами и отказ от претензий мелким шрифтом внизу, это говорит, что наступило другое время.

Как-то раз, возвращаясь под вечер из большого лагеря в Винтертуре, Фрэнк столкнулся на входе с Мэри Мерфи. Они перешли на другую сторону

улицы и присели за столик в кафе. Еще светило солнце, принесли «кафи» с его приятным контрастом горечи и других ощущений. Опять эта странная женщина изучает его взглядом. Жизнь в тюряге не так уж страшна. За соседним столиком два зэка, не таясь, забивали косяк. Надзиратели не мешали курить траву, она успокаивала нервы. Охрана отворачивалась, даже когда зэки курили на тюремном дворе, чего уж говорить об улице. Трава действительно успокаивала нервы, поэтому к ней относились здраво. А здравость — главный принцип Швейцарии.

— Что-то много стало нападений на углеродных нарушителей, — заметил Фрэнк.

— Да. — Мэри сидела, потупившись в стеклянную чашку.

— Не ваши ли люди приложили руку?

— Нет, мы такими вещами не занимаемся.

Мэри не собиралась ничего признавать. У нее не было повода. Раз или два они приближались к мимолетным моментам духовной близости, к числу которых можно было причислить даже первую встречу у нее на квартире, однако теперь они отдалились друг от друга, заняв отстраненные, формальные позиции. Фрэнк перестал понимать, почему Мэри все еще приезжала.

— Почему вы ко мне приезжаете? — спросил он.

— Мне хочется знать, как у вас идут дела. — Мэри сделала паузу, отпив из чашки. — Кроме того, я хочу знать, где вы.

— А-а…

— Вы, похоже, стали спокойнее, но…

— Что но?

— Но вы как не от мира сего. Несчастны.

Фрэнк фыркнул в знак отрицания.

— Неправда.

— Много времени утекло.

— После чего?

— После плохих событий.

— Они не прекратились.

Мэри, похоже, потеряла терпение.

— Вы не можете в одиночку бороться со всем злом в мире. Даже пытаться не стоит.

— Я не пытаюсь. Это происходит само собой.

— Вам бы перестать читать новости, пялиться на экран.

— Я читаю «Молль Флендерс». С ней все было точно так же.

— Напомните, кто она.

— Персонаж романа Дефо. Сестра Робинзона Крузо.

— Ах, да. Припоминаю. Она выжила.

— Совершенно верно. Эти люди не ломали себе голову, как мы. Поворачивались лицом к Нарсуку. Не подозревали о существовании посттравматического расстройства.

— Либо оно было повсюду. Как воздух, которым они дышали.

— Разница все равно есть.

— Допустим. Однако насколько я помню, Молль Флендерс не пыталась вылечить от травмы весь мир. Людей не волновало, что происходило с другими.

— Но нас-то должно волновать, не так ли? В те времена люди мерли как мухи. Никто не стоял на месте. Сегодня мог умереть твой муж, завтра — твой ребенок. Теперь все не так. Смерть вряд ли настигнет вас и ваших близких, по крайней мере не сегодня.

— Моих настигла.

Эти слова сбили Фрэнка с ритма, он присмотрелся к Мэри повнимательнее. К тому, как она пьет из чашки. На ум пришла сцена во время их первого вечера. Фрэнк спросил Мэри о ее жизни, она вдруг взвилась на дыбы. Вопрос разозлил ее едва ли не больше самого факта похищения.

— Ладно, — ответил он. — Но все равно это не

то же самое. Может быть, потому, что мы теперь больше знаем. Мы живем в одной большой деревне с восемью миллиардами соседей. Таков наш сегодняшний мир. Либо выкарабкаемся все вместе, либо никто не спасется. Поэтому нам не безразлично, что происходит с остальными.

— Если бы все это было правдой.

— А разве это не правда?

— Боюсь, множество людей не участвует в жизни глобальной деревни. Янус-Афина говорит, что образ деревни неудачен. Национализм снова поднял голову. Твоя семья — твой язык. Очерти вокруг себя границы, и жить станет проще. Деление на своих и чужих не пропало.

— Но это же неправильно.

— Возможно.

Фрэнк ощутил легкий укол раздражения.

— Совершенно неправильно. Почему вы так говорите? Хотите меня подразнить?

— Возможно.

Фрэнк метнул в Мэри яростный взгляд.

Она немного смягчилась.

— Вы слышали утверждение, что в реальной жизни мы знакомы с очень маленьким кругом людей? Таким же, как в ледниковый период?

— Сейчас другие времена. Мы лучше информи-

рованы. Обитатели пещер полагали, что, кроме них, существуют не более сотни-другой человек. Мы же знаем обратное, и мы это чувствуем.

— Пожалуй, — кивнула Мэри. — Восемь миллиардов человек, и все набились вот сюда. — Она постучала пальцем по груди. — Не удивительно, что здесь так тесно. Все перемололось в сплошную гигантскую массу. Слилось в ощущение неконкретности.

Фрэнк, взвешивая ее слова, кивнул. Чувство давления на грудь было ему знакомо. Головные боли. Вселенское ощущение. Новая эмоция или смесь эмоций — горечь и чернота. Кофеин и алкоголь. Верхи и низы. Много всего навалом. Ощущение неконкретности. Не удивительно, что оно вызывает ступор. Или отчаяние.

— Возможно, — ответил он, передразнивая собеседницу.

Мэри скорчила гримасу, давая понять, что знает о своей докучливой манере.

— Океаны облаков в моей груди, так сказал один поэт. Положим, мы ощущаем глобальную деревню, но запутались в чувствах. Вы это хотите высказать? Что вы запутались? Что все свалилось в одну кучу?

— Нет. Да. — Фрэнк вскинул и снова опустил

взгляд. — Возможно.

Мэри смотрела на него с любопытством.

— Вам следует подняться в Альпы, погулять в горах. Мне эта прогулка хорошо прочистила мозги, хотя я оказалась там совсем по другой причине. Вы успели бы уложиться в один день и вернуться в срок.

— Возможно.

Оставшись один, Фрэнк еще раз обдумал слова Мэри. Что он сам не свой — правда. Что смят и превратился в аморфную массу, в которой сам не мог разобраться, — тоже правда. Ощущение неконкретности. Но ведь он желал «повернуться лицом к Нарсуку». Не покоряться судьбе — бросить ей вызов. Он должен смеяться перед лицом трудностей, как инуиты.

Фрэнк сел на поезд до Люцерна, потом автобусом доехал до леса у подножия Пилата. Поднялся пешком по тропе через лес, похожий на парк, на большой, чистенький, заросший травой альпийский луг — выше леса, но ниже серой горной вершины. Высоко над головой в широком воздушном пространстве раскачивался вагончик канатной дороги. Не обращая на нее внимания, Фрэнк двинулся в обход вершины, пока она не скрылась из виду. До возвращения назад остава-

лось всего несколько часов, подъем по тропе на максимальную высоту и дорога обратно представляли собой своеобразный зачет на время.

Посредине волнистого безграничного альпийского луга Фрэнк наткнулся в конце тропы на невысокий вертикальный гребень, рядом с которым стоял дикий зверь. А-а, даже не один — четыре. То ли серны, то ли альпийские козы. Фрэнк слышал, что они водятся в этих местах. Перед ним, очевидно, был самец с самкой и двое детенышей, хотя уже не маленькие — определить возраст на глаз было трудно.

Животные, несмотря на его появление, не выказали страха. Они заметили Фрэнка, насторожились, принюхались, но в остальном продолжали жевать жвачку как ни в чем не бывало.

Тушки округлые, полные — похоже, пищи им здесь хватало. Если пищей служила трава. Головы похожи на козьи. Короткие рога, чуть загнутые назад, но по большей части прямые. Рога окаймляли горизонтальные кольца — вероятно, годовые. Довольно мощное оружие: достаточно боднуть, и оно запросто проткнет противника. Странное дело — наклонив голову рогами вперед, козы не могли ничего видеть перед собой, кроме передних ног. Почти все тело покрыто короткой

бурой шерстью, животы — тонким бежевым пухом, коричневые и бежевые участки разделяла темная полоса.

Вожак следил за непрошеным гостем. Фрэнк заметил: у козла прямоугольные зрачки. Как у домашних коз? Он даже опешил. Прямоугольные зрачки — как такое может быть? Зачем? Да и на него ли смотрел зверь?

Похоже, все-таки на него. Козел жевал, не отрывая взгляд от незнакомого существа. Что оно будет делать? Представляет ли собой опасность?

Очевидно, животное решило, что опасность ему не грозит. Смотрело, скорее, из любопытства. Фрэнк замер на месте. Они следили друг за другом. Фрэнк сделал вид, что тоже что-то жует. Козел склонил голову набок, как будто заинтересовавшись. Пару раз моргнул. Порыв ветра взъерошил шерсть у него на спине и бороду Фрэнка. Фрэнк улыбнулся ощущению.

Что-то подсказало посмотреть на часы. Он опаздывал! Выходит, что пялился на этого альпийского, или горного, козла целых двадцать минут! А показалось, что прошло две или три.

Фрэнк пошевелился, неуверенно поднял руку, вяло помахал животному и пошел назад.

75

В США веб-сайт Национального студенческого союза провел опрос: тридцать процентов членов союза ответили «да» на вопрос, испытывают ли они настолько серьезные финансовые трудности из-за долгов за обучение, что согласились бы на организацию союзом забастовки неповиновения в форме отказа от выплаты долга. Вступая в союз, студенты обязались включаться в любую забастовку, объявленную тридцатью процентами членов, поэтому для верности координаторы союза поставили забастовку на голосование еще раз, «за» проголосовали восемьдесят процентов, девяносто согласились принять в ней участие. И неудивительно: нестабильное питание, то есть реальный голод, как и бездомность наблюдались повсеместно. Забастовка началась.

Банкам долги студентов обеспечивали ежегодный доход в триллион долларов, скоординированный отказ от уплаты долга означал для них адские проблемы с ликвидностью. Сами банки назанимали столько денег под свои кредиты, что не могли выплачивать свои собственные долги

без своевременных поступлений, студенческая забастовка немедленно ввергла их в кризис ликвидности, сходный с обвалами 2008-го, 2020-го и 2034 годов, с той разницей, что на этот раз люди делали это намеренно, чтобы разорить банкиров. Те бросились искать защиты у Федерального резерва, вопрос был передан в Конгресс с просьбой спасти положение очередным гигантским пакетом государственной помощи, чтобы поддержать ликвидность и веру в финансовую систему. Многие конгрессмены видели в банках слишком важные и тесно связанные между собой звенья экономической системы, чтобы допускать банкротство самых крупных из них, и призывали спасать банкиров за государственный счет. Однако на этот раз Федрезерв попросил Конгресс разрешить санацию исключительно в обмен на доли владельцев капитала каждого банка, запросившего помощь. Это означало либо национализацию финансов, либо финансиализацию нации, в любом случае больше никто не сомневался, что страной в действительности управляет Федрезерв. Так как Конгресс отдавал распоряжения Федрезерву, а народ избирал членов Конгресса, система благодаря забастовке сработала как надо. Произошла дефинансиализа-

ция. Неолиберализму пришел конец.

Такая перспектива сама по себе вызвала потрясения, однако в тот же месяц Африканский союз информировал Всемирный банк и китайское правительство о том, что все долги африканских стран объявляются одиозными. Правительства всех стран, входящих в Африканский союз, совместно поддержали полное аннулирование долгов — невиданную доселе стрижку капиталов, вслед за которой должен был последовать новый кодекс соглашений, согласованных Африканским союзом при участии всех государств африканского континента. Почин был объявлен концом неолиберального неоколониализма и подлинным началом «Африки для африканцев». Даже Египет и весь север континента присоединились к плану, поставив людей выше капитала, будущее Африки выше ее истории, а в случае Египта, да и всего мусульманского севера, самостоятельность выше зависимости от Аравии.

Через несколько месяцев рабочие Китая, получившие неформальное прозвище «Миллиард», захватили площадь Тяньаньмэнь — несколько миллионов человек просто-напросто вышли на улицу, намертво заблокировав все движение транспорта в столице. Толпы пешеходов запру-

дили пекинские автострады, обтекли заслоны и блокпосты вокруг площади Тяньаньмэнь и заполнили ее и прилегающие кварталы так плотно, что полиция и армия ничего не могли сделать со скопившимися в центре города пятью миллионами человек. Похожие демонстрации произошли во всех крупных городах Китая, их счет шел на сотни, обычные меры китайской армии для разгона толпы не работали. К согласованным требованиям по отмене системы прописки «хукоу» добавились новые, настаивающие, чтобы Коммунистическая партия Китая лучше реагировала на нужды граждан. Протесты совпали с проведением пятилетнего партийного съезда, партия уступила давлению и назначила новый состав центрального комитета, включивший в себя женщин и молодых людей, которые пообещали провести требуемые реформы.

Воспользовавшись моментом, курды объявили о создании Курдистана в части Ирака, которая уже находилась под их контролем, включив в границы нового образования приличные куски сирийской, турецкой и иранской территорий. Курды пошли ва-банк, и ни у кого не нашлось достаточно силы, чтобы их остановить. Все окружающие страны были возмущены и настроены

враждебно, однако они враждовали и между собой тоже, а потому не сумели подготовить достойный отпор, который не означал бы нападение на соседнее суверенное государство, куда, будь оно союзником или врагом, было слишком опасно вторгаться.

Все эти события происходили одновременно, и не только эти. Событий было очень много. Спонтанно (как если бы подобные вещи происходили спонтанно!) по всему миру разразилась целая волна восстаний; некоторые историки говорили о повторении 1848 года, о возвращении мятежного духа 1848 года двести лет спустя. Как и в ту эпоху массовых волнений и революционных потрясений, никто не мог объяснить, почему они происходят одновременно в стольких местах. Совпадение? Заговор? Мировой дух? Пульс времени? Кто знает? Ясно было одно: происходят большие сдвиги, старый мир рушится на глазах.

Посреди смятения и шатания основ рынок стремился к привычным вещам. Волатильность, разумеется, играла на руку трейдерам. Но в конце трудового дня нужен гвоздик, на который можно повесить шляпу. Играть в короткую против доллара? Серьезно? Все поставить только на короткие позиции? Может быть. Только где прятать

аварийный фонд, если наступит круглый облом? Прятать деньги в матрасе — это вам не игра на длинных позициях, да и сама затея стала практически неосуществимой. События принимали все более экзистенциальный оттенок, встал вопрос об истинной стоимости и вере в сам акт заключения сделки. Стоило определению стоимости перейти с разговоров о процентных ставках на разговоры о доверии общества, стоило финансам и теориям денег провалиться в подвал обыденности, а оттуда еще дальше — в бездонный колодец философии, побуждающей людей искать ответа на вопрос, как и почему работают деньги, как и почему некоторые люди живут подобно спустившимся на Землю богам, в то время как другим негде приткнуть голову на ночь, оказалось, что хорошего ответа попросту не существует. Тем более ответа не давал набор «надежных» инвестиционных стратегий.

Деньги держатся на доверии общества. В спазмофилический момент, когда все вокруг меняется и почва бешено трясется и уходит из-под ног, деньги тоже зависают в неопределенности. А это страшно.

Огромное количество ценных бумаг попросту превратилось в дым. Банки развитых западных

стран были слишком тесно связаны между собой, чтобы погибнуть, но если один-два крупных пойдут на дно, остальные уйдут в свою раковину и будут отсиживаться, пока государство не восстановит доверие, заморозив выдачу ссуд и даже выплату собственных долгов. Какой смысл платить кредитору, если через неделю его может уже не быть? Лучше обождать и посмотреть, выживет ли он и дойдет ли дело до суда.

Другими словами, заморозить ликвидность. Различные виды ценных бумаг, которые, по сути, играют роль долговых расписок между банками, вдруг обесцениваются. Других денег, кроме кэша, нет. Но так дело не пойдет, ведь ежедневно на различных рынках заключаются сделки на триллионы долларов, в том числе в тихих омутах, где люди, действующие в безнадзорном электронном пространстве, ведут бизнес на одном доверии. Законы воровской чести — понятие из времен феодализма, они скорее подходят Робин Гуду с его братвой, чем миру финансов современности. Нет. Если уж деньги — это идея, система, основанная на доверии общества, то, когда возникает разлад и доверие вмиг улетучивается, денег становится куда как меньше, чем раньше.

Многих новость не застала врасплох, имен-

но поэтому повсюду на планете много средств вкладывалось в недвижимость. Стоимость зданий и участков может упасть, однако права владения активом никуда не денутся и, что бы ни случилось, переживут все потрясения. Увы, недвижимость неликвидна. Даже если проблему сохранения богатства удалось решить заранее покупкой земли, домов и квартир в небоскребах на Манхэттене, проблема самих денег никуда не уйдет.

И вот, кряхтя и лязгая, издавая оглушительный треск, мировая экономика встала. После десятилетней рецессии, наконец, вернулась полномасштабная депрессия. Ту, при которой до сих пор жили, стали называть Малой депрессией, Суперстагнацией и так далее. Но теперь наступила Супердепрессия. Денег страшно не хватало, без денег людям нечем было платить, ни ссуд тебе, ни покупок. Безработица быстро перешагнула максимальный рубеж 30-х годов прошлого века. Казалось, что на этот раз она достигнет… какой отметки? В пятьдесят процентов? Семьдесят? Никто не мог предсказать.

Пошли разговоры о возврате бартера, особенно в сельской местности, где люди вполне его допускали. Да только бартер всегда был вымыс-

лом экономистов, фантазией. В городах очагом бартера служат ломбарды. Но и там действовал принцип «деньги за товар, товар за деньги». И действует он, пока есть сами деньги. Точно так же, если не хуже, обстоит дело с интернетом. Когда никто не доверяет деньгам, рынок в интернете перестает работать.

Создавались и внедрялись местные платежные единицы, их поддерживали городские власти, однако городу были нужны местные банки, а местным банкам — центральные. Тем не менее во многих регионах расцвел оживленный обмен всякого рода, нередко граница населенных районов пролегала по крупным водоразделам, люди стали использовать свои аккаунты в «YourLock» для цифрового микробанкинга с реальной пользой, появились наметки посткапиталистического коллективного долевого финансирования.

Однако все это было слишком ново, слишком промежуточно — чересчур много людей, и все они незнакомцы. Несмотря на интересные начинания, экономика продолжала сливаться. Стало очевидно: либо положение спасут центральные банки, либо уже никто не спасет. Их призвали на роль легендарного голландского мальчика Ханса Бринкера, пальцем заткнувшего дырку в дамбе,

последнего шва, способного остановить кровотечение. Центральные банки выступали от имени государства. Центробанки в свою очередь поддерживали государства с их армиями и полицией, в теории исполнявшие волю общественности. Если бы государственные банки могли удержать фронт, хотя бы путем дополнительной эмиссии или спасения частных банков за счет еще более обширного количественного смягчения, то, глядишь, все нормализовалось бы.

Некоторые и раньше возлагали надежды на центральные банки, поэтому увидели во внезапной вспышке хаоса и беспорядка хорошую возможность. Общество могло теперь настоять на своем праве получать должную компенсацию за постоянное спасение частных банков народными деньгами, взыскать репарации с барышников, полностью упразднить прибыль, пустив деньги на возмещение ущерба. Если частные банки упрутся, пусть разоряются, пусть начинается переход к полной национализации финансовой системы, которой будет владеть и использовать на благо своих членов общество.

Как ни странно, во время глубокого финансового кризиса вся полнота власти перешла к народу, массе простых людей как материально-

му воплощению «общества». Когда наступает крайняя нужда, люди начинают оглядываться вокруг в поиске виноватых, и если тысяча человек смотрит на одного, то ясно, на чьей стороне сила. Достаточно было уловить этот момент, а уловив, приступить к действию. Возможно, в этом не было ничего странного, и в то же время было — процесс ощущался как свободное падение в бездну. Парашют приходилось мастерить на лету.

Другими словами — очень быстро.

Теневое правительство, идею которого выдвинуло Министерство будущего в Цюрихе, задало шаблон для нововведений. Разумеется, план был не совсем нов. Во многом он перетасовал уже существующие элементы — кооперативы Мондрагона и Кералы, СТД, блокчейн, новаторство Дании и Кубы, и так далее. Все это давно существовало и работало в отрыве друг от друга. А поэтому внедрение новых методов не составило большого труда. Никаких коренных революций, никаких десятидневных недель с новыми названиями, никакого погружения в революционную эйфорию, когда хочется сломать и переделать все сразу. Небольшие поправки прав собственности. Цифры. Представительство. Корректировка

приоритетности некоторых ценностей. Импровизации. Солнце по-прежнему всходило на востоке, а растения росли вверх. Люди, однако, живут в мире идей, поэтому, несмотря на солнце, небо и все такое, голова у всех шла кругом. Весна выдалась панической.

Когда все поняли, что центральные банки вмешаются и наведут порядок с ликвидностью, многие рынки успокоились. Пекарни продолжали выпекать хлеб. Конгресс США активно принимал новые законы. Китайский народ прекратил демонстрации и вернулся на рабочие места под руководством нового центрального комитета. Курдистан взял под охрану свои границы и подписал договоры со всеми странами и организациями, изъявившими на то согласие. Люди искали пути, чтобы заработать один-два карбон-койна. Лишь немногие обменивали их на местные валюты. Уловить сто тонн углекислоты? Подумаешь! В моду вошли самопальные проекты улавливания углекислоты из воздуха вроде больших огородов для выращивания овощей на продажу, объединяющие обе цели.

Месяц выдался бурным, а за ним и год, он стал одним из тех годов, о которых люди потом говорят еще много лет, отметкой в календаре, вместив-

шей в себя целую эпоху. Тектонический сдвиг в истории, землетрясение в умах.

76

Я поступила на службу в ВМС США сразу же после школы. Хотела сбежать из нашего захолустья. Посмотреть мир. Неплохо для девчонки из Канзаса. Мама переполошилась, зато отец мной гордился. Военному флоту пригодятся умные женщины, говорил он. Покажи им, на что способна! Я люблю своего папу.

Отбарабанила восемь лет. Иногда приходилось разгребать дерьмо, в основном в отношениях, не буду вдаваться в подробности, это с каждым случается, все лажают, прежде чем повезет, если повезет вообще. И если тебе хватило ума заметить удачу и ухватиться за нее, дела выправятся. Мои выправились. Но я сейчас о флоте. Когда меня приняли, платили 25 штук в год — не так много, если посмотреть. Зато бесплатные жилье и питание, профподготовка по нескольким специальностям — это позволяло откладывать почти все жалованье, что я и делала. Со временем скопилась приличная сумма. Но об этом позже.

Главное, что я хотела сказать: я горжусь, что служила на флоте. Многие из моих флотских

приятелей разделяли любовь к флотской службе. Нас объединяло чувство локтя. Не удивлюсь, если дело в других видах вооруженных сил обстоит точно так же, но мы их считали тупицами по сравнению с нами. Знаю, это не оригинально. Суть в том, что флотская служба хорошо организована. ВМС, пожалуй, одно из наиболее уважаемых и хорошо управляемых учреждений. Среди прочего мы эксплуатировали 83 судна с ядерными установками 5700 реакторо-лет, пройдя 134 миль без единой серьезной аварии. Я три года обитала в нескольких метрах от ядерного реактора, и никакого вреда или болезней. Показания на моем дозиметре не отличались от ваших, а может быть, были даже лучше. Почему такое возможно? Потому что систему делали абсолютно безопасной, не считаясь ни с какими расходами. Не срезали углы, чтобы выгадать лишний доллар. С таким подходом система работает. Может, энергосети страны лучше отдать на попечение флотских? Это так, к слову.

Еще пару слов о флоте. После появления роевых ракетных комплексов ни один наш корабль не способен пережить нападение обладающего таким оружием противника. Против роев нет защиты. Чтобы это понять, необязательно закан-

чивать академии. Начальство молчит, никто не хочет об этом заикаться, потому что выводы не укладываются в голове. Неужели остается выбросить полотенце и признать себя кавалерией либо дикарями с копьями или заостренными камнями? Нет, сразу так никто не скажет. А это значит, что реальную войну способен вести только подводный флот. Подлодки несут ядерную угрозу типа всеобщего ядерного апокалипсиса, так что остается лишь надеяться, что их никогда не пустят в ход. А значит, на практике до перевооружения подводных лодок — возможно, на собственные роевые комплексы — военно-морской флот как ударная сила вообще непригоден. Все военные флоты. Начнись реальная война, надводные флоты быстренько пойдут ко дну. Кисло.

Тогда какова роль ВМС в мирное время? С учетом роевых комплексов, оно, пожалуй, уже наступило, хреновенькое мирное время с ассиметричными малоинтенсивными действиями повстанцев, с террористами и климатическими беженцами. В таком мире надводный боевой флот США мог бы оказывать охранные услуги, помогать в чрезвычайных ситуациях. Его главной функцией, как у армии Швейцарии, могло бы

стать оказание помощи в прибрежных районах. Сила добра, американское посольство для всех стран мира. Я не фантазирую. Если военный флот вообще сохранится, то он этим и будет заниматься. По факту уже занимается.

И последнее, что я хотела бы сказать о ВМС. Временами на боевые корабли с визитами приезжают адмиралы. Они посещают даже эсминцы и минные тральщики. Проверки, церемонии и все такое. Проходя вдоль строя и заметив матроса первого класса женского пола, они иногда останавливаются поболтать, расспросить. Обычно адмиралы — пожилые мужчины. Однажды приехала женщина — вот было здорово. Они все учились в Аннаполисе и посвятили флотской службе всю свою жизнь. Даже те, кто быстро взобрался наверх по карьерной лестнице, пожили свое на борту и знают, почем фунт лиха. То есть эти люди отнюдь не профаны, их интересует, как живется морякам в наше время. Они всегда проявляют любопытство, вежливы и, я бы сказала, удивительно нормальны. Как обычный командир корабля, только без гонора.

Я как-то посмотрела и обнаружила, что жалование адмирала составляет около 200 000 долларов в год. Больше этого на флоте никто не получает.

Существует ограниченная шкала зарплаты — от самого низшего до самого высшего уровня. Максимальная разница зарплат на военном флоте составляет коэффициент один к восьми. И это в одной из наиболее уважаемых организаций на Земле! Иногда такую систему называют равенством в сфере зарплат или экономической демократией. Давайте просто назовем ее справедливой, эффективной, товарищеской системой. Один к восьми! Не удивительно, что адмиралы выглядят нормальными людьми, они нормальные и есть.

А вот в мире корпораций, как я читала, разброс зарплат составляет один к пятистам. И это медианная величина. Один к полутора тысячам далеко не редкость. Руководители таких компаний за десять минут зарабатывают больше, чем начинающие работники за год.

Вы только задумайтесь, дорогие сограждане. Люди рассуждают о стимулах — словечко из школы бизнеса. Какие могут быть стимулы при разрыве зарплат от единицы до тысячи? У того, кто получает в тысячу раз больше начинающего работника, какой у него стимул? Я бы сказала: не попадаться на глаза. Скрыть тот факт, что ты вовсе не производишь в тысячу раз больше

обычного работника. Скрывая, ты перестаешь быть нормальным человеком. Превращаешься в фуфлогона. А каков стимул у наиболее низко оплачиваемых? С наскока не приходит в голову, но то, что приходит, звучит цинично, низменно либо совершенно нереально. Типа, вот выиграю в лотерею, или сейчас бы уколоться, или весь мир — параша. Ведь вы такое слышали, не правда ли? Пожалуй, слово «стимул» к ним не подходит совсем. Скорее, говоря тем же жаргоном, это антистимул. Когда вам платят одну сумму — а кому-то другому за менее сложную работу в тысячу раз больше, — всякий стимул за что-либо отвечать исчезает. В таком состоянии вы швыряете камень в окно или в надежде на шанс начать жить по-новому голосуете за какого-нибудь мерзавца, который потом наломает дров, а если не выйдет, то по крайней мере хоть покажете фигу загребающим тысячи. Конца не видно.

Но что, если весь мир будет управляться как военный флот США? Что, если стандартную, юридически закрепленную максимальную разницу в зарплатах для простоты расчетов установить в соотношении один к десяти? Низший уровень должен быть достаточно высок, чтобы обеспечить прожиточный минимум, достойное

существование или как там это называется. Чтобы хватало на пристойную жизнь. Сколько будет в десять раз больше? Много! Подумайте сами. Сосчитайте на пальцах рук и ног, где «достаточно» приходится на каждый кончик пальца, потом соедините все пальцы вместе и посмотрите на них. «Достаточно» в десятикратном размере — гребаная роскошь.

Ведь на флоте это работает? Так точно!

77

Все знают, что я такое, но никто не может меня рассказать. Никто со мной не знаком, хотя все слышали мое имя. Когда все вместе что-то говорят, получается нечто, похожее на меня, но это не я. Я складываюсь из поступков каждого человека на Земле. Я кровь на улицах, незабываемые катастрофы. Я прилив и отлив, качающий мир, хотя никто меня не видит и не ощущает. Я происхожу в настоящем, однако рассказывают обо мне только в будущем, полагая, что речь идет о прошлом, хотя речь идет всегда о сегодняшнем дне. Я не существую, и в то же время я везде.

Вы уже догадались, кто я. Я история. Сделайте так, чтобы я была хорошей.

78

Человек прилетел в Лакхнау, сел на поезд до города, потом доехал на подземке и автобусе до филиала школы Монтессори, в которую ходил в детстве. Крупнейшая школьная система планеты, лауреат премии мира ЮНЕСКО, несомненно круто повернула его жизнь. Отец женился на непалке, сын мог бы на всю жизнь застрять в Непале, в горной деревне Раванг, полицейский участок которой, взорванный маоистами, так и не отстроили заново. Отец был упрям и не хотел подвергать жену тяжестям жизни в Лакхнау. Второй по удачливости город Индии жестоко обходился с уроженцами гор. По воле родителей, нашедших друг друга после того, как на отчаянное брачное объявление молодого парня ответила девушка, научившаяся читать, писать и мечтать, сын мог бы всю жизнь провести в средневековье.

Как-то раз в деревню с группой гуманитарных активистов приехал один немец. Когда мальчишку поймали на воровстве — худшем проступке в его жизни, — допрос с основательностью полицейского учинил именно Фриц. При этом он вел

его непринужденно, не веря в дурной характер и не принимая всерьез набыченный вид мальчишки. Фриц сказал: «Чтобы чего-то добиться в этом мире, запряги своего тигра в колесницу. Не воруй, так ты только сам себе навредишь. Ты умен и одержим жгучим желанием действия — я вижу это в тебе. Так что не будь дураком, найди бесплатное место в городской школе. Так ты получишь то, что хотел, никого не обижая. Впитай в себя все, что преподают в местной школе. Я вижу, что это не составит тебе большого труда». Потом Фриц переговорил с отцом мальчишки: «Отправьте парня в город. Дайте ему шанс». Отец послушался совета. Так мальчик оказался в родном городе отца, Лакхнау.

Город восхитил и ошарашил подростка. Поворот в судьбе был настолько крут, что до самого конца детства и отрочества он не спал больше трех часов за ночь — все из-за бешеной суматохи в голове, ощущения, что каждый день вертится, как белье в стиральной машине. Ему повезло с Лакхнау. Город вылепил из него личность.

А теперь он приехал назад. Человек медленно шел, удаляясь от старой школы, в густонаселенный соседний район с южной от нее стороны, старый квартал, зажатый между линией подзем-

ки и рекой, прошлым и настоящим. В юности он натворил здесь немало глупостей. Несмотря на опьянение городом, мальчишка неизвестно почему сохранил вольные привычки непальского детства. Хапки сумочек на улицах с передачей подельникам, кражи на рынках — может быть, эти выходки напоминали ему о родном доме? Родители отлупили бы его, узнай, чем он занимается в городе, бездумно рискуя всем на свете, хотя риск, вероятно, придавал жизни дополнительную остроту. Ему нравилось совершать набеги, и компашка хулиганистых друзей тоже нравились. Он был таким же, как они. Юноша вырос диким горным зверьком, никакой город не мог его приручить. Притормозить пришлось, когда его чуть не поймали с поличным, сломав руку. Переехав в Дели, он еще один раз стал другим человеком, покончил со старыми забавами. И опять не мог вспомнить, почему это сделал и чем для себя обосновал эту перемену. В то время он попросту реагировал на происходящее. Хотя юноша и в Лакхнау спал редко, по-настоящему проснулся только после переезда в Дели. В этот момент ему многое стало ясно, и он уже не возвращался к старому.

А теперь вот приехал назад. Потянуло загля-

нуть в прошлое. Человек прошелся через город до школы, поговорил с группой школьников. Вид юных лиц сразил его наповал. Они горели таким же жгучим желанием действий, хотели того же, что и он в своей юности. Он не знал, о чем с ними говорить. А потому просто сказал: «Чтобы чего-то добиться в этом мире, запрягите своего тигра в колесницу».

Вместе со школьниками человек посетил поля за городом; в рамках программы регенеративного сельского хозяйства Индии у всех теперь имелась гарантированная работа. Индия достигла полной занятости, труд был тяжел, однако опирался на научную базу, помогал год за годом удерживать углерод в земле, что всем шло на пользу. Человек поработал со школьниками, сажая кукурузу, починил стенку террасы. К концу дня он совсем запарился. «Я по-прежнему дитя гор, — сказал он своим спутникам. — Я не умею расчищать тераи — слишком жарко для меня. Но вы делаете хорошую работу, не останавливайтесь. Этот мир создал Ганди — сатьяграха, «сила миролюбия» на санскрите, ведь вы все слышали это слово, правильно? Махатма создал его в одиночку, он был бы рад представить себе мир в обратном порядке — как грахасатью, «мирную силу». При-

лагательное вместо существительного. От вас исходит мирная сила, она несет мир Земле. Не останавливайтесь».

Когда человек уже собирался уходить, на улице ему сунули записку с просьбой о встрече. Приглашение его заинтриговало. Он давно хотел поговорить с этими людьми, но не знал, как с ними связаться. Поэтому отправился по адресу, указанному в записке.

Прибыв на место, человек удивился и восхитился, что дом находился на расстоянии всего одной улицы от пятачка, где он провел бóльшую часть своей мятежной юности, — расположенных буквой «Х» переулков, сходящихся у скрещенных под прямым углом двух широких проспектов. Очень неспокойный перекресток, такой же неспокойный, каким были тогда его разум и жизнь. Все те же трамвайные провода над головой, узкие балкончики с коваными решетками на домах. Человек с улыбкой подумал, что люди, позвавшие его на встречу, во времена его молодости, очевидно, тоже были хулиганами и, сами того не ведая, пригласили его в до боли знакомый квартал.

Увы, пригласившие его на встречу оказались ничуть не похожими на него молодого. Эти люди ставили перед собой четкую цель, их жгучее же-

лание имело направление, они давно впряглись в боевые колесницы. Гости вышли за порог и жестом пригласили человека в пустующий чайный киоск. Они были старше его, за главную у них была женщина. Хулиганы времен его юности были веселыми, разбитными ребятами, эти же имели насупленный вид и держались настороженно. Ну еще бы: на карту поставлены многие жизни, включая их собственные. Вдобавок, вероятно, повидали великую жару. Такие события оставляют неизгладимый отпечаток. Закаляют огнем. На него поглядывали, словно примеряясь, куда воткнуть нож, «дети Кали».

— Мы хотим, чтобы вы не стояли в стороне, — напрямик сказали ему.

— А я хочу, чтобы вы отошли в сторону, — парировал человек как можно более мягким тоном.

Женщина и четверо мужчин насупили брови. Их физиономии напоминали лики демонов на ожерелье богини смерти.

— Вы нам не указ. Здесь вы практически фаранги.

— Неправда. Вы не знаете, кто я. Допускаю, что вы достаточно разведали, чтобы пригласить меня на встречу, но это не все, что вы обо мне знаете.

— Мы видим, что происходит. Мы привели вас

сюда, чтобы сказать: того, что вы делаете, мало.

— А я откликнулся на ваш зов и пришел сказать: настало время сменить тактику. И это хорошо, в этом отчасти есть ваш вклад. Вы поступали так, как требовалось, я это знаю.

— Мы по-прежнему поступаем так, как требуется.

— Вопрос только, что именно требуется в настоящий момент.

— Это уж нам решать.

Человек по очереди обвел взглядом всех членов группы, тут же сообразив, что такой взгляд таит в себе даже бóльшую угрозу, чем слова. Он подобен физическому прикосновению, электрическому разряду, перескакивающему через разделяющее умы пространство. Взгляд жесткий — пусть видят его позицию.

— Послушайте, — продолжал человек, — я вас понимаю. Я помогал вам. Помогал таким, как вы, повсюду в мире. Иначе бы вы не пригласили меня прийти. И я согласился с вами встретиться. Я предал себя в ваши руки, чтобы дать понять: я с вами заодно. И пришел сказать, что обстоятельства изменились. Их изменили мы, изменили сообща. Если продолжать убивать злодеев и преступников в то время, как большинство из них

уже мертвы, вы сами превратитесь в них.

— Самые гнусные преступники еще живы, их много, — пылко возразила женщина.

— На смену мертвым придут новые.

— У нас тоже.

— Знаю. Вы понесли много жертв.

— Знаете?

Он еще раз взглянул на женщину и по очереди посмотрел на всех мужчин. Страшные лица, милые лица. Жгучая жажда действий.

— Это город богини Лакшми, — медленно произнес он. — Я в нем вырос. Надеюсь, вы в курсе. Жил прямо в этом районе, когда он был куда опаснее, чем сейчас.

— Во время великой жары вас здесь не было, — возразила женщина.

Он посмотрел на нее, ощущая, что внутри вот-вот оборвется натянутая струна. Стараясь не допустить срыва, человек неровным голосом сказал:

— Я сделал для того, чтобы не допустить еще один период жары, больше, чем любой, кто вам встречался на вашем пути. Вы делали свое дело, я — свое. Я работал в интересах людей этого района задолго до великой жары и буду работать до конца моих дней.

— Пусть ваша жизнь будет долгой, — пожелал один из мужчин.

— Я не об этом. Я хотел сказать, что вижу вещи, которые вам отсюда не дано увидеть, и я как ваш союзник говорю вам: настало время перемен. Крупные преступники мертвы, сидят в тюрьме либо прячутся и бессильны. Если вы продолжите убийства, это будет рядовым преступлением. Даже Кали не убивала просто так, а уж люди тем более не должны. «Дети Кали» должны слушаться своей матери.

— Мы слушаемся ее, а не вас.

— Я и есть Кали.

Внезапно он ощутил огромную тяжесть правды. Группа видела, как сильно давит на него этот груз. Война за планету шла много лет, руки человека были вымазаны в крови по локти. На мгновение он потерял способность говорить. Да и сказать было больше нечего.

79

Приблизился день освобождения Фрэнка из заключения. Срок отсижен. Непостижимо, мысли разбегались. Прошли годы, а он даже не заметил как. Часть Фрэнка все еще как бы наблюдала со стороны, отстранившись от жизни с ее эмоциями. Это приносило успокоение, избавляло от боли, страха, воспоминаний. Ничего, кроме холодного солнечного света на угловой террасе. Жизнь в тюрьме подарила ему возможность проводить четыре-пять часов в день без единой мысли в голове. Перспектива потерять ее не особо его прельщала. Расщепление личности? Безмятежность? Наплевать на названия. Для него это была насущная потребность.

Наступило, насколько он мог судить, еще одно изменение — он перестал бояться. Так ему, по крайней мере, казалось. Присутствие страха он, конечно, заметил бы. Фрэнк превратился в человека привычки — ешь, гуляй, работай, читай, спи. Ни радости, ни уныния. Ну, не совсем так. Освободиться от страха он желал всегда. Посмотреть на диких животных еще раз — тоже. А еще

хотел, чтобы людей освободили из заключения в лагерях беженцев, как освободили его. Очень разнообразные желания — одни он мог попытаться исполнить, другие были вне досягаемости.

Каждое утро тюремным фургоном, городским трамваем или автобусом Фрэнк приезжал в центры для беженцев, помогал наводить порядок на кухне. Или ходил пешком в деловую часть города, пересекал Лиммат взад-вперед по множеству мостов, нередко упираясь в один из парков на берегу озера.

Сегодня он пришел посмотреть на Гроссмюнстер, передать привет духу Цюриха, серому и аскетичному. Церковь напоминала старый бетонный склад, только очень высокий и практически пустой. Фрэнку всегда казалось забавным, что такое место назвали храмом и поклонялись в нем Богу. Архитектор Цвингли в роли дзен-монаха, поборника пустоты? Чистоты духа? Средоточие благочестия как вызов церквям в стиле барокко, самой идее церкви? Что этот храм говорит о самих швейцарцах? Не лучше ли выражает их нынешний дух изящная Фраумюнстер на противоположном берегу реки? Может быть. Фрэнк пересек реку еще раз, миновал табличку «Здесь спал Гете» и вошел в церковь Св. Петра. Нет, и

она не годится. Прилизанная, китчевая, сплошной алебастр. Нынешние швейцарцы не такие. «Баухаус» прошелся по ним катком, теперь всем подавай дизайн, возврат к Цвингли либо скачок в будущее, к чистым линиям космического века. Функциональность как форма — да, это швейцарский стиль. Сделай на совесть, чтобы долго простояло. Чистота, незамысловатость, отточенность, стильность. Старомодные ужимки Хайди изгнаны в туристические районы Альп, где им и место. В Цюрихе главное — функциональность.

Фрэнк прошел мимо женского клуба на берегу Лиммат. С другого берега реки на загорающих женщин, словно похотливый Джеймс Джойс, взирал ресторан-кафе «Одеон». Оттуда — до перекинутого через исток Лиммат моста Квайбрюке. На западе вдоль берега озера раскинулся первый парк. Фрэнк посидел на скамье над крохотной пристанью, полюбовался на статую Ганимеда, протягивающего руку к сидящей на земле большой птице. Простой жест. Загадочный в своей бессмысленности. Фрэнку нравились такие статуи. Ганимед как бы говорящий «опа» — вылитый Фрэнк на перепутье. Что он предлагает большому орлу? Фрэнка пробила дрожь. На солнечном свете, пусть даже слабом, не должно быть зябко,

но он ощущал холод. Потом нахлынула тошнота, из пор разом выступил холодный пот. Фрэнк мысленно попытался отогнать неприятное ощущение. К его облегчению, попытка удалась. А вот одежда стала влажной, он ослабел и замерз.

В последнее время такое случалось несколько раз. Он никому не рассказывал, старался не обращать внимания. Отчего-то под лучами блеклого солнца он чувствовал себя только хуже. Фрэнк поднялся, неуверенно держась за подлокотник скамьи. Спустился по широким ступеням до кромки воды, лижущей бетонные опоры пристани. Этот вид вызвал из памяти позабытую картину, которую нельзя было вспоминать. Фрэнк знал, что она такое, и отвлекся от нее, опустив руки в воду. Холодная альпийская вода, чистая и свежая. Мэри Мерфи говорила, что воду из озера можно пить. Она в нем плавала, она знает. Фрэнк зачерпнул пригоршню и поднес к губам. Холодная, пресная, с небольшой примесью органики. По вкусу было ясно, что вода еще неделю назад была снегом. Фрэнк выпил несколько пригоршней, не обращая внимания на прохожих, слегка обеспокоенных видом человека, пьющего из озера. Джеймс Джойс говорил, что в Цюрихе завтракать можно прямо с мостовой. Раз так, то и озерную

воду тоже можно пить. Фрэнк вспомнил, что раз или два даже в ней плавал. С тех пор прошло много лет. Тогда его звали Джейк. Как давно это было.

Он сделал глубокий вдох. Что-то было не так, Фрэнк ощутил головокружительную ледяную слабость, которую не мог передать на словах. Люди говорили, что освобождение — это шок, несколько недель накануне тянутся как вечность, ты сходишь с ума, начинаешь бояться свободы, хочешь вернуться обратно. Когда настало его время, он ничего этого не почувствовал. Старые привычные реакции организма, якобы отражающие умственное состояние, не появлялись. Да, он страдал от посттравматического стрессового расстройства. Однако за этим диагнозом всегда крылось большее. Что есть травма? Что есть стресс? Что есть расстройство? Никто не знает. В джунглях человеческого разума никогда не прекращается брожение, поиски просеки, поиски водоема, все это под неясным светом кипящих мыслей, в полусне, в полуяви. Зачем помогающие ему пытаются найти для этого слова, непонятно. Ну, видимо, желают помочь. Люди не могут без слов, выражают ощущения словами. Иногда получается. А иногда нет. Нужных слов не на-

ходится.

Косой полоснул страх. Что-то не так.

Фрэнк осторожно, глядя под ноги, поднялся по ступеням. Неподходящее место, чтобы спотыкаться, — вокруг много гуляющих: если он упадет, к нему поспешат на помощь, заметят электронный браслет на щиколотке и подумают, что он наркоман. Нет, надо держаться.

Фрэнк вышел на улицу, отдышался. Оценил состояние, потряс руками и ногами — они двигались как надо, и он воспрянул духом. Перешел через оживленную улицу к переулкам между Банхофштрассе и рекой. Там была кондитерская, в которой продавались засахаренные дольки апельсина, до середины обмакнутые в разные сорта шоколада. Ему нравился самый темный. Дольки отборных апельсинов, горько-сладкие, не до конца высохшие, покрытые отборным шоколадом. Фрэнк завел привычку: купив всего одну дольку, долго смаковал ее по пути. Продавщица сразу его узнала, не дожидаясь заказа, взяла дольку щипцами и опустила на листок вощеной бумаги — Фрэнку достаточно было просто кивнуть. Он вышел на узкую пешеходную улицу, мощенную плоской, гладкой плиткой, почти похожей на булыжное покрытие, почти,

да не совсем, направился к Парадеплатц, пересек трамвайные пути, идущие вдоль Банхофштрассе, и углубился в район, прилегающий к ставшей такой знакомой тюрьме.

Апельсин и шоколад, шоколад и апельсин. Горькое и сладкое, темное и светлое. Вкус составных частей сливался в отдельный особый вкус, цельный и вязкий. На языке таяли сахар, немного жиров, возможно, толика кофеина. Свернув за угол и увидев здание тюрьмы, Фрэнк почувствовал себя лучше. Он преодолеет напасть, дождется освобождения с таким же стоицизмом, с каким переносил заключение, выйдет и снимет квартиру по соседству. Напротив автобусного депо находилась коммунальная квартира, он записался в очередь на жилье, как только начал отсидку. Теперь в квартире освободилась маленькая спальня. Он поселится в ней и будет жить, как жил до сих пор. Не высовываться, не загадывать наперед.

Мэри Мерфи долго не появлялась, Фрэнк даже начал волноваться. Когда она наконец пришла, он рассказал ей за столиком в кафе напротив тюрьмы о встрече с горными козами на склоне Пилата. У него не получилось рассказать как следует, он заметил, что смысл до Мэри не дошел.

Фрэнк плюнул и раздраженно посоветовал, чтобы она съездила и посмотрела сама.

— Я рада вашей поездке, — односложно ответила Мэри.

Фрэнк спросил, чем занимается отдел министерства по делам беженцев. «Их уже около 140 миллионов, — сказал он, — а будет еще больше. Население Германии и Франции, вместе взятых. Хуже некуда».

— Я знаю.

— Вам надо выработать план, который поддержат все правительства. Вы изучали положение, существовавшее после мировых войн? Миллионы беженцев бродили по миру, умирая от голода. После Первой мировой войны решение проблемы поручили Фритьофу Нансену, он придумал систему нансеновских паспортов, разрешавших беженцам въезд в любую страну мира.

— Это правда?

— Кажется, да. Я читал, но не очень подробно. Зато у вас есть команда, которая могла бы этим заняться. Нужно снова ввести нансеновские паспорта.

Мэри вздохнула.

— Боюсь, многие страны на это не пойдут.

— Повторите трюк с центральными банками.

Либо план, либо хаос. Да, есть лагеря, и я знаю, что вы их посещали, однако те, которые видел я, скорее похожи на тюрьму, только хуже — беженцы понятия не имеют, как долго их там продержат и чем они провинились. Европа наказывает жертв. Судан принимает больше беженцев, чем все страны Европы, а ведь Судан в развалинах. Люди бегут в Европу, а их называют экономическими мигрантами, как будто их собственные граждане делают не то же самое — ищут лучшую жизнь, проявляют инициативу. Но если ты приехал за этим же в Европу, ты преступник. Пора это менять.

— Так поступает не только Европа, — покачала головой Мэри.

— Но вы-то находитесь в Европе! — воскликнул Фрэнк.

Мэри потупилась, глядя в чашку «кафи фертиг». Опять повторялся первый вечер, что не предвещало ничего хорошего. Фрэнк наседал, требуя большего от министерства, Мэри негодовала.

С другой стороны, она все еще встречалась с ним, хотя прошло столько лет. Странно. Он не мог понять причину. Фрэнк внезапно осознал, насколько для него важны эти встречи. Он их жаждал. Они представляли собой нечто невыра-

зимое словами. Ирландка, слегка взбалмошная, проявляет к нему нездоровый интерес, нередко ведет себя с оттенком жесткости и мстительности, шпыняет его, что дико раздражает. И все-таки он привык к ее визитам, нуждался в них.

— Это вам надо съездить в Альпы, — предложил Фрэнк. — Вы сами мне это посоветовали и оказались правы. Теперь я даю вам такой же совет.

Мэри кивнула.

— Может быть.

80

Мужа приходится толкать на каждом шагу. Он похож на одного из своих волов, вот почему он так любит их и не любит меня. Я для него что та птичка, которая садится на спину вола и долбит клювом. Муж был бы намного счастливее, если бы я тоже была волом. Увы, я его жена — судьба глупо распорядилась, — однако винить, кроме себя самой, некого. И, честно говоря, я его люблю, но помирать от голода не собираюсь.

Мужу достался огрызок отцовских угодий, два гектара в самом дальнем от реки закутке, где годами сваливали мусор, поэтому сначала пришлось разгребать несколько слоев всякого дерьма и даже платить за его вывоз, после чего остался треугольный кусок земли, твердой, как мраморный пол. Во-первых, пришлось взламывать корку, во-вторых, рыть от участка двоюродных братьев выше по реке оросительный канал. Я подталкивала мужа, чтобы он попросил братьев и племянников помочь нам. Когда мы, наконец, закончили, настало время удобрять почву. Вот где пригодились дурацкие волы, мы арендовали

для них соседний луг и собирали навоз и дерн для нашего надела. Поначалу вода из рва попросту стекала по нашему участку, унося с собой в реку все, что плохо лежало. Пришлось устраивать бермы, террасы, канавки, польдеры. Все в основном делала я — кроме меня, никто не мог работать целый час без перерыва и читать показания уровня. Дело двигалось вперед туго.

Потом до нас дошли слухи, что окружной совет раздает деньги за удерживание углерода в почве. Учитывая состояние нашего участка, мы могли бы получать деньги за то, что и так бы делали, чтобы не протянуть ноги с голодухи, поэтому я сказала своему волу: «Ступай и зарегистрируй нас». Он, как всегда, топтался на месте и мычал, мол, пустая трата времени, ничего не выйдет. «Прекрати! — цыкнула я. — Или иди прямо сейчас, или я с тобой разведусь и всем расскажу, по какой причине». Муж пошел и внес нас в список.

Вскоре в деревню приехала специальная группа (они на час задержались на нашем участке), взяла образцы как эталон, чтобы потом сопоставить. Один из спецов посмотрел вокруг с таким выражением, что я сразу поняла: эталон получится низкий. Наша дочь, пока он работал, приставала с просьбами объяснить, что он дела-

ет. Спец взял немного земли, бросил ее в какой-то стакан, поболтал в воде и показал дочери, что, как только вода успокоилась, она почти сразу же снова стала чистой. Все крупинки и грязь осели на дно. «Надо добавить компоста, — посоветовал он. — Органика не тонет в воде. Я вижу, что ее в вашей почве мало». Дельный совет. С таким же успехом мы могли бы возделывать пол, покрытый линолеумом, или камень.

После этого я не отставала от мужа ни дня. Вести хозяйство с нулевой обработкой почвы — это здорово, да только для этого нужна собственно почва. Для чего требуется как следует ее перелопатить и перепахать — несколько лет каторжного труда при постоянной нехватке денег: я ужалась до последнего, чтобы отложить средства на соседский навоз и растительные отходы.

Кому говно, а кому золото, как говорится. Мы выдюжили. Я гоняла мужа, он гонял рабочих, мы посадили кое-какие деревья и многолетники, они стали давать урожай. Пережили засуху и наводнение, даже эти бедствия наш участок благодаря нашим преобразованиям перенес лучше, чем соседские. Все это без тракторов, химических удобрений, пестицидов, лишь старые добрые ядовитые растения, которые здесь всегда росли.

Различные старинные методы. Я вела их учет, потому что они играли роль в подсчете углерода. Почти все, что мы выращивали, шло в пищу, кое-что продавали, вырученное вкладывали в улучшение почвы. Мой вол бурчал: «Где это слыхано, чтобы взращивать грязь?»

Наконец наступил момент, когда из далекой конторы вновь приехали спецы делать замеры уровня углерода. Как только я об этом услышала, явилась в окружную управу записаться. Вскоре к нам приехала проверять нашу почву новая группа, она, конечно, была в другом составе. Они расхаживали по участку, брали образцы, иногда с помощью инструмента, похожего на бур, каким роют ямы для столбов, иногда длинным винтовым шестом, напоминающим штопор. Образцы спецы относили в свой фургон, где у них была большая железная машина для расчетов.

Закончив проверку, они снова подошли к нам. «Молодцы, — сказали они. — У нас есть полномочия заплатить вам на месте, но, к вашему сведению, мы удержим одиннадцать процентов за нашу работу и ваши налоги. Если вы распишетесь здесь, что согласны, мы все оформим, не сходя с этого места».

Мой вол ощетинился. «Впервые слышу о таких

отчислениях, — заявил он. — Что наше, то наше, заплатите, что должны, с остальным мы сами разберемся».

Спец тяжело вздохнул, оглянулся на коллег. «Не могу, — сказал он. — Правила для всех одинаковы. Если хотите получить свою долю, вы должны расписаться».

— Не буду, — уперся муж. — Я подам жалобу в округ.

— Нет! — выкрикнула я и оттащила мужа в сторону для разговора с глазу на глаз. Не хотела отчитывать его перед чужаками. Мы зашли за угол дома, я покрутила пальцем у него под носом.

— Или ты принимаешь сделку, или я с тобой разведусь. Мы столько вкалывали. Эти люди всегда забирают себе долю. Нам повезло, что они запросили всего одиннадцать процентов, могли бы сказать «пятьдесят», и мы бы все равно согласились! Не глупи, не то я с тобой разведусь, потом убью тебя и всем расскажу почему.

Вол раскинул мозгами и потопал обратно к спецам.

— Хорошо, — сказал муж. — Раз уж моя жена настаивает… Ей бывает трудно отказать.

Мы расписались в формуляре и только тут уви-

дели, что нам дают.

— Двадцать три? — воскликнул муж. — Это ж курам на смех!

— Двадцать три карбон-койна, — поправил чужак. — Точнее, двадцать три и двадцать восемь сотых. По одному койну за тонну уловленного углерода. Что в пересчете на вашу валюту, если вы захотите получить оплату именно в ней, будет около… — Спец потрогал пальцами браслет на запястье. — По нынешнему обменному курсу получается около семидесяти тысяч. Семьдесят одна тысяча шестьсот восемьдесят.

Мы с мужем переглянулись. Это намного превышало то, что мы потратили за целый год. Где там — почти все наши расходы за два года.

— А это без одиннадцати процентов или с ними? — поинтересовался мой вол.

Я невольно рассмеялась. Смешной у меня муж.

81

Протокол тел. разговора, Мэри / Татьяна, закрытая линия. М в офисе, Т на тайной квартире, адрес неизвестен.

М: как дела?

Т: скучаю. А ты как? Больше не хочешь прятаться?

М: вряд ли кому-то нужно меня убивать. Моя смерть ничего не изменит.

Т: если бы.

М: чем занимаешься?

Т: работаю на удаленке. Даю советы нашей команде юристов.

М: что-нибудь интересное?

Т: ну, кое-что, кажется, работает.

М: что ты имеешь в виду?

Т: расчет на то, что супербогатые захотят откупиться, похоже, оправдался. По крайней мере большинство хотят.

М: из чего это видно?

Т: мы запустили пробный шар. Предложили: или пятьдесят гарантированных миллионов, или бесконечные судебные тяжбы и доставалово

— хоть прячься, как я сейчас. Многие согласились на сделку.

М: а это законно? Смахивает на вымогательство.

Т: на то есть законные средства. Я просто объясняю на пальцах для простоты.

М: спасибо. То есть денежки в налоговый оазис они уже не переведут?

Т: оазисы мы укокошили. Самое лучшее в блокчейне по сравнению с фиатными деньгами в том, что мы точно знаем, где они находятся. Мест, где их можно спрятать, осталось совсем мало. А если все-таки прячут, то деньги фактически перестают быть деньгами. Ценность имеют только учтенные средства. Старые деньги превратились… не знаю, в дублоны? Что касается реальных денег, то нам хорошо известно, где они и откуда взялись.

М: а раньше разве было не так?

Т: нет. Помнишь наличные?

М: я до сих пор ими пользуюсь! Они ведь тоже сосчитаны.

Т: верно. Но, обернувшись несколько раз, наличные деньги становились безликими. Существовало множество путей отмывки денег, их невозможно было отследить. Теперь можно. Более того, только учет и делает деньги реальными.

Прятать их больше негде, налоговых оазисов не осталось. Мы заблокировали последние, провели через ВТО дисквалификацию и все такое. Нет. Если ты частное лицо и хочешь сохранить богатство на современной финансовой арене, проще согласиться на стрижку капиталов, сохранить свои пятьдесят миллионов и помахать ручкой.

М: разумно.

Т: да. Пятьдесят миллионов в руках лучше миллиарда в небе. Пожалуй, богатые ближе всего стоят к хомо экономикус. Обладают полнотой информации, преследуют корыстные интересы, стараются максимально приумножить свое богатство. Но если максимальный уровень богатства задается обществом, борьба за него перестает быть рациональной. Особенно когда твое состояние в двадцать раз больше того, что необходимо для обеспеченной жизни.

М: ну, не знаю. Честолюбие, рассчитанное на миллиард, невозможно удержать в узких рамках. Это уже из области социопатии, напрочь лишенной рациональности. Причем свойственно это почти одним мужчинам. Хотя подобные замашки я встречала и у женщин.

Т: разумеется.

М: они будут огрызаться.

Т: кое-кто — несомненно. Сумасшедшие всегда были и будут. Я же веду речь о системе. Когда безумец взбрыкивает в здоровом обществе, он тоже наносит ущерб, но либо попадает в тюрьму, либо его кто-нибудь устраняет. Так что главное — система. Именно в этой области я предвижу результаты.

М: российское правительство нас поддержало?

Т: пока трудно сказать. Вроде бы. Ностальгия по СССР усиливается. Сибирь тает, всем стало не до шуток. Некоторые как считали? Подумаешь, будем выращивать больше пшеницы и все такое, а оказалось, что появилось больше болот и перевозкам по речному льду настала хана. Беда, короче. Кроме того, болота выпускают столько углекислого газа и метана, что хватит, чтобы превратить Землю в планету джунглей. В России никто не желает, чтобы там росли джунгли. Слишком хлопотно это, не по-русски.

М: значит, они тоже поддержат.

Т: пожалуй. В Кремле все еще идет драчка, но симптомы налицо. Для многих русских по-прежнему характерно бережное отношение к науке советских времен. Наука вообще русская ценность. Их веселит мысль, что мир может спасти советский подход. Какая-никакая сатисфакция.

М: любая культура требует уважения.

Т: естественно. Теперь все уважают китайцев, Индию тоже. Нехватку уважения испытывают только Россия и ислам.

М: и как его приобрести?

Т: деньги не помогут. Пример саудовцев это показал. Они вели себя по-дурацки. А дураков никто не уважает. Нас в России это беспокоит. Нам кажется, что нас постоянно держат за дураков. Мы — большой, опасный и неотесанный медведь. Деревенщина.

М: а как же лучшая в мире литература и музыка?

Т: все это было уже при царизме. И еще при Советском Союзе. СССР пользовался некоторым уважением за то, что противостоял Америке, прогрессировал в науке, выступал за солидарность. По крайней мере, это то, что сейчас помнят. Теперь же русские выглядят по сравнению с американцами лузерами. В мире, где все говорят по-английски, от этого клейма невозможно избавиться. Если, конечно, не получится всех спасти от американской глупости советскими методами.

М: или возвратом к самодержавию?

Т: нет, такой вариант негоден — Путин это

уже доказал на своем примере. Советская мечта лучше. Не надо отказываться от прошлого, надо использовать его для спасения мира. Матушка Россия — спасительница человечества.

М: хорошо бы. Кто-то же должен взять на себя эту миссию. Вряд ли это сделает Америка.

Т: Америка! Она как раз тот богатей, кто должен признать, что пятьдесят миллионов лучше бесконечности. Американцы будут тянуть до последнего.

М: похоже, пора опять ехать в Сан-Франциско.

82

Розничная сеть — уязвимое место, оптовых баз не так много. Достаточно нанести удар ниже пояса — по распределительным складам. После новостей о нападении цена акций розничных компаний резко падает, крыть им нечем. А курс и без того ниже плинтуса. Конечно, виновных может задержать и отдать под суд полиция, но прежнюю стоимость акций это не вернет. Физический урон на сто тысяч долларов может привести к финансовым убыткам в сотню миллионов. Крупные пенсионные фонды чуют недоброе и переводят гигантские активы в другое место, благотворительные фонды, трасты, университеты, неприбыльные организации и хедж-фонды замечают, что авторитеты потянулись на выход, и тоже спешат выскочить из дома, пока крыша не рухнула на голову. И вот крупная, известная на весь мир корпорация, которая, естественно, является юридическим лицом, переживает нечто вроде инсульта, лежит полностью парализованная на больничном ложе в палате интенсивной терапии, а наследники тем временем грызутся за

остатки имущества.

Так что поджог торговых точек происходил не впервые. Раньше этим дело и закончилось бы. Людям нравится прямое действие, потому что оно не требует раскачки и не ведет потом к серьезным осложнениям. Только на этот раз забастовку студентов против долгов за обучение поддержал Союз арендаторов жилья. Началась классическая акция неповиновения — почти повсеместный невыход на работу, своеобразная форма генеральной забастовки.

Потом 16 июля прекратили работу многие интернет-порталы, сетевые супермагазины. Мороз по коже. У нас получилось! Насколько это умный ход? Ведь интернет считается нервной системой современного общества. Не похожи ли мы на того парня, который отрезал себе руку, чтобы выбраться из каньона в Юте? Отчаянный шаг. Мы намеренно устроили междуцарствие, хаотический период в момент смены династий. Великий кризис, нулевой год, охренеть.

В таких ситуациях всегда нужен план. Его невозможно состряпать на коленке во время всеобщего развала. Современная эпоха сверхсложных структур этого не допускает. Представьте себе, что интернет перестал работать, ваши сбережения

исчезли, деньги больше не действуют. Твою бога в душу мать! Можно ли в такой момент создать новое общество? Нет, нельзя. Все идет вразнос, не успеете оглянуться, как придется есть кошек. Так что зарубите себе на носу: запасной план должен быть подготовлен заранее. И его нельзя хранить под спудом, чтобы потом вбросить в момент хаоса. Не надо басен о заговорах. Как достали эти идиоты, утверждающие, что все заранее было кому-то известно. Очевидная брехня. На самом деле мы импровизируем. Нет, заговоры, конечно, бывают, только они у всех на виду. В этом смысле запасной план тоже должен быть всем хорошо известен, как своего рода открытый заговор теневого правительства оппозиционной партии, представляющей свою программу на рассмотрение граждан и — в перспективе — на голосование. Все карты на стол, все обсуждается. Пошаговые инструкции сборки. Что, слишком отдает политикой? Это политика и есть. Депрессняк.

Канонический пример того, как отсутствие запасного плана может навредить революции, это… да возьмите какую угодно революцию! Революция всегда корчится в судорогах, роды протекают мучительно, история — это сплошные косяки, игра в пинбол, кошмар. Взять хотя бы

один пример того, как отсутствие запасного плана не позволило революции даже возникнуть, несмотря на острую необходимость, — Грецию и несостоявшийся «грекзит» в первую декаду нашего века. Греция просрочила платежи по долгам центральному банку Европейского союза и Всемирному банку, а также целой своре частных банков. Глобальные финансовые воротилы зажали Грецию в тиски, приказали остановить выплату пенсий гражданам, заботу о здоровье и прочее, чтобы греческое правительство было в состоянии выплатить долги международным кредиторам, бездумно нарасширявшим кредит до опасного уровня. СИРИЗА, партия, пришедшая к власти на тот момент, уперлась. Так называемая «Тройка», представлявшая интересы международных финансов, начала давить. Они не могли позволить себе отступить, иначе все маленькие страны PIIGS, Португалия, Италия, Ирландия, Греция и Испания, разбежались бы.

Чья взяла — греческого народа или международных финансистов? СИРИЗА вынесла вопрос на всенародный референдум. Греки в подавляющем большинстве проголосовали против «Тройки» и мер жесткой экономии. После чего СИРИЗА не моргнув глазом согласилась на ту самую жесткую

экономию и удавку ЕЭС, задрала лапки кверху и запросила о пощаде.

Почему СИРИЗА пошла на этот шаг, почему предала чаяния избравшего ее народа? *Потому что у них не было запасного плана*. Им требовался план выхода из ЕЭС и возвращения к драхме, ввода долговых расписок, позволяющих продержаться на плаву, заменить деньги в обращении, пока страна не напечатала новые драхмы и не вернула себе контроль за национальной валютой и суверенитетом. Кстати, в СИРИЗА были люди, лихорадочно работавшие над запасным планом, который они назвали «План икс», однако это был случай из разряда «кто не успел, тот опоздал» — им не удалось убедить своих коллег в правительстве пойти на риск.

Итак, ввиду отсутствия готового плана СИРИЗА прогнулась под ЕЭС и финансовых глобалистов. В противном случае грозил хаос, означавший голод. Греки и так уже голодали; безработица составляла 25 %, а среди молодежи — 50 %, жесткие меры экономии, навязанные «Тройкой» еще до кризиса, привели к нехватке денег на социальные нужды, помощь бедным. Правительство передовой страны, европейской страны, колыбели цивилизации, бла-бла-бла, было поставлено

перед выбором: либо недоедание и безработица, либо голодная смерть и хаос, и все потому, что у них не было запасного плана.

Каков этот план? Многие элементы существуют уже давно; их называют социализмом. Или — для тех, кто шарахается от этого слова, как американцы и другие успешные капиталистические страны, испытывающие к нему аллергию, — коммунальным сектором. Это практически одно и то же. Общественная собственность на самое необходимое, которая не должна служить извлечению прибыли и одновременно является правом человека и общественным благом, — на пищу, воду, кров, одежду, электроэнергию, здравоохранение, образование. Все эти права человека, общественные блага ни в коем случае не должны быть субъектом отчуждения, эксплуатации и наживы. Чего, казалось бы, проще.

Демократия — тоже неплохо. Опять же, для тех, кто считает ее фиговым листком олигархии и западного империализма, назовем ее не демократией, а реальным политическим представительством. Как вы думаете, у вас есть реальное политическое представительство? Скорее всего, нет, но даже если вы так считаете, то вряд ли в этом до конца уверены. Итак, общественная соб-

ственность на самое необходимое плюс реальное политическое представительство.

Тонкости можно регулировать по обстоятельствам. Хотя, согласно пословице, все дело в деталях, детали все же не главное, они не более чем кусочки пазла. О них можно договориться, и нередко договариваются заранее. Цюрихский план, кооперативная система Мондрагона, экономика участия Альберта и Ханеля, коммунизм, проект общественных трестов, проект «Полезно то, что полезно для земли», разнообразные посткапиталистические модели и так далее и тому подобное. Версий запасного плана много, но все они имеют одни и те же базовые черты. Это не бином Ньютона. Самое необходимое не должно продаваться или приносить профит.

Страшно только, что деньги при этом все равно уцелеют — хотя бы в форме некой системы обмена и распределения, а значит, в нее будут встроены уже существующие центральные банки, а с ними — система национальных государств. Увы, это так, и никуда от этого не деться. Даже если вы противник роста и сторонник регресса, анархист, коммунист или адепт мирового правительства, глобальность в современном мире возможна лишь в рамках системы национальных

государств. Или, если вам так легче, в рамках языковой семьи. Сотни различных языков должны быть взаимно доступны для понимания. Таково нынешнее положение, и, если начнется распад, часть старой системы — предпочтительно ту, что побольше и понадежнее, — придется брать за основу новой. В противном случае — воздушные замки и обвал в кромешный хаос. Так что да: от денег, а значит, центральных банков и национальных государств никуда не деться. Общественный договор в чистом виде. Вот где настоящая жуть. Все как в случае с гипнозом — чтобы он подействовал, ты должен заранее на него согласиться. Нас всех гипнотизируют в групповом сновидении, мы галлюцинируем все вместе — это и есть социальная действительность. Невеселый вывод.

Особенно если учесть, насколько нынешний строй неравен, несправедлив. Все это, конечно, не ново и было описано еще в Библии, в Книге Бытия; неравенство — древнейшая черта человеческого общества, мало изменившаяся с рассвета цивилизации. Как ее изменить? Что делать?

Сегодня все всё знают. Любой человек на планете в курсе реальных условий человеческого общежития. Это одно из следствий дурацких

смартфонов: ты можешь не уметь читать и писать — многие еще не могут, — но прекрасно представляешь себе, как устроен мир. Знаешь, что мир катится навстречу катастрофе. Понимаешь, что надо действовать. Все всё понимают. Деньги забирает не невидимая рука. Деньги реальны, только их неравно распределяют. Точнее, неправильно распределяют. Теперь привычный порядок сломан. Его сломали мы, причем намеренно! Мятежи, захваты, неповиновение, генеральные забастовки — идет ломка. Настало время для запасного плана, время действий, принятия новых законов. В конце концов, положение изменит смена законодательства, введение нового режима — справедливого, честного, устойчивого и надежного. Общественные коммунальные службы, государственные (чьи владельцы — граждане) предприятия, кооперативы, реальное политическое представительство и так далее. Запасной план как можно быстрее надо возвести в силу закона. Самый лучший запасной план — это многообразие.

83

Я снова в Питере. Сезон белых ночей, уже полночь, а все еще светло, свет — серый, блеклый, зловещий. Город на берегу залива, как это часто бывает, накрыт низкими облаками. С Троицкого моста в лучах прожекторов ярким желтым пятном в сумерках светится высокая стена Петропавловской крепости. Как обычно, влажная сырость. На Татьяне ее старая шуба, меховой воротник греет подбородок. Зимняя шапка надвинута на уши. Под брюками теплое нижнее белье, на ногах — подбитые мехом сапоги. Холод ей не грозит, она подготовилась. Хотя возвращение в подобную стужу неизменно вызывает шок.

— Ах, Танечка! — воскликнула за спиной подруга. — Ты была такая красавица до отъезда, а теперь стала такой же бабкой, как все мы.

— Иди к черту! У тебя видок еще похлеще моего.

Они обнялись.

— По правде говоря, ты чертовски хорошо выглядишь, — призналась Светлана, рассматривая подругу и держа ее за руки. — Швейцарские де-

нежки пошли тебе на пользу — салоны красоты, диеты, спортзалы.

— Ни фига.

— Ну, ты у нас счастливая, с такой фигуркой тебе даже полнота не вредит.

— Слишком много швейцарского сыра, — угрюмо согласилась Татьяна. — Хватит дурака валять, говори, чего хотела.

— Я хочу уехать.

Татьяна втянула ноздрями холодный воздух.

— Ты уверена?

Светлана махнула рукой на город.

— Все хотят.

— Я думала, Питер — красивое место.

Светлана ткнула пальцем в Лахта-центр, пронизывающий белую ночь гигантской серебряной иглой.

— Смеешься?

— Мне нравится.

— Не сомневаюсь. Дело не в том, как выглядит он, как выглядишь ты сама и что ты думала, когда была девчонкой.

— Девчонкой я ненавидела Питер. Зато сейчас люблю.

— Издалека.

— Когда-нибудь вернусь.

— Сомневаюсь. Не обманывай себя. Питер тебя погубит.

— Мне казалось, что дела пошли на лад. Путина больше нет, возвращаются коммунисты, олигархи либо мертвы, либо сидят в тюрьме.

— Глупости! Почему ты так говоришь? Первое поколение ушло, но дети их такие же уроды, ты же знаешь. Мы от них ни за что не избавимся.

— Но ведь они не рвутся к политической власти. Сидят себе в Монако или Нью-Йорке, разве не так?

— Не все. Некоторые, но не все. И пока сохраняется охвостье, устраивающее беспорядки, опасность не миновала. Далеко не миновала.

— Демдвижение набрало обороты. Демократический коммунизм — разве не прелесть? Китайская модель наизнанку. Они были диктаторами-капиталистами, мы станем демократами-коммунистами.

— В Цюрихе, возможно, в это легко поверить. Здесь потруднее.

— Но ты должна признать, что дело идет к лучшему.

— Да, к лучшему. Потому что все было страшно запущено. Но чем больше мы побеждаем, тем сильнее сопротивление. Чем лучше, тем опаснее

для нас. Это ты хоть понимаешь?

— Да.

— Сама рассуди: вы кое-чего добились, мы тоже. Степень опасности возросла. Теперь я хочу работать из-за границы — как ты.

— Думаешь местонахождение играет какую-то роль?

— Думаю. Этот мост известен самым высоким числом самоубийств в мире.

— Поэтому ты выбрала его для нашей встречи?

— Я хотела напомнить, чтобы ты прочувствовала.

Татьяна с унылым видом втянула в себя холодный воздух. Матушка-Россия, вечно недовольная медведица. Не стоит удивляться, право.

— Что я могу сделать, находясь в Цюрихе?

— Вытащить меня отсюда.

— А кроме того?

— Новый прокурор на нашей стороне, по крайней мере по части экологической защиты. Зверушек любит. Надеюсь, с его помощью нам удастся протащить через судейскую коллегию пакет реформ Евгения.

— От судей что-то зависит?

— Сейчас стало больше зависеть. Макаров корчит из себя анти-Путина, разве не видишь? Никто

не может переплюнуть Путина в роли Путина, поэтому они заходят с другой стороны.

— Ты уверена, что Путину в путинстве нет равных?

Светлана кивнула на город.

— Если только Петр Великий. Или Сталин. Нет уж, эта линия закончилась. Никто не желает быть второсортной копией предшественника. Поэтому, чтобы преуспеть, Марков пытается делать обратное, выглядеть великим реформатором, глобалистом, демократом. Уклон в сторону Индии вместо Китая. Укрепление верховенства права. Многие этого тоже хотят. Поэтому у нас есть шанс.

— Даже у программы Евгения?

— Да. В том числе у закрепления правового статуса животных, что позволило бы тебе продвигать иски в России. При наличии правового статуса ты смогла бы пойти в лобовую атаку, как ты умеешь это делать.

— Неплохо бы, — воодушевилась Татьяна. — У меня давно чешутся руки кое-кого здесь засудить.

— Поможешь мне — я помогу тебе.

— Как обычно. Пошли на хрен с этого моста, давай выпьем, что ли?

— Квасить? Опять за старое.

— Самое время кирнуть.

— Вмажем по соточке.

— Или по две.

— Неудивительно, что ты растолстела. Алкоголь, знаешь ли, калорийная штука.

— Господи. И есть тоже хочется. Холодно, голодно, и горло пересохло.

— Добро пожаловать в родные пенаты.

84

После нескольких лет регулярного потопления контейнеровозов с помощью торпед-дронов, которые становились все быстрее и мощнее, судоходные предприятия наконец начали подстраиваться под изменившуюся ситуацию. Встал вопрос: приспособиться либо испустить дух. Моря бороздили около одиннадцати тысяч контейнеровозов, только две сотни относились к сверхкрупному классу; после того как около сорока из них были потоплены, стало ясно: добром дело не кончится. Саботажников, чья личность оставалась неустановленной, невозможно было сдержать. «Maersk» и швейцарская компания MSC начали переоборудовать свой флот, их примеру последовали все крупные судоверфи. Перестройка или смерть. Тот факт, что одна из крупнейших судоходных компаний мира принадлежала сухопутной Швейцарии, много говорил о швейцарцах и положении дел в мире.

Обычный контейнеровоз огромен, однако устроен просто. Суда такого большого размера обладали хорошими мореходными качествами

и надежностью, выдерживали любые циклоны и ураганы — лишь бы не было пробоин в корпусе и работали силовые машины. И, разумеется, перевозили огромное количество грузов. Короче говоря, хорошо справлялись со своей задачей.

Поэтому первыми было решено переделать и защитить от саботажа уже существующие суда. На смену дизельным агрегатам пришли электромоторы с питанием от солнечных панелей, установленных на массивных крышах поверх груза. Конструкция работала, однако места для достаточного количества панелей, чтобы обеспечить высокие скорости, не хватало. Хотя непрерывность поставок сырьевых товаров удавалось сохранить, сокращение скорости перевозок и вместе с ней экономической эффективности вынуждало пересмотреть подход к бизнесу. Своевременное прибытие — да, но в какие сроки?

Корабли плыли очень медленно. Очень быстро появились специализированные судоверфи, разрезавшие крупные контейнеровозы на части и поставлявшие материалы для строительства пяти, десяти или двадцати кораблей поменьше, каждый приводился в движение чистыми источниками энергии и развивал скорость до уровня

дизельных, а то и выше.

Перемены включали в себя и переход на парусный флот. Паруса — по-настоящему чистая технология. Новая популярная модель напоминала большие пятимачтовые гиганты, появившиеся незадолго до того, как моря захватили пароходы. Новая модель использовала фотоэлектрическую ткань, улавливающую и ветер, и солнечный свет, который преобразовывался в электроэнергию и по мачте подавался вниз на двигатели, вращающие судовые винты. Клиперы — крупнее и быстроходнее старых парусников — возродились из небытия.

Мэри поездом доехала до Лиссабона и села на клипер. Паруса были не квадратные, как на кораблях прошлого, а разной формы, напоминали такелаж шхуны; каждая из шести мачт поддерживала один большой прямоугольный парус, убиравшийся прямо в мачту, и еще один — треугольный — сверху. На носу, ко всему прочему, имелся комплект кливеров. Судно, принявшее на борт Мэри, имело длину 75 метров и называлось «Каттинг Снарк». Разогнавшись на спокойной поверхности, оно выпускало из боков подводные крылья, отчего корпус немного приподнимался над водой и скорость еще больше увеличива-

лась.

Они долго шли юго-западным курсом, пока не достигли рейсовых маршрутов южнее штилевого пояса, и по этому старинному пути, мимо Антильских и вдоль цепочки островов Флориды, добрались до самой Америки. Путешествие заняло восемь суток.

Мэри не покидало ощущение чуда. Страхи насчет морской болезни не оправдались. Ее поместили в отдельную каюту, маленькую, аккуратную, с удобной койкой. Каждое утро Мэри просыпалась с рассветом, получала на камбузе завтрак и кофе, забиралась с кофейной чашкой в шезлонг подальше от солнца и работала на планшете. Беседовала с коллегами в других частях света, набирала текст. Люди на экране, с которыми она говорила, иногда замечали, что волосы Мэри треплет ветер, и удивлялись, что она не у себя в цюрихском офисе. В остальном утро рабочего дня не отличалось от других таких же, Мэри делала перерыв, гуляя по главной палубе и глядя на синее море. Она отрывалась от работы, когда над головой планировали птицы или из воды, соревнуясь с кораблем, выпрыгивали дельфины. У других пассажиров были свои заботы, свой круг друзей, они не докучали ей, хотя за большим

обеденным столом всегда находились желающие поддержать разговор. Другим пассажирам путешествие тоже нравилось. По желанию Мэри могла занять маленький столик и читать во время еды. Подняв голову, она минуту-другую окидывала взглядом говорящих, чтобы снова углубиться в книгу. Потом обратно на палубу. Соленый прохладный воздух, высокие облака совершенной формы, панорамные, роскошные закаты. Яркие многочисленные звезды по ночам. Мрачность ночного неба смягчал соленый запах моря. Вечер за вечером толстела новая луна, пока до сумеречного горизонта не пролегла серебристая дорожка, — небеса и вода, индиго и кобальтовая синь, а посреди — серебряный путь.

Красота! И работа тоже спорилась. Почему люди так одержимы скоростью? Почему каждый человек перед ней преклоняется?

Потому что человек подражает окружающим. Сначала никто не мог летать, потом могли все, если позволяли средства. Летать стало здорово. Правда, было тесно, как в автобусе. В нынешнее время соседи Мэри в самолете опускали шторки на иллюминаторах и продолжали полет, словно ехали в вагоне подземки, ни разу не взглянув на землю. Плывущая внизу на расстоянии десяти

километров планета была им безразлична.

На восьмые сутки корабль вошел в гавань Нью-Йорка, гавань-мечту воображаемой столицы мира. Мэри сошла на берег в Гудзонском доке, взяла такси до вокзала Пенн-стейшн и села на поезд, идущий в западном направлении.

Допустим, этот кусок пути не так интересен. Но и сейчас она могла работать, дремать, смотреть в окно. Американцы наконец сподобились построить высокоскоростную магистраль, соединяющую восток и запад континента, поэтому Мэри прибыла в Сан-Франциско всего днем позже, пешком дошла до «Биг Тауэр» и поднялась на лифте на самый верх, где несколько лет назад встречалась с управляющими центробанков. Все путешествие заняло девять дней, каждый день она работала, как дома в Цюрихе, причем успела сделать больше обычного. Выброс углерода, согласно показаниям подаренного и настроенного Бобом Уортоном калькулятора, оказался таким же, каким был бы, не выезжай она из дома. Морской вояж оставил прекрасное впечатление. Мэри пересекла Атлантический океан! И теперь смотрела в панорамное окно «Биг Тауэр» на могучий клин Тихого океана. Уму непостижимо!

— Как глупы мы были, — сказала Мэри по-

прежнему занимавшей пост главы Федеральной резервной системы Джейн Яблонски. Новый Президент США, напуганный массой перемен, заново утвердил ее в должности. Яблонски смотрела озадаченно, силясь понять, какую именно глупость Мэри имела в виду. Министр не стала уточнять. По крайней мере пока. Сначала надо выслушать соображения банкиров о текущих процессах.

Группа обсудила вопросы, которым успели присвоить нарицательные имена, — Великую жару, Самолетопад, Малую депрессию, Переходный период, Вмешательство, Период странностей, Супердепрессию. Мэри еще раз убедилась: если у мира есть хозяева, то перед ней сидят именно они. А может, она ошибается, и банкиры всего лишь пытаются угнаться за событиями, за обтекаемыми названиями упуская из виду систему как таковую. Менялся сам ход перемен.

И все-таки банкиры сохраняли еще много власти. В этом не приходилось сомневаться. Власть денег никто не отменял.

На этот раз они съехались обсудить первые годы жизни их детища — карбон-койна, эксперимента, который Боб Уортон в насмешку над Мэри назвал «Аве Мария». Встреча была похожа на ту, где обсуждалось индийское вмешательство, но в

тот раз заседали климатологи, а сейчас — финансовые воротилы. Эти тоже распыляли в воздухе в виде эксперимента некое вещество — золотую пыльцу. Чего они добились?

Несколько часов все выслушивали доклады помощников. Реферат за рефератом, информация, спрессованная до плотности кристаллов. Потом настал черед посмотреть за большим столом друг другу в глаза, подвести итоги: получилось ли то, на что надеялись? Есть ли отдача?

Да. Нет. Возможно. Стандартные ответы на любой вопрос наших дней. И все-таки во многих отношениях отдача была. Банкиры говорили это друг дружке осторожно, обиняками. На лицах сидящих за этим, словно воспарившим над прекрасным городом, столом Мэри читала довольство, хотя и не без примеси нервной тревоги.

Собрание договорилось о следующем.

Новый карбон-койн послужил стимулом для множества краткосрочных инвестиций в проекты по улавливанию углерода и долгосрочных инвестиций в саму платежную единицу. Он побудил крупнейших владельцев залежей ископаемого топлива обменивать отказ от их добычи на кэш. Уголь превратился в кусок черной породы, приносящей доход без ее добычи. Были

эмитированы и выплачены триллионы карбон-койнов, однако это не привело ни к инфляции, ни к дефляции, посрамив горе-теоретиков, и почти не повлияло на цены.

На некоторых биржах предпринимались попытки манипуляции стоимостью карбон-койна относительно курсов других валют. Некоторые спекулянты пытались сбить ее в надежде купить карбон-койны подешевле, чтобы потом продать подороже. Против таких игроков по мере надобности применялись методы, вынуждавшие их отказаться от затеи, что одновременно служило назиданием другим авантюристам. Центробанки взяли на вооружение меры, позволявшие строго карать непослушных. В одной статье их окрестили «финансовой гильотиной».

В качестве еще одного шага по изменению инвестиционного климата персонал банков подготовил для своих правительств законопроекты взаимосвязанных реформ, в том числе по жесткому валютному контролю, переводу всех денег из наличных в цифровую форму с отслеживанием через технологию блокчейна, наращиванию давления в пользу отказа от использования углеводородов за счет повышения налогов и ужесточения регулирования. Движение на этих

фронтах набрало обороты.

— Все это хорошо, — подвела итог Мэри в конце дня. — А что вы могли бы сделать сверх того?

Банкиры уставились на нее.

— Сами и расскажите. Что вы предлагаете? И почему?

Мэри вздохнула. Банкиры никогда не станут инициаторами перемен. Консерватизм у них в крови, как у отдельных лиц, так и учреждений.

Мэри зачитала список, подготовленный Диком и Янус-Афиной. Объявить вне закона и устранить темные пулы ликвидности. Встроить существенное запаздывание в алгоритмы высокочастотного трейдинга. Обложить его таким налогом, который заставил бы трейдинг вернуться к нормальной скорости человеческой реакции. Рассчитать стоимость базовых нужд и бесплатно предоставить их малообеспеченным общинам.

— О боже! О чем вы? Центральные банки этим не занимаются!

Сначала всегда отказ, не привыкать. Однако, как метко подметил один из них, они давным-давно заехали на чужую полосу.

«Скорее они похожи на стадо быков, — подумала Мэри. — Целое стадо большущих быков снесло загородки, вырвалось на волю, озирается вокруг

— а никаких заборов больше нет. Эта картина настолько их пугает, что они пытаются смастерить хоть какое-то подобие новой загородки, в замкнутом пространстве им уютнее, чем на свободе. Ага, вот оно: наша главная задача — защита доверия к деньгам. Ура! Такая задача вполне сгодится на роль забора».

— Разве устранение черных пулов ликвидности не укрепит доверие к деньгам? — спросила их Мэри.

Банкиры были вынуждены согласиться. Когда деньги ничем не обеспечены, излишняя свобода обращения неучтенных денег доверия им не добавляет.

— Что касается высокочастотного трейдинга, — продолжала Мэри, — не является ли он обычной рентой, паразитирующей на продуктивных сделках?

Странно говорить о ренте, делая вид, будто она не является основополагающей операцией в экономической системе, которую защищают эти люди, однако банкиры смотрели на вопрос по-другому. Что угодно, лишь бы добавить им храбрости занести нож. Замышляющему цареубийство без храбрости никак не обойтись. Способен ли кто-либо прикончить Его величе-

ство Капитал? Мэри одолевали сомнения. Если кто и мог это сделать, то отнюдь не посторонние, а люди, управляющие системой. Эти тринадцать человек находились к царственной особе настолько близко, что могли бы всадить нож прежде, чем кто-либо успеет их остановить. И ты, Брут? Да-да, Цезарь, и я. Умри! Отправляйся на пепелище истории!

Во время обсуждения банкиры кивали головами, переводя инициативы Мэри на более респектабельный язык политических формулировок. Никаких грандиозных выводов, позволяющих заподозрить их в безрассудстве. Одни лишь числа, жонглирование цифрами, все ради стабильности. По сути, так оно и было, поэтому Мэри больше не вмешивалась.

Под занавес министр финансов Китая, мадам Чан, подошла к Мэри, стоящей у западного окна, за которым лучи заходящего солнца превратили Фараллоновы острова в хребет морского змея. Интересно, чем они там занимаются на западном краю Тихого океана?

— Подгонкой, — с улыбкой ответила на вопрос Мэри мадам Чан. — Мы всего лишь приделываем пуговицы к пальто, которое сшили вы. Вы, конечно, не хотите, чтобы мы на этом остановились?

— Что вы задумали?

— Китай наблюдает за событиями в Индии. Индийцы теперь стоят во главе всех передовых начинаний.

— Они радикально настроены.

— Да, а разве у них есть выбор? Мы не хотим, чтобы в Китае или где-то еще произошло то, что случилось у них. Теперь мы перенимаем у Индии опыт регенеративного сельского хозяйства. Он для нас очень важен. Разумеется, постоянно возникает вопрос, как заплатить за все эти новшества.

— Могу себе представить.

Чан улыбнулась.

— Представьте себе наш план в виде земельной реформы. Финансовые процедуры тоже его часть. Другими словами, налоги на землю, что в случае Китая означает налог на временное землевладение, совместное пользование всем насущно необходимым. Кроме того, в наш план входит требование, чтобы все частные компании по закону принадлежали работникам.

Мэри покачала головой, не веря своим ушам, и одновременно улыбнулась, представив себя передающей этой даме эстафетную палочку. Женщине, наделенной огромной реальной вла-

стью. «Мы вас поддержим, — радостно выпалила Мэри. — Возглавьте процесс, а мы поддержим». Мадам Чан с довольным видом кивнула.

После встречи Мэри хотела вернуться домой по воздуху, но передумала и попросила свой штаб взять для нее билет на ночной поезд, а из Нью-Йорка — на клипер до Марселя. По пути домой она не прекращала работу.

85

Здравствуйте! Я хочу рассказать об аргентинском проекте пермакультуры «Шамбала». Мы представляем «АРК Армения», рады здесь присутствовать. В Австралии мы связаны с проектами «Управляемый пал на болотистых участках по методу аборигенов», «Гавула», «Зеленеющая Австралия», «Как аборигены создали Австралию», «Восстановление земель в Качана», «Пермакультура на одном акре», «Регидрация земель», «Регенерируем Австралию», научно-исследовательским институтом пермакультуры, фермой «Пурпурная груша», коридором биоразнообразия Ярра-Ярра. Очень много представителей!

Мы из группы восстановления коралловых рифов Белиза. Я представляю организацию продовольственной безопасности Боливии. А я проект восстановления тропического леса Борнео. Мы из бразильского Центра лесных экспериментов, а также центра восстановления лесного хозяйства. Мы прибыли из Буркина-Фасо — «Лес Лиленго» и группа восстановления лесов древними африканскими методами фермерства. Мы из Камеруна

— экопоселок Бафут.

Канадская делегация представляет «Традиционные знания кеджванонг», «Сады Амброзии», «Дождевой лес Большой Медведицы», «Чудо-фермы», «Корни», «Вода для завтрашнего дня». Китайская делегация рада выразить чаяния таких организаций, как «Один человек — один лес», «Экоцивилизация», «Озеленим пустыни Китая», «Облесение пустыни Хорчин», «Экологический округ Карамай», «Озеленение пустыни Кузупчи», «Шелковый путь», «Восстановление водораздела лессового плато», «Превратим пустыни в житницы», «Крупнейший в мире рукотворный лес» и программу зеленого оздоровления сельских районов Чжэнцзяна.

Из Конго — «Охрана бонобо», «Совместное картирование», Национальный парк Вирунга. Из Коста-Рики — эксперимент «Апельсиновые корки», «Пунта Мона», проект водоудержания «Вида Верде». Я с гордостью представляю отчет о восьмидесяти пяти годах революции устойчивого земледелия на Кубе. Мы из Дании, пермакультура «Витсёхюс». Меня направило агролесничество Эквадора «Облачный лес». Я из Египта, проект «Лес в пустыне». Из Англии — исследовательский трест аграрной лесомелиорации, проект «Эдем»,

проект возрождения дикой природы в поместье Непп, «Возрождение дикой природы Британии», проект восстановления рек.

Из Эритреи — регенерационный проект «Маназарес Манго», из Эфиопии — «Эфиопия встает с колен», «Чудо Мерере», проект озеленения плоскогорья, проект восстановления экосистем, движение «Водораздел». Мы гости из Франции, представляем проект чистого агролесного хозяйства. Из Гватемалы — «Резервация биосферы майя» и Ассоциация лесных общин. Мы говорим от имени «Восстановления лесов Гаити». Мы представляем компанию «Лэнд Лайф» и проект «Лес-малыш» из Голландии.

Гондурас представлен «Корнями миграции», народность хопи — «Ловцами дождя». Исландия — «Облесением Исландии». Из Индии прибыли агролесничество Ару, Институт менеджмента Аравали, «Превратим пустоши в роскошные леса», кооператоры устойчивого сельского хозяйства, «Посадим лес в холодной пустыне», «Коллективное лесное хозяйство», «Ученый фермер», природоохранительная группа «Кот-рыболов», «Пищевой суверенитет», Фонд экологической безопасности, «Лес на 300 акрах — вручную», «Возрождение мангровых Сундарбана», «Поселок

«Живая вода», программа облесения методом Мияваки, «Природное фермерство», ферма биоразнообразия НГО «Навданья», «50 миллионов деревьев за один день», «66 миллионов деревьев за 12 часов», «Защитим разнообразие риса», проект омоложения озер Бангалора, лесничество «Садхана», заповедник «SAI» — инициативы «Спасите животных», «Семя жизни», первый экологически чистый штат Сикким, «Водяные поля», «Урожай воды», проект восстановления рек.

От Индонезии вас приветствуют проект восстановления коралловых рифов «Биоскала», «Мангровая акция» и проект регенерации рифов «Манта». Израиль представлен своими «Растим леса в пустыне» и кибуцами. Мы из Японии, расскажем новости о создании лесов для преодоления последствий цунами. Из Иордании вам расскажут об озеленении пустыни. Кенийцы с гордостью представят Восточно-африканский гидрологический коридор, движение «Зеленый пояс», центр пермакультуры Лаикипии, траст «Северные пастбища» и проект сбора дождевой воды. Мадагаскар славит великое возрождение лесов на примере посадок деревьев моринга и проекта «Деревья спасают жизнь».

Мексика представляет «Озеленение пусты-

ни Чиууа», комплекс интенсивного лесного хозяйства и пастбищ, «Скрытые реки», группу лесонасаждений и водоохраны и «Виа Органика». Марокко представляет «Пустыня будет цвести». Мы из Непала, проект «Бейюл» и группа «Дикий мир антропоцена». Новозеландцы: экоферма Мангарара и «Преобразователи». Как и все здесь собравшиеся, мы лишь верхушка айсберга.

Я приехал из Нигера рассказать о природной регенерации под управлением фермеров. Мы из Норвегии, будем говорить о пермакультуре в полярных условиях. Народ оглала-лакота прислал представителей своего Центра культурно-экономического возрождения. Мы из Панамы, из заказника в долине реки Мамони. Перу желает рассказать о биокоридоре имени Мартина Саградо. Из Филиппин есть новости о восстановлении лесов, национальной программе озеленения и проектах спасения рыболовства и коралловых рифов.

В Португалии высоко ценят ферму пермакультуры «Фазенда Томати», посевные биоразнообразные пастбища, проект рельефного влагозадержания в поселке Тамера и «Дички». Я из Катара, проект «Леса Сахары». Из России с любовью: парк плейстоцена, влажное захоронение углерода,

поддержка животного мира Сибири. Я из Руанды, «Леса надежды». Шотландцы представляют «Старейший лес Британии», проект восстановления леса в Дандреггане, регенерации острова Мартин, «Глубинное богатство этой страны» и проект восстановления торфяников. Я говорю от имени сенегальской инициативы «Великая зеленая стена» и «Отката пустыни». Мы гости из ЮАР, поведем речь об «Экопланете Бамбук», «Саде Джо», «Заставим пустыню цвести», заповеднике Бавиаансклооф.

Я сотрудник южнокорейского проекта «Облесение — 350+ миллионов деревьев». Я представляю испанский проект «Камп Альтиплано». Я из сирийского проекта «Искусство регенерации», пожалуйста, помогите! Я приехал из Таджикистана рассказать о восстановлении лесов нашей страны. Мы из Танзании, расскажем о восстановлении лесов на острове Кокота и в окрестностях Гомбе. Эй, мы из Тасмании, у нас есть прекрасный проект восстановления водорослей и сосновых плантаций. Я из Таиланда, могу рассказать о туземных навыках и лесоводстве, посадках мангровых зарослей, ферме пермакультуры «Сахаинан». Уганда направила меня рассказать о пермасадовых хозяйствах и «Новых лесах Уган-

ды».

Мы приехали из Соединенных Штатов как представители «Ускорения Аппалачей», заповедника «Американские прерии», пермакультурного проекта в Брокен Лэнд, фермы «Пищевой лес», «Холистического разведения бизонов», «Революции домашних растений», Института пермакультуры, «Поцелуй землю», проекта восстановления бассейна реки Кламат, «Билля о правах озера Эри», Земельного института, Института Альдо Леопольда, «Зеркала природного менеджмента», «Пермакульутры для народа», «Планетарного исцеления», ферм «Справедливые посадки», регенеративных ранчо, проекта восстановления реки Колорадо, проекта восстановления лесов секвойи, возрождения реки Снейк-ривер, института им. Родейла, «Спасения Запада», клуба «Сьерра», фермы «Поющие лягушки», института здоровья почвы, «Приказчиков вольного моря», ферм «Табула раса», «Ухода за дикой природой», «Ткачей Земли», компании по разведению буйволов «Дикая идея» и проекта «Дикая устрица».

Я из Замбии, приехал рассказать о проекте восстановлении рудников «Лучший мир». Я из Зимбабве, хочу поведать об Африканском центре холистического менеджмента и общественном

фонде экологического землепользования Чикукве.

Мы все собрались здесь поделиться новостями о наших делах, увидеть друг друга живьем, рассказать свои истории. Мы упорно трудимся во всех уголках планеты. Исцеление Земли — наша святая обязанность, наш долг перед семью поколениями. Существует множество проектов как наши, найдите нас через ваш аккаунт в «YourLock», посмотрите — может быть, вы решите нас поддержать, присоединиться к нам. Вы увидите: мы уже существуем и представляем лишь один процент проектов, занятых добрыми делами. Готовы родиться все больше новых проектов. Заходите к нам, поговорите с нами. Выслушайте наши истории. Прикиньте, чем бы вы могли помочь. Создайте свой собственный проект. Вам понравится, как понравилось нам. Другого мира у нас нет.

86

Вернувшись в Цюрих, Мэри на несколько недель с головой погрузилась в напряженную работу, как в забой. Настало время сделать перерыв. Фрэнк Мэй вышел на свободу и проживал в коммунальной квартире недалеко от тюрьмы. Чем он занят? Как у него дела? После его освобождения контакт между ними прервался, и Мэри в душе опасалась узнать правду.

— У меня все в порядке, — сказал Фрэнк, когда она позвонила. — Слушайте, я отправляюсь завтра в горы смотреть на альпийских коз. Rupicapra по-латыни. Нечто среднее между козой и серной. Судя по карте, они там везде. Хотите поедем вместе?

— Смотреть на животных? — с сомнением переспросила Мэри. — Как в зоопарке?

Нетерпеливый щелчок языком.

— Только это не зоопарк.

Специальное приложение позволяло отслеживать передвижения коз и заставать их в нужном месте. Фрэнк уже делал так раньше, и ему понравилось. Горы над Флимсом — прекрасное место,

там козы тоже водились.

— Пожалуй, — согласилась Мэри.

Они встретились на главном вокзале утром перед шестичасовым поездом до Кура, через час, позавтракав в вагоне-ресторане и молча посидев рядышком, осознавая, что ничего подобного раньше вместе не делали, пересели на узкоколейный поезд, идущий вверх по каньону Фордеррейн. Состав тащился еле-еле, но долго ехать не пришлось, они вскоре сошли на перрон и сели на автобус до Флимса. Фуникулер поднял их от вокзала к большому, развернутому на юг бассейну, расположенному на высоте 2000 метров над уровнем моря. Всего 8:30 утра, а они уже в Альпах. Мэри заранее попросила телохранителей оставить ее, когда они выйдут на тропу, те послушно выполнили просьбу. На верхней площадке канатной дороги имелся ресторанчик, в нем охрана и должна была ждать возвращения Мэри.

Пара направилась к большому проему в альпийском хребте, образующем северную боковую стенку верховьев Рейна. В самом конце последнего ледникового периода, когда лед стаял в этой части долины, со стенки сошел крупнейший в истории оползень. Поселок Флимс целиком

уместился на пологом склоне из обвалившейся породы. Выше него зеленые альпийские луга покрывали связанные друг с другом каменные чаши, уступами взбирающиеся до горной гряды Чингельхёрнер — стены, состоящей из крутых серых утесов, разрезанных продольной трещиной. Трещина была настолько глубока, что в гряде возникла дыра, своеобразное гигантское окно, в котором виднелся кусочек неба — на приличном расстоянии от серых верхних утесов. Еще одна странная альпийская достопримечательность, созданная за миллионы лет трением льда о скалы.

Несколько троп вели к альпийским лугам у подножия утесов. Мэри и Фрэнк выбрали тропу, ведущую на запад, подальше от лыжных лифтов, ферм и прочих очагов людской деятельности — в дикие места или такие, которые в Альпах считались дикими. «Альпийским животным из-за близости к человеческому жилью особо некуда деваться, — рассказывал Фрэнк, пока они поднимались наверх. — Или карабкайся на почти отвесные скалы, или то и дело будешь натыкаться на людей».

Громоздившиеся впереди крутые серые скалы делали подъем почти пологим на вид. На

самом деле Мэри и Фрэнку пришлось порядком попотеть. К тому времени, когда они поднялись до одной из верхних луговых чаш, покрытой волнистым ковром короткой травы, утыканной камнями и расшитой бусинками альпийских цветов, оба порядком проголодались и устали; солнце уже стояло высоко над головой. Они присели на низкий валун и заморили червячка.

Луг был усеян крупными скальными обломками — оторвавшимися от хребта и скатившимися вниз серыми валунами. А может, их притащил внутри себя ледник и выпустил, когда растаял лед. Пока гости ели прихваченные на вокзале бутерброды и запивали их водой, природа вознаградила их картиной альпийской фауны, для начала — сурков. Серые альпийские сурки были похожи на своих обычных собратьев или барсуков. Мэри ни тех ни других не видела. Окрас меха, несомненно, превращал зверьков в глазах хищников, включая парящих в небе ястребов, в камни. Возможно, из-за этих хищных птиц сурки почти все время сидели тихо; за исключением перебежек с места на место, они двигались не больше чем окружающие их камни. Между собой переговаривались пронзительным свистом. Прислушавшись, Мэри и Фрэнк поняли, что их язык

ничем не хуже других.

— Во Флимсе говорят на романшском, — заметил Фрэнк.

Мэри обратила внимание, что сурки не реагируют на человеческую речь.

Фрэнк тоже это заметил и заговорил смелее. По пути от вокзала до Флимса люди в автобусе разговаривали на романшском. Оба согласились, что этот язык похож на перемешанные в миксере итальянский и немецкий. В пику Гитлеру романшский был объявлен четвертым государственным языком Швейцарии. Так гласила национальная легенда, Мэри и Фрэнку она показалась правдивой.

Луг играл под солнечными лучами. На солнцепеке было тепло. Сурков не тревожили сидящие поблизости люди, несмотря на то что чужаки, видимо, заняли их наблюдательный пункт — трещины на поверхности серого валуна были заполнены кучками мелкого сухого помета. Судя по его виду, сурки ели растительную пищу.

Фрэнк и Мэри сидели не шевелясь, сами похожие на двух больших сурков. Разговор угас. Мэри стало немного скучно. Тут один из юных, если судить по толщине и гладкости шерстки, сурков неторопливо, невзирая на присутствие

людей, приблизился к валуну. Вытянув лапу, схватил и притянул к морде все стебли, до которых смог дотянуться. Получился небольшой пучок с крохотными семенами, которые сурок объел со стеблей. Провианта хватило на пару укусов. Выпустив гибкие обглоданные стебли, сурок передвинулся на новое место и повторил прием. Потом еще раз.

Понаблюдав за сценой и окинув взглядом весь луг, Мэри сделала неожиданное открытие: запас еды у мелких грызунов, по сути, бесконечен. По крайней мере, пока трава еще не растеряла семена. Такой же вывод напрашивался в отношении всех альпийских травоядных.

Мэри сообщила о своих наблюдениях Фрэнку, тот согласился. Сурки жевали круглые сутки, пока не обрастали жиром на зиму. Зимой они, подобно маленьким медведям, впадали в спячку, попрятавшись в ямы под снегом и потребляя запасенный жир, метаболизм резко замедлялся. Весной зверьки просыпались и приступали к очередному обеду длиной в лето.

Из-за низкого гребня появилась группа других животных. Ага! Альпийские козы!

Похоже, не те, что Фрэнк видел в сети, — на этих не было радиоошейников. Хотя кто знает,

как нынче цепляют на зверей GPS. Фрэнк внимательно наблюдал за группой.

Странные существа. Круглые бока, короткие шеи, куцые ноги, приплюснутые морды. Короткие закругленные рога. Глаза с прямоугольными зрачками, как у домашних коз. Сатанинские глаза. Получив приглашение Фрэнка, Мэри прочитала в интернете, что таких коз звали сернами. Совершенно ясно, что они уникальны в своем роде — не козы и не серны, не похожи даже на другие виды своего семейства. Щуплые безрогие малыши жались к матерям. Животные щипали траву и, поглядывая вокруг, спокойно переступали через камни к новым участкам луга. С любопытством озирались на Фрэнка и Мэри. Ее поразило, насколько они не боялись людей. Мэри слышала, что на них разрешена охота и что альпийские козы — излюбленный вид дичи. Почему же они так спокойны?

Она шепотом задала этот вопрос Фрэнку.

— А чего им бояться?

— Мы могли бы их застрелить.

— У нас нет оружия.

— Им-то откуда знать?

— У них есть глаза.

— Они же видели ружья? Почему это не отпуг-

нуло их от людей?

— Может, еще не видели.

— Не могу поверить.

— Альпы — дикое место.

— Кажется, вы раньше говорили обратное.

Фрэнк задумался.

— И да, и нет. Местные говорят, что нет. Однако Альпы способны быстро тебя прикончить. На самом деле горы жестоки. Вы сами рассказывали, как тяжело было на перевале.

— Правда.

— Значит, убедились на личном опыте.

Мэри утвердительно кивнула.

— Там реально были дикие места. Можно сказать, жестокие. Если бы погода переменилась… Сплошные камни.

— И это всего лишь перевал. Еще выше полно мест, куда люди никогда не суют носа. Туда крайне трудно взобраться, да и пути дальше нет. На карте можно найти много таких точек.

— Не то что здесь, — обвела вокруг рукой Мэри. Под валуном, на котором они сидели, разбегались в стороны двадцать разновидностей альпийских цветов. Одни прятались в траве, другие колыхались над поверхностью, соцветия разной высоты, относящиеся к разным растениям, все

пространство было покрыто разноцветными слоями, самый верхний — желтый, потом — белый, еще ниже — синий, под ним — трава, усеянная блестками низовых цветов.

— Да, не то что здесь, — с улыбкой согласился Фрэнк.

Его улыбка приятно удивила Мэри, за Фрэнком такое раньше не водилось. Цветущий луг, беспечно пасущиеся дикие животные, козлята, своими прыжками и подскоками выражающие смысл слова «резвиться». Наверху — серая стена с дырой истинно альпийской причудливости. Голубое небо. Жизнерадостный вид, что и говорить. Даже несколько галлюциногенный. Ветерок гнал по лугу волны, цветы качали головками, не двигаясь с места. Юный сурок около валуна по-прежнему совал в пасть пучки травы. Семена на стеблях, зажатых в его лапе, маслянисто поблескивали на солнце. Маленькие съедобные веера. В некотором отдалении — демонические глаза спокойно жующих свою жвачку и ничего не боящихся коз.

— Мне нравится, — сказала Мэри.

— Смотреть на животных?

— Да.

Опять эта робкая улыбка.

— Мне тоже.

Они еще посидели молча.

— Вы много их видели? — спросила она. — Я имею в виду диких животных на воле?

— Немного. Хотелось бы больше. До сих пор практически всех, кого я видел, встретил в этом бассейне или в других таких же. В основном ту же братию — сурков да коз. Кажется, один раз видел бородатого козла. В другой раз — куницу. Я потом нашел картинку, зверь был похож на куницу. Вон там, у ручья, видел. Под деревьями, на другом берегу. Носилась как одержимая — туда-сюда, туда-сюда. Я так и не понял, что она там делала. Очень быстро бегала, но как-то беспорядочно. Не похоже, чтобы охотилась или строила нору. Просто носилась, и все. Шустрая такая, с темным мехом. Очень забавная. Я полез было в карман за телефоном сделать снимок, но побоялся ее спугнуть. Не хотел, чтобы она меня заметила. Так и сидел тихо.

— И чем это кончилось?

— Пришлось уйти, чтобы не опоздать на последний подъемник.

Мэри рассмеялась.

— Это так характерно для Швейцарии.

— Согласен. — Фрэнк сорвал травяной стебель и принялся ковырять им в зубах. — А вы много

их видели?

Мэри отрицательно покачала головой.

— Голуэй и Дублин неподходящие места для диких животных. В детстве я любила ходить в зоопарк. Это не то же самое.

— Да. Человеку требуются животные, живущие рядом с ним.

— Пожалуй. Калифорния этим сейчас как раз занята. У них много земли, возрождение дикой природы продолжается уже много лет. Мои коллеги придумали проекту название — «Серенгети Северной Америки», однако на самом деле он должен вернуть природу в состояние, существовавшее еще до появления европейцев. Вот на что они замахнулись.

— Молодцы. Увы, мы жители Цюриха.

— Ага. Ну, не знаю. Я часто гуляю по тропинкам на Цюрихберге, но пока что не видела никакой живности. Даже странно, почему так. Лес там довольно большой.

Фрэнк покачал головой.

— Вокруг город. Не получится.

— То есть нужны природные коридоры? Тогда получится?

— Хотя бы. Если сделать их достаточно широкими и соединить с территориями большой

площади.

— Именно так поступают в Калифорнии.

— И не только там, я думаю. В Швейцарии тоже могло бы получиться. Хотя этим зверькам появление волков может не понравиться.

— Вот, значит, кто их враги?

— Да.

— Невозможно себе представить, чтобы швейцарцы ужились с волками.

— Как посмотреть. Я где-то читал о планах засадить лесами нижние альпийские луга в бывших ледниковых бассейнах, когда отступят ледники. Волкам — раздолье. Им нужны леса, хотя на открытой местности они тоже живут. Там куча свободных каменных площадок с сурками, кротами, белками. Эти зоны залегают достаточно высоко, вдали от человеческих троп.

Мэри недоверчиво покачала головой.

— Трудно себе представить, чтобы здесь снова водились волки.

— Не труднее, чем с этими козами. Сейчас любое животное вообще трудно себе представить на воле. Восстановить фауну будет нелегко.

— Если только «Половина Земли» не добьется своего.

Фрэнк кивнул.

— Мне нравится их план.

Пара не торопилась уходить. На то не было причины. В каком еще месте можно провести время лучше? Поэтому они никуда не торопились. Фрэнк жевал стебель. Мэри наблюдала за животными, искоса поглядывая на спутника. Он сидел в расслабленной позе — как кот. Даже сурки и козы были не так спокойны, как он. Животные были заняты едой. Эта же причина, в конце концов, побудила Мэри и Фрэнка покинуть камень — голод и малая нужда.

И темнота. Солнце коснулось западной горной гряды, сразу же похолодало. На луг опрокинулись тени.

Фрэнк взглянул сначала на горы, потом на спутницу.

— Что скажете?

— Пора возвращаться, пожалуй. Здесь тоже можно опоздать на последний вагончик.

— Верно.

Они поднялись, потянулись. Козы, глянув на них, медленно побрели прочь. Без видимой спешки стадо быстро перебралось на другой край луга и потерялось на фоне камней. Исчезло, как по мановению волшебной палочки. Даже зная, куда смотреть, Мэри больше не могла различить коз.

Сурков движение совершенно не испугало. Наконец один из них свистнул, пасшийся рядом детеныш галопом ускакал и нырнул под валун. Фрэнк указал пальцем в небо. Над головой парила птица. Очевидно, ястреб.

Пара двинулась вниз по тропе, ведущей к станции канатной дороги. Внезапно Фрэнк дернулся и упал ничком.

Мэри вскрикнула, подскочила к нему и присела рядом на корточки. Фрэнк что-то прохрипел, как оглушенный. Упершись руками в землю, он приподнялся, перекатился в сидячее положение и замер, сжимая руками голову. Ощупал лицо, подбородок.

— Все в порядке? — громко спросила Мэри.

Фрэнк мотнул головой.

— Не знаю пока.

— Что случилось?

— Не знаю. Упал.

87

На городской сбор явились почти все, кто еще жил в нашем районе. Набралось около четырехсот человек. Люди поглядывали вокруг, сидя в старом школьном спортзале, мы все когда-то ходили сюда на уроки физкультуры. Все друг друга знали по имени.

От агентства ООН под названием «Министерство будущего» через федералов и правительство штата Монтана поступило предложение: продать свою собственность за деньги, которых хватило бы по гроб жизни — на оплату жилья в дорогих местах, поступление в любую школу на выбор, переезд в город, — если получится договориться между собой, то в один и тот же. Вероятно, в Бозмен. Некоторые топили за Миннеаполис.

О плане собравшиеся уже знали. Накануне вечером в единственном еще работающем кинотеатре показывали шотландский кинофильм «Местный герой» о том, как техасская международная нефтяная компания хотела выкупить у жителей прибрежный поселок в Шотландии, чтобы потом его снести и построить порт для

танкеров. Отступные обещали всех сделать богачами, местный люд радостно и без малейших угрызений совести проголосовал «за». Жители устроили последний кейли — попрощаться с поселком и отпраздновать переход в разряд миллионеров. Но тут на вертолете прибывает владелец нефтяной компании и объявляет, что поселок не тронут и устроят в нем астрономическую обсерваторию. Астрономия, видите ли, его личное хобби. Хозяина компании играл Берт Ланкастер. Смешной фильм, поучительный. Мы смотрели его, словно набрав воды в рот. Тема-то больная.

Наше положение мало чем отличалось, хотя поселок никто и не собирался сносить. Его хотели сохранить как убежище для чрезвычайных ситуаций и базу для смотрителей животного мира, в которые предлагали записаться нашим детям и — было бы желание — даже нам самим, если откажемся от имущества. Приехать просто так разрешат только раз в год — не больше. Несколько дней назад в кинотеатре показывали «Бригадун». Видимо, как иллюстрацию, насколько глупо будет выглядеть такая затея. На этом сеансе опять никто не смеялся. Очевидно, Джефф, содержавший кинотеатр себе в убыток, не хотел,

чтобы поселок закрыли. Решил нас немного расшевелить. Пока мы собирались, включил через динамики «Homeward Bound» Саймона и Гарфункеля, реально давил на психику. Не помогло — все проголосовали «за».

Главная причина: поселку так и так конец. С таким же успехом Джефф мог бы крутить фильмец о зомби. Все дети разъехались. Окончили школу, рванули на автобусе до соседнего города для поступления в колледж или на поиски работы, да так и не вернулись. Не все, конечно. Я-то вернулся. Однако большинства след простыл, уехавшие возвращались все реже, а глядя на них, другие тоже не торопились. Положительная цепь обратной связи с отрицательным результатом. Так бывает везде, куда ни глянь, — это характерная черта нашего времени. В 1911 году население поселка достигло пика — 12 235 человек. Каждые десять лет оно сокращалось и теперь опустилось до 831 жителя, а на самом деле и того меньше, потому как бедолаги, подсевшие на мет, на самом деле уже не люди. Магазин, кафе, кинотеатр, за который отдельное спасибо Джеффу, почта, заправка, школа от подготовительной по восьмой класс. Старшие классы уже в другом городе, в нашем поселке слишком мало и учеников, и

учителей. Вот и все дела.

И мы, конечно, не одни такие. Не знаю только, радоваться или плакать. То же самое творится на Среднем западе, в западных штатах, на юге, в Новой Англии, на Великих озерах. Да вообще по всей Земле. Говорят, за пару тысяч евро в Испании можно купить целую деревню. В центре Испании, в центре Польши, во многих местах Восточной Европы, в восточной Португалии, в России — список бесконечный. Разумеется, есть страны, где поселки буквально на глазах превращаются в города, картонные халабуды расползаются от первого дождя, но народ все равно терпит. Такой путь не для нас. Мы жители Монтаны, население наших деревень упало ниже прожиточного и функционального уровня. Поселку кранты, поэтому мы сейчас и сидим в спортзале.

Выкуп предложен щедрый. Если большинство переедет в один и тот же город, мы останемся соседями, образуем свой район или часть района. Нам будет на что жить. Раз в год мы сможем приезжать сюда посмотреть на старые места, на землю. Пройдет время, и те, кто здесь когда-то жил, вымрут, причин приезжать сюда не останется. Тогда постройки, вероятно, рухнут, либо их разберут на стройматериалы. Земля станет ча-

стью большой экосистемы Йеллоустоуна, одной из крупнейших экосистем Земли. Здесь поселятся буйволы, волки, медведи-гризли, лоси, олени, росомахи, ондатры, бобры. В реках — рыба, в воздухе — птицы. Животные будут мигрировать и, если климат действительно потеплеет, двинутся на север, но в любом случае это будет их земля, на которой они смогут жить как захотят. Оставшиеся здесь или приезжие будут работать егерями, полевыми исследователями, табунщиками диких животных и — черт его знает — ковбоями по бизонам? Бизбоями. Власти ничего конкретно не объясняют, но признаются, что работа далеко не окончена.

В наших местах собираются ликвидировать массу дорог. Оставят только пару железнодорожных магистралей и автострад между штатами, устроив переходы для диких животных через каждые несколько миль. Ну, еще парочку дорог местного значения, но немного. Остальные сдерут, бетон и асфальт перемелют в гравий и увезут туда, где еще есть нужда в стройматериалах. Изготовление бетона плохо отражалось на выбросе углерода, поэтому цена на бетон взлетела до небес, накачана налогами до такой степени, что буквально дешевле использовать любой другой

материал. Вторичный бетон изъятых из пользования дорог и фундаментов списанных зданий дает возможность серьезно навариться или, по крайней мере, заработать. Нам выдали паи от утилизации пролегающих через поселок дорог и фундаментов местных построек — что-то вроде трастового фонда. Когда дороги уберут, зверью и растениям наступит раздолье. Ручьи — рыбам, воздух — птицам. План «Половина Земли» прямо под носом — у нас, в Соединенных Штатах.

Вопрос поставили на обсуждение. Некоторые от волнения не могли говорить. Рассказывали истории дедов и прадедов, насколько хватало семейного древа — по крайней мере до первых переселенцев. Мы все плакали вместе с ними. Слезы навертывались неожиданно, от нечаянно брошенной фразы, воспоминания о каком-нибудь человеке или добром деле. Ведь этот поселок — наша родина.

Точно такие же события происходили по всему миру — так нам говорили. Жалкие деревеньки — хребет сельской цивилизации — выбрасывали за ненужностью на свалку истории. Какой печальный момент в жизни человечества. Городская жизнь, да пошла она… Сладкие речи о ней могли произносить только люди, никогда не жившие в

деревне. Хотя, возможно, такая жизнь устраивает не каждого. И не большинство. Люди голосовали ногами. Дети уезжали без оглядки, чтобы никогда больше не вернуться. Вот и для нас настало время отъезда. Мнения разделились: одни хотели в Бозмен, другие — в Миннеаполис. Как это на нас похоже. Не исключено, что все поселки раскалываются на «за» и «против», почти пополам, и по любому вопросу — где лучше мэр, директор школы, футбольная команда, бензоколонка, кафе, да что угодно. Вечно эти «за» и «против». Придется разделиться, стать горожанами. Ну, не навсегда. Как заметила ведущая, это укрупнение на самом деле ведет к отказу от роста. Надо сказать, ведущая знала свое дело. Предлагала делиться с ней историями. Мол, в поселках вроде нашего всегда так. Наш у нее не первый. Такая у нее работа. «Как у священника в приюте для смертельно больных», — невесело пошутила она. Везде люди плачут. По крайней мере в таких поселках, как наш. Когда такое же событие происходит в городских районах, никому нет никакого дела. Люди даже на встречу не приходят, разве только чтобы узнать сумму компенсации. «Иногда, — говорила она, — когда жильцам говорят, что их район снесут и разведут на его месте диких животных, они

даже радуются». И смех, и грех — вот насколько далеко зашло отчуждение. Но это все в городских районах, мы-то живем в деревне.

— Нет-нет, процесс везде одинаков, — заверила ведущая. — По всему миру. Пройдет много лет и столетий, и население мира вернется к прежней здравой численности, люди потянутся из городов в сельскую местность, снова появятся деревни и поселки. Сельские жители привыкнут жить в окружении животных. Дикие звери будут расхаживать по улицам. Кто-то воскликнул: «У нас уже расхаживают!» — Да, и так снова будет, — ответила ведущая. — Люди захотят знать по имени своего учителя, механика, продавца в лавке и так далее. Имя и фамилию мэра. Знать в лицо всех местных жителей. Это основы, которые никогда полностью не исчезнут. Мы переживаем лишь очередной этап долгой истории. Люди жили подобным образом с незапамятных времен. Но сейчас наступило время чрезвычайных действий.

Мы по-прежнему будем держаться вместе. Причем будучи богатыми, ну, или обеспеченными, не зная нужды, с пожизненным пансионом и трастом для детей. Нам будет чем заняться в субботние вечера. Все обойдется.

Как бы то ни было, через некоторое время глаза начинают болеть. Ораторы из местных срывались, не могли закончить свое выступление. Друзья помогали им сойти со сцены. Поселок-то наш, родной. Плоть от плоти.

Настал момент, когда все было сказано. Наступила полночь, мы закрыли поселок, будто книгу с дочитанной сказкой. Оставалось лишь разойтись по домам, ощущая пустоту в душе, волоча ноги. Каждый вернется домой, посмотрит на свои четыре стены и начнет паковать чемоданы.

88

Мы едим всякое дерьмо, а испражняемся пищей. Временами нас тянет сбиться в стаю. И тогда мы все вместе идем против движения солнца. Вереницей, один за другим. Почва под ногами почти вся затоплена водой. Ступая по воде, мы пугаемся и спешим выбраться на сушу. Одни увлекают дурачье за собой на ложный путь, другие подбивают неумных на рискованные вылазки. Пойдешь за неправильным вожаком — смерть. Поддашься панике — смерть. Поведешь себя слишком спокойно — убьют. Нас можно есть, но живыми мы приносим больше пользы, так что вы редко потребляете нас в пищу. Проходя по земле, мы преображаем ее, отчего вы цените нас пуще прежнего. Мы карибу, северные олени, антилопы, слоны — мир крупных стадных животных Земли, к которому вы тоже относитесь. А потому уступите нам дорогу.

89

На следующий день Мэри вышла на работу с ощущением смутной тревоги.

— Как прошел день в Альпах? — поинтересовался Бадим.

— Превосходно. Сидели на лугу и смотрели на сурков и горных коз. На птиц тоже.

Вадим смерил ее недоверчивым взглядом.

— И тебе было интересно?

— Еще как! Состояние полного покоя. В горах звери живут своей жизнью, разгуливают, пасутся. И так весь день.

— Наверно, ты права. — Бадим явно не поверил, что это могло кого-то заинтересовать. — Рад, что тебе понравилось.

Тут в кабинет ворвались возбужденные Боб Уортон и Адель. Стало известно, что выбросы углекислоты снизились по всему миру — воистину глобальное снижение, никак не связанное с сезоном или обвалом экономики, факторами, которые были учтены заранее. Снижение реально: 454 части на миллион, в то время как всего четыре года назад было 475. Пять ppm за год! По-

казатель настолько заметный, что его проверяли и перепроверяли самыми разными способами, и всякий раз результаты подтверждались — цифры сходятся. Наконец-то содержание углекислоты начало падать. Не замедлять рост, не держаться на прежнем уровне, что еще семь лет назад считалось огромным достижением, а падать, причем быстро. Такой результат могла дать только секвестрация, антропогенный процесс. И привели к нему целенаправленные человеческие усилия.

— Разумеется, рано или поздно так бы и случилось, — утверждали другие, — вон сколько всего произошло. Супердепрессия внесла свою лепту, но ведь ее эффект был учтен в расчетах, он бы только выровнял положение. Нет, реальное снижение могло произойти только за счет усилий по сокращению выбросов. Боб считал, что наибольшее влияние оказали восстановление лесов и «озеленение» океанских отмелей с помощью водорослей.

— Новая цель — триста пятьдесят! — воскликнул он вне себя от радости. Боб всю свою карьеру, всю жизнь отдал этой борьбе. И не он один.

Остаток часа все только и делали, что отмечали событие. Чокались чашками кофе. Боба никто прежде не видел ликующим, он обычно служил

образцом академической невозмутимости.

Сотрудники наконец покинули кабинет Мэри, но чувство смутной тревоги не рассеялось. Она отправила Фрэнку сообщение с вопросом, как у него дела. «Нормально», — однозначно ответил он. Как если бы не произошло ничего необычного.

В конце рабочего дня Мэри не выдержала и на трамвае отправилась на коммунальную квартиру, чтобы расспросить Фрэнка лично. Он сидел в столовой на скамеечке, повернувшись спиной к пианино, и не очень удивился ее появлению. Как будто заранее знал, что она приедет.

— Что? — примирительно спросил Фрэнк.

— Сами знаете что. У врача были?

— Нет.

Он выглядел зажатым больше, чем обычно.

— Вы упали не случайно.

— Я знаю. У меня закружилась голова.

— Значит, надо сходить к врачу. Провериться.

Фрэнк недовольно выпятил губы. Было ясно, что он никуда не пойдет. Как ребенок прямо.

Мэри вздохнула.

— Если сами не пойдете, я сообщу другим жильцам квартиры. Вы представляете для них угрозу. Упадете, поранитесь или кого-то еще пораните, из-за этого им повысят страховку.

Фрэнк бросил на нее обиженный взгляд.

— Ладно уж. Я сама пойду с вами в поликлинику. Потом вместе пропустим по стаканчику.

Фрэнк скорчил гримасу. Он долго сидел, уставившись в пол, наконец пожал плечами и поднялся.

В поликлинике пришлось ждать неимоверно долго, оказалось, это было только начало. Фрэнка обследовали, смерили кровяное давление, назадавали кучу вопросов и попросили прийти еще раз. После всех процедур пропускать стаканчик ему расхотелось. Мэри пришлось провожать его до дома и возвращаться на «шестерке» до остановки «Церковь Флунтерн» мимо бывшей квартиры к своему секретному адресу в верхней части Цюрихберга. Всю дорогу ее сопровождали телохранители, она поприветствовала их кивком и тут же забыла — или попыталась забыть — об их присутствии.

Необжитый дом вгонял Мэри в тоску. Повод для радости существует, а отметить не с кем. Даже у диких зверей есть спутники. В Ирландии мужчины ходили в паб, женщины собирались на кухне, пасли детей. Люди — стадные существа. Встречаются, конечно, особи вроде кошек, предпочитающие одиночество. Среди людей такие

тоже попадаются. Мэри к ним не относилась. Ей были ближе по духу сурки или горные козы. Даже читать или смотреть телевизор она предпочла бы в компании с кем-то еще. «Неплохо бы переехать в коммуналку, как Фрэнк, — вдруг подумала она. — Спальни там отдельные. Маленькие, но уютные. Все остальное общее, большая кухня, гостиная, комната с книгами и пианино». Люди специально переезжали в такие квартиры, чтобы жить общиной.

Увы, она, скорее всего, останется в своей квартире. Сменить место ей просто не позволят. Она и сама не хотела. За долгие годы Мэри устала от переездов.

Ночью она спала неспокойно и следующим утром отправилась на работу с облегчением. Мэри поняла: коллеги и есть ее дом. Ничего страшного, так жили многие люди, хотя, если посмотреть, выглядит это несколько странно. Коллеги по работе обычно не подменяют дом. Как там говорил поэт? Дом там, где нас, когда бы ни пришли, не могут не принять[18]. Вряд ли он имел в виду коллег по работе.

А может, все наоборот? Когда Мэри вошла в

---

[18] Примечания: 18

Строка из стихотворения Роберта Фроста «Смерть батрака» (*пер. С. Степанова).*

офис, все вокруг плакали, насупились, сидели на столах, обхватив голову руками. Несколько секунд назад пришло сообщение: Татьяна найдена мертвой около своей квартиры в Цуге. Застрелена. Охрана говорит, покушение совершил дрон. «О нет! — воскликнула Мэри и рухнула на стул, чтобы не упасть. — О нет».

Полиция предоставила Татьяне полноценную защиту и надежную квартиру с командой телохранителей в придачу, да только она не сильно прислушивалась к инструкциям. Охрана подумала, что их подопечная легла спать, тем временем Татьяна вышла из дома. Никто не мог сказать зачем, услышали только, как она упала, все выскочили и нашли ее уже мертвой. Три выстрела, звук стрельбы не засекли. Пули прошли навылет и пока не обнаружены.

Услышав подробности, Мэри перестала задавать вопросы. Ей стало дурно. Офицеры смотрели на нее с тревогой. Ей советовали опять переехать на новое место. В более надежное укрытие.

— Нет! — яростно выкрикнула Мэри. — Я никуда не поеду! Мой дом в Цюрихе! Я не хочу работать в другом месте. Нам нельзя поддаваться угрозам. Занимайтесь своей работой!

Полицейские озабоченно кивнули. Один из них

предложил Мэри на время поработать удаленно. Из безопасной квартиры. Пока не установят, как произошло покушение и кто за ним стоит.

Разумеется, кое-какие улики уже собрали. Татьяна носила на себе маленькую камеру наблюдения. Мэри отказалась просматривать кадры. Какая гадкая у этих людей работа. Но кто-то ее должен делать? Стреляли с большого расстояния. Не за что зацепиться. Пока все сидели и вспоминали Татьяну, поступили новые сведения. Поблизости обнаружены две пули. Американские. Это пока ни о чем не говорит. Расследование продолжается. И так далее.

Татьяна. Самая непреклонная, бойцовская натура, сестра по оружию. «Убивают самых лучших, — с горечью подумала Мэри, — вожаков, крепких, бросая вызов слабым: подхватят ли знамя, продолжат ли дело? Немногие на это решатся. В итоге убийцы побеждают. Раньше так было всегда. Мир устроен просто: убийцы готовы убивать, чтобы добиться своего. В поединке между извращенцами-социопатами, ущербными, злобными, отвратительными, испорченными подонками и всеми остальными, не только добрыми и смелыми, но и обыкновенными, слабыми овцами, желающими одного — чтобы их не тревожи-

ли, — всегда побеждают подонки. Малая горстка захватывает власть и правит подобно палачам, отнимая счастье у большинства. Естественно, у каждого имеются свои мотивы. Убийцы всегда считают, что защищают свою расу, страну, детей или ценности. Смотрят в зеркало и наделяют своим уродством других, чтобы не видеть его в себе. Виноваты всегда другие!

И Мэри тоже поддалась на удочку. У негодяев есть еще один прием, с помощью которого они заражают добрых: пусть те осатанеют и примкнут к всеобщему злу. Пошли они на хер, перебить из всех, засадить по тюрьмам, запереть в камерах с зеркалами — пусть видят себя без прикрас. Вот как наказала бы преступников Мэри, будь на то ее воля: пусть живут в камерах с зеркалами, смотрят на свое отражение весь день до конца жизни. Пусть созерцают собственную рожу. Для нарциссов невыносимо смотреть на свое отражение в зеркале, что бы там ни утверждали древние мифы.

Мэри, роняя слезы, постаралась сосредоточиться на тех, кто еще способен помочь — швейцарской полиции, швейцарском государстве. Она мысленно напомнила себе, почему эта страна, смахивающая на город-государство, выжила в

жестоком мире. Отчасти потому, что люди принимали других людей независимо от различий. Свод умных правил вкупе с горными перевалами. И то, и другое не играет большой роли для мировых держав, они лишь система, метод. Старый задел, общественный уклад, позволяющий ужиться вместе. Перед Мэри стояли на удивление порядочные люди, настаивающие на справедливости для всех. За этим скрывалась некая корысть, мысль о том, что безопасность Швейцарии можно гарантировать только в том случае, если она будет обеспечена для всего мира. Очень своеобразная культура. Мэри страстно желала, чтобы к ней приобщилась вся планета. Ни один житель Цюриха не способен на такое преступление. Эта мысль заставила ее окончательно разрыдаться.

Успокоившись, Мэри выслушала советы швейцарцев: «Пожалуйста, поработайте некоторое время в укрытии. Это нетрудно устроить. На время — пока не разберемся в случившемся и не убедимся, что такое больше не повторится».

— Можно я поживу в Утоквае? Плавать разрешите?

Видимо, зря спросила. Все и так знали, что она член местного плавклуба. Может быть, если ей так уж хочется плавать в озере, они найдут на

берегу частный дом с выходом к воде.

Мэри тяжело вздохнула. Она поняла, что ее охранники считали плавание компанейским занятием, погружение в холодную воду — ритуал неприятный, а потому его лучше выполнять в компании других страдальцев. Душ после заплыва, перекус и «кафи фертиг» тоже часть ритуала. Как много раз Мэри выполняла его с Татьяной! Какой прекрасной, сильной подругой она была.

Глаза Мэри жгло огнем — теперь от бешенства. Участливые швейцарцы неуверенно переминались с ноги на ногу. Неуютно наблюдать чужое горе. Одна из офицеров-женщин присела рядом, положила руку на плечо Мэри. Слезы полились из глаз, как вода из крана.

Наплакавшись, Мэри попросила вызвать начальника секретариата.

Бадима в министерстве не было.

— Позвоните ему по телефону! Немедленно! Связь с ним не должна прерываться даже в убежище.

— Значит, вы не возражаете?

— Нет. Но только в пределах Цюриха. Нынешняя потайная квартира вполне сойдет.

Охранники с сомнением покивали головами.

— Пожалуй. Если только некоторое время не

будете выходить на улицу.

Мэри согласилась. И тут же вспомнила о Фрэнке.

— О черт! Твою мать.

По ее просьбе принесли телефон. Мэри набрала номер Фрэнка.

Тот взял трубку и без вступления сказал:

— Очень сожалею, что вашу подругу убили. В новостях передали. Надеюсь, вы осторожны.

— Я осторожна. Спасибо. Врачи что-нибудь обнаружили?

— Ну-у… диагноз пока не поставлен.

— Ладно, не темните.

— Правда не поставлен.

В переводе это означало: врачи обнаружили что-то нехорошее, но пока вы расстроены, я говорить не буду. Выходит, дело серьезное.

— Говорите все как есть, — вспыхнула Мэри. — Иначе я подумаю самое худшее.

Фрэнк рассмеялся.

— В чем дело? — встревоженно спросила Мэри. Представление, что нечто могло быть еще хуже, вызвало у него смех?

Повисла пауза.

— Что-то не в порядке с головой, — наконец признался Фрэнк. — Обычное дело. Правда, на

этот раз все видно на снимках. Какая-то опухоль. Природу пока не установили. Возможно, доброкачественная.

— Проклятье!

— Да уж, — Фрэнк с шумом выдохнул. — Чего там. Не одно, так другое, я всегда это знал.

После еще одной паузы Мэри сказала:

— Мне некоторое время придется прятаться.

— Хорошо. Прячьтесь.

— Но я хочу вас видеть.

На этот раз молчание затянулось дольше прежнего. Мэри показалось, что Фрэнк против и намекает, насколько странным выглядит ее поведение.

— Мы можем говорить по телефону.

— Когда вам сообщат подробности?

— На завтра назначено.

— Хорошо. Желаю удачи. Я буду на проводе. Встретимся, когда разрешат.

— Берегите себя. Я не хочу встречаться, если это грозит вашей безопасности.

— Бадим нашелся? — спросила Мэри телохранителей.

Те кивнули. Мэри протянули телефон, номер был уже набран.

Бадим ответил. Мэри встала, зашла в свой ка-

бинет, оставив охрану в коридоре, и прикрыла за собой дверь.

— Ты можешь говорить?

— Да.

— Телефон частный?

— Да.

— Кто ее убил?

— Мы не знаем.

— На что годится твой долбаный секретный отдел, если вы не можете установить подобные вещи?

Бадим взял паузу, дав Мэри прочувствовать всю бессмысленность и неразумность вопроса.

— Мне она тоже была дорога. Всем нам.

— Знаю.

После обоюдного угрюмого молчания и блуждания в мыслях Бадим произнес:

— Я скажу, что думаю, хотя почти все это очевидно и не новость для тебя. Я считаю, что ее убили русские. Верхушка в России непроницаема, однако последнее время они осмелели, делают выверенные шаги. Очень важные шаги, как открытые, так и тайные. Подозреваю, что Татьяна была к этому причастна. У нее в России много контактов. Всякий раз, когда правительство резко меняет курс, некоторые люди остаются

не у дел. Выпадают на обочину, что их пугает и бесит. Выпавшие из обоймы, возможно, подумали, что Татьяна — часть процесса перемен и даже направляет его, а потому, убив ее, процесс можно развернуть вспять или, на худой конец, предъявить за него счет.

— Месть?

— Да, но не только. Еще и попытка отменить перемены, подать сигал работавшим с Татьяной — в этом смысле.

— Ясно. В таком случае круг подозреваемых не так велик?

— Несколько тысяч.

— Не людей — групп, я имела в виду.

— Несколько десятков. Россия долгое время оставалась клептократией. Типы, разбогатевшие на развале Советского Союза со своими детками, всегда считали, что весь мир у их ног. А теперь все кругом трещит и усложняется — как везде.

— Даже на самом верху?

— Тем более наверху. Идет борьба за будущую национальную идею России.

— Это никогда не прекратится, — вздохнула Мэри.

— Что верно, то верно.

Она немного подумала.

— Слушай, не буду я прятаться. Не хочу, чтобы думали, будто меня можно запугать.

— Опасность еще не миновала.

— Ты тоже прячешься?

— Да. Я весь отдел перевел в надежное место.

— Но если все дело в русских, как ты утверждаешь, то им нет смысла гоняться за нами?

— Может быть.

— Я хочу встретить их лицом к лицу. Не только русских — всех. Кстати, ежегодная конференция сторон будет в этом году проходить в Цюрихе. Шестое подведение итогов — все соберутся. Мы можем этим воспользоваться, устроить большой сбор в память о Татьяне. Всех созовем, всех наших. Представим на суд публики отчет о достигнутом. Нужен боевой клич. Надо показать, где мы сейчас, как далеко продвинулись и как намерены доводить работу до конца.

— Большой риск.

— Риск всегда большой! Поэтому лучше все сделать совершенно открыто и масштабно. Хватит прятаться от этих уродов!

— Пожалуй.

— Ты прекрасно знаешь, что я права. В противном случае мы лишь будем потакать террористам. Уступим — пойдут новые атаки. Они будут

происходить в любом случае. Даже если выявить и уничтожить убийц Татьяны, их место займут новые. Но всех нас не перебьешь.

— Хорошо.

— Что?

— Я сказал: хорошо. Ты начальник, тебе решать. Конференция намечена через три месяца. Мы разошлем приглашения и подготовимся, службы безопасности Швейцарии с нами в одной команде. После смерти Татьяны они переполошились, не исключено, что перекроют всю страну.

— Ага. Армию привлекут, я даже не сомневаюсь. В данном случае чем больше, тем лучше. Весь мир будет наблюдать.

— Ладно.

— Кстати, спусти уже свой спецотдел на этих подонков!

— Уже спустил. Найдем — уничтожим.

— Хорошо. Надеюсь, вы их разыщете.

Мэри позволила телохранителям отвезти себя на новую потайную квартиру, неподалеку от оперного театра. Министр не выходила из дома несколько недель, связываясь с сотрудниками и всеми остальными по телефону и с экрана компьютера. Конференция была задумана как всеобщая периодическая ревизия, отчет о ходе

работ должны были представить каждая страна, континент, отрасль, водораздел. Сводки об успехах было намечено дополнять справками о насущных проблемах и препятствиях, мешающим движению к цели. Глобальное положение оценивалось для каждого актора в отдельности — с рейтингами, очками, выводами. Симулянтов ожидало наказание. Время уходит, терпение не резиновое. Роль шерифа играл набор всевозможных санкций и штрафов. Коллективный разум. Мир новой эпохи. Невзирая на радостные реляции и шум, требовалось подвести итоги, уяснить положение и перейти в наступление. Тайному отделу Бадима тоже найдется работа. Мэри созрела для того, чтобы принять идею тайного шерифа и тайных тюрем. Другими словами — гильотины. Выстрел в ночи, атака дрона-невидимки. Чего бы это ни стоило. Поражение, поражение, опять поражение… а вот хер вам, теперь пойдут победы.

Между тем по мере подготовки к конференции поступало немало хороших новостей. На многих фронтах обозначился реальный прорыв. Главный показатель — финансовый сектор назвал бы это индексом, характеризующим состояние всех остальных факторов, — содержание двуокиси углерода в атмосфере за последние

четыре года заметно снизилось, причем резко. Подтверждения приходили из множества разных источников. Предыдущие десять лет уровень лишь выравнивался, по обыкновению колеблясь вверх и вниз со сменой времени года, впервые с начала замеров в 60-х годах прошлого века показывая стабильность. Этот результат сам по себе вызвал бурные восторги, теперь же показатель устремился к промежутку между 450 и 445, все еще колеблясь от сезона к сезону, но с каждым годом теряя 5 частей на миллион, причем темп снижения, похоже, тоже нарастал. Это означало, что человечество не только перестало сжигать ископаемое топливо в больших объемах — при жизни нынешнего поколения отказаться от него полностью не представлялось возможным, но и улавливало углерод из воздуха в заметном количестве множеством различных способов. Споры о том, насколько еще велика роль океанов как поглощающего резервуара для продуктов сжигания углеводородов, продолжались, однако теперь существовали «Интернет вещей», «Квантифицированный мир», «Мир как данные», эти системы исследовали проблему со всех сторон, способность океана к поглощению углерода была рассчитана с крайне низкой погрешностью, и

ученые сделали вывод, что океан уже порядком насытился за три последних столетия и потому не оказывал заметного воздействия на снижение содержания углекислого газа в атмосфере. Наибольшую часть поглотили новые леса, биоуголь, агролесоводство, поля водорослей, регенеративное сельское хозяйство, сокращение числа и повышение эффективности скотоводческих ферм, прямое улавливание углекислоты из воздуха и тому подобные вещи. За все это платили с превышением затрат в карбон-койнах, курс которых никогда не падал на биржах по отношению к другим валютам. Наоборот, казалось, что доллар США вот-вот уступит карбон-койну роль мировой валюты-гегемона и гаранта стоимости. Разумеется, США активно поддерживали дополнительную денежную единицу, чем, несомненно, объяснялся ее успех; в некотором смысле карбон-койны были похожи на доллары с тем отличием, что вводились в оборот мерами по секвестрации углерода. Это задавало определенный двойственный стандарт или скорее эталон, идущий на смену утраченному золотовалютному стандарту; у мирового сообщества появился новый, углеродный стандарт, который свободно обменивался на доллар. Карбони, как повсе-

местно теперь назывались карбон-койны, также играли роль резервной валюты для евро, юаня и прочих необеспеченных денежных единиц.

Что самое главное, деньги как таковые полностью перешли на блокчейн, каждая единица учитывалась конгломератом центральных банков в цифровом виде, отчего настоящие фиатные деньги курсировали теперь как зэки в тюрьме с круговым наблюдением в некоем подобии глобального государства, пока еще негласном, вытекающем из самой природы денег. Некоторые рассматривали подотчетность денег как еще один кирпич, уложенный в фундамент тоталитарного строя, однако, управляя глобальным государством через рост забастовок и акций неповиновения, народ получал возможность увидеть, где осели и куда уходят все денежки, от чего переводы в налоговые оазисы и прочие тайники уже не могли укрыться от внимания правоохранительных органов. Цифровое распределение записей в блокчейне через «YourLock» и прочие источники создавало некое подобие народного банка, прямой денежной демократии. Прежние частные криптовалюты теперь использовались исключительно в криминальных сделках, упав в цене до нескольких центов с доллара. Многие

инвесторы, у кого еще застряли эти потерявшие стоимость электронные деньги, ждали момента, чтобы от них избавиться с наименьшими потерями. Другие просто-напросто отрезали по живому и сбрасывали криптокойны за сущие гроши. Владельцы криптовалют накопили триллионы единиц, однако триллион, помноженный на ноль, в итоге все равно дает ноль, а потому им ничего не светило. С таким же успехом они могли бы накопить кучу медяков, вот только цена меди была намного выше.

Другие утверждали, что за сокращение содержания углерода отвечала супердепрессия прежнего десятилетия. Мол, глобальная экономика обвалилась, поэтому топлива стали жечь меньше. Сглаживание кривой этим еще можно было объяснить, но резкое падение — вряд ли. Кроме того, даже в период депрессии ВВП и все индикаторы человеческой активности составляли почти сто триллионов долларов США в год. Этот объем был велик, однако он больше не зависел от использования углеводородов. Сокращение объяснялось исключительно мерами по улавливанию углерода.

В сложившемся положении с финансами и углеродом Мэри видела два макросигнала, два

важных глобальных индекса. Причем и на мезо- и на микроуровне количество добротных проектов стало таким, что единый их список никто бы не мог составить, сколько бы ни пытался. Регенеративное сельское хозяйство, восстановление ландшафтов, охрана диких животных, кооперативы по модели Мондрагона, города-сады, гарантированный базовый доход и услуги, освобождение и репатриация беженцев, акции климатического равенства, поддержка коренных народностей — все это прежде носило региональный и локальный характер, но происходило повсеместно и во все больших объемах. Пора собрать людей со всего мира, пусть полюбуются.

Ощущая в душе тяжесть, Мэри тем не менее готовилась объявить победу. Эта победа — нож в сердце заклятого врага, но чувствовала она себя как самоубийца, оставляющая предсмертную записку. И если вдруг окажется, что они каким-то образом проиграли, то она позаботится о том, чтобы злодеи одержали лишь пиррову победу. В истории о Пирре проигравшего можно считать победителем. Ибо министерство не намерено сдаваться — никогда, ни за что. В истории всегда так: одно поражение идет за другим, после чего — триумф. Пусть злодеи этого мира провалятся в

тартарары со своей чертовой пирровой победой. Трусливые гнусные убийцы, идите в жопу.

90

Сегодня мы обсуждаем вопрос, определяет ли технология движение истории?

Нет.

Извините, не понял. Вы хотите сказать, что технология не влияет на историю, или что вы не хотите обсуждать вопрос?

И то, и другое.

Давайте сначала остановимся на втором и выясним, что вас к этому побудило.

Сам вопрос дурацкий.

Тем не менее он стал предметом многих книг, трактатов, семинаров, конференций и так далее. Кто-то известный сказал: отнимите у нас инструменты, и мы превратимся в жалкие двуногие растения. Мы как «Homo faber», человек производящий, и наши орудия — единственное, что позволяет выжить. Мы и эволюционировали-то вместе с ними: сначала подбирали с земли камни, затачивали их, потом научились разводить костры, изобретенные нашими предшественниками орудия сделали нас людьми, превратили в людей, дали толчок дальнейшей эволюции. Появилась

одежда, чтобы не мерзнуть. С периода, на который приходятся обнаруживаемые археологами костяные иглы, человечество продвинулось к северным широтам на двадцать градусов.

Ну и что?

Что значит «ну и что»? Вопрос — где бы мы сейчас были без инструментов?

Придумали бы что-то еще. Один способ не сработал, нашли бы другой.

Но мы нашли способ!

Путем наименьшего сопротивления. Подстроились под законы физики. Подобрали камень — подумаешь. Обычный метод проб и ошибок.

Чем не технология? Разве из этого не следует, что технология есть движущая сила истории?

Историю двигаем вперед мы сами. Мы вертимся — процесс идет.

Ну хорошо. Достаточно философии, я в некоторой растерянности.

Согласен.

Давайте перейдем к конкретным примерам. Вы слышали о новых дронах, сбрасывающих семена мангровых растений на илистые отмели, сажая сотни тысяч деревьев на труднодоступных территориях?

Мило. Однако тот же самый дрон способен

всадить вам заряд прямо в лоб на пороге дома. Прекрасная иллюстрация к моему доводу, если подумать. Инструменты есть лишь отражение наших намерений, ключевой фактор — то, что мы хотим получить с их помощью.

Давайте прибережем все это для нашего очередного экскурса в философию. Не сомневаюсь, что он состоится очень скоро. Тем временем, что вы думаете о новых искусственно выведенных амебах, которые растут в ваннах, производя биотопливо и одновременно поглощая углерод из атмосферы?

Недурно.

Другие взращенные в ванных амебы в высушенном виде превращаются в очень вкусную муку, заметно сокращая потребность в сельхозугодиях без ущерба для рациона питания.

Тоже недурно.

А как насчет технологии блокчейна, показывающей, где конкретно находятся все деньги и как они обращались в прошлом?

Неплохая мысль. Деньги работают, лишь когда люди им доверяют. Отслеживание денежных потоков укрепляет доверие. Если все правильно сделать, может статься, что деньги потеряют смысл и отомрут.

Превосходно! В последнее время мы наблюдали в этой области множество трансформаций — карбон-койны, гарантированные рабочие места и много чего еще. Это можно назвать социальной инженерией или архитектурой социальных систем, не так ли?

Именно эти сферы важны! Ход истории определяют общественные системы, а не инструменты.

Но не являются ли наши системы, грубо говоря, лишь программным обеспечением? Софт — это та же технология. Без него «железо» реально превращается в груду железа.

Именно это я и хотел сказать. Если продолжить вашу мысль, мы придем к выводу, что технологией являются и дизайн, и законы, и язык, даже мышление! И тогда quod erat demonstrandum, ваш постулат подтвердится, потому как любые человеческие действия будут считаться технологией.

Но ведь, пожалуй, так оно и есть! Может, нам следует об этом помнить и думать, какие именно технологии развивать и запускать в обращение.

Именно.

Вернемся к инновациям, которые мы с недавних пор наблюдаем в наших общественных системах. Наше время действительно воспринимается как особенное. Кажется, вы одобряете эти

перемены?

Да. Куй железо, пока горячо. Пусть кризис приносит пользу. Побольше перемен, и побыстрее.

Серьезно?

Почему бы и нет?

А избыток перемен не вызовет хаос?

Хаос был до перемен. Теперь идет борьба с ним.

Немного напоминает изобретение парашюта в процессе падения, не так ли?

Приземляться совсем без парашюта еще хуже.

Хватит ли нам времени?

Лучше работать побыстрее.

Есть люди, считающие, что времени больше не осталось, что нас ждет неминуемое жесткое приземление и что текущие события якобы это демонстрируют. Вы слышали, что потепление океанов ведет к тому, что содержание жирных кислот омега-3 в рыбе и ценность последней для питания человека сократились аж на шестьдесят процентов? А ведь жирные кислоты этого ряда отвечают за преобразование сигналов в человеческом мозге. Вполне возможно, что совокупный интеллект сейчас резко идет на убыль, потому что потепление океанов вызывает снижение умственных способностей.

Это многое объясняет.

91

Цюрихский зал конгрессов строили как раз для мероприятий максимального масштаба. Окна выходили на озеро. Ежедневно на конференции будут выступать ораторы, работать киоски, демонстрирующие новые достижения. Все это с трудом вместилось в одно здание. Чтобы представить полную картину успехов, пришлось немного ужать площадь для отдельных стран и проектов. Гладя на список прибывающих, Мэри впервые ощутила, что дело сдвинулось с мертвой точки и набирает ход.

Подходящий момент для встречи с Фрэнком.

Он сидел в своей квартирке. Врачи нашли у него в мозгу опухоль, совсем недавно ее определили как глиобластому.

— Нехорошо звучит, — заметила Мэри.

— Да. — Фрэнк поджал губы. — Мне каюк.

— Но ведь должно быть какое-то лечение?

— Средняя продолжительность жизни после постановки диагноза — около полутора лет. Моя опухоль уже довольно крупная.

— Почему она так долго ничем себя не прояв-

ляла?

— Не добралась до жизненно важных центров.

Мэри твердо посмотрела Фрэнку в глаза. Он выдержал взгляд. Мэри первой покачала головой и отвернулась, присела напротив него за столик. Фрэнк сидел на меленьком диване, мешковато ссутулившись, чего за ним раньше не водилось. Мэри через кофейный столик дотянулась рукой до его колена. Момент напомнил ей их первую встречу, когда он схватил ее за руку, жутко напугав. Фэйр-плей шиворот-навыворот.

— Я очень сожалею, — сказала Мэри. — Чертовская непруха. Какое жестокое невезение.

— Да уж.

— Причину установили?

— Не-а. Может, генетика. Никто толком ничего не знает. А может, слишком много дурных мыслей. Лично я так считаю.

— Еще одна дурная мысль.

— Теперь уже без разницы.

— Пожалуй. Что вы собираетесь делать?

— Буду лечиться, пока врачи считают, что от лечения есть прок. Почему нет? Вдруг поможет?

Услышав эти слова, Мэри немного воспрянула духом. Фрэнк, очевидно, это заметил, потому что слегка покачал головой, словно говоря: не надо

питать тщетных надежд.

— Как продвигается подготовка конференции? — спросил он.

Мэри принялась рассказывать.

Через некоторое время она заметила, что Фрэнк утомился.

— Я потом еще приду, — предложила она.

Он затряс головой в ответ.

— Обязательно приду, — настояла Мэри.

Выполнить обещание оказалось не так-то просто. Не то чтобы Мэри не могла выкроить время — могла. И потайная квартира, где она жила, находилась относительно недалеко. В Цюрихе вообще до любого места рукой подать, город невелик, застройка плотная. Хотя вынужденный отказ от трамваев и езда на машинах с тонированными окнами создавали свои сложности.

Сдерживало Мэри однако не отсутствие возможностей, а представление, с чем она столкнется на квартире Фрэнка. С тех пор как она впервые встретила Фрэнка Мэя, он никогда не отличался закрытостью. Жар во взгляде, твердо сомкнутые челюсти выдавали его с головой — с того самого вечера, когда неистовые эмоции, точно громы и молнии, бушевали на его лице. А сейчас он замкнулся в себе. Выбросил белый флаг. Ждал на-

ступления последнего часа. На него было больно смотреть. Пожалуй, на его месте Мэри вела бы себя точно так же, и все-таки… У нее находились все новые причины отложить поездку.

В то же время она чувствовала, что приехать обязана. Постепенно прошли десять дней, потом две недели, она спохватилась и отправила сообщение.

«Можно заскочить?»

«Конечно».

Соседи по квартире, вежливые, но отстраненные, пропустили ее к Фрэнку. Он обрюзг и выглядел нездоровым. Во взгляде читалось: «Видишь? Никуда я не делся, все такой же конченый».

Мэри рассказала последние новости, нервничая от мысли, что в разговоре может настать немая пауза. Как всегда, событий было много. Приближалась дата великой конференции. Система кооперативов Мондрагона распространялась по Европе, налаживала связи в других местах. Сама Испания не торопилась последовать их примеру, в Мадриде беспокоились, что баски приобретут слишком большое влияние. Зато в других странах система легко приживалась, вошла в моду, стала очевидным выбором. Почти все страны Европы раскопали в своей истории традиции коллек-

тивного труда на землях общего пользования, существовавшие еще до нашествия Наполеона и прочих захватчиков, но сохранившиеся в умах и теперь восстановленные в своем праве.

— Хорошо, — ответил Фрэнк.

— Кроме того, — нервно продолжала Мэри, — на предстоящей конференции сторон будет предложен подробный план решения проблемы беженцев, использующий принцип нансеновских паспортов 20-х годов прошлого века. Нечто вроде права человека на всемирное гражданство. Предварительное согласие высказали все страны, подписавшие Парижское соглашение, то есть всемирное гражданство приобретет правовой статус во всех частях света. Финансовое и гуманитарное бремя будет распределяться поровну с учетом исторических различий объемов сжигаемого природного топлива. Справедливость и равенство в вопросах климата, наконец, восторжествуют, колониальная имперская эпоха с ее повальной эксплуатацией и ущербом, который никто никогда не возмещал, до сих пор обращающая людей в беженцев, уйдет в прошлое.

— Хорошо, — повторил Фрэнк.

— Вы сегодня, как я погляжу, не настроены высказывать свое мнение.

Почти улыбка.

— Нет. — Фрэнк задумался. — Я его постепенно теряю. Оно пропадает.

— А-а… — Мэри не нашлась, что ответить.

— Интересно наблюдать, что пропадет первым, — проговорил он, словно заглядывая внутрь себя. — Очевидно, сперва что-то не очень существенное, за ним — более важное.

— Вероятно.

Мэри не знала, что сказать, как ответить. Чувствовала себя беспомощной дурой. Ей хотелось проследить за его мыслью, куда бы она ни завела, но что полагается делать в подобный момент? Задавать вопросы? Размышлять вслух? Сидеть и неловко молчать?

— Как вы себя чувствуете? — наконец спросила она.

— Больным. Слабым. Задолбанным.

— Вы все еще похожи на себя прежнего.

— Да. Насколько могу судить. — Фрэнк покачал головой. — Я уже не помню, как чувствовал себя прежде. Уверен, что сейчас я бы не получил на экзаменах высших отметок. Не знаю. Думать пока получается. Не получается только придумать зачем.

Мэри хотелось поставить преграду мыслям,

но где там — слишком уж они очевидны. Ее затягивало в черную дыру в середине желудка. Мэри подавила тяжкий вздох, ей не терпелось побыстрее выбраться из квартиры, из гнетущей обстановки.

Ничего удивительного. Ведь она пришла сюда утешать, а не искать утешения. Заранее понимала, что будет тяжко. Именно эта трудность заставляла ее откладывать визит. Но раз уж пришла, надо выполнить свой долг. Вот только что говорить?

Сказать, по сути, нечего. Да и Фрэнк не производил впечатление человека, ждущего от нее ответа, каких-то ободряющих слов. У него был спокойный, грустный и немного сонный вид. Мэри казалось, задержись она чуть дольше, и он начнет клевать носом. После чего можно потихоньку уйти.

Фрэнк пошевелился.

— Я хотел бы вас познакомить с одним их моих соседей. Сейчас посмотрю, дома ли он.

Он несколько раз коснулся пальцем экрана телефона и приложил его к уху.

— Эй, Арт, не заглянешь на секунду? Хочу тебя представить одной моей знакомой. Отлично. Спасибо. — Хотя этот парень редко бывает дома,

он один из основателей нашего жилсообщества, поэтому ему позволили сохранить за собой комнату. Я познакомился с ним совсем недавно, и он мне сразу понравился. Летает по всему миру на аэростате над природными коридорами и заповедниками, просто смотрит на животных. И другим показывает.

— Экотуризм такой?

— Можно и так сказать, но пассажиров всегда немного — пара-другая человек. Ученые-любители. Деньги от экскурсий жертвует Всемирному фонду охраны дикой природы и похожим группам.

Мэри приготовилась сказать что-нибудь уважительное.

В дверь тихо постучали.

— Входи!

Дверь открылась, с порога робко кивнул щуплый человечек. Лысоватый, нос крючком, моргающие голубые глаза неуверенно бегали от Фрэнка к Мэри и обратно.

— Арт, это моя знакомая Мэри Мерфи, она руководит Министерством будущего в нашем городе. Мэри, Арт — хозяин и пилот «Небесного клипера». Аэростата, дирижабля… как правильно?

— Дирижабля, — с легкой улыбкой ответил

Арт. — Но, если хотите, можете называть его аэростатом. Так многие делают. В ходу больше термин «воздушный корабль» — чтобы не было путаницы.

— И ты возишь людей смотреть на диких животных.

— Вожу.

— Мы с Мэри не так давно ездили в Альпы, видели стадо горных коз и сурков.

— Молодцы. Полагаю, вам понравилось.

— Это правда, — вставила Мэри, подключаясь к беседе.

— И много раз вы бывали в Альпах? — спросил ее Арт.

— Не так уж много, — призналась Мэри. И не всегда по своей воле, хотела добавить она. — Хотелось бы чаще.

«Но не для того, чтобы прятаться от убийц», — про себя закончила она мысль.

Мэри показалось, что невысокий человечек услышал не высказанные вслух мысли или, может быть, заподозрил неладное по крохотным паузам между высказываниями. Он наклонил голову вбок, обменялся любезностями с Фрэнком и попросил его вывести на экран список уборщиков на текущую неделю, чтобы добавить в него

свое имя. После чего поклонился Мэри и юркнул за дверь.

Наступило молчание.

— Он мне нравится, — сказал Фрэнк. — Классный парень. Помогает мне, когда бывает в квартире, всегда вносит свою долю.

— Какой-то он робкий.

— Да. Пожалуй.

Опять молчание.

— Мне пора идти, — сказала Мэри. — Я еще приду. В следующий раз принесу с собой апельсиновые дольки в шоколаде.

— А-а. Хорошо.

92

Прошел слух, что нас выпускают. «Слыхали? — кто-то воскликнул в общаге. — Нас выпускают!»

Новость быстро дошла до всех, большинство не поверили. Очередной лагерный слух. Слухи всегда распространяются со скоростью речи, насыщая весь лагерь примерно за час. За слухами всегда следуют сомнения. Столько сплетен оказались беспочвенными. Да практически все. Подчас новость была правдивой, но дальше нее дело не шло. А тут сразу же после завтрака объявили общий сбор. Вернее, несколько. В лагере не было помещения, способного вместить всех одновременно. Так что каждый блок собирался в своей столовой. Самых маленьких детей попросили оставить в общаге, чтобы места хватило всем взрослым.

Разумеется, большие события так и происходят: никаких предупреждений, раз — и готово. Они нами играют: то сажают в клетки, то выпускают, все решения принимаются на ходу. Так было всегда.

Мы собрались. Явилась группа сотрудников

администрации, несколько знакомых лиц, но незнакомых было больше, чем обычно. С виду — швейцарцы. Похоже, сбор объявлен неспроста.

Встречу назначили на одиннадцать утра, мы уже хорошо изучили швейцарские привычки: соблюдение регламента и пунктуальность для них священны. Стоило большим электронным часам на стене сменить показание с 10:59:59 на 11:00:00, как одна из наших смотрительниц подошла к микрофону и сказала «всем привет» по-английски, потом «гутен морген», потом «сабах альхайр».

После чего снова перешла на английский, что показалось мне странным, ведь семьдесят-восемьдесят процентов людей в лагере говорили на арабском, и примерно треть из них не понимала английского. По крайней мере мне так казалось. Слушая сообщение, я быстро об этом забыла.

Нас в самом деле выпускали. Присваивали всемирное гражданство, позволяющее жить где угодно. Нас предупредили, что во многих странах будут введены квоты на иммиграцию, чтобы попасть в некоторые из них, придется ждать в списке. Но шанс был реальным, все вместе взятые квоты всех стран составляли двести процентов от численности лиц, просидевших в лагере бежен-

цев больше двух лет, — двухлетний срок служил порогом для присвоения гражданства мира. Гражданство присваивалось в личном порядке и не передавалось никому другому, выдавался паспорт мира. Семьи включались в списки целиком. Заявки на постоянное проживание будут координироваться всеми странами мира; те, кто просидел в лагере дольше всех, получат право выбора первыми. Ближайших членов семьи можно взять с собой. Отправка начнется со следующего месяца. Сочетание всемирной гарантии работы и пособий на проезд и обустройство означало, что никто не будет обижен.

Швейцария обязалась принять в два раза больше людей, чем содержалось во всех лагерях беженцев на ее территории. Жилье для освобожденных уже построено либо достраивается. Беженцы будут распределяться по стране равномерно, каждый кантон возьмет на себя пропорциональную долю. Жилье представляет собой обычные жилые дома на несколько квартир, отвечающие строительным нормам и жилищному кодексу Швейцарии. Работа будет предоставляться по мере надобности, органы власти кантонов возьмут на себя роль работодателя последней надежды. Работы много. Объекты

для кооперативных ресторанов уже выбраны и готовы к открытию, если новоприбывшие этого пожелают. Кухня могла бы стать тем узлом, где новенькие будут встречаться друг с другом и с местными. Так и раньше было.

Новое соглашение не означало открытых границ. У каждой страны будут свои паспорта и квоты на иммиграцию. Предполагалось, что большинство беженцев пожелают вернуться домой. Опросы показали, что многие при отсутствии риска предпочли бы вернуться на родину. Странам, пострадавшим от дестабилизации, вызвавшей наибольшие потоки беженцев, помогут как можно быстрее обрести стабильность.

Разумеется, у людей возникла масса вопросов. Вопросы и ответы в основном звучали на арабском, выступающие, сменяя друг друга на сцене, отвечали в соответствии со своей компетенцией.

Еще до окончания встречи я вышла из зала и, путаясь в мыслях, отправилась к северной границе лагеря. Можно ехать куда угодно? Что это значит? Какое место выбрать?

Большинство сначала обсудит вопрос с семьями. Кто-то вернется домой. Я вижу притягательность этого варианта. Если опасность миновала, почему бы не вернуться? Но я в это не верила. Я

вообще перестала во что-то верить. Какой-нибудь подвох обязательно есть. Иначе они бы давным-давно это устроили.

Однако к чему такие мрачные мысли? Все течет, все изменяется.

Я постаралась убедить себя в реальности перемен. Это не так просто сделать. Много ли я видела изменений? Каждый день в лагере похож на другой, таких дней у меня набралось 3352 штуки. Чем не доказательство, что ничего не меняется?

Но, разумеется, я была неправа. Даже лагерный быт и тот не стоял на месте. Мы собирались в учебные группы, классы, спорт-клубы, группы по интересам. Находили новых друзей. Учили детей. Люди рождались, умирали, женились, разводились. Жизнь продолжалась и здесь тоже. Неправильно думать, что ничего не меняется и время остановилось.

Однако перемены бывают разными. При виде гор за забором, подернутых дымкой под лучами полуденного солнца, разум кольнула мысль: а что, если твоя жизнь действительно бесповоротно изменится? По-настоящему. Новые люди. Чужое окружение. Новая жизнь в новом городе. После таких огромных перемен что останется от меня прежней? Я, конечно, не забыла поэму, в

которой говорится, что человек не способен убежать от самого себя, все места одинаковы, потому как изменить себя можешь только ты сам. Что правда, то правда. На ум пришло представление из области психотерапии: люди боятся перемен, потому что не ждут от них никаких улучшений; думая так, человек сам меняет свой характер и перестает быть собой. Перемены как синоним смерти.

Смерть старых привычек, и не более того, убедила я себя. Не забывай поэму, ты не можешь не быть собой. Притащишь себя с собой в любую точку планеты, как далеко бы ни убежала. От себя не убежишь, даже если очень хочется. Если все, чего ты боишься, это потерять собственное «я», то можешь не волноваться.

Нет, по-настоящему я боялась, что останусь такой же несчастной даже после изменения обстановки. А это уже реальный страх!

Я всю жизнь боялась. Так что не привыкать.

Буду ли я скучать по лагерю? Прекрасным горам, прекрасным лицам?

Нет, не буду. Это я себе твердо пообещала и, похоже, обещание сдержу. Может, это и есть моя форма счастья?

93

Проект «Замедление» действовал уже десяток лет. Экспедиции работали в критических точках крупнейших ледников планеты — все они находились в Антарктиде и Гренландии, бурили скважины во льду, выкачивали талую воду и разливали ее по поверхности в доступной близости от точки бурения, чтобы снова заморозить. Нашу группу направили в море Уэдделла, на особенно сложный участок, где разбросанные веером ледники и ледяные потоки впадали в шельфовые ледники Фильхнера и Ронне. Форма рельефа подо льдом напоминала половинку чаши, слишком пологой, чтобы выделить точки в верхнем течении с максимальной скоростью ледникового переноса. Мы сделали все, что могли, и за пять лет пробурили 327 скважин в тех главных точках, что смогли обнаружить, уповая на лучшее.

Без помощи военного флота Соединенных Штатов, России и Англии мы бы не справились. Они оставили на зимовку в море Уэдделла целый вмерзший в лед городок авианосцев. С этой базы мы могли продолжать работу круглый год

и снабжать точки на шельфовом льду Ронни и Фильхнера. Припасы на точки доставляли эскадрильи вертолетов, они же перемещали буровые установки с места на место. Только в нашей зоне работы обошлись в десяток миллиардов долларов. «Пустяки», — сказал бы Пит Гриффен. Многие наши в то время работали с ним в одной группе и часто его вспоминают.

Все путем. Всего четверо погибших — все, включая Пита, в результате несчастных случаев, три смерти, в том числе его собственная, — результат неразумных решений. Других убил климат. Антарктида ошибок не прощает. В нашей группе никто не погиб, хотя мы, конечно, не хвастаем этим вслух. Однако в сравнении с тем, что случилось с Питом, грех жаловаться. Ни один человек в нашей команде никому не желал такой судьбы.

Итак, десять лет в Антарктиде поработали на совесть, нужда в грантах отпала. Писали научные статьи, проводили исследования, но главное — обслуживали буровые скважины, насосы и рассеивающее оборудование. Нет, конечно, статьи тоже получались знатные, но ехали мы сюда не ради них. Что правда, то правда: гляциологи накопили как никогда много данных, особенно о структуре льда и течении ледников, но важнее

всего — о донных характеристиках. Я уверен, что ни у кого нет столько информации о взаимодействии между льдом и ложем ледника. Проводи мы эти исследования с узкой целью, на сбор сведений пришлось бы потратить несколько столетий. Нами же двигала иная задача, другая забота.

В конце сезона нас перебросили по воздуху на ледник Рикавери, где пять лет назад мы пробурили двойной ряд скважин. С одной из них поступил сигнал об отказе всех насосов.

Кулисами для плоской вертолетной площадки служили ледопады сверху и снизу по течению. На севере возвышается хребет Шеклтона, формирующий верхнюю часть бортов ледника. Боковой скол в самом конце превратился в целое поле обломанных бирюзовых сераков, таких высоких и изломанных, словно ты попал в район разрушенных стеклянных небоскребов. В Антарктиде каждый полет на вертолете преподносит новые сюрпризы. Даже пилоты удивляются.

Мы подошли по равнине к отказавшим скважинам. Их пробурили давным-давно, в самом начале работ, и проверяли не один раз. На поверхности все было в норме, система мониторинга тоже работала исправно. Неисправность насосов, установленная автоматическим мониторингом,

быстро подтвердилась — из выпускных труб почти ничего не вытекало. Чем ближе к середине ледника, тем меньше выкачивалось воды. Большинство насосов вообще ничего не выдавало наверх.

Мы передвигались на лыжах в одной связке на случай, если в некогда надежном пространстве между скважинами за последние годы появились трещины. Расселин не обнаружилось, мы разметили флажками новый маршрут, пересели на снегоходы и проверили его еще раз. Наша группа относится к делу без дураков.

Поперек ледника пролегала обычная вереница скважин. Высокие шесты с транспондерами и метеобудками, на макушке каждого — изорванный красный флажок. Внизу — приземистая оранжевая фанерная коробка для защиты устья скважины, похожая на небольшой сарайчик, с установленными рядом солнечными панелями. Трубопровод желто-зеленого цвета с налипшей серой ледяной крошкой. Вода прокачивалась до холма за южным краем ледника, где малый трубопровод впадал в большой, сбрасывающий всю извлеченную на поверхность воду в море.

Мы открыли дверь и зашли в будку с арматурой скважины. Внутри тепло — красота. После сле-

пящего света снаружи внутри было темно даже с включенными фонарями. За стенами причитает ветер. Мило, уютно. Температура здесь всегда должна быть выше нуля. Проверили датчики — вода наверх не поступает. Открыли люк на колпаке скважины. Спустили вниз видеокамеру на гибком кабеле, барабан с кабелем таких размеров, что его пришлось тащить волоком на отдельном прицепе, — «змея» длиной два километра, намотанная на одно большое колесо.

Камера ушла под лед. Мы прилипли к экрану. Что твоя колоноскопия, только задний проход уж очень прямой. На камеры, которыми водопроводчики проверяют канализационные трубы, тоже похоже. В скважине воды нет даже на глубине двухсот метров. Значит, что-то сломалось, потому как, если скважина открыта сверху донизу, вес льда должен выдавливать воду почти до самого верха. А тут мы погрузились уже довольно глубоко, а воды как не было, так и нет.

Кто-то предположил: «Где-то есть закупорка».

Да, но где?

Постепенно мы опустились на дно скважины, так и не встретив воду.

Ага, вот оно что! Ледник вычерпан до донышка. Качать больше нечего!

Значит, он замедлит ход.

Никуда не денется.

Как быстро это выяснится?

Через несколько лет. Хотя замеры можно провести хоть сейчас. Но чтобы убедиться полностью, потребуются годы.

Ух ты! Получилось.

Угу.

Разумеется, придется бурить новые контрольные скважины. Ледник под тяжестью собственного веса все равно будет сползать в море с характерной для него, куда более медленной, скоростью. Каждые десять лет в верховьях придется бурить новые скважины взамен старых. В ближайшем будущем — может, десятки лет, а может, вечно — здесь будет копошиться масса народу. Когда мы оттаяли и собрались в будке-столовой на полозьях, все согласились, что это — восхитительная перспектива. Из маленьких окон на южной стороне открывался вид на хребет Шеклтона, непонятно почему так названного, ведь Шеклтон никогда не бывал в этом месте. Возможно, он находился недалеко от предложенной исследователем конечной точки трансантарктического маршрута, но когда его судно «Эндьюранс» было зажато и раздавлено

льдами, пришлось быстренько переключаться на более актуальный план — выживание. Мы чокнулись бокалами с призраком и пообещали следовать его примеру. Когда все летит к черту, отбрось план «А» и задействуй план «Б» — жизнь важнее! Делай что можешь, импровизируй, лишь бы выжить. Мы подняли тост за непроходимые горы с черными утесами, подпирающие низкое небо на юге. Настало время закусить и выпить — в 650 метрах над уровнем моря. Еще один славный день в антарктической жизни спасителей мира.

94

58-я Конференция сторон, подписавших Парижское соглашение, включающая в себя шестое по счету обязательное подведение итогов, закончилась дополнительным двухдневным анализом предыдущего десятилетия — по сути, всего периода действия Соглашения. Этот рубеж все больше выглядел как переломная точка в истории человечества и Земли в целом, началом чего-то нового. Значение Парижского соглашения трудно переоценить. Пусть слабое на начальном этапе, оно стало моментом прекращения отлива и начала прилива — сперва едва заметного, а в конце неудержимого. Наступил величайший в человеческой истории перелом, первый проблеск планетарного разума, рождение антропоцена со знаком плюс.

В первый день заключительного этапа конференции делегаты суммировали, перечисляли и отмечали различные аспекты положительных изменений, произошедших с момента подписания Соглашения. Второй день был посвящен обсуждению известных проблем, требующих

решения для сохранения темпов и прогресса позитивных изменений, перечисленных в первый день. Оба дня получились насыщенными.

В день славословия Мэри расхаживала по коридорам со стендами, ощущая поначалу удивление, потом восхищение. Большой транспарант с графиком Килинга, на котором кривая сначала непрерывно шла вверх, потом выровнялась и, наконец, начала опускаться, доминировал над всем остальным, как боевой стяг. А под ним столько всего, о чем она даже не слышала. Мэри на себе почувствовала силу когнитивной ошибки под названием «эффект доступности», согласно которой человек считает реальным только то, о чем знает сам. Однако вокруг происходило так много неизвестного отдельному человеку, реальность была настолько обширнее индивидуального «я», что даже страшно было подумать. Ошибку нетрудно понять: человек, столкнувшись с необъятным, инстинктивно стараясь не сойти с ума, замыкается на своих внутренних ощущениях подобно тому, как улитка втягивает рожки, столкнувшись с внешним миром.

На самом деле контакт с бескрайней реальностью не предвещал никакого серьезного вреда. Мэри попробовала закрепить в голове эту мысль.

Высунула рожки, чтобы воспринять окружающий мир во всей полноте. Залы дворца съездов напоминали обычную научную конференцию — стенд за стендом, проект за проектом. В данном случае все плакаты, прилавки с материалами, групповые дискуссии и пленарные заседания нахваливали исключительно все хорошее. Однако так бывало и раньше, на любом научном симпозиуме. Такие мероприятия всегда походили на слет утопистов и мечтателей. Разница заключалась в том, что плакаты рисовали глобальную ситуацию, которую никто не мог бы предсказать еще десять лет назад, сорок лет назад просто невозможную.

Во-первых, получение энергии непосредственным путем почти для всех целей означало мощный рост «чистой» энергетики. Боб Уортон что-то такое говорил несколько лет назад, в самом начале, в эпоху, скрывшуюся за перевалом через горный хребет — невидимые Альпы, над которыми порхала юная наивная Мэри. «Если мы научимся добывать много чистой энергии, — говорил Боб, — то получим много чего полезного». Научились. И добываем.

Несмотря на то что энергии вырабатывалось как никогда много, в атмосферу выбрасывалось

меньше углекислоты — годовые выбросы сократились ниже уровня 1887 года. Наконец-то удалось перехитрить парадокс Джевонса. Не его основную часть — утверждение, что, чем больше вырабатывается энергии, тем больше растет ее потребление, но то, что энергия теперь в основном вырабатывалась чистым способом, и ввиду постепенного сокращения населения планеты людям было неважно, как она использовалась. Потому как предложение почти все время перекрывало существующий спрос, и при наличии чистой энергии парадокс Джевонса попросту утратил актуальность. Там, где излишки энергии могли пропасть из-за отсутствия эффективных способов хранения, люди находили новые пути ее использования — строили опреснительные установки, улавливали углерод напрямую из воздуха, перекачивали морскую воду в пересохшие бассейны и так далее. Начинаниям не было конца и края. И все потому, что идея чистой энергия была осуществлена и продолжала осуществляться.

Вот еще один великолепный стенд: «Глобальная сеть экологического следа» привела биопроизводство Земли в равновесие с поглощением и переработкой отходов. Мировая цивилизация перестала использовать больше возобновляемых

ресурсов биосферы, чем можно было восстановить естественным путем. Модель, много лет существовавшая только на Кубе и в Коста-Рике, покорила весь мир. Половина заслуг принадлежала проектам типа «Половина Земли». Пока что они не достигли своей главной цели: люди занимали и использовали все еще больше половины планеты. И все-таки огромные территории на каждом континенте были возвращены в первозданное состояние, освобождены от людей с их разрушительными структурами и переданы диким животным и растениям. Поголовье диких зверей на Земле насчитывало больше особей, чем за два предыдущих века. В то же время численность домашних животных, выращиваемых для употребления в пищу людьми и занимающих земельные угодья, уменьшилась. Экосистемы на всех континентах возвращались к здоровому состоянию по мере того, как планетарная экология делала свое дело, живя и обращаясь в прах под солнцем. Большинство биомов представляли собой гибрид, но гибрид жизнеспособный.

Хорошо был известен факт, хотя он и не афишировался на этой выставке и в дебатах, что коэффициент воспроизводства населения примерно составлял 1,8 ребенка на женщину. При

том что для восполнения популяции требуется 2,15 ребенка на женщину, численность населения Земли начала медленно, но уверенно сокращаться. Представления о грядущем демографическом взрыве рассеялись, демографы перестали его предсказывать. Некоторые кабинетные экономисты беспокоились, что экономика не выживет при подобном сокращении населения, другие, наоборот, приветствовали смену тренда. Все эти вопросы были так новы и противоречивы, что конференция решила их не касаться, отложить на другой раз. Прежние обвинения в антигуманности против экологического движения пока еще не настолько утратили силу, чтобы научное сообщество смело повело разговор на эту тему. Слишком уж она горяча. Но в данном случае новости были хорошими и передавались в устном порядке.

То же самое можно было сказать о дискуссиях на тему супердепрессии и о том, как вызванный ею общественно-экономический крах на самом деле пошел на пользу сокращению выбросов углерода и состоянию здоровья биосферы. Утверждения, что события, причинившие страдания миллионам людей, оказались полезными для жизни на планете, тоже притягивали обвине-

ния в антигуманности. Поэтому проще было представить этот аспект как преодоление катастрофы с извлечением из возникшей ситуации максимальной пользы. Информация и так текла рекой, поэтому некоторые вещи, как, например, умозаключения и предположения, лучше было оставить на суд молвы.

Надо всем этим довлел — в самом буквальном смысле, если вспомнить о транспаранте и качестве воздуха, — главный индекс или главное число, показатель концентрации углекислоты в атмосфере в частях на миллион. За предыдущие пять лет он сократился на 27 единиц и составлял теперь 451 часть на миллион — как в 2032 году, — продолжая снижаться. Может быть, однажды он дойдет до 350, верхнего пика колебаний между 280 и 350 ppm в доиндустриальную эпоху протяженностью миллионы лет, на которые влияли изменения солнечной орбиты Земли. 350 частей CO_2 на миллион — это было бы совсем неплохо! Вопрос — как далеко следует идти. Последние сорок лет мир занимали споры совершенно иного порядка.

За это же время для всех стран мира существенно сгладился индекс Джини. Улучшения наступили на всех континентах. Движения за

справедливую оплату труда, сокращение разрыва в доходах, рекомендованные центральными банками налоговые схемы, политические движения в поддержку гарантированных рабочих мест и прогрессивного налогообложения, нередко под лозунгом «даешь конец клептократии плутократов», отраженном на одном из плакатов, повсюду произвели мощный эффект. Ввод щедрого всеобщего базового дохода, поголовная гарантия трудоустройства и ограничение личного годового дохода десятикратной разницей между минимальным и максимальным уровнем, принятые многими странами, немедленно обрушили индекс Джини. Темп задавал ЕЭС, примеру последовали США и Китай, процесс пошел во всех странах, молодые образованные люди бежали в государства с пониженным коэффициентом, отчего страны, теряющие образованные кадры, быстро вводили похожие меры. Гарантии трудоустройства, но не только, доступ к базовым услугам, поддержка воспроизводства социальных структур, в том числе за счет строительства объектов инфраструктуры и жилья освободили от бедности малоимущие слои населения мира. Установление предела личных доходов и богатства срезало верхушку пирамиды неравенства.

Разумеется, многие богачи попытались, прихватив мошну, удрать в безопасное место, но из-за мер валютного регулирования, блокчейна и способности отслеживать денежные потоки все старые налоговые оазисы и убежища были выявлены и уничтожены. Деньги стали цифрами в компьютерах глобальной банковской системы. Даже когда они вкладывались в недвижимость, объект регистрировался вместе с ценой актива и подлежал налогообложению, как все остальное. Нередко собственность продавали, чтобы избежать уплаты налогов по резко прогрессивной шкале. Чтобы не пойти ко дну при новом налоговом режиме, некоторые владельцы отдавали собственность добровольно, благодаря чему площадь общественных угодий постоянно ширилась и пользоваться ими могли все члены общества. Госпредприятия стали чаще использовать большие данные и «красные» алгоритмы, что сделало их менее неповоротливыми, позволяя избегать прежней дурной бесхозяйственности, но сохраняя бесхозяйственность полезную, которая была важна для поддержании устойчивости и справедливости.

Для анализа и описания новых явлений появилась новая экономическая наука, неизбежно она

начала опираться на целый ряд новых систем измерения, ибо экономика теперь зиждилась на квантифицированной этике и политической власти, зависящих от показаний. Люди по-прежнему пользовались старыми инструментами вроде индекса инклюзивного процветания, индикатора подлинного прогресса, индекса человеческого развития ООН с поправкой на неравенство, индекса глобального экологического следа. Появилось и много новых. Все новые показатели экономического здоровья слились в один «индекс индексов» под названием метаиндекс состояния цивилизации и биосферы — МИСЦИБ.

Во всем этом огромную роль сыграл карбон-койн. Некоторое время казалось, что создание карбон-койна лишь сделает богатых еще богаче. Несколько компаний — хозяев углеводородного сырья объявили о намерении секвестрировать углеродные запасы в своей собственности, получили компенсацию в карбони и перевели их в доллары США и другие валюты, вложив доход в капитальные активы других видов, особенно в недвижимость, разбогатев пуще прежнего, как если бы им заранее выплатили прибыль будущих лет, все сто процентов, пусть даже их активы, ядовитые для биосферы и для здоровья людей,

теперь застряли под землей.

Однако центробанки придумали схему, как этому противостоять. Да, добывающим компаниям выплачивали положенное в расчете один карбон-койн на тонну секвестрированного углерода согласно сертификатам, выданным группами экспертов Министерства будущего, как и любому другому лицу, занятому секвестрацией. Однако выплаты свыше определенной суммы амортизировались по времени и выплачивались в установленный момент с нулевым процентом, но без удержаний. Вместе с гарантиями все это превращалось в подобие облигаций. После этого компании, чтобы получить будущие платежи, по закону и международному соглашению, были обязаны пустить полученные карбон-койны на дальнейшее сокращение выбросов, потому что в случае инвестиций в производство, наносящее ущерб биосфере, особенно сжигающее ископаемые виды топлива, это означало бы саботаж секвестрации, что в конечном счете давало отрицательный результат. Выгодность системы состояла в том, что нефтяные компании и петро-государства получали компенсацию пропорционально блокированным активам, но не всю сразу и только за работу по сокращению вы-

бросов, которую определили и сертифицировали стандарты Парижского соглашения и команды экспертов. Младшие сотрудники центральных банков очень гордились этим достижением, которое они шлифовали несколько лет ради спасения карбон-койна, и были очень рады, когда начальство одобрило и осуществило эти меры. Встречи этих сотрудников проходили в тихом Цюрихе так шумно, что это чуть не приводило к скандалам.

Успех карбон-койна означал, что на реставрацию ландшафта, регенеративное сельское хозяйство, восстановление лесов, биоуголь, плантации водорослей, прямое улавливание и хранение углерода из воздуха и прочие мероприятия, представленные в залах, теперь поступали огромные денежные суммы. Перетяжка над входом в одно из помещений гласила: «Грядет революция. Она всегда не такая, какой ее ждут». Люди, которые вывешивали лозунг, сообщили, что фраза принадлежит Марио Працу[19], у него ее позаимствовал Джон П. Фаррелл, а у последнего — Кристофер Пальмер. Швейцарские помощники были очень довольны собой.

---

[19] Примечания: 19

На самом деле автор изречения — мексиканский поэт и революционер Октавио Пас.

Последний день с его разбором нерешенных проблем послужил отрезвляющим напоминанием, что работы еще невпроворот. И все-таки в свете того, что открылось и чему радовались вчера, в зале царило ощущение, что трудности, невзирая на всю их сложность, представляли собой жалкие помехи на пути цивилизации, самой истории, а потому в будущем будут либо подмяты, либо решены по частям или в обход, либо отложены на более поздний срок, чтобы заняться ими, когда система наберет еще больший ход.

На этот раз над входом был натянут транспарант: «Трудности разрешаются умножением». Эту фразу помощники приписывали Вальтеру Беньямину, который якобы назвал ее «древней диалектической максимой», хотя никто так и не смог обнаружить ее в чьем-либо литературном наследии. Не исключено, что он ее выдумал и снабдил фальшивой ссылкой, хотя кто-то заметил, что это на Беньямина не похоже — он слыл дотошным историком и архивистом. Многие тщетно пытались разыскать источник в интернете, что лишний раз доказывает: интернет хоть и огромен, отнюдь не всеобъемлющ в плане материального наследия прошлого. По сути, он капля в море.

Кроме того, Мэри волновали более насущные дела, нежели поиски источника цитаты. Как и вчера, она прошлась по залам. Преодолевать препятствия, умножая их, — чего проще! Нерешенные проблемы были обсуждены, взвешены, расставлены по ранжиру и степени неотложности. Из них составили общий список, похожий на придуманные учеными-ядерщиками «Часы судного дня», показывающие, сколько минут отделяют человечество от конца света. В коридоре стоял настоящий циферблат, стрелки замерли на без двадцати двенадцать. В таком положении они стояли уже целое десятилетие, и Мэри невольно усомнилась, есть ли еще у этой идеи какой-то смысл и польза. Остановившиеся часы не лучший символ смертельной опасности. Безотлагательные проблемы скорее вызывали в уме образ постоянно тикающих часов. Когда она поделилась мыслью с Бадимом, тот лишь покачал головой. «Атомные часы не более чем аллегория непреходящей ядерной угрозы, — пояснил он. — Мы ведем себя как если бы она миновала. Но это не так. Стрелки намекают, что мы игнорируем угрозу нашему существованию. С этим пора что-то делать. Покончить с угрозой раз и навсегда. Все ядерное оружие реально демонтировать за

пять лет. Ядерные заряды пустить на топливо для АЭС, выжечь полностью, а отходы захоронить. Все так бестолково».

Разговор оставил у Мэри ощущение, что она не умеет толком оценивать угрозы. Например, петро-государства Заполярья до сих пор не скрывают свое положительное отношение к переменам климата — это что, угроза? С недавних пор Россия, похоже, начала выполнять программу сохранения толщины и прочности льда в Северном Ледовитом океане. Мэри перестала волноваться по этому поводу. У России есть свой флот, арктические воды насыщаются желтым пигментом, чтобы солнечные лучи не проникали на большую глубину и не нагревали воду. Длинными зимними ночами дроны разбрызгивали над морским льдом быстро замерзающую водяную пыль, закрывая полыньи и участки открытой воды. Нет, если Арктика и представляет собой проблему, она решаема. Россия не откажется внести свой вклад.

В еще одном коридоре Мэри встретило царство ядерного оружия и ядерных отходов. Беспокоился не только Бадим, вопросом занималась целая куча рабочих групп. Как превратить неудобные материалы в источник ядерной энергии, вы-

жечь топливо до концентрации, позволяющей надежное захоронение или катапультирование в открытый космос? Как видно, никто не мог предложить ничего путного. Да, эта проблема пока не решена.

А что делать с тридцатью наиболее бедными странами? «Бедная тридцатка», «печальная тридцатка», «слабая тридцатка» — как их только ни называли. В их число входили как минимум десять так называемых недееспособных государств, некоторые пребывали в этом состоянии десятки лет, доведя свои народы до нищеты. Каверзными в техническом смысле можно назвать такие проблемы, которые не только не поддавались решению, но и втягивали в себя других, что делало их похожими на заразную болезнь. Странам, страдающим от каверзных проблем, требовалось вмешательство соседей, а значит, всего мира. Их, по большому счету, следовало бы перевести на региональное или международное конкурсное управление. Однако, если пренебречь суверенитетом одной страны, получится, что, сто́ит в политике подуть враждебным ветрам, пренебречь можно суверенитетом любого государства. Ущемление суверенитета никого не устроит. На наведении порядка в различных постколо-

ниальных зонах бедствия обычно настаивали зажиточные бывшие империи, что редко выглядело искренне, даже когда побуждения были благородными. Американская империя в основном уповала на экономику и не называла себя империей, поэтому сами американцы никогда не считали себя имперцами, несмотря на восемьсот военных баз, разбросанных по всему свету, и тот факт, что военный бюджет США был больше, чему у всех остальных стран мира, вместе взятых. Поэтому Америка могла себе позволить такие вещи, как «вашингтонский консенсус», использующий в качестве орудий американской гегемонии Всемирный банк, МВФ и даже ВТО, принуждая бедные страны участвовать в мировых делах на правах колоний нового типа, де факто американских вассалов, либо смириться с еще горшей судьбой. Даже Китай с его инициативой «Один пояс — один путь» и местным влиянием на Азию не так сильно пытался выдавать свои имперские интересы за филантропию, как американцы, в конце двадцатого века подорвавшие самодостаточность целых стран навязанными структурными реформами, превратившими их в источник сырьевых культур для американских рынков. Нет уж. Недальновидность и чванство

Америки, претензии на роль единственной мировой супердержавы, по оценкам Мэри, еще входили в список каверзных проблем. Однако проблемой Америки не занималась ни одна рабочая группа, не было и соответствующих стендов. Ну еще бы. Это еще одна тема, о которой только шушукаются в кулуарах. Для ее решения потребуются объединенные, скоординированные усилия всего мира, и, разумеется, другие страны ни за что не договорятся между собой — еще и потому, что многие зависят от США и продались им с потрохами.

На первый план в восприятии людей после притупления проблемы CO_2 вышло непрерывное отравление биосферы нечистотами, пестицидами, пластиком и прочими отходами цивилизации. Конечно, у биосферы есть запас прочности. В то же время любое живое существо способно принимать и перерабатывать яд только до определенного предела, после чего возникает отравление и начинаются неприятности.

Очередной зал был посвящен теме притеснения женщин, личного и коллективного. Нередко это происходило в странах с самым низким рейтингом по всем другим категориям — благосостоянию, политическому представительству,

техническим возможностям. Так было, конечно, не случайно. Статус женщины не просто показатель, он имеет фундаментальное значение для прогресса любой культуры. Многие прежние формы патриархата не отмерли, поэтому среди острых нерешенных проблем числились патриархальность и мизогиния. Мэри со вздохом отметила, что в этом зале по сравнению с другими находилось намного больше женщин, чем мужчин. Среди ста человек она насчитала пять белых и двадцать цветных мужчин. Даже если проблему представить как одну из самых острых из оставшихся, немногие мужчины согласятся считать ее таковой. Решать ее предстоит не мужчинам, а женщинам — оттачивая и пробивая законы. А потому проблема эта воистину была велика и каверзна. Возмутительно само выведение ее в отдельную категорию наряду с загрязнением среды, ядерным оружием, углеводородами и бедами управления. В этом коренится часть проблемы. Когда на женщин перестанут смотреть как на нечто «другое»?[20] Разве они не являются большинством в своем виде, на несколько миллионов опережая мужчин?

---

[20] Примечания: 20

Отсылка к книге феминистки Симоны де Бовуар «Второй пол».

Переход к еще одному нераспутанному узлу — проблеме ресурсов. Женщина как ресурс, пришло в голову Мэри. Нет, забудем. Нехватка воды. Изобилие электроэнергии позволяет опреснять морскую воду. Почва. Здесь надежду давали регенеративное сельское хозяйство, законы биологии. Биосфера как единое целое — потеря ареалов обитания, надежных природных коридоров, численности диких зверей. Вымирание видов. Проблемы инвазивной биологии. Состояние здоровья водоразделов. Массовое исчезновение насекомых, включая пчел. Где хранить углекислоту, выделенную из атмосферы? Даже при наличии успехов эти проблемы сохраняли остроту.

Здоровье океанов. С закислением океанов, нагреванием океанских вод как следствием сжигания углеводородов в прошлом веке и обескислороживанием ничего нельзя было поделать. Вымирание продолжалось, в том числе, возможно, таких видов, о которых люди даже не слышали, но чья смерть могла вызвать катастрофические обвальные последствия. Здоровье океана не перестанет быть проблемой еще много веков, и разрешить ее невозможно, разве что оставить в покое огромную часть мирового океа-

на, по крайней мере половину, позволив морским биомам и тварям как-то приспособиться. Это во многом касалось коралловых рифов, пляжей и прибрежных болот, с их спасением люди тоже не справлялись. Отступить, отойти в сторону, не вмешиваться, вылавливать пластик, а не рыбу, по крайней мере на больших заповедных территориях, да хоть бы и в зонах рыболовства. Заложить основы новых коралловых рифов. И так далее. Проблема сохранит свою каверзность до конца жизни поколения.

И так продолжалось весь день во всех точках дворца съездов. Многие из проблем несоразмерны, нельзя же в конце концов ставить на одну доску благополучие женщин, коралловые рифы и штабеля ядерного оружия. К черту антологии нерешенных проблем! В определенном смысле от таких списков нет никакого толку. Пожалуй, разумнее было закончить конференцию еще вчера похвалой достигнутых ранее и текущих успехов. Первый день вызывал радость, второй — уныние. Оставалось надеяться, что вызванную перечислением проблем досаду получится направить на благо дела, однако Мэри не была в этом уверена. По коридорам бродило множество шокированных, павших духом молодых людей,

особенно молодых женщин. Мэри останавливалась рядом, когда замечала группу, как будто что-то обсуждавшую, призывала не опускать руки, задать противникам жару, что они уже не раз делали. Одни согласно кивали, другие нет.

Противоречивый вышел день. Тут ей позвонили из клиники, где проходил лечение Фрэнк. Он потерял сознание и пребывал в плохом состоянии.

Фрэнку выделили отдельную палату. Небольшое помещение почти полностью занимали больничная кровать и аппаратура жизнеобеспечения. Верх кровати был приподнят, чтобы Фрэнк мог сидеть. Он был одет в больничный халат, трубка от иглы в руке тянулась к капельнице с раствором. Монитор показывал пульс в графическом режиме, его частота показалась Мэри слишком высокой. Лицо Фрэнка побелело и отекло, под глазами обозначились черные круги. Короткая стрижка обнажила залысины на лбу.

Фрэнк дремал или, по крайней мере, держал глаза закрытыми. Мэри присела на свободный стул, решив не беспокоить его и дождаться пробуждения.

Нездоровый вид больного. Гудение приборов, сполохи пульса на дисплее в изголовье кровати.

Слабый запах крахмала, пота и мыла. О да, Мэри, эта обстановка хорошо знакома.

Она со вздохом откинулась на спинку. По сути, это хоспис. Даже если Фрэнка еще пытаются спасти либо выиграть время, все равно это хоспис. Мэри бывала в таких местах — станциях на полпути между земным миром и небытием.

Тишина, щадящий режим. Многие нужды уже отпали. Оставались питье, кое-какая еда — не более чем для поддержания сил, и от той нередко отказываются, чтобы приблизить конец побыстрее, болеутоляющие да удаление экскрементов. Из-под простыни к подвешенному на кроватной раме мешочку спускалась трубка катетера. В такие приюты Мэри иногда приносила с собой музыку — средство, которое организм больного не отвергал, а угасающий разум все еще помнил и любил или на которое отвлекался. Скука мучила пациентов не меньше, чем посетителей. Слишком много времени для раздумий — как при хронической бессоннице. Хотя недостатка сна не возникало. Заснуть помогали лекарства и банальная усталость. А еще постепенный отказ функций мозга. Сон, как нередко в жизни, заполнял пустоты, приносил облегчение, потому что больной, даже тяжело просыпаясь и не чувствуя

себя посвежевшим, хотя бы на некоторое время выключал сознание и боль. Сон, распускающий клубок заботы[21].

Если бы. Во время ее собственной мучительной бессонницы сон ничего не распускал, но строчка все-таки хороша. Укачивающий колыбельный ритм. Шекспир умел построить фразу. Настоящий поэт. Великий поэт, чьи пьесы всегда казались Мэри сумбурными. Никогда не знаешь, где и чем отзовется. Сгустки напряженного противостояния посреди бессвязной кутерьмы. Она вспомнила сцену в театре «Эбби», когда Фальстаф и Хел препирались, как ей показалось, около часа, подначивая друг друга и состязаясь в острословии, и все это на фоне какой-то неведомой смутной угрозы. Их дружбе не суждено было выжить ввиду огромной разницы в положении. Возможно, Мэри и Фрэнк чем-то на них похожи. Память о первой встрече ее никогда не отпустит.

И об этой встрече тоже. Да, хоспис дает уйму времени поразмышлять. Пусть разум погуляет на воле. Можно, конечно, достать телефон, почитать почту. Послушать музыку через «капельки» или, если Фрэнк тоже согласится, послушать вдвоем,

---

[21] Примечания: 21
Цитата из «Макбет» У. Шекспира *(пер. М. Лозинского)*.

принести маленький динамик. А можно просто сидеть. Расслабиться. Думать. Прокрутить в уме закончившуюся конференцию и все остальное: последнюю совместную прогулку в Альпах, живущих своей жизнью в горах диких животных. Когда-нибудь эти существа тоже умрут в муках и, возможно, в окружении родни. Или в одиночестве. Как Татьяна. Или Мартин, умерший в таком же хосписе. В таких случаях Мэри смотрела на положение как бы с большой высоты, точно с обрыва, взгляд доставал до края Земли, словно она стояла на верхушке Мохерского утеса. С полоски тротуара над бездной, говоря словами Вирджинии Вулф. Сидишь на краю тротуара, свесив ноги в пустоту, смотришь в пропасть, на горизонт или на тротуар, казавшийся таким важным, пока они вместе по нему шли, а теперь обернувшийся тоненькой паутинкой в бесчувственном воздухе. И все же что такое жизнь? Такая глубокая, такая ценная, полная эмоций, так много значащая, и вдруг один миг, и нет ее как бабочки-однодневки. Ничтожный пустяк в великой схеме бытия, да и самой великой схемы тоже нет. Какая головокружительная высота у этого прикроватного стула в хосписе.

Невозможно отделаться от мысли, что то же

самое когда-то случится и с тобой. Обычно от нее удается отмахнуться — конец далек, о нем необязательно думать. Прими эту мысль, перевари малыми дозами в теории, а потом снова забудь. Живи так, словно будешь жить всегда. Однако в таком месте, как хоспис, истинное положение вещей вываливается наружу, как из другого измерения. Отсюда головокружение, страх высоты. Воистину, «большой счет в маленьком трактирном кабинете». Считается, что этой фразой Шекспир намекал на смерть Марло, который, как все считали, был убит в пьяной драке из-за неоплаченного счета в пабе. Внезапное, тупое вторжение хосписной реальности в бытовую.

Во время первого визита Мэри в хоспис Фрэнк так и не пробудился. Мэри ушла, ощущая постыдное облегчение. Она прекрасно себе представляла, что не смогла бы сказать ничего обнадеживающего. Да и сам Фрэнк не любил разводить антимонии и подслащивать пилюли. Ему не нравился сам факт, что она его навещает. Как будто мстит.

Во время второго визита Мэри застала в палате бывшую сожительницу Фрэнка с дочерью. Девочка выросла и превратилась в девушку. Она была совершенно удручена. У молодых нет за-

щиты против эффекта таких помещений, на них он, возможно, производит еще более тягостное впечатление своей новизной или необычностью. Мозоли пока не наросли, реальность смерти вызывает шок, не встречая преград.

Бывшая гражданская жена Фрэнка тоже приуныла. И мать, и дочь сидели на стульях, выпрямив спины, свивая и развивая пальцы, глядя куда угодно, только не на больного. Фрэнк смотрел на них взглядом, полным, как показалось Мэри, доброты, раскаяния и любви. Сцена иголкой уколола сердце. Мэри полагала, что Фрэнк оставил былые чувства и неудачный семейный опыт позади. Теперь стало ясно, что не оставил. Млекопитающее никогда не забывает причиненную боль, а все люди — млекопитающие. Включая этих двух. Мэри заметила, что обе женщины робели в присутствии Фрэнка. Боялись не его смерти, а его самого. А он это заметил? Может, и заметил, но все равно благодарен за то, что они пришли. Девушка-подросток запомнит эту сцену на всю жизнь. Этот образ навсегда станет частью досады, которую она будет испытывать. Победитель — тот, кто пережил других. После чего он тащит на себе бремя победы, отвратительное ощущение триумфа. Нет, такого чувства никому не поже-

лаешь.

— Я потом зайду, — предложила Мэри.

— Мы уже уходим, — отозвалась мать. Дочь с благодарностью закивала. — Уходим. Он, пожалуй, устал.

Легкая улыбка на губах Фрэнка говорила иное.

— Спасибо, что приехали, — поблагодарил он. — Для меня это очень важно. Я жалею, что вынудил вас сюда ездить. Обо всем жалею… вы знаете.

— Нет-нет, — воскликнула женщина. Из ее глаз неожиданно хлынули слезы. — Мы приедем еще. Здесь недалеко.

— Спасибо, — ответил Фрэнк. Он протянул руку, женщина ее пожала. Дочь подбежала и накрыла руку матери своей рукой. Они замерли в рукопожатии на несколько секунд. Потом девушка выскочила за дверь, за ней — плачущая мать.

— Извините, — сказала Мэри. — Я не хотела помешать.

— Ничего. Они и так собирались уходить.

— Неправда.

— Ничего страшного. Они пробыли у меня довольно долго.

— Я могла бы прийти позже.

— Незачем. Посидите еще, если хотите. Нажми-

те за меня кнопку вызова сестры. Пусть принесут соку.

— Сейчас.

Воцарилось молчание. Через некоторое время сестра принесла стаканчик с яблочным соком, закрытый пленкой, из которой торчала соломинка. Больничный размер. Так, наверное, удобнее для инвалидов. Фрэнк всосал содержимое за один прием.

— Если хотите, я найду питьевой фонтанчик, снова наполню, — предложила Мэри.

— Было бы неплохо.

Фонтанчик обнаружился ниже по коридору возле санузла. Пленку было трудно удалить, но Мэри справилась. Стаканчик слишком уж мал. Чтобы пациент не поперхнулся, не перепил жидкости? Мэри так и не поняла причину.

Она тянула время, но не вернуться не могла.

Снова опустилась на стул. Фрэнк, похоже, не хотел встречаться с ней глазами. Чтобы он посмотрел, требовалось приложить усилие.

— Встреча выдалась на славу, — начала она.

— Да? Расскажите.

Мэри рассказала. Задача — подвести итог конференции такими словами, чтобы и он оценил, — пришлась ей по вкусу. Один день для

достижений, второй для нерешенных проблем. Очень трудно все связать воедино. Трудно остановить себя и не пытаться влиять на процесс, не говоря уж о том, чтобы им управлять. Оседлавший тигра слезть уже не может. Китайцам это ощущение давно знакомо.

— А что китайцы? — с любопытством спросил Фрэнк. — Они тоже поддержали?

— Да, все к тому идет. У меня сложилось впечатление, что они видят свое место в центре сцены, а себя — главными актерами. Для них важны не только Соединенные Штаты. Китай одновременно соперничает и сотрудничает с Россией и Индией. Похоже, поняли, что они соль Земли. Компартия, скорее всего, перестанет распространяться насчет вековых унижений. Нынешние китайцы этого уже не поймут. В том числе те, кто сидит в руководстве. Становятся спокойнее, привыкают к тому, что с ними считаются. Их уже никто не способен стращать, включая США. Глупо даже пытаться. При этом они видят, что остальной мир начинает им подражать. Госпредприятия там. Все начали рассуждать о деньгах, энергии и земле как народном достоянии, а китайцы так всегда делали. Сдерживание рынка, финансистов — в этом они выступали застрель-

щиками, подавая пример всем остальным.

— Выходит, главная проблема все-таки в Америке?

— Видимо, так, — вздохнула Мэри. — Очень легко списать на кого-то все невзгоды, навешать всех собак, однако меня это никогда не устраивало. Помимо плохого у американцев много хорошего. Ведущая страна мира как-никак.

— Не так ли говорили о Британии, когда она была мировой державой?

— Не знаю.

— Не в Ирландии, конечно.

— Вот уж правда! — Мэри рассмеялась. — Хотя надо сказать, что британцы с их империей принесли некоторое благо даже Ирландии.

— Могу заключить пари, что дома вы бы так не сказали.

— Нет, не сказала бы.

Фрэнк вдруг дернулся. На лбу выступил пот.

— Вам больно? — спросила Мэри.

Фрэнк промолчал. Только нажал кнопку вызова сестры, что само по себе было ответом. Когда та пришла, он попросил болеутоляющее. У Мэри скрутило узлом желудок. Как она могла забыть. Он же страдает. Мучается так сильно, что выступают капли пота на лбу, сереет лицо.

Это явление называют «взрывные боли». Ей не впервой это видеть, но с последнего раза прошло много времени.

— Может, я потом приду? — предложила она.

— Хорошо.

95

Я существую. Я живая, я мертвая. Имею и не имею сознание. Наделена разумом и лишена разума. Я множество и единое целое. Я место обитания секстильона граждан.

Я вращаюсь вокруг божества, но оно, как и я сама, не божество. Я не мать, хотя под моей опекой множество матерей. Вы живы благодаря мне. Однажды я вас уничтожу, а может быть, не я, а что-то еще, — в любом случае я вас проглочу. Однажды… скоро…

Вы уже поняли, кто я. Теперь откройте меня.

96

В последующие недели Мэри стала брать с собой в клинику, где лечили Фрэнка, планшет. Период хирургических операций и вмешательства сменился рутиной паллиативного ухода. С чужой помощью Фрэнк мог подниматься с кровати и кое-как выходить во двор клиники — приятное, обнесенное стеной место в тени огромной липы. Там он сидел, глядя на листья и небо. Во дворе на ухоженных грядках росли цветы, однако на них он почему-то не обращал внимания. Насколько Мэри могла судить, бывшая гражданская жена Фрэнка с дочерью больше к нему не приходили. Однажды она спросила об этом в лоб, Фрэнк нахмурился и ответил, что они, кажется, навещали его раз или два, но не смог вспомнить, когда именно. Мэри даже расспросила сестер, ей сказали, что такой информацией с посторонними не делятся и лучше спросить у самого пациента.

Невелика беда. Фрэнка навещали соседи по коммунальной квартире, в которой он недолго пожил, приятели по тюремному заключению. Он сам так говорил. Однако, когда бы Мэри ни

пришла, в любое время дня, у Фрэнка никто не сидел, причем было заметно, что так прошел весь день. Возможно, дело было в его облике, Фрэнк день ото дня все больше уходил в себя, но Мэри доверяла первому впечатлению — что к нему почти никто не приходит. По мере ухудшения состояния, когда Фрэнк вставал с кровати и покидал палату все реже и почти все время лежал под капельницей с болеутоляющим раствором, Мэри стала проводить у него больше времени. Она верила: когда человек умирает, его нельзя бросать одного, прикованного к постели, забытого всеми, кроме медсестер и врачей. Это неправильно, не по-человечески. Такого не должно быть.

Поэтому Мэри превратила палату Фрэнка в свой офис. Принесла динамик, разыскала в клинике маленькую скамеечку для ног, подложила на спинку стула подушку.

Завела для себя порядок: утром быстро завтракала в своей охраняемой квартире, набирала кофе в термос, приезжала в министерство проверить состояние дел, после чего продолжала работу, сидя в палате Фрэнка. Устраивалась поудобнее на стуле, включала в знак своего появления «Kind of Blue» Майлза Дэвиса и принималась работать на планшете. Когда требовалось сделать звонок,

выходила в коридор и как можно тише и быстрее заканчивала разговор. Телохранители — ими почти всегда назначались Томас и Сибилла — обосновались в приемной клиники как дома. Работа у них, судя по всему, была прескучная, но они не жаловались. Однажды Мэри задала им этот вопрос, охранники лишь пожали плечами. «Нас устраивает, — сказали они. — Так даже лучше. Хорошо бы ничего не менять».

В те дни Фрэнк редко просыпался, что приносило облегчение и ему, и гостье. Очнувшись ото сна, он шевелился, кряхтел, моргал и тер покрасневшие глаза, растерянно глядя по сторонам. Отекшее лицо. Заметив Мэри, он говорил «а-а». А сказав, иногда замолкал на несколько минут. В других случаях спрашивал, как дела, просил рассказать о последних событиях. Мэри кратко сообщала последние новости, особенно если они как-то были связаны с беженцами. Если речь шла конкретно о Швейцарии, зачитывала новости с планшета, чтобы ничего не упустить. В противном случае передавала своими словами.

Почти все время Фрэнк спал беспокойным, неглубоким сном. Накачанный медикаментами. Порой лежал без движения, но часто беспокойно ерзал, пытаясь найти положение поудобнее.

Иногда просыпался внезапно, и казалось, что он в полном сознании, но как бы смотрит на нее с большого расстояния. Однажды, пребывая в таком состоянии, вдруг ни с того ни с сего сказал: «Ну вот, теперь меня похитили вы».

Мэри немного обиделась, но стараясь не подавать виду, проворчала: «Слушатели поневоле всегда недовольны».

— Вы могли бы помочь мне совершить побег.

— Я этим и занимаюсь.

— У вас плохо получается.

— Ну, клиника хорошо охраняется.

— То есть все та же тюрьма с ее визитами?

— Боюсь, что так.

В другой раз он, проснувшись, уставился на Мэри, не сразу опознал ее, не понял, где находится.

— Жаль, что не увижу, что будет потом. Похоже, начинаются интересные события, — тихо проговорил Фрэнк.

— Пожалуй. С другой стороны, никто из нас не проживет достаточно долго, чтобы увидеть, чем все это закончится.

— Что, новые неприятности?

— Они есть всегда. — Мэри взглянула на поступившие сообщения. Чтобы добраться до последнего, пришлось прокручивать список

несколько минут. — Иногда проблемы подобных масштабов сохраняются многие годы.

— Веками.

— То-то и оно.

— Пусть даже так. Но перелом — вы как-то о нем говорили… Ключ — в переломе. Вы до него еще доживете.

Мэри, не отрывая взгляда, кивнула. Когда Фрэнк заводил разговор о собственной смерти, ей всегда хотелось уйти в сторону. Он заметил в ней этот страх — словно ломался некий барьер и они оба падали в невыносимую бездну. Со временем Мэри научилась не торопиться с ответом, позволяя Фрэнку закончить мысль. Какой смысл проводить с кем-либо время, если не позволять им выговориться.

На этот раз Фрэнк задремал, так и не сформулировав мысль до конца. Во время следующего визита она застала его уже проснувшимся и сидящим на постели в возбужденном состоянии. Заметив Мэри, Фрэнк лихорадочно протянул ей навстречу руку, чуть не упав с кровати.

— Я только что проскочил сквозь потолок! — воскликнул он, дико вращая глазами. — Проснулся, вижу: стою на кровати. И прыгнул сквозь потолок — прямо сюда! — Он ткнул пальцем

вверх. — А дальше не получилось. Попытался оторваться — не вышло. Плюхнулся назад, опять очнулся в кровати. Но прыжок был, я помню!

— Ну и ну, — выдавила Мэри.

— Что это значит? — Фрэнк вперил в нее смятенный, ошарашенный взгляд. — Что вы хотите сказать?

— Не знаю, — немедленно отозвалась она. Нашарила его руку, сплела свои пальцы с пальцами Фрэнка и бережно отодвинула его от края кровати. — Вам, похоже, было знамение. Вы пытались отсюда вырваться.

— Да, пытался.

Мэри отпустила руку Фрэнка и села на стул.

— Рано еще.

— Черт!

— Вы очень сильная личность.

— Если так, почему не получилось?

— Ну-у, — замешкалась Мэри, — Дело, очевидно, не только в вас. Просто ваше время еще не пришло.

Фрэнк посмотрел на нее пришибленным взглядом. Еще бы: сон как явь, галлюцинация, попытка улететь из этого мира способны не на шутку вывести из равновесия.

Мэри не знала, чем его утешить. Фрэнк запла-

кал, не отворачивая лица, слезы скатывались вниз по щекам. У Мэри тоже защипало в глазах. Нечто неуловимое преодолело разделяющее их пространство, как телепатия, как древний праязык. Так бывает, когда кто-то рядом зевнет, и зевота мгновенно передается тебе. Что говорят в таком случае?

Мэри ткнула пальцем в динамик, полилась мелодия «Kind of Blue». Она стала их музыкальной темой, весь альбом стал фоном для их умных разговоров. Мэри отклонилась на спинку стула, купаясь в знакомых аккордах. Они взялись за руки и так сидели некоторое время. Фрэнк время от времени сжимал ее пальцы. Через некоторое время его хватка ослабла, он заснул и уже не просыпался до конца дня.

В другой раз, мечась в беспамятстве на постели, извиваясь, он вдруг очнулся, словно вынырнул из воды на поверхность хватнуть воздуха, заметил Мэри — и тут же страдальчески отвернулся. Он был напичкан медикаментами, дезориентирован и пришел в сознание лишь наполовину. В своем сумеречном состоянии Фрэнк пробормотал: «На то воля судьбы. На то воля судьбы».

Мэри внимательно осмотрела своего друга. Лицо вспотело, одновременно распухло и осуну-

лось. Дыхание давалось с трудом, Фрэнк втягивал в себя воздух с отчаянными потугами, как будто не мог надышаться вволю. Убедившись, что Фрэнк опять впал в небытие, Мэри произнесла: «Дружище, судьбы не существует».

Однажды утром Мэри застала в палате двух сестер, ухаживавших за больным… нет, они занимались уборкой.

Одна из них подняла голову, заметила Мэри и произнесла:

— Очень сожалею, но он умер.

— Нет! — вырвалось у Мэри.

Первая сестра кивнула несколько раз, вторая покачала головой.

— Они нередко потихоньку уходят, когда рядом никого нет, — сказала первая сестра. — Такое ощущение, что нарочно выбирают момент. Не хотят, чтобы им мешали, знаете ли.

Сестра, насколько Мэри могла судить, не расстроилась. Даже не встревожилась. У нее работа такая — помогать людям, достигшим последнего этапа, распрощаться с жизнью без особых страданий и переживаний. Еще один покинул этот мир — что с того?

Мэри отрешенно кивнула, не сводя глаз с остановившегося лица Фрэнка. Такое впечатление,

что он спит. Она навещала его целых два месяца. А теперь он лежит и не шевелится. Мэри сделала глубокий вдох. Она ощутила собственное дыхание, биение сердца. Мэри была смущена, ей казалось, что умирающий всегда напоследок борется, хватается за жизнь. Разве всегда так бывает? С чего она взяла? Последний раз Мэри сталкивалась со смертью очень давно, да и то нечасто.

— Мы о нем позаботимся.

Мэри кивнула.

— Дайте мне минутку побыть с ним наедине.

— Разумеется.

Медсестры вышли. Мэри сложила окоченевшие кисти Фрэнка на груди. От них веяло холодом, но грудь была еще теплая. Мэри наклонилась и коснулась губами его лба. Забрала и положила в сумку планшет и остальные вещи, вышла за дверь. Пешком дошла до Банхофштрассе, свернула к озеру.

Мэри шагала по красивым богатым улицам Цюриха, ничего не видя перед собой и одновременно замечая то, на что годами не обращала внимания. Мысли разбегались, сердце — в ступоре. Стены зданий по обе стороны Банхофштрассе сложены из тяжелых обтесанных булыжников.

На удивление похожие друг на друга геометрические тела, не идеальной формы, в крапинах и сколах для придания поверхности текстуры, но даже в этом похожие, пригнанные так плотно, что трудно вообразить, как это получилось сделать. В конечном итоге все решали человеческий глазомер, человеческий разум. Швейцарская аккуратность. Дома построены в то время, когда камнетесы выполняли подобные строительные работы вручную. Виртуозы с изощренной эстетикой, где-то даже фанатики. Маньяки кубических форм. Бестрепетные. Неизбывные. Многие здания построены еще в пятнадцатом веке. Кладку, возможно, подремонтировали в восемнадцатом и девятнадцатом веках, а может, и нет. Не исключено, что стоит и не шелохнется, как положили.

Не то что человеческая жизнь — полет бабочки-однодневки, завиток дыма. Вот она есть, и вот ее нет. Фрэнк Мэй умер. Ну, по крайней мере он не убьет ее однажды ночью. Мэри стряхнула глупую мысль, сама ее испугавшись. Побеждает тот, кто дольше проживет. Нет и нет. Хватит этих колких реплик. Блаженство альпийского дня, редкий момент покоя, темный подспудный гнев, неумолчное бесплодное раскаяние — Фрэнк теперь свободен от всего этого. Тридцать лет он

тащил на себе этот груз, проговариваясь лишь в моменты потери бдительности.

Жертва ПТСР. Применимо ли к нему такое определение? Не все ли мы, в конце концов, жертвы посттравматического стресса? Может быть, это лишь способ сведения к патологии естественной природы человека? Мартин так же, как Фрэнк, умер у нее на глазах — хоспис, болеутоляющие средства, последний отказ функций организма, точка в жизни в двадцативосьмилетнем возрасте — они прожили в браке всего пять лет. Это ли не травма? Еще какая! Сцена стояла перед глазами Мэри, как будто она видела ее только вчера, и, конечно, визиты к Фрэнку вновь разбередили воспоминания до прежней остроты, притупившейся за много лет. Это ведь тоже посттравматический стресс?

Да. Однако ПТСР означает, что пережитая травма была особенно… жестокой? Но ведь смерть тоже бывает жестока. Тогда острой? И такой она тоже бывает. Шокирующей, кровавой, преждевременной, коварной? Резкой. Из ряда вон выходящей, отчего человек, ее переживший, не может выбросить событие из головы, страдает флешбэками до такой степени, будто заново переживает случившееся, как в вечно повторяю-

щемся кошмаре? Да.

Вероятно, все зависит от степени тяжести. Посттравматическим стрессом страдают все, это часть человеческой натуры, от нее никуда не деться. Просто некоторым людям достается больше, вот и все. Потом это их преследует, тяготит, превращает в инвалидов. Иногда бывает так тяжело, что пострадавшие кончают с собой — лишь бы освободиться. Это не такая уж редкость.

Смерть и память — какие они удивительные. Мартин был еще молод, сопротивлялся смерти с бешеным упорством, с ощущением несправедливости. Он не примирился с ней до самого конца. Даже после потери сознания его организм продолжал бороться, рептильный разум мозжечка поставил под ружье каждую клетку. Последние часы натужного дыхания, которые называют предсмертными хрипами, навсегда запали в память Мэри. Слишком уж долго они продолжались. Она редко возвращалась к этой сцене в мыслях, научилась о ней не думать. Способность забывать — ключ к здоровой психике, однако память иногда возвращалась в сновидениях, заставляя Мэри просыпаться по ночам, хватая воздух ртом, и вспоминать — забыть насовсем никак не получалось. Человек не забывает, он

лишь выдавливает воспоминания. Сует их в некий ящик, раскладывает по полочкам. В том, что это означало для мозга и разума, Мэри не могла разобраться. Каким-то образом у людей получается не вспоминать и не думать об определенных вещах. Может быть, в этом заключается суть ПТСР? В неспособности забыть или хотя бы не вспоминать?

Ничего из этого в данный момент не действует, уныло призналась Мэри самой себе. Спусковой крючок нажат, мозг прострелен навылет. Бедный Мартин. Она бродила по умиротворяющим улицам прекрасного каменного города, который очень любила. С памятью о Мартине — она вернулась, как только Мэри впустила ее обратно. Легче простого. Как она его любила! Ах, добрый Цюрих, милый город — на ум пришли строки из старого стихотворения, которое она учила на уроках немецкого в школе. Город стал для нее родным. С Мартином она жила в Лондоне, Дублине, Париже и Берлине. Они ни разу не приезжали сюда или вообще в Швейцарию. За это она и любила Цюрих. Город был действительно ей мил, даже дорог. Его обитатели веселили ее своим швейцарским духом, стоицизмом и тягой к порядку, замешенными на энтузиазме и меланхолии. Эта

странная, невыразимая смесь превратилась в национальный характер, национальный стиль. Он устраивал Мэри. Может быть, она сама была в душе немножечко швейцаркой. Но теперь внутри проснулась застарелая боль, тоска по утрате, после которой минуло уже сорок четыре года.

Бродя по узким средневековым улочкам вокруг церкви Святого Петра и ресторана «Цойгхаускеллер», Мэри наткнулась на кондитерскую, где Фрэнк покупал засахаренные апельсиновые дольки, которыми восхищался как утонченным произведением швейцарского искусства.

А вот и озеро. Мэри направилась к парку с крохотной пристанью, желая еще раз взглянуть на статую Ганимеда и орла. Ганимед, видимо, просит Зевса вознести его на Олимп. Вознесение не принесет ничего хорошего, но Ганимед об этом еще не подозревает. Боги есть боги, людям в их кругу приходится несладко. Ганимед однако желал все увидеть своими глазами. Статуя запечатлела момент, когда смертный просит судьбу не подвести его.

Почти невозможно вообразить, что живой разум способен исчезнуть без следа. Все мысли, которыми ты ни с кем не делился, все твои мечты, ты сам как узелок вселенной — теперь ничто.

Ни на кого не похожие личность, сознание… Как такое может быть? Не удивительно, что люди верят в наличие души. Души вселяются и покидают тела, снова и снова. Почему бы и нет? Ничего нельзя заведомо считать неправдой. Все остается в Боге. Кажется, это сказал какой-то святой, потом повторил Йейтс, за ним — Ван Моррисон, последнего Мэри знала лучше всего. Все остается в Боге. Даже если Бога нет. Все сохраняется где-то, в чем-то. Пребывает в вечности по ту сторону времени.

Стоя на маленькой пристани, Мэри вдруг услышала рев и увидела с левой стороны от себя дым над водой. Ну да, это же Шестизвонье, третий понедельник апреля. Совершенно вылетело из головы. «Саксилююте», как называют праздник швейцарцы на своем диалекте. Парад гильдий уже прошел, теперь высокую башню, сооруженную на площади Зекселойтенплатц, подожгли у основания. На вершине башни сидит сделанная из тряпок фигура снеговика-страшилища из швейцарского эпоса с головой, набитой петардами. Когда огонь доберется до них, они взорвутся. По времени, прошедшему от поджога до взрыва, предсказывали, будет ли лето солнечным или дождливым. Чем быстрее происходил взрыв, тем лучше должна быть погода.

Под визг и скрежет трамваев Мэри поспешила по мосту Квайбрюке на площадь Бюрклиплатц. Если снеговик взорвется слишком рано, она не успеет. Приходилось уповать на пасмурное лето — лишь бы увидеть фейерверк.

Мэри подоспела раньше, чем ожидала. Площадь, по обыкновению, была забита народом. Кольцо зевак вокруг горящей фигуры стояло ближе, чем позволили бы в любой другой стране, — швейцарцы относились к фейерверкам на удивление легкомысленно. Августовский День независимости напоминал поле битвы. Фейерверки доставляли буйную радость. На этот раз взрыв, по крайней мере, произойдет над головами, 1 августа толпы стреляли шутихами прямо друг в друга.

Башню высотой двадцать метров сложили из фанеры и бумаги. На вершине сидела, дожидаясь огня, человекообразная фигура снеговика с большой головой. Солнце почти зашло. На юге поднимались три гребня; первый — низкий зеленый вал на берегу озера, за ним — еще один, повыше, темно-зеленый между городом и Цугом, и в отдалении, далеко на юге — крыша мира, огромные треугольные пики Альп в пятнах снега. В лучах заходящего солнца они казались жел-

тыми — «альпийское свечение». Цюрих, здесь и сейчас.

97

На Земле обитают около шестидесяти миллиардов птиц. Птицы быстрее других заселили одичавшие угодья и расплодились. Не удивительно для потомков звероногих ящеров. Птицы — динозавры наших дней. Шестьдесят миллиардов — приличное число, солидное.

Великая северная тундра не настолько оттаяла, чтобы помешать ежегодной миграции стадам оленей-карибу. Животные покинули Арктический национальный заповедник дикой природы на Аляске и заселили верхушку земного шара. В Сибири был создан Парк плейстоцена, в который пустили воскрешенных шерстистых мамонтов, — вокруг этого проекта было сломано много копий. Однако тем временем в парк вернулись северные олени и целый сонм местной живности: овцебыки, лоси, медведи, волки, даже уссурийские тигры.

В бореальных лесах южнее тундры и тайги ареал обитания волков и медведей-гризли продвинулся до канадских Скалистых гор. Этот крупнейший лес планеты, опоясывающий кон-

тинент вдоль шестидесятой параллели северной широты, полностью вернулся в здоровое состояние.

То же самое происходило до самого экватора и ниже, до южной оконечности мира. Особенно негостеприимные зоны были и раньше скупо заселены людьми, теперь их связывали между собой природные коридоры, обитающие в этих краях животные находились под охраной и опекой. Как правило, достаточно было просто не мешать. Многих уже пометили, и процесс только нарастал. Зарождался своеобразный «Интернет животных». Проще говоря, животные получили гражданство и гражданские права, а раз так, то назрела потребность их переписи. Заботу о водосборных бассейнах в верховьях рек, текущих через крупные города, взяли на себя переехавшие туда горожане; они наблюдали за городской жизнью издалека и редко наведывались в города сами. Люди стали следить за жизнью и смертью животных. Ведь фауна кое-что значит, она часть большого целого. Со времен палеолита люди не придавали диким животным так много значения, не относились с такой нежностью и заботой, как к себе равным. Существование животного мира и существование ферм и городов обеспечивала од-

на и та же Земля — великая сеть, объединяющая множество других сетей.

Хорошо то, что идет на пользу земле.

Население заметно сократилось. Демографический пик канул в прошлое, нас стало немного меньше, чем прежде, и будет еще меньше в будущем. Шли разговоры об оптимальной численности населения Земли — одни называли цифру в два миллиарда, другие — в четыре, но толком никто не знал. Еще один эксперимент. Все должно находиться в равновесии: люди, другие живые существа как часть единой экосистемы планеты. Поменьше людей, побольше диких животных. Ощущение — как выздоровление после долгой болезни. Как исцеление, возврат жизненной силы. Такова структура ощущений нашей эпохи. Популяционная динамика в действии — так было всегда. Возможно, все мы, обитающие вместе в одной биосфере, образуем некий сверхорганизм — кто знает.

На высокогорных лугах пасутся дикие толстороги. Скачут ягнята. Когда видишь их прыжки собственными глазами, возникает свежее чувство. Какое именно? Трудно выразить, но примерно так: имеет ли жизнь смысл или нет, радость жизни реальна. Жизнь живет. Смысл жизни в

том, чтобы быть живым.

98

Опять веду для Бадима протокол заседания у Мэри. Все на месте, кроме Эстевана, он в Чили. Ну и, конечно, Татьяны. Ее место занял новый человек.

Мэри опаздывает, все встают. Мэри трясет головой. Ну что вы в самом деле. Сидите. Займемся делом.

Мы смеемся. Сначала удовольствие, дела потом. Торт по случаю выхода на пенсию, и все такое. Маленькое торжество, на бегу, без помпы, которую Мэри терпеть не может. Она смиряется, народ чокается кофейными чашками. Смена караула, говорит. Генерал Мороз уступает бразды правления полководцу Весне. Тосты. Деликатный момент.

Все возвращаются на привычные места за столом. Мэри начинает заседание с облегчением на лице.

М: спасибо за благодарности. Да, я ухожу на пенсию, в эмериты. Очень рада, что министерство возглавит Бадим. Генсек и все ответственные лица согласились назначить его исполняющим

обязанности. Я постараюсь добиться, чтобы он получил должность на постоянной основе. Так будет лучше для всех.

Бадим благодарит. Смотрит на нее как обычно — как мангуст на кобру. Ее радует, что он пока что видит в ней требующую решения проблему. И все-таки…

М: я не хочу полностью выключаться, но и мешать не буду. Доверенное лицо, министерский посол по особым поручениям — что-нибудь в этом роде. Готова на любую работу.

Янус-Афина: как насчет остаться министром?

Смех. Я-А мельком улыбается Бадиму, показывая, что шутит, однако несколько человек кивают. Среди них — Бадим. Говорит: хотя бы съезди от нас напоследок в Сан-Франциско. У тебя, пожалуй, лучше получится.

М: мое время вышло. Теперь ваша очередь. Всем все надо делать в свое время. А потом передавать дело другому. Рано или поздно каждый из вас подойдет к этой черте. Упорствовать нет смысла. Я, пожалуй, упорствовала слишком долго. Вы все молоды. Я же… мне пора уходить. Я буду тут, под боком, если понадоблюсь. Из Цюриха я не уеду. Буду преподавать в технической школе или что там еще.

Бадим: для тебя наши двери всегда открыты. Честно говоря, ты бы нам пригодилась.

Мэри улыбается. Сомневаюсь. Все в порядке. Мой срок закончился.

99

Сегодня мы обсудим, служат ли делу так называемые всеобъемлющие решения.

Нет.

Полагаю, следует спросить: к чему относится «нет» — к вопросу или теме?

К вопросу. Единого решения, адекватного конкретной задаче, не существует.

И что мы в таком случае увидим?

Провал.

Предположим — чисто для продолжения разговора — обратное. Какую форму может принять успех?

Форму провала.

Нельзя ли поподробнее, пожалуйста? Успех, выражающийся в провале?

Да. Получим уродца, кое-как сляпанного из разномастных частей. Кашу. Кустарную поделку. Полную неразбериху.

И это само по себе создаст новые проблемы?

Разумеется.

Например?

Например, когда единомышленники, работа-

ющие над решением одной и той же проблемы, вступают в бесконечную гражданскую войну друг с другом из-за методики, уничтожая собственные шансы на успех.

Почему это происходит, как вы считаете?

Из-за нарциссизма малых различий.

Очень странное определение.

Его дал Фрейд. Означает большее внимание к собственной персоне, чем к союзникам и общим с ними проблемам.

Однако различия подчас бывают не так уж малы. Верно?

Фронт широк.

А вы не считаете, что в отношении к рынку разных людей существуют реальные отличия?

Никакого рынка нет.

Неужели! Я удивлен такое слышать от вас, что вы имеете в виду?

В том, что мы сегодня называем рынком, рынка не больше, чем золота в том, что мы называем деньгами. Старые слова только наводят тень на плетень.

Вы полагаете, это часто случается?

Да.

Приведите еще один пример.

Революции больше не прибегают к гильоти-

нам. А жаль.

Вы считаете, что сегодняшние революции не так ярко выражены?

Именно. Технические, правовые революции невидимы. Вполне возможно, что плодами революции можно воспользоваться, обходясь без ее совершения.

Говорят, власть предержащие всегда сопротивляются переменам?

Естественно. Но терпят неудачу! Ибо у кого сегодня в руках власть? Никто уже и не знает. Политическая власть — еще одно окаменевшее понятие, за которым скрывается неизвестно что.

Я бы сказал, что олигархи довольно хорошо всем известны.

Власть олигархов — на нее всегда ссылаются. Но если она и существует, то настолько сконцентрирована, что не имеет силы.

Как это? Должен признаться, я поражен.

Она ломкая. Хрупкая. Ее легко обезглавить. Под обезглавливанием я имею в виду не гильотину, а системные меры, отстранение от власти немногочисленной элиты. Ее положение крайне нестабильно и шатко. У нее можно отобрать капитал по решению суда либо внесудебными средствами.

Только лишь капитал?

Все завязано на капитале! Не глупите, прошу вас. Вопрос всегда в том, кто хозяин капитала и как он распределяется.

И как он распределяется?

Народ решает как — посредством законов. Поэтому перемены можно произвести, поменяв законы, как я твержу с самого начала. Или просто поменять номера банковских счетов, как это сделали в Швейцарии.

А-а, да. Банки. Это напомнило мне одну занятную историю. Помните, что ограбивший банк Вилли Саттон ответил репортеру на вопрос, почему он это сделал?

Помню! Молодец, что спросили. И репортер тоже молодец.

Репортер задал вопрос: «Почему вы грабите банки?»

А Саттон ответил: «Потому что там деньги».

100

Мэри отправилась в Монпелье ночным поездом, заснув сном праведника. Корабль отплывал вечером, поэтому у нее осталось время побродить по старой рыночной площади, спуститься вдоль вереницы дорических колонн к гавани. Там уже ждал клипер — гладкий, семимачтовый, похожий на помесь шхуны и опрокинутого на бок космического корабля. На борту можно поспать еще.

Проснулась она уже посреди моря. Любая поверхность на корабле имела фото- или пьезоэлектрические свойства. Движение по волнам и солнечные лучи генерировали электроэнергию для винтов. С крепким ветром, надувающим большие паруса и вынесенные далеко вперед, прикрепленные к носу воздушные змеи, судно на подводных крыльях буквально парило над поверхностью. Сто километров в час ощущались как большая скорость.

На следующее утро они проскочили мимо Геркулесовых столбов в Атлантический океан. Мэри смутно припомнила строчки из «Улисса»

Теннисона: искать, найти, та-та, не уступать. Британи обожают героическую смерть — атака легкой бригады, экспедиция Скотта в Антарктиду, Первая мировая война. Видит бог, ирландцам сентиментальность совершенно несвойственна. Даешь открытое море, с глаз долой земля.

Синее блюдо океана. Морская вода, небеса, облака. Розовые на рассвете, оранжевые на закате. Корабль толкают вперед ветер, солнце и волны. Дивное скольжение, на гребень — под горку, вверх-вниз на продолговатых волнах в середине океана. Как люди могли забыть это ощущение? Мэри вспомнила последний полет из Лондона в Сан-Франциско, в полдень они пролетали над Гренландией, внизу ни облачка, безбрежное ледяное пространство, как где-нибудь на Каллисто или Титане, а все сидят, опустив шторки, чтобы свет не мешал смотреть фильм. Мэри переводила взгляд то на иллюминатор, то на соседей-пассажиров, считая их про себя обреченными. Слишком тупыми для жизни. Приз Дарвина, первое место. Путь к пыльной смерти[22].

Теперь же она стояла у кормовых перил семимачтовой шхуны, способной идти сама по

[22] Примечания: 22

Слова Макбета из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет» (*пер. М. Лозинского).*

себе или под управлением ИИ. Дизайнерские находки ИИ делали суда, как и все остальное, все совершеннее; решения подчас противоречили интуиции (воздушные змеи? выгнутые вперед мачты?), да только человеческая интуиция нередко давала маху. Отслеживание собственных когнитивных ошибок, пожалуй, можно считать главнейшим достижением современной науки. Как нередко бывает, преодолев этот затык, люди, возможно, вырвутся на новый широкий простор.

Остановка в Гаване, прекрасном приморском городе. Красивый памятник коммунистической идее. Следующий этап пути — Панама, переход по каналу и — здравствуй, солнечный Сан-Франциско. Корабль проплыл под мостом «Золотые ворота» в холодный, пасмурный день, туман висел так низко, что оранжевый мост скрылся из виду, как будто его и не было. Подошли к назначенной пристани, спустились на землю — зыбкую и твердую одновременно. Прогулка по холмам Сан-Франциско, самого красивого города мира. Последнее рабочее задание.

Мэри приняла предложение Бадима напоследок выступить от министерства на встрече с банкирами. Встреча в который раз проводилась на верхнем этаже «Биг Тауэр», и Мэри в который

раз была очарована видом города внизу, горы Тамальпаис и вонзивших зубы в западный горизонт Фараллоновых островов.

Банкиры собрались почти в том же составе, министр финансов Китая тоже приехала. Она в очередной раз показалась Мэри оптимистичной и конкретной. В Китае ей мало равных. После приветствий она сказала, что хотела бы узнать, что еще можно сделать для разгона «Великого поворота». «Династическое наследование?» — пошутила китаянка.

Джейн Яблонски попросила уточнить, что она имела в виду.

Чан повела речь о росте справедливости в Китае и во всем мире и о том, что еще предстоит сделать. О нижних и верхних пределах доходов, земельных налогах и природных коридорах. О мире как среде общего пользования, единой экосфере, единой планете, живом существе, частью которого все мы являемся. Наблюдая за внимательно слушающими банкирами, Мэри еще раз поймала себя на мысли: эти люди наиболее близки к категории мировых владык. Если они употребят свою власть на защиту биосферы и укрепление справедливости, мир очень быстро ляжет на новый курс, курс добра. Банкиры! Хоть

смейся, хоть плачь. Согласно их же узким критериям они поступали, как от них требовалось. Все еще убеждали себя, что обеспечивают ценность денег, без чего мир в данный исторический момент невозможно спасти.

Мэри не могла сдержать улыбку. Мир спасут долбаные банкиры? Или наоборот, к этому их толкает весь мир? Как бы то ни было, сейчас они обсуждали новые идеи и эксперименты, о которых она прежде даже не мечтала. Улыбка — ласковая, хитрая — появилась и на лице мадам Чан. Похоже, заметила, как улыбалась Мэри. Две соучастницы потехи, обе порадовались, когда Чан взяла штурвал в свои руки и направила разговор в новое русло. Новые предложения были настолько поразительны, что, спроси кто-нибудь Мэри, что она и ее министерство думают о реформах, предложенных мадам Чан, Мэри протянула бы руку в сторону молодой китаянки, улыбнулась и сказала: «Я уступаю трибуну, передаю эстафетную палочку. Мне нравятся все ее замыслы. Дерзайте, ничего не бойтесь!»

101

Чему, спросите вы, мы научили Пекин? Мы научили их, что полицейский режим не работает! Они-то думали, что работает, двадцать лет пытались прижать к ногтю Гонконг, использовали все ухищрения — подкуп, видеонаблюдение, технологию распознания лиц, пропаганду, фаланги полицейских и солдат, слежку с дронов, покушения с воздуха — все это лишь укрепило решимость жителей Гонконга защитить свое наследие.

Почему вы так говорите! То, что у нас было, — реально, потому что гегемония реальна. Это — чувство, а чувства человеку подсказывает его культура. В Гонконге сложилась особенная культура, особое чувство. Мы долго прислуживали британцам и хорошо помним, что значит быть на побегушках у державы-гегемона. Этот период занял всего несколько поколений, но заронил в сердцах специфическое ощущение — возврата к старому нет.

Поэтому, когда британцы передали нас Китаю, мы сказали: ладно. Мы — китайцы, Пекин — ки-

тайский город. Но мы также Гонконг. Что создает двоякую привязанность. Отчасти потому, что мы говорим на кантонском наречии, в то время как в Пекине говорят на путунхуа, который на Западе называют мандаринским наречием. На самом деле мандаринский всего лишь язык элиты или письменный вариант путунхуа. Ну да ладно. Главное, что мы разные. Мы разговариваем на кантонском, мы — это Гонконг.

Разумеется, и в Гонконге нашлись такие, кто хотел полностью присоединиться к Пекину! Таким людям Пекин нередко приплачивал, хотя я уверен, что некоторые из них действовали по убеждению. Большинство все же выступало за «одну страну — две системы». Нашу систему многие называют правовым государством. Законы в Гонконге составляются и принимаются законодательным советом, применяются полицией и служат основой для судебных решений. Вот почему весь мир доверял нам свои деньги! У Пекина этого не было. У них была только компартия. Решения, принятые Политбюро за закрытыми дверями, считались у них эквивалентом закона, то есть государство было, а права не было. Если нет прав, государству ничего не предъявишь. Сплошной произвол. Поэтому, когда Пекин попы-

тался превратить Шанхай в новый финансовый центр нам в пику, ничего не вышло. Шанхаю никто не доверял так, как доверяли Гонконгу. Мы в Гонконге продолжали борьбу — за правовое государство. Боролись не переставая с 1997-го по 2047 год.

Почему по 2047-й? Согласно договору, 1 июля 2047 года нас должны были окончательно включить в состав Китая. Типичный пример британских полумер. Среди империй британская не самая худшая, но все-таки это империя, а империи — зло по определению. Британцы заключили сделку с Пекином на пятьдесят лет, допустив существование двух систем в одной стране. За пятьдесят лет мы в Гонконге привыкли воевать за свои права. В том числе на улицах и демонстрациях. С годами мы поняли, что лучше работает, отточили методы борьбы. Насилие не помогало. Брали числом. Если хотите знать секрет сопротивления имперской власти, то он в массовости, мы обеспечивали ее все эти годы. Ненасильственное сопротивление всего населения или той части, какую соберете. Вот что помогает.

Да, несомненно, Пекин мог бы нас просто раздавить! Они могли бы перебить в Гонконге всех до единого и заселить город выходцами с мате-

рика, которым местные до лампочки, зато какая инфраструктура задаром. Правда, как ею пользоваться, они вряд ли знают. Один знакомый с Запада рассказал мне анекдот о правительстве, потребовавшем заменить народ, — нам это не казалось шуткой. Пекин запросто мог это устроить. В Тибете же устроили.

Но и Пекин не всевластен. Во-первых, они постоянно пытались заманить обратно Тайвань. Причин всегда много. В данном случае ею стали события на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года. Потом эту дату называли 35 мая или 66 апреля, и так по всему календарю до тех пор, пока шутка не потеряла остроту и новые даты стало трудно рассчитывать, — все потому, что некоторое из этих дат блокировали в интернете на материке. Пекин желал бы стереть эту дату из истории. Такой исход реальнее, чем вы думаете. По крайней мере на материке. Но мир-то не забыл, и Китай определенно не собирался повторять подобный инцидент в двадцать первом веке, когда события можно снять на обычный телефон и разослать по всему свету. Нет, убийство граждан Гонконга Китай не рассматривал.

Да, разумеется, захват Пекина «миллиардом» нам тоже помог. Вне всяких сомнений! Гигант-

ское событие. Отчасти оно произошло потому, что нелегальные мигранты на материке увидели, как поступают у нас в Гонконге, и решили то же самое учинить в Пекине. Партия, естественно, перепугалась, как без этого? Всю грязную работу в Китае выполняли люди без «хукоу», без документов с указанием прописки, когда начался поход на Пекин, число таких людей достигло четырехсот миллионов. Очень большая масса, не имеющая никакого представительства или ощущения принадлежности. Партии пришлось реагировать, чтобы не растерять авторитет. На фоне этой схватки Гонконг отошел на второй план, получил передышку. Мы ею очень умно воспользовались. О независимости речь не шла, вы должны это сразу понять. Речь шла лишь о двух системах в одной стране. О правовом государстве, которое мы были намерены сохранить до 2047 года и после.

Да, у Пекина возникли другие серьезные проблемы. Как я уже сказал, они не могли нас просто убить. Приходилось ограничиваться словами. Вести поединок дискурсов. К счастью, народ Гонконга это заприметил и сплотился. Нет лучше чувства, чем чувство солидарности. Люди много о ней говорят, постоянно вспоминают, пишут,

стараются пробудить. Все понятно. Но есть ли у них это чувство? Нужно находиться на волне истории. Невозможно проникнуться солидарностью, просто захотев, она не явится по первому зову. Солидарность невозможно выбрать, она выберет тебя сама! Нахлынет и приподнимет, как волна! Это такое чувство… как бы объяснить? Как будто любой человек в твоем городе стал родным, до боли знакомым, даже если ты увидел его лицо впервые и больше никогда не увидишь. Влияние массы? Разумеется. Но масса вдруг превращается в семью, все заодно, заняты важным делом.

Как это проявлялось на практике? А что, вы не заметили? Или позабыли? Мы выходили на улицы каждую субботу тридцать лет подряд!

Да, временами накал был выше, а иногда он спадал. Нередко мы привлекали молодых людей, идеализм молодости хорош в таком деле, молодым надо во что-то верить. Всем надо, но молодые не успели привыкнуть к неуспеху, поэтому гнут свое. А еще им легче переносить физический стресс. Но когда дело пахло жареным, мы, старички, тоже выходили на улицу. 1 июля подступало все ближе, на улицы стало выходить столько народу, что временами казалось, будто по субботам вышли из домов все жители Гонконга. Потряса-

ющие события.

Да, другими делами тоже приходилось заниматься. Не надо облекать вопрос в такую форму. Это оскорбительно. Может, вы этого сами не поняли, но в любом случае я отвечу вежливо, потому что уж я-то разницу вижу. В конечном итоге, я думаю, мы их просто измотали. Они не смогли нас победить, им не хватило гегемонии. Теперь некоторые утверждают, что мы нанесли им поражение. Это рассуждения из разряда «хвост виляет собакой». Те, кто так говорит, надеются, что наш яркий пример весь Китай превратит в один большой Гонконг.

Нет, я лично тоже так не думаю. Это уже слишком. Китай чересчур большая страна, а партийная элита слишком убеждена в своей правоте. Можете отнести меня к лагерю, утверждающему, что хвост виляет лишь задницей собаки. Это ближе к истине и реальной картинке: когда собака виляет хвостом, то даже в момент наивысшего возбуждения вместе с хвостом движется только зад, но не вся собака. Иначе не получается физически. Это видно на примере любой собаки, даже той, что с ума сходит от радости, — вместе с хвостом движется только зад. Голова и грудь стабильны. То же самое происходит с Китаем. Та часть

страны, что говорит на кантонском наречии, расположена на юге. Там же расположена Гуандун, крупная, зажиточная провинция Китая. Ее столица, город Гуанчжоу, раньше по-английски называлась Кантон, там проживают сто миллионов, говорящие на кантонском наречии, которое древнее мандаринского. Почти все китайцы, живущие за рубежом, говорят на кантонском, как и мы в Гонконге. В том числе в Шеньчжэне и Особой экономической зоне, где Пекин попытался повторить успех Гонконга. Пекин совершил большую ошибку, много лет стремясь подавить использование кантонского языка, в результате чего вся Гуандун перестала доверять столице, Гонконг оказался для них роднее, чем Пекин, хотя они это никак особо не демонстрировали. Язык — это семья. Подлинная семья.

В чем главное достижение? Ну, мы еще не закончили борьбу, но раз вы так вежливо спросили, отвечу: после 1 июля, когда Пекин пошел на уступки и сохранил принцип двух систем в одной стране для Гонконга, такие же права пришлось предоставить провинции Гуандун. И кантонский язык перестали притеснять! Хотя они потом говорили, что поменяли политику ради более полной интеграции юга в остальной Китай, в действи-

тельности просто обратили проигрыш в победу или, на худой конец, извлекли из него пользу, в чем, надо сказать, Пекин большой мастак. Реку переходят вброд, нащупывая каждый камешек по отдельности. В данном случае, надо признать, хвост вилял так ожесточенно, что вместе с ним вихлялся весь зад. Хотите увидеть, как это делает ваша собака, предложите ей выйти на прогулку!

102

После встречи в Сан-Франциско, окончательно отойдя от дел, Мэри взвесила, каким путем лучше вернуться в Цюрих. Спешить незачем. Она поискала рейсы в сети и неожиданно наткнулась на имя Артура Нолана, пилота дирижабля, с кем ее познакомил Фрэнк у себя на квартире. Дирижабль совершал кругосветное путешествие и на следующей неделе намечал остановку в Сан-Франциско. Маршрут вел в Арктику, оттуда в Европу, на восток Африки и в Антарктиду.

Мэри отправила сообщение с запросом, можно ли присоединиться к туру, пилот ответил «разумеется, буду рад новой встрече».

На борту все называли пилота капитан Арт. Он встретил Мэри на площадке у склона горы Тамальпаис, где его воздушный корабль был привязан к мачте, сопроводил по телетрапу на борт, провел к смотровой каюте на носу жилого отсека по длинной галерее, занимавшей почти всю длину подвески, играющей роль огромного киля. Подвеску называли гондолой. В смотровой каюте с ее прозрачными стенками и полом уже

собралась, закусывала и болтала небольшая группа пассажиров. Вылазка на природу, да и только. Мэри постаралась не судить предвзято и запомнить имена представленной дюжины пассажиров, в основном скандинавов.

После знакомства капитан Арт сообщил, что следующую остановку сделает на лугах Сьерры, чтобы посмотреть на обнаруженную в этом месте росомаху — очевидно, это животное считалось у них особенным. Пассажиры встретили новость с воодушевлением.

Вскоре корабль отчалил. Очень странное чувство — постепенный подъем над заливом, покачивание на ветру, совершенно не похожее на полет авиалайнера или вертолета. Необычно, но интересно. Ощущение мощной тяги, электромоторы по обе стороны гондолы разгоняли дирижабль в зависимости от ветра до скорости двести километров в час.

На восток, через залив и часть города. Потом через дельту. Вид напомнил Мэри макет северной Калифорнии, который она видела в прошлом, только на этот раз ландшафт внизу был настоящим, бескрайним. Дельту, нескончаемое камышовое болото, рассекали на сегменты полосы солеустойчивых деревьев, остатки бывших

островов и каналов. Зеленая трава с белесыми кончиками, ряды деревьев, протоки, V-образный след плывущих животных. Арт сказал, что это бобры. Каюта была оборудована смотровыми трубами, в них без труда можно было увидеть, что дельта кишит всякой живностью. Люди сюда наведывались редко. Калифорния внесла свой вклад в проект «Половина Земли». О размерах дельты можно было судить по Маунт-Дьябло, горе, возвышающейся на юго-западе. Она была огромна. У западного горизонта еще торчали зубцы Фараллоновых островов, на севере — черная кочка Маунт-Шаста, с южной стороны правой границей центральной долины служила береговая гряда, левой — Сьерра-Невада. Неохватные просторы. Похоже было, что Калифорния запросто выполнит норматив «Половины Земли».

А вот и сама центральная долина. Природные коридоры напоминали дикие лесополосы, разделяющие гигантские прямоугольники посевных полей и садовых хозяйств. Шахматная доска с желтыми и зелеными клетками. Дальше на востоке в сады вклинивались холмы — первые отроги маячащей впереди темной стены Сьерры. Воздушный корабль набирал высоту в зависимости от рельефа, проплывал над лесами дикорастущих

дубов и вечнозелеными зарослями, склоны холмов прорезали глубокие каньоны с отвесными стенками. На самых высоких пиках сверкал снег.

Арт опустил дирижабль в Тулумне-Мидоуз, у заснеженной высокогорной рощи, усеянной чистенькими гранитными куполами. Ведущие сюда сухопутные дороги еще не открылись, пассажиры были в роще совершенно одни. Не считая семейства росомах.

Дирижабль прикрепился к мачте, торчащей из снега рядом с Куполом Лемберта. Два члена экипажа осторожно опустили воздушное судно пониже и привязали его к швартовочным тумбам. Из двери на боку гондолы выехал трап, пассажиры окунулись в холодный безветренный воздух и ступили на белый снег.

— Что росомахи едят зимой? — спросил Арта один из пассажиров, оглядывая белые снежные складки и крутые гранитные стенки. — Здесь не видно никакой еды, если только они не питаются сосновыми шишками. Или впадают в спячку?

— Не впадают. И чувствуют себя зимой прекрасно, — ответил Арт. — У них густой мех, ноги как снегоступы. Зимой охотятся на мелких млекопитающих, выкапывая их из-под снега, но чаще находят крупную падаль. Питаются мертвечи-

ной. Зимой погибает довольно много животных.

Туристы шли по насту за капитаном. Тот на ходу посматривал на экран телефона, второй рукой придерживая на плече зрительную трубу. Вдруг он замер и сделал жест остановиться. Все застыли на месте. Из чащи, прыгая в глубоком снегу, вынырнули три черных зверя. Как собаки, только ноги очень короткие. Похоже, мамаша и два отпрыска. Широкие спины, рыжевато-черный мех. По бокам полосы более светлой шерсти. У матери палевая полоса пересекала лоб.

Самка остановилась и вдруг принялась неистово копать снег. Неподалеку от них горячий источник растопил снежный покров, обнажив грязный участок почвы с коркой коричневого льда по краям. По-видимому, в зимнюю пору животные приходили сюда на водопой. Мама-росомаха сунула голову в выкопанную ямку и что-то начала из нее тащить. Ага, труп оленя, до весны скрытый снегом. Росомаха терпеливо, помогая себе лапами и зубами, вытащила его наружу. Сколько силы в таком маленьком тельце. Самка начала раздирать мертвую плоть, детеныши скакали вокруг и пытались подражать матери.

— В прежние времена росомаху называли «несыть», — тихо объяснил Арт. — Этот зверь

всегда набрасывается на еду с большим аппетитом, раздирает добычу на части и съедает все подчистую, не оставляя даже костей. В уголках рта у них есть особые зубы, помогающие рвать мясо, а челюсти имеют такую силу, что способны раскусить любую кость. О ненасытности говорит и латинское имя росомахи — *Gulo gulo*. — Нам очень повезло застать эту сцену, — тихо проговорил Арт. — Росомахи здесь по-прежнему большая редкость. С 40-х годов прошлого и до начала нынешнего века они полностью перестали встречаться в Сьерре. И вдруг ночные камеры на озере Тахо засекли появление отдельных особей, но это были бродяги-одиночки, брачные пары по-прежнему не появлялись. В наше время росомахи встречаются и в верховьях, и в низовьях хребта. Им немного помогли с переселением, и теперь они, похоже, окончательно вернулись.

— Оленей здесь, должно быть, тоже много, — предположила Мэри.

— Много. Как и везде. По крайней мере здесь у них есть естественные враги — пумы, койоты.

Пассажиры по очереди смотрели в трубу, наблюдая за пиршеством семейки росомах. Зрелище не для впечатлительных натур. Детеныши озорничали, как делают все дети в их возрасте.

«Первогодки, — уточнил Арт. — На следующий год мамаша их прогонит». Низкий рост и короткие лапы не придавали зверькам грациозности. Они напоминали выдр, которых Мэри видела в зоопарке, и манеру передвижения выдр на суше, зато в воде выдры были вылитая грация. У росомах же есть только суша. И никакой грации. Разумеется, если смотреть с человеческой точки зрения. В то же время росомахи ловки, уверены в себе и жизнерадостны, невзирая на снег. Ничего и никого не боятся. Дикие звери у себя дома, вернувшиеся в родные края после векового отсутствия. Соединительная ткань мира.

Мэри отошла в сторону, продолжая наблюдать. На мгновение ее отвлекла мысль о Фрэнке, горных козах и сурках. Вид животных вернул ее к реальности. Малыши теребили мать, резвились. Как глубоко заложена во всех млекопитающих потребность в детских играх. Интересно, детеныши саламандр тоже играют? Мэри и вспомнить не могла, когда играла в последний раз — детство отодвинулось так далеко, — а сейчас вдруг вспомнила, как пинала мячик во дворе. Точно.

Мамаша вела себя с небрежным терпением, не обращая внимания на то, как детеныши влезают ей на спину, возятся, кубарем скатываются вниз.

Малыши фыркали и тыкались носами маме в живот, та отгоняла их небрежным взмахом передней лапы. Хозяева зимы. Им все нипочем, и нечего бояться. Арт говорил, что росомаха способна обратить в бегство медведя, пуму или волка. Там, где ступила ее лапа, ей нет равных.

Капитан Арт относился к зверькам с благоговением, которое отзывалось в душе Мэри радостью. Он растворился в моменте. Спешить некуда, ради этого они сюда и летели. Еще раз шевельнулась память о Фрэнке и совместной поездке на луг под Флимсом, на этот раз без горечи. Мэри была благодарна, что Фрэнк позвал ее туда и познакомил с этим удивительным человеком. Она почувствовала холод, первые щипки голода и малую нужду. Но ведь прямо перед ней резвились росомахи. Когда еще такое увидишь.

Арт опомнился и повел их обратно к дирижаблю, когда солнце уже скрылось за макушками деревьев. К этому времени все реально замерзли и, греясь в гондоле, устроили импровизированную вечеринку. Подчиняясь ветру, корабль полетел на восток, воздух под ними насытился розовым «альпийским» светом.

Курс на север, потом на восток через пустыню, Скалистые горы, плоскую прерию, до самой

тундры. Граница между великими бореальными лесами и тундрой имела странный, убогий вид. Арт объяснил, что вечная мерзлота во многих местах подтаяла, из-за чего появился феномен «пьяного леса» — деревья росли криво и в разные стороны. Потом все пространство внизу заняли озера. Озер было больше, чем суши. При виде огромной водной глади казалось, что цель «Половины Земли» вот-вот будет достигнута, что проект фактически выполнен. Это не соответствовало действительности, но человек всегда судит по тому, что видит перед собой. Люди заполонили планету, как саранча. Нет, не совсем так. В городах — похоже на то, но не здесь. На такой большой планете реальность способна представать в разном облике.

Новый портовый город за Полярным кругом назывался Маккензи-Прайм и смахивал на бывшую промзону. Единственный док длиной шесть километров, утыканный кранами для обслуживания контейнеровозов. Открытие Северного Ледовитого океана для судоходства породило одну из самых необычных зон эпохи атропоцена. Сюда заходили в основном контейнеровозы, переделанные под солнечную энергию и автоматическую навигацию, медлительные, но

надежные. Дальний транспорт с нейтральным показателем углеродной эмиссии — грех жаловаться. И практически некому — местного населения в Арктике мало, на всем побережье Северного Ледовитого океана проживало меньше миллиона человек: инуиты, саамы, атапаски, инупиаки, якуты, русские, американцы, канадцы, скандинавы.

Цвет воды в океане, до северного горизонта свободном ото льда, был желтый — большой шок для новоприбывших. Вид отвратительный — как будто кто-то разлил ядохимикаты, на самом же деле вода поменяла цвет из-за геоинжиниринга, став самым наглядным свидетельством геоинженерной мысли в действии, заодно вызвав вал критики. Однако прогрев океана, лишенного ледяного покрова, сам по себе способен безвозвратно превратить планету в сплошные джунгли. Все модели подтверждали этот вывод, поэтому, согласно протоколам Парижского соглашения, было решено воспрепятствовать этому процессу и выпустить в воду пигмент, поглощающий свет. Желтизна мешает солнечным лучам проникать в толщу воды и даже отражает часть из них обратно в космос. Для окрашивания больших пространств пигмента требуется не так

уж много. Искусственные и натуральные пигменты разлагались за летний сезон постепенно, что позволяло принимать решение о повторной окраске лишь в следующем году. Красители на нефтяной основе были дешевы в производстве, являлись слабыми канцерогенами. Натуральные красители изготовлялись из коры дуба и тутового дерева без использования нефтепродуктов и были немного ядовиты. По мере накопления сведений люди варьировали применение двух видов. Экономия энергии и тепла в плане альбедо была невероятной: альбедо (где единица — это полное отражение, а ноль — полное поглощение) увеличилось с 0,06 для открытой воды до 0,47 для желтой. В космос вернулось колоссальное количество энергии. Соотношение выгоды на единицу затрат невозможно выразить никакими графиками.

Геоинжиниринг эффективен? Да. Уродлив? Несомненно. Опасен? Вероятно.

Необходим? Да. С другой стороны, так постановило международное сообщество на основании системы международных договоров. Еще одно изобретение, еще один эксперимент по управлению экосистемой Земли, тонкой настройке Геи.

Мэри взглянула на жуткое зрелище из гондолы

дирижабля и тяжело вздохнула. Чудной мир. «Зачем вы нас сюда привезли? — спросила она капитана. — Чтобы показать это?»

Арт покачал головой, слегка покоробленный намеком.

— Как всегда, чтобы посмотреть на животных.

Всего пару часов спустя они уже летели над стадом карибу, занимавшим тундру от горизонта до горизонта. Арт признался, что нарочно опустил дирижабль на нужную высоту — примерно 150 метров, — чтобы усилить зрительный эффект. С этого расстояния казалось, что животных миллионы и они заполонили всю планету. Олени мигрировали на запад, выстраиваясь в длинные вереницы, напоминающие вымпелы или ленты, и собираясь в большое стадо всякий раз, когда натыкались на водную преграду. Поразительное зрелище.

На юг, через Гренландию.

По пути попадалось множество других аэростатов. Гигантские автоматические транспорты, круглые «летающие деревни» с кольцами балконов, настоящие воздушные клиперы, движимые парусами и воздушными змеями, обычные монгольфьеры с их привычной радужной раскраской. Никаких правил насчет размеров и формы аэро-

статов пока не существовало. Арт заметил, что дизайн воздушных судов пока еще пребывает в стадии Кембрийского взрыва. Воздухоплавание привлекает многих, пришлось установить коридоры и высоты движения, как в прошлом делали для авиарейсов. Воздушное пространство наполнилось людьми, а следовательно, и бюрократическими рогатками. Главное, что оно свободно от углеродных выбросов.

Мэри все больше прислушивалась к тому, что Арт рассказывал пассажирам или клиентам. Он провел на своем дирижабле бóльшую часть жизни. Мэри прикинула, что ему, должно быть, около шестидесяти, так что время для такой оценки еще не наступило, сказанное больше похоже на заявление о намерениях, чем подведение жизненного итога. Арт ей нравился. Щуплый, угловатое лицо, крючковатый нос, залысины. Потрясающе голубые глаза, аристократический вид, милая застенчивая улыбка. Он напоминал ей Джойса Кэри на фото, которое отец держал на полке вместе с книгами любимого автора. Вопреки званию капитана корабля и главного натуралиста Арт выглядел застенчивым человеком. Редко заводил разговор о чем-то, кроме животных и географии, что естественно для его положения,

однако за все время путешествия Мэри так и не узнала от него никаких личных подробностей, приходилось довольствоваться собственными умозаключениями. Арт однозначно был ирландцем. Однажды Мэри не выдержала и спросила напрямик. Капитан ответил, что родом из Белфаста, отец — протестант, мать — католичка.

«Он неспроста предпочитает небеса», — подумала Мэри. Бежит от общества? Ищет убежище, уединение за облаками? По прошествии лет, видимо, почувствовал себя уж слишком одиноко и решил проводить туры. Такова была теория Мэри. Потом, видимо, решил посвящать в прелести заоблачной жизни других, пассажиры служили для него компанией, играли роль собеседников. Он многое знал и умел рассказать, научить других радостям и очарованию птичьего бытия. Полярная крачка — вот он кто, вечно в перелете с одного полюса на другой и обратно. Налетался в одиночку и пару лет назад нанял в Лондоне координатора мероприятий, который бронировал для него туры и портовые стоянки.

Вылазки на природу, значит. Мэри по-прежнему не отпускали сомнения. Такие путешествия были не в ее духе. Вряд ли она согласится еще раз. Пусть даже остальные пассажиры приятные лю-

ди — норвежцы, китайцы, семья из Шри-Ланки. И все горели желанием увидеть мир с воздуха, особенно животных этого мира.

Земля велика. На их высоте, при их скорости грандиозность планеты проявлялась во всей красе. Масштаб, конечно, дело относительное. Голубая горошина, пылинка в лучах солнца — все это правда, однако с их точки наблюдения Земля выглядела огромной. Если попытаться обойти ее пешком, за всю жизнь не покроешь больше крохотной части. Зато сейчас они парили над ней, как орлы.

— Какие мы дураки, — сказала Мэри однажды вечером Арту.

Он удивленно вскинул брови. Час был поздний, они остались одни в смотровой кабине, все остальные ушли спать. Так уже случалось раз или два, складывалась новая привычка — тайный уговор поболтать наедине.

— Я так не думаю.

— Думаете-думаете. Иначе зачем устраиваете эти полеты?

Арт опять удивился. Мэри поняла, что другие пассажиры такие темы не затрагивают.

— Вас что-то вынудило уйти в небеса? — наседала Мэри.

— А-а… Лучше не будем об этом.

Мэри отступила, почувствовав, что перегнула палку, наткнулась на стену.

— Вы любите красоту, — продолжала она. — Я это вижу. Здесь действительно красиво.

— Это правда, — поспешно согласился Арт. — Сам до сих пор не привыкну.

— Повезло вам.

— Согласен. Особенно сегодня вечером.

Мэри рассмеялась.

Арт был еще достаточно молод и легко краснел. Мэри много раз видела такой тип кожи раньше. Ее бабка отчаянно краснела до девяностолетнего возраста.

После этого вечера привычка укоренилась. Когда все уходили спать, Арт и Мэри задерживались в смотровой кабине пропустить последний стаканчик. Внизу открывался превосходный вид. Стоило притушить свет, как мир под ногами становился различимым. Особенно когда светила луна. В ее свете и земля, и океан обретали мистический вид — блестки отражений, темные силуэты, и те, и другие по-своему неповторимые.

Маленькая смотровая кабина имелась и на макушке большого корпуса между солнечными панелями, что позволяло Арту и пассажирам

смотреть на звезды в безлунном небе. В ранней фазе Луны, когда от нее оставался лишь тонкий серп, Арт водил пассажиров любоваться звездным куполом в верхнюю кабину. Однажды, когда туристы разошлись по каютам, он пригласил посмотреть на новую Луну Мэри. Низко на западе стелился Млечный Путь, над восточным горизонтом восходил Орион, все это страшно далеко от городов, просто невероятно, сколько звезд видно с высоты полутора километров. Небо здесь было совсем другое — первобытное, одушевленное. Арт много знал о созвездиях и стоящих за ними древних мифах. В кабине был установлен телескоп, который поворачивался туда, куда указывал рукой капитан, однако в тот вечер Арт не стал им пользоваться. Он научил Мэри находить галактику невооруженным глазом — вот она, на севере, возле Кассиопеи.

Однако чаще они сидели в «дублерке», как он называл основную смотровую кабину, и смотрели на Землю. В то время, когда они пролетали над Атлантикой, Исландией, Гебридами и, наконец, Ирландией, куда ни она, ни, возможно, Арт не собирались возвращаться, потом над Бискайским заливом, Мэри обычно желала всем спокойной ночи, уходила к себе в каюту воспользоваться

санузлом и, если надо, переодеться, после чего пробиралась по тайной лестнице, которую ей показал Арт, и полученным от него же секретным кодом открывала дверь смотровой кабины на носу, где, кроме них, в этот час никого больше не было.

В один из вечеров внизу проплыли Геркулесовы столбы, обрамляющие вход в Гибралтарский пролив. Небольшие глыбы Гибралтарской скалы и Джебель-Мусы возвышались над черной водой, как часовые. Арт рассказал историю возникновения Средиземного моря. Раньше между Африкой и Европой пролегала сухая низина, потом, когда ледниковый период закончился, а уровень океанов поднялся, воды Атлантики перевалили через препятствие и затопили плоскую равнину. За два года поток в тысячу раз мощнее Амазонки — сорок метров в секунду — прорезал канал глубиной триста метров, вода прибывала до тех пор, пока не заполнила все свободное пространство, выровняв уровень с внешним.

— Когда это произошло?

— Говорят, около пяти миллионов лет назад. О датах до сих пор идут споры.

— И никогда не прекратятся.

Мэри внимательно посмотрела на собеседника.

Арт неожиданно разговорился. Начал рассказывать о конце последнего ледникового периода, пятнадцать тысяч лет назад, когда гигантские озера талой воды на поверхности великого ледяного щита прорвали ледовые запруды и хлынули в океаны чудовищными потоками, изменив климат на всей планете. В это время уровень воды в Средиземном море поднялся достаточно высоко, чтобы вода перевалила через Босфорские холмы и всего за несколько лет образовала Черное море, затопив местность, населенную людьми, что породило миф о Ноевом ковчеге.

Арт тараторил без умолку. Видимо, от нервов. «Может, он сам сухая долина, ждущая наводнения? — подумала Мэри. — А я тогда кто? Атлантический океан? Где мой уровень? Он поднимается? Я сейчас хлыну через край и затоплю собой Арта?»

Угадать невозможно, да и спешить с решениями нет нужды. Они собирались лететь в Антарктиду, а пока еще не добрались даже до экватора. У них было время. Мэри могла со вкусом взвесить новую мысль, примерить к ней разум и тело. Прежде чем вернуться в свою каюту в тот вечер, она быстро нагнулась и чмокнула капитана в макушку.

Миновали Атласские горы и восточную часть Сахеля, где из Атлантики и Средиземного моря качали воду, создавая соленые озера и марши. Соленые озера в пересохших бассейнах? Интересный эксперимент. Положение определенно менялось. В Сахеле заметно сократилось количество пыльных бурь, которые несли песок и пыль из пересохших бассейнов в Атлантику, лишая пищи определенные виды планктона. Неожиданные последствия? Нет. Непредвиденные. Последствия люди научились ожидать, хотя точно предсказать пока не могли.

Пустыня внизу была испещрена вытянутыми озерами. Зелеными, коричневыми, голубыми, синими. Как кошачьи лапки. К берегам и выступам жались маленькие городки. Землю зелеными и желтыми кругами, как вышитым одеялом, покрывали орошаемые поля. «Сообщают, что местная культура переживает новый расцвет, — сказал Арт. — Опросы показали, что местные жители влюблены в новые озера, особенно молодежь. Если бы не озера, то, говорят, уехали бы куда глаза глядят. Земля умирала, ее убивал окружающий мир. Теперь она будет жить».

Наступил красный рассвет, разделенный двумя темными массивами, вздымающимися выше

дирижабля: эфиопское плоскогорье слева, горы Кения и Килиманджаро справа. Пока они проходили по этому коридору, Арт рассказал о первой повести Жюля Верна, принесшей молодому писателю известность, «Пяти неделях на воздушном шаре». А также о более поздних работах — «Таинственном острове» и «Робуре-Завоевателе», где фигурируют путешествия на воздушных судах, как и в «Путешествии вокруг света за восемьдесят дней». Арт упомянул и «Вторжение моря», повествующее о нагнетании морской воды для создания озер в Сахаре, — этот процесс они сами наблюдали всего несколько дней назад. Романы Жюля Верна с детства очаровали Арта, подсказали мысль о содержании жизни. Он выучил французский, чтобы прочесть их в оригинале. Проза Верна намного лучше, чем можно судить по ранним корявым переводам.

— И вот результат, — воскликнул один из пассажиров. — Мы на борту с капитаном Немо!

— Да, — без рисовки сказал Арт. — Однако надеюсь, что я не так же мрачен. — Последнюю фразу он произнес, метнув на Мэри молниеносный взгляд. — Надеюсь, что я больше похож на Паспарту. Тот уживался со всеми без малейших проблем.

С юга нависала серо-зеленая масса пиков Кения и Килиманджаро, одна гора имела абсолютно плоскую макушку, вторая — почти плоскую. Ни там, ни там не было ледников и признаков снежного покрова. Снега Килиманджаро канули в прошлое. На их возвращение можно надеяться только в далеком будущем.

Зато великие равнины Восточной Африки кишели живностью. Да, этот полет — настоящее воздушное сафари. Слоны, жирафы, антилопы большими стадами кочевали от реки к реке. «В некоторые из этих рек воду качают из других мест, — тихо объяснил Арт. — Опресняют морскую воду на побережье и подают по трубам в истоки, чтобы спасти реки от высыхания, а стада от смерти». Засуха продолжалась уже двенадцать лет подряд.

Потом Мадагаскар. Восстановление лесов на большом острове было начато еще прошлым поколением. Жизнь плодородна, склоны холмов за это время обросли густым лесом, выглядели темными дебрями. Арт сказал, что перемены произошли буквально у него на глазах, малагасийцы вместе с кубинцам и жителями других островных стран теперь распространяли свой опыт по всему миру. За их команду играли Индонезия, Бразилия

и западноафриканские страны. «Возврат к дикой природе — вот как они это видят», — сказал Арт.

Вечером, когда Мэри присоединилась к нему в «дублерке», Мадагаскар уже закончился, но в воздухе еще витал аромат пряностей. Арт оглянулся на остров, подобно морскому чудищу выгибающий покрытую ворсистой шерстью спину. Капитан был явно доволен. Некоторое время они потягивали виски, наслаждаясь свойской тишиной. Потом поговорили о других путешествиях Арта. Он расспросил ее о пешем бегстве через Альпы — известной истории из ее профессиональной жизни. Мэри вкратце рассказала про озеро Эшинензее, Томаса и Сибиллу, перевал Фрюнден. «А через Альпы вам летать приходилось?» — поинтересовалась она.

— Пару раз. Слишком трудно. Альпы очень высокие. И погода переменчивая.

— Я влюблена в Альпы. Они стали моей страстью.

Арт взглянул на нее с легкой улыбкой. Робкий ирландец. Этот тип людей был ей знаком и нравился. Ее всегда привлекали мужчины, державшиеся особняком, избегавшие прямых взглядов. В прошлом Артура, возможно, произошло какое-то событие, заставившее его замкнуться в себе. Но ей

все больше нравился «необитаемый остров», на котором он уединился. Точнее, Мэри понимала, почему он нравится Арту. Воздухоплаватель был моложе ее, но достаточно зрел, чтобы находиться во временном пространстве, которое навскидку ощущалось как единое для них обоих.

Мысли промелькнули и исчезли. В остальном Мэри просто смотрела на океан и громадный, постепенно уходящий вдаль остров. И все-таки мысли вели в определенном направлении. Она попыталась пройти по их следам, словно выслеживая дичь. Внутри шевелилось желание. Или скорее любопытство первооткрывателя? Охотничий азарт? Надежда на контакт? Арт прервал ее раздумья, встав и заявив, что устал. Пора идти спать. Он первым пошел к главной галерее, пожелал спокойной ночи и направился к своей каюте.

«Да, не телепат ни разу», — подумала Мэри. В молодости за ней водилась способность притягивать людей телепатически. А может, дело было во внешности, феромонах. Как у животного в течке. В ее возрасте такое больше не случается. Ничего, спешить некуда.

До самого конца путешествия между ними так и не произошло ничего особенного. Иногда ве-

черами они встречались в кабине поболтать, но эффект Мадагаскара не повторялся — они ушли слишком далеко на юг.

Внизу расстилался бескрайний океан, судно забирало в западном направлении, чтобы ветром не сдувало с курса. Противоборство заставляло клипер дрожать и раскачиваться пуще прежнего. Однажды утром, проснувшись, Мэри прошла в смотровую кабину и увидела на юге берег Антарктиды. Все собрались у носового окна. Океан заметно потемнел, стал почти черным, что само по себе выглядело странно и где-то даже зловеще. На юге низкой белой стеной поднималась земля — белое поле в черных крапинах, черней неприветливого океана. Крутой откос из льда и камня тянулся с запада на восток насколько хватало глаз.

Антарктида. Начало осени, минимум льда в море, хотя, когда они продвинулись дальше на юг, повсюду попадались айсберги. Никакой системы — просто куски чего-то белого в черной воде. Изредка попадался айсберг неправильной формы нефритового или бирюзового оттенка. Некоторые из айсбергов были покрыты колониями — или косяками? — крохотных, как точки, пингвинов. В одном месте они увидели стаю гроз-

ных лоснящихся касаток. На плоских айсбергах иногда попадались тюлени Уэдделла, похожие на распластавшихся слизняков. У некоторых к бокам присосались слизняки поменьше. Мамаши с детьми. Братья и сестры, здравствующие на льду. Если они, конечно, здравствуют.

Потом пошла собственно Антарктида — белая, зловещая Ледяная планета.

Нереально увидеть посреди ледяной пустыни шесть гигантских авианосцев, выстроенных шестиугольником, точно союз городов-государств, окруженных сателлитами, судами поменьше — ледоколами, буксирами и еще какими-то, слишком маленькими, чтобы рассмотреть.

Очевидно, из авианосцев с их ядерными силовыми установками и в тысячу раз большим весом, чем у ледоколов, получались хорошие полярные станции. Морской лед такому чудищу, ледоколу от бога, не преграда, оно могло уплыть в любую минуту, но никуда не уплывало. Вместо этого авианосцы поставили на якорь у побережья Антарктиды, превратив в плавучие жилые городки и базы снабжения различных стойбищ в глубине континента — все переброски с побережья вглубь делались по воздуху.

Дирижабль проплыл над городом авианосцев

и приземлился на снежную поверхность твердой суши. Пассажиры вышли из клипера на снег. Слепит, морозит, но не холоднее, чем в ветреный зимний день в Цюрихе.

Кругом — обтянутые материей домики, коробки с синими стеклами. Начальство стоянки с радостью приветствовало Мэри, чествуя ее как заступницу, что ее рассмешило. С капитаном Артом, нередким гостем в этих краях, они тоже были хорошо знакомы.

Операция по торможению ледника увенчалась успехом. Движение ледяных полей замедлилось. Все это невозможно было бы сделать без поддержки военного флота. Авианосцы сыграли роль передвижных поселений. Огромные суммы денег, потраченные на их строительство, не пропали впустую. Мечи на орала, так сказать.

— Это по-швейцарски, — одобрила Мэри. — А насосную станцию покажете?

— Разумеется. План посещения уже составлен. Это наша достопримечательность.

Все пассажиры Арта поместились в одном углу гигантского вертолета. Надели шлемы, расселись вдоль борта с маленькими иллюминаторами, и вверх! Не так, как на клипере, — быстро. Потом долго летели над однообразной белой равниной,

Мэри слушала, как пилот и экипаж буровой что-то обсуждают на непонятном языке. Черная вода скрылась позади.

— Почему океан здесь такой черный? — спросила она в микрофон шлема.

— Никто не знает.

— Мне кто-то говорил, что вода в этих местах такая чистая, а дно так глубоко, причем прямо у берега, что видно самую темную часть океана, куда не достают солнечные лучи. Исключительная чистота воды позволяет заглянуть в бездну.

— Правда?

— А еще я слышала, что планктон здесь черный, из-за него и вода черная.

— В некоторые дни она такая же синяя, как везде.

— Что вы говорите!

Вертолет начал снижаться. Снег или лед — куда ни глянь. И вдруг россыпь черных точек. От точек порванной паутиной тянулись черные нити. Эти точки и нити не позволяли цивилизации ухнуть в пропасть.

— И много здесь таких станций?

— Пять или шесть сотен.

— А в пересчете на людей?

— Большинство станций автоматические. Ре-

монтно-эксплуатационные группы прилетают по надобности. В их составе есть коменданты, но в основном — строительные рабочие. Летают туда, где что-то надо поправить. Трудно сказать… двадцать тысяч? Численность все время колеблется. Пять лет назад было больше.

Вертолет сделал плотную посадку. Пассажиры отстегнули ремни, неуклюже встали с мест и потянулись по узкому проходу между сиденьями и стенками к ведущему на лед металлическому трапу.

Холод. Яркий свет. Ветер. Холод.

Свет солнца проникал за солнечные очки, слепил глаза. По стеклу очков потекли слезы и там замерзли. Мэри пыталась смотреть поверх этого препятствия. Отчаянно моргая, она проследовала за группой к главной будке стоянки, похожей на голубенький жилой прицеп на сваях.

— Погодите, я хочу немного побыть на улице, посмотреть вокруг, — взмолилась она.

От группы хозяев отделилась пара человек, подвели ее к насосу, находившемуся в отдельной будке с отоплением. Довольно слабым, как она заметила, увидев ледяной пол. Черный корпус насоса утопал в нем. Вот что спасло цивилизацию — какие-то трубы.

Они вышли наружу и поднялись вдоль трубопровода по едва заметному склону. Трубы, соединявшие одну черную будку с другой, были проложены прямо на поверхности льда. Мэри остановилась и посмотрела вокруг. Снег напоминал ей озеро, в одну секунду замерзшее со всеми волнами. Сверкающее в лучах солнца. Провожатые объясняли, что к чему. Ее радовал их энтузиазм. Людям нравилось здесь работать не потому, что они считали себя спасителями мира, а потому что здесь Антарктида. «Если ты ее однажды полюбил, — сказал один из них, — то будешь любить до конца. Антарктида цепляет, после нее ничего не мило».

Белая равнина под голубым шатром. До перистых облачков над головой, кажись, можно достать рукой.

— Здесь как на другой планете, — сказала Мэри.

— Да. На самом деле это тоже Земля.

— Спасибо. Теперь я готова вернуться. Я рада, что увидела Антарктиду своими глазами, это потрясающе. Спасибо за то, что вы мне ее показали. Пора возвращаться назад.

«Потому как у меня тоже есть свое любимое место», — мысленно добавила Мэри.

Они сделали перелет на север через Атлантику к островам Св. Елены и Вознесения. Прежде чем Арт высадил Мэри в Лиссабоне, где она должна была сесть на поезд, они в последний раз встретились в «дублерке». Мэри и Арт сидели на своих любимых местах, потягивая виски из бокалов. Мэри спросила: «Мы еще когда-нибудь увидимся?»

Арт немного растерялся.

— Надеюсь!

Мэри смерила его взглядом. Ему стало неловко. Не все звери общительны.

— Почему вы этим занимаетесь?

— Мне нравится.

— А что вы делаете на земле?

— Пополняю припасы.

— У вас есть на примете места, где вы предпочли бы погулять пешком?

Арт немного подумал.

— Мне нравится Венеция. И Лондон. Нью-Йорк. Гонконг, когда не очень жарко.

Несколько минут Мэри не отводила взгляд. Арт потупился, явно испытывая неудобство. Наконец произнес: «Мне здесь лучше. Я люблю людей неба. В летающих деревнях бывает очень весело. Мне нравится их вид. Вы не читали «Двадцать один воздушный шар»? Это старая детская книжка о

поселке в небесах».

— Как у вашего любимого Жюля Верна.

— Да, только для детей.

«Верн тоже для детей», — подумала Мэри, но вслух не сказала.

— Я прочитал ее, когда мне еще пяти не было. По правде говоря, ее мне читала мама.

— Она еще жива?

— Нет, умерла пять лет назад.

— Очень сожалею.

— А ваша жива?

— Нет, оба моих родителя умерли молодыми.

Они еще немного посидели. Мэри заметила, что Арт расстроен. Послав подальше новомодные методы диагностики отношений, она решила, что, похоже, понравилась Арту. Да, он тихоня. Да, робкий. На людях играет роль бравого капитана — жить-то как-то надо.

Мэри была отнюдь не тихоня и не робкого десятка. Любила командовать, в любой дырке затычка, как однажды охарактеризовал ее учитель в школе, и это правда. Поэтому насчет Арта можно лишь строить догадки. А что, с кем-то другим бывает иначе? Ей казалось, что они подходят друг другу. С ним так покойно, когда он молчит. Как будто его все устраивает. Ее далеко не все устраи-

вало. Она ни разу в жизни не встречала человека, которого бы все устраивало, — может, еще поэтому такого человека трудно распознать? Не исключено, что она ошибается. Людей, которых все устраивает, не бывает. Просто она додумывает за него невысказанное. И что дальше? Ох, как все запутано, какая-то трясина из догадок и ощущений.

— Вы мне нравитесь, — заявила Мэри. — А я нравлюсь вам.

— Верно, — твердо ответил Арт и тут же взмахнул рукой, словно отгоняя фразу прочь. — Я не хотел навязываться.

— Прошу вас. Ведь я скоро уйду.

— Это так.

— И?

— Что и?

Мэри вздохнула. Придется всю работу выполнять самой.

— Может быть, встретимся еще?

— Я был бы рад.

Мэри взяла паузу, наблюдая за Артом и мысленно подталкивая его к ответу.

— Вы могли бы отправиться со мной в еще один полет, — предложил он. — Стать моей звездой, гидом. Мы могли бы устроить тур по всем глав-

ным местам с восстановленным ландшафтом, обзор геоинженерных проектов.

— Свят-свят.

Арт рассмеялся.

— Или что захотите. Тур по любимым городам. Будете куратором или как это называют.

— Я предпочла бы более близкие отношения.

Брови Арта поползли вверх. Похоже, такая мысль ему в голову не приходила.

Мэри вздохнула.

— Я еще подумаю. Одной вылазки на природу с меня пока хватит. Может, появятся какие-нибудь новые задумки.

Арт набрал в легкие воздуха, задержал и медленно выдохнул. Теперь у него действительно был вид человека, которого все устраивает. Он твердо посмотрел Мэри в глаза, улыбнулся.

— Я всегда возвращаюсь в Цюрих. У меня там есть комната.

Мэри задумчиво кивнула. Чтобы сблизиться с этим мужчиной, потребуются годы. Что бы еще такого предпринять?

— Мне хотелось бы, чтобы вы были поразговорчивее, — предупредила она. — Я хочу узнать о вас побольше.

— Постараюсь. У меня найдется что рассказать.

Мэри усмехнулась, опрокинула в себя остатки виски. Час был уже поздний.

— Отлично. — Встав, Мэри, не обращая внимания на его попытку уклониться, поцеловала Арта в темя. — Скажите, когда вас ждать в городе, и мы встретимся. Близится канун великого поста в конце зимы, мне нравится этот карнавал. Вместе погуляем по городу.

Арт нахмурился.

— Я в этом месяце снова улетаю. Не уверен, что успею вернуться.

Мэри подавила еще один вздох и желание сказать резкость. Процесс не обещал быть скорым или хотя бы гладким.

— Там увидим, — сказала она. — А сейчас я иду спать.

103

Кто это устроил, похоже, осталось загадкой. Кто бы ни был, он или они не стали светиться — мол, пусть все выглядит будто случилось само собой. Эдакое порождение «духа времени». Может, и так. В конце концов, мы все приложили к этому руку. Так, по крайней мере, ощущалось. Миллиарда три, ткнув пальцем в телефон, сделались участниками события.

Оно было похоже на встречу Нового года в Нью-Йорке с той разницей, что происходило повсюду в мире. В Северном полушарии — в день весеннего равноденствия типа Новруза или Пасхи. Событие важно было провести синхронно, чтобы почувствовать связь со всеми в мире, эдакие флюиды. Kulike на гавайском наречии означает «гармония». Еще есть la ʻolu'olu — день гармонии. Пробудить ноосферу единовременными мыслями в рассрочку не получится, такие вещи делаются одновременно. В итоге мы на Гавайях вытянули короткую спичку. Время события было задано жестко, то есть кто-то за этим все же следил. В Азии момент пришелся на глубокую

ночь, в Западной Европе — на полдень, в Америке — на разные утренние часы вплоть до рассвета на Западном побережье. У нас на Гавайях часы, кажется, показывали три утра. Что ж — еще один повод не ложиться спать и тусить всю ночь. Надо признать, что и посреди ночи у нас тепло и уютно, можно подняться на Даймонд-Хед и продолжать тусу с видом на океан. Луна в ту ночь была полная — я уверен, что это не совпадение. Лафа, короче. В летнем театре у подножия горы всю ночь играли музыканты, мы сидели на краю, болтали, выпивали, глазели на океан при свете луны, с юга шла приличная волна, многие собирались с рассветом пойти на Пойнт-Паник, покататься на доске. Отличная концовка для такого события — погружение в прародину, Океан, из которого мы все вышли.

Когда наступил условный час, мы стали слушать голоса в телефоне. Мы — дети планеты, все вместе пропоем ей хвалу, все как один, настало время выразить нашу любовь, взять на себя ответственность хранителей Земли, ревнителей святыни, одна планета, планета едина и так далее в том же духе. Чувствовалось, что оригинальный текст составлялся на каком-то другом языке, а мы слушали английский перевод. Кстати, можно бы-

ло нажать кнопку на экране и прослушать текст на разных языках. Гупта упрямо выбрал санскрит, хотя сам говорил, что не понимает устный язык, но читать он умел, а потому утверждал, что текст изначально был написан или придуман на санскрите, возможно, тысячелетия назад, и что версия на санскрите звучала как первозданный язык. Мне стало любопытно, я начал щелкать и нашел вариант на протоиндоевропейском, почему бы и нет? Он похож на испанский. Потом перешел на баскский — говорят, это живой ископаемый язык, но он тоже звучал как испанский. Правда, и тот, и другой какие-то странные, звуки намного старше испанских, древние гортанные ноты. На какой бы язык я ни переключался, повсюду слышал «мама Гея». Разумеется, «мама» — одно из самых древних слов, возможно, даже самое первое придуманное слово, когда маленькие дети старались что-то сказать, но выговаривать еще не могли, поэтому повторяли одно и то же, чтобы задобрить или поблагодарить великую благость, маячившую у них перед носом, рог изобилия, источник тепла, прикосновений, любви и зрительного контакта — маму. Я в тот вечер даже всплакнул, впервые увидев общую связь всего со всем. Конечно, присваивать плане-

те половые признаки неправильно, но мы в тот вечер опьянели от всемирного праздника любви, все пели, ликовали, улюлюкали, словно оседлали большую волну, и я вместе со всеми кричал: «Мамма миа! Мамма миа!» У людей первое слово всегда «мой», «моя», «меня» — мне, мне, мне! Благослови Бог итальянцев и всех, кто говорит на романских языках, за то, что зацепились за первичную фразу, одинаковую для всех языков, я проверял на прото-индоевропейском — там то же самое: мамма мия! мамма миа! Гениальный язык.

Да, я немного опьянел, поймал кайф. Голова закружилась. Подумать только: глобальный момент, в который все разумные существа, услышавшие о проекте, совместно воздают хвалу планете под нашими ногами, ноосфере, рожденной безграничной, многогранной биосферой, стоя на литосфере, наблюдая перед собой гидросферу и дыша атмосферой. Грандиозно. Однако малость абстрактно, нет? Трудно разобраться в ощущениях. Попытка не пытка. Я лингвист и всегда пытаюсь подобрать нужные слова, но одних слов мало, я все перепробовал, пил как все, смотрел в лица людей на вершине, все очень старались проникнуться, понимая, что происходит

нечто необыкновенное, поэтому некоторые вдруг залаяли и завыли, другие немедленно подхватили — чем не момент повыть на луну, как стая волков. Вой — великолепный язык. К тому же мы от волков недалеко ушли. Мы их приручили, превратив в собак, а собаки превратили в людей нас, до этого мы скорее были орангутангами, одиночками, не умевшими работать сообща, это волки научили нас, привили нам идею дружбы и сотрудничества. Поэтому мы выли на луну, обнимали рядом стоящих, если они не уклонялись от объятий, и собак, смотрели во все лица, такие живые и настоящие, я все время повторял: «Мамма миа». Люди так часто делают, когда охвачены восторгом. Еще я по привычке обнимал Грейси. Мы счастливы вдвоем.

Все это продолжалось около пятнадцати минут. Потом мы успокоились. Настало время спуститься с горы и танцевать под музыку остаток ночи. Правильно ли мы все сделали? Связались ли с каждым разумным существом на планете, породили новую религию Земли, которая все изменит? Получилось ли у нас стать братьями и сестрами, единой семьей, чье появление нам предсказали? Кто его знает. Мы пели как жаворонки. Прекрасные птички, жаворонки. Все эти

птичьи и звериные прозвища, которыми мы обозначаем свои действия и состояния души, вполне к месту. Все мы одна семья, как говорит новая религия, любое живое существо на Земле имеет те же основные 938 пар ДНК, так что это не фикция. Что ж, мы спустились и танцевали до утра, пьяные от счастья. Когда небо посветлело и приблизился рассвет, мы разошлись по домам или кому куда надо было в тот день, музыканты играли попурри братана Изи, Израэля Камакавивооле: «Somewhere Over the Rainbow», «What a Wonderful World», душещипательные гавайские шлягеры, которые мы напевали, расходясь по домам, не в силах остановиться потом весь день. Потом я читал, что людей по-настоящему проняло в момент, когда все в мире запели одну и ту же песнь любви и преданности, как будто через тебя пропустили легкий электрический ток. Должен признаться, что сам я в тот момент ничего подобного не почувствовал, наверное, был слишком пьян, или меня слишком отвлекала рука Грейси у меня на заду. Утром на Пойнт-Паник я поймал самую длинную в своей жизни левую волну, непрерывно напевая в уме мелодию братана Изи, — воистину, как прекрасен этот мир. Выскочил из-под гребня волны до то-

го, как она закрылась, перескочил через нее в воздухе, зависнув в невесомости посреди сдуваемой ветром пены, не видя радуги над прибоем, потому что сам был внутри нее. Вот тут-то меня и проняло. Чувство явилось не по команде и не по графику, благодать так не делает, она целует тебя в неожиданный момент, почти случайно, но чтобы принять ее, нужно открыться, может, так со мной и случилось, с небольшим запозданием после священной церемонии. Может, все дело в скольжении по волне, как бы то ни было, ощущение пришло именно в тот момент, когда я завис в воздухе и, громко хохоча, шлепнул доской о пенистый шипящий задний скат волны. Получилось! Мамма миа!

104

По возвращении в Цюрих Мэри с ходу заявила, что на тайной квартире больше жить не намерена. Выход на пенсию отменял нужду в охране, смысла занимать надежную квартиру, которая, возможно, пригодится другим, не было никакого. И далее в таком же духе. С ней не спорили.

Власти не хотели, чтобы она возвращалась в старую квартиру на Хохштрассе, да и сама Мэри не хотела. Выцветший голубой многоквартирный дом стал частью прошлого, которого не вернуть. Пора сменить обстановку. К тому же у нее зародилась одна идейка. По всему Цюриху повылезали жилищные кооперативы. Мэри не устраивало жить в том же самом, где находилась бывшая комната Фрэнка, — она тоже часть прошлого. Кроме того, в этом же доме жил Арт. Короче, вариант не устраивал ее по многим причинам. В Цюрихе было много других кооперативов. Как оказалось, целая прорва. Некоторое время она только и делала, что выбирала.

Поездив по городу, Мэри сделала вывод, что ей больше нравится свой район. Он назывался Флун-

терн и был расположен в нижней части склона Цюрихберга. Ей здесь нравилось. Район создавал ощущение родных мест. Не самое главное, однако он к тому же находился недалеко от купальни Утоквай. Эта часть города ей тоже нравилась. Мэри ограничила поиски этими двумя районами и промежутком между ними, они находились по соседству. Хотя по соседству был весь город.

Отдельные кооперативы ее вполне устраивали, однако большинство она отвергла — почти везде пришлось бы долго ждать попадания в верхнюю часть списка кандидатов. Чем дольше шли поиски, тем больше она убеждалась, что не найдет ничего лучше своей бывшей квартиры. Но возвращаться к старому нельзя.

Наконец подвернулся вариант: Бадим узнал, что Мэри ищет квартиру, и подсуетился. Одна из сотрудниц министерства возвращалась в Тичино ухаживать за больным отцом. Услышав, что Мэри ищет жилье, женщина предложила ей занять свою квартиру. Заселиться можно было без лишних формальностей — на правах субаренды. Жилкомитет выслушал просьбу и решил, что иметь в числе жильцов Мэри Мерфи неплохая идея. Всего несколько кварталов от бывшей квартиры Мэри, южнее хорошо знакомой трамвайной остановки

«Церковь Флунтерн» кооператив отхватил клин на нестандартном перекрестке Бергштрассе и еще двух улиц. Небольшой двадцатиквартирный дом в четыре этажа, ухоженный, как все здания Цюриха. Вид портила только старая развалина напротив следующей после «Церкви Флунтерн» трамвайной остановки. Развалина считалась каким-то местным туристическим объектом.

Женщина, оставляющая Мэри свою квартиру, встретила ее на пороге.

— Труди Маджиоре, — представилась она.

— Мэри, — ответила Мэри, пожимая протянутую руку. — Я помню вас по министерству.

Хозяйка квартиры кивнула.

— Я работала в другом корпусе, но часто вела протокол для Бадима на встречах, которые вы проводили. Сидела у стены с другими референтами. И ездила вместе с вами в Индию.

— Ах, да. Припоминаю.

Труди провела Мэри по широким лестничным ступеням наверх. Отперла ключом квартиру на последнем этаже. «Здесь раньше был чердак, — объяснила она. — Надеюсь, вы не против. Привыкнете».

Мэри с порога поняла: чердак был маленький, с низким потолком. Комната была втиснута под

кровельную балку, и выпрямиться во весь рост удавалось только под створом крыши. Крыша по правую и левую стороны от центральной балки опускалась до высоты шестьдесят сантиметров. На левой стороне внутрь комнаты вдавалась стена с дверью, ведущей в санузел. Косой потолок в санузле упирался в такую же низкую стенку. Разумеется, внутри все сияло чистотой, как и подобает швейцарскому туалету, но, как и все остальное пространство, потолок в нем был на голову ниже среднего человеческого роста. Унитаз находился за раковиной — для женщины сойдет, но если перед ним стоять, то пришлось бы согнуться в три погибели.

— Я согласна, — сказала Мэри. — Забавная квартира.

— Мне тоже нравится, — с довольным видом ответила Труди. — Жаль, что приходится уезжать. Зато я рада, что в ней будете жить вы. Я восторгаюсь вашими достижениями.

— Спасибо.

Мэри прошлась туда и обратно вдоль осевой линии. За санузлом комната вновь расширялась влево, там находилась постель — прямо на полу. Лечь на нее было проще, если сначала присесть на маленький стульчик рядом и уже с него плюх-

нуться прямо на ложе. Когда ты уже в постели, высота потолка не играет роли, если только вдруг не вскочишь на ноги спросонок.

Кухня примыкала к стене у входной двери — не более чем стол с раковиной, слева — плита и холодильник-коротышка. Никаких излишеств.

— Я определенно согласна, — сказала Мэри. — Квартира мне нравится.

— Мне тоже.

После этого они пошли в соседскую булочную выпить кофе и немного рассказали друг другу о себе. Труди смотрела на нее с любопытством, словно пыталась увязать настоящую Мэри с обликом министра, которую знала по работе. Мэри подавила внутренний импульс исповедоваться.

Итак, место для нее нашлось. Швейцарские телохранители помогли с переездом и заодно проверили комнату. Приска и Сибилла скорчили скептическую мину. Томаса и Юрга квартира позабавила.

Устроившись на новом месте, Мэри попыталась завести новый ежедневный ритм. В министерство она больше не ходила, не хотела мешать. Сначала она надеялась, что ее позовут помогать в каком-либо свойстве, но, побывав на встрече в Сан-Франциско, поняла, что ничем помочь уже

не сможет. Успехов она в основном добивалась за счет авторитета должности. Мысль действовала отрезвляюще, но от этого не теряла правдивости. После превращения в рядовую гражданку она вряд ли чем-то могла помочь бывшим коллегам, да и кому бы то ни было вообще.

Ну, по крайней мере, можно вернуть старые привычки: ранний подъем, спуск на трамвае до Утоквая, пешая прогулка до купальни, раздевалка, купальник, воздушный поцелуй воображаемой красавице Татьяне — боль утраты так и не прошла, ее каждый раз приходилось закупоривать по-новому, — потом холод железных ступенек (вода — брр!) и заплыв. Возможно, если о мертвых помнить, это поможет им немножечко зацепиться за жизнь. Озеро Цюрихзее — синее, спокойное, холодное, атласное. Мэри отплывала вольным стилем подальше, разворачивалась и смотрела на берег, потом несколько кругов брассом, чтобы рассмотреть весь город — низкий и далекий. Озеро было широким. Накопив сил, она к концу лета могла бы сделать заплыв группе на другой берег — испытать себя. Плавать посреди озера так здорово. Жаль только, что привычку можно поддерживать лишь с мая или июня до конца октября. В остальные месяцы и воздух, и

вода слишком холодны. Зато летом нет лучше способа начать день.

Потом обратно в квартиру, общий обед в коммуналке, беседы с людьми, если они к тому расположены. Главное, не навязываться со своим английским, в основном все болтали на певучем и одновременно гортанном швейцарском диалекте немецкого, отчего в беседах она участвовала редко. Ей нравилось присутствовать в разговоре, не принимая в нем участия, это успокаивало. Мэри ощущала, как расслабленное после плавания тело кошкой сворачивалось в кресле, ей было достаточно просто находиться среди других людей, не вникая в смысл бесед.

Чуть позже, в том же году, она стала захаживать в агентство ООН по делам беженцев. Их штаб-квартира находилась в Женеве, в Цюрихе был лишь маленький офис. Выдача паспортов ООН, закрытие или, вернее, открытие лагерей, отправка людей создавали много работы. Естественно, швейцарцы хотели закончить процесс побыстрее, поэтому, когда Мэри явилась в цюрихский офис, они были рады дать ей занятие. Ей даже предложили использовать свой авторитет для привлечения большего числа добровольцев. Мэри согласилась, но лишь на условии, что бу-

дет выполнять работу наравне со всеми. Работа поблизости от дома вдобавок сокращала личный выброс углерода — такую задачу она себе тоже поставила.

Практически все жильцы кооператива являлись членами «Общества 2000 ватт», сохранять малый углеродный след было не так уж трудно. Общие обеды состояли как правило из вегетарианских блюд, кооператоры подсчитывали все на свете, Мэри без труда вела личный учет и всегда могла получить ответ на свои вопросы. Жизнь в Цюрихе, путешествия по Швейцарии, Европе и даже вокруг света — у них на все имелись просчитанные ставки расхода энергии и выбросов углерода, причем последние постоянно снижались, особенно если не выезжать за пределы Швейцарии и пользоваться общественным транспортом. На всех жильцов дома приходился лишь один электрокар, им пользовались поочередно, в списке нередко, хотя и не всегда, не значилось ни одной фамилии. Большинство участников кооператива довольно часто путешествовали по Европе, но все равно стремились к тому, чтобы в конце года количество потраченной энергии не превышало лимит, установленный «Обществом 2000 ватт». К этой цели приближалась вся страна,

становясь примером для остального мира. Соседи Мэри были уверены, что другие страны захотят пойти тем же путем.

Мэри сомневалась, но не спорила. Она попросту жила своей жизнью. Быстро укоренились новые привычки, ежедневная рутина. Неделя проходила в попытках разобраться, что нравится, а что нет, как лучше помочь УВКБ, и прочих заботах. День за днем, неделя за неделей. Ей прежде не приходилось погружаться в швейцарский дух с такой полнотой. Прежде она была международным деятелем с международным образом жизни. Теперь — иностранкой, рядовой жительницей Цюриха.

Прочувствовав эту разницу, Мэри добавила в свое расписание уроки немецкого. Городские власти предлагали бесплатные языковые курсы, на которые подписывались люди, прибывшие из разных уголков мира. Мэри записалась на вечерний курс по соседству, проводившийся по понедельникам. Немецкий язык был коварен, а преподаватель добр — Оскар Пфеннингер, седой мужчина, поживший в Японии и Корее, владевший многими языками, в том числе английским, но отказывавшийся общаться на них с учениками во время занятий. На уроках — только немецкий.

Заплутав в ошибках во время урока, учащиеся после занятий покупали пиццу и говорили между собой по-английски. Через несколько месяцев начали пробовать вести такие беседы уже на немецком — застенчиво, с шутками и смехом. Выяснилось, что язык все учили для того, чтобы лучше встроиться в швейцарскую жизнь.

Дни стали короче, воздух — холоднее. Листья на липах пожелтели, западный ветер уносил их прочь. Клены на аллеях, ведущих к технической школе, вспыхнули алым пламенем, как газовые горелки. Вид с макушки Цюрихберга становился отчетливее по мере того, как деревья теряли листву, а холодный воздух освобождался от летнего марева. Мэри делала прогулки на закате, неторопливо поднималась на холм, бродила по тропинкам, потом спускалась вниз, в зависимости от настроения — круто вниз или петляя по склону. Обнаженная бетонная женщина, поддерживающая кольца садового шланга, стоически выдерживала любую погоду. Мэри нравилась ее неуступчивость. «Я тоже буду бетонной», — шептала она, проходя мимо статуи.

Год подошел к концу. Миновали Рождество и Новый год, Мэри не поехала в Ирландию и ни о чем не задумывалась. Министерство приглаша-

ло ее на свои праздничные вечеринки, она не отказалась.

На одной из них Мэри вышла с Бадимом на балкон. Положив локти на перила, они смотрели вниз на городские огни.

— Как идут дела? — спросила она.

Бадим немного подумал.

— Пожалуй, довольно хорошо.

— Мне понравился День Геи.

— Это не наша заслуга, — усмехнулся Бадим. — Но мне он тоже понравился. Где ты была в это время?

— На озере, плавала со знакомыми по клубу. Мы взялись за руки и образовали круг.

— Прониклась значимостью момента?

— Нет. Было слишком холодно.

— И я тоже. Но людям, похоже, понравилось. Затею стоило поддержать. Я по-прежнему считаю, что нам нужна новая религия. Если это чувство станет универсальным, все возможно.

— Польза налицо. Не сомневаюсь, что ты продолжаешь работать в этом направлении.

– *Мы* продолжаем. Но такое невозможно внедрить извне.

Мэри с любопытством взглянула на бывшего коллегу. Даже теперь она мало чего о нем знала.

Родился и вырос в Непале. Недавно до нее дошли слухи — не напрямик, а из интернета, — будто на Министерство будущего работают тысячи человек, ведут безжалостную войну против углеродных олигархов, убивают их сотнями, чтобы склонить чашу весов истории в нужную сторону. Глупости, конечно, однако народу такие байки нравятся. Сама мысль о том, что уничтожение планеты происходило у всех на глазах посреди бела дня и что история человечества, очевидно, вышла из-под контроля, была настолько чудовищной, что люди верили в необходимость тайных заговоров и акций без свидетелей. Разумеется, не все в этих слухах было неправдой. У Бадима был вид человека, от которого стыла кровь в жилах, тайный отдел проглотил немало денежных средств без каких-либо объяснений с его стороны.

— У тебя самого есть человек, каким для меня был ты? — полюбопытствовала Мэри.

Бадим заглянул через перила на голые липовые ветки.

— Тот, кто выполняет для меня грязную работу?

— Да.

Бадим усмехнулся.

— Нет. Мне никто не верит настолько, насколько верила ты. Ума не приложу, как у тебя это получалось.

— Я и сама не знаю. Честно говоря, ты меня вынудил. Согласен? Что мне еще оставалось делать?

— Ты могла бы меня выгнать.

— Такой вариант я даже не рассматривала. Не считай меня дурой.

Бадим опять хмыкнул.

— Или тебя обвели вокруг пальца.

— Я так не считаю. А вот у тебя теперь, кая я понимаю, есть серьезная проблема. Тебе нужен человек, на кого ты бы мог положиться.

— Да, проблема. Хотя как знать? Может, нужда перестала быть такой уж острой? Или мне самому заниматься и тем, и другим, так чтобы правая рука не знала, что делает левая?

— Вряд ли такое возможно, — покачала головой Мэри.

— Пожалуй.

— А что твоя группа? Ну, та, что занималась темными делами? Среди них не найдется человека, способного выполнять твою бывшую работу?

— Может, и найдется. Надо подумать. Я не уверен. Теперь я вижу: то, чем занималась ты,

намного труднее, чем мне тогда казалось.

— О чем ты?

— О доверии ко мне.

Мэри внимательно посмотрела на собеседника. Не кривит ли он душой? Пожалуй, не кривит.

— Иногда просто нет выбора, — ответила она. — Приходится прыгать с обрыва. Сначала прыгать, а изобретать парашют уже на лету.

— Или расправлять крылья.

Мэри с сомнением кивнула. Люди все-таки не птицы.

— Если понадобится моя помощь — сообщи.

— Обязательно. — В то же время Бадим едва заметно покачал головой. Ему никто не в состоянии помочь. Ни в этом, ни во многих других вопросах.

Они вернулись в зал. Пересекая порог балкона, Бадим тронул ее за руку.

— Спасибо, Мэри.

105

После выдачи паспортов мы заполнили какие-то анкеты, потом опять ждали. Последние дни тянулись страшно медленно. Наконец удача — наши фамилии появились в одном из списков — кантона Берн, где мы, собственно, все это время и жили. Нас пригласили переехать в Кандерштег, поселок в Оберланде со станцией железной дороги, чья ветка проходит через тоннель, прорытый в горах на юг от Вале. Говорят, место очень тихое. Местная глубинка. На время нам выделили номера в хостеле, квартиры уже строились. Мы ответили «да» — моя дочь, ее муж и двое отпрысков.

После заселения в хостел нас занесли в список на строящееся жилье. Кандерштег оказался типичной швейцарской деревней, какие показывают в кино. Все равно хорошо. Лучше, чем в Сирии. В той же гостинице поселились семьи из Иордании, Ирана, Ливии, Сомали и Мавритании. Мы с ними здоровались, но в знакомые не навязывались.

Разумеется, все слышали о ШНП, Швейцар-

ской народной партии. В горных кантонах их поддерживают и не любят иммигрантов. Если работники Ведомства по делам иностранцев и ГСМ, Государственного секретариата по миграции мало чем помогали и подчас вели себя недружелюбно, то ШНП была настроена откровенно враждебно. Лучше не светиться. То есть не устраивать сборища с другими беженцами и не пугать местных темным цветом нашей кожи и странной внешностью. Unheimlich[23] — мы хорошо выучили это немецкое слово. На первых порах встречаться лучше в частном порядке.

Наступил день, когда я наконец ступила за порог хостела. Со всех сторон — зеленые альпийские луга, выше которых подпирают небо серые скалы. Словно стоишь на полу здоровенной комнаты без потолка или на дне колодца. По дренажному каналу прямо через поселок с веселым звоном бежит ручей. Воздух чист и прохладен, солнечные лучи перекрасили горы в сочный желтый цвет. Реальный дом, несмотря на нереальный вид. И он нас принял. После двенадцати лет в турецком лагере, двух лет скитаний в попытке попасть в Германию — сумасшедшего,

[23] Примечания: 23
Жутко, дико (*нем.*).

очень тяжелого периода — и четырнадцати лет в швейцарском лагере севернее Берна мы наконец-то обрели дом.

Между тем мне исполнился семьдесят один год. Моя жизнь прошла. Не могу сказать, что зря — это неправда. Мы заботились друг о друге, учили детей. Они получили в лагере неплохое образование. Обходились тем немногим, что у нас было. Устраивали свою жизнь, как получалось.

И вот новый дом. ГСМ выплатил единовременное пособие, зависящее от продолжительности жизни в лагере. Мы прожили в нем немало лет, сумма набежала приличная. Сбросились с иорданской семьей и сняли пустующее помещение в доме на главной улице между железнодорожной станцией и конечной остановкой канатной дороги. Там раньше была пекарня, поэтому помещение было нетрудно переделать в небольшое кафе. Нам предложили назвать его «Ближний Восток». Сначала шаурма, фалафель и прочее, с чем местные уже знакомы, потом, когда побывают у нас, мы собирались предложить блюда поинтереснее. Шесть столиков — больше не потянем. Возможность казалась реальной, хотелось посмотреть, что из этого получится. Ладно, кого я обманываю? Мы просто сгорали от нетерпения.

Конечно, я уже стара, но это состояние может отменить только смерть. Пока что у меня есть сегодняшний день и еще немного дней в придачу. Все, что было раньше, происходило будто не со мной, а с кем-то другим. Это как воспоминание о другой инкарнации. И о другом доме. Когда я покидала Дамаск, то посмотрела по сторонам и мысленно пообещала себе однажды вернуться. Дамаск не похож ни на один город мира, он стар, столицы древнее его на Земле нет, и это сразу чувствуется, улицы по ночам пахнут прошлым. Когда нас выпустили из лагеря, у меня появилась возможность вернуться. Я даже билет на самолет приобрела. Ехала в Клотен и думала: взгляну хоть одним глазком. Семья ехать не пожелала, а мне очень хотелось. Уже в Клотене произошло нечто странное — какой-то срыв. Кто это тут собрался возвращаться и для чего? Я попыталась сложить вместе все кусочки моей жизни, и у меня ничего не вышло. Получалось, что вернуться мечтал кто-то другой, а не я, либо прежняя я, кем я уже перестала быть. Жизнь в лагере день за похожим днем по крупице превратила меня в другого человека. В последнюю минуту перед посадкой я сказала себе «нет», села на поезд и вернулась в лагерь. Семья встретила меня с любопытством,

они еще не поняли, что к ним приехала другая я. «Ты не заболела?» — спросили они. «Нет, все в порядке, — ответила я. — Просто расхотела возвращаться». Я и сама еще не разобралась. Как тогда объяснить это другим? Кто способен разгадать загадку своего истинного «я»?

Что ж, новая так новая. Старая и в то же время новая. Пытаюсь разобраться, что есть в новой, не совсем уже моей жизни. Весь день мы готовим еду — фиксированное меню для тех, кто заказал полный ужин, принимаем заказы на столики, иногда клиенты не приходят, однако к восьми-девяти вечера кафе обычно заполняется под завязку. Шесть столиков нетрудно обслужить. Все равно что пригласить гостей к себе домой, только вместо друзей здесь чужие люди. Хотя уже не совсем чужие. Можно сказать, знакомые. Кто-то приходит в первый раз, а кто-то уже бывал раньше. Этих мы всегда приветствуем улыбкой, и те, и другие часто заводят между собой разговоры. Швейцарский немецкий такой смешной язык, иногда бывает трудно не улыбаться. Он как звуки средневековой эпохи — стук топора, звон коровьих колокольчиков, гнусавые звуки альпийского рожка, шум камней, скатывающихся с величественных гор. Никакого сравнения с

беглым птичьим клекотом арабского, было бы интересно послушать оба языка в одном помещении, но мы обычно в присутствии посетителей не говорим по-арабски, мы говорим на «верхнем немецком» — хохдойч. Нам отвечают на нем же — четко, с расстановкой. Мне сказали, что они говорят с сильным швейцарским акцентом, да только мои уши его не слышат, я обучалась стандартному немецкому языку. Этим наблюдением поделился турист из Берлина. «В Берлине, — сказал он, — вас бы приняли за швейцарку, вы говорите по-немецки очень хорошо, но со швейцарским акцентом. Если бы не цвет кожи. Ну, вы понимаете, о чем я». Я подтвердила, что понимаю, и улыбнулась.

Нам прибыло не денег (их не хватает), не свободы (мы все еще зарегистрированы как иностранцы), а достоинства. Достоинство, я думаю, такая вещь, которая нужна всем. После элементарных потребностей в пище и крове, как у животных, на первом месте стоит достоинство. Любой, чтобы быть человеком, в нем нуждается и его заслуживает. При этом в мире так много недостойного. Поэтому нам трудно. Мы видим изнанку мира. Достоинство приходит от других людей, оно — во взглядах, в одобрении. Если оно отсутствует,

внутри копится злоба. С этим чувством я хорошо знакома. Злоба способна убивать. Молодые люди, которые что-то взрывают, злы, потому что лишены достоинства. А его можно получить только от других людей — задачка не из простых. То есть ты его, конечно, можешь заслуживать, но дают его только другие. Наши молодые люди злятся, потому что им отказывают в достоинстве, и идут что-нибудь крушить, однако чаще всего крушат шансы собственного народа.

Взять хотя бы китайцев. Китайские туристы рассказывали мне — разумеется, по-английски, — что целых сто лет их угнетали и унижали европейские страны. У них не было достоинства ни в одном уголке мира, даже у себя на родине. Кто бы мог сегодня такое вообразить? Сейчас китайцы — это сила, никто их не критикует. Они добились этого, постояв за себя, а не убивая чужаков без разбора. Убийства — это настолько неправильно, что я не могу даже выразить. Нет, если добиваться успеха, то надо поступать как китайцы. Может быть, Аравия с новым правительством изменится, войны прекратятся, а остаток потерпевших стран пойдут иным путем, заставив весь мир выказывать нам заслуженное уважение. Перемены потребуются во всех сферах,

и проводить их должны молодые.

А тем временем мы вечер за вечером заполняем свое кафе. Я стала другим человеком, причем не в первый раз. Новая личность, которая тут расхаживает, не так уж плоха. К тому же кое-что у швейцарцев достойно восхищения. Они крайне пунктуальны — сначала даже смех разбирал, но что это как не уважение к другому человеку? Тем самым они как бы говорят: мое время такое же драгоценное, как ваше, и я не буду похищать его своим опозданием. Давайте условимся: мы все одинаково важны, поэтому из уважения друг к другу не должно быть никаких опозданий. Однажды все кафе сняла одна группа. По понедельникам у нас обычно выходной, но тут мы решили открыться, чтобы не создавать помехи для постоянных посетителей. Готовим, значит, стандартное меню, ничего сложного, просто все надо сделать как следует. Дочь выглянула за дверь и рассмеялась. «Посмотри, — говорит, — пригласили на восемь, а некоторые пришли без четверти и стоят за дверью, ждут до восьми. Вот увидишь, — она посмотрела на часы, — я права». Ровно в восемь — стук в дверь. Мы встретили гостей улыбками. Наверняка подумали, что мы немного поддали. То же самое на вокзалах. Я

люблю наблюдать за часами на платформе. Перед временем отправления поезда выгляни в окно — и увидишь, что кондуктор тоже высунул голову из окна и смотрит на часы. Как только часы укажут время отправления с точностью до секунды, поезд вздрагивает и начинает движение. В этом вся Швейцария.

Местные жители согласятся нас принять, если нас не будет слишком много. Если будет слишком много, они, ясное дело, занервничают. Мне кажется, этим объясняется реакция Венгрии и других маленьких европейских стран. Да, люди живут там в достатке, но их всего несколько миллионов. Семь миллионов швейцарцев, а среди них — три миллиона иностранцев. Это очень много. Дело не только в национальном духе, но и в языке. В этом, мне кажется, вся суть. Представьте себе, что на всей Земле на вашем языке говорят всего пять миллионов человек. Это меньше населения крупного города. И тут приезжают еще пять миллионов, причем, чтобы понять друг друга, говорят на английском. Очень скоро по-английски заговорят ваши дети и все вокруг, а ваш родной язык потихоньку умрет. Огромная потеря, невосполнимая. Естественно, люди защищают свое наследие. Поэтому важнее всего выучить

язык. Не английский, а местный, родной для тех, кто вас принял. Культура не так важна. Язык — великий объединитель. Если ты говоришь на их языке, как бы ты его ни коверкал, прочитаешь в их лицах желание помочь тебе. Они видят: ты тоже человек, а их язык очень трудный и непонятный, но ты не поленился. Швейцарцы к этому очень хорошо относятся. Языковые курсы бесплатные, к тому же они сами говорят на четырех языках и перемешивают их каждый день. Достаточно проехать по туннелю в деревню на другой стороне горы, и ты услышишь совершенно другой язык! Причудливый немецкий сменяется причудливым французским. Честно говоря, мы говорим по-немецки лучше многих швейцарцев, живущих от нас всего в двадцати километрах. Может, еще поэтому они так терпимы. Они друг друга за это вышучивают.

Когда все на свете начнут шутить друг о друге как швейцарцы, когда все в мире обретут достоинство, все придет в норму. А пока что я, старуха, прожившая почти всю жизнь в лагерях беженцев, могу стоять на улице перед маленьким кафе, наблюдая ранний закат, обычный в этих краях, все в тени уже к трем пополудни. Тенистая деревушка в глубокой выемке между гор, спо-

койная деревушка, сонная деревушка. Что бы ни случилось в прошлом или будущем, настоящее — это сегодняшний день. Еще немного постою и вернусь в дом.

106

В канун поста и карнавала Артур Нолан прислал сообщение. Он успевал вернуться в Цюрих, можно ли составить Мэри компанию?

Да, ответила она. Потом остаток дня вспоминала Артура, гадая, чем обернется его возвращение. Она была рада, что Арт смог приехать. Неужели досрочно прервал тур?

Мэри приехала в Дюбендорф посмотреть на спуск «Небесного клипера» в большом новеньком аэропорту для дирижаблей. Появившись на трапе, Арт заметил Мэри и расцвел. Какой он худой.

Мэри проводила его до кооперативной квартиры. Когда Арт опустил небольшую сумку с вещами на пол, она с любопытством осмотрелась. Здесь раньше жил Фрэнк. Кто его еще помнил? Возможно, кроме нее, больше никто. Или родители, если живы. Смерть сына, должно быть, страшно их огорчила. Ужасно видеть, как душевное заболевание множит мучения, постепенно отрезает людей от мира. Для Фрэнка она сделала все, что могла, они подружились, Мэри его даже по-своему любила. Ничего не поделаешь.

Мэри и Артур поднялись на трамвае до ее дома. Увидев квартиру бывшей министра, Артур рассмеялся. Пройдясь до дальней стены — дальше, чем у нее могло бы получиться, он пошутил, что Мэри сняла квартиру соразмерно его росту.

Они поужинали в соседней траттории. Арт рассказал, куда летал в последнем путешествии: в основном в Среднюю Азию, покружил над отрогами различных горных хребтов, где для животных было настоящее раздолье, был на Кавказе, Памире, Каракоруме, Алтае, Гиндукуше, в Гималаях. Летали к пику Ленина на Памире, Таджикистан почти целиком превратился в дикий заповедник, несовершенный, зато настоящий. Пассажиры видели снежного барса, черномордых лангуров, множество другой живности. Люди населяли эти горные массивы тысячи лет, своим характером этот край напоминал Швейцарию, но отдельные части были так дики и непроходимы, что человеку от них не было никакой пользы. Друзья Арта Тобиас и Джесси помогали создавать «дикий мир антропоцена», играя роль «дикого» крыла «Половины Земли», с ними сотрудничали правительства многих стран, помогая создавать один бескрайний интегрированный заповедник с системой коридоров, местные туземные народы

работали смотрителями или просто жили на этих землях, позволяя природе делать свое дело.

— Здорово! — прокомментировала Мэри. — Туда я бы съездила.

— Правда? Потому как я собираюсь повторить полет.

— Если полечу, то хотела бы побольше времени проводить на земле, — призналась она. — Пожить немного на одном месте, посмотреть, что там происходит.

— Я мог бы высадить тебя, а потом забрать.

— Хорошая мысль.

После ужина Артур обнял ее и направился к остановке трамвая.

На следующий день в Цюрихе проходил карнавал «Фастнахт». В этом году Жирный вторник пришелся на 14 февраля. Арт зашел за Мэри. Открыв дверь, она застала его в комбинезоне из серебристой парчи и красной пластмассовой шляпе. «Ты в этом наряде замерзнешь», — предупредила она. Сама Мэри облачилась в длинную черную накидку и захватила с собой венецианскую полумаску, которую можно было надеть при случае, — прекрасную кошачью морду. Маска мешала смотреть, чтобы носить ее все время, но выглядела превосходно. Мэри надела ее, чтобы

продемонстрировать. «О-о, я обожаю кошек», — выпалил Арт.

— Я знаю. Не хочешь взять напрокат пальто?

— Обойдусь как-нибудь.

Они нырнули в темноту раннего вечера. Как нередко бывало в прошлом, карнавальная ночь выдалась холодной. Воздух совсем остыл, температура упала ниже нуля. На участников карнавала погода оказала странное воздействие, большинство, как и Артур, надели слишком легкие для таких низких температур наряды. Однако швейцарцы закаленный народ по части холодов, Арт, очевидно, был того же десятка. Прогуливаясь под ручку по Рэмиштрассе, они видели людей в юбках из травы, гавайских рубахах с короткими рукавами, в бикини, но также в меховых шубах, мундирах оркестрантов, национальных нарядах разных стран и дешевых имитациях всякого рода кантональных костюмов. Почти все фланирующие прохожие держали в руках какой-нибудь музыкальный инструмент. «Фастнахт» в Цюрихе — музыкальное событие. На каждом углу одна-две группы музыкантов играли для собравшихся зевак. Некоторое время Мэри с Артом слушали группу со стальными барабанами, выстукивавшую зажигательный тринидадский ритм. У них

за спиной в воздух бил фонтан, струи взлетали в такт музыке. Внутренний край фонтана опоясывала полоса из намерзших луковиц льда.

Ниже по Рэмиштрассе они прошли мимо роскошных магазинов с богато украшенными витринами. Надолго задержались перед лавкой альпийских диковин — отполированных камней, жеодов, капов и деревянных кубов. Выкладку оживлял зверинец из чучел альпийских животных. Тут же на стенах были распялены, как произведения искусства, меховые шкуры. Арт, чтобы рассмотреть их, прижался носом к витрине.

— Кто они? — спросила Мэри.

— Трудно сказать. С чучелами все понятно. Это — лиса, это — куница. Насчет шкур не уверен.

— Жалко зверей, а?

— Как сказать. Мертвому животному без разницы, сделают из него чучело или сдерут шкуру. Мне однажды попалась мертвая сова, отлично сохранившаяся, огромный экземпляр, я отвез ее таксидермисту, и он сделал чучело. Прекрасная работа, я держал ее у себя несколько лет.

— Что с ней случилось?

— Не помню. Мне тогда было лет десять.

На следующем углу на свирелях и гитарах игра-

ла группа музыкантов из Анд в красочных серапе. Эти были хотя бы одеты по погоде. Пели почти в унисон, но не на испанском — очевидно на кечуа. Исполнители-профессионалы или, на худой конец, профессиональные уличные музыканты. Мэри с Артуром долго не уходили и слушали — так долго, что Мэри замерзла и потащила Арта в Нидердорф.

Здесь они обнаружили, что на вечер Цюрих выпустил на волю своих львов, от чего, всякий раз встретив новый прайд, Арт радостно вскрикивал. Мэри рассказала все, что вычитала неделю назад в газете: львы сделаны из стеклопластика в натуральную величину, отлиты в десятке, если не больше, разных поз, раскрашены разными группами добровольцев в разные цвета и в 1987 году были расставлены по всему городу в ознаменование двухтысячной годовщины его основания. «Римский Турикум», — вставил Арт. Мэри согласно кивнула. «После торжеств, продолжавшихся целый год, — продолжала она, — большинство львов продали с аукциона». Городские власти на всякий случай оставили пару сотен на складе в автобусном депо. Карнавал в этом году был почему-то объявлен особым, поэтому пара проходила мимо львов, раскрашенных под альпийские луга,

языки пламени, бело-голубой флаг Цюриха, в цвета трамвайных билетов, под зебр и морских змеев, британский флаг (оба сказали «фу!»), в стиле «ар деко», под гранит или кирпич. Арт заметил, что позы львов напоминают геральдические — отдыхающий, восстающий, атакующий, прямо смотрящий, соединенные. А у этого голова срезана по уши.

— Видно, ты в детстве увлекался геральдикой?

— Еще как! Мне тогда казалось, что это наука о животных.

— И Джеральда Даррелла читал?

— Я обожал Джеральда Даррелла. Этот — шествующий, этот — идущий, а этот прыгающий.

Мэри направила Арта к «Каса Бар». Неподалеку от входа в бар он расхохотался при виде группы львов, разрисованных психоделической гаммой «Сержанта Пеппера».

— Ты слышала о французском утописте Шарле Фурье?

— Нет. Расскажи.

— Был такой идеалист. У него имелись последователи во Франции и Америке, они создавали коммуны на основе его идей, в своих книгах он давал подробные описания. Жюлю Верну очень нравились его работы, Фурье негласно повлиял

на взгляды Верна. Для Фурье животные тоже играли большую роль, он говорил, что животный мир соединится с человеческим в одну большую цивилизацию. Он даже писал, что львы будут доставлять людям почту.

— Львы?!

— Именно так. Почту будут доставлять львы!

Они хором рассмеялись. Не в состоянии удержать смех, пара, пошатываясь, подошла к бару.

— Хотела бы я дожить до этих дней. Хоть бы одним глазком посмотреть.

Через порог бара они перевалили, все еще смеясь.

— Напитки будут подавать кенгуру, — предупредила Мэри.

В баре играл домашний джаз-бэнд. Звездой оркестра был кларнетист, выдававший текучие, запутанные, непостижимые уму пассажи. Они заказали кофе по-ирландски, послушали музыку. Под легким нажимом Мэри Арт рассказал новые подробности о любви к животным в своем детстве. Оказалось, что они росли в ста милях друг от друга, но на лето Артур уезжал в деревню, в графство Даун, в ирландской глубинке в то время водилось приличное количество мелкого дикого зверья, за которым без устали гонялся юный Арт.

Допив кофе, они вышли в темноту. В темных, набитых людьми переулках они услышали со стороны Гроссмюнстера звуки органа и пошли на звук — выяснилось, что на берегу реки играл одинокий аккордеонист, сидевший на коробке из бетона и стекла с золоченым львом внутри. «Токката и фуга ре минор» Баха, и все это в исполнении одного человека, жмущего на черные клавиши и растягивающего мехи аккордеона, быстро перебирая пальцами. Идеальные темп, артикуляция, громкость. Мэри не слышала такой блестящей игры даже в исполнении оркестра. После окончания выступления Арт вместе с другими слушателями подошел узнать, кто этот виртуоз. Мэри осталась в стороне, прислушиваясь к какофонии окружающих звуков.

— Русский, — вернувшись, сообщил Артур. — Следующим вечером выступает в «Тонхалле». Пришел даже не репетировать, а так — провести время со всеми. Говорит, в молодости играл в Москве на станциях метро, и это дело ему до сих пор нравится.

— Выжать столько красоты из какой-то гармошки!

— В карнавальную ночь нет ничего невозможного. Давай найдем место, где играют «гуггенму-

зик». Мне нравятся такие оркестры.

— Гуггенмузик?

— Чисто швейцарская заморочка. В карнавальную ночь положено сходить с ума, эквивалент сумасшествия для швейцарцев — дудеть в валторну не в такт.

Они опять залились смехом. Перейдя через Лиммат по мосту Мюнстербрюкке, углубились в сеть маленьких старых улочек между рекой и Банхофштрассе. Кондитерская в карнавальную ночь была открыта, Мэри купила Арту сухую апельсиновую дольку в шоколаде. Оркестры играли на каждом углу — квинтеты саксофонистов, западноафриканский поп, ансамбль танго. Наконец они нашли площадь с «гуггенмузик» — и действительно, духовые оркестры играли не в такт, все одновременно, но разные мелодии. Сутолока, восторженный рев, цюрихцы в костюмах с покрасневшими от холода лицами. Настоящий мороз. Группа с альпийскими горнами дула в трубы разной длины, обогащая палитру звуков, благодаря чему «Фанфары для простого человека» Копленда звучали вполне сносно. С другой стороны, финал «Апассионаты» Бетховена, адаптированный для альпийского рога, оказался инструменту не по зубам — получился настоя-

щий «гуггенмузик», громкий беспорядочный рев всех труб сразу. Толпа похлопала и рассосалась, Мэри с Артом тоже побрели дальше. Остановившись еще пару раз и послушав другие оркестры, они укрылись в «Цойгхаускеллер» и заказали крем-брюле и кафи-фертиг.

— Люблю смесь кофе с алкоголем, — призналась Мэри.

— Согревает.

Группа мужчин, одетая американскими чирлидершами, ворвалась в большой зал и вскочила на столы. Хотя их сопровождал обычный швейцарский оркестр, группа маршировала под песни из Америки — наверняка Филипа Соусы. Швейцарские музыкальные инструменты плохо подходили для этой задачи, мужчины в женских костюмах плясали канкан невпопад, но их все равно поддерживали криками, это тоже была гугген-музыка и гугген-пляска. Усатые банковские служащие в клетчатых юбках и свитерах из кашемира, взявшиеся под локти и выбрасывающие ноги на опасную высоту, — слишком абсурдное зрелище, чтобы его не поддержать. Арт прокричал на ухо Мэри, что эта сцена — характерный показатель; когда степенная культура вроде швейцарской, наконец, сбрасывает оцепе-

нение, то в итоге становится необузданнее, чем изначально раскованные культуры. Своего рода выпуск пара. Пар выходит под давлением через маленькое отверстие.

— Размером с мундштук валторны, — пошутила Мэри.

— Точно!

— Я и сама такая, — вырвалось у Мэри.

— И я тоже! — во весь рот улыбнулся Арт.

— Давай уйдем отсюда, пока они себе что-нибудь не вывихнули.

— Неплохая мысль.

Они бродили по людным улицам. В открытые двери «Тонхалле» лилась музыка, городской оркестр доканчивал вторую симфонию Брамса с тромбонами в авангарде. Гугген-музыка Брамса — самая лучшая из всех. После этого оркестр собирался зарядить пятую Бетховена, вечер не обещал быть спокойным.

В полночь на озере ожидался фейерверк.

«Как люди после фейерверка попадут домой? — подумала Мэри. — Трамваи перестают ходить в полночь даже в праздничные дни».

— Дойдем до твоей квартиры пешком?

— Почему бы и нет. Немного подрастратим энергию.

— Заодно согреемся.

Они медленно продвигались по улицам и переулкам, ведущим к озеру. Струнный квартет наигрывал что-то из Лигети, а может, Штокхаузена, очаровав толпу, за исключением одиночек, которые пытались передразнивать звуки или выкрикивали ругательства. Пробегавший мимо клоун сунул в руки Мэри и Артура цуг-флейты: ей — маленькую, писклявую, ему — побольше, басовитую. Арт остановил спутницу перед парой зелено-оранжевых львов.

— Вырастающий, смотрящий впрям, — прокомментировал Арт. — Под цвет ирландского флага. Можно встать на одного из них, устроить свой оркестр и сыграть «Раглан-роуд». Гэльское название песни, — сказал Арт, прежде чем они начали, — «На заре нового дня».

— Очень к месту, — ответила Мэри, пытаясь сосредоточиться на мелодии.

Цуг-флейта незатейливый, но нелегкий инструмент, Мэри играла на нем в детстве. Каждый микрометровый шаг поршня заметно изменял высоту звука, верную ноту взять не было никакой возможности, в середине ноты приходилось вносить маленькие поправки, так что процесс вполне тянул на гугген-музыку. Вероятно, точно

так же дело обстояло с тромбонами, не зря их столько играло не в такт в этот вечер — отсутствие практики как вынужденная добродетель. Арт успешно выводил мелодию на своем свистке покрупнее, Мэри изо всех сил подстраивалась, некоторые прохожие останавливались и слушали. Мэри вдруг поняла: прохожие останавливались, потому что в этот вечер ни один музыкант не заслуживал остаться без аудитории. Это ее настолько тронуло, что Мэри чуть не пустила слезу, она сильнее дунула в маленький свисток, заставив его звучать почти настоящим дискантом. Слезливая ирландская баллада, без которой не обходится день Св. Патрика: ноябрьским днем на Раглан-роуд я увидел ее и сразу понял… Когда они закончили, Мэри потащила Арта прочь, приговаривая: «Пошли. Мы этими пищалками им все уши просверлим». Он только смеялся в ответ.

Много было бывших школьных оркестров, собравшихся вновь: люди достали из кладовок инструменты и пиджаки и с радостью погрузились в мир песен их юности.

— Швейцарцы никогда не расстаются с музыкой, — прокричал Арт, заглушая шум, — все учатся играть еще в школе, а даже если потом бросают, есть такие вечера, как сегодняшний,

чтобы вспомнить.

Мэри кивнула, озираясь по сторонам. Лица музыкантов раскраснелись и сияли восторгом совместной игры. Музыка как игрушка для взрослых.

Звуки разных оркестров накладывались друг на друга, что, похоже, не мешало музыкантам, а если и мешало, то зрители воспринимали это как часть зрелища. Чем ближе к озеру, тем гуще становилась толпа, главные события происходили на берегу. Здесь нередко с одного места можно было услышать три мотива сразу, а то и больше.

— Настоящая какофония! — выкрикнула Мэри.

— Полифония! — крикнул в ответ Арт.

Мэри с улыбкой кивнула.

Приближалась полночь. Скоро наступит Пепельная среда с ее воздержанием и постом. А сейчас можно пускаться во все тяжкие. Жирный вторник. Похлеще новогодней ночи — всем раскрепоститься. Конец зимы не за горами, пусть еще не весна, но хотя бы обещание весны. Весна обязательно настанет. Это чувство и задавало тон карнавальной ночи.

Мэри и Арт спустились к озеру, к летней купальне. Мэри вспомнила большую конференцию во дворце конгрессов, гордиев узел мировых дел

и тут же подумала: «Нет, не сейчас». Она всю жизнь пыталась распутать этот узел, а удалось выдернуть лишь пару веревочек, большой узел так и остался нераспутанным, несмотря на многолетние непрестанные усилия. От этой мысли повеяло холодом. Мэри схватила Арта за руку и повела к небольшому парку со статуей Ганимеда и орла.

— Ты ее раньше видел?

— Статую-то? Конечно. Вот только кем был Ганимед, я толком не помню. И птица тут при чем?

— Это своеобразная загадка. Якобы Ганимед встретился с Зевсом, и Зевс явился в облике орла. Посмотри на него. Как ты думаешь, что он говорит орлу? В чем здесь смысл?

Арт немного подумал. Обнаженный бронзовый юноша, руки вытянуты, твердо стоит на ногах, одна рука поднята вверх и отведена назад, вторая — опущена вниз и протянута вперед, словно он что-то предлагал птице — жест соколятника. Да только орел ростом почти до пояса человека.

— Крупная птичка, — оценил Арт. — И у нее что-то не в порядке с крыльями.

— Это — феникс, — внезапно догадалась Мэри. — Может быть, это феникс.

— Человек отдает ему свою жизнь, — подумал

вслух Арт.

— Не знаю, — промолвила Мэри. — До меня смысл не доходит.

— Он что-то явно предлагает. Это жест дарящего. Он — это мы, правильно? То есть он, как и мы, отдает мир животным!

— Может быть.

Ганимед определенно что-то говорил орлу. Что мы обретем величие или хотя бы перестанем быть серостью. Что мы практически не изменились — все те же дети-вундеркинды. Что у нас нет другого дома. Что мы справимся, каких бы глупостей ни натворили. Что все пары не похожи друг на друга. Что единственная катастрофа, от которой невозможно оправиться, — это вымирание. Что мы можем превратить Землю в благое место. Что люди способны взять судьбу в свои руки. Что судьба — пустая выдумка.

Черная гладь озера тянулась до далеких холмов, Передних Альп. Над головой — черное небо с россыпью звезд. Орион, зимнее божество, — звездный двойник Ганимеда.

— Смысл должен быть, — повторила Мэри.

— Должен?

— Я думаю, да.

— Вон там запад и Юпитер, — Арт указал на

самую яркую звезду. — Если большая птица — это Зевс, то прилетел он именно оттуда, правильно?

— Наверное.

Она попыталась увязать эту мысль с клокочущим шумом толпы, наслоением разных мелодий, озером, небом — нет, мир слишком велик. Мэри упрямо постаралась проникнуться этим чувством, ощутить внутри себя воздушный шар мира, океаны облаков в груди, этот город, его жителей, своего друга, Альпы, будущее — чересчур всего много. Она крепко сжала руку Арта. «Мы не остановимся, — мысленно сказала она ему, а вместе с ним — всем, кого знала сейчас или в прошлом, все эти люди переплелись в ее душе в один узел, живые и мертвые. — Мы не остановимся, — заверила их Мэри, но больше всех — себя. — Нас ничто не остановит, ничто, потому что никакой судьбы нет в природе, и наш конец никогда не настанет».

Выражения признательности

Благодарю за щедрую помощь:

Тома Атанасиу, Юргена Артцгендорфера, Эрика Берлоу, Терри Биссона, Михаэля Блумляйна (посмертно), Дика Брайана, Федерику Каругати, Эйми Чан, Делтона Чена, Джошуа Кловера, Ойсин Фаган, Бэннинга Гаррета, Лори Гловера, Дэна Глюзенкампа, Хилари Гордон, Кейси Хендмера, Фритца Хайдорна, Юрга Уане (посмертно), Тима Холмана, Джо Холтца, Арлен Хопкинс, Дрю Килинг, Кимона Керамидаса, Джонатана Летема, Маргарет Леви, Роберта Маркли, Тобиаса Менели, Ашвина Джекоба Мэтью, Криса Маккея, Колина Милберна, Мигуэля Ногуэса, Лайзу Ноуэлл, Оскара Пфеннингера (посмертно), Кавиту Филипс, Армандо Кинтеро, Картера Шольца, Марка Шварца, Анасуя Сенгупта, Славека Тулачика, Хосе Луиса де Висенте и К. Ю. Вонга.